Археографический ежегодник

М. Н. Тихомиров

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

за 1962 год

(к 70-летию академика М. Н. Тихомирова)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1963

Ответственный редактор тома
член-корреспондент АН СССР В. И. ШУНКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Археографический ежегодник за 1962 год» посвящается выдающемуся советскому ученому-историку академику Михаилу Николаевичу Тихомирову в связи с днем его семидесятилетия.

В лице академика М. Н. Тихомирова советская историческая наука имеет крупнейшего исследователя самых разнообразных проблем истории, имеющих важнейшее научное значение. Обладая огромной эрудицией и неистощимым талантом, М. Н. Тихомиров создал большое количество работ, многие из которых вошли в золотой фонд советской исторической науки. Это в первую очередь такие фундаментальные труды, как «Исследование о Русской Правде», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», «Древняя Москва» и «Средневековая Москва», «Присоединение Мерва к России», «Россия в XVI столетии» и другие.

Исключительно большое значение имеет работа академика М. Н. Тихомирова в области специальных исторических дисциплин, и прежде всего источниковедения. Михаил Николаевич — глубокий знаток и тонкий исследователь исторических источников, многие из которых он впервые сделал достоянием исторической науки. Благодаря энергичной организаторской работе М. Н. Тихомирова возобновилось издание Полного собрания русских летописей — этого выдающегося памятника русской культуры.

Руководя Археографической комиссией при Отделении исторических наук, Михаил Николаевич осуществил немало ценных начинаний по сплочению усилий в организации изучения и издания исторических памятников.

Имя М. Н. Тихомирова хорошо известно как в нашей стране, так и за ее пределами, где он пользуется всеобщим признанием.

Более четверти века академик М. Н. Тихомиров отдал педагогической деятельности на историческом факультете МГУ. Его многочисленные ученики, среди которых свыше двух десятков кандидатов и докторов исторических наук, работают в различных уголках нашей страны: Москве и Киеве, Тбилиси и Ереване, Фрунзе и Ростове, Казани и многих других городах.

В работах М. Н. Тихомирова замечательно сочетается глубина исследования с большой широтой и многообразием проблем; их тематика охваты-

вает периоды от самых древних времен до конца XIX в. Вся научная и педагогическая деятельность Михаила Николаевича — достойный пример самоотверженного трудолюбия и большой любви к Родине.

Авторы и составители настоящего «Ежегодника» поздравляют Михаила Николаевича Тихомирова с днем рождения и желают ему долгих лет жизни и многих творческих радостей.

* * *

«Археографический ежегодник за 1962 год» издается в том же составе, что и пять предыдущих выпусков (за 1957, 1958, 1959, 1960 и 1961 гг.). В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие: Ю. О. Бем, В. Б. Павлов-Сильванский, Н. А. Саморукова, И. Е. Тамм, Б. Н. Флоря, Н. Б. Шеламанова. Общее наблюдение над изданием вела Н. А. Долдобанова.

Том выходил под редакцией А. А. Зимина.

С. Н. Валк

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

В нашей исторической литературе накопилось много разнообразных толкований понятия «археография». Под «археографией» понималось и разыскание материалов, и их описание, и их издание, и рассмотрение чисто теоретических вопросов. Причем иногда археографию считали как раз только теоретической дисциплиной. В своей археографической деятельности М. Н. Тихомиров совмещает все стороны этого понятия.

В то время, когда М. Н. Тихомиров делал свои первые шаги в области археографии, появилась брошюра В. Д. Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы», в которой говорилось о необходимости «разъяснять везде и всюду широким массам о ценности и важности сохранения архивов», дабы впоследствии, в случае их гибели, «никто не мог попрекнуть нас в непоправимой ошибке, равной жестокой исторической беде» [1]. И вот, оказавшись в 1919—1923 гг. в Самаре, М. Н. Тихомиров принимает участие в спасении архивов, брошенных их бывшими владельцами. Такое ценнейшее собрание, как семейный архив Аксаковых, оставшийся в с. Надеждине, а также архивы Иргизских монастырей были им вывезены в Самару. Надо сказать, что задачи сохранения архивных материалов, столь волновавшие советских историков на заре их деятельности, неоднократно вставали перед ними и впоследствии. Именно в послевоенные годы наши историки усиленно призывали разыскивать уцелевшие, но еще не получившие известности старинные рукописи. Одним из первых призывов явилось обращение М. Н. Тихомирова. В 1948 г. М. Н. Тихомиров писал, что «русское письменное наследие обширно и замечательно», но «положение с охраной рукописей нетерпимо», что «время не терпит» и необходимо «спешно организовать новую археографическую экспедицию для собирания рукописей у населения» [2]. Одной из задач учрежденной по инициативе М. Н. Тихомирова Археографической комиссии явился также сбор рукописей, сохранившихся в разных частях нашей страны. Надо надеяться, что это дело, которое одновременно охватило и другие учреждения, поможет спасению быстро погибающих в водовороте событий, но все же еще сохранившихся памятников древнерусской письменности.

Разыскание рукописей с давних пор связано с их описанием. Об этом никогда не забывал и М. Н. Тихомиров. Побывав с экспедицией студентов в Каргополе, М. Н. Тихомиров издал описание обнаруженных им там рукописей [3]. В прекрасно знакомом ему Новгороде М. Н. Тихомиров

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Сохраняйте архивы. М., 1920.

[2] М. Н. Тихомиров. Письмо в редакцию. «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 159.

[3] Его же. Каргопольские рукописи. Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ), т. XI, М.— Л., 1955, стр. 480—486.

обратил внимание на имеющееся там небольшое собрание рукописей и описал его [4].

Самой важной из этих работ было описание рукописей б. Синодального собрания в Историческом музее [5].

Итог своих многолетних работ по разысканию и описанию летописных произведений М. Н. Тихомиров подвел в работе «Краткие заметки о летописных собраниях Москвы». В собраниях Государственного исторического музея, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Центрального государственного архива древних актов М. Н. Тихомиров обнаружил и описал 150 рукописей, содержащих летописные произведения. Подавляющее большинство их впервые введено в научный оборот. Этим определяется общее направление «Кратких заметок». Описание не только дает полное представление о составе описываемых рукописей, но и отмечает то, что существенно в них для использования при историческом изучении. В приложении к описаниям М. Н. Тихомиров привел полностью отрывок о крещении Руси (из сборника Уваровского собрания, № 18), имеющий, как отмечает ученый, «значительные отличия от изданных текстов» [6].

Работа М. Н. Тихомирова в б. Синодальном собрании Исторического музея началась еще в 20-х годах. Среди неисчерпаемых богатств собрания М. Н. Тихомиров сделал ряд существенных открытий, прежде всего в области летописания и древнерусской повествовательной литературы. Точное представление о составе этого рода источников М. Н. Тихомиров дал в упомянутом описании летописных памятников, где впервые приводятся сведения о всех рукописях летописного типа в б. Синодальном собрании. М. Н. Тихомиров привел подробное содержание каждой рукописи, а также данные, относящиеся к использованию их в печати, причем для произведений, уже известных по другим опубликованным рукописям, отмечены особенности, свойственные Синодальной рукописи.

В прежних исторических и историко-литературных изданиях, наряду с плодотворнейшим использованием больших летописных произведений (Полного собрания русских летописей и даже более ранних изданий XVIII и начала XIX в.) оказались совсем упущенными из виду небольшие литературные памятники, теперь получившие название кратких летописцев. Конечно, их общее научное значение никак нельзя сравнить с упомянутыми выше крупными летописными сочинениями. Однако именно в этих записях, разбросанных иногда совершенно случайно по древнерусским сборникам и книгам, записях, которые поэтому трудно обнаружить, встречается ряд сведений, иногда ярко освещающих тот или другой исторический момент. Один из таких летописцев, изданных М. Н. Тихомировым, содержит повесть о разорении Тохтамышем Москвы в 1382 г.; только в этой версии повести сохранилось известие о бегстве из Москвы в тот момент митрополита Киприана, изъятое, как полагает М. Н. Тихомиров, при позднейших ее обработках [7]. Владимирский летописец приводит (под 1504 г.) поименный перечень гостей — новгородцев, переведенных на жительство в Москву [8].

Другие «летописцы», изданные М. Н. Тихомировым, относятся к временам Василия III и Ивана Грозного. В одном из них мы находим существенные сведения для характеристики Василия III в благоприятном для

[4] М. Н. Тихомиров. Рукописи Новгородского исторического музея. «Новгородский исторический сборник», вып. 5, 1939. Новгород, стр. 18—32.

[5] Его же. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. «Исторические записки», № 13, 1942, стр. 256—283.

[6] Его же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

[7] Его же. Малоизвестные летописные памятники. «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 211—217.

[8] Его же. Из «Владимирского летописца». «Исторические записки», № 15, 1945, стр. 278—300.

него освещении (его развод с Соломонидой и брак с Еленой Глинской) [9], в другом — вышедшую из митрополичьего круга версию, как в 1523 г. был пойман и посажен в поруб Василий Шемячич [10]. Вологодский летописец дает сведения по истории опричнины. В одном «летописном» сборнике мы находим целую повесть о кн. Андрее Ивановиче Старицком «егда бысть гоним гневом божиим» [11]. Существенные данные для исторической географии XVI в. содержатся в летописном отрывке начала XVII в. [12] Интересен также обнаруженный М. Н. Тихомировым в Псалтыри конца XV в. (Уваровского собрания) летописец, в котором встречаются уже наименования «Россия» и «Российская земля» [13].

Наряду с работой над краткими летописцами М. Н. Тихомиров поставил ряд вопросов, связанных с судьбой нашего основного — уже в течение ста с лишним лет — издания летописей — «Полного собрания русских летописей». В первые послереволюционные годы это громадное археографическое предприятие ограничивалось лишь допечаткой начатых еще до революции томов «Полного собрания русских летописей». Казалось нечего было и думать о каком-либо продолжении прежних работ над этой серией. Новые задачи, поставленные в то время перед исторической наукой, обратили внимание историков на изучение совсем не затронутой до революции области новейшей истории.

В 1928 г. М. Н. Тихомиров обнаружил в Уваровском собрании рукопись, которая впоследствии была издана в виде первого советского тома возобновленного продолжения «Полного собрания русских летописей». Еще в 1904 г. А. А. Шахматов напечатал исследование, в котором подверг изучению один из сборников тогдашнего Московского главного архива Министерства иностранных дел [теперь — составная часть Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА)], поступивший туда еще в конце XVIII в. через посредство Н. Н. Бантыш-Каменского, который в свою очередь получил его от близкого родственника кн. С. Д. Кантемира. Сборник был озаглавлен — «Летописец Ростовский». На самом же деле он представлял собой обширный летописный свод, составленный в Новгороде в 40-х годах XVI в. А. А. Шахматов предположительно установил, что одним из источников этого новгородского свода должен был быть не дошедший до нас Московский свод, оканчивающийся изложением событий 1479 г. [14] Предположения А. А. Шахматова блестяще оправдались, когда им была действительно найдена среди рукописей Эрмитажного собрания Публичной библиотеки рукопись, носившая название «Летописец Новгородской», но на самом деле содержащая именно этот свод 1479 г. в своем почти первоначальном виде. Но эрмитажная рукопись оказалась поздней копией XVIII в., по определению А. А. Шахматова — «поздним и весьма неисправным списком». Список же, обнаруженный, как уже указывалось, М. Н. Тихомировым в 1928 г., оказался списком того же Московского свода 1479 г., но очень ранним — первой половины XVI в. Ценность этого списка повышалась еще и в связи с тем, что он оказался черновым и дал поэтому М. Н. Тихомирову возможность бесспорно определить его отношение к позднейшей Воскресенской летописи. Сам летописный свод 1479 г. оказался ценнейшим историческим источником, особенно последняя его часть, охватывающая драматические события борьбы Москвы и Новгорода и излагающая их с исключительною подробностью и точностью. В Уваровской

[9] Его же. Новый памятник московской политической литературы XVI в. «Московский край в его прошлом», ч. II, М., 1930, стр. 105—114.

[10] Его же. Из «Владимирского летописца», стр. 278—300.

[11] Его же. Малоизвестные летописные памятники. «Исторические записки», № 10, 1941, стр. 84—87.

[12] Там же, стр. 93—44.

[13] Его же. О происхождении названия Россия. «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 94.

[14] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

рукописи оказались позднейшие (до 1492 г.) приписки, поэтому М. Н. Тихомиров издал Уваровский список (приняв во внимание, конечно, и Эрмитажный под названием «Московского летописного свода конца XV в.»). Издание это составило 25 том «Полного собрания русских летописей» [15].

В 1940 г. появилась статья М. Н. Тихомирова о Вологодско-Пермской летописи [16]. Эта летопись была известна еще со времени выхода в свет «Истории государства Российского» М. Н. Карамзина, ссылавшегося на нее в своих примечаниях. Обратил внимание на эту летопись также А. А. Шахматов, называвший ее Великопермскою и изучавший ее в связи с исследованием тогда неизданной еще и только теперь вышедшей в свет Никаноровской летописи [17]. Обнаружив в собрании Черткова, хранящемся в Историческом музее, еще один, неизвестный ранее список этой летописи, в котором наряду с сокращениями оказался все же ряд новых, по сравнению с тремя известными Шахматову списками, чтений, М. Н. Тихомиров подверг в своей статье изучению состав и происхождение этой Вологодско-Пермской летописи. В итоге М. Н. Тихомиров сделал вывод о том, что при дворе пермского епископа Филофея (конец XV — начало XVI в.) был составлен общерусский летописный свод (собственно Вологодско-Пермская летопись), впоследствии дополнявшийся известиями до 1539 г., и что «эта летопись крайне интересна не только со стороны содержания, но и по истории своего возникновения». Это говорило о необходимости опубликования никогда еще не издававшейся Вологодско-Пермской летописи, которая и была издана М. Н. Тихомировым как 26 том «Полного собрания русских летописей» [18].

Мы забежали несколько вперед, говоря не только о работах М. Н. Тихомирова над рукописями, но и об издании летописей. Первое было в известной мере делом ученых интересов, личных трудов и усилий самого М. Н. Тихомирова. Второе могло быть осуществлено только при содействии какого-либо учреждения. Уже в середине 30-х годов обозначился поворот в исторической науке: вновь на очередь было поставлено изучение ранних периодов истории СССР. Вместе с тем не мог не быть поднят вопрос и об издании летописей. Начал появляться ряд публикаций, включавших то псковские, то новгородские (А. Н. Насонов), то устюжскую (К. Н. Сербина) летописи. М. Н. Тихомировым в 1948 г. была составлена записка с планом возобновления «Полного собрания русских летописей». Записка эта тогда не получила дальнейшего движения. Однако в то же время, как уже было сказано выше, подготовляемые М. Н. Тихомировым летописи публиковались им не в виде самостоятельных отдельных томов, а как продолжение оборвавшегося на XXIV томе «Полного собрания русских летописей». Тем самым без излишних споров уже в 1949 г., когда вышел в свет подготовленный М. Н. Тихомировым к печати «Московский летописный свод конца XV в.» как 25 том «Полного собрания русских летописей», знаменитая серия, начавшая выходить еще в 1841 г., вновь возродилась.

В 50-х годах вопросы издания летописей не переставали быть предметом обсуждения, разысканий, планов и работ, которые велись главным образом в секторе публикации источников Института истории Академии наук СССР. Наконец, здесь в 1957 г. была образована особая летописная группа, которая в 1959 г. выделилась из сектора публикации источников в самостоятельную группу по изданию «Полного собрания русских летописей». Ее руководителем стал М. Н. Тихомиров.

---

[15] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXV. М.— Л., 1949.
[16] М. Н. **Тихомиров.** О Вологодско-Пермской летописи. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940, стр. 225—244.
[17] ПСРЛ, т. 27. М., 1962.
[18] ПСРЛ, т. 26. М., 1960

Свои взгляды на задачи издания и изучения древнерусских летописей М. Н. Тихомиров изложил в особой статье. Указав на значение работ А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, а затем на работы советских исследователей Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, К. Н. Сербиной, Л. В. Черепнина и др., М. Н. Тихомиров пришел к заключению, что «в области исследования летописей в советское время достигнуты большие успехи». «Значительно хуже,— отметил далее ученый,— дело обстоит с изданием летописей и выявлением их списков»[19]. Перечислив приведенные выше издания А. Н. Насонова и К. Н. Сербиной, издание реконструированной М. Д. Приселковым Троицкой летописи, сгоревшей в 1812 г., а также указав на возобновление издания «Полного собрания русских летописей», М. Н. Тихомиров коснулся того, «какие летописи и как надо издавать». Первый из этих вопросов в какой-то степени был уже решен рядом начатых и предположенных изданий. Вопрос же о приемах издания, как отметил М. Н. Тихомиров, вызывал много разногласий, так как при издании древнерусских памятников, особенно летописей, скрещиваются интересы историков, историков литературы и историков-языковедов. Историков часто упрекают в том, что памятники, подготовленные ими к печати в соответствии с их приемами издания, непригодны для пользования. Историки, в свою очередь, выражали недовольство подготовкой к печати летописей лингвистами. Например, такой замечательный исследователь летописей, как М. Д. Приселков, упрекал Е. Ф. Карского в том, что он подошел в своем издании «к тексту Лаврентьевской летописи только как к памятнику языка и письма» и, повторив план прежних изданий, «привнес от себя, к сожалению, лишь затруднение для историков в деле пользования этим текстом в этом новом издании, так как текст здесь воспроизведен кириллицей и даже с сохранением славянских (буквенных) цифр»[20].

М. Н. Тихомиров в излагаемой нами статье отметил «на первый взгляд» полную основательность мнения о «наибольшем приближении издаваемого текста к подлиннику», «так как основная цель издания всякого источника состоит в том, чтобы возможно точнее передать подлинник». М. Н. Тихомиров отметил все те трудности, из-за которых «практически такое требование не всегда осуществимо средствами современной печати». Даже если попытаться применить все доступные для достижения этой цели средства печати, то, по вполне справедливому суждению М. Н. Тихомирова, «подобные издания превращаются в своего рода тайнопись, и понятны лишь немногим специалистам, а подлинника заменить они все равно не могут»[21].

Однако, как указывает М. Н. Тихомиров, создавшийся и неразрешимый, как казалось бы, тупик становится теперь «анахронизмом» благодаря развитию техники воспроизведения рукописей. Сравнительная дешевизна новых способов издания позволяет все чаще предпринимать одновременное издание и точное воспроизведение рукописи памятника и его научное, сравнительно упрощенное в отношении графики, печатное издание. Далее мы увидим, как воспользовался М. Н. Тихомиров намеченным в этой статье приемом для издания древнерусских юридических памятников и какое значение это имеет для издания и изучения древнерусских исторических памятников.

В этой же статье М. Н. Тихомиров наметил в числе прочих задачу фотомеханического воспроизведения некоторых старых томов «Полного собрания русских летописей». Таков, например, II том, включающий настольную книгу для всякого занимающегося историей древней Руси —

[19] М. Н. Тихомиров. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. «Вестник Академии наук СССР», 1960, № 8, стр. 72.

[20] М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 19, 1939, стр. 183.

[21] М. Н. Тихомиров. Русские летописи..., стр. 72, 73.

Ипатьевскую летопись. Этот том издан в 1908 г. с исключительною филологической тщательностью А. А. Шахматовым. Такова и столь же важная Лаврентьевская летопись, составляющая I том «Полного собрания русских летописей», которую издал Е. Ф. Карский, во всем стараясь следовать за А. А. Шахматовым. Нельзя не приветствовать и предложенного М. Н. Тихомировым фотомеханического воспроизведения IX—XIV томов, включающих Никоновскую летопись; они стали библиографической редкостью еще в дореволюционные годы [22].

К работе М. Н. Тихомирова, связанной с изданием летописных памятников, тесно примыкают и издания другого рода памятников повествовательной же литературы. Самое интересное и важное из открытий, а затем и изданий подобных памятников связано с пополнением наших источников по истории восстания Ивана Болотникова. «Сказание», обнаруженное М. Н. Тихомировым, сразу же было оценено исследователем этого восстания И. И. Смирновым как содержащее «ценнейшие данные по истории восстания». Оно написано, по определению М. Н. Тихомирова, ярым врагом восставших, для которого они были «звероподобными воями». Однако «Сказание» сообщает, как отметил И. И. Смирнов, «наиболее полные и подробные» сведения о размерах войск Болотникова, характеризует «наиболее обстоятельно» тактику воевод Василия Шуйского и другие, столь же существенные для истории восстания моменты [23].

М. Н. Тихомиров разыскал также в библиотеке б. Кирилло-Белозерского монастыря новый список для такого, казалось бы, археографически уже обследованного памятника, как Слово Даниила Заточника. Рукопись и по названию («Написание»), и по содержанию имеет, как определил М. Н. Тихомиров, «очень большие отличия» от известных нам списков Слова. Изучение нового списка дало возможность М. Н. Тихомирову выдвинуть существенную для все еще спорного понимания происхождения и значения Слова «рабочую гипотезу», что этот список «ближе всего» к первоначальному произведению Даниила Заточника и что сам Даниил был ремесленником-серебряником, попавшим в беду за кражу [24].

Среди других находок и изданий повествовательного типа отметим еще включенную в Милютинские четьи минеи XVII в. «Повесть о свершении большие церкви Никитинского монастыря», где в прибавлениях к житию Никиты Переяславского оказались данные для характеристики положения в Русском государстве накануне опричнины; отсюда же, в частности, становится ясным образ второй жены Ивана Грозного — Марии Темрюковны [25].

М. Н. Тихомиров обратил внимание на записи, которые имеются на рукописях XIV—XVII вв. в собрании Чудова монастыря; записи подобного рода, как справедливо отмечает М. Н. Тихомиров, «принадлежат к числу ценных и в то же время малоизвестных исторических источников», при всем их несомненном интересе для общей истории и истории древнерусской культуры, истории языка и литературы. М. Н. Тихомиров издал свыше 150 таких записей; в значительном большинстве они точно датированы, что, несомненно, увеличивает их ценность [26].

Наконец, М. Н. Тихомиров принял ближайшее участие в большом издании повестей о Куликовской битве. Он подготовил к печати Сказание о Мамаевом побоище в летописной редакции (по Вологодско-Пермской

[22] По инициативе академика М. Н. Тихомирова «Лаврентьевская летопись» и «Ипатьевская летопись» переизданы Издательством восточной литературы АН СССР (М., 1962).

[23] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI. М.— Л., 1954, стр. 81—130.

[24] Его же. «Написание» Даниила Заточника. ТОДРЛ, т. X, М.— Л., 1954, стр. 269—279.

[25] Его же. Новый материал об Иване Грозном, ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 247—255.

[26] Его же. Записи XIV—XVI вв. на рукописях Чудова монастыря. «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 11—36.

летописи) и по тексту Забелинского списка. Помимо переводов и примечаний, М. Н. Тихомиров снабдил это издание своей статьей о Куликовской битве 1380 г.[27]

С Русской Правдой связан целый цикл работ М. Н. Тихомирова. Оценить их правильно можно учитывая то обстоятельство, что после труда Н. В. Калачова, вышедшего в свет еще в 1846 г., мы не имели ни одного другого исследования, которое охватило бы всесторонне изучение рукописей Русской Правды, и на основе этого изучения сделало бы опыт целостного разрешения вопросов, необходимых для издания и исследования Русской Правды. Отчасти это забвение Русской Правды в дореволюционной литературе объяснялось тем, что в те годы, как писал об этом не без горечи А. Е. Пресняков, интерес к изучению Киевской Руси чрезвычайно ослабел. В советское время изучение Русской Правды получило совсем новое направление. Интерес к Русской Правде не только возрос, но стали возможны и обширные розыски новых, ранее еще не введенных в оборот ее рукописей. Почти одновременно, еще в конце 20-х годов, были начаты работы над новым изданием Русской Правды двумя академиями наук — СССР и УССР. Но Институт истории Академии наук СССР только в середине 30-х годов приступил к подготовке своего издания. М. Н. Тихомиров принял тогда ближайшее участие в этих работах. В распоряжении Института истории оказался уже проделанный В. П. Любимовым труд по новой им установленной классификации списков Русской Правды. Но и сам В. П. Любимов считал свою работу в этот момент лишь «предварительными соображениями о классификации» списков Русской Правды; так это было и на самом деле. При подготовке к печати текстов Русской Правды предстояло еще очень многое сделать в смысле дальнейшего розыска списков и установления их взаимоотношений. Всего было разыскано более ста списков Русской Правды. После исключения излишних для издания списков (копий и др.) осталось 88 списков, которые и надо было использовать при издании. На долю М. Н. Тихомирова пришлась работа над значительной частью списков. Из отмеченных 88 списков М. Н. Тихомировым частью единолично, частью в сотрудничестве с Г. Л. Гейермансом и Н. Ф. Лавровым был подготовлен к печати 51[28].

В июне 1937 г. состоялось сравнительно широкое совещание для окончательного разрешения вопросов, связанных с изданием Русской Правды. М. Н. Тихомиров выступил с целым рядом своих соображений, связанных с классификацией списков, в частности о взаимоотношениях Розенкампфского и Ферапонтовского видов (изводов), о списках Карамзинской и Пушкинской групп, о месте и значении Сокращенной Правды, наконец, о самих приемах издания. В заключительном слове академик Б. Д. Греков отметил, что М. Н. Тихомиров «входил в самое существо дела; он своею критикой проверил все наши положения; он участвовал во всей работе, так сказать, до корней»[29].

И до совещания, и в ходе обсуждения основных вопросов на самом совещании стало ясно, что в ведущихся работах существует наиболее серьезный пробел для всей работы по изданию Русской Правды. Он обусловлен характером классификации списков, предложенной В. П. Любимовым и положенной в основу всех производимых подготовительных к изданию работ. Строя свою схему классификации списков Русской Правды, В. П. Любимов сознательно ограничил задачи и значение своей работы. Он полагал, что задачей его является установить «генеалогическую связь» между «группами» списков и подчиненными этим группам «видами». Но при построении своей схемы взаимоотношений списков В. П. Любимов все время

[27] Повести о Куликовской битве. Издание подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
[28] Правда Русская, т. I. Тексты. М.—Л., 1940.
[29] Стенограмма совещания. Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1, № 1492.

подчеркивал, что не ставит перед собой цели обосновать ее изучением истории текста Русской Правды. По его словам, «построение истории текста» Русской Правды «представляет сложную проблему, при разрешении которой в ряде случаев возможны разные мнения»; она «может быть предложена только как известная научная гипотеза, построение которой не может не вызвать тех или иных разногласий», и она «должна быть предметом специальных исследований» [30]. На совещании 1937 г. все признавали, что имеющаяся в распоряжении Института генеалогическая схема взаимоотношения рукописей требует своего дополнения в виде истории текста, которая обосновывала бы, каким путем возникали отдельные ветви схемы, построенной пока на наблюдениях чисто формального порядка. Было решено все же продолжать и даже закончить работу над изданием Русской Правды, основываясь на наличной предварительной классификации В. П. Любимова. Важнейшая для научного утверждения классификация списков Правды задача изучения истории текста Русской Правды будет выполнена М. Н. Тихомировым. Выступая на совещании, М. Н. Тихомиров с полным основанием заметил, что в отношении изучения истории текста «исследователи до сих пор сидят у разбитого корыта».

Задача изучения истории Русской Правды на всем ее протяжении была выполнена М. Н. Тихомировым в его «Исследовании о Русской Правде», которое вышло в свет в 1941 г. в осажденном уже Ленинграде [31]. Оно послужило основой для двух публикаций Русской Правды М. Н. Тихомировым, одна из которых вышла в издании Московского государственного института истории, философии и литературы, а другое, позднее, в издании Московского государственного университета [32]. Труд М. Н. Тихомирова явился основой и для, как его назвал сам автор, «опыта восстановления протографа Пространной Правды».

Основное положение было сформулировано М. Н. Тихомировым в самом начале его исследования. «Общая особенность всех классификаций списков Русской Правды,— писал он,— заключается в том, что авторы их создают свои классификации по внешним признакам, не затрагивая вопроса о времени и причинах возникновения того или иного вида Русской Правды» [33]. Вместе с тем М. Н. Тихомиров упомянул о пути, по которому шел Н. В. Калачов в своей работе, когда «обратил внимание на связь Русской Правды с составом тех рукописей, в которых она до нас дошла». Однако, как отмечал М. Н. Тихомиров, «из этого факта Калачов не сделал надлежащих выводов». В противоположность этому одним из важнейших тезисов М. Н. Тихомирова явился вывод о том, что «определенный извод Русской Правды соответствует такому же совершенно определенному составу сборников» и что «мы наблюдаем некоторое закономерное отношение между составом рукописи и помещенным в ней изводом Русской Правды» [34].

Оба положения заставили М. Н. Тихомирова чрезвычайно расширить рамки своего исследования. Второе из них привело ученого к необходимости изучить историю происхождения и судеб тех сборников, в составе которых встречается Русская Правда. Первое же вызвало в свою очередь необходимость выяснить те общеисторические условия и те события, которые вызвали бы появление подобных законодательных сборников.

Изучение сборников, в составе которых встречается Русская Правда, оказалось весьма плодотворным. Кормчие разного состава, Мерило Праведное и другие сборники благодаря исследованию М. Н. Тихомирова нашли свое место в общей истории древнерусских юридических памятни-

[30] Стенограмма совещания. Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1, № 1492.

[31] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941.

[32] Русская Правда. М., 1941; М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

[33] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 34.

[34] Там же, стр. 80.

ков. Так, например, чрезвычайно поучительна воссозданная М. Н. Тихомировым история Мерила Праведного, ранняя история которого восходит, по его мнению, еще к началу XII в., ко временам «большой юридической деятельности» Владимира Мономаха, а дошедшая до нас его редакция — к концу XIII в., предположительно ко времени митрополита Кирилла. А с Мерилом Праведным в этой его редакции связан ведь такой важнейший вид рукописей Русской Правды, как Троицкий, самый ранний список которого восходит только к XIV в.

Изучение исторических условий, в которых возникали особые виды Русской Правды, оказалось столь же поучительным для понимания этого источника, как и для дополнительной характеристики событий. Например, на то обстоятельство, что Правда Ярославичей защищает интересы княжеского домена, указывали и ранее А. Е. Пресняков и Б. Д. Греков. Однако М. Н. Тихомиров отмечает, почему пришлось особо защищать эти интересы именно законодательным путем: он видит причины подобной защиты в ожесточенной классовой борьбе того времени и полагает поэтому, что Правда Ярославичей возникла «в непосредственной связи» с восстаниями в Киевском государстве 1068—1071 гг. Исходя из общего соображения, что «время возникновения новых юридических памятников на Руси чаще всего совпадало с большими социальными изменениями», М. Н. Тихомиров относит время возникновения Пространной Правды к началу XIII в. и связывает его с новгородским восстанием 1209 г.

Несомненно, надо признать, что стремление М. Н. Тихомирова искать причины возникновения Русской Правды в исторических событиях того времени является плодотворным для объяснения норм Русской Правды приемом ее изучения.

Весьма существенное значение имеет опыт восстановления протографа Пространной Русской Правды, предложенный М. Н. Тихомировым. Когда бы мы ни работали над любым древнерусским памятником, сохранившимся лишь в позднейших списках, мы всегда неизбежно будем стараться установить те его чтения, которые принадлежали самому недошедшему до нас подлиннику этого памятника. Это и естественно, потому что только эти древние подлинные чтения могут позволить нам перейти от текста памятника к заключениям о событиях времени его возникновения. Поэтому задача восстановления протографа Русской Правды уже давно стояла перед ее исследователями. Калачов предполагал увенчать свои труды над Русской Правдой, издав, как на тогдашнем языке говорилось, «критически очищенный текст, т. е. составленный из тех только статей, которые по своему содержанию и форме, как вообще, так и в частности, несомненно могли принадлежать памятнику XI века». Калачов не выполнил этой задачи, да если бы он и попытался это сделать, то навряд ли его труд мог бы нас теперь удовлетворить. Как быть с разноречивыми текстами десятков списков и какие критерии применить для выбора из них тех чтений, которые мы сочтем принадлежащими протографу? Можно действовать, например, так, как действовали в XVIII в. (а некоторые продолжают, хотя и в иной форме, действовать и теперь), т. е. из массы чтений выбирать как принадлежащие протографу (или подлиннику) те, которые нам покажутся более исправными или более древними. Но тогда каждая такая восстановленная Правда будет убедительна только для тех, у кого будут те же представления о древности или правильности ее чтения. М. Н. Тихомиров не пошел этим путем, и в этом его научная заслуга. Орудием восстановления протографа Пространной Правды М. Н. Тихомиров сделал итоги своего изучения рукописей Русской Правды, что дало ему возможность установить взаимоотношения списков и на этом основании решить, какой из них положить в основу восстановления текста протографа. Далее, это же взаимоотношение списков было положено М. Н. Тихомировым в основу разрешения самого важного и наиболее спорного, а иногда почти неразрешимого вопроса, как

выбрать из различных вариантов тот, который иногда наверное, а иногда с наибольшим вероятием может считаться чтением протографа. С историко-критической точки зрения опыт М. Н. Тихомирова, в соответствии с которым отнесение к протографу каждого чтения обусловлено прежде всего положением этого места в истории текста, а затем и обосновываемыми каждый раз дополнительными соображениями, можно считать весьма убедительным примером возможности научного восстановления протографа Пространной Русской Правды.

С этим основным трудом М. Н. Тихомирова о Русской Правде связаны в первую очередь два ее отмеченные издания, предназначенные для учебных целей, но далеко выходящие за пределы учебных пособий и представляющие самостоятельный научный интерес. Уже первое из них, ставшее сразу же библиографической редкостью, отличалось некоторыми существенными чертами от других учебных советских изданий. Во-первых, оно содержало обстоятельную вступительную статью о редакциях памятника и их происхождении, излагавшую в общих чертах итоги исследования М. Н. Тихомирова. Во-вторых, оно включало также важные для изучения Правды дополнительные материалы, как Митрополичье правосудие и др.

Новостью были и материалы для объяснительного словаря Русской Правды, представляющие особенную ценность. Такой словарь в свое время составил М. П. Мрочек-Дроздовский, но он не был закончен. Словарь М. Н. Тихомирова содержит не только толкования слов и терминов Правды, но и тексты из других памятников, которые могут служить для самостоятельных исследований, касающихся других возможных истолкований. Наконец, это издание сопровождается и собственным комментарием М. Н. Тихомирова, содержащим как разбор мнений его предшественников, так и обоснование собственных взглядов ученого. Все это получило дальнейшее развитие в «Пособии» 1953 г. Здесь особенно важна — и не только в качестве учебного пособия — вводная статья М. Н. Тихомирова. В ней он разобрал возражения против его суждений о значении отдельных редакций из изводов Правды. Отмечая «серьезную критику» некоторых авторов, М. Н. Тихомиров все же не видит необходимости отказываться от какой-либо из своих точек зрения, хотя некоторые выводы он смягчает, рассматривая их как «пока наиболее вероятные». Это касается вопроса о новгородском происхождении Краткой Правды, о составе Пространной и Сокращенной Правды. Ценной составной частью этого учебного издания являлось фотомеханическое воспроизведение Академического списка Краткой Правды и Троицкого I списка Пространной Правды. Эти важнейшие списки фотомеханически впервые были воспроизведены полностью. Все отмеченные черты обоих учебных изданий делают понятным заключение краковского рецензента «Пособия» Станислава Романа, что «Пособие» «следует иметь нашей библиотеке, хотя бы мы уже имели несколько других изданий этого памятника» [35].

К изданиям Русской Правды непосредственно примыкает публикация М. Н. Тихомировым двух памятников, судьба которых тесно смыкается с Русской Правдой. Это издания Мерила Праведного и Закона Судного людем.

С Мерилом Праведным связан особый вид списков Русской Правды, которому в «Исследовании о Русской Правде» М. Н. Тихомирова отведена специальная глава. Древнейшая дошедшая до наших дней рукопись Мерила Праведного относится к XIV в. и содержит среди других статей так называемый Троицкий I список Русской Правды. Именно эта рукопись воспроизведена по инициативе М. Н. Тихомирова полностью фотомеханическим способом [36]. Нечего говорить, что это издание и подобное ему изда-

[35] Czasopismo prawno-historyczne, t. VIII, z. 2, 1956, s. 343—347.

[36] Мерило Праведное. По рукописи XIV в. Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова. М., 1961.

ние Закона Судного людям, вышедшее позднее, убедительно показывают возможность применения в более широких масштабах такого приема воспроизведения документов. Это будет обозначать устранение всех тех ошибок, которые невольно и неизбежно делаются исследователем, когда он имеет дело с текстом, видоизмененным в печатном издании.

В своем «Исследовании о Русской Правде» М. Н. Тихомиров остановился подробно и на отношении к Русской Правде Закона Судного людем, подвергнув последний тщательному изучению. Исследователь привлек к его изданию 54 рукописи. Среди них он различил три редакции, причем отметил, что эти редакции «представляют собой различные произведения, которые сосуществовали в русской письменности XIV—XVII ст., их правильнее было бы назвать Кратким, Пространным и Сводным Законом Судным людем». М. Н. Тихомировым изданы отдельно «Закон Судный людем краткой редакции» и «Закон Судный людем пространной и сводной редакций» [37]. Издание М. Н. Тихомирова дает возможность исправить ряд ошибок, которые делались и исследователями, и издателями при оценках значения для исследования отдельных рукописей Закона Судного людем. Так, древнейшим списком Закона оказался не список Устюжской Кормчей, как это еще предполагал недавний его болгарский издатель М. Андреев. Вышеуказанное деление Закона Судного людем на три редакции (или три памятника) — причем вторую и третью составили списки, объединяемые ранее в общую редакцию пространных списков,— стало возможным только теперь благодаря изучению М. Н. Тихомировым как состава самих списков, так и тех сборников, в которых среди других статей был помещен также и Закон Судный людем. В обоих томах, содержащий Закон Судный людем, изданы все важнейшие списки Закона, и, помимо этого, даны фотомеханические воспроизведения образцов всех изводов. Таким образом, и здесь исследователь получает в свое распоряжение издание, которое дает не только памятник в обработке издателя, но и в том первичном его виде, без которого в ряде случаев исследование его совсем невозможно.

Занятия летописями и Русской Правдой должны были вызвать у М. Н. Тихомирова живой интерес к трудам ученого, который впервые ввел их в научный оборот,— Василия Никитича Татищева. В своих работах, посвященных В. Н. Татищеву, М. Н. Тихомиров, конечно, главное внимание обратил на «самый обширный и замечательный» труд Татищева, который «послужил основой для дальнейших исторических работ»,— на его «Историю Российскую». Подробный разбор исторических трудов Татищева привел М. Н. Тихомирова к заключению, что «они знаменовали собою переход к исторической науке, основанной на серьезном критическом изучении источников». М. Н. Тихомиров отметил ту «необыкновенную тщательность», с которой Татищев «собирал и изучал источники», в результате чего в «Истории Российской» было привлечено громадное количество новых разнообразных источников. Замечательным нововведением в труде Татищева, как отмечает М. Н. Тихомиров, было и то, что, помимо летописей, Татищев привлек к изучению дипломатические документы и акты, а также дал своим источникам «краткие и четкие их характеристики».

«История Российская» вышла в свет почти 200 лет назад. В условиях того времени она могла быть издана только по тем случайным рукописям, которые оказались в руках ее издателя Г. Ф. Миллера. По словам самого Миллера, ему пришлось печатать труд Татищева по «худому списку». Став скоро большой библиографической редкостью, «История Российская», несмотря на свою ценность, слишком часто оставалась вне поля

[37] Закон Судный людем (Списки краткой редакции и воспроизведение списков). Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Под ред. и со вступительной статьей акад. М Н. Тихомирова. М., 1961; Закон Судный людем. Пространной и сводной редакций. Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Под ред. и со вступит. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1962.

зрения историков. О необходимости нового «критического» издания труда Татищева говорил еще А. А. Шахматов, но это дело не двигалось, пока М. Н. Тихомиров не поставил в Институте истории вопроса о переиздании «Истории Российской». Его инициатива и немалые усилия увенчались успехом. Теперь новое крупное и сложное археографическое предприятие, поставившее задачей дать критическое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, уже осуществляется: начали выходить в свет под редакцией самого М. Н. Тихомирова и привлеченных им лиц тома «Истории Российской». В первом же томе М. Н. Тихомиров поместил важную для оценки всего труда Татищева статью «О русских источниках „Истории Российской"» [38]. Автор статьи поставил своей задачей определить, какими источниками пользовался Татищев, когда сочинял «Историю Российскую». Отсутствие подобных точных данных было источником возможных скептических или даже недоброжелательных по отношению к труду Татищева рассуждений. В то время трудность предпринятой М. Н. Тихомировым работы состояла в том, что, как указывал сам Татищев в «предизвещении» к своей истории, источники, которыми он пользовался, большею частью не находились в каком-либо книгохранилище, а ходили по рукам и потому ссылаться на них ему было «неудобно». Другое затруднение состояло в том, что названия, которые Татищев давал рукописям, изобретались в значительной части им самим, а после него не укрепились, да при тогдашних условиях и не могли укрепиться в традиции. Теперь весьма нелегко установить, какие из сохранившихся источников можно отождествлять с теми их обозначениями, которые были даны Татищевым. Возникали и другие трудности при попытке установить, что представляли собой те упоминаемые и используемые в «Истории Российской» источники, которые нельзя в точности отождествлять ни с одной из дошедших до нас рукописей. Примером этому могли бы послужить долголетние споры относительно значения Иоакимовской летописи. Вместе с тем без определенного взгляда на все связанные с источниками «Истории Российской» вопросы невозможно, конечно, и пользование ею. Особенно в тех случаях, когда она сама по себе служит для нас единственным источником приведенных в ней сведений. Этим и определяется значение вводной к изданию «Истории Российской» статьи М. Н. Тихомирова, которая содержит критическое рассмотрение русских источников «Истории Российской».

В особом ряду археографических работ М. Н. Тихомирова стоят издания многих наших древнейших и древних исторических памятников. На первом месте хронологически здесь следует отметить работу М. Н. Тихомирова, связанную с изданием обнаруженной Д. А. Авдусиным при раскопках 1950 г. в Гнездове надписи «гороухща». Палеографические, филологические и исторические наблюдения привели М. Н. Тихомирова к заключению, что надпись эта относится к первой четверти X в. и является, таким образом, древнейшим, теперь ставшим нам известным памятником древнерусской письменности. М. Н. Тихомиров палеографически установил также чисто славянское происхождение гнездовской надписи (наличие в ней отсутствующей в греческом алфавите буквы «щ»). В итоге, помимо общих выводов о значении ее для истории древнерусской культуры (надпись показывает, что «русская письменность с самого начала была славянской»), М. Н. Тихомиров сделал и другой существенный антинорманистский вывод: «Гнездово никогда не было скандинавской колонией» [39].

Другим крупнейшим открытием в области наших древнейших исторических источников является находка в Новгороде экспедицией А. В. Арциховского берестяных грамот. Их первое издание, осуществленное

[38] М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.— Л., 1962.

[39] М. Н. Тихомиров и Д. А. Авдусин. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии наук СССР», № 4, 1950, стр. 71—79.

М. Н. Тихомировым и А. В. Арциховским [40], представляло особые и значительнейшие трудности. Впервые удалось обнаружить берестяные акты такой глубокой древности. Начертания на них были процарапаны, а не написаны какими-либо чернилами. Палеография этих начертаний подлежала изучению впервые. М. Н. Тихомиров отметил многие особенности написания берестяных грамот, обусловленные материалом и техникой письма на бересте. Работами М. Н. Тихомирова было положено начало новой, исторически необычайной важной отрасли — палеографии берестяных грамот, имеющей очень большое будущее. Однако издание берестяных грамот было связано еще и с другими осложнениями. До нас в основном дошли лишь отрывки, поврежденные временем и условиями многовекового нахождения под землею. Это сделало прочтение многих грамот возможным помимо палеографических наблюдений лишь при внимательнейшем рассмотрении содержания, когда исследователю приходится улавливать в их тексте оттенки разнообразнейших условий быта, а также строя жизни тогдашнего новгородского общества. Последнее было особенно важно, когда приходилось не только читать текст грамоты, но и определять в комментарии, какие общественные или жизненные отношения она отражала. Этот первый опыт издания берестяных грамот был, конечно, весьма труден. Разрешение задач, впервые ставших перед нашими историками, проложило путь для последующих работ над новыми драгоценными историческими источниками.

Новгород был с давних пор, как мы уже видели, предметом особого интереса со стороны М. Н. Тихомирова. В собраниях Исторического музея оказались два примечательных новгородских акта. Один — единственная для XIII в. частная духовная новгородца Климента, ранее известная только по очень несовершенному литографскому воспроизведению середины XIX в., некоторое время считавшаяся утерянной и фотомеханически никогда не воспроизводившаяся. Другой — тоже важная для изучения новгородской общественно-политической жизни грамота — Устав церковный новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г., дважды печатно воспроизведенный по подлиннику (К. Ф. Калайдовичем и В. Н. Бенешевичем), но тоже еще ни разу не воспроизведенный фотомеханически. Оба эти памятника теперь изданы фотомеханическим способом М. Н. Тихомировым совместно с М. В. Щепкиной [41].

Русская историческая география, можно сказать, заново приобрела такой важный памятник, как давно известный по летописям, но теперь только критически изданный М. Н. Тихомировым «Список русских городов дальних и ближних». Положив в основу текст археографического списка Новгородской первой летописи младшего извода, М. Н. Тихомиров дал критическое издание «Списка городов», привлекая для извлечения вариантов тексты других летописей. Значение «Списка городов» здесь же было выяснено М. Н. Тихомировым. Исследование Списка привело ученого к заключению, что время его составления должно быть отнесено уже к концу XIV в. (1387—1392 гг.) и составлен он был в Новгороде. М. Н. Тихомиров установил и среду, для которой могло понадобиться составление подобного Списка: это торговцы, поездки которых и в Литву, и во внутренние города тогдашней Руси требовали такого рода справочника. Здесь же М. Н. Тихомиров установил круг возможных источников Списка, а также предположил, что при нем находился чертеж, как это было в позднейшей «Книге большого чертежа» [42].

[40] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953 г. М., 1953.
[41] М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. «Труды Государственного исторического музея», вып. VIII. М., 1952.
[42] М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», № 40, 1952, стр. 214—250.

М. Н. Тихомировым в 1928 г. во время поездки в Волоколамский монастырь была найдена одна из хозяйственных монастырских книг, которая издана впоследствии под названием «Книга ключей и денежных оброков» [43]. Записи этой книги охватывают 1547—1560 гг. и важны в особенности для характеристики монастырского хозяйственного управления, а также изучения эксплуатации связанного с монастырем трудящегося люда, монастырских детенышей и ремесленников. «Книга» дает обильный материал для изучения положения этих людей в монастырском хозяйстве.

Для истории московских земских соборов и народных волнений в середине XVII в. первостепенное значение имеют изданные М. Н. Тихомировым документы, связанные с земским собором 1650 г. [44] Собор этот, как отмечает Н. М. Тихомиров, «почти неизвестен в литературе». Начал он свои действия заседанием 4 июля, на котором была объявлена причина его созыва: «псковичи заворовали и государеву указу и повелению учинились противны» и про «великого государя говорили непристойные речи, чего и помыслить страшно». Документы, приведенные в обширном составе М. Н. Тихомировым, вскрывают в большей мере, чем известные до сих пор, некоторые стороны деятельности земских соборов. В то же время они дают обильнейший материал для истории того «воровства», которое было учинено в 1650 г. псковичами. Эти события, в свое время тщательно изученные М. Н. Тихомировым, нашли отражение в его известной монографии «Псковское восстание 1650 г.» [45].

Несомненный бытовой интерес для характеристики провинции XVII в. представляют изданные М. Н. Тихомировым заметки земского дьячка Благовещенского погоста на далекой Ваге, где любопытны записи, по которым можно проследить, как преломлялись в сознании дьячка доходившие до него сведения о событиях в стране (например о стрелецком бунте и др.) [46].

Не меньший интерес представляют изданные М. Н. Тихомировым «Записки приказных людей конца XVII в.». Их три, они охватывают период 1636—1693 гг. В записках встречаются сведения и о медных деньгах, и о Степане Разине. Но наибольшее место в одной из них заняли обстоятельные сведения, связанные со стрелецким бунтом 1682 г. Интерес этих Записок не только в их фактическом содержании — они важны и для характеристики авторов и среды, к которой эти авторы принадлежат [47].

К XVII в. относится еще одно издание М. Н. Тихомирова (совместно с П. П. Епифановым) — Соборное Уложение 1649 г. По типу — оно учебное (издано Московским государственным университетом) и примыкает к двум упомянутым выше учебным изданиям Русской Правды. В дореволюционные времена не было ни одного комментированного издания Соборного Уложения. Единственное комментированное советское издание (под редакцией К. А. Софроненко) крайне неудовлетворительно. Новое издание воспроизводит не только известный по печатному изданию текст Уложения, но и те пометы на полях рукописи, которые указывают на источник, откуда заимствована та или иная статья Уложения. Фотомеханическое воспроизведение некоторых листов дает ясное представление о подписях, имеющихся в подлиннике. Наконец, в «словнике» к Уложению дано толкование отдельных слов и терминов, которые сопровождаются текстами источников, предоставляя возможность пользующимся «словни-

[43] Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.— Л., 1948.

[44] М Н Тихомиров. Документы Земского собора 1650 г. «Исторический архив», 1958, № 4—6.

[45] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.— Л., 1935.

[46] М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. «Исторический архив», т. II. М.— Л., 1939, стр. 93—100.

[47] М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. ТОДРЛ, т. XII. М.— Л., 1950, стр. 442—447.

ком» установить, насколько правильно приданное ему в «словнике» толкование [48].

К тому же ряду работ относится предназначенная для студентов «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.», составленная М. Н. Тихомировым совместно с Л. В. Миловым и А. И. Роговым и вышедшая под его редакцией [49]. М. Н. Тихомиров подготовил здесь к печати более трети документов. Надо особо отметить напечатанные в «Хрестоматии» переводы М. Н. Тихомирова Краткой Русской Правды и Псковской Судной грамоты; интерес их заключается, конечно, в том, что это — новое истолкование, подвергавшихся столь разноречивым оценкам памятников.

Еще ранее под редакцией М. Н. Тихомирова вышла также «Хрестоматия по истории СССР» (совместно с В. И. Лебедевым и Б. Е. Сыроечковским), предназначенная для учителей средней школы и выдержавшая ряд изданий на русском и украинском языках [50].

Помимо непосредственной археографической работы на М. Н. Тихомирове лежат также руководящие редакторские обязанности по ряду археографических изданий. Из них особенно сложным и важным является редактирование серии документов, издаваемых Институтом славяноведения под названием «Памятники средневековой истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы». Два тома из этой серии: Хроника Галла Анонима [51] и Гетика Иордана [52] — уже вышли; другие тома печатаются или готовятся к печати. Серия эта составит целую библиотеку важнейших источников по истории стран отмеченного выше района.

Нам остается еще коснуться деятельности М. Н. Тихомирова, как инициатора создания, а затем председателя Археографической комиссии при Отделении исторических наук. Археографическая комиссия была образована по постановлению Президиума Академии наук 13 апреля 1956 г. На первом ее общем собрании, состоявшемся 3 октября 1956 г., М. Н. Тихомиров наметил задачи, которыми следовало заняться вновь созданному учреждению. Он подчеркнул прежде всего, что вопрос о создании Археографической комиссии, как органа, который мог бы координировать археографическую деятельность и проводить некоторые археографические работы, не входящие в планы отдельных институтов, возникал неоднократно. Именно эти координационные задачи М. Н. Тихомиров рассматривал как первоочередные. Они должны были заключаться в частности в координировании работ по изданию документов, по составлению правил издания исторических источников, терминологических словарей, словников транскрипций имен и названий. М. Н. Тихомиров наметил формы дальнейшей работы Археографической комиссии: сессии, посвященные вопросам археографии и вспомогательных исторических дисциплин, издание «Археографического ежегодника», организация археографических экспедиций для учета и собирания исторических материалов, а также учет и выявление рукописных материалов в частных собраниях.

Сформулированная М. Н. Тихомировым программа получила свое плодотворное развитие в дальнейшей деятельности руководимой им Археографической комиссии. На сессиях, созываемых комиссией, рассматривались существенные очередные вопросы. Предметами обсуждения на них, в частности, были вопросы археографии и источниковедения советского общества,

[48] М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.

[49] Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960.

[50] Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVII в., т. I. М., 1937; изд. 2-е. М., 1937; изд. 3-е. М., 1949; изд. 4-е М., 1951.

[51] Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.

[52] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

палеографии, составление сводного каталога русских рукописей и многие другие. Из докладов, прочитанных на сессиях М. Н. Тихомировым, один был посвящен задачам изучения палеографии, самой, пожалуй, важной и теоретически и, особенно, практически из всех вспомогательных исторических дисциплин. В своем докладе ученый указывал на необходимость усиления внимания к изучению вопросов палеографии; здесь он нашел полную поддержку не только со стороны русских палеографов, но и тех, кто занимается западноевропейской палеографией [53]. Другой обстоятельный доклад М. Н. Тихомирова был посвящен составлению сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М. Н. Тихомиров отметил, что «СССР может быть назван мировой сокровищницей письменности, по богатству и разнообразию которой наша страна стоит на одном из первых мест на земном шаре». При разбросанности сведений создание сводного каталога поэтому имеет несомненное актуальное значение; на первых порах он должен был бы охватывать древнейшие рукописи до конца XIV в., как «рукописи уникальные и относительно немногочисленные» [54]. На сессии Археографической комиссии в Ереване М. Н. Тихомиров прочел доклад о славянских отрывках в рукописях Матенадарана [55].

Помимо сессий, Археографическая комиссия заслушала на своих заседаниях ряд докладов. На заседании, посвященном 375-летию со дня смерти первопечатника Ивана Федорова, М. Н. Тихомиров прочел доклад о начале книгопечатания в России.

Надо сказать, что и все другие намеченные М. Н. Тихомировым в его первом докладе мероприятия начали успешно проводиться в жизнь. За небольшой срок, прошедший со времени основания Археографической комиссии, были организованы археографические экспедиции (в Приморский край и Бурятскую АССР), завершены некоторые работы по составлению справочников («Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР» А. И. Рогова и об общепринятых сокращениях исторических книг, периодической литературы, исторических обществ и архивов, встречающихся в исторической литературе Н. А. Саморуковой). Особенное значение приобрело издание «Археографического ежегодника», выходящего систематически, год за годом (начиная с «Ежегодника за 1957 год»). Источниковедение, археография и другие вспомогательные исторические дисциплины приобрели в «Археографическом ежегоднике» издание, которое содержит обильный материал как исследовательского, так и неоценимого справочного характера (в виде библиографии, обзоров, описаний и тому подобных документов).

Археографическая комиссия сделала пока только свои первые шаги, но уже ясно, какое значение она имеет для развития нашей исторической науки.

В этом обзоре была отмечена лишь та деятельность М. Н. Тихомирова в области древнерусской археографии, которая выражалась в законченных трудах, появившихся в печати. Многое находится еще в стадии своего завершения, многое — в планах и замыслах М. Н. Тихомирова. Осуществление всего этого, несомненно, явится самым желанным вкладом в дело развития нашей советской археографии.

---

[53] Изложение доклада М. Н. Тихомирова см. Ю. О. Бем. Деятельность Археографической комиссии при ОИН АН СССР за 1959 г. «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 353—356.

[54] Н. Б. Шеламанова. О составлении сводного каталога рукописей. «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 179—181; Ю. О. Бем. Общее собрание Археографической комиссии. «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 121—123.

[55] В. Б. Павлов-Сильванский. Научная сессия по вопросам археографии, палеографии и источниковедения в г. Ереване. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 392—395.

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Струве

АРХИВЫ ШУМЕРА И ХРАНИЛИЩЕ ДОКУМЕНТОВ ВО ДВОРЦЕ ПИЛОСА МИКЕНСКОЙ ЭПОХИ

Академику Михаилу Николаевичу Тихомирову, председателю Археографической комиссии, далеко не чужды и проблемы архивного дела. Поэтому я решаюсь включить в юбилейный «Археографический ежегодник» мой скромный дар — статью, определяющую место хранения документов далекого и близкого прошлого в Шумере и микенской Греции.

У историка, не изучавшего источники по истории Шумера, может вызвать некоторое удивление создание в городах-государствах Шумера уже в III тысячелетии до н. э. особых учреждений, в которых хранились десятки тысяч документов хозяйственной отчетности. Историк Шумера может при помощи этих древних архивных материалов ответить на такие вопросы экономики и социального строя общества южного Междуречья — как в условиях мира, так и в условиях войны,— на которые не находит ответа даже исследователь раннефеодального периода истории человечества [1]. Надлежит указать, что собрания архивных материалов, дошедших до нынешних дней из других областей Передней Азии, а также из Египта [2], не внесли ничего нового в наши знания о древних архивах по сравнению с тем, что засвидетельствовано данными архивов Шумера. Новый, и притом весьма существенный, момент был внесен сравнительно недавно, когда стало ясно различие между местом хранения документов текущего года и местом хранения документов предшествующих годов, являвшимся архивом в подлинном смысле этого слова. Это обстоятельство может иметь определенное значение для расширения наших знаний о государственном аппарате обществ рабовладельческого периода.

Установление указанного факта, столь обогащающего источниковедение истории древнего мира, стало возможным после того, как в начале 50-х годов был раскопан американским ученым Карлом В. Блегеном микенский дворец в Пилосе, в древней Мессении, на юго-западе Пелопоннеса [3]. В одном из помещений этого дворца были найдены сотни глиняных табличек, покрытых так называемым крито-микенским линейным письмом Б, которое, как известно, можно считать дешифрованным [4]. При изучении

---

[1] О значении для историка архивов Шумера см. мое исследование «Государство Лагаш XXV—XXIV вв. до н. э.» (М., 1961, стр. 3—5).

[2] Нам известны архивы: из Вавилонии, Ассирии, Мари, из столицы Хеттской державы, столицы царства Угарит, из Самарии, Персеполя, из столицы царя-еретика Эхнатона — Амарны.

[3] Этот микенский дворец именуется в среде специалистов «дворцом Нестора», одного из героев гомеровского эпоса.

[4] О дешифровке крито-микенского линейного письма Б см. первое приложение И. М. Дьяконова «Крито-микенская письменность» к книге немецкого ученого

содержания этих пилосских табличек на основании дешифровки гениального, безвременно погибшего английского исследователя Майкла Вентриса[5] была установлена важная особенность этих табличек: отсутствие какой-либо датировки.

Из этого факта австрийский ученый Эрнст Доблъхофер попытался сделать в своей книге «Знаки и чудо», посвященной истории дешифровки «забытых письмен и языков», остроумный вывод о цели составления табличек, раскопанных в микенском дворце[6]. Э. Доблъхофер высказывает предположение, что таблички, найденные в Пилосе, являются «временными подсобными картотеками, которые, вероятно, через определенные промежутки времени, возможно, к концу каждого отчетного года, переносились на списки и описи, а затем уничтожались». Если же тексты этой временной картотеки в дворце Пилоса, тем не менее, не были уничтожены и сохранились для науки наших дней, то Э. Доблъхофер готов объяснить данное обстоятельство катастрофой, постигшей общество Пилоса. «Дошли же они,— пишет ученый,— до нас только вследствие внезапного разрушения дворца — дела, по всей вероятности, вражеских рук; в Пилосе, очевидно, сохранились последние воззвания о всеобщей мобилизации населения для отражения вражеского нашествия». Хотя это предположение, высказанное почтенным автором, и является, как я уже сказал, весьма остроумным, тем не менее я с ним не могу согласиться. Дело в том, что подобное предположение Э. Доблъхофера никак не связывается с той практикой, которая применялась в древности по отношению к архивному материалу и которая известна из документов храмовых и государственных архивов Шумера[7]. В последних хранились не только «списки и описи», но также и сами первичные документы хозяйственной отчетности ряда десятилетий[8].

Тот факт, что во дворце Пилоса были раскопаны таблички, восходящие лишь к одному году, свидетельствует не об уничтожении документов хозяйственной отчетности в конце каждого года или же в начале наступающего, но, как я полагаю, о другом, более реальном и целесообразном приеме делопроизводства писцов микенской Греции. Очевидно, из указанного факта следует сделать тот вывод, что в самом дворце, в помещении, являвшемся канцелярией правителя, хранились лишь документы текущего года, поскольку в них не отмечалась датировка. Документы каждого месяца складывали, надо думать, в особую корзину или кувшин, на этикетках или буллах которых отмечались месяц и год правления[9]. Подобные корзины или кувшины с документами предшествующих годов хранились, несомненно, в более обширном помещении, нежели канцелярия правителя Пилоса. Это

И. Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков» (М., 1961, стр. 171 и сл.).

[5] Незадолго до своей трагической кончины в 1956 г. Вентрис завершил вместе со своим соратником Чэдвиком рукопись монументального труда, увенчавшего всю их упорную работу над дешифровкой крито-микенского линейного письма Б.

[6] E. Doblhofer. Zeichen und Wunder. Wien, 1957. Русский перевод книги в ближайшее время выходит в Изд-ве восточной литературы. Автор высказывает свое предположение в VIII главе, посвященной дешифровке крито-микенского письма.

[7] О том же свидетельствуют и дошедшие до нас архивы из Вавилонии, Ассирии, Мари и т. д., перечисленные выше (см. прим. 2).

[8] Каждый исследователь, привлекающий архивный материал Шумера, имеет дело со списками и описями, а также с первичными хозяйственными документами. Так, сопоставление двух первичных документов из архива храма богини Баба дает нам возможность сделать весьма существенный вывод об отношениях между дворцовым управлением и храмами в годы царствования социального реформатора Урукагины. Об этом я говорю в исследовании «Община, храм и дворец», которое в ближайшее время будет сдано в печать.

[9] До нас дошли многочисленные буллы, которые подвешивались к корзинам или кувшинам шумерийских архивов. См. Н. П. Лихачев. Древнейшие буллы и печати Ширпурлы. СПб., 1907; Clar., E. Keiser. Cuneiform bullae of the third millenium B. C. Newhaven, 1914.

помещение, несколько отделенное от канцелярии правителя, было предназначено для архива, но, к сожалению, оно еще не раскопано.

Таким образом и получилось, что волею судеб раскопки в Лагаше, Умме, Уре и других городах Шумера открыли нам архивы, сохранившие сотни тысяч клинописных табличек, отражавших производственные отношения ряда десятилетий III тысячелетия до н. э. В противоположность им раскопки в Пилосе микенской эпохи подарили исторической науке сотни документов хозяйственной отчетности текущего года, хранившиеся не в архиве, а во дворце правителя, в его канцелярии, чтобы быть под рукой для необходимых справок, требовавшихся для решения вопросов, поставленных перед правителем событиями весьма недалекого прошлого. Будем же надеяться, что в близком будущем в пределах Греции будут раскопаны архивы, датированные микенской эпохой и включающие тысячи документов, сообщавших о хозяйственной жизни городов древнейшего периода истории Греции.

Мы видим на основании вышесказанного, какие существенные выводы не только для древнейшей истории Греции, но также и для истории Шумера III тысячелетия до н. э. можно сделать на основании документов хозяйственной отчетности пилосского дворца, написанных крито-микенским линейным письмом Б. В заключение своего небольшого исследования я хочу остановиться на одном моменте, который, как мне кажется, убедительно подтверждает мое предположение, что документы шумерийских архивов включали в себя документы текущего, а может быть и ближайшего прошедшего года.

За хранение табличек хозяйственной отчетности, датированных одним или двумя ближайшими годами, в особом помещении, а не в архиве, вместе с табличками более далекого прошлого, говорит, я полагаю, то обстоятельство, что в Лагаше в архиве храма богини Баба, таблички 7-го и 8-го годов правления, вероятно, Урукагины [10] представлены в совершенно ничтожном количестве по сравнению с многими сотнями табличек предшествовавших лет [11]. Очевидно, они случайно попали в архив; основная же масса документов 7-го и 8-го годов хранилась в канцелярии храма богини Баба, чтобы быть под рукой писцов во время их кропотливой работы. Будем надеяться, что дальнейшие раскопки откроют и те документы, которые еще не были сданы в архив.

[10] Эти таблички не отмечают имени правителя, и поэтому можно думать, что они относятся ко времени предшественника Урукагины — Лугаланды, но и при данном предположении соотношение между сотнями табличек первых шести лет правления Лугаланды и единичными табличками 7-го и 8-го годов остается примерно таким же.

[11] Эти таблички 7-го и 8-го годов были изданы М. В. Никольским в труде «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева» (СПб., 1908). Они были включены в указанное издание под № 131, 132, 134, 135. В чтение этих цифр А. П. Рифтин внес некоторые уточнения в своей весьма полезной работе «Die altsumerische Wirtschaftstexte», опубликованной в «Сборнике Египтологического кружка при Ленинградском государственном университете» (вып. I. Л., 1929, стр. 17).

В. Д. Королюк

АВАРЫ (ОБРЫ) И ДУЛЕБЫ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

В этой статье мы затронем вопрос о происхождении постоянно цитируемой в исторической литературе летописной статьи, говорящей о насилиях, творимых кочевниками-аварами над славянами-дулебами. Приведем полностью соответствующий летописный рассказ:

«В си же времяна быша и Обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенех и примучиша Дулебы, сущая Словена, и насилье творяху женам дулебським: аще поехати будяше Обрину, не дадяше впрячи коня ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести Обрена, и тако мучаху Дулебы. Быша бо Обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един Обрин. И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша, аки Обре, их же несть племени, ни наследка» [1].

В настоящее время, после трудов А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова и Д. С. Лихачева [2], вопрос о времени появления этой записи в составе Повести временных лет не вызывает никаких сомнений. В Русскую летопись текст ее вместе с историко-этнографическим введением к Повести временных лет был внесен в начале XII в. Нестором, проделавшим огромный по тому времени труд для того, чтобы увязать события отечественной истории с историей всемирной, конечно, в пределах существовавших взглядов на всемирный исторический процесс.

Но установление того факта, что процитированная выше летописная статья была включена в состав Русской летописи только около 1113 г., разумеется, не решает еще вопросов о ее источниках и степени достоверности.

Каковы же источники Несторова рассказа об аварах и дулебах? В исторической литературе на этот вопрос нет еще однозначного ответа. В то время как одни авторы видят возможность возвести рассматриваемый летописный отрывок к более древним письменным источникам, другие подчеркивают его легендарный характер, выводят его из бытовавших в народе преданий. К числу первых исследователей относится Ф. Вестберг, высказавший предположение, что сообщение Русской летописи об аваро-славянских отношениях основывается на источнике византийского происхожде-

---

[1] Повесть временных лет, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 14.

[2] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб., 1908; его же. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947.

ния, ныне, однако, уже утраченном [3]. В последнее время к точке зрения Ф. Вестберга присоединился Г. Лябуда [4]. Противоположной точки зрения придерживается большинство русских и советских исследователей. Совсем недавно в пользу ее высказался Д. С. Лихачев, прямо квалифицировавший анализируемую летописную статью об аварах как «народный рассказ об обрах, угнетавших славянское племя дулебов» [5].

Из имеющихся в литературе двух точек зрения более правильной нам представляется вторая. В пользу ее, как нам кажется, свидетельствуют слова самого автора текста — Нестора, прямо указывающего на бытовавшую на Руси поговорку: «погибоша, аки Обре, их же несть ни племени, ни наследка». Кроме того, явно легендарный характер имеет и другая фраза Нестора: «Быша бо Обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един Обрин». Легендарность этой фразы определяется, конечно, не ее морализаторским тоном, а прямым несоответствием представления летописца об аварах как людях-великанах тому, что могут рассказать нам о них археологические источники. Пользуясь археологическими материалами, исследователь, как теперь уже достаточно хорошо выяснено, не в состоянии отличить авара от славянина, усвоившего аварские обычаи, или славянина от славянизированного авара [6]. Это несоответствие между тем, что сообщает нам Нестор об аварах-великанах, и действительным обликом совершавших набеги в европейские степи коренастых, среднего роста кочевников было уже отмечено Б. Графенауэром [7].

Несоответствие это перестанет, однако, смущать нас, как только мы обратимся к данным славянской лексики. Дело в том, что в западнославянские — польский и чешский — языки собственное имя Обр, «obr» (а также производное от него польское «olbrzym»), вошло в качестве нарицательного — «великан», «человек огромного роста» [8]. Такое переосмысление имени обров бесспорно связано с воспоминаниями о долгой и тяжелой борьбе западнославянских народов с аварским гнетом. Эти же воспоминания, по-видимому, и определили тот факт, что именно на территории тех славянских народов, которые больше всего страдали от аварского ига и аварских вторжений, личное имя Карла Великого, возглавившего решительный разгром аварской державы в Паннонии, стало нарицательным, превратилось в титул, означающий самостоятельного, суверенного государя. Речь идет о сербо-хорватском, словенском, словацком, чешском языке [9] (краљ, краља, kral', kral). Таким образом, слова летописца об обрах, которые были «телом велици», звучат как прямой перевод западнославянского «obr — obry».

На устный характер источников летописного сообщения о славяно-аварских отношениях указывает, как нам кажется, и тот факт, что летописец иллюстрирует свой рассказ о славяно-аварской вражде на конкретном

---

[3] Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), новая серия, 1908, февраль, стр. 364—412.

[4] G. Labuda. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949, str. 183—184.

[5] Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 155.

[6] Подробнее об этом см. B. Zastěrová. Avari a Slované (k současnému stavu bádáni o starším období avarských dějin a vztahů avarsko-slovanských). Vznik a počatky Slovanů, II. Praha, 1958, str. 35—36; J. Eisner. Devínská Nová Ves. Praha, 1953, str. 345 и сл.

[7] B. Grafenauer. Nekaj vprašaj iz dobe naseljevanija južnih Slovanov. «Zgodovinski časopis», IV, 1950, str. 113.

[8] См. P. Vaša, F. Trávníček. Slovnik jazyka českého. Praha, 1941, str. 1009; Słownik języka polskiego pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i Wł. Niedźwiedzkiego, t. III. Warszawa, 1904, str. 497.

[9] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 78. В польский язык слово «król» попало, очевидно, из Великой Моравии. G. Labuda. Rozprzenianie się tutułu «króla» wszód słowian (отд. отт.), стр. 77.

примере дулебов, чтобы таким образом превратить его в поучительную притчу, связав с народной поговоркой. Этот частный, локальный характер дулебского эпизода в сообщении об аварах резко выделяет летописную статью об аваро-славянских отношениях из ее общего контекста. Приведем этот контекст:

«Словеньску же языку, якоже рекохом, живуше на Дунаи, придоша от Скуфь, рекше от Козар, рекомии Болгаре и седоша по Дунаеви, и населници Словеном быша. По семь придоша Угри Белии, и наследиша землю Словеньску. Си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьского. В си же времяна быша и Обри.... [далее идет процитированный выше текст об аварах и дулебах]. По сих же придоша Печенези; паки идоша Угри Черниии мимо Киев...» [10].

Странно было бы думать, чтобы в недошедшем до нас византийском источнике, которым, как полагают некоторые исследователи, пользовался Нестор, сравнительно общий рассказ о передвижениях в европейских степях кочевых народов и их отношениях с Империей вдруг ни с того ни с сего прерывался бы имеющим лишь частный характер сообщением о насилиях авар над дулебами. Гораздо логичнее предположить, что наш летописец, дойдя до упоминания об аварах, о бесследном исчезновении которых он знал, решил использовать устное предание об аварских издевательствах над дулебскими женщинами для составления поучительной притчи. Мораль ее сводилась к тому, что жестокого и несправедливого насильника неизбежно ожидает небесная кара. В условиях Киевской Руси XI—XII вв., вынужденной постоянно отражать наступление кочевой степи, политический смысл притчи звучал, как мы сказали бы сегодня, вполне актуально.

Итак, нет никаких оснований предполагать, что в своем рассказе об аваро-дулебских отношениях русский летописец начала XII в. пользовался каким-либо письменным источником. Рассказ его об аварах и дулебах основывался только на устном предании, и лишь начало его: «В си же времяна быша и Обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» — может быть возведено к письменному источнику византийского происхождения. Нестор, очевидно, передавал таким образом события аваро-византийских войн 617—629 гг., в которых союзниками авар была наступавшая в Малой Азии Персия [11].

Перейдем к вопросу о степени достоверности летописной статьи об аварах и дулебах. Для историков-профессионалов за немногими исключениями довольно обычно более чем критическое, можно сказать, скептическое отношение к устной традиции как историческому источнику. Поэтому и наш вывод о том, что рассматриваемая летописная статья основана на устном, да еще насчитывающем чуть ли не целых пять или шесть веков предании, могут счесть доказательством относительно малой ценности сделанной Нестором записи. В действительности, однако, как и во многих других случаях, когда устную традицию удается сопоставить с данными других письменных или археологических источников, оценка оказывается прямо противоположной. Сопоставление летописного текста об аварах и дулебах с показаниями так называемой хроники Фредегара, окончательная обработка текста которой, по достаточно хорошо аргументированному мнению Г. Лябуды, была завершена между 658 и 661 гг. [12], как нельзя лучше убеждает в этом.

Характеризуя славяно-аварские отношения накануне славянского восстания, возглавленного впоследствии Само, франкский хроникер пишет:

---

[10] Повесть временных лет, ч. I, стр. 14.

[11] Подробнее об этих войнах см. G. Labuda. Op. cit., str. 190—191. Войне 626 г. посвящена статья: Е. Е. Тевяшов. Осада Константинополя аварами и славянами в 626 году. ЖМНП, новая серия, ч. 52, 1914, август, стр. 229—235.

[12] G. Labuda. Op. cit., str. 86; подробный разбор историографии, посвященной так называемой хронике Фредегара, см. ibid., str. 52—92.

«Ежегодно гунны (так часто называли средневековые хронисты аваров.— *В. К.*) отправлялись на зимовку к славянам и брали к себе на ложе их жен и дочерей. Помимо других притеснений, славяне платили гуннам дань» [13].

Слова франкского летописца, пользовавшегося, по-видимому, при рассказе о Само сведениями путешествовавших по славянским землям франкских купцов, прямо дополняют сообщение Русской летописи о насилиях авар над дулебами. Чрезвычайно важно при этом, что франкским купцам VII в. бросалась в глаза как раз та же самая особенность аварского ига — издевательства над славянскими женщинами,— воспоминания о которой сохранились и в устной народной традиции. Таким образом, нет оснований подвергать сомнению ту характеристику славяно-аварских отношений, которая содержится в анализируемой нами летописной статье. Она вполне отвечает условиям жизни, в которые попали славяне, оказавшиеся в VI—VII вв. под игом аварской орды.

Правда, в литературе вопроса существует и другая точка зрения, согласно которой сообщение так называемого Фредегара о зимовках авар среди славян, а следовательно, и об их насилиях над славянскими женщинами, является просто сгущением красок, явным преувеличением. Так, Н. П. Грацианский [14] считал, что зимовки среди славян должны были представлять для авар слишком большой риск в случае восстания славянского населения. Поэтому он отвергал, как несоответствующее историческим обстоятельствам, это показание франкского хроникера. Такого же мнения придерживаются Г. Вернадский [15] и названный уже нами выше словенский исследователь Б. Графенауэр, считающий вымыслом сообщение об аварских насилиях над славянскими женщинами.

С возражениями этих исследователей, пожалуй, можно было бы и согласиться, если бы речь шла о том, что зимовки и сопутствующие им насилия были важным элементом отношений авар к многочисленному окружающему их славянскому населению вообще. Но все дело и заключается в том, что, судя по Русской летописи, в данном случае речь идет не о характеристике славяно-аварских отношений в целом, а о более локальном явлении, может быть, именно в силу своей исключительной жестокости так долго сохранявшемся в народной памяти [16]. Ведь русский летописец, следуя за народным преданием, прямо связывает издевательства авар над славянскими женщинами с подчинением аварам дулебов, а не вообще всех славян.

Иными словами, процитированные выше показания Русской летописи и франкской хроники следует толковать ограничительно, относя их только к самой угнетенной части славянского населения, жившего в пределах аварской державы.

Такое ограничительное толкование летописного текста не только не противоречит, но, как кажется, наоборот, вполне соответствует сложившимся в новейшей славянской литературе представлениям о характере аварского каганата и развитии славяно-аварских отношений в VI—VII вв. В результате новейших исследований можно считать доказанным, что

[13] «Chuni aemandum annis singulis in Esclavos veniebant, uxores Sclavorum et filias eorum strato sumebant; tributa super alias oppressiones Sclavi Chunis solvebant». Fredegarii Scholastici Chronicarum..., l.IV, c. 48. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, rer. Meroving., t. II. Hannoverae, 1888.

[14] Н. П. Грацианский. Славянское царство Само. «Исторический журнал», 1943, № 5—6, стр. 41—47.

[15] G. Vernadsky. The beginning of the Czech State. «Byzantion», IX, 1944/45, p. 315—328.

[16] Кстати, эти возражения против показаний так называемого Фредегара не принимает и новейший исследователь вопроса Б. Застерова, отмечающая, что ссылки Н. П. Грацианского и Б. Графенауэра на аварские ринги как на места зимовок авар несостоятельны, поскольку назначение рингов до сих пор еще достаточно не выяснено (B. Zastěrová. Op. cit., str. 43).

авары не сыграли такой исключительной культурной и политической роли в историческом развитии славян и в ходе славянского расселения в Европе, которую приписывала им буржуазная, прежде всего немецкая и даже чешская, литература [17]. Вместе с тем в зависимости от конкретно-исторических и географических условий неодинаковый характер получало и развитие славяно-аварских отношений [18].

Появившись около 558 г. в приазовских степях, авары — по всей вероятности, народ угорского или тюркского происхождения — вступили в союз с Византийской империей. Продвигаясь далее на запад, они нанесли вскоре тяжелое поражение опасным противникам Византии — антам. Дальнейшая судьба аварской орды определялась, с одной стороны, все увеличивающимся напором новых масс кочевников, продвигавшихся с востока, с другой — развитием событий в Центральной Европе и на Балканах, где шел процесс постепенной славянской колонизации, сопровождавшийся отходом германцев на запад.

Втягивая все новые и новые народы и племена в орбиту своей политики, используя их в качестве инструментов своей дипломатии или войны, Империя неизбежно расширяла их политический горизонт, помогала лучше ориентироваться в сложных перипетиях тогдашней международной обстановки. Само собой разумеется, что расширение политического кругозора «варваров» было неизбежным, но отнюдь не желательным итогом для византийской дипломатии.

Именно так получилось и с аварами. Устремившись на запад, основная часть аварской орды уже в конце 60-х годов VI в. сумела закрепиться в Паннонии с тем, чтобы из бывшего союзника Империи превратиться в ее заклятого врага. В Паннонии аварам удалось создать тогда довольно сильное государство, основанное на угнетении славянского и немногочисленных остатков бывшего германского и романского населения. Во главе этого государства стоял аварский каган Баян.

При нынешнем состоянии источников трудно достаточно четко определить размеры территории, непосредственно входившей в состав паннонского аварского каганата. Скорее всего, территория его ограничивалась рамками Паннонии [19]. Центром аварского каганата в Паннонии был район современного венгерского города Дебрецена. На Украине, в районе современной Полтавы, находился центр значительно более слабого и признававшего первенство паннонского второго аварского каганата [20]. Разумеется, и в том и в другом случае аварская орда не представляла собой чего-либо этнически монолитного. В своем движении на запад авары, естественно, увлекали массы других кочевников, образуя с ними довольно сложный этнический конгломерат. Так, например, в Паннонии наряду с собственно аварами кочевали значительные массы кутригуров и утригуров и небольшие группы других кочевых племен — уйгуров, савиров и салов [21].

О характере аваро-славянских отношений VI—VII вв. мы имеем все основания судить на примере аварского каганата в Паннонии. Специально занимавшийся этой проблемой Г. Лябуда [22] выделяет три формы политиче-

---

[17] Мы имеем в виду прежде всего работы: J. Peisker. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. «Vierteljahr, für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 3, 1905; J. Peisker. The expansion of the Slavs. «Cambridge Medieval History», v. II, 1913. Из немецких работ назовем: E. Klebel. Siedlungsgeschichte des deutschen Sädostens. München, 1940, и др.

[18] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, d. II, str. 204—205; V. Novotný. Česke dějiny. Praha, 1911, d. I, str. 204—206; M. Kos. Zgodovina slovencev. V. Liubljani, 1958, str. 45.

[19] А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 69; G. Labuda. Op. cit., str. 141—147.

[20] B. Zastěrová. Op. cit., str. 34—35.

[21] Ibid., str. 27. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 106—112.

[22] G. Labuda. Op. cit., str. 166 и сл.

ских отношений авар с окружавшими их славянскими племенами. Первой формой этих отношений было временное, вызываемое конкретными историческими обстоятельствами военно-политическое сотрудничество авар с отдельными славянскими племенами, не связанное, однако, с признанием верховной власти кагана. Такие отношения складывались у авар с наиболее удаленными от Паннонии славянскими племенами, жившими за Карпатами или у берегов Балтийского моря. Вторым типом отношений было более или менее постоянное военно-политическое сотрудничество, сопровождавшееся признанием в той или иной форме зависимости от авар и сплошь и рядом поддерживаемое аварами с помощью военной силы. Такие отношения устанавливались у авар с ближайшими славянскими соседями, с теми массами славян, которые в это время переселялись на Балканский полуостров и вступали в тяжелую схватку с Империей. И в первом и во втором случае обе стороны, и авары, и славяне, выигрывали от сотрудничества, поскольку аварская конница прекрасно дополняла основную, игравшую решающую роль в борьбе с Византией силу — славянскую пехоту. Именно эти две формы славяно-аварских контактов дали советскому исследователю П. Н. Третьякову право считать, что, несмотря на то, что авары не были главной силой, боровшейся с империей в Европе, аварский каганат «с точки зрения широкой исторической перспективы являлся объективно союзником славян на Балканах» [23].

И наконец, третьей формой аваро-славянских отношений были те отношения прямого господства и подчинения, которые складывались на территории самого аварского каганата, в Паннонии и части Моравии. В данном случае авары были заинтересованы не только в славянской пехоте и сборе дани. Сожительство кочевой орды с оседлым славянским земледельческим населением имело для авар то преимущество, что постоянно обеспечивало их продуктами земледелия, необходимость в которых испытывали, как свидетельствуют об этом многочисленные исторические примеры, все кочевники. Отсюда стремления кочевников к установлению регулярных экономических контактов с земледельческими районами и создание собственной, пусть относительно очень ограниченной, земледельческой базы [24].

Но если сожительство со славянами на одной территории представляло для авар огромную выгоду [25], если труд и кровь славян-земледельцев и славян-воинов обеспечивали силу и мощь аварского каганата, то для подавляющей массы эксплуатируемого славянского населения власть аварского кагана означала прежде всего тяжелый и жестокий гнет. Противоречие это уже в начале VII в. нашло свое выражение в массовом восстании славян, приведшем к образованию державы Само.

По-видимому, именно к этой третьей группе славян только и можно относить замечание так называемого Фредегара о зимовках авар среди славян. Во время этих зимовок авары собирали с угнетенного населения дань, которую им трудно было бы иначе собрать, поскольку каждый год их кочевая конница летом совершала далекие грабительские набеги. Кроме того, именно зимой авары больше всего нуждались в плодах славянского земледелия, могли жить за счет собранного славянами урожая [26]. Передвигаясь по стране компактными военными отрядами, авары, по-видимому, должны были чувствовать себя в относительной безопасности. Вероломные и жестокие даже в отношении своих союзников-славян, о чем свидетельст-

[23] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 2-е изд. М., 1953, стр. 191.

[24] О заинтересованности татар в земледельческой продукции см. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 99—102. Тот же вопрос на примере гуннов рассматривают: Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960, стр. 81—85, 146—148; N. Jorga. Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung, V. I. Gotha, 1905, S. 61—62.

[25] Подробнее об этом см. B. Zastěrová. Op. cit.; G. Labuda. Op. cit., str. 175—180.

[26] B. Zastěrová. Op. cit., str. 43.

вуют буквально все известные нам источники, в пределах своего каганата они по вполне понятным причинам могли позволять себе самые крайние формы глумления и издевательств над угнетенными славянами. Именно об этом и рассказывает нам хроника так называемого Фредегара, из текста которой с полной очевидностью следует, что речь идет о сожительствующих с аварами на одной территории славянах.

Но ведь именно сожительство славян-дулебов и авар предполагает и Русская летопись, о чем прямо свидетельствует замечание Нестора: «аще поехати будяше Обрину, не дадяше впрячи коня ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести Обрена» [27].

А это значит, что возникает еще один вопрос — в какой мере известные нам условия жизни восточнославянских дулебов соответствуют только что описанным нами условиям жизни угнетенного славянского населения в аварском каганате в Паннонии? Иными словами, имеем ли мы право связывать летописное сообщение об аварских насилиях с восточнославянскими дулебами или, быть может, должны отнести его к дулебам чешским или даже паннонским? Нужно сказать, что вопрос этот уже давно возник перед исследователями, вызвал и вызывает до сих пор споры. В советской литературе, как правило, преобладает мнение, что запись Нестора следует относить к восточнославянским дулебам [28]. Иной точки зрения придерживался дореволюционный русский исследователь Ф. Вестберг, считавший возможным связывать рассматриваемую летописную статью с чешскими дулебами [29]. Наконец, Г. Лябудой было предложено третье решение, предлагающее видеть в летописных дулебах паннонское славянское племя, жившее между озером Балатон и рекой Мурой на территории комитата Dudleipa [30].

Нужно сказать, что последнее мнение представляется нам наиболее вероятным в силу целого ряда причин. Из сказанного выше очевидно, что как сообщение Псевдофредегара, так и запись Нестора могут быть отнесены только к тем славянам, которые жили в непосредственном соседстве с аварами и находились в течение довольно продолжительного времени в прямом подчинении у них. Между тем ни археологические, ни другие, помимо летописи, письменные источники не дают нам оснований предполагать сколько-нибудь длительные и прочные условия господства и подчинения, существовавшие между восточнославянскими дулебами и аварскими каганатами в Паннонии и в причерноморских степях. Жившие достаточно далеко от основных аварских центров восточнославянские дулебы могли стать только временной жертвой аварского набега. Поэтому, по-видимому, неправ П. Н. Третьяков, который, опираясь на сведения Русской летописи, пытался широко трактовать вопрос о пределах распространения власти аварского кагана на склавинские и антские племена [31]. Ведь современные событиям византийские письменные источники, рассказывающие о ходе аваро-антских войн, не дают оснований утверждать, что аварам удалось полностью разгромить силы антов и подчинить их своей власти [32]. Иными словами, записанное Нестором предание об аварах и дулебах не может использоваться прямо для объяснения отношений, складывавшихся между аварским каганатом и восточным славянством, поскольку оно само нуждается в объяснении.

Между тем объяснение происхождения записанного Нестором предания неизбежно приводит нас к явлениям, характерным для западнославян-

[27] Повесть временных лет, ч. I, стр. 14.

[28] Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 579; Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 354.

[29] Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 394.

[30] G. Labuda. Op. cit., str. 183—184.

[31] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 190.

[32] Подробнее об этом см. G. Labuda. Op. cit., str. 151—152.

ской истории. В самом деле, если нет оснований предполагать столь тяжелые, как об этом говорится в летописи, условия аварского гнета для восточнославянских дулебов, то для славян, живших на территории Паннонии, они прямо подтверждаются приведенными выше сведениями из так называемой хроники Фредегара. Вместе с тем в область западнославянской истории уводят нас и сделанные выше наблюдения над летописной легендой об обрах-великанах. Данные польского и чешского языков свидетельствуют, что легенда эта возникла у западнославянских народов, в языке которых произошло и столь знаменательное переосмысление собственного имени Карла Великого — победителя аварской державы. Любопытно, что в русском летописании термин король для обозначения государя появляется прежде всего в галицко-волынском, псковском и новгородском летописании, главным образом для обозначения государя иноземного происхождения [33].

Попав на Русь, западнославянская легенда о великанах-обрах, творивших насилия над дулебами, не только была записана русским летописцем XII в., но и, что уже само по себе является важным фактом, свидетельствующим о глубине и прочности межславянских контактов в то время, широко бытовала на Руси в виде народной поговорки. Именно это последнее обстоятельство и побудило, конечно, Нестора поместить легенду в свое историко-этнографическое введение к Повести временных лет, связав ее с восточнославянскими дулебами. Последние были ему хорошо известны. Он знал, что дулебы «живяху по Бугу, где ныне Велыняне» [34] и что волыняне ранее назывались бужанами («бужане, зане седоша по Бугу, после же велыняне») [35].

В заключение нам остается решить последний вопрос, к каким дулебам — чешским или паннонским — надо отнести записанную Нестором легенду. Чешский вариант менее вероятен, потому что именно на территории Чехии, как и значительной части Моравии, памятники аварской культуры, свидетельствующие о длительном периоде сожительства авар и славян на одной и той же территории, представлены чрезвычайно слабо [36]. Совершенно иначе обстоит дело с паннонским вариантом. Поселения паннонских дулебов находились в самом центре аварской державы, где наличие больших масс аварского населения прямо подтверждается археологическими данными [37]. Именно к этим дулебам, находившимся под длительным непосредственным игом авар, лучше всего подходят процитированные выше замечания Псевдофредегара об аварских зимовках и насилиях над славянами, так выразительно дополняемые записью русского летописца XII в. Именно потому, что паннонские дулебы принадлежали к наиболее угнетенной, наиболее жестоко эксплуатировавшейся части славянского населения в пределах аварского каганата, имя их могло сохраниться в народной памяти, вокруг него могли возникнуть легенды об аварах — могущественных и жестоких угнетателях, «великанах», издевавшихся над порабощенными славянами.

---

[33] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка т. I. СПб., 1893, стр. 1289—1290.

[34] Повесть временных лет, ч. I, стр. 14.

[35] Там же, стр. 13.

[36] G. Labuda. Op. cit., str. 142—143; J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, str. 109—112; idem. Kultura moravských Slovanů a Avaři. «Slavia Antiqua», I, 1948, str. 325—346.

[37] G. Labuda. Op. cit., см. карту между стр. 144 и 145.

Н. В. Пятышева

ПЕЧАТЬ ГОТСКОГО ЕПИСКОПА В КОЛЛЕКЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах второго Археологического отдела Государственного исторического музея (ГИМ) находится небольшая свинцовая печать, найденная во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в юго-восточной части Херсонесского городища в 1894 г. [1] В 1895 г. она была передана вместе с некоторыми другим вещами из тех же раскопок в ГИМ [2] и хранилась с ними, не попав, таким образом, в специальную коллекцию моливдовулов Нумизматического отдела ГИМ.

Рис. 1. Печать готского епископа. Из коллекции ГИМ. Лицевая сторона. Масштаб 1 : 2.

Длина печати — 16 *мм*, ширина — 13 *мм*, толщина — 3 *мм*. С боков печать выщерблена и поэтому имеет форму неправильного овала. Поверхность ее покрыта патиной желтовато-бурого цвета. Сквозь толщу печати проходят два отверстия, в которые продевались концы шнурка.

Техника изготовления печати проста: две разогретые свинцовые кругляшки, между которыми помещались концы тонкого шнура, вкладывались в матрицы и сжимались щипцами [3]. Матрица лицевой стороны нашей печати была, очевидно, больше полученного отпечатка (см. рис. 1).

На лицевой стороне печати сохранилась трехстрочная надпись; в верхней строке усматриваются две буквы ιω (иота и омега) и намечаются следы третьей — а (альфа). Все три буквы соединены лигатурой. Во второй отчетливо читается слово πισχο (писко), в третьей — γοτθι (готфи). Отсутствие на печати обычной формулы обращения к святому дает нам право на восстановление имени и звания в именительном падеже: [4] [+]' Ἰω[άννης][ἐ]πίσxo [πος] Γοτθί[ας] (Иоанн, епископ готфский).

---

[1] О находке упоминается в двух местах «Отчетов Археологической комиссии за 1894 г...» (СПб., 1896): на стр. 3 («Из отдельных находок в местности описываемых раскопок следует еще указать на часть свинцовой печати с утраченным именем какого-то готского епископа, серебряную пряжку с головой сокола и гранатовыми вставками и пр.») и на стр. 57 («...часть свинцовой печати, по-видимому, Иоанна, епископа Готфийского»).

[2] Отношение Археологической Комиссии от 29 декабря 1895 г. за № 2101, по описи № 71, инв. № ГИМ 33081.

[3] О технике изготовления печатей см. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, стр. 3—4.

[4] И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы. «Записки Русского археологического общества», т. II. СПб., 1887, стр. 28 сл.; А. Ф. Вишнякова.

На оборотной стороне печати имеются следы совершенно неразборчивых букв и какого-то изображения, может быть, креста с монограммой. Вся фактура этой стороны производит впечатление вторично использованной пластинки, которую не сочли нужным предварительно сгладить (рис. 2). В таком случае наша печать принадлежит к группе односторонних пломб [5], относящихся к древнейшим типам моливдовулов иконоборческого периода VIII — первой половины IX в. [6]

На это же время указывают имя и звание владельца печати: «Иоанн, епископ готский». Епископ Иоанн был весьма популярной личностью в Таврике во второй половине VIII в., о чем свидетельствует его «Житие», составленное в середине IX в. [7]

По данным «Жития», ставшего темой многочисленных исследований [8], дед епископа, малоазийский грек по происхождению, переселился с южного берега Понта в Таврику. Родители Иоанна были уже коренными жителями торгового селения Партениты (современный Партенит на южном берегу Крыма), где и родился Иоанн.

Юношей он принял монашество. Известно, что какой-то предшественник Иоанна по епископской кафедре («Житие» не называет его имени) участвовал в заседании иконоборческого собора 753—754 гг.; в награду за подписание соборных решений по борьбе с иконодулами он был переведен Константином V из готской окраины в Гераклею Фракийскую уже в сане митрополита [9].

Рис. 2. Печать готского епископа. Из коллекции ГИМ. Оборотная сторона. Масштаб 1:5

Население горного Крыма и побережья, оставаясь верным православию, избрало Иоанна своим духовным пастырем, что произошло, по-видимому, около 755 г. Как повествует «Житие», Иоанн не сразу принял сан, а отправился сначала в Иерусалим, где провел три года, поклоняясь святым местам, после чего вернулся в Таврику.

Вследствие того, что константинопольский патриарх встал на путь иконоборчества и не мог рукоположить православного епископа, Иоанну пришлось отправиться к католикосу Грузии в Иверию, где, очевидно, в Мцхетском храме, совершилось рукоположение его в епископы [10]. Событие это относится к 756 или 760 г.

Епископство Иоанна продолжалось долго, но на Никейском соборе 787 г. он не присутствовал, и готскую епархию представлял монах Кирилл.

Отсутствие Иоанна на этом соборе, несомненно, было связано с военно-политической ситуацией в Крыму, сложившейся в результате возраста-

Свинцовые печати византийского Херсонеса. «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 126.

[5] Аналогию см.: Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 107, рис. 53; В. Н. Юргевич. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества. «Записки Одесского общества истории и древностей» (далее — ЗООИД), т. XV, 1889, стр. 44, рис. 5. У Шлюмберже (Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884) аналогий нашей печати нет.

[6] Н. П. Лихачев. Датированные византийские печати. «Известия Российской Академии истории материальной культуры» (далее — ИРАИМК), т. III, 1924, стр. 157.

[7] В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2. СПб., 1912, стр. 426 сл.

[8] Издание Болландистов (Acta Sanctorum, m. Junii, t. V, Subdie 26, edito Veneziana, 1744, vol. V, p. 151. Пер. с греч. А. Никитского. Житие Иоанна Готского. ЗООИД, т. XIII, 1883. Библиография по данному вопросу приведена: В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 352, сл.; А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, т. I, 1921 и «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», т. V.

[9] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 395 и 406—407.

[10] А. Никитский. Указ. соч., стр. 26.

шей агрессии хазар. Около 787 г. хазарский каган захватил центр Готии Дорос и поставил в зависимость от себя местного правителя. Образовался антихазарский заговор при участии, как сообщает «Житие», всего народа. Во главе этого заговора, имевшего целью свергнуть хазарское господство и вернуть политическую свободу, стал епископ Иоанн. Вначале ему удалось изгнать из Дороса вражеский гарнизон, но вскоре, по словам «Жития», жители «одного селения» изменнически предали епископа в руки хакана. Иоанн был заточен в темницу в Фуллах [11], откуда ему удалось бежать в Амастриду на южном берегу Понта, где спустя четыре года он и умер (около 792 или 793 г.). Тело епископа было перевезено на родину в Партениты и погребено в монастыре св. Апостолов, им же самим основанном [12].

Об основании этого монастыря Иоанном сообщает как «Житие», так и открытый в 1871 г. в современном Партените при раскопках храма эпиграфический памятник, относящийся к первой половине XV в. (1427 г.). В надписи о возобновлении храма прямо говорится, что этот храм св. Апостолов построен в «давние времена иже во святых отцом нашим и архиепископом города Феодоро и всея Готфиии Иоанном Исповедником» [13].

В этой надписи Иоанн назван архиепископом, а не епископом, что объясняется безыскуственным стремлением автора, по-видимому, не знакомого с хронологической последовательностью в истории готской епархии, возвеличить святого, память о котором стала в его время уже исторической традицией.

Вопрос о готской епархии в Крыму, крайне запутанный как в русской, так и в иностранной литературе, получил наиболее полное освещение в работе А. Л. Бертье-Делагарда «Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде». Можно считать установленным, что епархия была основана не раньше первой половины VIII в. (литература вопроса приведена в указанной работе Бертье). Готская епархия в Крыму просуществовала вплоть до конца XVIII в. (до присоединения Крыма к России) [14].

В период царствования императора Льва Философа (886—911) готский епископ был возведен в сан архиепископа, а при Андронике II — в 1292 г.— в сан митрополита [15]. Если о позднем периоде существования готской епархии сохранилось достаточно документов, то ранняя история епархии ими необычайно бедна. Единственным документальным памятником, принадлежащим одному из иерархов и известным в научной литературе, является печать готского архиепископа Иоанна, найденная в Херсонесе в 1885 г. и переданная в музей Одесского общества [16].

На лицевой стороне этой печати изображена богоматерь влахернского типа, а на обороте надпись: +IΩΑΡΧΙΕΠΙCΚΟΠ. ΓΟΤΘΙΑC.

---

[11] О локализации Фулл до сих пор нет единого мнения: А. Л. Бертье-Делагард отождествляет их с Чуфут-Кале («Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде». «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 57. Симферополь, 1920); там же помещает их А. Л. Якобсон («Советская археология», 1959, № 1); Ю. А. Кулаковский локализует их в Старом Крыму («Из истории готской епархии в Крыму в VIII в.» «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1898, февраль, стр. 195—202); В. В. Кропоткин ищет их на месте городища Тепсень в Коктебеле («Из истории средневекового Крыма». «Советская археология», вып. XXVIII, 1958, стр. 198 сл.).

[12] Д. М. Струков. Древние христианские памятники в Тавриде. «Русский вестник», ч. 125, 1876, сентябрь.

[13] Г. Э. Караулов. Недавняя археологическая находка в Крыму. ЗООИД, т. VIII, 1872; В. В. Латышев. Новая надпись из Партенита. ЗООИД, т. XIV, стр. 64.

[14] Гавриил (архиепископ). Основание Готфийской и Кафской епархии. ЗООИД, т. I, 1844.

[15] Арсений (архимандрит). Готская епархия в Крыму. ЖМНП, 1873, стр. 165.

[16] Дар К. К. Косцюшко-Валюжинича Одесскому обществу. См. Отчет Общества за 1884—1885 гг., стр. 1 и 25; В. Н. Юргевич. Указ. соч., стр. 45—46.

В. Н. Юргевич, издавший эту печать, относит ее к концу IX или началу X в., т. е. к царствованию Льва Философа, при котором готская епархия была преобразована в архиепископию. Однако эта дата не согласуется с характером изображения на лицевой стороне печати.

Н. П. Кондаков на основании исторического, стилистического и иконографического анализа монет и печатей послеиконоборческого периода, начиная со второй половины IX в., приводит ряд убедительных доказательств, что изображение «знамения божьей матери» (Влахернская богоматерь) как особый иконный перевод для этого рода памятников устанавливается в пределах только XI—XII вв. [17]

Именно к этому времени следует отнести и одесскую печать. Точно так же дата нашей печати определяется как ее типом — односторонняя пломба [18], так и историческими данными: готская епископия в Крыму существовала лишь в пределах VIII—IX вв., так как на рубеже IX—X вв. она была переведена в ранг архиепископии. Печать епископа Иоанна является наиболее ранним из трех исторических письменных памятников, связанных с его именем: «Житие» (середина IX в.) [19], надпись из Партенита (1427 г.) и наш моливдовул.

Последний документ проливает некоторый свет и на другой нерешенный вопрос, связанный с историей крымских готов, которому также посвящена обширная литература,— о готском языке в Крыму [20].

Несмотря на отсутствие фактических данных, многие исследователи считали, что готское евангелие Ульфилы связано именно с крымскими готами и, как утверждал В. Г. Васильевский, полное сближение Иоанна, грека по происхождению, с местным населением выражалось в усвоении «того языка, на котором здесь не только говорили в общежитии, но все еще читали и священное писание» [21].

Это, как теперь очевидно, ошибочное утверждение основывалось на запутанности вопроса о двух Готиях — Дунайской и Крымской. Готии Крымской приписывалось то историческое значение, которого она никогда не имела, а имела, несомненно, Готия Дунайская, что доказывали еще В. Н. Юргевич и Ю. А. Кулаковский, а затем А. Л. Бертье-Делагард [22]. Как показывают их работы, мы можем говорить о Готии Крымской как о термине церковно-топографическом, не связанном с каким-либо этническим и языковым преобладанием готской народности в Крыму и возникшем сравнительно поздно. Ни Прокопий (VI в.), ни Константин Багрянородный (X в.) не упоминают этого термина. Не встречается он и в письмах папы Мартина (VII в.), в которых говорится об окружающем Херсон населении просто как о варварах-язычниках [23].

Следует отметить, что, несмотря на тщательные поиски специалистов, в Крыму до сих пор не найдено ни одной готской буквы, в топонимике не сохранилось ни одного готского названия, что было бы невозможно при распространенности готского языка и готской письменности. Все

---

[17] Иконография богоматери, т. II. СПб., 1915, стр. 107.

[18] Н. П. Лихачев. Датированные византийские печати, стр. 157. Для памятников этого времени характерен также крест с монограммами на концах, сменившийся в послеиконоборческий период крестом на ступеньках, или крестом процветшим в сопровождении обычной формулы «Господи, помози рабу твоему», или изображением святых. См. его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, стр. 6.

[19] В. Г. Васильевский. Указ. соч.

[20] Там же, стр. 351; Арсений. Указ. соч., стр. 66; А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 307.

[21] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 401.

[22] А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч. (там приведена литература вопроса).

[23] С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. «Памятники христианского Херсонеса», вып. III. М., 1908.

христианские эпиграфические памятники Крыма написаны по-гречески [24].

Личная печать готского епископа — памятник греческой письменности. Есть еще вопрос, связанный с нашей печатью: как и при каких обстоятельствах попала она в Херсонес? Может быть, Иоанн, задумав в начале своей епископской деятельности постройку монастыря, об основании которого сообщает «Житие», обратился в Херсонес с просьбой прислать мастеров строителей. Это предположение подтверждается открытым в Партените храмом [25], материал, техника и общий архитектурный план которого до мельчайших подробностей совпадают с остатками подобных же храмов в Херсонесе [26].

Возможно также, что Иоанн, желая приобрести на каком-то этапе своей борьбы с хазарами союзников, вел переговоры с Херсонесом. Место находки печати в юго-восточной части городища близ порта, где располагались официальные учреждения и где случаи нахождения печатей должностных лиц наиболее часты, не противоречит обоим предположениям.

Но есть одно обстоятельство, заставляющее говорить о связи Иоанна с Херсонесом именно в период пребывания епископа за морем: печать резко отличается своим желтовато-бурым оксидом от всех других известных нам печатей местного происхождения, в том числе происходящих из Партенита [27]. Оксид нашей печати типичен для малоазийских пломб [28], следовательно, она изготовлена на южном побережье Понта в вынужденной резиденции Иоанна — Амастриде.

Находка второй печати готских иерархов в Херсонесе — любопытная деталь в малоисследованной пока истории дипломатических отношений Херсонеса с населением горного Крыма.

---

[24] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. Характерно, что даже в период татарского господства в Крыму последний представитель готской митрополии в конце XVIII в.— митрополит Игнатий, претерпевший вместе с другим православным духовенством всяческие притеснения от татар, настолько отатарился, что говорил и писал по-татарски, но греческими буквами. См. Гавриил (архиепископ). Указ. соч., стр. 197—204.

[25] Д. М. Струков. О древнехристианских памятниках в Крыму. М., 1872; Н. И. Репников. Партенитская базилика. «Известия Археологической комиссии», вып. 32. СПб., 1909.

[26] Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 96 сл.

[27] Б. А. Панченко. Шесть моливдовулов из Парфенита («Известия Археологической комиссии», вып. 18. СПб., 1906, стр. 106).

[28] М. И. Ростовцев в своей работе о римских свинцовых тессерах различает три вида этих памятников в зависимости от состава и оксидации свинцов: западные, восточные (малоазийские) и египетские (промежуточные). Свинцы, находимые в Малой Азии, покрыты беловатым или желтоватым оксидом. См. М. И. Ростовцев. Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903, стр. 9.

Я. Н. Щапов

СМОЛЕНСКИЙ УСТАВ КНЯЗЯ РОСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА

Древнерусские княжеские уставы дошли до нас в небольшом количестве. Это устав князя Владимира, уставы новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г., смоленского князя Ростислава Мстиславича, новгородского князя Всеволода, наконец, устав князя Ярослава Владимировича.

Однако этот ценный вид источников остается до настоящего времени еще мало изученным. До сих пор нет археографического и исторического исследования устава князя Ярослава и «время возникновения» его различных редакций «точно не определено» [1]; нужно новое, основывающееся на последних достижениях исторической науки исследование устава князя Владимира; смоленский устав Ростислава и новгородский устав Святослава Ольговича также требуют внимания источниковедов.

Перечисленные уставы можно объединить в несколько групп, в зависимости от того, какое историческое значение они имели, в каких условиях были созданы, для решения каких вопросов дают материал и т. д. Так, мы можем выделить группу уставов, имевших общерусское значение, известных на обширной территории Руси и сохранившихся в большом числе редакций, куда войдут уставы Владимира (семь редакций) и Ярослава (пять редакций), и группу местных — таких, как смоленский и новгородский уставы.

Вторая группа имеет для нас особое значение. Изданные для своей епископии, эти уставы только в ней имели силу, а вне ее не представляли практического интереса как памятники, отражающие местные, особенные условия. Это важное свойство указанных уставов: если широко распространенные на Руси уставы Владимира и Ярослава при перенесении их на новую почву, в новые условия перерабатывались и дополнялись, в результате чего появлялись новые их редакции и изводы, то местные уставы сохранились в близком к их первоначальному тексту виде. Иногда они сохраняют даже дату их издания. Позднейшие дополнения к этим уставам наслаиваются в виде дополнительных статей и могут быть выделены и изучены отдельно.

Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича принадлежит к этой группе, так сказать, «документальных» местных уставов и отмечен всеми особенностями, им присущими. Вместе с тем он существенно отличается от другого подобного устава князя Святослава Ольговича в смысле условий возникновения. Смоленский устав — уникальный памятник уже потому, что представляет собой первый устав епископии, данный при ее основании. Все другие дошедшие до нас уставы, по крайней мере в том виде, как они

[1] М. Н. Тихомиров. Закон Судный людем краткой редакции в русских рукописях. В кн.: «Закон Судный людем краткой редакции». М., 1961, стр. 26.

сохранились, говорят уже или об изменениях в обеспечении епископий, или о соответствии новых постановлений духу и букве старых уставов.

Смоленский устав используется в качестве источника при изучении различных вопросов социальной и политической истории Руси XII в. Одним из первых привлек этот памятник при исследовании административного деления, населения, торговли и истории Смоленской земли П. В. Голубовский[2]. Его работы продолжены смоленским историком Д. П. Маковским[3] и др. Устав использовал для установления даты основания смоленской епископии Е. И. Кашпровский[4], для определения объема епископского суда — Е. Е. Голубинский[5]; этот документ привлекается при анализе процесса сложения территории Древнерусского государства А. Н. Насоновым[6], при исследовании эволюции отдельных групп бывших свободных общинников в сторону феодальной зависимости — И. И. Смирновым[7], при изучении заселения Смоленской земли — В. В. Седовым[8] и т. д.

Однако со времени первой публикации устава в 1846 г.[9] ему не было посвящено ни одной специальной работы.

Устав князя Ростислава Мстиславича известен в единственном списке XVI в. в тетради, писанной западнорусским полууставом, переходящим в скоропись[10]. Этот поздний список отличается рядом неисправностей, которые могут быть объяснены плохой сохранностью части текста протографа, к тому же сам он поврежден.

Смоленский устав обычно датируют 1150 г. Этим годом («В лето 6659 индикта 14, месяца сентября 30») завершается приписка к подтвердительной грамоте епископа Мануила, а в тексте самого устава даты нет. В первой публикации памятника в «Дополнениях к актам историческим» дата 1150 вынесена в начало заголовка документа и с тех пор помещается обычно там же во всех других изданиях, правда, иногда с замечанием, что документ датируется «указанием грамоты епископа Мануила»[11].

Комплекс уставных грамот смоленской епископии, сохранившийся в позднем списке,— сложный и разновременный памятник. Здесь могут быть выделены: 1) основная часть (ст. 1—7) грамоты Ростислава; 2) основная часть грамоты Мануила («Се яз... да будеть проклят»); 3) приписка к грамоте Ростислава с запрещением воссоединять Смоленскую епархию с Переяславской (ст. 8—9); 4) первая приписка к грамоте Мануила о том же («Или епископ... епископью»); 5) вторая приписка к ней же о невыполнении устава («Или отдасть... анафема»); 6) вторая приписка к грамоте Ростислава о новом пожаловании епископии, с датой — 1150 г. В последнюю часть комплекса входит дополнительная грамота о размере погородья и почестья, отражающая другой, более поздний порядок материального

---

[2] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895, стр. 214—266.

[3] Д. П. Маковский. Смоленское княжество. Смоленск, 1948, стр. 198—230.

[4] Е. И. Кашпровский. Учреждение смоленской епископии. Киев, 1896.

[5] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-я половина. М., 1901, стр. 410, 640.

[6] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 159—172.

[7] И. И. Смирнов. К вопросу об изгоях. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 105—111.

[8] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960.

[9] Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ), т. I, № 4. СПб., 1846. Устав переиздавался неоднократно. Последней, лучшей его публикацией является издание в серии «Памятники русского права» (далее — ПРП), вып. 2. Составил А. А. Зимин. М., 1953, стр. 37—53.

[10] Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ). Акты до 1613 г., № 3—4.

[11] ПРП, вып. 2, стр. 45.

обеспечения епископии. Такой сложный состав этого комплекса не позволяет датировать все его части одним годом.

Между тем указание на время составления грамоты Ростислава содержится в ней самой. Ростислав пишет: «...яз недостоиныи, грешныи, *се уста[в]ляю епископью* (курсив мой.— *Я. Щ.*) о немь же епископу быти живу и с клиросом своим...» [12].

Уставная грамота Ростислава — это документ, на основе которого создается епископия. Она современна основанию кафедры в Смоленске, которое нашло отражение в Ипатьевской летописи под 1137 г. [13] Таким образом, грамота Ростислава об учреждении Смоленской епископии должна быть датирована 1137 г. К этой дате относится и основная часть грамоты Мануила, так как она лишь подтверждает устав Ростислава и не содержит новых положений. Однако работа над созданием устава не закончилась с его возникновением. Ниже в виде опыта определяются более поздние части устава.

Дополнительным указанием на неправильность датировки грамоты Ростислава 1150 г. служит также следующая оговорка в грамоте: «Се же ныне, с божьею помощью и со святою богородицею, *в сии дни полны дани*, а по сем что бог устроить; по божью строю чи которая дань оскудееть *или ратью* (курсив мой.— *Я. Щ.*), или коим образом, [п]о силе что почнеть давати тыи дани, а из того десятина святей Богородици» [14]. Грамота, таким образом, дана в мирный для смоленского княжества, урожайный год; в ней указан максимальный размер десятины, который мог быть уменьшен в случае войны или другого бедствия. Между тем 1150 г. относится к периоду постоянной открытой вооруженной борьбы Смоленска и Киева против Юрия Долгорукого, что никак не соответствует отмеченному в грамоте спокойному времени. В то же время ни 1137 г., ни годы непосредственно перед ним не отмечены какими-либо неурожаями, засухами и другими бедствиями на Смоленской земле [15]. Можно предположить, что с этим временем нужно связывать не только выдачу епископии уставной грамоты, но и самый факт учреждения епископии.

Однако попытка выделить Смоленское княжество из-под церковной юрисдикции переяславского епископа и сделать его самостоятельным и в церковном отношении, увенчавшаяся успехом в 1137 г., предпринималась и ранее. На это указывает первая статья смоленского устава. Князь Ростислав пишет, что он учредил епископию «по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити» [16].

Князь Мстислав Владимирович сидел с 1125 г. до своей смерти в 1131 г. на киевском столе. К этому времени и нужно отнести тщетную попытку Мстислава отделить свое княжество от подчинения в церковном отношении переяславскому епископу Марку. Лишь смерть последнего в 1134 г. [17] позволила Ростиславу осуществить это мероприятие.

Ипатьевская летопись сообщает, что в 1101 г. Владимир Мономах «заложи церковь у Смоленьске святое Богородице камяну *епискупью*» [18]. На основе этого сообщения сложилось мнение, что стремление учредить смоленскую епископию возникло еще в самом начале XII в. Так, Н. В. Голубовский пишет, что «намерение Мономаха основать отдельную епископию

---

[12] ПРП, вып. 2, стр. 39.

[13] «В лето 6645. Поставлен бы скопечь Мануило епископом Смоленеску, певечь гораздыи иже бе пришел из грек сам третии к боголюбивому князю Мьстиславу. Пред сим бо бе не был епископ Смоленьске» [Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. II, изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 300, 1137 г.]. Эта дата была обоснована Е. И. Кашпровским (указ. соч., стр. 5—35).

[14] ПРП, вып. 2, стр. 42.

[15] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 300.

[16] ПРП, вып. 2, стр. 39.

[17] ПСРЛ, т. I, стр. 132; т. II (изд. 2-е), стр. 295.

[18] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 250.

в Смоленске проглядывает в известии летописи, что он основал церковь каменную «епискупью»[19].

Однако такое понимание противоречит приведенному выше указанию устава Ростислава. Князь ссылается там только на своего отца, а о желании своего деда Мономаха учредить епископию не знает.

Действительно, нет основания считать, что Владимир Мономах, основывая в 1101 г. церковь в Смоленске, хотел этим положить начало отделения Смоленской земли от церковного центра в Переяславле. Оба феодальных княжества — и Переяславское и Смоленское — в конце XI — начале XII в. принадлежали Мономаху. В Переяславле до 1113 г. сидел он сам, в Смоленске — послушные ему сыновья, а затем посадники[20]. В условиях, когда политической борьбы между этими центрами не существовало, а во главе их стоял один и тот же князь, необходимости разделять церковное управление этих земель не было.

Как же объяснить указание Ипатьевской (и Хлебниковской) летописи на то, что заложенная Владимиром церковь была «епискупья»?

М. Н. Тихомиров справедливо считает самое это слово свидетельством того, что такой вид это известие приобрело после появления епископии, то есть после 1137 г.[21] Как показало исследование А. А. Шахматова, известие об основании смоленской церкви появилось только в третьей редакции Повести временных лет 1118 г., в Лаврентьевском и сходных с ним списках оно отсутствует[22]. Тогда же был внесен в Повесть и ряд иных известий о деятельности Владимира. Однако работа над Повестью после создания третьей ее редакции не закончилась. А. А. Шахматов показал, что известия начала XII в. продолжали дополняться в течение всего века и позже, вплоть до составления Южнорусского летописного сборника XIV в., который, по его мнению, лег в основу Ипатьевского и Хлебниковского списков[23].

А. А. Шахматов обратил внимание на такой факт. В известии 1108 (6616) г. о внесении имени Феодосия Печерского в синодик в Ипатьевской (и Хлебниковской) летописи он назван «архимандритом» печерским[24]. Звание архимандрита игумены Печерского монастыря получили во второй половине XII в.[25], поэтому эта интерполяция могла быть сделана в Печерском монастыре в конце XII в. или позже. А. А. Шахматов приводит ряд других поздних вставок в текст третьей редакции Повести.

Можно предположить, что и слово «епискупья» является позднейшей вставкой, отсутствовавшей в известии третьей редакции Повести 1118 г. и появившейся уже после учреждения в смоленской церкви Богородицы кафедры, следовательно, после 1137 г. Это добавление, первоначально, вероятно, в виде глоссы на поле, принадлежало руке церковника. Оно обращало внимание на то, что Мономахом в 1101 г. была заложена не какая-либо иная смоленская церковь, а именно кафедральная.

Основное содержание смоленского устава — перераспределение феодальной ренты теперь уже между двумя органами государственной власти — светской и церковной. Поэтому устав позволяет выделить составные части феодальной ренты, поступающей князю, а также состав той доли этой ренты, которая присваивается церковной организацией княжества.

В уставе могут быть обнаружены три составные части ренты:

---

[19] П. В. Голубовский. Указ соч., стр. 234. См. также М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 309—310.

[20] Очерки истории СССР IX—XIII вв. М., 1953, стр. 390—391, 419.

[21] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 355.

[22] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916—1917, стр. 321.

[23] Там же, стр. XLII.

[24] Там же, стр. XLIV, прим. 2.

[25] Амвросий (см. его «Историю российской иерархии», ч. 1. СПб., 1810, стр. 44) указывает, что первым в архимандриты был возведен в 1159 г. Акиндин.

1. Дани в широком смысле («все дани смоленские») — часть ренты, собираемая князем в качестве государя, верховного собственника княжества. Эти платежи весьма многообразны: полюдье, гостиная дань, перевоз, торговое, мыто, передмер, «в корчмитах», «на истужницех».

2. Поступления от эксплуатации населения, находящегося на следующей, по сравнению с облагаемым данью населением, ступени феодальной зависимости и иначе организованного — в виде сеньории. На этот вид феодальной ренты в уставе указывает передача епископии сел и урочищ, в том числе дважды под термином «уезд княж».

3. Поступления от суда, как княжеской регалии, в двух видах: виры и продажи.

Перед нами крупное, сложившееся в результате длительного развития феодальное хозяйство, часть которого, потеснившись, князь отдает вновь оформляющемуся церковно-политическому органу государственной власти — епископии. Это делается частично путем дележа названных выше видов ренты, частично же выделением новых ее видов.

Прежде всего, церковь получает часть даней в форме десятины — отчисления в данном случае десятой доли всех названных выше платежей, за исключением полюдья. Это указывает на то, что система сбора такого рода дани, вероятно, отличалась от других видов и не позволяла делить его с церковью. Общий размер десятин от даней указан: около 300 гривен.

Одновременно епископ становится земельным собственником-феодалом. Грамота закрепляет за ним два села с относящейся к ним землей и особыми, не принадлежащими, очевидно, к общинам этих сел крестьянами — изгоями и бортником [26]. Кроме этого, епископии переданы два двора княжеских поставщиков — капустника и тетеревника — и ненаселенные земли, озера и сеножати. Система дележа феодальной ренты в этом случае совершенно иная, чем в первом. В будущем, как известно, этот вид феодальной ренты станет основным в эксплуатации, в частности и со стороны церкви. Однако остается неизвестным объем феодального иммунитета церкви относительно этих сел. Отсутствие специального указания на принадлежность к такому пожалованию также вир и продаж, как это сделано в уставе относительно прощеников и в грамоте Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на село Буйцы 1125—1132 гг., не позволяет с уверенностью говорить о том, что этот иммунитет был полным.

Полный церковный иммунитет, финансовый и судебный, распространяется на особую категорию людей — прощеников, являвшихся своеобразным, связанным с церковью сословием раннефеодального общества.

Феодальная рента, поступающая в виде судебных податей, также подлежит разделу между князем и епископом, причем система этого раздела вновь отличается от первых двух. Линия размежевания проходит здесь между двумя судебными органами: епископский суд осуществляет семейное и брачное право, а также в особом случае уголовное (отравление); княжеский — остальные отрасли права. Суд по бракоразводным делам производится епископом как на его землях, так и на всей территории княжества. Помимо этого, церковь распространяет свою судебную власть не только на семейно-брачные дела, но и на уголовные, но лишь в одном случае, когда их участниками являются «церковные люди» — члены церковного причта. Так, члены церковной организации, являясь в определенных случаях вершителями суда над светским населением, получая соответствующие доходы, сами оказываются вовсе не подлежащими светскому суду.

Смоленский устав упоминает установления о десятине, суде, церковных землях, церковных людях, не только принятые в этом уставе, но и, что особенно интересно, отвергнутые в нем. Здесь специально

[26] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 106.

оговаривается, что судебная десятина с княжеских судов от вир и продажи, как и десятина от полюдья, церкви не передается. Следовательно, можно предположить, что ранее существовал какой-то порядок, который затем был изменен в уставе. Это позволяет поставить вопрос об источнике устава, который лег в его основу, но был приспособлен к местным условиям 1130-х годов.

Другим указанием на источник устава, существовавший ранее и хорошо известный его составителю, служит статья о епископских судах. Принадлежность епископу церковных судов не вводится здесь впервые и не изменяется, а лишь подтверждается: «а теж епископлих не судити никому же, судит их сам епископ». Это также подтверждает, что смоленский устав следовал образцу каких-то предшествующих установлений о церкви.

Таким образцом могли послужить какие-то старые подобные же установления, связанные с Киевской митрополией или Переяславской епископией. Действительно, трудно предположить, что смоленский устав мог создаваться в ином русле, чем существовавшие уже в других епископиях положения, прежде всего связанные со статусом верховной церковной власти на Руси в Киевской митрополии.

Однако наряду с первым источником, которому следовал смоленский устав, нужно назвать и второй — местные общественные условия, степень развития феодальных отношений, взаимоотношения между князем, боярством, горожанами, сельским населением — т. е. все те факторы, которые в конечном итоге придали вновь создаваемому смоленскому уставу отмеченные выше характерные черты.

В отличие от всех других дошедших до нас церковных уставов, смоленский устав сопровождается в рукописи документом, изданным от имени второго субъекта соглашения — епископа Мануила. Грамота епископа Мануила является, таким образом, уникальным памятником, показывающим, что в XII в. договор между высшей светской и церковной властью государства состоял из двух документов, данных от имени и той и другой стороны.

В своей грамоте епископ Мануил пишет, что он вместе с князем Михаилом (христианское имя Ростислава) подтверждает то, что написано, утверждено и сделано по благословению митрополита Михаила при князе Михаиле-Ростиславе, утверждавшем устав церковный и основавшем епископию. Далее следует запрещение нарушений устава и проклятье. Таким образом, епископ от своего имени подтверждает установления князя, ссылается на благословение своего непосредственного главы — митрополита, которого Ростислав в основной части устава совершенно не упоминает; наконец, со своей стороны так же или даже с большим усердием он заклинает нарушителей, обнаруживая хорошее знание канонов о поставлении епископов [27].

---

[27] В связи со сложностью и спорностью толкования отдельных мест грамоты предлагаю ее перевод:

«1. Вот я, бедный, и грешный, и недостойный епископ Мануил вместе с благородным и христолюбивым князем моим Михаилом, утверждаем то, что написано, утверждено и сделано в связи с благодеянием по благословению св. духа посвятившего меня митрополита русского господина Михаила при благоверном и христолюбивом князе моем господине (гаплография?) Михаиле, названном Ростиславом, который утвердил устав церковный по желанию и повелению своего св. отца и основал епископию смоленскую.

2. Если кто-либо после смерти моего князя или после моей смерти нарушит или отменит эту грамоту и этот устав, будь это князь или кто другой, пусть будут против него в день судный бог и св. богородица, пусть будет проклят он св. апостолами и 318-ю св. отцами, которые постановили: «Если должен быть в каком-либо городе епископ, пусть поставят его с благословением всех святых; если кто нарушит это постановление, пусть будет проклят».

3. Или если какой-нибудь епископ из-за жадности будет стремиться в Переяславль и эту епископию присоединить к Переяславлю, пусть будет он проклят

Можно предположить, что грамота епископа Мануила, грека по происхождению (пришедшего «из Грек» при отце Ростислава — Мстиславе, который умер в 1132 г.), была написана на греческом языке и затем переведена на древнерусский. Действительно, в тексте этой грамоты мы встречаем обороты, близкие к византийским церковным документам, например: «утвержаеве, еже написана, утвержена и сотворена, о благодати, и благословением святого духа»; поименование митрополита Михаила греческим термином «кир» (господин). Это также подтверждает выделение двух последних статей грамоты как позднейшей приписки. В них отсутствуют все указанные черты перевода с греческого, в частности не повторяется слово «кир» перед именем митрополита Михаила. Эти статьи могли быть составлены уже на древнерусском языке; они не одновременны грамоте Мануила.

Одна из таких дополнительных статей, как и ст. 8 Устава Ростислава, повторяет следующее положение: в случае, если кто-либо (в грамоте Мануила: какой-либо епископ), нарушив постановление св. митрополита Михаила, вернет Смоленскую епархию Переяславской епископии, князь отнимет все то, что он дал новому епископу.

Обе эти статьи — дополнение к основной части обоих документов, вызванное, вероятно, какими-то сложившимися после основания Смоленской епископии условиями. Такое происхождение статьи о Переяславле в грамоте Мануила предполагал уже С. В. Юшков [28].

Статья о Переяславле в уставе Ростислава дана от имени того же князя; Ростислав сидел в Смоленске до 1160 г., а затем в Киеве до самой смерти (1168 г.). В Смоленске после него княжил его сын Роман. Однако у нас есть основания считать, что эта статья была создана не только до 1160, но и ранее 1150 г., так как после грамоты Мануила с интересующей нас статьей следует приписка о передаче епископии нового владения, датированная 1150 г. В то же время в уставе Ростислава и в грамоте Мануила митрополита Михаила называют «святым», а ранее он был просто «поставленником моим митрополитом». Это позволяет считать, что статья появилась уже после смерти митрополита Михаила. Последний в 1145 г. покинул Русь [29] и умер, как полагал В. Н. Татищев [30], основываясь на Густынской летописи, вскоре в Константинополе. Таким образом, данные устава и грамоты позволяют датировать статьи о Переяславле 1145—1150 гг.

Изучение политической жизни русских княжеств середины XII в. по летописям позволяет получить дополнительные данные, раскрывающие смысл интересующей нас статьи и устанавливающие время ее создания.

В 1145 г. уехал из Киева в Константинополь митрополит Михаил, бросив свою кафедру и оставив «рукописание», запрещающее служить в кафедральной церкви без митрополита [31]. Борьба в Константинополе за патриаршую кафедру в 1145—1147 гг. не позволяла Византии следить за русскими делами. Этим воспользовался киевский князь Изяслав Мстиславич и на созванном специально соборе в 1147 г. поставил киевским митрополитом русского ученого монаха Клима, родом Смолятича. Ипатьевская летопись содержит довольно подробный рассказ об этом соборе, на котором мнения епископов о праве собора разделились: епископ

св. митрополитом русским Михаилом, который открыл эту епископию, как это выше написано.

4. Или если отдаст что-либо вместо того, чтобы давать св. Богородице, как написано здесь, пусть будет он также проклят и пусть будет ему анафема».

[28] С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 223.

[29] ПСРЛ, т. I, стр. 136.

[30] ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, стб. 298; В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. 2, 1769, стр. 301.

[31] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 341.

смоленский Мануил и новгородский Нифонт были против поставления Клима, ссылаясь на неправомочность собора без благословения патриарха, а епископ черниговский Онуфрий вместе с большинством собора, в которое входил и переяславский епископ Евфимий, поставили Клима митрополитом [32]. После победы Изяслава и Клима епископов, выступавших против правомочности собора и действий нового митрополита, ждала опала. Нифонт в 1149 г. был привезен в Киев и заточен в монастырь [33], что же стало с Мануилом — не совсем ясно. Ипатьевская летопись сообщает, что в 1156 г., когда из Константинополя приехал новый, поставленный патриархом митрополит Константин, его приняли с честью князь Юрий, полоцкий епископ «и Мануил Смоленьскии епископ, иже бе бегал перед Климом...» [34].

Автор хронологии летописных известий об истории русской церкви до 1240 г. М. Баумгартен понимает это сообщение как свидетельство того, что Мануил бежал в Константинополь, опасаясь Климента [35]. Однако, несмотря на то, что летописи ничего не сообщают о Мануиле между 1147 и 1156 гг., нет оснований считать, что он покидал Русь. Выражение «бе бегал перед Климом» правильнее перевести как «прежде избегал Клима» или «ранее скрывался от Клима».

Однако при любом понимании этих слов, нужно полагать, что грек Мануил в 1147—1154 гг. (последний год — это год ухода Климента из Киева на Волынь вместе с Изяславом Мстиславичем) находился в ссоре с митрополитом, против поставления которого он выступал, и, вероятно, с епископами, которые поддерживали нового митрополита. К этому неблагоприятному для епископа Мануила времени мы и склонны относить угрозу воссоединения Смоленской епархии с Переяславской епископией, возглавляемой противником Мануила на соборе 1147 г. епископом Евфимием.

В 1137 г. при выделении Смоленской епископии из Переяславской последняя не имела епископа. После смерти епископа Марка в 1134 г. новый епископ был поставлен туда только в 1141 г. [36] Это время, очевидно, и было использовано митрополитом Михаилом и князем Ростиславом для реформ в области церковного управления. Вновь поставленный в Переяславле епископ Евфимий, политический противник Мануила, мог воспользоваться сложившейся в 1147 г. обстановкой, чтобы попытаться осуществлять управление Смоленской епархией, в случае отсутствия там Мануила, или просто предпринимать враждебные действия против него, пользуясь, может быть, помощью Клима. Однако такие акции не были поддержаны другим противником Клима и Изяслава — смоленским князем Ростиславом, с согласия которого и были включены в устав дополнительные статьи о Переяславле после 1147 и до 1150 г.

После подтвердительной грамоты епископа Мануила следует статья, не связанная с этой грамотой, но представляющая собой дополнение к уставу Ростислава, которое появилось в комплексе уставов, следовательно, уже после того, как обе грамоты были снабжены статьями о Переяславле и переписаны одна за другой. В статье отмечалось: «И се и еще и холм даю святей Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископу строить наряд церковныи и утверженье, в лето 6659, индикта 14, месяца сентября 30» [37]. Краткость статьи, связь ее

[32] ПСРЛ, т. II, стб. 340—341.

[33] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 214—215.

[34] ПСРЛ, т. II, стб. 485.

[35] Constantin «était suivi des évêques Cosmas de Polotzk et Manuel de Smolensk, qui s'étaient enfuis à Constantinople par craint de Clément» (N. de Baumgarten. Chronologie ecclésiastique du terres Russes. Roma, 1950, p. 84).

[36] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 308.

[37] ПРП, вып. 2, стр. 43.

с каким-то прежним постановлением делает ее содержание не совсем ясным. Принято видеть в слове Холм название города, который был отдан прежде Владимиром Мономахом епископу Симеону, а теперь передан Ростиславом смоленскому епископу. М. Д. Приселков, изучая церковно-политическую историю Киевской Руси, обратил внимание на упоминание в уставе епископа Симеона. Из всех епископов с этим именем при Владимире Мономахе (1113—1125) известен лишь один — на кафедре г. Владимира-Волынского (посвящен в 1123 г., умер в 1136 г.). Утверждая, что этот Симеон и назван в уставе, М. Д. Приселков делает смелый вывод, считая, что здесь упоминается г. Холм, принадлежавший Владимиро-Волынской епископии, т. е. западнорусский волынский Холм, и, следовательно, Смоленская епископия создавалась не только на землях, подлежавших прежде юрисдикции переяславского епископа, но и на землях епископа владимирского. Город же Холм, по его мнению, был отдан Мономахом этому епископу и в 1150 г. передан его внуком епископу смоленскому [38].

С построением М. Д. Приселкова трудно согласиться. Холм на Волыни впервые упоминается в 1223 г. [39]; он был превращен в город при Данииле Галицком, а в XII в. еще не существовал. Кроме того, смоленский князь Ростислав в 1150 г. не смог бы передать своему епископу города, находящегося в княжестве его брата Изяслава и принадлежавшего уже давно тамошнему епископу. Наличие в летописях упоминания лишь одного епископа Симеона владимиро-волынского не дает оснований считать, что названный в уставе Симеон обязательно волынский. В летописях упоминаются далеко не все главы епископий, и нередко бывает так, что в течение десятка или более лет там не упоминается епископ. Но это и не значит, что кафедра в эти годы была незанятой. Указание устава на выделение Смоленской епископии из Переяславской епархии дает основание, вопреки мнению М. Д. Приселкова, видеть в этом Симеоне все же переяславского епископа.

Переяславский епископ Ефрем в 1095 г., по сведениям Густынской летописи и В. Н. Татищева, был поставлен киевским митрополитом [40]. В 1096 г. Ефрем упоминается как митрополит в Новгородской II летописи [41]. Неизвестно, оставался ли он при этом и епископом переяславским, но в том же 1096 г., по данным того же В. Н. Татищева, он умер [42]. Действительно, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи в 1097 г. уже упоминают нового митрополита — Николая [43]. Следовательно, уже с этого времени переяславским епископом был не Ефрем. Первое упоминание другого переяславского епископа — Лазоря — мы имеем только в 1105 г. в известии о его поставлении [44].

У нас нет оснований считать, что с 1095 (или 1096) и до 1105 г. кафедра была вакантна. Киевская митрополия после смерти Ефрема также не была свободна: в 1099 г. упомянут новый митрополит Николай, поставленный из полоцких епископов. Можно предположить, что епископ Симеон, который нас интересует,— и был переяславским епископом.

П. В. Голубовский закономерно отказывается искать Холм на территории, не принадлежавшей смоленскому князю, и правильно считает, что это пожалование было сделано Мономахом переяславскому епископу [45]. Он ищет город под таким названием в Смоленском княжестве и находит

[38] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 334.
[39] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 42.
[40] ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, стб. 278; В. Н. Татищев. Указ. соч., ч. 2, стр. 156.
[41] ПСРЛ, т. III, стб. 122.
[42] В. Н. Татищев. Указ. соч., ч. 2, стр. 169.
[43] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 239; т. I, стб. 112.
[44] ПСРЛ, т. I, стб. 117; т. II, изд. 2-е, стб. 257.
[45] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 236.

подходящий пункт — Брагин Холм на торговом пути из Смоленска в Суздальскую землю, в верховьях Вори[46].

Однако само сообщение смоленского устава о пожаловании не позволяет видеть в этом названии только обозначение города. Представляется возможным понимать это пожалование, основываясь на топографии г. Смоленска, в котором и находилась церковь Богородицы. Смоленск вырос на холмистой местности на берегу Днепра. Смоленский историк и географ И. И. Орловский пишет, что «главная часть Смоленска лежит на левом крутом берегу на пяти холмах (Казанском, Воскресенском, Соборном, Спасском и Аврамиевском), разделенных шестью глубокими оврагами»[47]. На правой стороне города, за рекой, холмы находятся дальше от берега.

Какая-то гора упоминается в основной части устава. Ростислав передает церкви «и на горе огород с капустником и з женою и з детми»[48]. Можно предположить, что в 1101 г. при основании церкви Мономахом был передан переяславскому епископу один из этих холмов и эта передача подтверждена в 1150 г.[49] Известно, что Мономахов собор, разрушенный в 1611 г., находился на Соборной горе. Однако можно понимать приписку 1150 г. и так, что Ростислав, следуя примеру деда, передал епископии другой холм для того, чтобы здесь была построена еще одна церковь («еще и холм даю... строить наряд церковныи и утверженье»). В 1939 г. И. М. Хозеровым на Спасском холме была обнаружена неизвестная церковь, которую он отнес к середине XII в.[50] Это делает второе предположение также вероятным.

Обратим теперь внимание на формуляр Устава. Он по своему содержанию делится на четыре большие части, каждая из которых посвящена особому кругу вопросов.

1. Преамбула (с благословением) об основании Смоленской епископии с исторической справкой о ней и указанием на совещание князя по этому делу «с людьми своими» (ст. 1).

2. Перечень «пожалований» новой епископии. Дан в следующем порядке: прощеники; десятина с даней; села и земли; воск, мед и два двора крестьян; церковные суды (ст. 2—6).

3. Заключительная часть с отказом от имени князя и представителей княжеской администрации (посадника, тиуна, иных «от мала и до велика») от епископских судов и продаж (здесь же указывается на относительность цифр десятины от даней); завещание князя после его смерти «князю и людем» не отменять документа, завершаемое угрозой (ст. 7).

4. Дополнительная приписка о Переяславской епископии. Содержит заклятье тому, кто ее нарушит (ст. 8—9).

Таким образом, судя по Смоленскому уставу, княжеский церковный устав в первой половине — середине XII в. содержал три основные части, к которым со временем могли присоединяться дополнительные статьи, в том числе и изданные тем же князем.

Ни устав Ростислава, ни грамота Мануила не имеют заглавия. Такого рода документы в первой половине XII в., следовательно, не снабжались

---

[46] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 76—77, прим. 2.

[47] И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1908, стр. 133.

[48] ПРП, вып. 2, стр. 41, стб. 5.

[49] Так понимает это указание и смоленский историк С. И. Писарев: «...при этом следует заметить, что „холм", отдача которого епископу Семену совершена была еще Мономахом (что в 1151 г. подтвердил Ростислав), разумеется, не особое какое-либо селение, а смоленский соборный холм, который весь поступал в ведение кафедры...» (С. И. Писарев. Памятная книга города Смоленска. Смоленск, 1898, стр. 12).

[50] И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XI, 1946, стр. 24.

заголовками. Однако в самих документах сообщаются их названия, и на них следует обратить внимание.

Ростислав называет изданный им устав — грамотой («аще ли кто посудить сея грамоты...»). Мануил дважды называет грамоту Ростислава об учреждении епископии уставом («и утвердил устав церковный»), а свое подтверждение — грамотой («или посудит сию грамоту и устав ось...»). Таким образом, название «устав» «устав церковный» в данном случае возникает под пером современника-епископа, для которого он и составлялся.

Как официальные документы, вышедшие от лиц, имевших определенные функции государственной власти — князя, епископа,— изучаемые грамоты в подлинниках, несомненно, были снабжены принадлежавшими им вислыми печатями. Можно предположить, что подтвердительная грамота Мануила имела еще и третью печать — митрополита Михаила. Печати всех этих лиц сохранились [51].

---

[51] В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. Материалы и исследования по археологии СССР, № 55. М., 1956, стр. 152 (печать кн. Ростислава); его же. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. Советская археология. 1957, № 1, стр. 115—117 (печать еп. Мануила). J. Barnea. Sigiliul unui ierarh al Rosici în aşezarea de la Garvăn (reginea Galati). Studia cercetari de istorie veche, t. VII, № 1—2, 1956, p. 186—197 (печать митрополита Михаила).

Д. С. Лихачев

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Как известно, Повесть о разорении Рязани Батыем входит в целый цикл рязанских повестей о Николе Заразском[1]. В этом цикле соединены произведения: Повесть о принесении иконы Николы Заразского из Корсуня, «Род служителей иконы Николы», Повесть о разорении Рязани Батыем, Похвала роду рязанских князей, так называемое «Коломенское чудо», и часто присоединяемая к этому циклу Повесть об убиении Батыя. Все эти произведения созданы в различное время и различными авторами, но даже сами по себе они не однородны. Неоднородна в первую очередь Повесть о разорении Рязани Батыем[2]. Ясно, что она пережила сложную литературную историю в составе цикла, а может быть, еще до своего включения в него.

Изучение литературной истории о разорении Рязани Батыем сильно затрудняется, однако, тем, что древнейший ее список — не старше XVI в. (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Волоколамский, 523). На помощь приходит, однако, изучение взаимоотношений Повести о разорении Рязани с другими произведениями русской литературы: повесть уже в XIII, XIV и XV вв. оказала влияние на ряд памятников и в свою очередь сама испытала их влияние, а также воздействие идей и стилей, характерных для той или иной эпохи.

Исключительный интерес для выяснения древнейших этапов сложения Повести о разорении Рязани Батыем имеет Синодальный список Новгородской первой летописи, где под 1238 г. читается рассказ о нашествии татаро-монголов на Рязань. Рассказ этот читается в той части Синодального списка, которая в последнем научном его издании, выполненном А. Н. Насоновым под редакцией М. Н. Тихомирова, определена как относящаяся к первой половине XIV в.[3]

Рассказ содержит целый ряд текстуальных совпадений с Повестью о разорении Рязани Батыем:

[1] Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском (тексты). «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII. М.— Л., 1949. В дальнейшем все ссылки на текст Повести о разорении Рязани по этому изданию.

[2] Там же, стр. 257—264.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. Ответственный редактор М. Н. Тихомиров. М.— Л., 1950, стр. 5. В дальнейшем все ссылки на Новгородскую первую летопись по этому изданию.

Синодальный список Новгородской первой летописи

В то лето придоша иноплеменьници, глаголемии татарове, на землю Рязаньскую, множьство бещисла, акы прузи; и первое пришедше и сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа станомь ту. И оттоле послаша послы своя, жену чародеицю и два мужа с нею, к князем рязаньскым, просяче у них десятины во всемь: и в людех, и в князех, и в коних, во всякомь десятое (стр. 74).

И рекоша им князи: «олна нас всех не будеть, тоже все то ваше будеть» (стр. 74).

Послаша же рязаньстии князи к Юрью Володимирьскому, просяче помочи, или самому поити. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князии рязаньскых молбы, но сам хоте особь брань створити. Но уже бяше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Исусу Наугину богомь; егда веде я на землю обетованую, тогда рече: аз послю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Такоже и преже сих отъя господь, у нас силу, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша (стр. 74—75).

Тогда же иноплеменьници погании оступиша Рязань и острогомь оградиша и... Татарове же взяша град месяца декабря в 21, а приступили в 16 того же месяца. Такоже избиша князя и княгыню, и мужи и жены и дети, черньца и черноризиць, иереа, овы огнемь, а инех мечемь, поругание черницам и попадьям и добрым женам и девицам пред матерьми и сестрами (стр. 75).

Повесть о разорении Рязани

Прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими, и ста на реке на Вороняже, И посла на Резань к великому князю Инъгоревичю Резанскому послы безделны, просяще десятины во всех во князех, и в людех, и в конех (стр. 308).

Благоверный же князь Федор Юрьевичь посмеяся и рече царю: «Не полезна бо есть нам крестьяном тебе нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блуд. Аще нас преодолеешь, то и женами нашими владети начнеши» (стр. 309).

И посла вскоре во град Владимер к великому князю Юрью ко Всеволодичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пошол...

Князь великий Юрьи Всеволодич Владимерской сам не идяше, не послуша совета резанского, хотя сотворити о себе брань з Батыем. Но противу гневу божию хто постоит, страха и трепету сиа вся наиде грех ради наших (стр. 310).

И обступиша град Резань, и начаша битися прилежно, и бишася у града пять дней неотступно... и взят бысть град Резань месяца декабря в 21 день. И пожегоша весь град и княгиню великую со снохами и с прочими княгинями во церкви соборней мечи иссекоша, иерея и черноризцов до останка изсекоша... (стр. 313).

Впервые на сходство Повести о разорении Рязани Батыем и Летописной статьи 1238 г. Новгородской первой летописи обратил внимание В. Л. Комарович в статье «Рязанский летописный свод XIII в.» [4]. В. Л. Комарович считал, что в различных летописях сохранились остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича. В частности, он предполагал, что не только рассказ о нашествии Батыя на Рязань в Новгородской первой летописи, но и рассказы в Лаврентьевской, Ипатьевской, Троицкой и др. восходят к рязанской. Однако следует сказать, что рассказ Новгородской первой летописи о нашествии Батыя на Рязань не похож ни на один другой рассказ летописей о нашествии на Рязань, кроме тех, которые имеют непосредственную генетическую зависимость от него. Отмечу, в частности, что рассказ Ипатьевской летописи о нашествии татар на Рязанскую землю не имеет ничего общего с рассказом Новгородской первой. Некоторое, отдаленное сходство рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии на Рязань [5] и Новгородской первой решительно разбивается о то, до сих пор

[4] История русской литературы, т. 2, ч. 1. М.— Л., 1945, стр. 74—77.

[5] Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Л., 1926; вып. 2. Л., 1927. В дальнейшем все ссылки по этому изданию.

незамеченное обстоятельство, что в основной своей части это сообщение повторяет слова и выражения Повести временных лет о мучениях, которым русские подвергали греческое население по обе стороны пролива Суд в 941 г. Рассказ Лаврентьевской летописи 1237 г. настолько близок к ее же рассказу 941 г., что даже сохраняет детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.

941 г.	1237 г.
...и всю страну Никомидиискую попленивше и Суд весь пожьгоша. Их же емше овех растинаху, другия аки странь поставляюще и стреляху в ня, изимахуть опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть их. Много же святых церквии огнем предаша, монастыре и села пожьгоша и именья немало от обою страну взяша (вып. 1, стб. 44).	...и до Проньска попленивше Рязань весь и пожгоша, и князя их убиша, их же емше овы растинахуть, другыя же стрелами растреляху в ня, а ини опакы руце связывахуть. Много же святых церкви огневи предаша, и манастыре и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша (вып. 2, стб. 460).

Это «обою страну» могло касаться только пролива Суд, его обеих сторон, но не Рязанской земли.

Ясно, что рассказ Лаврентьевской летописи не мог принадлежать рязанцу. О князе рязанском сказано там, как о постороннем: «князя их убиша». Рассказ Троицкой летописи, как и некоторых других, соответствует рассказу Лаврентьевской. Между тем рассказ Новгородской первой летописи действительно указывает на рязанца как на своего составителя: «И кто, братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых... Да и мы то видевше, устрашилися быхом...» (стр. 75). Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа Новгородской первой летописи и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град», даты подхода татар к Рязани и взятия города указаны совершенно точно (16 декабря и 21 декабря).

Вся статья 1238 г. в Новгородской первой летописи носит компилятивный характер — сперва в ней помещен рязанский рассказ, потом рассказ о взятии Владимира, сходный с Лаврентьевской летописью и восходящий, очевидно, к ростовскому летописанию, затем — выдержка из Поучения о казнях божиих, читающегося в Повести временных лет под 1068 г.

Рязанское происхождение рассказа в Новгородской первой летописи согласуется с тем, что в той же летописи под 1218 г. читается и другой рязанский рассказ: об убийстве рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. На его рязанское происхождение указывает не только содержание, но и обособленность от остального изложения в Новгородской первой летописи, ряд подробностей чисто местных, страстность прямого обращения к одним рязанским князьям с обличением их злодеяний и идеализация других.

Есть основание думать, что перед нами не два случайно и независимо друг от друга попавших в Новгород рязанских рассказа, а остатки рязанской летописи. Об этом свидетельствует в первом рассказе обещание рассказать о смерти князя Ингваря, точность дат, имен, перечислений и пр.

Итак, в Новгородской первой летописи сохранились под 1218 и 1238 гг. остатки рязанской, весьма литературно украшенной и полной страстного обличительного пафоса летописи. Теперь обратим внимание на то обстоятельство, что в Повести о разорении Рязани также наличествуют остатки летописной формы и летописного стиля: «В лето 6745...» (стр. 308), «месяца декабря в 21 день...» (стр. 313), «И бысть радость крестьяном, их же избави бог рукою своею крепкою от безбожных тотар» (стр. 321) и пр.

Нет оснований думать, что рассказ Новгородской первой летописи зависит от Повести о разорении Рязани Батыем. Он отличается от него некоторыми историческими деталями в перечислении имен князей и имеет

некоторые живые подробности, которых нет в Повести о разорении Рязани (в частности, о татарских послах сообщена любопытная подробность, что среди них была «жена чародеица», сообщается, что татары, обступив Рязань, «острогом оградиша и» и др.).

Можно, скорее всего, думать, что оба повествования — Новгородской первой летописи и Повести о разорении Рязани — восходят к единому источнику, который в Новгородской первой летописи был, возможно, значительно сокращен, а в Повести о разорении Рязани расширен вставками. В связи с этим укажем на следующее. Рассказ Новгородской первой летописи представляет по своему составу законченное целое. Он оканчивается обычным для такого рода повествований нравоучительным заключением: «И кто, братье, о семь не поплачется, кто ся нас остал живых, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видевше, устрашилися быхом и грехов своих плакалися с въздыханиемь день и нощь; мы же въздыхаем день и нощь, пекущеся о имении и о ненависти братьи» (стр. 75). После этого следуют слова, указывающие на обращение летописца к другому источнику: «Но на предлежащая възвратимся» (стр. 75).

По общему ходу изложения в Повести о разорении Рязани далее должен был бы идти рассказ о подвиге Евпатия Коловрата. Но он не нашел в повести своего отражения, и это не случайно. Не встречается он и во всех тех памятниках конца XIV и XV в., на которые повлияла Повесть о разорении Рязани. Отсюда можем предполагать, что рассказ о Евпатии — позднейшая вставка, весьма возможно, сделанная на основании фольклорных источников[6]. Не было в Повести о разорении Рязани и рассказа о гибели князя Федора, его жены Евпраксии и сына Федора. Он носит вставной характер, и дважды нашел отражение в повести, очевидно, по недосмотру компилятора. Не было и плача Ингваря Ингоревича, так как он создан явно под влиянием позднейшего плача Евдокии из Слова о житии и преставлении царя русского и великого князя Дмитрия Ивановича. Характер вставки носит и рассказ о гибели Олега Красного[7]. Если мы исключим из Повести о разорении Рязани все эти вставки, то получим приблизительно то самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской первой летописи о нашествии Батыя на Рязанскую землю. Различие будет только в именах князей и в изображении их похорон. Очень может быть, что это различие также возникло в результате вставок и изменений в Повести о разорении Рязани под влиянием местных памятников: в число убитых составитель позднейшей версии Повести включил всех князей, имена которых он смог прочесть на могильных надписях в Успенском соборе старой Рязани или в рязанском княжеском помяннике[8].

Итак, по нашим предположениям, в основе Повести о разорении Рязани Батыем лежит рассказ рязанской летописи, отразившийся в своей наиболее древней версии в первой половине XIV в. в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1238 г. и дополненный впоследствии в повести в разное время фольклорными данными, данными местных легенд и сведениями, почерпнутыми из эпиграфических памятников.

[6] Песня о Евпатии Коловрате. В кн.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.— Л., 1960, стр. 58—63.

[7] См. об этих вставках: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 257—264.

[8] Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1949, стр. 141.

А. С. Орешников

О СИНОДАЛЬНОМ СПИСКЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Мнения ученых об отношении списка Русской Правды в Новгородской Кормчей 1282 г. к протографу Пространной редакции определились в двух направлениях. М. Н. Тихомиров считает, что Синодальный список восходит к общему с другими списками протографу, а его отличия в расположении статей от Троицкого списка XVI в.— позднейшего происхождения [1]. Лингвисты отдают предпочтение Синодальному списку из-за большей древности его языка, порядок же расположения статей принимают за первоначальный. По мнению Е. Ф. Карского, Синодальный список возник в результате постепенного нарастания юридического материала; Троицкий же список дает нам представление об уже более или менее кодифицированном памятнике XIV в. [2] Мы присоединяемся к первой точке зрения, и думаем, что расположение статей в Синодальном списке не случайно. Предположение Е. Ф. Карского о постепенном нарастании статей трудно допустить, так как здесь обнаруживаются очевидные следы нарушения последовательности разделов протографа Пространной Правды. Едва ли можно назвать ст. 99, отсутствующую в детально разработанном разделе, который посвящен вопросам наследственного права, позднейшей припиской. Исследователи указывают на глубокую древность юридических норм и терминологии этой статьи, раскрывающей порядок опеки в Киевской Руси [3].

Расхождения в составе статей между Троицким и Синодальным списками начинаются после ст. 46. Однако последовательность размещения нарушается лишь после ст. 109. Эту часть Синодального списка мы условно назовем первой, а остальную — второй частью. Выделим в тексте Троицкого списка разделы, состав которых изменен в Синодальном. Это — Устав о закупах (ст. 56—66), раздел, относящийся к наследственному праву (ст. 90—109), локализованные между ними группы статей: «о бороде» и «о зубе», о нарушении бортных и охотничьих угодий, о муке смерда и огнищанина и др. (ст. 67—89), а также раздел, посвященный вопросам обязательственного права (ст. 47—55). Соотношение статей в Троицком и Синодальном списках выразим в таблице.

Как видно из таблицы, порядок следования разделов Троицкого списка повторяется после ст. 46 в первой и второй частях Синодального. Такое циклическое «нарастание» носит искусственный характер, поэтому мы допускаем предположение о намеренном изменении составителем протографа Синодального списка порядка расположения статей Пространной

[1] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.— Л., 1941, стр. 86—88.
[2] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 8—9.
[3] Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, стр. 182—183.

Правды. Разбор состава второй части списка помогает определить направление его работы.

В ст. 54 речь идет о несостоятельной задолженности купца, оговариваются случаи разорения в результате стихийного бедствия. Если купец

Таблица

Статьи Троицкого списка	Статьи Синодального списка	
	Первая часть	Вторая часть
1—46	1—17, 20—46	
47—55	47—53	54—55
56—66	56, 66	57—65
67—89	67—74, 88—89	75—87
90—109	90—95, 101—109	96—100
110—121		110—121

«истопиться», «рать възметь любо огнь», то его нельзя подвергнуть насильственному принуждению к возврату долга, «зане же пагуба от бога есть». Если купец действительно виновен в своем разорении («пропьеться, пробиеться или въ безумии чюжь товаръ испорътить»), то по воле заимодавцев он может быть продан. Затем устанавливается порядок взыскания долга с разорившегося купца. Таким образом, из всего раздела, посвященного обязательственному праву, составитель протографа Синодального списка особый интерес проявил к материалу об экономических путях перехода лица в самое низшее социальное состояние.

Второй комплекс включает статьи, посвященные положению закупа — полусвободного человека. Здесь регламентируются отношения закупа с его господином, устанавливается защита закупа, личная и экономическая, от незаконных посягательств господина. Сюда входят также две статьи (63, 65) о наказании холопа за кражу коня и оскорбление действием свободного человека.

В третьем комплексе имеются, в частности, статьи: о муке смерда и огнищанина (ст. 78), о послушестве свободых и холопов (ст. 85—87), о наказании за убийство холопа или рабы (ст. 89). Вслед за этим идет ст. 98 об освобождении рабыни с детьми после смерти господина, отца этих детей[4], и ст. 99—100, посвященные вопросам наследственного права свободных групп населения. Синодальный, как, впрочем, и все остальные списки Пространной редакции, заключается уставом «о холопстве».

Таким образом, составитель протографа Синодального списка, дойдя до статей, посвященных обязательственному праву (см. ст. 47—53), круто изменил последовательность их изложения, руководствуясь желанием выделить юридический материал, касающийся правового и экономического положения отдельных социальных групп с преобладанием интереса к холопам и к путям, ведущим к холопству. С этой целью он выбрал статьи о разорении купца и, следовательно, о возможности обращения его в холопа, о некоторых путях перехода в обельное холопство закупа, о судебном положении холопа, об освобождении рабыни с детьми и в заключение поместил устав «о холопстве».

Во вторую часть Синодального списка вошел не весь материал, связанный с правовым положением различных групп населения и холопов. В частности, в ней отсутствуют, например, ст. 16, 17 о наказаниях за

---

[4] Примечательно, что на нижнем поле Новгородской Кормчей поздним почерком внесен киноварный заголовок к этой статье «о холопъихъ детеи» (л. 626).

убийство «смердьего холопа» и рабы, кормильца и кормилицы и статья о бегстве закупа. Самый отбор материала не лишен противоречий. Так, в состав второй части списка вошли статьи о нарушении охотничьих угодий и др., не имеющие никакого отношения к указанной теме. Поэтому свое объяснение состава Синодального списка мы высказываем в виде предположения, требующего дальнейшей проверки. Возможно, дополнительные материалы на этот счет даст изучение всей Синодальной Кормчей и характера работы ее составителя.

Л. В. Милов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА XIII—XIV веков

В недавно опубликованном академиком М. Н. Тихомировым интереснейшем древнерусском юридическом сборнике, известном под названием «Мерила праведного»[1], наше внимание привлекла одна из статей.

Она носит колоритное название «О уставленьи татьбы», регламентирует порядок подсудности татя, пойманного с украденными вещами далеко от места совершения кражи, и имеет, на наш взгляд, прямое отношение к древнерусскому праву, несмотря на то, что расположена непосредственно в составе одного из греческих памятников, переведенных на славянский язык.

Дело в том, что статья «О уставленьи татьбы», как и другая — «О обрученьихъ»,— расположена в рукописи на развороте листов 188 об.— 189 и представляет собой инородную вставку в текст выборки статей из греческой Эклоги, носящей в славянском переводе название «Леона и Константина вѣрная царя».

Текст обеих интересующих нас статей идет сразу же после довольно известного и по Эклоге, и по «Градским законам» постановления «О разделении корысти». Однако это постановление в составе текста «Леона и Константина вѣрная царя» имеет необычно малый размер и производит впечатление внезапно обрывающегося («Умъ свои имѣти и молбу и съ свѣтомь творити брань»). Кроме того, обращает на себя внимание и резкое различие в почерках: статьи «О уставленьи татьбы» и «О обрученьихъ» написаны явно особым почерком, заметно выделяющимся на фоне другого, основного почерка.

Выяснению всех этих обстоятельств помогает изучение других списков Мерила Праведного. Прежде всего, это Синодальный II и Синодальный III списки Мерила от начала и конца XVI в., которые, по мнению М. Н. Тихомирова, происходят от общего с Троицким списком протографа и поэтому почти во всем имеют с ним буквальное сходство[2]. Как и следовало предполагать, эти списки Мерила Праведного не имеют отмеченной нами вставки. Здесь есть лишь текст, продолжающий статью «О разделении корысти», и одна небольшая статья «О боех волных». По количеству знаков этот текст должен был бы занять в Троицком списке ровно две страницы.

---

[1] Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1961.

[2] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.— Л., 1941, стр. 98—99.

Следовательно, в протографе Троицкого списка Мерила, который, очевидно, был такого же размера, как и Троицкий список, был дефект. Вероятно, выпал лист. Этим, собственно, и объясняется пропуск текста.

Однако переписчики Троицкого Мерила, несомненно, знали об утрате листа и, очевидно, надеялись восполнить ее, так как почти две страницы рукописи (лл. 188 об.— 189) были оставлены чистыми и лишь с последней строки л. 189 продолжалась основная работа; появился текст заголовка: «Глава 5. О ударившемь кого мечемь». Впоследствии, а может быть, и вскоре после того, как весь текст рукописи был готов, обе пропущенные страницы за неимением утраченного материала были заполнены другим текстом, уже не имевшим никакого отношения к основному. Этот пропуск заполнялся в два приема, но одной и той же рукой. Сначала была заполнена первая страница (л. 188 об.), где довольно разгонисто, с тем расчетом, чтобы текст заполнил всю страницу, была изложена интересующая нас статья «О установленьи татьбы». Наконец, во вторую очередь писец заполнил вторую страницу, где он стремился писать более убористо, чтобы уложиться на оставшемся пространстве.

Почерк этой вставки, так же как и почерки всей рукописи, имеет все признаки XIV в., а может быть, и второй его половины («ж» — без верха, «ъı», «е» — якорное, «ѥ», с перекладиной высоко вверху и т. п.).

Итак, можно считать доказанным, что интересующая нас статья «О уставленьи татьбы» является вставкой и не имеет непосредственного отношения к составу статей Мерила Праведного. Это обстоятельство в свою очередь заставляет задуматься над происхождением обеих статей вставки. Что касается статьи «О обрученьихъ», не представляющей какого-либо интереса, вопрос решается сравнительно легко, поскольку она является краткой выборкой из церковных постановлений о браках и прелюбодеяниях, которые в изобилии встречаются в Кормчих книгах. Впрочем, сама статья имеет конкретные отсылки к посланию Василия Великого епископу иконийскому Амфилохию, а также к пятой главе постановлений «великого святого собора».

Что же касается статьи «О уставленьи татьбы», то она не имеет себе подобных ни в составе самой выборки из Эклоги, носящей название «Леона и Константина вѣрная царя», ни в «Градских законах», где постановления о татях не редкость, ни в постановлениях соборов. Не встречается она и в Кормчих книгах различных редакций.

Отсутствие подобного или аналогичного по характеру постановления в греческих памятниках, переведенных на славянский язык, означает, что статья «О уставленьи татьбы» — вероятнее всего, произведение древнерусской юридической мысли.

В правильности этого вывода убеждает нас и ближайшее знакомство с текстом статьи. Прежде всего, обращает на себя внимание оригинальный стиль изложения этого постановления, который довольно резко отличается от манеры изложения греческих переводных узаконений, в том числе и выборки из Эклоги и «Градских законов». Особенно интересна заключительная часть: «Се же оуправленье да держиться всякому властелю и градьскому и весьскому». Эта концовка живо напоминает нам стиль Русской Правды с ее заголовками («А се покони вирнии были при Ярославѣ», «А се мостнику оуроци» и т. п.) и, особенно, концовками («то ти урок Ярославль», «то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю» и т. п.). Выражение «от лица же татьбы дадут достоиное тои вси властелю» находит себе аналогию в известной статье Краткой Правды: «да аще будеть обидя не вдал будеть, достоино ему свои скот» [3].

Надо сказать, что и язык разбираемого постановления очень близок

[3] Правда Русская, т. I. М.— Л., 1940, стр. 71 (ст. 15).

языку Русской Правды, так как здесь встречаются такие древние термины, как «лице» в значение поличного, «продажа» в значении штрафа, «мука» и т. п. Встречаются здесь и слова, сравнительно редко употребляющиеся в русских памятниках («страна», «властель», «приставник»). Причем некоторые термины статьи «О уставленьи татьбы» отличаются известной неопределенностью. Таково, например, сопоставление термина «страна» в значении «земля» или «область» с термином «весь», употребленным, вероятно, в том же значении. Термин «властель» обозначает здесь не только «волостеля», т. е. правителя какой-либо волости, но и «наместника». Именно поэтому в заключении текста говорится о «градьском властеле» и «весьском» (в значении сельский, волостной).

Подобное употребление терминов «властель» и «волостель» известно некоторым русским источникам XIII—XV вв. Так, например, в Псковской Судной грамоте встречается «властель» в значении правителя волости[4]. В одном из списков договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. употреблен термин «волостелеве» в общем значении управителей земель, т. е. здесь объединены понятия «волостель» и «наместник»[5]. Наконец, в таком же значении термин «властель» приведен И. И. Срезневским из послания митрополита Киприана игумену Афонасию от 1390 г. («тогда же потреба и к княземъ ходити и властелемъ, и судище искати»)[6].

Все эти особенности терминологии статьи «О уставленьи татьбы» можно вполне отнести за счет стилизации под общий тон Мерила Праведного, в некоторых своих разделах основанного на древних югославянских переводах. В целом же известная близость этой статьи к Русской Правде является очевидной и позволяет отнести ее происхождение примерно к XIII—XIV вв.

Разбираемое постановление «О уставленьи татьбы» интересно прежде всего как один из примеров подробной и тщательной разработки процесса древнерусского судопроизводства. Ведь по периоду феодальной раздробленности основные источники, связанные с уголовным судопроизводством,— это главным образом договорные княжеские грамоты. Однако в них мы видим лишь установления общего порядка. Так, в частности, в договоре Новгорода с немецкими городами (1262—1263 гг.) есть лишь одна лаконичная формулировка: «где ся тяжя родить тоу ю кончати»[7], встречающаяся во многих документах этого периода.

Дошедшие до нас источники XIII—XIV вв. едва намечают различие в принципах подсудности: с одной стороны — в делах о татьбе и татьбе с поличным, с другой — во всех остальных тяжбах. Так, по докончанью великого князя Дмитрия Ивановича с великим князяем Михаилом Александровичем от 1375 г. новгородцы и новоторжцы могут быть судимы только в Новгороде и Торжке, так же как тверичи — только в Твери[8]. Лишь в конце XIV в. в докончанье Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем от 1396 г. встречается особая оговорка: «а татя и душегупца и розбоиника и грабежника где имуть туть судять»[9]. Наиболее четкие установления в отношении татьбы с поличным дошли до нас только

---

[4] Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, стр. 295 (ст. 69: «И всякому властелю за друга не тягатись, опрочь своего орудия»).

[5] «Вси волостелеве по Рижьскои земли дали Двину волну». Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, стр. 420—445 (ст. 36).

[6] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 271.

[7] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб., 1857; датировка грамоты дана по изданию Грамоты Великого Новгорода и Пскова.— М.— Л., 1949, № 29, стр. 56—57.

[8] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., 1950, стр. 27.

[9] Там же, стр. 42.

в документах XV в. Например, в грамоте Новгорода тверскому князю Борису Александровичу от 1446—1447 гг. читаем: «а приведуть тферитина с поличным к новгорочькому посаднику или к новоторжкому, судити его по хрьстному человалью»[10].

Было бы неправильным относить разницу между наиболее общими ранними формулировками и подробными юридическими нормами XV в. только за счет развития и совершенствования норм древнерусского права. Быть может, от эпохи XIII—XIV вв. до нашего времени просто не сохранились некоторые немаловажные типы источников юридического характера.

Как известно, в распоряжении исследователей имеются доказательства того, что в это время существовали целые сборники юридического характера, которые дополняли и развивали постановления Русской Правды. Одним из таких сборников является, например, Пушкинский сборник в списке XIV в., возникший на век раньше[11]. В составе его дошел до нас наиболее древний список так называемой Пространной редакции Закона Судного людем, чье русское происхождение во второй половине XIII — начале XIV в. с новых, оригинальных позиций обосновал М. Н. Тихомиров[12]. Другим доказательством развития и систематизации правовых норм в этот период является «Митрополичье правосудие», которое одни исследователи датируют XIII—XIV вв., а другие более поздним временем.

К числу подобных юридических руководств, свидетельствующих о высоком уровне развития древнерусского права XIII—XIV вв., вероятно, можно отнести и публикуемую здесь статью «О уставленьи татьбы».

Как уже говорилось выше, сюжет этого постановления посвящен порядку подсудности татя, пойманного с поличным не в той волости, где была совершена кража. По существу постановление очень напоминает одну из статей «Митрополичьего правосудия» об «изнимании» татя с поличным, пойманного в «чужой отчине», для суда «у своего судьи»[13]. Однако, во-первых, статья «О установленьи татьбы» гораздо древнее (сравним, например, «лице» и «поличное»), а, во-вторых, центр внимания перенесен здесь на другое.

Дело в том, что эта статья касается моментов, небезынтересных, на наш взгляд, для ранней истории кормлений. Как известно, наиболее ранняя подробная разработка этого вопроса имеется в Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг. Однако данный документ запечатлел этап уже начинающегося ограничения произвола кормленщиков. В статье «О уставленьи татьбы» мы, вероятнее всего, имеем документ, касающийся более ранней истории кормлений, когда функции кормленщиков еще только определялись. Эта статья посвящена вопросу взаимоотношений кормленщиков в таком сложном случае, как поимка татя с поличным в чужой волости.

Настоящее сообщение не ставит своей целью сколько-нибудь исчерпывающе дать анализ терминологии и происхождения документа, а рассчитано на то, чтобы привлечь к нему внимание исследователей.

---

[10] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 37—38.

[11] См. М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 143—155.

[12] Закон Судный людем пространной и сводной редакции. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Вступ. статья.

[13] Памятники русского права, вып. 3. М., 1955, стр. 427. Подобное совпадение свидетельствует о том, что «Митрополичье правосудие», помимо известных нам юридических памятников, основывалось и на целом ряде неизвестных древнерусских источников.

О ОУСТАВЛЕНЬИ ТАТБЫ *

Аще будетъ лице татбы коея страны и обрящется во инои вси, от лица же татбы дадуть достоиное тои вси властелю, рекше пошлины. Татьба же и продажа поидеть к первои страны властелю — в неи же бѣ лице татбы преже было. Тотъ властель вѣдаеть всю продажю татьбы и приставници его. Иныи же никто тоя страны татю лица продажи не творить.

Аще ли в-ыную страну татба придетъ от тоя страны и властель тоя страны тому татю продажю створитъ, придеть же первыя страны властель и оувѣсть продажю. Все проданое и грабленое възвратится к первому. И надъ покрадшимъ татемъ первыи властель волю имать: или продажи достоинъ будеть или муки.

Се же оуправленье да держится всякому властелю и градьскому и весьскому.

---

* Публикуемый текст XIV в. дается в упрощенной транскрипции с сохранением из числа старых букв лишь «ъ» и «ѣ», так как имеется фототипическое издание Мерила Праведного по Троицкому списку.

В. А. Кучкин

ИСТОЧНИКИ «НАПИСАНИЯ» МНИХА АКИНДИНА

Без малого сто лет назад А. С. Павлов, впоследствии известный знаток канонического права, занимаясь в библиотеке Казанской духовной академии, обнаружил в составе рукописи начала XVI в. особый сборник под названием Власфимия, в котором среди других статей оказалось совершенно неизвестное до тех пор «Написание Акиндина мниха лавры святыа богородица к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради».

Это произведение, русское по происхождению, написанное ярко и талантливо, представляет собой оригинальное явление в русской публицистике начала XIV в.

Понятен тот интерес, который вызвало и вызывает у исследователей открытое А. С. Павловым сочинение монаха Акиндина. Дореволюционные и советские историки в своих трудах общего характера неоднократно касались вопросов, связанных с «Написанием» [1].

За последнее десятилетие, в связи с резко возросшим интересом к истории общественно-политической и философской мысли средневековой Руси, внимание к памятнику усилилось. Опубликовано значительно больше работ о «Написании», чем за предыдущие 90 лет [2]. Помимо советских, появились труды зарубежных авторов [3]. Но, несмотря на большое число

[1] А. С. Павлов. Памятники древнерусской духовной письменности. Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина — о поставлении на мзде. «Православный собеседник». Казань 1867, июль. 2-е изд. памятника — Русская историческая библиотека, т. 6, ч. I. СПб., 1880 (далее — РИБ), стб. 150—158; в 1908 г. том был переиздан. Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, глава «Митрополит св. Петр»; П. П. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, гл. VII; М. К. Любавский. Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918, стр. 207—208; А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пг., 1918, стр. 123; А. Д. Седельников. Следы стригольнической книжности. «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. I. Л., 1934, стр. 121—123.

[2] А. А. Карасев. Тверское княжество в конце XIII — начале XIV веков. К истории борьбы русского народа с татаро-монгольским игом. Л., 1953. Канд., дисс. (рукопись), стр. 229—237; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.— Л., 1955, стр. 44—45; А. И. Клибанов. К изучению генезиса еретических движений в России. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 7, 1959, стр. 186—218; его же. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI века. М., 1960, стр. 17—23, 27, 101—103; И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, стр. 426—428.

[3] A. M. Ammann. Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven, Hf. 1. Würzburg, 1955, S. 199—200; K. Onasch. Renaissance und Vorreformation in der Byzantinisch-Slawischen Orthodoxie. «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik». Berlin. 1957; G. Stökl.

книг и статей, «Написание» до сих пор не было подвергнуто детальному источниковедческому анализу [4], и многие вопросы, касающиеся времени возникновения памятника, характеристики его автора, источников, положенных им в основу своего произведения, в настоящее время не вполне ясны.

Из ряда источниковедческих проблем, связанных с «Написанием», вопрос об источниках памятника, безусловно, является наиболее важным. Определение текстуальных заимствований в произведении средневекового писателя не только помогает четко разграничить собственно авторские мысли от чужих, отделить оригинальное от уже известного, но и воссоздает тот литературный фон, ту атмосферу, в которой рождался памятник, проливает дополнительный свет на самую личность автора.

* * *

В литературе вопроса преобладает мнение П. П. Соколова, который полагал, что «Написание» Акиндина заимствует текст и идеи новеллы Андроника. Последнюю П. П. Соколов реконструировал на основании греческих источников и 25—26-й глав Власфимии, памятника, известного только на русском языке [5]. Согласно П. П. Соколову, текст новеллы (не весь) попал в компилятивный канонический сборник [6]. Сборник был составлен в Византии, и лишь впоследствии его перевели на русский язык [7]. Греческий оригинал П. П. Соколов указать не мог и пользовался только открытым А. С. Павловым русским списком XVI в.

Уделив много внимания идейной зависимости «Написания» Акиндина от новеллы Андроника, П. П. Соколов в подтверждение своего мнения о текстуальной близости этих памятников сопоставлял слова Акиндина: «Царь еси, господине княже, в своей земле» с фразой, взятой из 25-й главы Власфимии и отнесенной к новелле Андроника: «Царь и причетницы и прочие людие... суд и избрания епископа да створить», и утверждал, что пример ясно говорит о заимствовании Акиндином выражений этого закона [8]. Легко убедиться, что, кроме слова «царь», приведенные тексты ничего общего не имеют. Что касается смысловой зависимости процитированных мест, то мысль Акиндина вовсе не тождественна (хотя и близка) утверждению составителей Власфимии: Акиндин писал об ответственности князя за поставление епископа на мзде, составители Власфимии — о праве царя избирать епископов [9].

Дело, однако, не в частной ошибке П. П. Соколова. Можно смело утверждать, что новелла Андроника в том смысле, какой придавал ей П. П. Соколов, никогда не существовала.

П. П. Соколов полагал, что новелла Андроника запрещала плату за поставление духовных лиц и вводила новый порядок замещения митрополичьих и епископских кафедр: со времени издания новеллы главную роль в выборе церковных иерархов стал играть не собор епископов и местных граждан, а император [10]. Таковы были внешние цели нового закона.

Das Echo Renaissance und Reformation im Moskauer Rußland. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. VII. Hf. 4, 1959.

[4] Работами А. С. Павлова, Е. Е. Голубинского и П. П. Соколова установлено, что «Написание» адресовано великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому и написано между 1312 и 1315 гг. Сам Акиндин был монахом тверского монастыря св. Богородицы на реке Шоше.

[5] П. П. Соколов. Указ. соч., стр. 209.

[6] Там же, стр. 214.

[7] Там же, стр. 244.

[8] Там же, стр. 242.

[9] В другом месте Власфимии проводится мысль об ответственности царя и епископов за точное соблюдение церковных правил, однако текстуально данное место еще больше расходится с «Написанием» (см. там же, стр. 210).

[10] Там же, стр. 214.

Подлинный смысл новеллы П. П. Соколов усматривал в усилении вмешательства светской власти в дела духовной и поступлении церковных доходов в императорскую казну [11].

Доказательства первого положения были следующие. Отправной точкой послужил рассказ Пахимера об издании какой-то новеллы Андроником II Палеологом Старшим. По Пахимеру, эта новелла запрещала взимать плату при поставлении духовных лиц, и только [12]. П. П. Соколов сопоставил сообщение Пахимера с исповеданием веры патриархов Антония 1389 г. и Каллиста II 1397 г. Исповедания содержали следующий текст: «Заявляю, что я ничего не дал ради моего избрания на эту святую и божию и великую церковь, никому ничего не обещал дать ради этого, и не дам, но принимаю и апостольские, и отеческие предания об этом, а также обещаю беспрекословно в точности соблюдать определения новеллы треблаженного и приснопамятного царя нашего кир Андроника Палеолога, утвержденные и одобренные церковью божиею, согласно царскому указу, и неизменно хранить ее» [13]. Легко видеть, что при поставлении патриархи ссылались на два источника: церковные каноны (апостольские и отеческие предания) и новеллу Андроника. П. П. Соколов относил весь приведенный им текст к новелле Андроника. Его утверждение, что новелла Андроника, о которой говорит Пахимер, и новелла, упомянутая в исповедании веры, одна и та же, вероятно, правильно.

П. П. Соколов сравнил далее исповедание веры с 25-й и 26-й главами Власфимии, памятника, по крайней мере переписанного на Руси. Это сравнение — центральный пункт источниковедческих построений П. П. Соколова. Сопоставление текстов дало П. П. Соколову повод утверждать, что тексты присяги патриархов представляют выдержку из Власфимии, т. е. закона Андроника [14].

В указанных главах Власфимии речь, действительно, шла о том, что царь имеет право поставлять епископов и других клириков и вместе с иными церковными иерархами несет ответственность за несоблюдение вновь выбранными лицами церковных канонов [15]. Источником указанных глав Власфимии явилась новелла 137 императора Юстиниана, однако представленная во Власфимии в интерполированном виде. Интерполяции как раз и касались прерогатив царя [16].

Сравнение П. П. Соколовым текстов исповедания веры и соответствующих глав Власфимии показало, что как в том, так и в другом источнике встречается слово «царь». П. П. Соколов в напечатанных им текстах 25-й и 26-й глав Власфимии курсивом выделил такие упоминания, молчаливо считая подобное «текстуальное» совпадение одним из доказательств того, что и в этих главах речь идет о новелле Андроника. Другое доказательство было подобного же рода: и в исповедании, и в 25-й главе имелась ссылка на церковные каноны [17]. Третье текстуальное совпадение оказалось более значительным. Его следует привести полностью.

---

[11] П. П. Соколов. Указ. соч., стр. 215. Этот вывод П. П. Соколова подвергался критике. См. рецензию А. П. Каждана на ст.: А. И. Клибанов. К изучению генезиса еретических движений в России. «Byzantinoslavica», XXII, 1, 1961, p. 159. Никто, однако, не указывал на гносеологические корни ошибки П. Н. Соколова.

[12] G. Pachymeres. De Michaele et Andronico Palaeologis, vol. II. Bonnae, p. 199—200.

[13] П. П. Соколов. Указ. соч., стр. 208.

[14] Там же, стр. 213.

[15] Там же, стр. 209—212.

[16] Это позволило П. П. Соколову считать, что новелла Андроника — интерполированная новелла 137-я императора Юстиниана (там же, стр. 213).

[17] Исповедание: *Апостольские и отеческие предания*. 25-я глава Власфимии: *каноньскими правилы и святых апостол и богоносных соборных отец*. Там же стр. 208, 212 и 213 (перевод).

Исповедание веры	25-я глава Власфимии
«...я ничего не дал ради моего избрания на эту святую и божию и великую церковь, никому ничего не обещал дать ради этого и не дам...» [18]	Поставляемый епископ должен был поклясться: «ничто же не даяти, ни обещати кому дати что-либо за поставленье ни преже, ни купно, ни потом, ни самому взимати, ни просити сущаго под ним причта» [19].

Из данного сравнения видно, что отрывок из Власфимии действительно близок отрывку из исповедания, но имеет дополнительный смысл; поставляемый не только сам не должен давать, но и брать. Ясно видно также, что с отрывком 25-й главы Власфимии совпадает только первая часть исповедания, именно текст, где есть ссылки на каноны, а не вторая часть, ссылающаяся на закон Андроника. Наконец, третье и последнее. Исповедание совпадает не с интерполяциями в новелле 137-й императора Юстиниана, а с ее основным текстом. И этот основной текст может быть указан в том самом «Градском законе», на который ссылаются главы 25-я и 26-я Власфимии и где отразилась указанная новелла. Действительно, во 2-й главе 28-й грани «Градского закона», а именно на нее имеется ссылка в 26-й главе [20], находим следующий текст: «Поставляемый епископ писанием да вдаст прежде свою веру, рекше: верую во единого бога, написав и глаголет. Изглаголет же и молитвы и да клянется ничто же даяти, ни возвещати же кому дати что за поставление» [21]. Этот текст находится в полном соответствии с текстом исповедания. Считать же, что исповедание веры заимствовало текст из указанных глав Власфимии, нельзя. Раз так, то вывод П. П. Соколова относительно нового порядка замещения кафедр, будто бы провозглашенного новеллой Андроника, теряет всякое основание. Оказываются беспочвенными и дальнейшие рассуждения П. П. Соколова, базирующиеся на произвольно реконструированной новелле Андроника. За последней остается только то значение, о котором писал Пахимер, т. е. запрещение платы за хиротонию. Интерполяции же в тексте новеллы 137-й, помещенной в 25-й и 26-й главах Власфимии, еще ждут своего объяснения. Несуществовавший закон Андроника о вмешательстве верховной светской власти в поставление церковных иерархов, естественно, не мог оказать ни текстуального, ни идейного влияния на «Написание» Акиндина.

Этим, однако, не снимается вопрос о влиянии Власфимии на «Написание».

Большую работу по сравнению этих двух источников проделал в последнее время А. И. Клибанов. Для изучения Власфимии он привлек новый ее список в так называемом Трифоновском сборнике конца XIV в. [22], П. П. Соколову не известный. Выводы А. И. Клибанова о том, что Власфимия — памятник русский [23], уже существовавший в начале

[18] Там же, стр. 208.

[19] Там же, стр. 212.

[20] *Глава 2-я той же грани* (там же, стр. 212).

[21] Кормчая, изд. журнала «Церковь». СПб., 1912—1913 (далее — Кормчая), лл. 456 об.— 457 (здесь и далее — листы второго счета).

[22] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание (далее — ГПБ, Соф. собр.), № 1262. Пользуюсь случаем поблагодарить А. И. Клибанова за предоставление микрофильма Трифоновского сборника.

[23] А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 15—16. К этому выводу автор пришел, вскрыв недостаточность и противоречивость аргументации П. П. Соколова в пользу византийского происхождения Власфимии. Действительно, вопреки категорическому заявлению П. П. Соколова, что на русском языке нет источников, из которых была составлена Власфимия, они могут быть указаны. Составителю Власфимии была, например, известна Кормчая в том переводе на русский язык, который зафиксирован Рязанской Кормчей. Ср., например, ГПБ, Соф. собр., № 1262, л. 65 об. (здесь и далее ссылки на счет листов по нижнему полю) и Кормчая, л. 274 — 1-е правило Кирилла Александрийского: ГПБ, Соф. собр., № 1262, л. 66 об. и Кормчая

XIV в.[24], отмеченная еще А. С. Павловым тематическая близость обоих памятников [25], бытование «Написания» в младшем списке Власфимии делают весьма вероятным предположение, что Власфимия служила одним из источников сочинения Акиндина. Однако предпринятые исследователями попытки сравнения отдельных мест Власфимии и «Написания» пока что не дали бесспорных фактов их текстуальной близости [26].

Обратимся к тексту самого «Написания». В нем содержится немало ссылок на различные источники. Приведем их в той последовательности, в какой они встречаются в памятнике [27]: «и тех (отцов церкви.— *В. К.*) законными уставы» [28], «(по) апостольскому и богоносных отец соборному преданию», есть ссылка на «Деяния апостолов», упоминаются «апостольская заповедания и отечьстии божествении уставе», приводятся слова Богослова (неясно, Иоанна или Григория), Акиндин ссылается на слова апостолов, «божественные писания», «священные каноны», «правила церковные», Афанасия Великого. В заключительных строках «Написания» Акиндин предупреждает князя: «А мы со своей души снимаем на твою душю: правила святых отец слышал еси» [29], чем ясно дает понять, что в предыдущем изложении он приводил правила отцов церкви. В цитате из статьи «Воспоминание церковного соединения при царе Константине и Романе» Акиндин заменяет слово «книг» первоисточника словами «номоканон святых апостол и сборных отечьских» [30].

Из приведенного перечня видно, что Акиндин использовал в своем сочинении священное писание, а также апостольские правила, определения вселенских и поместных соборов, трактаты отцов церкви, видимо, объединенные в Номоканоне, т. е. Кормчей. Ссылки Акиндина не являются голословными. За исключением цитат из Богослова и Афанасия Великого, найти которые не удалось, остальные полностью соответствуют тексту. Естественно, что в целом ряде случаев Акиндин делает заимствования без всяких ссылок.

Укажем на источники, которыми воспользовался Акиндин [31]. При этом следует иметь в виду, что Акиндин, как типичный средневековый книжник, только в редких случаях приводит точные цитаты. Гораздо чаще он слегка перефразирует текст, излагая его, очевидно, по памяти, и пренебрегает точностью буквальной ради точности смысловой. Больше заботясь о стройности собственного сочинения, чем чужого, он вырывает отдельные места и выражения из известных ему памятников и умело вплетает их в ткань своего произведения, нередко помещая фразы из одного источника в разных местах.

Отрывок от слов «изряден чин» до слов «обещася неподвижиме быти в векы» представляет собой легкую переработку Акиндином полного перевода текста 1-го правила VI (Трулльского) вселенского собора [32]. Слова

л. 289 об.— 290 — Послание Исидора Пелусиота к Гермогену; ГПБ., Соф. собр. № 1262, л. 73 об. и Кормчая, лл. 248 об.— 249 — 89-е правило Василия Великого и др.

[24] А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 31—32.

[25] «Православный собеседник». Казань, 1867, июль, стр. 237.

[26] О сравнении, проведенном П. П. Соколовым, см. выше. См. также А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 23.

[27] Приводятся только те ссылки, которые принадлежат самому Акиндину. Ссылки, содержащиеся в цитируемых Акиндином источниках, во внимание не принимаются.

[28] РИБ, стб. 150.

[29] Там же, стб. 151—158.

[30] Там же, стб. 157; Кормчая, л. 572 об.

[31] Приводимые далее цитаты вместе с текстом, принадлежащим бесспорно самому Акиндину, составляют примерно 4/5 всего объема «Написания». Для 1/5 цитаты не найдены, конечно, при условии, что этот текст не был авторским.

[32] РИБ, стб. 150; Древнеславянская кормчая 14 титулов без толкований, т. I, вып. 1. СПб., 1906; вып. 2. СПб., 1906, вып. 3. СПб., 1907 (далее — Синтагма), стр. 136 (пагинация сплошная). Источник этого места «Написания» указан был А. С. Павловым (РИБ, стб. 149—150, прим. 3).

«не убойся малое стадо» заимствованы из евангелия[33]. Отрывок от слов «от старейших святитель наших» до слов «и от всякого священия» — перифраз 2-го правила IV (Халкидонского) вселенского собора и толкования к нему Аристина[34]. Отрывок от слов «поставленаго на мзде» и до слов «и в проклятие сводит» — толкование Аристина на 29-е апостольское правило[35]. Цитаты от слов «приметь дух святый» до слов «держатся им» и от слов «его же свяжете» до слов «разрешен на небесах» — из евангелия[36]. Текст от слов «а хулящим господьство» до слов «купяще и продающе» — переделка отрывка из Послания константинопольского патриарха Тарасия к Адриану, папе Римскому[37]. Следующее место «Написания» заимствовано из Власфимии:

«Написание»	Власфимия
О горе, поистиннѣ, творящим таковая и помогающим несытьство любоперными словесы. Да слышить на сборѣ глаголаное: «побобрнипи злочестию да будь прокляти»[38].	И помагающим таковыхъ богостудному несытьству любоперными словесы и молчанием приходящии, да слышат реченое на коемждо зборѣ святыхъ апостолъ и отець: «поборници злочестия и ходатаиствующихъ о таковыхъ поставлении, аще будут причетници или мниси, или мирьстии чловѣчи, аще обличатся, аще не обличатся, будуть прокляти»[39].

Приведенный отрывок из Власфимии относится к II главе этого памятника, которая включает Окружное послание константинопольского патриарха Геннадия. В своем послании Геннадий цитирует 2-е правило IV вселенского собора о непоставлении на мзде. Геннадию, конечно, был известен только полный текст правила, который он и приводит[40]. Во Власфимии же полный текст 2-го правила Халкидонского собора заменен сокращенным текстом этого правила и толкованием к нему Аристина, как в постановлениях IV собора в Рязанской Кормчей[41]. Вместе с заменой текста правила составители Власфимии произвели некоторую литературную обработку Послания Геннадия, ряд мест сильно сократили, другие, наоборот, дополнили. Текст Власфимии, который использовал Акиндин[42], как раз является вставкой, он не восходит к какому-либо каноническому тексту[43]. Отсюда можно заключить, что Власфимия была известна Акиндину.

Далее следуют цитаты из евангелия[44]. Текст, напечатанный в издании в круглых скобках — толкование на 2-е правило Халкидонского собора[45]. Затем снова идут цитаты из евангелия[46]. Текст от слов «Петр же верховнии апостолом» до слов «в пагубу да будеть» составлен по «Деяниям апостолов»[47]. Ссылка на «Деяния» сделана самим Акиндином. Фраза, непосредственно следующая за последними словами, навеяна сюжетом.

---

[33] РИБ, стб. 150; Евангелие от Луки, XII, 32.
[34] РИБ, стб. 151; Кормчая, лл. 9? об.— 94.
[35] РИБ, ст. 151; Кормчая, л. 7 об.
[36] РИБ, стб. 151; Евангелие от Иоанна. XX. 23; Евангелие от Матфея, XVI, 19.
[37] РИБ, стб. 151—152; Кормчая, лл. 282 об.— 283.
[38] РИБ, стб. 152 и вар. 7.
[39] ГПБ, Соф. собр., № 1262, л. 67.
[40] Синтагма, стр. 112—113; 600; Кормчая, лл. 278—278 об.
[41] ГПБ, Соф. собр., № 1262, лл. 66 об.— 67; Кормчая, лл. 93 об.— 94.
[42] Имеется в виду главным образом выделенный текст.
[43] Последнее видно из того, что Халкидонский собор характеризуется как «збор святых апостол (?) и отец».
[44] РИБ, стб. 152; Евангелие от Матфея, XXI, 12.
[45] РИБ, стб. 152; Кормчая, л. 94.
[46] РИБ, стб. 152. Евангелие от Иоанна, II, 16; Евангелие от Матфея, XXI, 13.
[47] РИБ, стб. 152; Деяния апостолов, VIII, 19—21.

встречающимся у Кирилла Иерусалимского [48]. Начиная со слов «золчью бо горести» до слов «яти быша» идет цитата из Окружного послания константинопольского патриарха Геннадия [49]. Отрывок от слов «ставя бо и взимая ставленое» до слов «ведая, с ним осудится» представляет собой выдержки из 29-го и 30-го апостольских правил и 2-го правила IV вселенского собора [50]. Выражение «враги креста Христова» и следующее взяты из Послания к филиппийцам [51]. Отрывок от слов «святительство бо и цесарьство» до слов «человеческое украшает житие» взят из Собрания Иоанна Схоластика [52]; цитата «яко кроток есмь и смирен сердцем» — из евангелия [53]. Из Нового Завета взяты цитаты: «пасете стадо...» и т. д. и «тако да просветится свет наш» и т. д. [54] Большой отрывок от слов «несть ино ничто же» до слов «труды ваша инеи поядять» заимствован из статьи, озаглавленной «Воспоминание бывшего церковного соединения при Константине и Романе» [55]. Выражение «начнете от святых моих, сецете и не пощадите» заимствовано из книги пророка Иезекииля [56]. В исследованиях при цитировании этого места «Написания» не отмечается, что текст, приведенный Акиндином, канонический [57]. К цитате из Иезекииля непосредственно примыкает цитата из Послания к римлянам [58]. Отрывок от слов «яко преслушания ради» до слов «вся злая приходят на ны» заимствован из упомянутой уже статьи «Воспоминание бывшего церковного соединения...» [59].

Отрывок от слов «Не падоша ли силнии наши» до слов «святая наша в опустение» воспроизводит в несколько измененном виде постановление Владимирского собора 1274 г. [60] Следующее место свидетельствует о знакомстве Акиндина с сочинениями Серапиона Владимирского:

«Написание»	Третье слово Серапиона Владимирского
Быхом в смех же и в поругание живущим окрест нас языком [61].	В поношение быхом живущим вскраи земля нашеи; в посмех быхом врагом нашим [62].

Выражение «туне приясте, туне же и дадите» — евангельское [63]. «Мзда бо, рече, ослепляет очи мудрых» — цитата из Законов Моисеевых [64]. Евангелию принадлежит текст «слеп слепа ведя, оба в яму впадетася» [65].

Заключительные строки «Написания» обнаруживают большое сходство с концовками Послания II вселенского собора Феодосию Великому и Послания патриарха Нифонта I великому князю Михаилу Ярославичу.

---

48 РИБ, стб. 152; Кирилл Иерусалимский. Огласительное слово о единоначалии божии и о ересях. «Творения... Кирилла, архиепископа Иерусалимского». М., 1855, стр. 94. Любезно указано С. И. Кочетовым.

49 РИБ, стб. 153; Кормчая, л. 278.

50 РИБ, стб. 153; Синтагма, стр. 67, 112.

51 РИБ, стб. 154; Последние к филиппийцам, III, 18—19.

52 РИБ, стб. 155; Кормчая, л. 306 об.; Синтагма, стр. 740.

53 РИБ, стб. 156; Евангелие от Матфея, XI, 29.

54 РИБ, стб. 156; Первое послание Петра, V, 2—3; Евангелие от Матфея, V, 16.

55 РИБ, стб. 156; Кормчая, лл. 575—572 об.

56 РИБ, стб. 157; Книга пророка Иезекииля, IX, 5—6.

57 См. например, А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 101.

58 РИБ, стб. 157; Послание к римлянам, II, 24.

59 РИБ, стб. 157; Кормчая, л. 572 об.

60 РИБ, стб. 157; там же, стб. 86.

61 Там же, стб. 157.

62 Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1883, прибавление, стр. 8.

63 РИБ, стб. 157; Евангелие от Матфея, X, 8.

64 РИБ, стб. 157; Кормчая, л. 363.

65 РИБ, стб. 157; Евангелие от Матфея, XV, 14.

«Написание»	Послание Феодосию	Послание Нифонта
«Бог наш, превосходя всяка ума, да соблюдет тя в мире и правде, сдрава душею и телом, препущая в роды видити чада чад своих до третияго и до 4-го рода...» [66]	«Господь же да утверди твое царство в мире и правде и препустит в роды род, и приложит к земленеи державе и небесного царства наслажение, сдрава тя суща и всех добрых сияюща...» [67].	«Да соблюдет бог княжение твое... и да сподобит тя видити чада чад своих в блазе устроении до третьяго и четвертаго рода...» [68].

Имеем ли мы здесь дело с прямым литературным заимствованием в «Написании» или во всех произведениях отразился один шаблон, по которому составлялись Послания, сказать не решаемся. Во всяком случае, другие послания того же времени русских духовных лиц к своим князьям такой заключительной формулы не знают [69]. Она, возможно, византийского происхождения.

Обращает на себя внимание знакомство Акиндина с полным переводом 1-го правила VI вселенского собора, полным переводом 2-го правила IV вселенского собора и толкованием к нему и к 29-му апостольскому правилу Аристина, с Посланием Тарасия к Адриану, Окружным посланием Геннадия, 29-м и 30-м апостольскими правилами, Собранием Иоанна Схоластика, статьей «Воспоминание бывшего церковного соединения при Константине и Романе», постановлением Владимирского собора 1274 г., законами Моисеевыми.

Сравнение с Власфимией, известной Акиндину, показывает, что она содержит далеко не все перечисленные статьи. Во Власфимии нет выдержек из законов Моисеевых, 1-й главы Собрания Иоанна Схоластика, начала 1-го правила Трулльского собора; 30-е апостольское правило дано во Власфимии в ином переводе; отличается текст отрывков из статьи «Воспоминание церковного соединения...», помещенных в «Написании» и Власфимии [70]. Отсюда можно заключить, что Акиндину был известен другой канонический сборник, в котором эти правила были. Таким сборником могла быть только Кормчая. Сам Акиндин упоминает Номоканон, он был известен ему. Из различных редакций Кормчих, бытовавших на Руси в конце XIII — начале XIV в., Кормчая русской редакции, возникшей после 1274 г., содержала все без исключения каноны, причем именно в том сочетании полного и сокращенного переводов, какие использовал в своем «Написании» Акиндин [71]. Кормчую указанной редакции следует признать

[66] РИБ, стб. 158. Орфография источника упрощена.

[67] Синтагма, стр. 95. Орфография источника упрощена.

[68] РИБ, стб. 149—150. Орфография источника упрощена.

[69] Там же, стб. 117 и 118; С. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1914, кн. II, стр. 194.

[70] В статье «Воспоминание церковного соединения...» имеется большая выдержка из 26-й главы Левита. В Кормчей, где помещена эта статья, стихи 26-й главы цитируются в таком порядке: 3,4 (весь стих) 6, 7, 9, 11, 12, 14, 25, 29, 25, 31, 16. Акиндин, используя «Воспоминание...», заимствует и выдержку из Левита и приводит почти тот же порядок стихов: 3, 4 (неполный), 6, 7, 9, 12, 14, 25, 29, 25, 31, 16. Во Власфимии статья «Воспоминание...» разбита на несколько частей. В той части, где цитируется 26-я глава Левита, стихи приведены в следующем порядке: 3 (весь стих), 4 (весь), 5 (весь), 6 (весь), 7, 8, 9 (весь), 10 (весь), 11 (весь), 12 (весь), 14 (весь), 15 (весь), 16, 17, 18, 19, 20, 25, 29, 25, 31, 20, 22, 33, 40. Ясно видно, что Акиндин воспользовался именно Кормчей, а не Власфимией. См. Кормчая, лл. 572—572 об.; РИБ, стб. 156; ГПБ, Соф. собр., № 1262, лл. 72 об.— 73.

[71] И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, стр. 90, 91, 93, 94—95, 97—99, 108. Поскольку «Написание» и Власфимия содержат ряд одинаковых канонов, возникает вопрос, не мог ли Акиндин заимствовать их из Власфимии. Для этого необходимо хотя бы кратко указать на источники Власфимии. Ее составители использовали по крайней мере две Кормчих: Кормчую 14 титулов без толкований в древнеславянском переводе и Кормчую типа Рязанской,

основным источником Акиндина. В пользу этого свидетельствует и самый подбор канонов в «Написании». Он соответствует материалу 36-й главы печатной Кормчей (этот материал есть и в русской редакции) и 24-й главы I Титула той редакции XIV титулов, которая помещена в русских Кормчих [72].

Исследователи Кормчей отмечают, что Кормчая софийской редакции с конца XIII в. стала основным каноническим сборником, определявшим митрополичью и епископскую юрисдикцию [73]. Бытование в Твери такой Кормчей, что устанавливается по «Написанию» Акиндина, вполне подтверждает этот вывод.

Известно, что первое правило Владимирского собора, вошедшее в 70-главую Кормчую, положенную в основу Кормчих русской редакции, возникшей после этого собора, допускало симонию [74]. Хорошо известно также, что в свое время митрополит Петр обвинялся в симонии тверичами [75]. Можно думать, что посольство великого князя Михаила и русских епископов (тверского Андрея в том числе), о котором мы узнаем из грамоты патриарха Нифонта I, потому и просило в Константинополе дать «устав и закон» [76], что в России действовала Кормчая, разрешавшая поставления на мзде.

Определение источников «Написания» дает материал для характеристики самого автора.

Судя по умелому применению цитат из священного писания, Кормчей, трудов церковных писателей, Акиндин был большим знатоком канонического права. Это объясняет, почему именно он ездил в Константинополь с грамотами, обвинявшими митрополита Петра в нарушении церковных догм. Акиндин, видимо, стоял во главе если не всего русского посольства, то по крайней мере посольства тверского епископа. Во всяком случае патриарх именно ему объяснял точку зрения вселенской церкви на симонию [77].

Источники, процитированные мнихом Акиндином в его «Написании», позволяют сделать некоторые наблюдения относительно тверской письменности конца XIII — начала XIV в. В частности, более определенно, чем раньше, можно говорить о том, что тверичам была известна все еще несколько загадочная для исследователей Власфимия. В то же время эти источники помогают полнее и глубже вскрыть идеи «Написания» — памятника, безусловно, интересного и важного для истории общественной мысли средневековой Руси.

что видно, например, из сравнения текстов 29-го апостольского правила, дважды приведенного во Власфимии, но в разных переводах. См. ГПБ, Соф. собр., № 1262, лл. 66, 81; Синтагма, стр. 67; Кормчая, л. 7 об. Трудно допустить, что Акиндин из Власфимии, где правила приведены по разным Кормчим, случайно выбрал именно такие переводы, которые совпадают только с Софийской Кормчей. Логичнее считать, что Акиндин заимствовал их непосредственно из Кормчей этой редакции.

72 Кормчая, лл. 276—293; И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 90, 98—99.

73 А. С. Павлов. Первоначальный русский номоканон. Казань, 1869, стр. 78—79.

74 РИБ, стб. 92; И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 108.

75 РИБ, стб. 148—149; «Православный собеседник». Казань, 1867, июль, стр. 241—242.

76 РИБ, стб. 148.

77 Там же, стб. 153.

Е. Э. Гранстрем

ЧЕРНЕЦ МАЛАХИЯ ФИЛОСОФ

В Троицкой летописи под 6889 (1381) г. помещено, между прочим, следующее известие: «Того жь лета Дионисий, епископ Суждалский, посла изо Царягорода с чернецом с Малахием с Философом икону, преписав образ пречистыа божия матери, иже исходит в Одигитриа во вторник, в тот же образ в долготу и в ширину, а другую икону посла образ тое же пречистыа божия матери, юже преписавше и привезоша на Русь, и едину убо поставиша в церкви в святом Спасе в Новегороде в Нижнем, а другую поставиша в Суждале в соборной церкви» [1]. Больше об этом чернеце Малахии никаких сведений, казалось бы, не сохранилось. Однако предпринятое Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде выявление смытых текстов [2] в палимпсестах неожиданно дало возможность проследить дальнейшую судьбу этого греческого монаха.

Среди греческих средневековых рукописей, хранящихся в Отделе рукописей этой библиотеки, имеется Псалтырь XIV в. (№ 115), написанная по смытым греческим текстам X—XII вв. Она поступила в Публичную библиотеку в 1852 г., в числе прочих рукописей собрания М. П. Погодина [3], а ранее принадлежала П. М. Строеву. Всего в рукописи 224 листа; первые шесть содержат смытый текст медицинского содержания, представляющий собой отрывок из трактата врача Аэция из Амиды, жившего в VI в. н. э. [4] На некоторых листах обнаружены отрывки из Евангелия от Матфея (в списке X в.) и отрывки какого-то богословского трактата. На последнем же листе рассматриваемой рукописи имеется следущая запись, выявленная только в 1960 г. в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР Д. П. Эрастовым:
«Ψαλτήρι(ον) τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ Μαλαχίου | ἱερομονάχου κ(αὶ) ναμεστνίκου τοῦ Βολοδιμίρ(ου) τῆς | ἀπάνω Ῥωσί(ας) τοῦ Μοσκοβίου. Καὶ οἱ ἀναγινόσ/κοντες, εὔχεσθέ μοι διὰ τὸν κ(ύριο)ν, ὅπως εὕρω ἔλεος | ἐν τῇ φοβερᾷ ἡμέρα τῆς κρίσε(ως) +»,

[1] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.— Л., 1950, стр. 421—422. См. также Воскресенскую летопись под тем же годом. (Полное собрание русских летописей, т. VIII, стр. 42); Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. 2-е, т. V. СПб., 1819, примечания, стр. 65, № 123.

[2] Работы по выявлению смытых текстов ведутся сотрудником Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР Д. П. Эрастовым. Пользуюсь случаем выразить Д. П. Эрастову благодарность за помощь, оказанную мне при изучении славянских и греческих палимпсестов. О методах выявления смытых (или угасших) текстов см. Д. П. Эрастов. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.— Л., 1958.

[3] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853, стр. 35—36, примечание.

[4] Е. Э. Гранстрем. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X — XI веков. «Византийский временник», IX, 1956, стр. 159—169.

(«Псалтырь ничтожного и грешного Малахии иеромонаха и наместника Владимира Верхней России Московской. И вы, читающие, молитесь за меня господу, чтобы обрел милость в страшный день суда»)[5].

В актах Нижегородского Благовещенского и Владимирского Царево-константиновского митрополичьих монастырей 1399—1446 гг. упоминается архимандрит Малахия[6], о котором более ничего неизвестно.

Благодаря вновь выявленной записи восстанавливается следующая история рассматриваемой рукописи и самого Малахии, который, отправляясь из Царьграда на Русь, взял с собою не только иконы, как сказано в летописи, но и свои книги, так как был высокообразованным человеком, на что указывает его прозвище «Философ». Малахия отправился в Нижний Новгород совсем молодым человеком и прожил там приблизительно 60 лет. После его смерти принадлежавшие Малахии рукописи хранились в Благовещенском монастыре до середины XVI в., когда некоторые из них перешли в руки духовника Иоанна Грозного — знаменитого попа Сильвестра. Об этом свидетельствует написанная полууставом помета XVI в. на обороте 6-го листа интересующей нас рукописи: «Псалтырь Селиверъстовская греческая». Именно эта Псалтырь упомянута среди принадлежавших Сильвестру книг, перечисленных в описи 1635 г. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря[7], где был пострижен Сильвестр. Ни П. М. Строев, ни М. П. Погодин, через чьи руки прошла Псалтырь в XIX в., не имели возможности выяснить ее историю, так как запись чернеца Малахии не поддавалась прочтению. Остается открытым вопрос о том, кто и когда уничтожил запись Малахии; скорее всего, это было сделано в то время, когда запись могла послужить поводом для каких-либо претензий на право владения рукописью, но еще не приобрела характера исторического документа. Не сделал ли это сам Сильвестр, чтобы избежать упрека в присвоении чужой книги?

---

[5] Термин ἡ ἀπάνω ‘Ρωσία (Верхняя Россия) в других источниках найти не удалось. Известен аналогичный термин ἡ ἔξω ‘Ρωσία (Внешняя Россия), о котором существует обширная литература. См., например, А. В. Соловьев. Византийское имя России. «Византийский временник», XII, 1957, стр. 134—155. Однако у Фукидида (II, 99) есть выражение ἄλλ·α ἔθνη ἐπάνωθεν, т. е. другие племена, жившие выше.

[6] См. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 1. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1951, стр. 179, 202—204, 206, 210—211. Последний документ (данная Савы Сюзева), как известно, вызывает сомнения в своей подлинности. См. С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины». М.— Л., 1937, стр. 285—318. Это, однако, не имеет значения для выяснения судьбы чернеца Малахии, так как последний упоминается и в других актах. См. также П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стр. 614.

[7] См. Д. П. Голохвастов и архим. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1874, кн. первая, 1. Исследования, стр. 50—53. В библиотеке Кириллова монастыря, находящейся в настоящее время в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, сохранилось еще несколько рукописей, по сведениям указанной описи принадлежавших Сильвестру, а именно: 1) Апостол греческий (Кир., № 120/125), 2) Книга Исуса Навина (Кир., № 4/9); 3) Лествице (Кир., № 35/160); 4) Псалтырь (Кир., № 6/131); 5) Требник (Кир., № 518/775); 6) Маргарит (Кир., № 112/237); 7) Требник (Кир., № 521/778); 8) Требник (Кир., № 545/802); 9) Требник (Кир. № 519/776); 10) Сборник (Кир., № 44/1121). Н. Н. Розов указывает, что многие тома Четьих Миней XVI в., хранящиеся в Кирилло-Белозерской библиотеке, также названы «сильвестровскими». См. Н. Н. Розов. Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. В кн.: «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. IX (12), 1961, стр. 182.

И. П. Шаскольский

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДА XIV—XV веков

С момента первых публикаций А. В. Арциховского[1] и в нашей стране, и за рубежом вышло значительное число работ, посвященных берестяным грамотам. Однако вновь открытые документы изучаются еще совершенно недостаточно. Желательно было бы, чтобы больше исследователей включилось в изучение этих новых ценных источников истории древней Руси.

Подавляющее большинство найденных к настоящему времени берестяных грамот дает материал по внутренней истории, освещает социально-экономический строй и культуру Новгорода и Новгородской земли. В 1956—1957 гг. экспедицией А. В. Арциховского были впервые найдены три грамоты, дающие сведения по внешнеполитической истории Новгорода. Важное значение этих документов стало ясно А. В. Арциховскому уже при первичной их публикации; в своих статьях о результатах раскопок 1956—1957 гг. А. В. Арциховский сделал первый опыт интерпретации этих грамот[2]. Поскольку бурная и богатая событиями внешнеполитическая история Новгорода лишь в очень малой степени нашла отражение в русских источниках, и о большинстве конкретных событий этой истории, особенно — событий, происходивших вдали от Новгорода, на огромном протяжении северных границ Новгородской республики, мы знаем мало или почти ничего не знаем, каждое новое известие о подобных событиях представляет очень большую ценность.

Грамоты № 248 и 249 найдены вместе во время раскопок 1956 г. в слое, датируемом А. В. Арциховским первой половиной XV в. или рубежом XIV—XV вв.[3] В обоих документах отражаются аналогичные события — пограничные столкновения, происшедшие на территории новгородской Карелии, около шведского рубежа.

В грамоте № 248 говорится:

«Беють челомъ Корила погоская, Вюдолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижени есмь с Нимечкои половине. Опти-

[1] А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—78; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

[2] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 234 (грамота № 248), стр. 238 (грамота № 286); его же. Новые новгородские грамоты. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 232 (грамота № 249).

[3] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 234; его же. Новые новгородские грамоты, стр. 232.

[4] В опубликованной А. В. Арциховским прориси данной грамоты «у» (должно было стоять «оу») отсутствует, видны лишь остатки верхней половины предшеству-

на наша и дидена... а у[4] нас у Вымолчовъ, господда, имали крецете я... лопь и вьрьжи пограбиле, а сами есмь... ина... алуи 10, а у...»[5].

Как правильно отмечает А. В. Арциховский, «это начало довольно важного государственного документа, адресованного „Господину Новгороду", что на бересте встречено впервые»[6]. Добавим, что здесь впервые в руки исследователей попал политический документ новгородского времени, исходящий от карел; в данном документе мы в первый раз видим, как определенная группа карельского населения осознает себя как некое политическое целое и обращается с коллективным прошением к «Господину Новгороду», т. е. к властям Новгородской боярской республики.

Термин «Корила погоская», (т. е. «Корела погостская») — это население той части Карелии[7], которая входила в состав собственной территории Новгородского государства и в такой же мере, как и русские местности Новгородской земли и области води и ижоры, имела деление на погосты[8]. В термине «корела погостская» содержится противопоставление карельского населения, живущего на собственной территории Новгородского государства (на территории новгородских погостов), и карел, живущих на северной периферии новгородских владений, на пространствах между Белым морем и Ботническим заливом, где не было деления на погосты[9].

В тексте далее дается уточнение, из которого видно, что документ исходит не от всей «погостской Корелы», а от карельского населения только двух погостов. «Корела Кюрьеская» — это население Кирьяжского погоста, хорошо известного по переписной окладной книге Вотской пятины 1500 г.[10] Богородицкий Кирьяжский погост, по данным этой книги, был расположен у северо-западного угла Ладожского озера, севернее города Корелы[11], и со времени Ореховецкого мира 1323 г. непосредственно гра-

ющей буквы «а» (см. «Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде», стр. 234, рис. 8); видимо, в этом месте слово «у» восстановлено при публикации, исходя из общего смысла документа.

[5] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 234.

[6] Там же.

[7] Речь идет о термине «Карелия» не в современном смысле, а в его значении для новгородского времени, когда карельское население жило в основном на Карельском перешейке, в северном Приладожье и к западу и северу от этих земель, а также на огромных пространствах северных лесов от Белого моря до Ботнического залива (История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в., под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952, стр. 41—45).

[8] Там же, стр. 62—65; И. П. Шаскольский. Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв. «Новгородский исторический сборник», № 10. Новгород, 1961, стр. 125—126; см. также С. С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 38—39.

[9] Упоминание в начале текста документа, что обращение к новгородскому правительству исходит от «погостской корелы», возможно, было сделано для того, чтобы подчеркнуть, что с просьбой о помощи обращается не какое-то неполноправное население далеких окраин, а жители основной территории Новгородского государства, несущие наряду с русским населением все тяготы по охране границ и по выполнению государственных повинностей и потому имеющие полное право требовать от правительства защиты от вражеских нападений из-за рубежа.

[10] Переписная окладная книга Вотьской пятины 1500 г. «Временник Московского общества истории и древностей российских» (далее — МОИДР), т. XII. М., 1852, стр. 120. Самое раннее упоминание Кирьяжского погоста в письменных источниках относится к 1396 г.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова (далее — Новг. I л.). М., 1950, стр. 387. То же известие содержится в Новгородской IV, Софийской I, Никоновской летописях и летописи Авраамки. См. Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941, стр. 89. Название погоста в указанных источниках дается в разных транскрипциях: Кюрьескыи (Новг. I л.), Кюрьевскии (Новгородская IV летопись), Кирьевскые (Софийская I летопись), Кирьесъкии (Никоновская летопись).

[11] Территория Кирьяжского погоста новгородского времени затем на протяжении многих веков представляла собой единую административную единицу, менявшую названия, но просуществовавшую до середины XX в. примерно в тех же границах; с 1940 и до конца 1950-х годов эта территория составляла Куркийокский район Карело-Финской ССР.

ничил с шведскими владениями. Сложнее обстоит дело с названием второго погоста. В публикации А. В. Арциховского на прориси и в тексте дается чтение «Корила... Вюдолаская» [12]. Однако ни одно из названий погостов или селений Корельского уезда, известных нам по переписной окладной книге 1500 г. [13], не может быть идентифицировано с названием «Вюдолаская» [14]. Обращение к подлиннику — к самой берестяной грамоте [15] — позволило установить, что в данном месте грамоты на бересте имеются трещины, затруднившие чтение и давшие повод толковать первую букву слова как «в», третью — как «д». При рассмотрении грамоты с помощью микроскопа выяснилось, что первую букву слова надо, скорее всего, читать как «к», а третья буква с большей вероятностью должна читаться как «л» [16]. Тогда получается: «Корела... Кюлолаская», и идентификация этого названия не представляет труда. В том же летописном известии 1396 г. упоминается «Кюлоласкый» погост [17]; в переписной окладной книге Вотской пятины 1500 г. упоминается селение Кюлолакша [18]. Правда, самостоятельного Кюлолакшского погоста в 1500 г. уже не существовало. Но и упоминание этого погоста в летописи под 1396 г., и упоминание его в данной берестяной грамоте позволяют думать, что в конце XIV в. (и ранее) подобный погост существовал, а в течение последующего столетия он слился с Кирьяжским погостом (на территории которого, по данным переписной книги, находилось в 1500 г. селение Кюлолакша) [19]. Судя по сведениям переписной книги, Кюлолакшский погост находился в свое время около северо-западного берега Ладожского озера, между Кирьяжским и Городенским погостами.

Таким образом, можно полагать, что к новгородским властям в разбираемой грамоте обращаются два карельских погоста — Кирьяжский и Кюлолакшский, находившиеся между северо-западным побережьем Ладожского озера и шведским рубежом. Территория этих погостов, судя по дальнейшему тексту грамоты, подверглась нападению (или нападениям) из-за шведской границы, что и вынудило население обоих погостов обратиться с жалобой в Новгород.

Для характеристики той группы карельского населения, от которой исходит грамота, важно также выражение «у нас у Вымолчов...». По документам XV в. известно существование в то время в карельском Поморье (на западном побережье Белого моря) «пяти родов корельских детей», причем один из родов носил название «Вымолчи» [20]. «Корельские дети», т. е. карельское население западного Поморья, появились в этой местности в результате переселения (видимо, в течение XIII—XIV вв. из основ-

[12] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 234 и рис. 8.

[13] Напомним, что в переписной окладной книге были зафиксированы названия всех существовавших к 1500 г. селений Корельского уезда (т. е. той части тогдашней Карелии, которая имела деление на погосты).

[14] «Вюдолаская» должно было бы быть производным от названия «Вюдолакша», «Видолакша» или «Ведолакша»; однако подобных названий ни в переписной книге 1500 г., ни на позднейших географических картах нет.

[15] Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность А. В. Арциховскому и М. Н. Кислову, давшим мне возможность ознакомиться с подлинником грамоты.

[16] В берестяных грамотах обычно «в» близко по начертанию к «к», «д» — к «л».

[17] Новг. I. л., стр. 387.

[18] «Временник МОИДР», т. XII, стр. 122. «Кюлолакша» — русская транскрипция карельского названия Kylänlahti (J. V. Ronimus. Novgorodin vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja karjalan silloinen asutus. Joensuu, 1906, s. 37). Небольшое селение Kylänlahti обозначено на Generalkarta öfver Finland 1910 г. на берегу маленького залива Ладожского озера, примерно в 25 *км* к северо-западу от г. Кексгольма.

[19] В переписной книге упоминается существовавшая в 1500 г. перевара (более мелкая территориальная единица, чем погост) Куллаская, видимо, являвшаяся остатком прежнего Кюлолакшского погоста; в пределах этой перевары находилось и селение Кюлолакша (см. «Временник МОИДР», т. XII, стр. 122—123).

[20] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949, № 287, 291, 296—298, 300—304, 318, 319, 322, 328; род Вымолчей упоминается в документах № 297, 298, 318.

ной карельской племенной территории — из карельских погостов северо-западного Приладожья[21]. Оттуда же карельские переселенцы принесли с собой и деление на пять родов; для XV в. существование этих родов было, очевидно, пережиточной формой древнего, уходящего в глубь веков (в эпоху родового строя) деления карельского племени на пять родов. Разбираемый документ впервые дает прямое подтверждение существования одного из этих пяти родов в XIV в. на основной карельской племенной территории — в Приладожье. Косвенное подтверждение существования этого же рода Вымолчей в том же Кирьяжском погосте дают сведения топонимики рубежа XV—XVI вв.[22] Видимо, население Кирьяжского и соседнего Кюлолакшского погостов принадлежало к карельскому роду Вымолчей.

Нападение на Кирьяжский и Кюлолакшский погосты было произведено «с Нимечкои половине». В слово «половина» явно вложено представление о существовании некоей более значительной области, состоящей из двух половин. Здесь, вне всякого сомнения, подразумевается Корельская земля — основная племенная территория карел (имевшая деление на погосты), разрезанная Ореховецким миром 1323 г. на две половины — западную, отошедшую к «свейским немцам», и восточную, оставшуюся под русской властью[23]. «Немецкая половина»[24] — это западная половина некогда единой Корельской земли, погосты Яскис, Еврепя и Саволакс, с 1323 г. оказавшиеся под властью «свейских немцев».

Выражение «немецкая половина», относящееся ко времени после 1323 г., косвенно подтверждает произведенную ранее по археологическим данным датировку грамоты рубежом XIV—XV вв. или XV в.

Нападение носило (целиком или в значительной мере) характер грабительского набега. По словам составителей грамоты, пострадала их «отчина и дедина», т. е. наследие отцов и дедов, были ограблены «вьрьжи» — рыболовные верши (рыболовство — один из главных источников существования местных жителей), захвачены ценные ловчие птицы — кречеты.

Имеется весьма заманчивая возможность связать эту грамоту с уже упоминавшимся летописным известием 1396 г., в котором сообщалось о нападении с шведской стороны на те же два карельских погоста — Кирьяжский и Кюлолакшский[25]. Установленная археологически дата грамоты — рубеж XIV—XV вв. — в таком случае будет полностью подтверждаться летописной датой. Правда, некоторые подробности в летописном известии и в тексте грамоты не совпадают. Так, в летописи определенно говорится, что нападавшими были «немцы», тогда как в грамоте скорее подразумевается местное население «немецкой половины» — западнокарельских погостов[26]; в грамоте нет имеющихся в летописи сведений о сожжении нападающими церкви на русской территории. Однако поскольку грамота сохра-

[21] История Карелии..., стр. 44—45.

[22] На территории Кирьяжского погоста, по данным переписной книги 1500 г., известен мыс или небольшой полуостров под названием «Вымолской наволок» и деревня с таким же названием, расположенная вблизи этого мыса («Временник МОИДР», т. XII, стр. 122, 124).

[23] История Карелии..., стр. 91—93.

[24] Сам по себе термин «Немецкая половина» в источниках встречается впервые. Но это и понятно — ведь до сих пор в распоряжении ученых не было русских письменных документов новгородского времени, написанных на территории Корельской земли.

[25] «Того же лета пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с корелою гнася по них, и язык изима, и присла в Новгород» (Новг. I л., стр. 287).

[26] По мнению А. В. Арциховского, в документе было бы прямо сказано, если бы нападающими оказались «свейские немцы»; поскольку же этого не сказано, если бы здесь подразумеваются местные жители «немецкой половины» (А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 234). Однако это не могли быть финны (как предположил А. В. Арциховский), ибо на территории «немецкой половины» Корельской земли — в западнокарельских погостах — жили в то время карелы.

нилась неполностью, можно предположить, что о сожжении церкви говорилось в утраченной части текста. Кроме того, на основе текста грамоты нельзя отрицать и возможности участия в нападении «свейских немцев».

Вполне могло быть, что именно данной грамотой новгородские власти были извещены в 1396 г. о вражеском нападении на Кирьяжский и Кюлолакшский погосты и, получив эту грамоту, смогли своевременно предпринять ответные меры, о которых говорится в летописи: послать служилого князя Константина Белозерского для изгнания вторгшегося отряда из русских владений[27]. Об аналогичном событии сообщает другая берестяная грамота (№ 249), найденная вместе с разобранным выше документом и датируемая археологически тем же временем — рубежом XIV—XV вв. или первой половиной XV вв.[28].

Грамота № 249 то же является отрывком официального донесения новгородским властям: «У Питина сына, у Игале и у Миките третиего л...[29] на 14 рубле Микулинь человекь Стенькина... Коневыхъ водахъ у Жябия носа уби... насъ... вуева сына и Кавкагалу. А узяле товара на 10 рублевъ. Кироевь сыно ино вэе лопинь. Лоне у Гювиева сына у того жь Жябея носа приехавше севилакшане 8 человекъ взяле товара на 5 рублевъ и лотку. На тых жь Коневыхъ водахъ у Мундуя у Вармина сына взяле 10 лендомъ рыбъ...»[30].

В приведенной грамоте также сообщается о нападениях, произведенных из-за шведского рубежа. Однако эта грамота прислана из другого места (чем грамота № 248). События, описываемые в данном документе, происходили у «Коневых вод», т. е. у большого озера, называющегося по-фински и по-карельски Оривеси[31]. В то время озеро Оривеси находилось на территории подвластного Новгороду Иломанского погоста. Самый северный из погостов Корельской земли, Иломанский погост, имел после Ореховецкого мира протяженную границу с шведскими владениями: с отошедшим по Ореховецкому договору к Швеции большим западнокарельским погостом Саволакс, охватывавшим значительные пространства нынешней территории Восточной Финляндии в бассейне озера Сайма[32]. Нападения, упоминаемые в грамоте, произвели «севилакшане», т. е. подпавшие под шведское влияние жители погоста Саволакс[33]. Это было, судя по тексту грамоты, несколько мелких, разрозненных и разновременных[34] нападений, совершавшихся небольшими группами «севилакшан»; один из нападавших отрядов состоял всего из восьми человек, другие отряды были, видимо, столь же невелики. Набеги совершались не с политическими, а с грабительскими целями: нападавшие захватывали у местных жителей[35]

---

[27] Полное собрание русских летописей, т. V. СПб., 1851, стр. 250.

[28] А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты, стр. 232.

[29] На прориси видна часть буквы ѣ; видимо, здесь в утраченной части грамоты было: третиего лѣта узяле товара] на 14 рубле...», т. е. речь шла о событии, происшедшем в позапрошлом году.

[30] А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты, стр. 232.

[31] «Коневы воды», встречающиеся в переписной окладной книге 1500 г. («Временник МОИДР», т. XII, стр. 179), впервые идентифицировал с озером Оривеси J. V. Ronimus (op. cit., s. 53). По правильному определению А. И. Попова (приводимому А. В. Арциховским в статье «Новые новгородские грамоты», стр. 232), слово «Orivesi» буквально означает «Коневы воды» (от ori — конь и vesi — вода). Озеро Оривеси связано озерными проливами с несколькими другими озерами, входящими в водную систему озера Сайма; нападавшие легко могли проникнуть в Оривеси по озерным проливам из шведских владений. Упоминаемый в грамоте «Жабий нос» — видимо, один из заметных мысов (полуостровов) на побережье того же озера Оривеси.

[32] История Карелии..., стр. 43—44.

[33] Опять же не финны, а карелы; в XIV — начале XV в. жители Саволакса были карелами.

[34] Про нападение на «Гювиева сына» прямо говорится, что оно произошло «лоне», т. е. в прошлом году; первое из описанных нападений произошло, по-видимому, в позапрошлом году (см. выше, прим. 29).

[35] Местные жители — карелы, как о том свидетельствуют приводимые в документе явно карельские имена: Гювиев сын, Мундуй Вармин сын, Игал; имеющиеся в до-

«товар» (вероятно, продукты местных промыслов, приготовленные для продажи меха, а возможно, и вообще личное имущество), лодку, выловленную (и, вероятно, высушенную или другим способом заготовленную впрок) рыбу; «товару» было захвачено на довольно значительные по тому времени суммы — на 14 рублей, 10 рублей и 5 рублей. Нападения носили, по всей видимости, мелкий локальный характер и не были связаны с описанными в ранее разобранной грамоте нападениями на лежащие в 100 (и более) *км* к югу Кирьяжский и Кюлолакшский погосты.

Таким образом, и в грамоте № 248, и в грамоте № 249 сообщалось в Новгород о небольших набегах и нападениях из-за шведского рубежа, не ставивших завоевательных целей, но часто нарушавших мирную хозяйственную деятельность пограничного населения [36]. Видимо, такие пограничные набеги были частым явлением в тот период, и мы не знали о них лишь потому, что подобные небольшие столкновения не фиксировались в официальных источниках.

Наибольший интерес представляет третья грамота — № 286, тоже касающаяся пограничных отношений между Новгородом и шведскими владениями. Этот документ — неофициальное письмо, датируемое археологически первой половиной XIV в. или рубежом XIII—XIV вв.:

«[От Г]ригории ко Дмитру. м...рове. А ты ходи, не боися, миро взяле на [ст]арои меже Юрия князя ... я послале кореле на Каяно море, а ... омешаи и не испакости каянецамо, ни соби. Присловия возми, а ... и поимало дани лонескии, возми и мои. А уцюеши, а не поиду к но... ты тогодъ иди. А дома здорово. А на меня весте и перециня ...о. Аже возможеши, пособляи мне цимо» [37].

К сожалению, при комментировании этого документа А. В. Арциховский был введен в заблуждение содержащейся у Герберштейна ошибочной трактовкой термина «Каянская земля» [38]; поэтому нам придется предложить другое толкование грамоты.

«Каянская земля», с которой связано содержание грамоты, находилась к востоку от северной части Ботнического залива (на месте современной финляндской области Остерботния), где некогда, до XII—XIII вв., жило финское племя Kainu или квенов [39], и где находилось озеро Каяни

кументе русские имена (Микита, Киреев сын и др.) тоже, вероятно, принадлежали карелам, ибо многие карелы в то время (будучи с XIII в. православными) носили уже русские имена.

[36] Любопытно, что (как сообщил нам М. Н. Кислов) обе рассмотренные грамоты были при раскопках найдены одновременно — как свившиеся вместе два отдельных куска бересты. По-видимому, поскольку эти два документа касались аналогичных событий, происшедших примерно в одно время и на соседних территориях карельских владений Новгорода, получившие эти грамоты представители новгородских властей сложили их вместе. Нахождение обеих грамот на данном участке культурного слоя древнего Новгорода, видимо, надо ставить в связь с располагавшимся поблизости каменным теремом крупнейшего новгородского политического деятеля второй половины XIV — начала XV в. посадника Юрия Анцифоровича (А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 239).

[37] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 238; в текст нами введена в квадратных скобках реконструкция утраченных мест, данная автором в комментарии (см. там же).

[38] В известном рассказе о путешествии Григория Истомы вокруг Скандинавии в 1496 г. (из сочинения С. Герберштейна) упоминается «страна Нортподен», называемая русскими «Каянская земля» и будто бы прилегавшая к Баренцову морю (С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 186). Русские исследователи, начиная с Е. Е. Замысловского (см. Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 98—113), принимали буквально на веру все сообщаемые Герберштейном географические подробности рассказа о путешествии Истомы, не заметив, что в этом рассказе (записанном Герберштейном через 20 или 30 лет после путешествия) ряд географических подробностей передан неправильно. В действительности «Нортподен» или «Норботтен» — область у северной оконечности Ботнического залива, что соответствует русскому термину «Каянская земля» (см. ниже).

[39] См. K. Vilkuna. Kainuu — Kvenland. Helsinki, 1957.

с XVII в.— город Каяни и т. п. Термином «каянцы», «каянские немцы» русские называли в XV—XVI вв. шведов и подвластных шведам финнов, переселившихся на эту территорию из шведской Финляндии. Особенно примечательно употребление в данном документе термина «Каяно море»; до сих пор этот русский термин был известен лишь в единственном сохранившемся русском документе — русском тексте Ореховецкого договора. Как доказано финляндскими учеными еще во второй половине XIX в., граница, установленная Ореховецким договором, оканчивалась у Ботнического залива [40], и, соответственно, «Каяно море» Ореховецкого договора — это Ботнический залив (прилегавший к Каянской земле и по имени этой земли получивший свое русское название) [41].

Исключительно ценно в грамоте упоминание «старой межи Юрия князя», т. е. пограничной линии, установленной некогда князем Юрием. Проходящая (судя по грамоте) где-то около Каяна-моря и каянцев, эта «старая межа», без сомнения, являлась линией границы Ореховецкого договора, заключенного новгородским князем (и московским великим князем) Юрием Даниловичем [42]. Первый в истории мирный договор Новгорода со Швецией 1323 г. и установленная этим договором на два столетия русско-шведская граница и вся система отношений между обоими государствами настолько прочно связались с именем Юрия Даниловича, что в последующее время и сам договор, и его пограничную линию называли просто по имени князя Юрия, не уточняя даже, о каком князе Юрии идет речь [43].

Поскольку в тексте Ореховецкого договора при описании русско-шведской границы на огромном протяжении от района озера Сайма до берега Ботнического залива были указаны всего два пограничных пункта, до сих пор считалось, что граница эта была условной и твердой пограничной линии фактически не существовало. Упоминание «старой межи Юрия князя» в рассматриваемой грамоте, касающейся русских приботнических владений, напротив, свидетельствует, что после Ореховецкого договора существовала вполне реальная пограничная линия, установленная этим договором.

Грамота написана вскоре (не позднее, чем через несколько месяцев) [44] после заключения со Швецией какого-то мирного соглашения, подтвердившего прежнюю линию границы, установленную Ореховецким миром («миро взяле на [ст]арои меже Юрия князя»). После Ореховецкого мира

---

[40] Это доказано прежде всего тем, что в ряде позднейших шведских документов XV—XVI вв. зафиксировано действительное существование этой границы у северо-восточного побережья Ботнического залива.

[41] Тождество термина «Каяно море» Ореховецкого договора с Ботническим заливом подтверждается почти всеми финскими и шведскими исследователями XIX—XX вв.; см. капитальное исследование: J. Jaakkola. Suomen muinaiset valtarajat vuoteen 1323. Helsinki, 1926; и последнюю работу, разбирающую этот вопрос: E. Wahlborg. Nöteborgsfredens norra gräns. «Namn och Bygd». Uppsala — Köpenhavn, 1957, s. 113. В одном документе начала XVII в., написанном в Северной Карелии (в Сумском остроге), Ботнический залив назван «Каянское море» (Центральный государственный архив древних актов, ф. Сношения России со Швецией, 1620 г., № 1, л. 114).

[42] Известно, что Ореховецким миром впервые была установлена государственная граница между русскими и шведскими владениями и что никакой другой официальной пограничной линии между Швецией и Россией ни до, ни после, вплоть до XVI в. не проводилось.

[43] Подлинник Ореховецкого договора, хранившийся в московском архиве, еще в XVI в. называли попросту «грамота княж Юрьева» (см. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 27). В шведском архиве в Стокгольме хранившиеся там копии Ореховецкого договора называли «konung Joriens bref» (O. S. Rydberg. Sverges traktater med främmande magter. I. delen. Stockholm, 1877, ss. 445, 468; II delen, 1883, s. 16), что также буквально означает «грамота князя Юрия».

[44] Судя по тексту документа, получатель письма должен из него впервые узнать о происшедшем заключении мира; следовательно, мир был заключен совсем незадолго до написания грамоты.

в течение XIV в. дважды после военных столкновений заключались мирные соглашения со Швецией, подтверждавшие условия Ореховецкого договора,— в 1339 и в 1351 гг.[45], причем в обоих случаях (насколько можно судить по скупым данным источников) была подтверждена и линия ранее существовавшей границы, т. е. границы Ореховецкого договора[46]; после 1351 г. и до конца XV в. (судя по сохранившимся данным) никаких договоров между обоими государствами не заключалось. По-видимому, грамота относится или к 1339—1340, или к 1351—1352 гг.; подобная датировка увязывается и с археологической датировкой (первая половина XIV в.).

По убедительному предположению А. В. Арциховского, грамота являлась письмом одного новгородского данщика к другому[47]; автор письма, Григорий, занимает более высокую ступень в служебной иерархии, чем его адресат — Дмитр, и дает ему не то советы, не то указания. Оба данщика, видимо, занимались сбором дани с населения Каянской земли, находившейся по договору 1323 г. в составе новгородских владений. По-видимому, во время предшествовавшего периода военных действий сбор дани в пограничных со Швецией приботнических владениях Новгорода был приостановлен, и этим письмом Григорий сообщает Дмитру, что теперь, после заключения мира, может быть без опасения возобновлен сбор дани и нужно собрать дань и за прошлый год («дани лонескии»), когда дань не собиралась; Григорий просит Дмитра собрать эту дань и за него (т. е. в тех местностях, где обычно должен собирать Григорий).

Неясно выражение «послале кореле на Каяно море»; значит ли это, что на Ботнический залив новгородские власти послали карел? Или кого-то послали к карелам, живущим на берегу Ботнического залива? Неясна также фраза о каких-то взаимоотношениях Дмитра с каянцами[48]. Документ, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Таким образом, все три рассмотренные берестяные грамоты представляют значительный интерес для науки; они дают ценные сведения по истории пограничных отношений Новгорода со Швецией за период, весьма скудно отраженный в источниках; кроме того, эти документы содержат интересные данные по внутренней истории пограничных владений Новгородской боярской республики.

---

[45] Новг. I л., стр. 350, 362; А. И. Гиппинг, Нева и Ниеншанц, ч. 1, СПб., 1909, стр. 134, 140—141; С. С. Гадзяцкий. Указ. соч., стр. 161—162, 182.

[46] O. S. Rydberg. Op. cit., II delen, ss. 17, 175.

[47] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 238.

[48] Может быть, текст надо реконструировать так: «[тоб]я послале [к] кореле на Каяно море», т. е. Григорий передает распоряжение новгородских властей о том, чтобы Дмитр отправился к Ботническому заливу собирать дань с карел, живущих в русских приботнических владениях; в этой связи возможно, что в следующей фразе Григорий советует Дмитру во время этой поездки соблюдать осторожность в отношениях с каянцами — с финскими или шведскими переселенцами из шведской Финляндии, проникшими в русские приботнические владения.

А. Л. Хорошкевич

ДОГОВОРЫ ПОЛОЦКА 1405—1406 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЕГО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ

История русских городов давно уже стала предметом специальных исследований советских историков[1]. Ныне их внимание все больше и больше привлекают торговое право и торговая политика отдельных городов, в первую очередь Новгорода[2]. История торговли его соседей, Полоцка и Смоленска, в XIV—XV вв.— сравнительно мало исследованный вопрос. В. Е. Данилевич, основной и почти единственный исследователь прошлого Полоцкой земли, интересовался преимущественно ее бурной политической историей[3]. И русские, и иностранные ученые, занимавшиеся изучением внешней торговли Полоцка, ограничивались в основном ранним периодом полоцко-рижской торговли, до XIV в. включительно[4]. Все эти работы конца XIX или первых десятилетий XX в. рассматривают торговлю как импортно-экспортную или транзитную вне связи с внутренним развитием Полоцка, ростом товарно-денежных отношений в Полоцкой земле или изменением положения местного купечества. Торговая политика Полоцка, в особенности XIV—XV вв., также не была предметом специального исследования. Л. К. Гетц ограничился лишь формальным изучением полоцких договоров, не связав их ни с внутренней, ни с внешнеполитической историей Полоцка, ни с экономической жизнью княжества[5].

Между тем сохранившиеся договоры Полоцка позволяют выделить основные этапы его торговой политики и определить требования полоцкого купечества. Подавляющая часть этих договоров давно уже издана. Благодаря усилиям К. Э. Напьерского увидело свет большинство договоров Полоцка и Риги XIV—XV вв. Напьерскому принадлежит и честь первой

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; 2-е изд. М., 1956; его же. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947; его же. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957; его же. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.

[2] Особенно интересна здесь работа: Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. «Исторические записки», № 28, 1949, стр. 111—131.

[3] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XV в. Киев, 1896.

[4] И. А. Тихомиров. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке. «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), ч. 185, 1876, май, стр. 162—174; его же. Торговые сношения Полоцка с Ливонией. ЖМНП, ч. 194, 1877, декабрь. стр. 232—239; Г. Гильдебранд. Немецкий двор в Полоцке. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. 2. Рига, 1879, стр. 44—80; H. G. Schröder. Der Handel auf der Düna im Mittelalter. «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 23, 1917, S. 23—156.

[5] J. K. Götz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

датировки этих документов[6]. Вслед за ним материалы Рижского городского архива поместил в публикации «Лифляндских, Эстляндских и Курляндских грамот» крупнейший прибалтийский археограф середины и второй половины XIX в. Ф. фон Бунге[7]. Самое последнее издание такого рода — это «Ганзейские грамоты»[8]. Часть же полоцких грамот, в основном конца XV и XVI в., осталась еще неопубликованной. Однако и на основании изданных материалов можно судить об основных этапах внешней политики Полоцка.

Одним из важнейших периодов торговой политики Полоцка оказалось начало XV в. Уже Л. К. Гетц придавал большое значение договору 2 июля 1406 г., который заново регулировал все вопросы торговли Полоцка с Ригой. Он отметил, что Копысский договор стал в дальнейшем основой торговых взаимоотношений этих городов. Действительно, позднейшие договоры 1439, 1447 и 1478 гг. вносят сравнительно незначительные изменения в договор 1406 г.[9]

Однако наибольший интерес для историка торговой политики Полоцка представляет не самый договор, а предшествовавшие ему проекты 1405—1406 гг., наиболее полно зафиксировавшие основные требования сторон. За эти годы сохранились проекты договоров Риги с Полоцком от 17 мая 1405 г. (рижский противень на русском языке) (далее условно называемый рижским проектом), проект договора Полоцка с орденмейстером и г. Ригой от 21 июня 1405 г. (русский противень); полоцкий проект, рижский противень на немецком языке проекта договора орденмейстера Конрада фон Фитингофа и великого князя Витовта 1406 г.; орденский проект и, наконец, Копысский договор Риги и Полоцка, представленного великим князем Витовтом, от 2 июля 1406 г. (великокняжеский противень на немецком и латинском языках). Договор был ратифицирован Полоцком и Ригой 14 мая 1407 г.[10] Все эти документы сохранились в архиве Рижского городского совета в виде современных переговорным грамотам копий или переводов.

Для историка Руси особый интерес представляет документ от 21 июня 1405 г. Как указывают особенности формуляра грамоты, это полоцкий проект договора. Утвердительный оборот «скончали есме» отсутствует. Он заменен более неопределенным «...хочем с тобою, княж местерю, любовь держати... Также хочем с вами, рizькии ратьмяне, и со всеми рizькии купьци межи себе приязньство держати...»[11]. Самое содержание полоцкого проекта, выгодного лишь полочанам, противоречит представлению о документе 21 июня 1405 г. как утвержденном договоре.

Сравнение вышеперечисленных документов убедительно показывает, что в полоцком проекте содержится много статей, не внесенных в окончательный текст договора. Однако, прежде чем переходить к их рассмотрению, необходимо коснуться пунктов, общих для всех вариантов договора. Общие статьи договора и проектов не содержат каких-либо специфических норм полоцкой торговли начала XV в. В них зафиксированы наиболее обычные для средневекового торгового права нормы — о свободе торговли, свободе проезда купцов независимо от политической обстановки по терри-

[6] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв., найденные в Рижском архиве К. Э. Напьерским. СПб., 1857; Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. СПб., 1868.

[7] Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, 1. Abt., Bd. I—VI, hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1856 ff. (далее — LECUB).

[8] Hansisches Urkundenbuch. Bd. I—V, hrsg. von K. Höhlbaum, 1876 ff. (далее — HUB).

[9] L. K. Götz. Op. cit., S. 345—352.

[10] LECUB, Bd. VI. № 2962, 2963, 2966, 2967; HUB, Bd. V, № 665, 672, 725, 726, 782. В последней помещены полоцкий и рижский противень на русском языке договора 1407 г., отсутствовавшие во всех предшествующих публикациях.

[11] LECUB, Bd. VI, № 2963.

тории каждой из сторон. Рижский проект 17 мая 1405 г. предусматривает обязанность полочан «...всем немечькым купьцем ризьким слично и право деяти всякоим торговем деле и торговлею, без всякяя хитрости право чинити, на обе стороне межи собою»[12]. В полоцком проекте записано: «Вам нашего полочанина стеречи как своего брата немчина у Ризе, а нам полочаном вашего немчина также по тому ж стеречи у Полотьсце»[13]. Сходно выражают ту же мысль и немецкие противни. Во все документы внесена запись об экстерриториальности купцов, их подсудности только собственному суду и правило «знати истцу истца», появившееся в полоцком договоре 1399 г. и часто встречающееся в новгородских. Право экстерриториальности наиболее подробно изложено в рижском проекте, призванном, по-видимому, внести ясность в запутанные политические взаимоотношения Полоцка с различными ливонскими властями и великого князя литовского с немецким купечеством. «Потомь, ажь бы какое стало нелюбье межи местеря и князя великого Витовта, любо межю бояров, любо куньдорев, любо риделев, любо дворянинов, на обе стороне, в тое купьцем не уступатися, купьцеви приехати, отъехати чисто всегды. Потом што почнится у рубежи какое мешанье, то опрочь купцев, а купьцем у тое не уступатися, знати истьцю истьца во всяком деле»[14]. Широко развернутые статьи 9—11-я орденского проекта[15] и 7—8-я Копысского договора устанавливают тот же порядок. Договор особо подчеркивает, что купцы должны быть уверены в сохранении своей жизни и товаров, что они имеют право везти свое имущество, куда им только заблагорассудится, что сами они вольны ездить, куда им нужно, безо всяких помех — на дорогах, в городах, на воде и на суше[16].

Эти традиционные статьи устанавливают принцип взаимности в сношениях между обеими договаривающимися сторонами. В документах 1405—1406 гг. они приобрели лишь некоторые уточнения в связи с тем, что каждая из сторон в свою очередь делилась на два лагеря, вражда между которыми немало затрудняла нормальный ход торговли Риги и Полоцка.

В области судопроизводства вносились очень небольшие изменения: отныне суд над купцом должен был происходить только в его родном городе. «Потомь аще которы немьчин изъвиниться у Полочьсце, того немьчина отослати у Ригу, ратьмане его судять по своеи правде. Аже полочанин извиниться у Ризе, ино его послати у Польтеск, и тамо его свои и казнять по своеи правде»,— гласил рижский проект[17]. Почти в той же формулировке вошел он в полоцкий проект 1405 г. и в договор 1406 г.[18] Этот новый порядок заменял старый обычай, известный по договору 1338 г.: судить купца за кражу там, где он ее совершит. Лишь в том случае, если крадут у купцов своей национальности (т. е. немец у немца или русский у русского), то и ответчика, и истца по старому договору следовало отправлять на родину[19]. Договор 1406 г. менее подробен в изложении этой статьи, но, по-видимому и он предусматривал суд на родине при всех случаях уголовных преступлений.

Л. К. Гетц считает, будто это «нововведение», якобы чуждое русскому праву, было принято в пользу немецкого купечества[20]. С этим трудно согласиться. Включение разбираемого пункта в полоцкий проект 1405 г., умело избегавший всего того, что могло бы ухудшить положение белорусского купечества, противоречит предположению Л. К. Гетца. В то же

[12] Ibid., № 2962.
[13] Ibid., № 2963.
[14] Ibnd., № 2962.
[15] Ibid., № 2966.
[16] Ibid., № 2967.
[17] Ibid., № 2962.
[18] Ibid., № 2963.
[19] HUB, Bd. II, № 628, S. 278, § 9.
[20] L. K. Götz. Op. cit., S. 347—348.

время окончательный перенос судоразбирательства на родину ответчика в какой-то степени был удобен и для полоцких, и для рижских купцов, открывая и для тех, и для других возможность избежать наказания или смягчить его. Во всяком случае принятие этого пункта в Копысском договоре 1406 г. вряд ли можно считать победой немецкой стороны.

Все изучаемые документы предусматривали обязанность весцов и той, и другой стороны правильно взвешивать товары. Копысский договор уточняет, что при взвешивании весцы должны отходить от весов и не касаться их руками [21].

Этими статьями исчерпывается в основном то общее, что содержат документы 1405—1406 гг. Обратимся теперь к рассмотрению их специфических норм. Особенно богат ими полоцкий проект 21 июня 1405 г. Если содержание остальных трех документов в основном ограничивается вышеперечисленными статьями [22], то в составе полоцкого они, весьма лаконично сформулированные, не занимают и половины текста.

Поскольку своеобразные статьи полоцкого проекта не вошли в текст докончания 1406 г., по-видимому, главным образом из-за нежелания немецкой стороны и уступчивости великого князя, эти статьи можно считать своего рода программой полоцкого купечества и полоцких феодалов в области внешней торговли.

Прежде всего, полочане стремились установить определенные размеры закупок полоцких товаров немецкими купцами и запретить розничные закупки в целях уничтожения конкуренции иностранного купечества на полоцком рынке. «Купити вам немцем у нас у Полотьсце немецькому купьцю пол берьковьска воску, пол тысячи белкы». Действительные закупки пушнины и воска рижскими купцами далеко не всегда достигали указанных цифр. Пушнина, например, приобреталась мелкими партиями, не подобранной по сортам [23]. Однако в соседнем с Полоцком Великом Новгороде партии товаров отдельных купцов, как правило, превышали эти цифры. Разница размеров закупок на новгородском и полоцком рынках объясняется, очевидно, различием организации внутренней торговли в этих русских городах. Как убедительно показал М. П. Лесников, в Новгороде немцы имели дело с купцами, занимавшимися крупной оптовой торговлей. Рижские же купцы, по весьма вероятному предположению М. П. Лесникова, приобретали товар, и в частности пушнину, непосредственно у сельского населения из окрестностей Риги [24] и — позволим себе добавить — Полоцка.

В связи с этим требование установить определенные, и довольно высокие для полоцко-рижской торговли, размеры закупок пушнины и воска приобретают определенный смысл: за ними скрывается стремление обезопасить полоцкое купечество от непосредственной конкуренции ливонского и ганзейского купечества на полоцком рынке. Экономически гораздо более слабое, чем новгородское, купечество Полоцка боролось за такие условия торговли, которые давно уже стали обычаем на Северо-Западе Руси.

Те же цели преследовала и другая статья полоцкого проекта 1405 г.— о запрещении розничных закупок. «А малое вам торговли не купити у Полотьсце порозничи» [25].

---

[21] LECUB, Bd. VI, № 2967, § 6.

[22] Особенно безлик орденский проект. Даже в общие статьи он не внес ничего нового.

[23] М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. «Уч. зап. Московского государственного педагогического института им. Потемкина», т. VIII. М., 1948.

[24] M. P. Lesnikov. Die Livländische Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des XV. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, Jg. VI, Hf. 2, S. 290.

[25] LECUB, Bd. VI, № 2963.

Две разбираемые статьи — прямой ответ на противоположное требование рижского проекта: «Потом полочаном... их (немецких купцов) пускати у Полочьку торговати, и с гостемь и с полочаны все сполу, то будь мало или велико, во всякои торговли, какый ли ни был товар, никакого чего выложено, без всякоя хитрости»[26]. На том же настаивали рижане и в орденском проекте 1406 г.[27]

Полоцкий проект устанавливал обязательное посредничество полочан в торговле между немецкими и русскими купцами (из Новгорода и Москвы). «А с новьгородци немецькому купцю торговати, а промежи има ходити нашему полочанину, занеже нас новьгородци не пустят у немечькии двор торговати без своего новьгородца». Отметим, кстати, что это указание о торговле полочан в Новгороде — единственное в своем роде. «А с московичи торговати вашим немьцем, также нашему полочанипу межи има ходити, торговати, занеже на нас москвичи тамьгу емлют». Как указывает сам проект, обычай посредничества между немецкими и полоцкими гостями уже существовал в Новгороде. Полочане же только предлагали ввести у себя такой порядок. И этот пункт полоцкого договора, как и два предшествующих, показывает, что экономические позиции белорусского купечества (даже у себя на родине) были гораздо слабее, чем новгородского.

В особое положение полоцкий проект ставил литовских купцов. Им, как и самим полочанам, разрешалось торговать непосредственно с немцами: «А торговати немецькому купцу с гостем Литовское земли добровольно»[28]. Исключительное положение литовских купцов в Полоцке — результат политической зависимости Полоцка от Великого княжества Литовского.

Очень интересна следующая статья полоцкого проекта. «А мимо города Польтеск немецькому купьцю не ходити, торговати немьцем у Полотьсце». Очевидно, что эта пока еще робко сформулированная статья содержит требование полочан ограничить деятельность иностранного купечества пределами Полоцка и тесно связана с рассмотренными выше статьями относительно объема закупок и розничной торговли. Сужая поле деятельности иностранного купечества до пределов города Полоцка, статья, таким образом, предлагает ревизию § 7 договора 1338 г. о свободном проезде купцов с обеих сторон в любые районы страны[29].

Копысский договор закрепил право купцов каждой из сторон свободно ездить по чужой территории. «И могут полочане ездить в страну за Ригу и рижане также за Полоцк в нашу (Литовскую) землю, куда хотят, с обеих сторон свободно по воде и земле»[30]. Таким образом, попытка полочан ограничить немецкую торговлю пределами Полоцка не удалась. Однако в Новгороде иностранцы в XIV в. уже не пользовались правом ездить по Новгородской земле[31].

Очень важна та группа статей полоцкого проекта 1405 г., в которой устанавливается порядок торговли отдельными товарами — вином и пивом, лошадьми, пушниной и т. д. Краткая фраза полоцкого проекта: «а белка купити, а намет давати, а у двор не имати»[32] дает исчерпывающе полную характеристику торговли пушниной в Полоцке.

«Намет» в пушной торговле — это прибавка к товару при покупке[33]. В русско-немецкой торговле периода средневековья прочно укоренился обычай давать надбавку при продаже белки. По-видимому полоцкий

[26] Ibid., № 2962.
[27] Ibid., № 2966, § 2.
[28] Ibid., № 2963.
[29] HUB, Bd. II, № 628, S. 276.
[30] LECUB, Bd. VI, № 2967.
[31] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 116.
[32] LECUB, Bd. VI, № 2963.
[33] Материалы для археологического словаря. Древности. «Труды Московского археологического общества», т. IV. М., 1875, стр. 67.

термин «намет» соответствует новгородскому «наддача» или немецкому «upgift». В 30-х годах XV в. новгородцы поставили вопрос о сокращении размеров «наддачи», однако в начале века они, как и полочане, полностью принимали этот порядок. Единственное, против чего выступили полочане в области пушной торговли, был предварительный осмотр белки перед покупкой на немецком дворе («а у двор не имати»). Однако именно на этом праве настаивало немецкое купечество и в Новгороде (целый ряд статей устава немецкого двора — скры — специально посвящен этому вопросу), и в Полоцке. Не удивительно поэтому, что статья о пушной торговле также не попала в Копысский договор.

В интересах полоцкого купечества проект 21 июня 1405 г. предусматривал свободную покупку лошадей в Риге. «А кони нам у вас у Ризе купити, на чем у верх ехати, а от ног не имати» [34]. По-видимому, на лошадях полоцкие купцы совершали обратный путь в Полоцк. Что обозначает последняя часть фразы, не совсем понятно. Может быть, полочане настаивали на беспошлинной покупке лошадей?

Наряду с розничными закупками немецким купцам в Полоцке запрещалась продажа пива и вина; проект запрещал немцам иметь в городе корчму. Несмотря на то, что и эта статья не попала в договор, полочане позднее ссылались на нее [35]. Вопрос о корчме полочане поставили раньше псковичей и новгородцев: последние обсуждали его лишь в последней трети XV в. В течение же всего XV в. немцы держали в своих руках эту одну из наиболее прибыльных отраслей торговли.

В целом направленность полоцкого проекта совершенно ясна. Он предусматривал всестороннее ограничение прав немецкого купечества в Полоцке. Широковещательная ссылка на старину — «А торговати по старому закону, всякую торговлю купити, продати» — прикрывала последовательно проводимую программу расширения прав полоцких купцов за счет немецких.

Видимо, выставить подобные требования полоцким купцам помогло расширение географического района торговли и увеличение ее объема. Полоцкий проект хорошо знает уже не только новгородских купцов, но и московских. Вероятно, связи с Москвою в это время поддерживались регулярно. Тот же вывод можно сделать и на основе нумизматических материалов [36].

Полоцк начала XV в., несмотря на все превратности своей политической судьбы, проводил ту же внешнеторговую политику, что и другие контрагенты Ганзы в Восточной Европе. Начало XV в. оказалось переломным в истории взаимоотношений Ганзы и государств Восточной Европы. Опираясь на свои крепнущие торговые связи с внутренними районами Восточной Европы, контрагенты Ганзы впервые попытались освободиться от ее монополии, взяв в свои руки посредничество в торговле между Западной Европой и центральными производящими районами своих стран. Новгород Великий в первое десятилетие XV в. выставил требование равных условий торговли и свободного пути за море [37]. Сходные проблемы встали перед скандинавскими странами и Польшей.

Для всех восточноевропейских стран задача освобождения от Ганзы была очень важна. Несмотря на всю разницу политического положения и социально-экономического развития отдельных русских земель, Новгород и Полоцк, например, выдвигали сходные требования и по общим, и по частным вопросам. Запрещение розничной торговли, установление нового

---

[34] LECUB, Bd. VI, № 2963.

[35] Ibid., Bd. VIII, № 571, 1468 г.

[36] Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 29, 1949, стр. 64—75.

[37] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 111—131.

порядка торговли всеми основными товарами, запрещение корчемства, требование свободной закупки лошадей было предметом обсуждения, независимо друг от друга, на съездах новгородцев, псковичей, полочан с немцами. Сравнение полоцкой и новгородской программ в области внешней торговли ясно показывает специфические особенности каждой из них. Ни в самом начале XV в., ни в первых его десятилетиях полочане еще не были в состоянии ставить вопрос о свободном пути за море. Силы Полоцка и посредника в его внешней торговле, Риги, при сношениях с русскими опиравшейся на военную мощь Ордена, были еще слишком несоразмерны в то время. Полоцкое купечество находилось и в экономической зависимости от Риги.

В начале XV в. программы освобождения от Ганзы еще не были реализованы. Но примечателен уже самый факт постановки этих вопросов. Он свидетельствует как о значительных экономических сдвигах на Востоке Европы, так и о росте самосознания купечества восточноевропейских государств.

Полочанам, так же как и другим группам русского купечества, не удалось провести свою программу в жизнь. Однако договор 1406 г. сделал некоторые уступки в их пользу. Копысским договором были приняты полоцкие формулировки статей о порядке торговли всеми основными товарами — как полоцкими, так и рижскими: солью, воском, серебром. Все проекты договоров и сам Копысский договор впервые после 1338 г. регулируют порядок взвешивания товаров [38]. Полоцкий берковец (шиффсфунт) по-прежнему должен быть на пол-лисфунта (пуда) тяжелее рижского. «А восковыи вес держати по старому закону, што же наш берьковеск восковый болши вашего берьковеска полупудом ризького весу» [39]. Та же разница весовых единиц должна была соблюдаться и при взвешивании соли. По-видимому, для торговли солью это было новым обычаем. В рижском проекте 17 мая 1405 г. читаем: «А соль весити пудным ременемь, по старому закону». Эта формулировка полностью соответствует тому порядку взвешивания соли, которые предлагали орденмейстер и рижские купцы в 1338 г. «Vortmer dat solt schal men wegen in dem pundere» [40]. В полоцком же проекте статья о взвешивании соли изложена так: «А соль весити пудным ременемь, а берьковеск солоныи учинити у восковыи берьковьск» [41]. Орденский проект несколько неопределенно объявлял о равенстве весовых единиц в Полоцке и Риге. Порядок, предложенный полочанами, окончательно утверждается Копысским договором. «Vortmer so schal men to Ploskow dat solt wegen up den schalen mit den selven wichten und loden, also man dat was weget das sulves, und de wichte to Ploskowe schal in dem schippunde enes halven lispundes swarer wesen, den to Rige» [42].

В 1405—1406 гг. уточнялся также порядок взвешивания серебра. Неопределенная формула проекта докончания 17 мая 1405 г. «А серебрыны вес держати по старому закону», уступила место более точной и конкретной уже в полоцком проекте: «А серебрныи весы ризькии держати болши полочкиих весов серебрыных полузолотником» [43]. Полоцкое предложение было принято и Копысским договором [44]. Трудно сказать с полной определенностью, было ли это новостью в торговле серебром. Немецкие предложения о торговле, датируемые обычно 1338 г., ничего не говорят о взвешивании серебра. Они устанавливают лишь определенные пошлины за взвешивание: с немецкого купца в Полоцке — одну «долгею» и с русского

[38] HUB, Bd. II, № 631, § 1, S. 278.
[39] LECUB, Bd. VI, № 2963.
[40] HUB, Bd. II, № 631.
[41] LECUB, Bd. VI, № 2963.
[42] LECUB, Bd. VI, № 2967.
[43] Ibid., № 2962, 2963.
[44] Ibid., № 2967.

купца в Риге — один любекский пфенниг за взвешивание одной гривны серебра [45]. Вопрос о порядке взвешивания и торговли серебром в Полоцке нуждается, однако, в специальном исследовании.

И в Полоцке, и в Новгороде начала XV в. одновременно стали обсуждать порядок взвешивания развесных товаров. В Новгороде он стал предметом обсуждения в 1402 и 1407 гг. [46] Новгородские купцы требовали, чтобы соль продавалась исключительно по весу, а не мешками, в которые она (в ливонских городах Риге и Ревеле) ссыпалась после обычно неправильного взвешивания. В Полоцке же спор шел не о самом порядке торговли, а о конкретных обстоятельствах взвешивания этого товара. Да и борьба с немцами по этому поводу оказалась более успешной, чем у новгородцев. Последним после прекращения подвоза соли в 1407—1410 гг. пришлось отказаться от своих требований. Копысский договор 1406 г. подробно регламентировал предложенные полоцкой стороной условия взвешивания соли. К сожалению, в настоящее время еще нельзя сравнить новгородскую и полоцкую торговлю серебром, однако даже сейчас ясно, что в начале XV в. в новгородской торговле серебром происходили какие-то изменения, косвенно связанные с подготовкой денежных реформ 1410 и 1420 гг. Будущие исследования должны показать, насколько эти изменения связаны со всей восточноевропейской торговлей этим товаром.

Установление нового порядка взвешивания, по-видимому значительно облегчающего и упрощающего торговлю важнейшими импортными товарами, вызвало необходимость упорядочения самих весов. И в проектах договора, и в окончательном тексте содержится ряд статей, специально разбирающих вопрос о новых весах. Наряду со статьями об обязательном крестоцеловании весцов и их долге «право весити на обе стороне, без всякяя хитрости, но всяком весу», во все документы, кроме полоцкого проекта, внесена статья, вменяющая Риге в обязанность исправлять полоцкие весы: «А за который вес не право будеть, ино отослати у Ригу правити, по старому закону» [47]. Договор 1406 г. предусматривал, что весы и гири Рига должна отправить в Полоцк за счет немецких купцов (тотчас по заключении договора), починка же их в Риге должна производиться в дальнейшем за счет полоцких купцов [48]. Это пункт отдавал в руки немецкого купечества надзор за весами, что открывало для него широкие возможности злоупотреблений. Естественно поэтому, что жалобы полочан на неправильное взвешивание не прекратились. Да и сами немцы не были вполне удовлетворены новым порядком.

Кроме того, Копысский договор сделал еще одну уступку полочанам — относительно пошлин за взвешивание. Все немецкие проекты настаивали на сохранении старой пошлины. Если исходить из выше уже неоднократно упоминавшегося документа 1338 г., можно предположить, что пошлина за взвешивание взималась по-разному с полочан и немцев. Правда, немецкие предложения 1338 г. говорят только о пошлине за взвешивание серебра. Вероятно, так же дело обстояло и при любом другом взвешивании. Полоцкий проект полностью умалчивает о порядке уплаты за взвешивание. Однако в Копысском договоре предусматривается равенство сторон: «И сколько немецкий купец дает в Полоцке за взвешивание (wegelon), столько же должны давать полочане в Риге» [49]. Это несомненная победа полочан.

Небольшая уступка им была сделана и по вопросу о розничной торговле. Первый параграф Копысского договора, провозглашая свободу торговли, делал исключение для розничной торговли. В целом она запреща-

[45] HUB, Bd. II, № 631, § 8, S. 278.
[46] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 117—120.
[47] LECUB, Bd. VI, № 2962.
[48] Ibid., № 2967.
[49] Ibid., § 6.

лась, однако в отдельных случаях по соглашению сторон ее можно было возобновлять («...also doch, dat de Ploskowere to Rige, edder de Rigere to Ploskow kenerleie kopenschop, de pluckinge het, hebben scholen, over dat, alse de Ploskowere to Ploskow und de Rigere to Rige setten und maken werden, edder wo se darum mit den anderen ens konen werden»)[50].

Устанавливая зависимость розничной торговли от последующих постановлений Риги и Полоцка, Копысский договор не решал окончательно этого вопроса. Он открывал возможности для дальнейших споров из-за этого права.

Однако главная неудача полочан заключалась в том, что им не удалось ограничить немецкую торговлю пределами Полоцка. По Копысскому договору полочане и литовские купцы получили право свободно ездить в Ливонию, а немецкие купцы из Риги в Литовское княжество.

Нереализованная в начале XV в. торговая программа полоцкого купечества представляет большой интерес, поскольку она отражает значительный рост самосознания белорусского купечества. Причины неудачи полочан в начале XV в. следует искать не только в общем экономическом и политическом положении Полоцка, его взаимоотношениях с Великим княжеством Литовским и Орденом, но и в конкретной политической, и в первую очередь внешнеполитической, обстановке 1405—1406 гг. Поздней зимой 1405/06 г. Витовт предпринял поход на Псковскую землю, взял псковский пригород Коложе и стоял два дня под Вороначем[51]. В ответ на это Василий Дмитриевич «разверже мир» с Витовтом. В сентябре 1406 г. его войска дошли до р. Плавы. Еще раньше в июне — июле «псковичи ходиша войною в Полоцку и мало не взяша города, а волости полочкии повоевали». Поскольку псковичи отправились в поход в конце июня, повидимому, в начале июля они были уже в пределах Полоцкой земли.

На помощь полочанам в это время пришли немцы. Под августом 1406 г. русские летописи сообщают о «розмирье» псковичей с немцами. Орденмейстер Конрад Фитингоф пришел «со всею силою немечкою ко Пскову», однако этот поход был неудачен. Зимой 1406/07 г. псковичи разбили его армию под Кирипегой. И в это время дело не ограничилось участием одного только Пскова. На «Спасов день» 1407 г. Василий Дмитриевич снова ходил на Витовта, войска обеих сторон стояли у Вязьмы.

Таким образом, первые два проекта договора 1405 г. были написаны во время относительно мирных сношений Полоцка и Риги. Однако вскоре ситуация изменилась. Очевидно, Копысский договор и был написан незадолго до прихода русских войск под Полоцк. Это должно было повлиять на полоцкое купечество и склонить его к большей уступчивости. Обращение за помощью к орденмейстеру также отразилось на договоре. За военную помощь Ордена Полоцку пришлось отказаться от целого ряда требований, выдвинутых его проектом 1405 г. Итак, полоцкое купечество оказалось жертвой агрессивной политики великого князя литовского по отношению к русским землям. Если некоторая поддержка, оказанная Полоцку великим князем литовским, позволила белорусскому купечеству выдвинуть собственную, весьма последовательную программу в области торговых сношений с Ригой, то военная политика князя сорвала проведение этой программы в жизнь.

---

[50] Ibid., № 2967, § 1.

[51] О событиях 1405—1407 гг. подробно рассказывают и псковские, и московские летописи. См. Псковские летописи, вып. 1—2, подг. к печ. А. Н. Насонов. М., 1941, 1955 (особенно вып. 2, стр. 111—114). Полное собрание русских летописей, т. XXV, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1949, стр. 234—235.

Н. Н. Розов

КОГДА ПОЯВИЛСЯ В РОССИИ КНИЖНЫЙ ЗНАК?

Существование книжного знака является фактом истории книги и просвещения той или иной страны, того или иного народа. Поэтому нельзя считать нормальным и терпимым игнорирование истории русского книжного знака. К чему это привело дореволюционных исследователей, можно судить на основании следующего: не зная о наличии русского книжного знака до XVIII в., они считали вообще невозможным его существование в России до этого времени. «Книжных знаков у нас не могло быть в то время потому, что вся древняя Русь была почти поголовно безграмотной»,— заявляет автор одной из последних вышедших в нашей стране книг по истории книжного знака, известный библиофил и коллекционер В. Я. Адарюков. Далее он пишет: «В течение целого ряда веков единственным знаком принадлежности книги у нас служили вкладные записи, ярко отражавшие в себе наивную веру и темное невежество русского народа» [1].

Советскими учеными — археологами и историками — неопровержимо доказано широкое распространение грамотности среди населения русских городов уже в XI—XII вв., о чем свидетельствуют найденные при раскопках берестяные грамоты, а также надписи на предметах ремесла и быта. Пора внести поправку и в историю русского книжного знака.

Нет надобности останавливаться подробно на том, что вкладная запись не является и не может быть книжным знаком: она делалась в тот момент, когда владелец книги переставал им быть, в момент перехода книги от одного, индивидуального владельца к другому, коллективному (церкви, монастырю). Она делалась бывшим владельцем книги, от его имени, и не может быть знаком принадлежности нового владельца. Нельзя считать вкладную запись и «прототипом» книжного знака, как это делают некоторые исследователи: она является именно записью, текстом, обычно пространным, а не знаком собственности — лаконичной и выразительной книжной «тамгой». Да и незачем считать вкладную запись «эрзацем» или «прототипом» русского книжного знака — на Руси уже с конца XV в. существовал самый настоящий книжный знак.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся рукописные книги одной из знаменитых русских средневековых библиотек — библиотеки Соловецкого монастыря. Первоначальное ядро ее составляют 22 книги, принадлежавшие игумену Досифею, жившему в конце XV — начале XVI в. [2] Все они помечены одним и тем же сделанным от руки знаком — большой круглой, почти замкнутой

---

[1] В. Я. Адарюков. Русский книжный знак. М., 1922, стр. 8.

[2] Подробнее о книгах Досифея см.: Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVIII. Л., 1962, стр. 294—304.

своими концами буквой «С», внутри которой «вязью» сделана владельческая запись. В самой древней из книг, принадлежавших Досифею, наглядно представлено происхождение его книжного знака (рис. 1). На внутренней стороне верхней крышки переплета рукой Досифея отмечено:

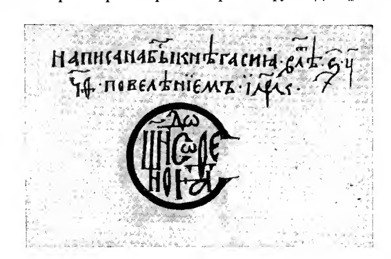


Рис. 1. «Рождение» экслибриса Досифея из владельческой записи (1491 г.)

«Написана бысть кнега сия в лето 6999 (т. е. в 1491 г.— *Н. Р.*) повелением имярек священно Дософея». При этом последние слова заключены в круг, образованный буквой «С» — первой буквой слова, означающего звание

Рис. 2. Книжный знак Досифея (1490 г.)

Рис. 3. Книжный знак Макария Забелина (начало XVI в.)

Досифея. В данном случае, еще «не набив руку» в изображении своего книжного знака, Досифей не сумел вписать в начальную букву своего звания это слово целиком. В дальнейшем, в книгах, написанных в 1492, 1493 и в последующих годах, Досифей стал вписывать в «экслибрис» свое звание и имя целиком: «Священноинока Дософея» (рис. 2).

В более ранних Досифеевых книгах его экслибрис попадается в текстах владельческих записей и приписок к сделанным по его заказу книгам. Позднее книжный знак Досифея обособляется от связи с текстом,

появляясь самостоятельно и отдельно в самых разных местах — внутри досок переплета, в начале, в конце и на полях книг. В одном случае этот знак нарисован в центре красочной заставки.

Рис. 4. Первоначальный вид экслибриса игумена Иакова (1580 г.)

Происхождение книжного знака Досифея дает основание более точно сформулировать самое понятие «книжный знак», по поводу которого среди коллекционеров нет полного единогласия. Некоторые считают экслибрисом лишь напечатанную типографским способом наклейку (эта точка зрения зафиксирована даже в Большой Советской Энциклопедии). А как же быть тогда с книжными знаками, появившимися до изобретения книгопечатания? Вопрос этот имеет особую важность для истории русской книги, книгопечатание в России вплоть до XVII в. обслуживало почти исключительно нужды церкви, а основным, массовым видом литературы была книга рукописная.

Рис. 5. Книжный знак игумена Иакова (1580 г.)

Книжный знак в России появился до изобретения книгопечатания в результате сочетания старинного знака собственности — «тамги», имевшей обычно форму круга, с текстом владельческой записи. Досифей нашел остроумный вид этого сочетания: из первой буквы слова, обозначающего его звание, он сделал круг, куда вписал свое звание и имя в родительном падеже, который всегда употреблялся для обозначения собственности, принадлежности.

Среди соловецких библиофилов нашлись подражатели и продолжатели Досифея.

Монах Макарий Забелин, живший в начале XVI в., механически заимствовал форму книжного знака Досифея, но вписал в нее более пространную владельческую запись: «Сия книга Мокарья Забелина Соловецкого монастыря»; использовать в качестве «оправы» своего экслибриса первую букву этой записи он, очевидно, не догадался (рис. 3).

Так же было начал метить свои книги игумен Иаков (1580-е годы). Его владельческая запись («Игумена Иякова Соловецкого»), сделанная в той же грамматической форме, что и у Досифея, во-первых, не помещалась целиком в досифеевской оправе, а во-вторых — и это главное,— не

начиналась с буквы «С» (рис. 4). Тогда, Иаков стал метить свои книги замкнутым кругом, в который его звание и имя опять-таки полностью не вписывались и надпись получалась ущербной: «Игумена Иякова Солов» (рис. 5).

Так около ста лет удержалась на Соловках традиция книжного знака, основоположником которой был Досифей [3].

Но только ли на Соловках существовали на Руси экслибрисы? Ответ на этот вопрос можно дать лишь после обследования старинных рукописных и печатных книг других древнерусских библиотек [4].

Приведенных же сведений, нам кажется, достаточно, чтобы опровергнуть существующее и общераспространенное мнение о позднем появлении в России книжного знака.

Поэтому беспочвенна полемика из-за того, считать ли первым экслибрисом книжный знак немца В. Брюса или русского князя Д. М. Голицина, живших в XVIII в. (а именно к этому сводятся споры о времени появления русского экслибриса). Книжный знак появился в России по крайней мере за двести с лишним лет до этого — в то же время, когда он впервые появляется за рубежом, в Германии (в Франции и Англии книжные знаки появились лишь в конце XVI в.).

---

[3] Влияние книжного знака Досифея можно усмотреть и в гравировке на застежках евангелия XVI в. из той же Соловецкой библиотеки (№ 131). На сохранившейся левой застежке чернью изображены два круга, в которых вязью, схожей с записью в досифеевском экслибрисе, читаются фрагменты владельческой записи: «Тетро... Соловецкого». На правой, утраченной застежке, вероятно, были выгравированы два недостающих слова: «...евангелие» и имя владельца, к которому относится определение «Соловецкого» (см. запись в экслибрисе «Иакова Соловецкого»).

[4] После опубликования названной выше (см. прим. 2) статьи об основателе Соловецкой библиотеки, где впервые был воспроизведен книжный знак Досифея, были найдены еще две книги с этим экслибрисом: в Библиотеке им. В. И. Ленина (ф. № 209, Собр. Овчинникова № 791) и в одной частной коллекции (см.: Ю. К. Бегунов. Собрание рукописных материалов XV — начала XIX вв. А. П. Гранкова. «Исторический архив», 1962, № 6, стр. 194).

Кроме того на одной книге конца XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря имя ее составителя-писца Ефросина обозначено по типу экслибриса Досифея. Только в качестве рамки здесь использована не первая, а средняя буква, нарисованная в виде омеги.

Б. Н. Флоря

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ XVI века

История центрального и местного управления России первой половины XVI в. до недавнего времени принадлежала к числу малоизученных проблем. Однако за последние годы положение изменилось. Тесно связанный с укреплением и развитием Русского централизованного государства процесс перестройки государственного аппарата и возникновения новых центральных и местных органов власти подвергся тщательному изучению в работах целого ряда советских исследователей [1].

Вместе с тем обозначились и некоторые существенные пробелы, «белые пятна», которые начинают мешать дальнейшему изучению вопроса [2]. Сконцентрировав свое внимание на изучении новых, только возникающих в XVI в. органов власти, наши исследователи обращают еще недостаточное внимание на изучение старой наместнической системы управления, которая на протяжении XVI в. в течение длительного времени сосуществовала с новыми органами государственного управления и играла, повидимому, гораздо более важную роль, чем склонны подчас считать наши исследователи, увлеченные показом нового.

Одной из причин того, что система наместнического управления — система «кормлений» — изучена до сих пор недостаточно, является узость источниковедческой базы.

Так, главным и по существу единственным (если не считать «Боярской книги 1556 года») источником, на основании которого современные исследователи судят о размерах и составе доходов наместничьей администрации, служат уставные наместничьи грамоты и доходные списки [3].

Однако этот источник ввиду ряда своих особенностей, прежде всего довольно однообразного формуляра [4], не позволяет установить, в денеж-

---

[1] См. Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.— Л., 1957; С. М. Каштанов. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. «История СССР», 1959, № 6; А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1961 и др.

[2] См. А. А. Зимин. О методике актового источниковедения по истории местного управления России первой половины XVI в. «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 36—38.

[3] См. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.— Л., 1947, стр. 267—274.

[4] Впрочем, как справедливо отметил А. Д. Горский, некоторые различия между доходными списками XI и XVI вв. все же имеются. (А. Д. Горский. Очерки эконо-

ной или натуральной форме эти доходы взимались, каковы были особенности кормообложения в различных районах. Нельзя узнать из него и того, насколько удавалось администрации превысить установленные законом нормы.

Между тем имеются источники иного рода, которые позволяют, как думается, разрешить ряд вопросов, связанных с историей центрального и местного управления России. Это источники монастырского происхождения. Они имеют перед доходными списками то преимущество, что составлявшие их монастырские власти, в отличие от властей правительственных, были заинтересованы в точном учете всех поборов, которые они должны были платить администрации.

Здесь следует назвать прежде всего «Келарский обиходник» Кирилло-Белозерского монастыря. В. А. Петров, специально изучавший этот источник, отмечает, что составление этого «Келарского обиходника» приходится на вторую четверть XVI в. (1525—1551 гг.) [5]. «Обиходник» наряду с другими материалами содержит подробную роспись лиц, которые получали кормы с монастырских владений в Белозерском и Вологодском уездах. с указанием размеров кормов. Еще более точно, чем «Обиходники», отражают реальное положение дел монастырские приходо-расходные книги. К сожалению, подавляющая часть их относится ко второй половине и даже к концу XVI в., когда системы кормлений на большей части русской территории уже не существовало.

В приходо-расходной книге Костромского Ипатьевского монастыря 1553 г. [6] содержится довольно большое количество записей о выплате кормов различным чиновникам правительственного аппарата.

Что же нового дают эти источники по сравнению с доходными списками и уставными грамотами?

Чтобы выяснить это, сопоставим Белозерскую уставную грамоту 1488 г. с записями Кирилло-Белозерского «Обиходника», относящимися к Белозерскому уезду, привлекая одновременно материал по Вологде и Костроме.

В уставной Белозерской гра́моте указывается, что кормленщик взимал кормы с населения не натурой, а деньгами. Денежные взносы при этом сменяют натуральные кормы: «За полоть мяса 2 алтына, за десятеро хлебов десять денег» [7] и др.

мического положения крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках. М., 1961, стр. 247—250).

[5] Текст «Келарского обиходника» дошел до нас в ряде списков XVI—XVII вв. в составе «Кормовых книг» Кирилло-Белозерского монастыря. Во всех этих списках, как замечает В. А. Петров, «основной текст Келарского обиходника... остался без существенного изменения» (В. А. Петров. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI в. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XVI—XVII веков». М.—Л., 1960, стр. 132). Пользуюсь текстом «Обиходника» по извлечениям, напечатанным И. К. Куприяновым в IV томе «Известий императорского Археологического общества» (СПб., 1863, стр. 18—23). Интересующие нас записи «Обиходника» находятся на стр. 19.

[6] Издана Н. П. Лихачевым («Сборник Археологического института», кн. VI. СПб., 1898, отд. II, стр. 122—137). В приходо-расходной книге Успенской Завеличской церкви в Пскове 1531 г., изданной И. П. Сахаровым («Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества», т. I, 1851, III, стр. 1—3), во фрагменте приходо-расходной книги 1536—1537 гг. Иосифо-Волоколамского монастыря [Государственный исторический музей. Епархиальное собрание, № 379(585)] и в находящихся в Архиве Ленинградского отделения Института истории приходо-расходных книгах Никольского Корельского монастыря сведений о выплате кормов. нет. За просмотр по моей просьбе книг Никольского Корельского монастыря приношу благодарность Р. Г. Скрынникову и В. М. Панеяху.

[7] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее — ААЭ), т. I, № 123, стр. 92. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. Часть I, 1257—1613 гг. М., 1898, № 75 и др. В некоторых уставных грамотах XVI в.

На основании этих формулировок можно было бы предположить, что уже в конце XV в. кормы были переведены на деньги. Однако данные «Обиходника», относящиеся к более позднему времени, дают иную картину: подавляющая часть кормов исчислена в «Обиходнике» в различных продуктах сельского хозяйства, денежная оценка которых при этом отсутствует. Иногда в «Обиходнике» указываются и денежные взносы, но они невелики: лишь на «великоденский» корм тиун получал 2 алтына денег, а городовые приказчики и Белозерский дворский — по алтыну; «петровский», «рождественский» кормы и ряд других поборов выплачивались натурой.

Ту же картину рисуют записи «Обиходника», относящиеся к Вологде: в этом разделе «Обиходника» денежные платежи вообще не упоминаются и все кормы заключаются в натуральном довольствии. Несколько по-иному, как видно из записей приходо-расходной книги, обстояло дело на Костроме: значительную часть кормов Ипатьевский монастырь выплачивал деньгами, однако и здесь уплата натурой имела известное значение. Так, натурой выплачивался «петровский» корм наместнику и его людям, «въезжее» тиунам наместника и ряд других поборов [8].

Таким образом, хотя грамоты середины XV в. предусматривают возможность замены кормов денежными платежами [9], но и через 100 лет, в середине XVI в., этот процесс был еще далек от завершения.

Причину сохранения натуральных кормов следует искать, по-видимому, в том, что денежная оценка кормов с течением времени не изменялась или изменялась очень мало [10]. Поэтому, с падением стоимости денег для наместников и волостелей в ряде случаев оказывалось более выгодным собирать корм натурой [11].

Во внутривотчинных распорядках, в 30—40-х годах XVI в., судя по «Книге ключей» Иосифо-Волоколамского монастыря, взносы в пользу местной администрации выплачивались деньгами [12].

Вероятно, монастырским властям было легче изменять в свою пользу старые обычаи.

На дворцовых землях в 40-х годах XVI в. существовали порядки, близкие к монастырским. Так, судя по уставной грамоте 1544 г., крестьяне дворцового села Андреевского Звенигородского уезда никаких натуральных кормов посельскому (посельский, как представитель дворцовой администрации, соответствует здесь волостелю или наместнику других уставных грамот) не платили. В грамоте отмечается лишь их обязанность три

мы встречаем более мягкую, альтернативную формулировку: «А нелюб волостелю корм и они ему дадут за полоть мяса 10 денег» и др. (ААЭ, т. I, № 144).

[8] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 132—134.

[9] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1952, № 260 и 261.

[10] На это обстоятельство обращал внимание уже С. Б. Веселовский (указ. соч., стр. 270). К сожалению, он не привел каких-либо доказательств в пользу своего утверждения. Оценки одного и того же корма в разных областях были различны: по уставной грамоте 1506 г., крестьянам Переяславского уезда (ААЭ, т. I, № 144) за барана полагалось платить 6 денег, по уставной грамоте 1509 г., бобровникам Каменского стана (ААЭ, т. I, № 151) — 12, а по Белозерской уставной грамоте 1488 г.— 8. Кроме того, в нашем распоряжении нет ряда разновременных грамот из одной местности. Поэтому никаких прямых доказательств того, что оценки кормов мало менялись со временем, привести нельзя. Однако, сопоставляя оценки, приведенные в Белозерской грамоте 1488 г., с оценками уставных грамот XVI в., можно сделать вывод, что последние или повторяют оценки Белозерской грамоты, или даже снижают их. Лишь оценка барана в большинстве уставных грамот XVI в. выше оценки, указанной в Белозерской грамоте. Это, думается, позволяет утверждать, что резкое увеличение оценок на протяжении первой половины XVI в. вряд ли имело место.

[11] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 270.

[12] Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948, стр. 16—18, 29, 158—159 и др.

раза, в традиционные сроки внесения кормов, уплачивать посельскому по две деньги с выти [13].

Новые источники позволяют выяснить и реальный состав кормов натурой, которые получала наместничья администрация.

С. Б. Веселовский справедливо отметил, что состав кормов во всех уставных грамотах и доходных списках одинаков [14]. Если судить по уставным грамотам, во всех районах России наместники и волостели взимали с населения одни и те же продукты: мясо, хлеб, сыр, овес, сено, баранов. Только в Подвинье и Приуралье корма выплачивались белками или другими мехами [15].

В «Обиходнике» и ипатьевской приходо-расходной книге наблюдается гораздо более пестрая картина. В состав кормов белозерского наместника и его администрации, согласно «Обиходнику», входили, кроме отмеченных в уставных грамотах продуктов, ржаная мука, яичный солод, рыба (осетр вислый, подносившийся наместнику при его вступлении в должность), а сыр, о котором говорится в Белозерской уставной грамоте, в составе кормов не встречается. В соседней же Вологде, судя по «Обиходнику», все кормы выплачивались рыбой. Упоминаются осетр пресный и соленый, судаки и стерляди. Из одних калачей и рыбы состояли натуральные взносы Ипатьевского монастыря костромскому наместнику [16]. Следовательно, за стереотипными формулами уставных грамот скрывалась весьма пестрая действительность.

Особенно интересны различия между уставными грамотами и монастырскими источниками по вопросу о количестве кормов, взимавшихся с населения.

Судя по уставным грамотам, наместник со своими людьми взимал корм три раза в год: «на Рождество» (25 декабря), «на Велик день», (т. е. на пасху) и на «Петров день» (29 июня). Кроме того, наместник при вступлении в должность имел право получать с населения «въезжее», размер которого уставные грамоты не определяют. Можно думать, что размеры этого побора предоставлялись на усмотрение жителей: «кто что принесет, то ему взяти» [17].

В кирилло-белозерском «Обиходнике» «въезжее» — это точно регламентированный побор, равный по величине «петровскому» корму. При этом, если по уставной грамоте правом получения «въезжего» обладал только наместник, то, как видно из «Обиходника», «въезжее» в довольно значительном размере получали и его люди — тиуны и доводчики. Кроме трех годовых кормов, указанных в уставных грамотах, белозерский наместник и его люди получали еще один корм, осенью — «за неделю до Покрова». Этот корм, состоявший из ржаной муки, солода и овса, должен был,

---

[13] ААЭ, т. I, № 201. Тот же порядок зафиксирован в уставной грамоте 28 февраля 1554 г. дворцовым селам Московского уезда (ААЭ, т. I, № 240). Сходство монастырских и дворцовых порядков проявляется еще и в том, что в обоих случаях единицей кормообложения является выть. В уставных же грамотах, относящихся к черным землям, единицей обложения является соха или лук (в Приуралье и Подвинье).

[14] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 269—270.

[15] См. Пермскую уставную грамоту 1485 г. («Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР», вып. IV. Сыктывкар, 1958, стр. 244—246), уставную грамоту 1539 г. Устьянским волостям («Чтения в Московском обществе истории и древностей российских» (далее — МОИДР), 1907, кн. II. Смесь, № 9) и Пермскую уставную грамоту 1553 г. («Временник МОИДР», кн. 25, отд. II, стр. 149).

[16] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 127—128, 133 и др.

[17] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 269—271. Впрочем, можно предположить, что ранее дело обстояло иначе. В грамоте Устьянским волостям 1539 г. читаем: «Да въезжаго корму урочнаго на тех волостках волостелю нет, кто что принесет, то ему и взяти». Размеры «въезжего» указаны лишь в уставной грамоте 1506 г. переяславским рыболовам: «На възъезд волостелю со всех дворов рыболовлих дадут полтину» (ААЭ, т. I, № 114).

по-видимому, обеспечивать зимнее содержание наместника [18]. Кроме того, особый небольшой корм выдавался на рождество «наместничу дворецкому» «оже будет женат», как говорится в «Обиходнике». «Обиходник» также предусматривает возможность, когда «опосле почестного корму... наместник попрошает муки и солоду, и сена, и овса». В этом случае приходилось удовлетворять его требования.

Таким образом, наместничья администрация на Белоозере взимала в свою пользу целый ряд поборов, о которых ничего не говорится в уставных грамотах. Некоторые из этих поборов собирались, по-видимому, не только на Белоозере, так как записи об их уплате находим и в приходо-расходной книге Ипатьевского монастыря. Так, в этой книге имеются записи об уплате корма наместничьим тиунам при их вступлении в должность, о подношениях наместнику при каждом его приезде в город, о выплате «петровского» и «великоденского» корма наместничьему дворецкому. Любопытно, что «на Велик день» «почестный корм» получал дворецкий не только наместника, но и его жены, а в числе получавших корм наместничьих людей наряду с доводчиками указаны и «мытчики». Очевидно, сбор таможенных пошлин в Костроме еще в середине XVI в. оставался в ведении наместника [19].

В итоге мы получаем перечень поборов, значительно превышающий то, что нам известно по уставным грамотам. К сожалению, нельзя пока установить, существовали ли эти поборы уже в XIV—XV вв. или они возникли только в XVI столетии.

Данные новых источников заставляют внести поправки в наши представления о системе кормлений еще и в другом отношении. В уставных грамотах в качестве единственных получателей кормов выступают наместники, волостели и их люди. Во всяком случае о каких-либо других «кормленщиках», кроме наместников и волостелей, в них ничего не говорится. Между тем круг лиц, получавших кормы, был, очевидно, значительно более широким. Так, белозерские городовые приказчики получали от властей Кирилло-Белозерского монастыря четыре раза в год («на Рождество» «на Велик день», «на Петров день», «за неделю до Покрова) небольшой корм, несколько меньший, чем корм наместничьего тиуна [20]. Вологодские городовые приказчики также получали три годовых корма, а кроме того, «прогонную рыбу» и небольшой натуральный взнос «с рядчики... с Вологоцкими». Записи о выплате великоденского корма городовым приказчикам (в источнике городовый приказчик называется «данщиком и городчиком») имеются и в приходно-расходной книге Ипатьевского Костромского монастыря [21]. Очевидно, городовые приказчики взимали кормы с населения более или менее повсеместно.

---

[18] Эти сведения источников следует сопоставить с записью в уставной грамоте 1509 г. князя Юрия Ивановича Дмитровского бобровникам Каменского стана: «А в осенинах ловчему дают осеннего, со всякия деревни по осмине ржи да по осмине овса: то ему за все осенние пошлины и с тиуном и с доводчиком» (ААЭ, т. I, № 150). Поскольку об уплате кормов три раза в год в уставной грамоте также сообщается, то ясно, что в этой записи речь идет о каком-то особом корме. Судя по тому, что этот корм собирался осенью и состоял из ржи и овса, его можно отождествить с кормом «за неделю до Покрова».

[19] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 129—133.

[20] Так, городовый приказчик получал на рождество три хлеба, два калача, четь мяса, а тиун наместника, кроме того, еще острамок сена и четь овса.

[21] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 131. В перечне лиц, получавших от монастыря «петровский» корм, городовые приказчики не отмечены. Приведенные факты показывают, что даже деятельность городовых приказчиков, о которых имеются специальные исследования, изучена недостаточно. До сих пор остается неизвестным самый ранний документ, содержащий сведения об этом институте управления,— грамота Василия III владимирским городовым приказчикам от 11 августа 1511 г. («Чтения МОИДР», 1903, кн. III. Смесь, № 12). Данные этой грамоты свидетельствуют об очень раннем появлении городовых приказчиков на землях великокняжеского «домена». Тем самым утверждение С. М. Каштанова, что «оформление института городо-

О кормах губным старостам каких-либо сведений в кирилло-белозерском «Обиходнике» не находим, но в приходно-расходной книге Костромского Ипатьевского монастыря имеется запись о выплате «петровского» корма «губному боярину Михаилу Федоровичу Вельяминову» [22].

Следовательно, новые органы местного управления, только возникшие в XVI в., значительно отличаясь от старых по своему функциональному назначению, по способу обеспечения, по-видимому, от них не отличались.

На Белоозере четыре раза в год небольшой корм взимал дворский (корм его примерно равнялся корму наместничьего доводчика). На Вологде «на Рождество» давали корм в таможню. На Костроме зимой, после рождества, платили небольшой корм «туковщикам» — второстепенным агентам правительственного аппарата, собиравшим с населения налог — «туковые деньги» [23].

Монастырские источники показывают неравномерность распределения кормов между чиновниками государственного аппарата в различных районах России.

На Белоозере наместник, его тиун и доводчики взимали корм четыре раза в год. Кроме того, всем им полагалось «въезжее» при вступлении в должность. Корм, идущий наместнику, по своему размеру значительно превышал кормы других представителей местной администрации: городового приказчика, дворского. Так, например, на рождество наместник получал 10 хлебов, 5 калачей, стяг говядины, 5 острамков сена, 8 четей овса, а городовые приказчики — по 3 хлеба, 2 калача и чети мяса. Очевидно, на Белоозере бо́льшая часть кормов поступала наместнику и его людям.

В соседней Вологде «въезжее» наместнику и его людям даже не упоминается в перечне монастырских выплат. Если наместник получает четыре корма в год (три обычных годовых и «погонную рыбу»), то его тиуны получают корм не четыре, а два раза в год (в перечне лиц, получающих «петровский» и «великоденский» корм, их нет), а его доводчики — один раз в год, на рождество. Да и корм самого наместника по своим размерам мало отличается от корма вологодских городовых приказчиков. Так, «погонной рыбы» наместник получал 10 стерлядей, а городовые приказчики — по 8, «на Велик день» наместник получал такой же корм, как и городовый приказчик: 5 стерлядей.

Распределение кормов между различными представителями государственного аппарата было, по-видимому, неодинаковым в разных районах. Это в свою очередь заставляет думать, что и распределение власти между органами местного управления в разных районах России было неодинаковым.

Основные проблемы истории местного управления еще ждут своего исследователя. Однако уже сейчас очевидно, что монастырские хозяйственные документы дают много нового и интересного для изучения этой области русской истории XVI в.

вых приказчиков началось с введения их в Тверской земле» (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 136), нуждается в пересмотре.

[22] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 134.

[23] Там же, стр. 128.

С. М. Каштанов

СОСТАВ ИММУНИТЕТНЫХ ГРАМОТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI века

Изучение жалованных грамот как исторического источника упирается в вопрос о полноте дошедшего материала. В работах, посвященных конкретным этапам иммунитетной политики, мы отмечали, что, несмотря на известные пробелы в сохранившемся составе грамот, в целом он более или менее закономерно отражает политику их выдачи [1]. Противоположного мнения придерживается Н. Е. Носов, рассматривающий дошедшие грамоты в качестве случайного осколка богатой документации, осколка, на основании которого рискованно строить какие-либо выводы относительно иммунитетной политики [2]. Мы отнюдь не склонны считать свою работу по сбору и изучению жалованных грамот XVI в. исчерпывающей, а все наблюдения бесспорными, однако трудно принять и точку зрения Н. Е. Носова, ведущую фактически к отказу от исследования жалованных и указных грамот как источника по истории иммунитетной политики. Настоящая статья имеет целью охарактеризовать дошедший комплекс иммунитетных грамот первой половины XVI в. в плане раскрытия особенностей их распределения по разновидностям, территориям, владельцам. Этот анализ только подведет нас к аргументированной постановке вопроса о полноте сохранившихся материалов и возможностях их использования. Окончательное решение поставленного вопроса в статье не формулируется, ибо оно зависит от полного выявления не только всех грамот XVI, но и XVII в., дающих много сведений относительно грамот XVI в., а также всех других источников XVI—XX вв., содержащих перечни или отдельные упоминания недошедших грамот. Проблема научного использования сохранившихся грамот зависит, кроме того, от дальнейшей разработки истории феодального иммунитета и теоретических основ актового источниковедения, которые в настоящей статье затрагиваются только попутно, в связи с оценкой сохранившихся источников. В опубликованном нами перечне иммунитетных грамот 1504—1548 гг. значится 595 номеров. Дальнейшие разыскания автора и других историков привели к выявлению ряда грамот, оказавшихся за пределами перечня. Эта работа продолжается и обещает дать новые находки, так что сбор сведений нельзя считать законченным, а приводимые цифры — оконча-

---

[1] С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.). «Исторические записки», № 66, 1960, стр. 240—241; его же. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям. «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина» (далее — ГБЛ), вып. 24. М., 1961, стр. 243—244.

[2] Н. Е. Носов. «Новый метод» в актовом источниковедении. «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962.

тельными[3]. Тем не менее они отражают современное состояние наших знаний о количестве дошедших и упоминаемых иммунитетных грамот XVI в. К 595 номерам перечня нужно теперь прибавить 105 новых номеров. Из этих 105 номеров 18 составляют грамоты Ивана IV, известные по упоминаниям без определенного хронологического показателя. Они могут быть отнесены как к первой, так и ко второй половине XVI в. Бо́льшая часть всех остальных грамот (52 номера) также фигурирует лишь в упоминаниях.

Наибольшую ценность представляют 35 грамот, текст которых до нас дошел (преимущественно в списках) или устанавливается благодаря подробному пересказу содержания в позднейших источниках.

Вновь зарегистрированные грамоты подкрепляют выводы, сделанные нами ранее без учета этих материалов. Так, оправдывается характеристика 1504—1510 гг. как периода наиболее последовательной борьбы за ограничение податного иммунитета[4]: в самом деле, среди новых грамот 1504—1510 гг. имеются только несудимые (по преимуществу), ружные и оброчные; грамот с податными привилегиями мы не находим. Дальнейшее обоснование получает тезис об оброчной политике Василия III[5], причем бросается в глаза, что эта политика начала проводиться только в 1510 г. (грамота суздальским бортникам и грамота Спасо-Прилуцкому монастырю)[6]. Весьма интересным оказывается совпадение в 1507—1508 гг. политики Василия III по ограничению юрисдикции церковных иерархов в пользу монастырей в двух отдаленных и наиболее независимых от великого князя епархиях — Новгородской (грамота 1507 г. Юрьеву монастырю)[7] и Рязанской (грамота 1508 г. Солотчинскому монастырю)[8].

Грамота 1515 г. афонским монастырям[9] любопытна в свете других фактов внешней и внутренней политики 1515—1516 гг. (приглашение в Москву Максима Грека, явное покровительство цитадели нестяжательства — Ниловой Сорской пустыни)[10].

Тарханно-несудимая грамота 1518 г. Клинской Изосиминой пустыни еще раз демонстрирует исключительную щедрость иммунитетных пожалований 1515—1518 гг. в районе, прилегавшем к ликвидированному Волоцкому уделу[11]. Наконец, грамоты 1505, 1508, 1527 гг. рязанским монастырям подтверждают, что акты Василия III на монастырские

---

[3] С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века (далее — Перечень). «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 302—376. Уже после сдачи работы в печать стали известны новые сведения об иммунитетных грамотах, в частности монастырям, не отмеченным в данной статье. В настоящее время автором данной статьи совместно с Б. Н. Флоря готовится к изданию список дополнительно выявленных грамот.

[4] См. С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI века. «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 11. М., 1958, стр. 273—276; его же. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. «Исторические записки», № 70, 1961, стр. 264—265.

[5] С. М. Каштанов. Ограничение..., стр. 277.

[6] Перечень, № 77; см. также Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, № 1/20. стр. 24—25.

[7] Перечень, № 61 (грамота датируется не 1508 г., как указано в Перечне, а декабрем 1507 г.; Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ), т. 1. СПб., 1846, № 46.

[8] И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 236—237 (указал Б. Н. Флоря).

[9] Сношения России с Востоком по делам церковным, т. I, СПб., 1858, стр. 23—24.

[10] См. грамоты 1513 и 1515 гг. об обережении Ниловой Сорской пустыни от татей и разбойников и о выдаче руги (Перечень, № 112, 131).

[11] «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских» (далее — «Чтения МОИДР»), 1876, II, отд. V. Смесь, стр. 87—91, а также Перечень, № 152, 153—155.

владения в пределах Рязанского княжества отличаются особенной скупостью иммунитетных привилегий [12].

Вновь обнаруженные грамоты 1541 г. не предоставляют податных привилегий (они касаются несудимости, руги, права перевоза) [13]. Это вполне согласуется с высказанными нами ранее соображениями относительно политики правительства И. Ф. Бельского, не выдававшего тарханных грамот [14]. Отсутствие податных освобождений для «живущей» части монастырских вотчин в дополнительных грамотах 1544 г. [15] соответствует нашей характеристике иммунитетной политики Воронцовых [16], чье покровительство промысловым корпорациям [17] получает, кстати, новое подтверждение в факте выдачи грамоты владимиро-суздальским бортникам в 1544/45 г. [18] Несудимая грамота каширскому Белопесоцкому монастырю от февраля 1546 г. [19] показывает, что и в последние месяцы своего пребывания у власти правительство Воронцовых не проводило щедрой иммунитетной политики. Наоборот, новые грамоты начала 1547—1548 гг. входят в круг ранее известных документов, отражающих резкое расширение податного и судебного иммунитета в этот период [20].

Крайне важны три грамоты конца 1518—1519 гг.: две — Андрея Старицкого, и одна — Василия III [21]. Мы уже отмечали поразительную интенсивность выдачи правительством щедрых иммунитетных грамот в конце 1518 г. на земли бывшего Волоцкого удела и территорий, примыкавших к Старицкому уезду, объясняя это явление возникновением осенью 1518 г. Старицкого удела [22]. Грамоты Андрея 1519 г. подтверждают выдвинутое объяснение. Правда, они относятся к другим частям удела (Верейскому и Алексинскому уездам), но тем не менее хорошо характеризуют политическую активность нового удельного князя. Не исключено, что Андрей сразу же попытался заручиться поддержкой Иосифо-Волоколамского и старицкого Селижарова монастырей, которым выдал грамоты Василий III [23]. Грамота Андрея Троице-Сергиеву монастырю

---

[12] Труды Рязанской ученой архивной комиссии, т. II, № 1. Рязань, 1888, стр. 11 (указал Б. Н. Флоря). Грамота выдана от имени Ивана III и Василия III; И. Добролюбов. Указ. соч.; Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 834, № 1917, лл. 54—57 (сообщили М. Е. Бычкова и Б. Н. Флоря), а также С. М. Каштанов. Ограничение..., стр. 290—291.

[13] Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты. «Чтения МОИДР», 1876, кн. II, отд. V. Смесь, стр. 74 (указал В. И. Корецкий); ГБЛ, ф. Троице-Сергиева монастыря, кн. (далее — Тр. кн.) 637, лл. 468 об.— 470 (сообщила Л. И. Ивина); кн. 519, лл. 39—40; «Ярославские епархиальные ведомости», 1897, № 10, часть неофициальная; Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 197 (Малиновского), портф. 3-й, № 9. ГИМ. Синод. собр., № 994.

[14] С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет..., стр. 250—251.

[15] В. П. Шляпин. Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. II. В. Устюг, 1912, стр. 286, № 17; «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. VI, № 3. Рязань, 1892, стр. 38; И. Добролюбов. Указ. соч., стр. 237.

[16] С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет..., стр. 254—256.

[17] Там же, стр. 257.

[18] Описная книга Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. (далее — Описная книга), стр. 67, № 7; «Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета», т. II. Владимир, 1878.

[19] ГБЛ, Тр. кн. 535, № 129 (сообщила Л. И. Ивина).

[20] Там же, № 128 (сообщила Л. И. Ивина); ГБЛ, Румянц., кн. 54, лл. 29—30; ГБЛ, Тр. кн. 608, лл. 184 об.; 181 (отрывок найден И. А. Булыгиным); Акты исторические. СПб., 1841 (далее — АИ), т. I, № 156.

[21] В. Б. Кобрин. Две грамоты XVI в. московскому Чудову монастырю. «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 25; Род князей Волконских. СПб., 1900, стр. 17 (указал В. Д. Назаров) и уже упоминавшаяся грамота Василия III Клинской Изосиминой пустыни.

[22] С. М. Каштанов. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. «История СССР», 1959, № 6, стр. 136.

[23] Может быть, Селижаров монастырь получил даже жалованную грамоту от Андрея. В грамоте Владимира Андреевича Старицкого Симонову монастырю 1546 г. (Перечень, № 522) использован формуляр, чрезвычайно близкий к формуляру гра-

1525 г.[24] примыкает к уже известным грамотам 1524—1525 гг., свидетельствующим о новой активизации Андрея в это время и довольно энергичной политике Василия III в районе Старицы[25].

Новые документы говорят, по-видимому, не против того метода, который мы использовали при изучении иммунитетных грамот, а за него. Это вселяет в нас надежду, что предлагаемое ниже распределение численного состава грамот по разновидностям, территориям, владельцам имеет не столько формально-описательное значение, сколько значение анализа, призванного помочь установлению действительных закономерностей иммунитетной политики первой половины XVI в.

Из 700 грамот жалованными являются примерно 590, указными — 110. В общее число входят 23 упоминаемые грамоты неясного характера, которые могут быть отнесены и к жалованным, и к указным. По отдельным признакам 9 из них мы условно причисляем к разряду жалованных, 14 — к разряду указных.

Полная характеристика содержания жалованной грамоты предполагает весьма строгое определение составных частей ее формуляра, выделение в нем тех компонентов, которые соответствуют практически существующим отдельным разновидностям жалованных грамот. Во всякой более или менее пространной грамоте можно обнаружить несколько частей, отражающих самостоятельные разновидности грамот, но находящихся в конкретно взятой грамоте в неразрывном комбинационном единстве. Таких комбинаций, где каждая часть имеет вполне поддающееся общей классификации содержание («тарханная», «несудимая» и др.[26]), устанавливается до 74. Эти типы конкретных грамот представляют собой результат реализации классификационной схемы и дают в силу сложности ряда комбинаций весьма многогранные их характеристики. Названия подобных комбинаций говорят сами за себя. Укажем, например, на существование грамот «обельно-несудимых, заповедных и двусрочных» или «данных, тарханно-несудимых, односрочных, заповедных и тарханно-проезжих». Кроме того, имеется 18 «чистых» (некомбинированных) типов, каждый из которых представляет одну разновидность, не соединенную с другими. Мы насчитали еще 14 неформулярных жалованных грамот (по форме близких к указным), которые нельзя включить в состав какой-либо устойчивой разновидности[27]. Сложив 74 комбинированных и 18 чистых типов жалованных формулярных грамот с 14 неформулярными грамотами и вычтя из общего числа жалованных грамот 9 неясных номеров, получим следующее соотношение: на 581 жалованную грамоту приходится 120 типов. Это свидетельствует о многообразии комбинаций, в которых установленные нами в классификационной схеме разновидности соединены между собой в конкретных документах. Грамот «чистого типа» — меньшинство, но все-таки их число приближается к половине

моты Василия III Селижарову монастырю 1518 г. Не оказала ли на него влияние грамота Андрея Селижарову монастырю, построенная по типу грамоты Василия III?

[24] ГБЛ, Тр. кн. 637, лл. 458 об.— 461 (сообщила Л. И. Ивина).

[25] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов..., стр. 297.

[26] С. М. Каштанов. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 211—217.

[27] Они фиксируют постановления по частным вопросам: об освобождении от поставки запасов для казанского похода; о сложении оброка с мельницы; о необходимости ставить крестьян с подводами «на ям» только две недели в году; о поставке лошадей только на один «ям»; в неуплате тягла монастырским двором в Москве; о невзимании туковых денег; об освобождении от наместничьих поборов и о праве «пятна»; о праве безоброчной рыбной ловли; о невзимании лишнего за оброк, вносимый монастырем; о порядке сбора и размерах наместничьих пошлин; об ограничении деятельности великокняжеских агентов в монастырской вотчине; о запрещении «вступаться» в монастырские воды; о посылке крестьян на княжескую охоту; о разрешении беспошлинно складывать товар в селе при проезде через него.

(250 из 581): 108 несудимых, 31 льготная, 17 проезжих, 14 тарханно-проезжих, 15 заповедных на леса и рощи, 16 ружных, 3 односрочные, 6 двусрочных, 1 трехсрочная, 7 оброчных, 6 на данного пристава, 3 заповедные от ездоков, 3 заповедные от незваных гостей, 1 заповедная от потравы пашни, 2 на право перевоза и мостовщины, 1 безданная, 1 тарханная, 1 обельная, 14 грамот по различным вопросам.

Как видим, слабее всего «чистый» тип представлен жалованными грамотами, содержащими бессрочные податные привилегии (безданные, тарханные и обельные).

Из комбинированных типов в первой половине XVI в. часто встречаются данные и несудимые (33), несудимо-заповедные (27), обельно-несудимые (24), тарханно-несудимые и заповедные (21), тарханно-оброчные, несудимые и заповедные (13), обельно-несудимые и заповедные (11), льготно-несудимые (11).

Большую группу документов (84) составляют грамоты, в которых пожалование иммунитетных привилегий сочетается с предоставлением владельческих прав на земли, воды и другие угодья. Помимо данно-несудимых грамот в этой группе различаются данные, тарханно-несудимые и заповедные (5), данные, тарханно-несудимые (4), данные, тарханно-несудимые, односрочные, заповедные и тарханно-проезжие (3), данные, льготные и несудимые (4), данные обельно-несудимые и заповедные (3), данные и заповедные (3), меновные, тарханно-несудимые и заповедные (2) и др. Среди оброчных есть оброчно-несудимые, двусрочные и заповедные (2).

В разряде грамот, содержащих исключительно иммунитетные привилегии, тоже имеется много сложных типов: тарханно-несудимые и односрочные (3), тарханно-несудимые, двусрочные и заповедные (5), тарханно-оброчные, несудимые и проезжие (2), обельно-несудимые, односрочные и заповедные (5), льготно-несудимые и заповедные (3), несудимые, односрочные и заповедные (7), несудимо-заповедные и проезжие (4) и т. п.

Из всех комбинированных и чистых типов грамот самым распространенным в первой половине XVI в. был чистый тип несудимых грамот.

Несомненный теоретический интерес представляют неформулярные жалованные грамоты (14). Тенденция к составлению описательных жалованных грамот вместо формулярных характеризует переходный этап в истории ограничения феодального иммунитета. С одной стороны, правительство не решалось еще в ряде случаев делать по некоторым иммунитетным вопросам прямые распоряжения своим агентам (в указных грамотах) и использовало в ограничительных целях форму жалованных грамот. С другой стороны, сами иммунисты стремились получить жалованную грамоту, как документ более авторитетный и с бо́льшим сроком сохранения юридической силы, чем указная грамота.

Изучаемые указные грамоты первой половины XVI в. в соответствии с их содержанием можно подвести под рубрики, аналогичные основным группам жалованных грамот.

I. Грамоты, устанавливающие земельные и иммунитетные права одновременно (4).

II. Грамоты, регулирующие вопросы, связанные с податным иммунитетом (44).

III. Грамоты, регулирующие вопросы, связанные с судебным иммунитетом (9).

IV. Грамоты с распоряжениями «бережельного» (охранного) характера (9).

V. Грамоты, содержащие распоряжения по вопросам, связанным с иммунитетной торговлей, проездом, сбором пошлин с посторонних лиц, получением руги и другими церковно-монастырскими правами (26).

Больших тематических расхождений между жалованными и указными иммунитетными грамотами нет. Правда, в отдельных указных грамотах освещаются такие вопросы, которые в жалованных грамотах не находят отражения. Особый интерес представляют, например, грамоты 1—3 из II рубрики. Они датируются 1533—1541 гг. и относятся к рязанским монастырям (Богословскому, Спасскому и Солотчинскому)[28]. Судя по тому, что эти грамоты свидетельствуют о нарушении важнейших экономических прав монастырей, их появление надо связать со специфическим положением в присоединенной Рязанской земле, где московское правительство сначала, видимо, крайне ослабило политический суверенитет местных корпораций и поставило их в тесную зависимость от правительственных агентов[29].

В некоторых случаях постановления указных грамот создавали прецедент для жалованных грамот. Так, распоряжения в двух указанных грамотах (1513 г. и 1515 г.) об охране Ниловой Сорской пустыни Белозерского уезда от «татей и разбойников»[30] модифицировались в жалованных грамотах начала 20—40-х годов XVI в. на соседние с Белоозером северные уезды в пункт, касавшийся правительственного права посылать «по лихих людей» в любое время года[31]. Грамоты, требовавшие охраны Ниловой Сорской пустыни, характеризуют еще не вполне налаженную организацию борьбы с «лихими людьми», в то время как в жалованных грамотах, составленных через 10 лет, нашла отражение уже более централизованная система поимки «лихих людей», в связи с чем соответствующая статья жалованных грамот имеет довольно устойчивую правовую форму.

Для синтетического изучения финансовой и судебной политики правительств первой половины XVI в. в наш перечень включено несколько указных и жалованных грамот, которые не относятся ни к числу уставных, ни к числу собственно иммунитетных в строгом смысле слова. Это грамоты, характеризующие корпоративные привилегии отдельных групп населения. Их очень немного. Из жалованных — две грамоты шацким слугам, три — владимиро-суздальским бортникам, две — вологодским оброчным сокольникам, грамота Моревской слободе, грамота слободчику Ивану Новгородцеву, грамота вятчанам Шестаковского городка, грамота канинским и тиунским самоедам, грамота костромским кирпичникам. Из указных — две грамоты, закреплявшие подсудность каширских пищальников и воротников городовому приказчику и неподсудность их наместнику, две — о спорных вопросах, связанных с отбыванием повинностей жителями Слободского городка в Вятской земле, грамота о правах ямщиков Ергольского яма.

Исключив из числа жалованных грамот 9 неясных документов, а из числа указных — 14, можно сказать, что, по примерным данным, иммунитету светских феодалов 1504—1548 гг. посвящено 98 жалованных и 2 указные грамоты, иммунитету духовных феодалов — 471 жалованная и 89 указных, корпоративным привилегиям различных служилых и промысловых объединений — 12 жалованных и 5 указных грамот.

По количеству сохранившихся жалованных и указных грамот первое место принадлежит духовным корпорациям. Митрополичий дом получил 31 грамоту (23 жалованных и 8 указных): при митрополите Симоне — 5 (2 жалованные, 3 указные), в промежуток между правлением Симона и Варлаама — одну жалованную, при Варлааме — 3 жалованные, при

[28] Перечень, № 287, 406, 424.

[29] См. выше о крайней скупости в отношении иммунитетных привилегий жалованных грамот Василия III рязанским монастырям.

[30] Перечень, № 112, 131.

[31] Там же, № 208, 277, 530 (к № 530 нужно отнести выпавшее при наборе указание: Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. Коряж. монастыря, № 6).

Таблица 1

Распределение грамот по монастырям

Местоположение монастыря *	Название монастыря	Всего грамот	Из них жалованных	Из них указных
Афон	Святогорский Пантелеймонов	1	1	
»	Освященный собор афонских монастырей	1	1	
Бежецкий уезд	Красно-Холмский Николаевский	1	1	
Белевский уезд	Спасо-Преображенский	1	1	
Белозерский уезд	Кирилло-Белозерский	36 **	23	13
» »	Кириллов Новоезерский	1	1	
» »	Троицкий Усть-Шехонский	3	3	
Важский уезд	Богословский	2	1	1
» »	Клоновский	1	1	
Великоустюжский	Михаило-Архангельский	3	2	1
»	Троицкий Гледенский	5	4	1
Веневский уезд	Никольский	1	1	
Владимирский уезд	Рождественский	3	2	1
» »	Спасский Золотоворотский	2	2	
» »	Успенский девичий	1	1	
Вологодский уезд	Глушицкий	4	4	
» »	Корнилиев Комельский	7	7	
» »	Коряжемский Никольский	2	2	
» »	Спасо-Каменский	6	6	
» »	Спасо-Прилуцкий	5	4	1
» »	Сямский Ризположенский	1	1	
» »	Сянжемский	1	1	
» »	Успенский в Закоровье	1	1	
» »	Ферапонтов	8	6	2
Волоцкий уезд	Иосифо-Волоколамский	33	33	
Галицкий уезд	Солдинский	1	1	
» »	Чюхломский Покровский	3	3	
Двинский уезд	Антониев Сийский	2	2	
» »	Архангельский	2	2	
Дмитровский уезд	Никольский Песношский	3	3	
Звенигородский уезд	Савво-Сторожевский	10	7	3
Каргопольский уезд	Александров Ошевнев	1	1	
» »	Челменский	1	1	
Кашинский уезд	Клобуков Никольский	3	3	
» »	Макарьев Калязин	12 ***	12	
» »	Сретенский девичий	2	2	
Каширский уезд	Троицкий Белопесоцкий	12	12	
Корельский уезд	Валаамский	2	2	
» »	Николаевский	4	4	

* Местоположение монастырей отнюдь не совпадает со всей сферой распространения монастырских вотчин, находившихся часто в ряде уездов. Кроме того, грамота монастырю одного уезда могла касаться земель другого уезда. Поэтому надо учитывать, что в данной таблице рубрика «Местоположение монастыря» имеет буквальное значение и определяет только топографию самого монастыря. Владения, упомянутые в грамотах, сюда не входят, хотя для мелких монастырей в большинстве случаев уезд, где расположен монастырь, это одновременно и уезд, в который входят его вотчины.

** Одну из кирилловских грамот получил монастырский старец.

*** Из калязинских грамот одну получил светский вассал монастыря (слуга).

Таблица 1 (продолжение)

Местоположение монастыря	Название монастыря	Всего грамот	Из них жалованных	Из них указных
Костромской уезд	Ипатьевский	1		1
» »	Корнилиев Спасо-Преображенский	3	3	
Можайский уезд	Лужецкий	1	1	
Московский уезд	Богоявленский	5	5	
» »	Новодевичий	1	1	
» »	Новоспасский	1	1	
» »	Симонов	33	28	5
» »	Стромынский	1	1	
» »	Угрешский Николаевский	3	3	
» »	Чудов	3	3	
Муромский уезд	Борисоглебский	2	2	
» »	Иоанно-Предтеченский	1		1
Нижегородский уезд	Печерский Вознесенский	3	3	
Новгородский уезд	Антоньев Римлянина	1	1	
» »	Вяжицкий	2	2	
» »	Ладожский Васильевский	1	1	
» »	Михайлицкий девичий	2	2	
» »	Михаило-Клопский	1	1	
» »	Николаевский Медведский	1	1	
» »	Никольский	1	1	
» »	Рождественский Палеостровский	1	1	
» »	Соловецкий	5	4	1
» »	Юрьев	1	1	
Новоторжский уезд	Семионьевский	1	1	
Переславль-Залесский уезд	Горицкий	6	6	
То же	Данилов	12	9	3
» »	Киржацкий Благовещенский	1		1
» »	Махрищский Троицкий	6	6	
» »	Николаевский	1	1	
» »	Никольский на болоте	1	1	
» »	Рождественский	1	1	
» »	Федоровский	1	1	
Псковский уезд	Верхнеостровский Петропавловский	1	1	
» »	Гдовский Николаевский	1	1	
» »	Иоанно-Предтеченский	1	1	
» »	Печерский	2	2	
» »	Снятогорский	1		1
Путивльский уезд	Спасо-Преображенский	1	1	
Радонежский уезд	Троице-Сергиев	142 ****	116	26
Рязанский уезд	Богословский	2	1	1
» »	Покровский	1	1	
» »	Солотчинский	6	5	1
» »	Спасский	2	2	
» »	Терехов Воскресенский	2	2	
Серпуховской уезд	Высоцкий	1	1	
Старицкий уезд	Троицкий Селижаров	2	2	
Суздальский уезд	Никольский Шартомский	1	1	

**** Из указанного числа троице-сергиевских жалованных грамот две были даны светскому слуге монастыря Неждану Феофанову, одна — старцу-приказчику села.

Таблица 1 (окончание)

Местоположение монастыря	Название монастыря	Всего грамот	Из них жалованных	Из них указных
Суздальский уезд	Покровский девичий	8	3	5
» »	Спасо-Евфимьев	8	6	2
Тверской уезд	Афанасьевский	1	1	
Тотемский уезд	Ефремов	1	1	
Углицкий уезд	Афанасьевский	3	3	
» »	Кассиано-Учемский	1	1	
» »	Покровский	10	10	
Ярославский уезд	Спасский	9	6	3
» »	Толгский	1	1	

Данииле — 21 (17 жалованных, 4 указные), при Макарии — одну указную. В трех из этих грамот фиксировались привилегии митрополичьего Воскресенского Череповецкого монастыря (2 жалованные, 1 указная); в двух указных грамотах упоминались Воскресенский Череповецкий и Никольский с Ковжи митрополичьи (домовные) монастыри (в районе Белоозера) как исходные пункты, откуда шла в Москву рыба для митрополичьего стола.

Таким образом, больше всего иммунитетных грамот митрополичий дом приобрел в изучаемое время при иосифлянине Данииле. Особенно разителен контраст между числом грамот, полученных в годы правления Даниила (21), и числом грамот, полученных при его предшественнике нестяжателе Варлааме (3).

Из грамот епископским кафедрам нам известны всего три: суздальскому епископу Геннадию 1517—1531 гг., коломенскому епископу Вассиану 1538 г., рязанскому епископу Ионе 1542 г. Основную группу грамотчиков составляли монастыри (см. табл. 1).

Перечислим грамоты другим видам духовных корпораций (см. табл. 2—4).

Таблица 2

Распределение грамот по пустыням

Местоположение пустыни	Название пустыни	Всего грамот	Из них жалованных	Из них указных
Белозерский уезд	Воронина Успенская	1	1	
» »	Нилова Сорская	5	1	4
Вологодский уезд	Глубокоезерская	1	1	
» »	Евфимьева	2	2	
» »	Лопотова	1	1	
Галицкий уезд	Авраамьева Чюхломская	3	3	
» »	Преображенская Лосева Раменья	1	1	
Каргопольский уезд	Вассианова Строкина	1	1	
Клинский уезд	Изосимина Успенская	5	5	
Новгородский уезд	Александра Свирского	1	1	
Переславль-Залесский уезд	Вепрева	1	1	
Перемышльский уезд	Шаровкина Успенская	1	1	

Таблица 3

Распределение грамот по соборам

Местоположение собора	Название собора	Всего грамот	Из них: жалованных	Из них: указных
г. Боровск	Архангельский	1		1
г. Великий Устюг	[Успенский]	2	1	1
г. Владимир	Дмитровский	1	1	
»	Успенский	1	1	
г. Волоколамск	Воскресенский	1	1	
г. Можайск	Никольский	1	1	
г. Муром	Петра и Февронии	1	1	
»	Рождества богородицы	1	1	
г. Нижний Новгород	Спасо-Преображенский	1	1	
» »	Архангельский	1	1	
г. Новгород	Софийский	1	1	
г. Псков	Троицкий	1	1	
г. Серпухов	Троицкий	1	1	
г. Тверь	Спасо-Преображенский	1	1	

Таблица 4

Распределение грамот по церквам *

Местоположение церкви	Название церкви	Всего грамот
Балахна	Вознесенская	1
Великоустюжский уезд	Никольская	1
» »	Благовещенская Толшменская	2
» »	Рождественская	1
Радонежский уезд	Пречистой богородицы	1
г. Устюжна Железопольская	Кресто-Воздвиженская	2
г. Чюхлома	Николы Чудотворца	1
Ярославский уезд	Леонтия Чудотворца	1
» »	Фрола и Лавра	1

* Грамоты только жалованные.

Помимо грамот названным 95 монастырям, 12 пустыням, 14 соборам, 9 церквам, а также митрополичьему дому и 3 епархиям, известны грамоты отдельным постриженникам и церковнослужителям — старице Евфимии Шемячичевой (2 жалованные грамоты), каширским ружным попам (жалованная грамота), попам и дьяконам звенигородских дворцовых сел (жалованная грамота) — всего, следовательно, 137 юридическим лицам духовного сословия.

Больше половины всех выданных в 1504—1548 гг. иммунитетных грамот падает на 14 крупнейших феодальных корпораций: митрополичий дом, монастыри — Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский и другие. По числу полученных грамот далеко оставил всех позади Троице-Сергиев монастырь (142 грамоты); примерно на одном уровне стоят митрополи-

чий дом и монастыри Симонов, Иосифо-Волокаламский, Кирилло-Белозерский (31—36 грамот). Из светских феодалов семья каждого грамотчика-иммуниста за 1504—1548 гг. имела, как правило, не больше двух грамот, чаще одну. 100 учтенных грамот светским феодалам этого времени распределяются между 85—90 фамилиями. 17 грамот светским корпорациям касаются 10 корпораций. Общее число известных теперь грамотчиков первой половины XVI в. доходит до 240 юридических лиц.

Исследуемые грамоты касаются 63 уездов, т. е. охватывают всю территорию Русского государства первой половины XVI в. Укажем, в скольких грамотах называются те или иные уезды (земельные владения в них, проезд по ним и др. [32]).

Балахнинский	6	Каширский	19	Ржевский	9
Бежецкий	13	Клинский	9	Романовский	3
Белозерский	34	Коломенский	20	Ростовский	13
Белевский	1	Корельский	2	Рузский	29
Боровский	16	Костромской	32	рязанские уезды (Переславль-Рязанский, [Старо]-Рязанский и Перевицкий)	28
Важский	4	Малоярославецкий	6		
Верейский	9	Медынский	2		
Владимирский (с Гороховцом)	26	Мещерский	3	Серпуховской	4
Вологодский	45	Можайский	7	Смоленский	1
Волоцкий	18	Московский	43	Сольвычегодский	1
Вышегородский на Поротве	3	Муромский	20	Старицкий	18
Вяземский	2	Нижегородской	23	Стародуб-Ряполовский	4
Вятский	6	Новгород-Северский	1	Суздальский	33
Галицкий	25	Новгородский	29	Тверской	16
Двинский	16	Новоторжский	19	Торопецкий	2
Дмитровский	77	Перемышльский	1	Тотемский	2
Звенигородский	28	Переславль-Залесский	65	Тульский	9
Зубцовский	6	Пошехонский	3	Углицкий	36
Каргопольский	7	Псковский	8	Устюжский	17
Калужский	1	Путивльский	1	Юрьев-Польский	10
Кашинский	37	Радонежский	7	Ярославский	23

Таким образом, в центре внимания иммунитетных грамот находилась сфера наиболее развитого монастырского землевладения в районе, расположенном вокруг Москвы: уезды Московский, Переславль-Залесский, Дмитровский, Звенигородский, Рузский, Владимирский, Суздальский. Особенно выделяются в этом отношении Дмитровский и Переславль-Залесский уезды, где были сконцентрированы древнейшие и обширнейшие владения Троице-Сергиева монастыря. На севере активная иммунитетная политика проводилась в уездах: Белозерском, Вологодском, Кашинском, Углицком, Костромском. Здесь также имелось крупное монастырское землевладение. Значительно число грамот на новгородские и ярославские земли, в которых правительство опиралось на испомещенных светских феодалов (помещиков) и отчасти на влиятельные монастыри. Иммунитетная политика на юге также охватывала широкий круг светских феодалов.

[32] Степень охвата иммунитетными грамотами различных территорий Русского государства определялась нами следующим образом: из грамоты выписывались все упомянутые в ней уезды, где находились объекты пожалования. Затем подсчитывалось, в каком количестве грамот упоминается уезд. Одна грамота при этом может давать показания по нескольким уездам; в наших подсчетах каждая такая грамота фигурирует соответственно несколько раз. Следовательно, число реальных грамот меньше той суммы, которая получится, если сложить все подсчитанные здесь случаи упоминания уездов. В подсчетах большую помощь оказала мне Л. И. Ивина, которой приношу благодарность.

По нашим подсчетам, из 700 грамот апреля 1504 г.— конца 1548 г. московским великокняжеским правительством было выдано 587 номеров, рязанским великокняжеским правительством — 3 номера, удельными князьями — 106 номеров, татарскими служебными царевичами — 4 номера. Грамот Ивана III — 9; грамот, выданных совместно Иваном III и Василием III — 3 (на новгородские, костромские и рязанские земли); грамот правительства Василия III — 225; грамот правительства Ивана IV — 350 [33].

Из грамот Василия III к жалованным относится 199, к указным — 26. Среди грамот Ивана IV жалованных — 283, указных — 67. Более $^1/_7$ части (110 номеров) всех учтенных сейчас иммунитетных грамот не сохранилось (не дошли ни подлинники, ни списки, ни подробные пересказы) и известно по упоминаниям в позднейших источниках. Число интерполированных и подложных грамот невелико (6 номеров) [34]. К настоящему времени опубликовано менее $^2/_3$ (примерно 370) сохранившихся текстов иммунитетных грамот 1504—1548 гг., свыше $^1/_3$ (до 220) текстов еще не издано.

Пути проверки полноты состава дошедших материалов многообразны. Укажем некоторые из них. Большое значение имеет просмотр грамот второй половины XVI в. для отыскания сведений о грамотах первой половины века. Особенно интересные результаты дает изучение архива Иосифо-Волоколамского монастыря, в общей грамоте которому 1563 г. перечислены предыдущие грамоты Василия III и Ивана IV [35]. Сличение этого перечня с наличными грамотами убеждает в том, что все они до нас дошли в подлинниках или списках [36]. Такая же работа, проделанная с архивом Троице-Сергиева монастыря, показала, что от первой половины XVI в. не сохранилась только проезжая грамота Василия III на торговые экспедиции из Вологды на Двину, Холмогоры, Каргополь, Устюг, Тотьму и из монастыря до Москвы (упоминается в грамоте 1581/82 г.) [37]. Обследованием фонда Симонова монастыря установлено отсутствие одной грамоты Василия III на слободку Рожковскую Ржевского уезда, упоминаемую в грамоте 1567 г. [38] Очень высока степень сохранности грамот Кирилло-Белозерского, Соловецкого и некоторых других монастырей. Хуже обстоит дело с грамотами крупных монастырей, от которых не дошло копийных книг XVI—XVII вв. Так, в архиве Спасо-Евфимьева монастыря, от которого сохранились копийные книги XVIII в., удалось обнаружить тексты пяти иммунитетных грамот первой половины XVI в. [39], хотя, судя по Описной книге, созданной в монастыре в 1660 г., имелось 8 таких грамот [40]. Жалованные грамоты первой половины XVI в. Чудову монастырю, в чьем архиве вообще не сохранилось копийных книг, известны только в пересказе грамот второй половины XVI в. [41]

Что касается более мелких монастырей, то среди них нужно различать присоединенные впоследствии к крупным корпорациям и оставшиеся самостоятельными до своего закрытия. Архивы последних сохранились хуже, чем архивы приписных монастырей. Однако, как правило, всегда

[33] В общее число включаются, кроме собственно великокняжеских грамот, грамоты, выданные от имени великого князя великокняжескими дворецкими, казначеями, конюшими, писцами и др.

[34] Перечень, № 9, 25, 109, 397, 404, 507.

[35] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 1956, № 302.

[36] Перечень, № 125, 126, 305—307, 407 и др.

[37] П. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 230—233.

[38] «Исторический архив», т. III. М.— Л., 1940, стр. 210—211.

[39] Перечень, № 118, 206, 370, 534, 537.

[40] Описная книга, стр. 48.

[41] Памятники русского права, вып. 4. М., 1956, стр. 117—120; В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю XVI в. «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962.

объем землевладения и сила политического влияния монастырей непосредственно отражаются на количестве дошедших документов. Например, приписные к Троице-Сергиеву монастырю Махрищский, Белопесоцкий и Стромынский монастыри в первой половине XVI в. были самостоятельными и существенно различались количеством вотчин и политическим влиянием. От влиятельного Белопесоцкого монастыря дошло много грамот, а от мелкого Стромынского — всего одна, хотя архивы обоих монастырей были включены в состав архива Троице-Сергиева монастыря. Количество дошедших материалов находится в прямой зависимости от числа выданных грамот, и редко мы сталкиваемся с такими случаями, когда пропорции нарушаются и корпорации, получившие мало грамот, сохраняют их больше, чем корпорации, получившие их в большем количестве. Для полного выявления грамот мелких монастырей, не сохранивших копийных книг, нельзя ограничиться просмотром грамот XVI в.— поиски следует распространить и на XVII в., где можно найти упоминания о прежних грамотах.

Выявление упоминаний — очень важная и до сих пор не проделанная в полном объеме работа. Упоминания содержатся, помимо грамот, в ряде источников — писцовых, описных, перечневых и т. п. книгах, в описаниях монастырей, изданных в XIX—XX вв. и ставших единственным источником в тех случаях, когда грамоты погибли в XIX—XX вв., после выхода описания в свет.

С. Б. Веселовский указывал, что из 400 монастырей XVI в. большинство представлено мелкими и мельчайшими корпорациями, а весь основной состав земель сосредоточен в руках небольшой группы крупных монастырей[42]. По нашим данным, иммунитетными грамотами в первой половине XVI в. было охвачено около 100 монастырей, т. е. примерно $^1/_4$ всего их состава. Отсюда едва ли правильно делать вывод, что $^3/_4$ иммунитетных грамот монастырям не сохранились. Мы видели, как неравномерно распределяются грамоты и по корпорациям и по территориям, и эта неравномерность определяется в первую очередь разницей в размерах землевладения и политическом влиянии духовных феодалов, и во вторую очередь — степенью сохранности фондов.

Можно, кажется, прямо утверждать, что мелкие и мельчайшие корпорации, не имевшие земли или политического веса и не представлявшие в глазах правительства той силы, поддержкой которой следовало заручиться, вообще не получали иммунитетных грамот.

Полное выявление всех сохранившихся источников и позднейших упоминаний составит солидную базу для изучения истории иммунитетной политики. В этом случае упоминания с точной датой и указанием территории смогут в какой-то мере заменить источник. Другой вопрос — о путях изучения определенных юридических институтов по сохранившемуся комплексу грамот. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

---

[42] С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в XVI в. «Исторические записки», № 10, 1941, стр. 100, 102.

А. Г. Кузьмин

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ И РЕДАКЦИЯХ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Никоновская летопись является до настоящего времени одной из наименее изученных — как со стороны состава, так и в отношении времени и условий ее создания. Обращаясь к этой летописи, исследователь испытывает затруднение даже в определении понятия «Никоновская летопись». В. Н. Татищев приписывал составление летописи патриарху Никону в зачительной степени на том основании, что список этой летописи, бывший в его руках, оканчивался 1630 г.[1] В качестве одной из редакций Никоновской летописи рассматриваются обычно «лицевые» своды[2]. Значительные расхождения исследователей, изучавших происхождение и состав Никоновской летописи, с которыми приходится сталкиваться в литературе, часто являются следствием того, что эти вопросы пытались решать попутно, мимоходом. А. А. Шахматов, например, высказал по этому поводу три разные точки зрения, не только не согласующиеся одна с другой, но и в значительной степени исключающие одна другую. В одном случае он поставил датировку летописи в зависимость от Новгородского свода 1547 г.[3], в другом — от Иоасафовской летописи[4], в третьем — последовал за С. П. Розановым, который усматривал зависимость Никоновской летописи от Хронографа западнорусской редакции, возникшего, по мнению С. П. Розанова, в 50-х годах XVI столетия[5].

Вместе с тем в литературе о Никоновской летописи можно выделить и достаточно обоснованные замечания и выводы. Сводка их дана у Н. Ф. Лаврова[6]. Здесь имеет смысл подчеркнуть только некоторые из них. Н. П. Лихачев на основе палеографического обследования списка Оболенского Никоновской летописи пришел к заключению, что первые 939 листов списка, заключающие часть летописи до 1520 г., написаны на бумаге более раннего происхождения, чем остальная часть рукописи.

---

[1] У В. Н. Татищева был список так называемый «Академический XV». С В. Н. Татищевым (а не с А. Шлецером, как часто думают) связано и происхождение названия летописи.

[2] По замечанию А. Е. Преснякова [А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. «Известия отделения русского языка и словесности» (далее — ИОРЯС), т. V, кн. 3. СПб., 1900, стр. 856], «редакция лицевого свода есть последняя по времени редакция Никоновской летописи».

[3] А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 32.

[4] А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись. «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1904, май, стр. 79.

[5] А. А. Шахматов. Летописи. «Новый энциклопедический словарь», т. 25, 1915, стр. 164. Ср. С. П. Розанов. Хронограф западнорусской редакции. СПб., 1912, стр. 4.

[6] Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 1(34), 1927.

«Знаки этой части рассматриваемой рукописи,— говорит он,— заводят нас очень далеко в глубь первой половины XVI столетия»[7]. С. Ф. Платонов дополнил наблюдения Н. П. Лихачева замечанием о том, что 939-й лист списка Оболенского захватан руками и являлся, следовательно, некогда последним листом рукописи[8]. Кроме того, С. Ф. Платонов отметил путаницу в месяцах под 7027 г. на л. 933, а также изменение почерка и чернил. Таким образом, оказывалось, что первоначально Никоновский свод в списке Оболенского доводился до 1518 г. Далее, до 1520 г., следовали приписки, вместе с которыми и составился список Оболенского.

Введение в научный оборот А. А. Шахматовым Иоасафовской летописи решающим образом подтвердило основательность наблюдений Н. П. Лихачева и С. Ф. Платонова. Эта летопись почти на всем протяжении (начинается она с 1437 г.) аналогична Никоновской летописи и заканчивается так же, как л. 939 списка Оболенского, известием о построении крепости в Туле. А. А. Шахматов полагал, что Иоасафовская летопись в части от 1454 до 1520 г. служила непосредственным источником Никоновской[9]. А. Е. Пресняков уточнил, что в качестве источника Никоновской летописи использовалась не самая Иоасафовская, а ее протограф[10]. Наблюдения А. Е. Преснякова были подкреплены замечаниями А. А. Зимина[11]. К соображениям названных ученых можно добавить, между прочим, указание на ошибку Иоасафовской летописи. Под 7004 г. в связи с известием о приходе немцев в этой летописи читаем: «августа в 9, в пяток», тогда как Никоновская летопись дает правильное чтение: «19 августа»[12]. Испорченность же текста обычно является показателем его вторичности. По-видимому, правкой Иоасафовской летописи по Никоновской являются и некоторые вставки, сделанные над строкой или на полях[13]. Сохранившийся список Иоасафовской летописи, таким образом, не указывает хронологического предела, ранее которого не могла возникнуть основная редакция Никоновской летописи[14]. Н. Ф. Лавров, возможно, нашел указание, которым можно с большой точностью датировать время написания части списка Оболенского (по 1520 г.). Он обратил внимание на то, что перечень митрополитов в списке Оболенского заканчивался именем Иоасафа, занимавшего кафедру в 1539—1542 гг. Этот список затем был продолжен на заклейке[15].

Итак, основные достижения в изучении вопроса об истории создания Никоновской летописи можно свести к следующим моментам: 1) под Никоновской летописью следует понимать текст, соответствующий 939 листам списка Оболенского (до 1520 г.); 2) ее источником в части с 1454 по 1520 г. явился протограф Иоасафовской летописи; 3) время составления основной части Никоновской летописи (или написания 939 листов списка Оболенского) с большой вероятностью можно ограничить 1539—1542 гг.

Несмотря на основательность перечисленных достижений, в литературе им, однако, не отводится того места, которого они заслуживают. Причина этого заключается в значительной степени в совершенно иной схе-

---

[7] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. СПб., 1899, стр. 329.

[8] С. Ф. Платонов. К вопросу о Никоновском своде. ИОРЯС, т. VII, кн. 3. СПб., 1902, стр. 31.

[9] А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись, стр. 69—79.

[10] А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись. «Исторические записки», № 8, 1940, стр. 247.

[11] Иоасафовская летопись. М., 1957, стр. 10 (предисловие).

[12] Там же, стр. 133. Именно 19 августа приходилось на пятницу.

[13] По Никоновской летописи, в частности, исправлены в Иоасафовской известия о событиях в Рязани под 1456, 1500 и 1501 гг.

[14] Дошедший список Иоасафовской летописи А. А. Зимин на основании ряда признаков датирует 20—40-ми годами XVI в. (Иоасафовская летопись, стр. 14).

[15] Н. Ф. Лавров. Указ. соч., стр. 71.

ме, предложенной С. П. Розановым. Допуская правильность отмеченных выводов для «древнейшего извода Никоновской летописи» [16], С. П. Розанов относит основную редакцию летописи к середине 50-х годов на том основании, что она якобы пользовалась Хронографом западнорусской редакции 50-х годов XVI в. [17] На стороне С. П. Розанова оказался ряд факторов. Он оперировал материалами хронографов, которые до сих пор остаются малоисследованными и лишь в самой общей форме известны историкам летописания. А. А. Шахматов, также занимавшийся хронографами, отказался от некоторых своих положений, приняв точки зрения С. П. Розанова. Производит впечатление и убежденность, с которой С. П. Розанов высказывает свои соображения. Однако построения С. П. Розанова вызывают самые серьезные возражения. Во-первых, он совершенно игнорирует все содержание огромного свода, ставя его происхождение в зависимость лишь от особенностей «Сказания о латынех», внесенного в летопись под 1443 г. Во-вторых, этот исследователь по существу постулировал главное положение, которое ему следовало бы доказывать: зависимость Никоновской летописи от Хронографа западнорусской редакции. Но у него не нашлось никаких доказательств в пользу первоначальности текста Хронографа. Более того, в то время как все содержание данной статьи Хронографа можно вывести из соответствующей статьи Никоновской летописи, «Сказание» в составе Никоновской летописи содержит большое количество фактов, данному Хронографу не известных [18]. Это признавал и С. П. Розанов. Для устранения противоречия ему пришлось «отождествить личности составителя юго-западного Хронографа и одного из главных редакторов Никоновского свода» [19]. Но даже если мы и приняли бы это надуманное объяснение, то потребовалось бы определить, где источник существенных уточнений, содержащихся в Никоновской летописи. По С. П. Розанову — это Хронограф редакции 1512 г. Но и там можно найти не все дополнения. К тому же «Сказание о латынех» в Никоновской летописи представляет собой цельный текст. Соединение в статье Никоновской летописи «О проклятии латынь» двух источников оговорено заголовком «от иного слова», и этот источник, оказываясь близким Хронографу редакции 1512 г., не совпадает с ним. С. П. Розанов обратил внимание на то, что в статье «О Формосе» перечни пап Хронографа западнорусской редакции и Никоновской летописи совпадают, отличаясь от других редакций Хронографа. Статья же «о проклятии латынь» в Хроногрофе сохраняет следы заимствования из другого источника, по С. П. Розанову — «Хроники Мартина Бельского». Но с «другим источником» может быть связано также и «иное слово» Никоновской летописи. Хронограф лишь объединил безоговорочно два разных источника Никоновской летописи и допустил поэтому ошибку в числе пап [20]. Вторичность Хронографа по сравнению с Никоновской летописью можно обнаружить и по ошибке статьи «О Формосе». Фраза «имый в себе ересь сокровенну *от неких* Каруловых еретик» Никоновской летописи читается в Хронографе как «имый в себе ересь сокровенну *онех* Каруловых

---

[16] С. П. Розанов. Указ. соч., стр. 3, прим.

[17] Там же, стр. 2 и др.; его же. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. «Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 270.

[18] В отличие от указанного Хронографа, в Никоновской летописи отмечается, что Ставрикий «едино лето и два месяца царь бысть. И лежащу ему в полате болезни ради бедреные», что Михаил Травлий «царствова... лет 8 и месяць 9». Ср. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXII, ч. 2. Пг., 1914, стр. 200 и т. XII. СПб., 1901, стр. 54—55.

[19] С. П. Розанов. Хронограф..., стр. 13.

[20] Ср. ПСРЛ, т. XII, стр. 57—58; т. XXII, ч. 2, стр. 203; т. XXII, ч. 1. СПб., 1911. стр. 326; С. П. Розанов. Хронограф..., стр. 3.

еретик»[21] (курсив автора.— А. К.). Автор или переписчик по-видимому, неправильно прочитал слова «от неких».

Таким образом, текст Никоновской летописи имеет все признаки первичности по сравнению с текстом Хронографа западнорусской редакции, и все построение С. П. Розанова не имеет основания[22].

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что древнейшая часть Никоновской летописи значительно отличается от позднейшей. Н. М. Карамзин, например, отвергал оригинальные известия этой летописи за XII—XIII вв. Однако известия XIV в. он находил вероятными, а более поздние — достоверными[23]. Примерно тем же временем определяет части Никоновской летописи А. Н. Насонов, который дает ей ту же оценку[24]. С. П. Розанов обратил внимание на смену стиля в этой летописи, проявляющуюся со второй половины XV в., объясняя это тем, что первая часть была обработана, а остальная, совпадающая с Иоасафовской летописью, осталась в черновиках, которые и были переписаны[25]. Д. С. Лихачев же, также обративший внимание на это явление, объяснил его смешением «хронографической» и «документально-приказной» манеры изложения[26].

Итак, в Никоновской летописи замечаются два слоя. При этом только древний ее слой отличается теми особенностями, которые обычно рассматриваются как особенности этой летописи. Одна из них — наблюдение за генеалогией князей — встречается в последний раз под 6953 (1444—1445) г. Этим же годом оканчивается и манера Никоновской летописи риторически распространять летописный текст. В сущности 6953 (а не 6961) год и является переломным в Никоновской летописи. С 1445 г. текст летописи, за исключением большого хронографического текста под 1453 г., совпадает с текстом Иоасафовской летописи. Вопрос об условиях и времени происхождения части летописи до середины XV в. и является, таким образом, узловой проблемой Никоновской летописи.

Как было сказано, С. П. Розанов относил Никоновскую летопись к середине XVI столетия, исходя из наблюдений над некоторыми особенностями «Сказания о латынех». М. Н. Тихомиров же отметил, что Никоновская летопись в ее древнейшей части вообще проявляет интерес к Риму и Римской церкви[27]. Однако данное обстоятельство, по мысли М. Н. Тихомирова, удовлетворительно объясняется только в связи со временем Ивана III[28]. Эта мысль ученого в значительной степени стимулировала работу автора, некоторые итоги которой здесь предлагаются.

Известно значение вводных статей для определения времени написания рукописи, а иногда и ее истории. Так, А. А. Шахматов, анализируя вводные статьи Симеоновской летописи, установил, что она составлялась в конце XV в. Тот же факт, что перечни рязанских и новгородских иерархов в летописи были продолжены до 30—40-х годов, послужил ему основанием для того, чтобы дошедший ее список отнести ко второй четверти

---

[21] Ср. ПСРЛ, т. XII, стр. 57 и т. XXII, ч. 2, стр. 203.

[22] Самый вопрос о возможности использования М. Бельским каких-то недошедших редакций русских Хронографов нуждается в особом рассмотрении.

[23] Подобные замечания Н. М. Карамзина содержатся в разных местах его «Истории».

[24] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 211.

[25] С. П. Розанов. «Никоновский» летописный свод..., стр. 287.

[26] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 362.

[27] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 130.

[28] Эта мысль была высказана ученым в частной беседе как замечание, имевшее целью направить внимание ученика. И она весьма плодотворна: время связей России с Римом в древности ограничено.

XVI столетия [29]. Датировка Н. Ф. Лавровым списка Оболенского Никоновской летописи в основной его части также основывалась на вводных статьях: Н. Ф. Лавров обратил внимание на перечень митрополитов. Однако вводные статьи Никоновской летописи в их полном объеме специально не рассматривались. А они рисуют весьма любопытную картину.

Первое, что следует здесь отметить,— зависимость этих статей от вводных статей Симеоновской летописи. Перечень митрополитов и в той и другой перебивается фразой: «В лето 6816 Петр чюдотворец Московьский». Перечень князей совпадает дословно, заканчиваясь фразой: «Великого князя Ивана Ивановича сын: Дмитреи от княгини Елены Волошанкы» [30]. В обеих летописях приводятся также перечни иерархов одних и тех же епархий. В Никоновской летописи лишь изменен порядок этих перечней и перечни продолжены. Но до какого времени? В ответе на этот вопрос и заключается самое интересное.

Так как Симеоновская и Никоновская летописи дали перечни всех действовавших когда-либо епархий, то следует отбросить епархии упраздненные или оставшиеся по ту сторону границы за Литвой. Они ничего не дают для датировки составления вводных статей [31]. Но в списках иерархов епархий, подчинявшихся московскому митрополиту, естественно ожидать какие-то датирующие свидетельства. Вот конечные имена перечней двух летописей и годы их пребывания на кафедрах:

Симеоновская летопись	Никоновская летопись
Арх. Новгорода — Макарий (1526—1542)	То же [32]
Арх. Ростова — «Тихон Малышкин» (1489—I.1503)	«Тихон Малышка»
Еп. Суздаля — Нифонт (1484—1508)	То же
Еп. Коломны — Авраамий (1490—1501)	Никон (V.1502—I.1504)
Еп. Твери — Васиан (1477—1508)	Акакий (1522—1567)
Еп. Сарский — Силуан (1493—1496)	Трифон (1499—1507)
Еп. Рязани — Иона (1522—1547)	То же
Еп. Перми — Филофей (1471—1501)	Никон (V.1502—1514)

Как можно видеть, перечни иерархов в Никоновской летописи ведут к двум хронологическим моментам. В трех случаях они подтверждают правильность датировки летописи Н. Ф. Лавровым. В пяти же случаях уводят вглубь, к самому началу XVI в. Перечень князей, как указывалось, также не шел далее начала XVI в., останавливаясь на Дмитрии Ивановиче, подвергнутом опале в 1502 г. Все эти совпадения не могут быть случайными. Вводные статьи входили в какой-то летописный свод, составленный в самом начале XVI в. [33] Естественно, что именно с этим сводом связана древнейшая часть (до середины XV в.) Никоновской летописи. Судя по тому, что вводные статьи были внесены редакцией 30—40-х годов без существенных изменений, а для периода с середины XV в. и до 1520 г. она пользовалась почти исключительно одним источником — протографом Иоасафовской летописи, можно думать, что эта редакция мало затронула древнейшую часть летописи. Некоторое подтверждение этой

---

[29] А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая XV в. ИОРЯС, т. V, кн. 2. СПб., 1900, стр. 455. А. А. Шахматов, видимо, ошибочно датирует протограф летописи 1498—1502 гг. Перечень сарских епископов заканчивается Силуаном, покинувшем кафедру в 1496 г. Летопись, следовательно, датируется 1495—1496 гг.

[30] Ср. ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 22—24 и т. IX. СПб., 1862, стр. XIII—XVI.

[31] Со второго десятилетия XV в. у летописца не было сведений об иерархах, оставшихся под властью Литвы.

[32] Как указал Н. П. Лихачев, перечень новгородских архиепископов в списке Оболенского был позднее продолжен до Пимена (1552—1570). См. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение..., стр. 330.

[33] Вводные статьи отразили период с мая 1502 г. по январь 1503 г.— срок, достаточный, может быть, для переписывания, но не для составления свода.

мысли можно найти в самой Никоновской летописи. Под 1407 г. в связи с известием о смерти смоленского князя Юрия в летописи имеется приписка: «и тако скончася род великих князеи Смоленьских и Смоленское великое княжение своих великих князеи отчюждися, и учал владети Смоленьском Витофт Кестутьевичь, князь великий Литовский, и прочие по нем великие князи литовстии наместники своя на нем посажающе и им властвующе»[34]. Приписка эта далека по времени от события, описанного в рассказе. Смоленском владеют не только Витовт (ум. 1430 г.), но и «прочие по нем великие князи литовстии». Однако эта приписка сделана еще до присоединения в 1514 г. Смоленска к Москве. По-видимому, весь рассказ о смоленском князе содержался в своде начала XVI в. и был заимствован оттуда позднейшей редакцией Никоновской летописи без изменений[35]. Самый рассказ этот содержит в себе многие моменты, с которыми связывается представление о древнейшей части Никоновской летописи: тенденция следить за генеалогией князей, настойчивое титулование «великими» князьями некоторых немосковских князей, эмоционально-риторический стиль изложения.

Таким образом, вводные статьи Никоновской летописи с замечательной последовательностью ведут к двум этапам создания этого свода. Первый относится к самому началу XVI в. (до 1503 г.). По-видимому, с ним связано возникновение части летописи до середины XV в. Второй этап, вероятно, с достаточным основанием отнесен Н. Ф. Лавровым к 1539—1542 гг. С этим этапом связано продолжение летописи до 1520 г. и, очевидно, определенная редакция более древней части,— редакция, размер и характер которой требуют особого исследования[36]. С 50-ми годами XVI столетия можно связать, по всей вероятности, только продолжение этой летописи. Основная же часть ее, до 1520 г., осталась без изменений. Редакционные изменения в древнейшую часть были внесены при составлении «лицевых» сводов. Но соотношение Никоновской летописи в основном составе и «лицевых» сводов также требует особого исследования.

Время составления того или иного свода принято связывать с условиями его создания, так как вопросы эти тесно связаны. Но достаточно удовлетворительный ответ на них, и особенно на вопрос об условиях создания свода, можно получить только на основе самого тщательного изучения состава и редакционных особенностей, а также политической обстановки времени, с которым связывается составление свода. В рамках небольшой статьи эти задачи, конечно, решены быть не могут. Однако представляется возможным обратить внимание на некоторые факты, которые, по-видимому, придется учитывать при решении этих вопросов. В литературе высказывалось мнение об официальном происхождении Никоновской летописи[37]. Однако это мнение основывалось чаще всего на материалах уже XVI в. С. П. Розанов убедительно связывал создание «основной» редакции Никоновской летописи, т. е. редакции, включающей известия XVI в., с Троице-Сергиевой лаврой[38]. В дополнение к изложенным С. П. Розановым наблюдениям можно указать, что самый список Оболенского в XVII в. находился в собственности Троицкой лавры[39].

[34] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 203.

[35] Степенная книга, в отличие от Никоновской летописи, добавила указание на то, что Смоленск был за Литвой до времени Василия Ивановича (ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 446).

[36] Редакция 1539—1542 гг., по-видимому, опустила некоторые рязанские известия, в частности свидетельства антимосковского характера, и ввела начиная с середины XIV в. известия, почерпнутые из московских летописей. Не исключено, что за период с середины XIV до середины XV в. летопись представляет собой соединение свода начала XVI в. с московской летописью, родственной Иоасафовской.

[37] См., например, Н. Ф. Лавров. Указ. соч., стр. 90.

[38] С. П. Розанов. «Никоновский» летописный свод..., стр. 275.

[39] ПСРЛ, т. IX, предисловие, стр. VII—VIII.

Однако с этим монастырем можно связывать только вторую редакцию Никоновской летописи, 1539—1542 гг. Никакой же связи с монастырем летописи, оканчивающейся серединой XV в., не видно. Более того, Троице-Сергиев монастырь, при определенной самостоятельности, был весьма близок московской великокняжеской власти. Древнейшая же часть Никоновской летописи и по стилю изложения, и по направленности существенно отличается как от летописей московских официозных, так и от митрополичьих. Политические установки московской великокняжеской власти конца XV в. достаточно ясно выражены в известном обращении Ивана III от 1471 г. к новгородцам: «отчина есте моя, людие Новгородскии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю русскую, от правнука Рюрикова, *первого великого князя* в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте *один род тех великых князей,* преже Киевъскых, до великого князя Дмитреа Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене род их, мы владеем вами» (курсив автора) [40]. Непосредственное происхождение от Рюрика дает московским князьям бесспорное право на владение этим городом. При этом имеется в виду одна-единственная линия «великих князей». Эту идею довольно последовательно проводят московские официозные летописи. Воспринимается она и митрополичьим летописанием конца XV — начала XVI в. Никоновская летопись в своей древнейшей части противопоставила этой тенденции другую: от Рюрика происходят и важнейшие немосковские княжеские линии. Наблюдение за генеалогией в этой части Никоновской летописи распространяется на две ветви Рюриковичей: потомство Святослава и Всеволода Ярославичей. При этом, излагая жизнеописание Мстислава Владимировича под 1125 г., в котором, между прочим, упоминается битва Мстислава с Олегом Святославичем на Колокше, Никоновская летопись оправдывает претензии Олега «на великое княжение» тем, что «Святослав большей брат Всеволоду, деду Мстиславлю» [41]. В то время как московские летописи титул «великих» дают последовательно только одной линии князей, опуская его, когда речь шла даже и о великих, но немосковских князьях, Никоновская летопись в своей древнейшей части сопровождает этим титулом многих удельных князей Всеволодовичей и Святославичей (Черниговских, Рязанских, Смоленских, Тверских, Нижегородских и некоторых других). А. Д. Горский, отметив подобное явление в некоторых грамотах удельных князей, основательно видит в нем «политические претензии» удельных князей [42]. Никоновская летопись оказывается (в древнейшей части) проводником именно такого рода претензий. Все княжества, известные в качестве «великих» в XIV—XV вв., рассматриваются в ней как издревле (с XII в.) «великие».

Для решения вопроса о месте создания Никоновской летописи интерес представляет изложение этой летописью московско-тверских усобиц начала XIV в. В основе изложения Никоновской летописи лежат тверские записи. Но автор не стоит ни на позиции Твери, ни на позиции Москвы. Приведя под 1304 г. рассказ о поражении тверского отряда под Переславлем-Залесским от войск Ивана Даниловича, Никоновская летопись заключает: «и бысть в Твери печаль и скорбь велиа, а в Переславле веселие и радость велиа» [43]. Под 1317 г., рассказав в тверском варианте о поражении московского князя Юрия Даниловича, Никоновская летопись, отметив гуманное отношение тверичей к пленным татарам — союз-

---

[40] ПСРЛ, т. XXV, стр. 285.
[41] ПСРЛ, т. IX, стр. 153.
[42] А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 128, прим.
[43] ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 175—176.

никам московского князя, добавляет: «инии же глаголють, яко тамо во Твери зелием уморена бысть Кончака» [44]. «Инии» — это, между прочим, московские летописи [45]. Автора текста Никоновской летописи не следует, по-видимому, искать ни в Москве, ни в Твери.

А. Н. Насонов обратил внимание на то, что известиям Никоновской летописи о Рязани XII—XIII вв. нельзя доверять из-за их тенденциозности [46]. При этом весьма примечательно, что речь шла не о каких-то особых рязанских известиях, а о редакции хорошо известных сообщений общерусских сводов в духе, выгодном Рязани (рязанскими объявляются некоторые районы, которые не только в XII в., но и в позднейшее время таковыми не были). Эта особенность прослеживается в древнейшей части Никоновской летописи вплоть до первой половины XV в. Рассказывая о женитьбе сына Всеволода Большое Гнездо под 1212 г., Никоновская летопись добавляет: «и бе князь Юрьи со князем Кир Михаилом Всеволодичем рязанским своаки» [47]. Летописец даже не поясняет, что Кир Михаил — это пронский князь. Митрополит Кирилл в 1250 г., по Никоновской летописи, в отличие от всех других летописей, приходит не только в Суздаль, но «таже прииде в Рязань» [48]. В связи с пленением в 1301 г. московским князем Данилой рязанского князя Константина Никоновская летопись, также в отличие от всех других летописей, утверждает, что московский князь держал Константина «в бережении и чести всяцей, хотяще бо ся с ним укрепити крестным целованием и отпустити его в его отчину на великое княжение Рязанское» [49]. Если учесть, что рязанский князь был убит через несколько лет Юрием Даниловичем, то в этих словах можно видеть антимосковскую направленность. Рассказывая о сыновьях Ольгерда, Никоновская летопись, отвлекаясь от основной темы, напоминает, что на дочерях Ольгерда женились два сына Тита, а третий — Иван Козельский «женился у великого князя Олга Ивановича Рязаньского» [50]. Приводя повесть о Владимирской иконе, в которой рассказывается о нашествии «Темир Аксака» «близ предел рязанских», Никоновская летопись снова вносит изменение, утверждая, что город Елец, взятый татарским ханом, принадлежал Рязани [51]. «Рязанским» этот город называется в Никоновской летописи также под 1414 г. При этом район Ельца в Никоновской летописи назван «Задоньем» [52]. Задоньем же он является по отношению к Рязани.

Перечень подобных известий Никоновской летописи можно умножить [53]. Сама Симеоновская летопись, к которой ведут вводные статьи Никоновской, по-видимому, несет на себе следы пребывания в Рязани [54].

Связь с Рязанью первоначальной редакции Никоновской летописи может вызвать недоверие главным образом потому, что о Рязани периода средневековья вообще и о Рязани конца XV — начала XVI в. в частности сведений очень немного, а имеющиеся — разработаны недостаточно. Воз-

---

[44] ПСРЛ, т. X, стр. 181.

[45] Ср. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 356; ПСРЛ, т. XXV, стр. 161.

[46] А. Н. Насонов. Русская земля..., стр. 207—214.

[47] ПСРЛ, т. X, стр. 63.

[48] Там же, стр. 137.

[49] Там же, стр. 173.

[50] ПСРЛ, т. XI, стр. 26.

[51] Там же, стр. 159. Ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 222; т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 283 и др.

[52] ПСРЛ, т. XI, стр. 225. Ср. иное чтение в ПСРЛ, т. XXV, стр. 241.

[53] Некоторые из них рассматриваются в подготовленных автором работах: «Летописные известия в составе Рязанских достопамятностей» и «Рязанский источник Никоновской летописи».

[54] См. А. Г. Кузьмин. Заголовки и киноварные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи. «Вестник Московского государственного университета», серия IX, 1961, № 5, стр. 70—79.

никает прежде всего вопрос, в каких именно кругах мог сложиться этот свод и каким образом он мог быть положен в основу при переработке в 30—40-е годы XVI в., осуществленной, вероятно, в Троице-Сергиевом монастыре. Следующие обстоятельства, возможно, будут небесполезными при поисках ответа на эти вопросы.

Принято думать, что почти сорокалетнее пребывание в Рязани сестры Ивана III Анны Васильевны (с 1464 по 1501 г.) означало фактическое присоединение Рязани к Москве. Но очень может быть, что именно пребывание ее в Рязани и усиливало элементы, противостоящие объединительным тенденциям московской великокняжеской власти. После смерти в 1483 г. рязанского князя Василия Ивановича на Рязани остались два его сына. Младшего «сестрича своего» Федора московский князь находит возможным посылать во главе своих войск [55]. Но старший, Иван Васильевич, занимал, по-видимому, особое положение. Это заметно по некоторым разделам договора двух братьев (1496 г.), согласно которому князья не имели права «отказывать» кому-либо свои владения без согласия одного из братьев [56]. Нетрудно понять, кто и кому собирался «отказать» свои земли. Федор был бездетным, а у Ивана Васильевича только что родился сын [57]. Договором Иван Васильевич стремился обеспечить единство своего княжества и передачу его целиком своему сыну. Но, как явствует из «духовной» Ивана III, Федор Васильевич свою «треть» передал московскому князю [58].

В договорной грамоте рязанских князей привлекает внимание еще один момент. Братья обязуются «не вступаться» в «четверть» Анны Васильевны [59]. В чьих интересах это было сделано? По-видимому, не в интересах Федора. Владения Федора после его смерти перешли в руки Ивана III. Но владения Анны Васильевны в духовной московского князя не упоминаются. Самое введение данной статьи в грамоту, имеющую цель ограничить права удельного князя Федора, может служить показателем того, что в борьбе двух группировок в Рязани Анна была на стороне поборников рязанской самостоятельности.

С Анной Васильевной связано несколько летописных известий, возможно рязанского происхождения. В двух из них подчеркивается особый прием, якобы оказанный рязанской княгине в Москве, в семье Ивана III [60]. Не исключено, что в самой семье Ивана III она находила поддержку. В то же время естественно, что княжеская аристократия стремилась найти опору в последнем самостоятельном удельном русском княжестве. Связь летописного свода начала XVI в. с такого рода кругами может объяснить и причину того, что консервативность и даже оппозиционность этого свода не переходит во враждебность Москве и московским князьям.

Что касается другого возможного недоумения, то и его разрешение не представляется совершенно безнадежным. Активные деятели периода боярского правления — князья Бельские — являлись внуками рязанской княгини Анны. Семен Бельский в 30-е годы определенно претендовал на Рязанский стол — «дедизну свою» [61]. Не исключено, что эти пре-

---

[55] ПСРЛ, т. XII, стр. 234; т. VI. СПб., 1858, стр. 240; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 358.

[56] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв., под ред. Л. В. Черепнина. М.— Л., 1950, № 84, стр. 333.

[57] В 1500 г., когда умер Иван Васильевич, его сын был «полупята году».

[58] Духовные и договорные грамоты, № 89, стр. 357—358.

[59] Там же, № 84, стр. 333. Следовательно, Анна владела уделом, равным уделу Федора.

[60] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 270—271; т. VI, стр. 42—43 и др.

[61] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II. СПб., 1848, стр. 341 и 343 (письмо Сигизмунда к Семену Бельскому от 1537 г. Король обещает князю содействие).

тензии и явились причиной опалы на Бельских в 1534 г. В то же время Бельские пользовались расположением Иоасафа, а умерший в заточении на Белоозере Иван Бельский был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре [62].

Таковы некоторые соображения, которые не претендуют ни на полноту, ни на безусловность. Тщательное и всестороннее исследование Никоновской летописи должно или подтвердить их, или отвергнуть.

---

[62] М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. «Исторические записки», № 46, 1954, стр. 285. Об отношении Иоасафа к Бельским см. А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 249—261. Иоасаф «печаловался» даже о бежавшем претенденте на Рязанское княжество.

В. Б. Кобрин

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОПРИЧНОГО ДВОРА

Для изучения истории опричнины весьма важно попытаться выяснить, какими способами и когда формировался Опричный двор царя Ивана, какова была его численность. До сих пор для этого исследователи использовали общие положения указа об учреждении опричнины в летописном изложении и сочинения иностранцев. Вместе с тем летопись может дать намного больше для выяснения истории формирования Опричного двора; хорошую службу исследователю сослужат и разрядные документы.

В работах, посвященных истории опричнины, формирование кадров Опричного двора рисуется обычно как процесс, начавшийся только после учреждения опричнины. Думается, это не совсем верно. Исследования П. А. Садикова показали, что создание «государева удела» не являлось результатом внезапного решения Ивана Грозного[1], хотя и было, возможно, неожиданным для политических противников царя[2]. Ему предшествовала длительная подготовка. Естественно предположить, что одним из ее звеньев должен был стать отбор служилых людей в новый государев двор. Вполне объяснима малочисленность сведений об этом «утробном» периоде существования Опричного двора — ведь вся подготовка опричнины, судя по летописным известиям, намеренно окутывалась покровом тайны — пусть многим известной, но официально не могущей быть оглашенной. Вероятно, только узкий круг ближайших доверенных царя — Басмановы, Юрьевы, Афанасий Вяземский — был посвящен в эту тайну.

Тем не менее в Александро-Невской летописи мы находим сведения о формировании кадров Опричного двора до учреждения опричнины. Рассказывая об отъезде царя в Александровскую слободу в декабре 1564 г., официальный московский летописец повествует: «...Которым же бояром и дворяном ближним и приказным людем повеле с собою ехати, и тем многим повеле с собою ехати з женами и з детми, а дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с ним (разрядка моя.— *В. К.*), велел тем всем ехати с собою с людми и с конми, со всем служебным нарядом»[3].

В этом сообщении определенно содержится описание комплектования ядра будущего Опричного двора. Мы находим здесь все категории

[1] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, стр. 15—19.

[2] Да и то не для всех. Например, Курбский, по свидетельству Г. Штадена, знал об опричнине почти за год до ее создания: «Как только понял этот штуку с опричниной,— пишет Штаден о Курбском,— пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду-Августу» (Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, стр. 87).

[3] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XIII, 2-я половина. СПб., 1906, стр. 391.

служилых людей из опричнины — и бояр, и дворян, и дьяков, и подьячих. Обращает на себя внимание тот факт, что речь явно идет о переходе с одной службы на другую, с земской на опричную: служилые люди уезжают с семьями, если они служат в Москве; с полным снаряжением и со слугами, если они служат в других городах.

Люди, сопровождавшие царя в Александровскую слободу, уже в силу этого обстоятельства становились в будущем опричниками[4]. Это явствует из того, что, как известно, царь в своем знаменитом послании из Слободы наложил опалу на всех служилых людей. Эта опала, естественно, не распространялась на тех бояр и дворян, которых царь оставил при себе, как наиболее преданных, с которыми собирался (хотя бы на словах) делить превратности судьбы отказавшегося от престола государя, сделавшегося простым удельным князем. В их окружении он собирался жить, «идеже его... бог наставит». Они должны были стать служилыми людьми в уделе князя Ивана Васильевича, они стали служилыми людьми в государевом уделе царя Ивана Васильевича.

Важно отметить, что в этом сообщении мы находим также данные о способе комплектования опричного двора. Царь «прибирал» служилых людей «выбором изо всех городов», т. е. еще в 1564 г., а может быть, и раньше начал исподволь тот «перебор», который, как известно, стал правилом в годы опричнины.

Подбор этих первых опричников послужил лишь началом формирования нового Опричного двора. Какова же была его численность?[5] По указу об учреждении опричнины она должна была составить 1000 человек служилых людей «по отечеству»[6]. Вряд ли, однако, эта цифра осталась неизменной. В самом деле, по подсчетам С. М. Середонина, общее число служилых детей боярских в 60-х годах XVI в. составляло приблизительно 25 тысяч человек[7]. Эти подсчеты принимают В. Л. Снегирев и А. В. Чернов[8]. Несколько заниженными считает вычисления С. М. Середонина А. А. Зимин[9]. В связи с этим трудно себе представить, чтобы опричников-служилых людей было всего 1000 человек, т. е. только 4% от всего состава служилых людей страны. Эта цифра вызывает тем бо́льшие сомнения, что в источниках мы находим сведения о достаточно крупных опричных отрядах. Так, например, в Новгородской летописи говорится, что при разгроме опричниками Новгорода туда пришло «воевод, и бояр, и князей, и детей боярских и всяких воинских людей м н о ж е с т в о м н о г о е (разрядка моя.— *В. К.*)»[10]. В этом же сообщении находим упоминание о 1500 стрельцах[11], а судя по разряду полоцкого похода

---

[4] По сообщению И. Таубе и Э. Крузе, часть из них была отправлена с половины дороги (М. Г. Р о г и н с к и й. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе как исторический источник. «Русский исторический журнал», кн. 8. Пг., 1922, стр. 32), но совершенно ясно, что не все — ниже они упоминают охрану и стражу в Слободе (там же, стр. 33).

[5] Как показал А. А. Зимин (А. А. З и м и н. Опричнина Ивана Грозного, рукопись), широко распространенное представление о том, что опричный корпус увеличился впоследствии до 6 тыс. человек, основано на ошибочной интерпретации рассказа Таубе и Крузе. Судя по этому сообщению, 6 тыс. служилых людей были вызваны на смотр и из них часть отобрали в опричнину (М. Г. Р о г и н с к и й. Указ. соч., стр. 36).

[6] «Князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов» (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395).

[7] С. М. С е р е д о н и н. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891, стр. 13.

[8] В. С н е г и р е в. Военное дело и «осадное сидение» в Московской Руси. «Исторический журнал», 1942, № 6, стр. 95—96; А. В. Ч е р н о в. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 81, 94—95.

[9] А. А. З и м и н. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960, стр. 448.

[10] Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 338.

[11] Там же, стр. 339.

1562/63 г., например, стрельцы составляли меньшую часть войска по сравнению с дворянами и детьми боярскими[12]. О том же количестве стрельцов, только конных, сообщает А. Шлихтинг, описывая опричные казни в Москве летом 1570 г.[13] Он же сообщает, что в опричном походе на Новгород в передовой полк В. Г. Зюзина входило 300 человек[14]. Г. Штаден, рассказывая о взятии польским воеводой кн. А. Полубенским Изборска, упоминает, что переодетых опричниками поляков было 800 человек — их число не вызвало удивления ни у стражи крепостных ворот Изборска, ни у Штадена[15]. Наконец, Таубе и Крузе пишут о том, что только из части уездов в опричнину было взято 570 человек[16].

Лишь внешне противоречит этим данным рассказ Штадена о 500 стрелках. По его словам, Мария Темрюковна «подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его. С этого и начал великий князь Иван Васильевич всея Руси и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд»[17]. Здесь не говорится о том, что совет был осуществлен буквально, сколько же было отобрано опричников, Штаден не сообщает. Возможно, как полагает А. А. Зимин, речь идет о лицах, непосредственно находившихся в Александровской слободе при особе царя. Таубе и Крузе тоже сообщают о 500 молодых людях, живущих в Слободе[18]. Это сообщение А. А. Зимин, думается, справедливо относит не ко всей опричнине, а только к отряду телохранителей[19].

После этого нам не покажется завышенной приводимая Таубе и Крузе цифра опричников — участников новгородского похода, для которого, по их словам, было мобилизовано все опричное войско,— 15 тыс. человек[20]. Если принять вычисления А. В. Чернова, согласно которым служилые люди «по отечеству» составляли около 30% всего войска[21], то мы получим для 1570 г. 4500 дворян и детей боярских из опричнины.

Попытаемся проверить эти цифры. Недавно В. И. Буганов опубликовал чрезвычайно интересные документы о сражении на Молодях в 1572 г.[22] Среди других материалов в этой публикации помещен черновик росписи войск, стоявших на берегу Оки в ожидании Девлет-Гирея. Роспись особенно интересна для нас тем, что указывает число служилых людей из каждого уезда, прибывших на службу в полки кн. М. И. Воротынского, а также под командованием какого воеводы находились эти люди[23]. Известно, что в битве на Молодях участвовали и земские и опричные войска. Это подтверждается и данными Росписи: среди воевод было (подсчитываю только полковых воевод, без приданных дополнительно, «прибылых») пять земских (кн. М. И. Воротынский, И. В. Шереметев-Большой,

[12] А. П. Сапунов. Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, ч. I. Разряд похода на Полоцк, стр. 32—38.

[13] Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934, стр. 44, 46.

[14] Там же, стр. 28.

[15] Г. Штаден. Указ. соч., стр. 94.

[16] М. Г. Рогинский. Указ. соч., стр. 36.

[17] Г. Штаден. Указ. соч., стр. 85—86.

[18] М. Г. Рогинский. Указ. соч., стр. 39.

[19] А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. Вероятно, тот же смысл имеет сообщение А. Шлихтинга о том, что опричников было около 800 человек (указ. соч., стр. 61).

[20] М. Г. Рогинский. Указ. соч., стр. 47—48: «20 января 1569 года вызвал великий князь к себе в Александровскую слободу всех опричников, богатых и бедных, кто только был боеспособен» и сообщил им об «измене» Новгорода. И далее говорится об Иване Грозном «со своими 15 000 воинов».

[21] А. В. Чернов. Указ. соч., стр. 95.

[22] В. И. Буганов. Документы о сражении на Молодях в 1572 г. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 166—183.

[23] Там же, стр. 174—177, документ № 2.

Ф. В. Шереметев, кн. И. П. Шуйский, кн. А. П. Репнин) [24] и пять опричников (кн. Н. Р. Одоевский, кн. А. П. Хованский, кн. Д. И. и П. И. Хворостинины, В. И. Умного-Колычев) [25]. Под командованием этих опричных воевод находилось 4607 детей боярских. Но эти цифры нельзя принять безоговорочно: из Росписи видно, что в одном и том же полку и даже под командованием одного и того же воеводы вместе служили люди из земских и опричных уездов (например, дворяне из опричных Суздаля и Вязьмы подчинялись непосредственно кн. М. И. Воротынскому), хотя обычно в отрядах опричных воевод было больше опричников. Поэтому надо считать не число людей под командованием воевод из опричнины, а число детей боярских из опричных уездов [26]. Всего из Вязьмы, Суздаля, Галича, Корякова, Костромы, Балахны [27], Козельска, Бежецкой пятины, Белева [28], Калуги [29], Лихвина, Перемышля, Кашина [30], Старицы, Медыни, Малоярославца, Можайска, Опакова, Пошехонья на службе было 4183 человека, а без белян, калужан и кашинцев (участие которых в опричнине несколько проблематично) — 3483 человека. При этом надо иметь в виду, что о некоторых уездах у нас нет сведений, в опричнину или в земщину они входили, что в составе войска было 180 человек «выборных», не расписанных по уездам, а часть из них также могла быть опричниками. Если к тому же учесть, что на Молодях с Девлет-Гиреем сражалось не все опричное войско — какая-то часть, вероятно, находилась вместе с царем в Новгороде Великом [31], а часть могла отдыхать после зимнего похода на шведов [32],— то мы опять-таки придем к выводу, что 4500—5000 человек представляется вполне вероятной численностью детей боярских из опричнины.

Таким образом, можно предположить, что к 1570 г. число дворян и детей боярских из опричнины выросло примерно в 4—5 раз по сравнению с первоначальным.

Данные разрядных книг позволяют подтвердить этот рост численности служилых людей Опричного двора и проследить его этапы. Вот текст первого встречающегося в разрядных книгах опричного разряда от октября 1565 г.: «А из опришнины посылал государь под Болхов, как царь приходил к Болхову, воевод с Москвы: князя Ондрея Петровича Теля-

[24] О земских служилых людях см. С. С. Печуро. Земские служилые люди в годы опричнины. (К постановке вопроса). «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961, стр. 463—473.

[25] Обоснование принадлежности этих лиц к опричному двору см. В. Б. Кобрин. Состав Опричного двора Ивана Грозного. «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, № 102, 143, 248, 250, 256, стр. 44, 53—54, 79—83.

[26] Мы не знаем всех опричных уездов; данные о принадлежности уездов к опричнине извлекаются из указа об ее учреждении; для уездов, вошедших в ее состав позднее, используются выводы А. А. Зимина (А. А. Зимин. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.). «Вопросы истории», № 12, 1962, стр. 60—79).

[27] Служилые люди из последних четырех городов выделены в Росписи в самостоятельную группу в составе Большого полка и перечислены непосредственно вслед за митрополичьими и владычными детьми боярскими. Но это не митрополичьи и не владычные дворяне, как может показаться на первый взгляд, так как при подведении итога по Большому полку они названы отдельно от служилых людей князей церкви. На этот факт обратил мое внимание Б. Н. Флоря, которому я приношу свою благодарность.

[28] Это может быть и Белая: в Росписи речь идет о «белянах». О том, что Белая входила в состав опричных территорий, у нас нет сведений. Однако это вполне вероятно, если учесть, что именно по Белой были записаны в Тысячной книге и в Дворовой тетради такие видные деятели опричнины, как Малюта Скуратов-Бельский со своими многочисленными родственниками и известные воеводы братья Хворостинины (см. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 56, 193, 194).

[29] Калуга была постоянным пунктом сбора опричных войск.

[30] Одна из волостей этого уезда вошла в опричнину (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 396), а кашинцы служили в полку опричника князя А. П. Хованского.

[31] Г. Штаден. Указ. соч., стр. 112.

[32] Синбирский сборник, изд. Д. Валуевым, ч. I. М., 1844, стр. 31, 32.

тевского, князя Дмитрея да князя Ондрея Ивановичев Хворостининых. А в Белеве были воеводы и ходили под Болхов: князь Дмитрей Иванович Вяземской, Михайло Белкин»[33]. Здесь опричные войска выступают еще как небольшие и вспомогательные силы, участие которых в боевых операциях является случайным. Опричные воеводы посланы лишь «в прибавку» к земским — под Болховом действовало большое войско во главе с князьями И. Д. Бельским, И. Ф. Мстиславским и П. М. Щенятевым, разделенное на обычные пять полков[34]. Опричные войска еще не разделены на полки — их, видимо, было еще слишком мало для этого — они составляют как бы один отдельный полк. Насколько случайным оказалась участие опричных войск кн. А. П. Телятевского в обороне Болхова от крымцев, видно из того, что в военных действиях следующего, 1566 г. мы не находим следов деятельности опричных воевод.

К 1567 г. заканчивается, по-видимому, первый этап формирования опричных войск. В сентябре этого года в Калуге, где затем всегда собирались опричные полки на береговую службу, «были воеводы на три полки». Эти три полка — Большой, Передовой и Сторожевой[35]. Трехполковый разряд означал, вероятно, первое резкое увеличение численности опричных служилых людей.

Второй этап связывается с появлением пятиполкового разряда (впервые он упоминается в 1569 г.), снова под Калугой[36].

Таким образом, увеличению числа опричников в четыре — пять раз соответствовало примерно такое же увеличение количества опричных полков.

Говоря о разрядных книгах как источнике по истории формирования Опричного двора, следует остановиться на одной формулировке, дающей, как кажется, определенную характеристику отношения царя к отбираемым на службу в опричнине дворянам. Когда в 1569 г. на береговой службе находились одновременно земские войска во главе с кн. И. Д. Бельским и опричные во главе с Ф. А. Басмановым, был дан приказ «лутчим людям изо всех полков» перейти под командование Ф. А. Басманова, т. е. в опричнину. Далее в разряде говорилось, что Ф. А. Басманову было приказано двигаться из Калуги в Тулу «с теми же лутчими, что изо всех полков, людми»[37]. Вряд ли слово «лутчий» употреблено здесь в распространенном тогда переносном значении «знатный», «наиболее почитаемый» — отобрать при господстве местничества из всех полков таких «лутчих людей» означало бы оставить земские войска без командного состава. Вероятнее, речь шла о «лутчих людях» в более прямом смысле этого слова[38], т. е. об отличившихся во время боевых действий. Их перевод в опричнину в награду за отличие тем более вероятен, что он был связан с уходом земских полков с береговой службы, которую поручили опричным войскам[39]. Впрочем, это, конечно, только гипотеза.

Таковы те некоторые сведения о численности и способах формирования опричнины, которые можно извлечь из летописи и разрядных документов.

---

[33] Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея. Собрание П. И. Щукина, № 496 (далее — Щ), л. 430/461; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, № 390 (далее — Э), л. 393.

[34] П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1902, стр. 267—268.

[35] Щ, л. 438/469; Э, л. 338.

[36] Щ, лл. 455/468—455/468 об.; Э, лл. 353—354.

[37] Щ, лл. 456/487—465/487 об.

[38] Это прямое значение приводит, правда, не в сочетании со словом «люди», и И. И. Срезневский, подкрепляя его с рядом примеров (см. И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стб. 57).

[39] Ср. приводимый П. А. Садиковым эпизод пожалования в опричнину за хорошую службу русских послов в Крыму А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского (П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 139).

М. Е. Бычкова

РЕДАКЦИЯ РОДОСЛОВНЫХ КНИГ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI века

Вопрос о появлении различных редакций родословных книг в исторической литературе разработан недостаточно. Исследователи, и прежде всего Н. П. Лихачев, занимались в основном редакцией, на базе которой была создана «Бархатная книга», официальная родословная конца XVII в. История различных редакций, появившихся во второй половине XVI в., после составления в 1555 г. «Государева родословца», не исследована. В то же время только изучение всех сохранившихся редакций родословных книг позволит правильно понять историю и состав дошедших до нас родословцев и даст исследователю ценный источник по истории господствующего класса. Изучение времени возникновения редакций позволит точнее определить ту социальную базу, на которую опиралось правительство в разные периоды, и яснее осветит некоторые вопросы реформ XVI в., расширит знания о Разрядном приказе, в котором составлялись родословцы.

Для настоящего исследования использована одна из сохранившихся редакций родословных книг второй половины XVI в., наиболее ярко отражающая историю бытования отдельной редакции родословцев на протяжении десятилетий. Благодаря достаточно полному комплексу списков и их хорошей сохранности можно проследить все этапы ее развития. В исторических исследованиях родословцы этой редакции почти не использовались, но один из ее поздних списков опубликован во «Временнике Общества истории и древностей российских» [1].

Редакция представлена 25 списками XVI—XVIII вв. [2] Они содержат росписи 55—66 княжеских и боярских родов, т. е. значительно больше, чем «редакция в 43 главы». Разбивка родов на главы и порядок их расположения в рукописях отличен от других редакций: фамилии старомосковского боярства (Плещеевы, Морозовы, Кобылины, Воронцовы-

[1] Родословная книга. Список А. «Временник Общества истории и древностей российских» (далее — Временник), кн. X, раздел II. М., 1851, стр. 131—203. Опубликован список ЦГАДА, ф. 181, № 282.

[2] ГБЛ, ф. 256, № 349, конец XVI в.; ф. 205, № 180, конец XVII — начало XVIII в.; ф. 29, № 1527, 2-я половина XVIII в.; ЦГАДА, ф. 181, № 76, 1692 г.; № 85, середина XVII в.; № 178, 2-я половина XVII в.; № 282, 2-я половина XVII в.; № 362, начало XVIII в.; № 1139, 2-я половина XVII в.; ф. 201, № 82, середина XVII в.; ГИМ, Собрание Уварова, № 766, начало XVIII в.; Чертковское собрание, № 27, 2-я половина XVIII в.; Воскресенское собрание, № 157, середина XVII в.; Музейное собрание, № 2989, 2-я половина XVII в.; ГПБ, Q IV, № 46, середина XVII в.; Q IV, № 124, середина XVII в.; F IV, № 788, середина XVII в.; F IV, № 264, 2-я половина XVIII в.; F XVII, № 102, 2-я половина XVII в.; Собрание ОЛДП, XXXII, 1-я половина XVIII в.; Собрание Титова, № 3426, 2-я половина XVII в.; БАН, 32.15.18, последняя четверть XVII в.; 34.2.24, 2-я половина XVII в., 33.6.24, 2-я половина XVII в.; ЛОИИ, ф. 115, № 107, середина XVII в.

Вельяминовы и ряд других) записаны после родов, выдвинувшихся к середине XVI в. (Глинских, Монастыревых, Милюковых, Фоминских князей, Бороздиных). Росписи некоторых фамилий, которые объединены одной главой «редакции в 43 главы», в исследуемой редакции записаны самостоятельно. Так, главе «Род князя Михаила Черниговского» «редакции в 43 главы», в этой редакции соответствуют несколько глав (род князей Оболенских, род Мезецких и Борятинских, князей Звенигородских).

Кроме обычных для других редакций росписей фамилий, ведущих начало от великих князей суздальских, ростовских, ярославских, литовских и др. и родов старомосковского боярства, редакция содержит росписи ряда фамилий, выдвинувшихся в годы опричнины (князья Вяземские, Нагие и Собакины, Нащокины, Друцкие и др.) [3].

Редакция представлена двумя изводами. К первому, более раннему, относятся списки: ГБЛ, ф. 256, № 349; ЦГАДА, ф. 181, № 178, 362; ГПБ, F IV, № 264; Собрание ОЛДП, XXXII, Q IV, № 124; БАН, 32.15.18. Остальные списки относятся ко второму, более позднему изводу. Списки Воскресенского собрания № 157 и Собрания Титова № 3426 при большом сходстве в составе глав с остальными рукописями редакции резко отличаются от них по расположению глав, и их нельзя отнести ни к одному изводу.

Рукописи первого извода состоят из 52—55 глав; они отличаются от списков 2-го извода отсутствием некоторых «опричных» родов. Их особенностью являются помещенные после росписи великих и удельных князей родословия «турских царей», крымских и казанских царей, отсутствующие во 2-м изводе.

В более позднем изводе к родам 1-го извода прибавляются еще росписи Вяземских, Нащокиных, Мосальских, Друцких, Совиных, Мячковых, Еропкиных, Старковых, Селеховских и Бибиковых — для всех рукописей извода и Уваровых, Ржевских, Булгаковых, Зубовых — для отдельных списков [4]. В роспись Шетневых добавляется фамилия Зюзиных, из главы «Род Свибловых» выделяется в отдельную главу род Пушкиных. Расширяется глава «Род Морозвых»; наряду с общим для обоих изводов родословием Глинских князей появляется еще второй вариант их родословия. Пропадают главы «Род турских царей», «Род Дмитрия Васильевича иной» и роспись Добрынских, имеющиеся в 1-м изводе; появляется новая редакция главы «Род Редегин». Кроме увеличения числа глав, внешней особенностью рукописей 2-го извода является разрыв текста главы «Удельные князи» оглавлением родословца, благодаря чему дети князя М. А. Верейского записаны после оглавления перед главой «Род Литовских князей».

Среди рукописей 1-го извода много дефектных. Рукопись ф. 181, № 178 обрывается на главе 39-й «Род Белеутовых», роспись Оболенских князей в ней отрывочная. В Родословной Q IV, № 124 сохранилось 34 главы, многие главы перебиты, нумерация их сохранилась частично. В рукописи F IV, № 264 сохранилось лишь 42 главы (последняя — «Род Редегин»), но они идут без значительных пропусков. Эти дефекты рукописей затрудняют изучение протографа извода. Судя по составу лиц, записанных в родословцах, в их основе лежат ранние и, возможно, уже дефектные списки.

Из рукописей 1-го извода особенно интересен список конца XVI в. — Румянцевский II. Его протограф составлен во время царствования Ивана IV, о чем можно судить по заголовку: «Лествица государя нашего

[3] Представители этих фамилий, записанные в родословцы, часто встречаются в разрядах начиная с похода к Великим Лукам в 1568 г. (ГИМ, Щук., № 496, лл. 439 об., 444 об., 467 и др.).

[4] ЦГАДА, ф. 181, № 85, 282, 1139; ф. 201, № 82; БАН, 34.2.24.

царя великого князя Ивана Васильевича» (л. 5 об.), но в заголовке к главе удельных князей Федор Иванович назван «нынешним царем» (л. 6); Федор Иванович назван последним царем и при перечислении всех царей и удельных князей от Рюрика (л. 7 об.). В рукописи много вставок, сделанных разными почерками и чернилами. Судя по почеркам, некоторые сделаны почти одновременно с составлением самой рукописи. Другие можно отнести ко времени царствования Бориса Годунова, о чем говорит запись на л. 299, сделанная почерком и чернилами, встречающимися среди вставок. Это одна из самых исправных рукописей редакции, а многочисленные вставки и исправления делают ее и одной из самых интересных из всего дошедшего до нас комплекса родословных книг.

К тому же протографу, что и Румянцевский II, восходит одна из поздних рукописей этого извода (ф. 181, № 362), в которой встречаются более правильные чтения, чем в Румянцевском II, имеющиеся, кстати, в списках 2-го извода (нет пропуска в росписи Лыковых, в предисловии к роду Оболенских князей и др.). В рукописи отсутствует ряд исправлений, сделанных в тексте Румянцевского II списка, что говорит об общем протографе для обеих рукописей [5]. Об общности протографа говорит перестановка глав Глинских и Пронских князей, имеющаяся в обоих списках. Но в Румянцевском II оговаривается, что эти главы расположены неправильно, а в № 362 такой оговорки нет. Очевидно, неправильное расположение было в самом протографе, но в Румянцевском II оно уточнено. Ряд росписей в списке № 362 по сравнению с Румянцевским II продолжен (росписи Горенских, Сухоруких, Приимковых и др.). Самый текст этого списка попорчен, росписи некоторых родов перебиты.

К протографу Румянцевского II и № 362 близок протограф списков F IV, № 264 и Собрания ОЛДП, XXXII. Он был составлен позднее, очевидно, в начале XVII в. Последним царем в этих родословцах назван В. И. Шуйский, состав лиц в некоторых росписях (князей Сицких, Шуйских, отдельных фамилий из рода Оболенских князей и др.) доведен до первой трети XVII в. Так же, как и в № 362, в этих списках нет некоторых исправлений Румянцевского II. Оба списка дефектные, ряд глав в них утрачен, многие листы перебиты. Протограф № 264 составлен между 1615 и 1641 гг. [6] Непосредственный протограф списка XXXII был составлен в 30-е годы XVII в. Об этом говорят три записи, относящиеся к 1634 г., характерные только для этого списка. Очевидно, они были внесены в протограф списка в момент его составления. Записей, относящихся к более позднему времени, в рукописи нет. Состав лиц, записанных в родословную и близких к № 264, подтверждает такую датировку. Возможно, что здесь более поздняя обработка протографа № 264. Об этом говорит перестановка фамилий в главе «Род князей Тверских», имеющаяся только в этих списках. Список XXXII приближается к спискам 2-го извода. В нем появляются росписи Вяземских, Нащокиных, Мосальских, редакция родословия Глинских князей, характерная для 2-го извода, есть ряд чтений 2-го извода в главах «Род Свибловых» и «Род Нащокиных». В родословной есть все упоминания о службах, записанные во 2-м изводе. Сам список — один из наиболее поздних и испорченных,

---

[5] В списке № 362 про князя Ростислава Мстиславича говорится, что он был на великом княжении «в Смоленску» (стр. 40), в Румянцевском II «в Смоленску» исправлено на «на киевском» (л. 98), в № 362 отсутствуют некоторые большие исправления, сделанные в Румянцевском II в росписях Ласкиревых, Плещеевых, князей Мещерских.

[6] Об этом говорит запись о А. Ю. Сицком — «ныне боярин». А. Ю. Сицкий впервые упоминается в источниках в 1598 г., боярин с 1615 г., умер около 1641—1644 гг. (С. П. Мордовина. «Соборный приговор» как источник социального состава Земского собора 1598 г. Дипломная работа. Приношу благодарность автору за предоставленные сведения). Других данных, позволяющих уточнить эту датировку, в рукописи нет.

поэтому трудно определить, имеем ли мы дело с обработкой рукописей 1-го извода при создании протографа 2-го или здесь сказалось влияние 2-го извода на поздние списки 1-го.

Для двух других списков (ф. 181, № 178 и 32.15.18) Румянцевский II является протографом. Они содержат текст Румянцевского II со всеми исправлениями, сделанными в основном тексте, и с приписками, сделанными почти одновременно с написанием самого списка. По некоторым искажениям текста списка № 178 видно, что эти списки восходят к Румянцевскому II, а не к тому списку, по которому сделаны исправления: в нем неправильно вставлены в текст приписки к роду Кобылиных и Щепиных-Ростовских. В Румянцевском II дети Дмитрия Борисовича Внучка и его братьев записаны на полях с выносным знаком. Из-за этого выносного знака в № 178 они записаны в тексте сразу после Д. Б. Внучка. Таким образом, его братья Петр и Иван, в Румянцевском II идущие в основном тексте вслед за Внучком, в № 178 записаны после своих же детей. Аналогичная ошибка и в роде Кобылиных, где из-за приписки, сделанной под строкой, сын Дмитрия Облязова записан раньше его самого. Несмотря на то, что Румянцевский II, несомненно, является протографом этих двух списков, они восходят к нему не непосредственно. Оба списка составлены в конце XVII в., но они содержат только ранние приписки и исправления Румянцевского II. Исправления и вставки XVII в. в главы Ласкиревых, Плещеевых, Нагих в № 178 и 32.15.18 не попали. Кроме того, текст списка № 178 попорчен; в нем много перебитых глав, хотя сама рукопись в очень хорошем состоянии. Очевидно, оба эти списка восходят к Румянцевскому II через какую-то копию, сделанную с него еще в XVI в.

Списки 2-го извода сохранились лучше. Среди них очень ветха только рукопись F IV, № 788, содержащая лишь отрывки глав. В рукописи ф. 181, № 1139 утрачены главы Тверских князей, Софронских, Полевых, Белеутовых, Хвостовых, Даниловых, обрывается рукопись на главе с родом Мосальских князей. Наиболее попорчена рукопись ф. 115, № 107. В ней много пропусков в главах, искажено написание имен и фамилий (Самодуровы вместо Сабуровы, Сепкин вместо Серкиз и др.).

Для списков 2-го извода можно выделить ряд групп, непосредственно восходящих к протографу всего извода. Ближе других к 1-му изводу списки БАН, 34.2.24; ЦГАДА, ф. 181, № 76; ЛОИИ, ф. 115, № 107, и ГПБ, F XVII, № 102. Они составляют самостоятельную группу. Другую, тоже самостоятельную группу составляют три списка ЦГАДА, ф. 181, № 85, и 1139, а также ф. 201, № 82. Списки близки между собой, но имеют ряд чтений, выделяющих их среди других списков извода. Все они носят следы обработки в конце XVI — начале XVII в. Последним царем в списках второй группы назван Борис Годунов (кроме № 82), в списках первой группы он назвал убийцей царевича Дмитрия. По составу записанных лиц списки этой группы ближе к рукописям 1-го извода.

Особое место занимают списки ЦГАДА, ф. 181, № 282: ГИМ, Увар., 766 и БАН, 33.6.24. Они, несомненно, восходят к самостоятельному протографу. В них отсутствуют главы с росписями Белеутовых, Денисьевых, Волконских, Совиных и Еропкиных, а Беклемишевы идут не 39-й главой, как в других списках извода, а 24-й; также почти тождественны и тексты [7].

Наиболее выделяются среди рукописей 2-го извода шесть списков (ГБЛ, ф. 29, № 1527; ф. 205, № 180; ГИМ, Муз., 2989; Черт., 27; ГПБ, Q IV, № 46; F IV, № 788 — группа Филарета Никитича), состоящие из 59 глав. По числу и расположению глав они наиболее близки к указанным выше трем спискам, но имеют свои особенности: роспись Пушкиных

[7] В рукописи Собрания ОЛДП, XXXII Беклемишевы записаны в 28-й главе.

в них включена в главу «Род Свибловых», как в списках 1-го извода. Самая роспись Свибловых идет 15-й главой (в остальных списках — 25-й — 28-й), а род Морозовых — 16-й главой (вместо 36-й — 37-й глав остальных списков). Глава «Род Кобылин» в этой группе помещена 8-й вместо главы «Род Смоленских князей», которая стала 18-й. Этим перемещением нарушена существующая во всех списках родословных книг связь между главами смоленских и ярославских князей, так как ярославские князья везде пишутся как происходящие от смоленских и идут следующей главой за росписью смоленских князей. На рукописях № 180 и № 1527 записи: «Сия книга святейшего патриарха Филарета Никитича всеа России келейная»[8]. Все эти рукописи имеют, несомненно, общий протограф, два списка XVIII в. — № 1527 и Черт., № 27 — имеют одинаковые пропуски в главе ростовских князей, соответствующие лл. 16 об.— 17 № 180, но в них встречаются более правильные чтения и отсутствуют некоторые пропуски списков XVII в. этой группы. Группа Филарета Никитича восходит к протографу извода через протограф списков № 282, 766 и 33.6.24.

Списки 2-го извода — более поздние по составу упоминаемых в них лиц, чем списки 1-го извода; обычно в них добавлено еще одно-два поколения, но приписка Румянцевского II списка приближают состав записанных в нем лиц к спискам 2-го извода. Однако эти приписки не всегда совпадают с теми дополнениями, которые мы находим во 2-м изводе. Кроме новых лиц, в списках 2-го извода есть ряд известий о службе, опричных казнях, восходящих непосредственно к протографу извода и отсутствующих в списках 1-го извода. Эти сведения, которых нет в других списках родословных книг, часто уникальны. Но рукописи 2-го извода имеют ряд пропусков, иногда искажающих текст; их надо сверять со списками 1-го извода. Хотя последние и более ранние по составу, некоторые, наиболее известные во второй половине XVI в. фамилии в рукописях обоих изводов одинаковы (росписи князей Голицыных, Трубецких, Бельских; ростовских князей, суздальских; многих фамилий из рода ярославских князей). Среди князей Голицыных последним в обоих изводах названы дети Ивана Юрьевича и его брата Василия — И. Ю. и В. Ю. Голицыны — деятели 60—70-х годов XVI в. Оба они стали боярами в 1573 г.; их служба прослеживается до 80-х годов XVI в.[9] Оба извода называют Василия Федоровича Скопина-Шуйского[10]. В другой ветви Шуйских последними названы дети Петра Ивановича Шуйского — Иван и Никита. П. И. Шуйский, по записям списков 2-го извода, погиб в Полоцком походе в 1564 г.[11] В списках 2-го извода Ф. М. Троекуров, окольничий с 1581 г., упоминается в тексте, а в Румянцевском II он приписан[12]. Его дядя, Иван Михайлович Троекуров, выбыл из Думы в 1563 г.[13] Все списки называют его детей. Во всех родословцах назван Василий

[8] В каталоге библиотеки Филарета Никитича, составленном в 1630 г., есть запись «Книга родословец, в полдесть», а в дополнениях к каталогу под 1631 г. запись «Книга степенная царского родословия Русския земли... у государя патриарха в келье» (Каталог печатным книгам и рукописям, находившимся в библиотеке патриарха Филарета Никитича. Сборник Муханова. М., 1866, стр. 377, 381). Обе эти записи можно связать с записью на рукописях № 180 и 1527, так как родословные иногда имеют заголовок «Книга степенная», а указание «келейная» можно в какой-то мере связать с упоминанием «у государя патриарха в келье».

[9] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 77. Один из сыновей И. Ю. Голицына — Иван — упоминается в разрядах с 1576 г. (ГИМ, Щук., № 496, л. 512 об.). Его брат Андрей — с 1580 г. (там же, лл. 681 об., 731).

[10] Боярин с 1577 г., дожил до смерти Ивана IV (А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 78).

[11] ГБЛ, ф. 205, № 180, л. 20.

[12] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 78.

[13] Там же, стр. 71.

Иванович Мстиславский; в списках 2-го извода записано, что он «преставися бездетен в Великом Новегороде в лето 7090-го»[14]. В росписи Борисовых-Бороздиных последними названы дети опричника Никиты Васильевича Бороздина, казненного около 1575 г.[15] В обоих изводах роспись Трубецких кончается Никитой Романовичем и его братом Тимофеем. В Румянцевском II приписаны их дети[16].

Кроме этих лиц, списки 2-го извода называют более поздних деятелей. В них записаны дети Бориса Петровича Хованского, брата опричника Андрея Петровича[17], значительно расширена роспись князей Лыковых-Оболенских и Кашиных-Оболенских[18]; на два поколения увеличена роспись Яхонтовых. В списках 2-го извода продолжена роспись Нагих.

Росписи опричных родов, включенные во 2-й извод, доведены до самих опричников и их детей. Так, фамилия Зюзиных доведена до детей опричника Василия Григорьевича Зюзина, фамилия Собакиных — до братьев царицы Марфы Собакиной. Вяземские князья доведены до детей опричника Афонасия Вяземского. В росписи Нащокиных названы дети Романа Васильевича Алферьева-Нащокина, а он сам уже имеет звание печатника[19]. В росписи Друцких князей последним назван сын опричника — Дмитрий Данилович Друцкой[20].

Кроме отличия в составе лиц, записанных в обоих изводах, списки 2-го извода имеют много записей разрядного характера. Эти записи, очевидно, делались в рабочем порядке и сведены все вместе в протографе 2-го извода. Отдельные сведения (о побеге А. М. Курбского, бегстве в Литву И. И. Губки и др.) есть в Румянцевском II, но они носят характер приписок и попали в него не из протографа, о чем говорит их отсутствие в № 362. Часть записей о службе есть и в других списках 1-го извода. Они имеют одну редакцию для всех списков, что указывает на единый источник, из которого записи брались. В основном они касаются участия в сражениях и походах.

Убитым в Полоцком походе в 1564 г., кроме князя П. И. Шуйского, назван князь В. Ф. Сицкий[21]. Назван убитым под Кесью князь А. А. Прозоровский[22]. Про князей Семена, Василия, Федора и Андрея Дмитриевичей Палецких сказано, что они «побиты на ратех от Литвы»[23]. Сгоревшими при московском пожаре 1571 г. названы И. Д. Бельский и М. И. Вороной[24].

Списки 2-го извода упоминают ряд опричных казней, среди них казнь И. П. Федорова-Челяднина в сентябре 1568 г.[25] Федор, Осиф и Григорий Ивановича Хохолковы названы «побитыми от государя»[26]. Списки 1-го извода только называют этих лиц, но ничего о них не говорят.

---

[14] ГБЛ, ф. 205, № 180, л. 10 об.; ГИМ, Музейное собрание, № 2989, л. 3 об.; ЦГАДА, ф. 181, № 76, л. 195 и др.

[15] В. Б. Кобрин. Состав Опричного двора Ивана Грозного. «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 27.

[16] Н. Р. Трубецкой упоминается в разрядах с 1571 г. (ГИМ, Щук., № 496, л. 473, 499 об. и др.), Т. Р. Трубецкой — с 1572 г. (там же, л. 498 об.).

[17] В Румянцевском II они приписаны в XVII в. вместе с детьми А. П. Хованского.

[18] М. Ю. и Ф. И. Лыковы, приписанные в Румянцевском II и записанные в тексте списков 2-го извода, начали службу в 1576—1577 гг. (ГИМ, Щук., № 496, лл. 543 об., 560).

[19] Р. В. Нащокин стал печатником в 1571 г. (В. Б. Кобрин. Указ. соч., стр. 51).

[20] Д. Д. Друцкой упоминается в разрядах с 1576 г. (ГИМ, Щук., № 496, л. 552).

[21] ЦГАДА, ф. 181, № 1139, л. 22 («Убили в Полотцку со князем Петром Шуйским»).

[22] ЦГАДА, ф. 181, № 282, л. 136; № 1139, л. 21 и др.

[23] БАН, 33.6.24, л. 66; 34.2.24, л. 77 об.; ГПБ, F XVII, № 102, л. 23 об. и др.

[24] И. Д. Бельский назван сгоревшим и в списках 1-го извода (ГБЛ, ф. 256, № 349, л. 71; ф. 205, № 180, л. 12 об. и др.).

[25] БАН, 33.6.24, л. 113; ЦГАДА, ф. 181, № 76, л. 261; ф. 201, № 82, л. 107 и др.

[26] ЦГАДА, ф. 181, № 1139, л. 9 об.

Интересна роспись Погожих и Тяпкиных, общая для обоих изводов. В ней сообщаются сведения о службе Тяпкиных; в частности, Иван Иванович назван наместником в Калуге в 1523 г.[27], а Матвей Семенович — наместником в Мценске в 1537 г.[28] Для списков 2-го извода интересна подробная роспись Полевых и Еропкиных, которая содержит наиболее поздние записи для всех списков извода, в частности, сведения о том, что Ф. М. Еропкин убит под Ругодивом в 1590 г.

Списки 1-го извода содержат более исправный текст, чем 2-го. От рукописей 1-го извода текстологически наиболее удалены списки группы Филарета Никитича и близкие к ним. Во всех списках 2-го извода есть пропуск в росписи литовских князей среди детей И. В. Хованского, где пропущен его сын И. И. Ушатый, причем ниже во всех списках 2-го извода перечислены дети Ивана Ивановича Ушатого.

Как это ни парадоксально, в рукописях, восходящих к родословной Филарета Никитича Романова, наиболее искажена роспись рода Кобылиных, из которого вышли Романовы. Пропусков в этой главе больше, чем в других списках 2-го извода. В частности, в них искажена роспись Лодыгиных.

Глава «Род Свибловых», наоборот, более исправна в списках 2-го извода, списки 1-го содержат пропуски в росписи Бутурлиных.

Очень интересно для истории развития текста одно место из той же росписи Бутурлиных[29].

Румянцевский II, л. 201	Ф. 181, № 85 (2-й извод), л. 121 об.	Группа Филарета Никитича, № 180, л. 68об.	Ф. 181, № 282
А у Михаила Ондреевича Бутурлина сын Иван. [У Ивана: Петр, Федор, Василей]. А у Дмитрея Ондреевича Бутурлина дети [Иван, Роман, Левонтей, Богдан. У Левонтья — Федор]	А Михайлов сын Бутурлина... А Иванов сын Бутурлина Петр. А Дмитреевы дети Бутурлина: Иван, да Роман, да Левонтей, да Богдан	А Михайлов сын Буторлина Иван. А Ивановы дети Буторлина.. А Дмитреевы дети Буторлина: Иван, да Роман, Леонтей, Богдан. А Леонтьев сын Бутурлина	А Михайлов сын Бутурлина Иван. А Ивановы дети Бутурлина Дмитрий. А Дмитриевы дети Бутурлина: Иван, да Роман, да Левонтей, да Богдан. А Левонтьев сын Бутурлина Федор *

* Временник, стр. 170.

Историю этой редакции можно представить следующим образом. Ее 1-й извод, судя по включенным в него лицам, мог быть составлен в 60 — начале 70-х годов XVI в. Позднее появился 2-й извод. Судя по некоторым исправленным пропускам списков 1-го извода и более правильным написаниям имен[30], протограф 2-го извода восходит непосредственно к протографу всей редакции, а не 1-го извода. По сравнению с этим изводом в нем сокращены предисловия к родам, дополнены уже существовавшие росписи, внесены новые главы, сделан ряд записей разрядного характера. Эти записи, иногда проверяемые по разрядам простран-

[27] ЦГАДА, ф. 181, № 76, л. 297 об.; ф. 201, № 82, л. 166 об. и др.
[28] ЦГАДА, ф. 181, № 282, л. 169 об.; № 362, л. 168.
[29] В квадратных скобках указаны приписки на полях.
[30] Кроме указанного выше пропуска в главе «Род Свибловых», исправлены пропуски 1-го извода в главах «Род Оболенских князей», «Род Сабуровых и Годуновых». В списках 1-го извода есть чтения: Василий Никитич Оболенский вместо Михайлович и ряд других.

ной редакции[31], говорят о том, что были использованы материалы Разрядного приказа. В основном внесенные во 2-й извод главы и расширенные росписи отдельных родов касаются опричных фамилий, но, судя по записанным в них лицам и по отсутствию сведений о службе в опричнине[32], их скорее можно отнести к концу царствования Ивана IV. Дополнения Румянцевского II списка были сделаны после составления протографа 2-го извода, так как приближают состав лиц рукописи к составу 2-го извода, но носят самостоятельный характер.

Изучаемая редакция существовала примерно три последних десятилетия XVI в., но отдельные дополнения в ее списки вносились до 30-х годов XVII в. Судя по многочисленным разрядным записям, ее эволюция была связана с деятельностью Разрядного приказа. Это тем более вероятно, что такого количества сведений о военной службе мы не встречаем в других редакциях родословных книг. Очевидно, за время своего существования она использовалась как официальный документ. Хотя рукописи этой редакции не имеют никаких официальных помет, интересно упоминание о принадлежности рукописи патриарху Филарету. У нас нет сведений о том, что членам семьи Романовых принадлежали какие-либо другие списки родословцев. При рассмотрении частной рукописи Филарета Никитича интересны два момента: для ее составления использовалась именно эта редакция, а не имевшийся в то время «Государев родословец»; с рукописи патриарха делались копии и происхождение их оговаривалось, что отсутствует в других родословных книгах.

Какое место занимает эта редакция родословных книг среди других редакций XVI в., покажет дальнейшее исследование.

В данной статье приняты следующие сокращения:

БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея в Москве
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР
ОЛДП — Общество любителей древней письменности в ГБЛ
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

---

[31] В пространной редакции есть запись о смерти под Коловерью И. А. Шуйского и некоторые записи о службах.

[32] Среди всех записанных в родословцы опричников названы службы в опричнине только Р. В. Алферьева и князя Вяземского.

А. Л. Станиславский

К ИСТОРИИ ВТОРОЙ «ОКРУЖНОЙ» ГРАМОТЫ ШУЙСКОГО

17 мая 1606 г. был убит первый самозванец. Три дня лежал его труп на торжище «наг, яко ж от чрева матери своея», а в народе уже ходили тревожные слухи о новом спасении царя Дмитрия. Глухо говорили о бегстве из Москвы Михаила Молчанова. На Василия Шуйского, посаженного на «превысокое Московское царство» без «совета со всей землей», уже готовились подняться новые враги. Обличение первого самозванца было для Шуйского в то же время борьбой с еще невидимыми ворами, с «болезнью самозванщины», которая вскоре прокатилась по всей России. Неустойчивость политической обстановки, чреватая новыми угрозами, обусловила острую публицистическую направленность первых грамот и сказаний о Лжедимитрии. Вместе с тем у правительства было несколько недель (больше, чем в любой другой момент «Смуты») для того, чтобы обосновать исторически и документально свои обвинения. В июне 1606 г. официальная история первого самозванца, не претерпевшая существенных изменений за время «Смуты», уже была написана.

Май и июнь 1606 г.— первый период в историографии «смутного» времени.

В Посольском приказе формируются в особые связки документы, изобличающие убитого царя[1]. Одна за другой по всей России рассылаются грамоты от имени бояр[2], Василия Шуйского[3], матери царевича Дмитрия инокини Марфы[4]; самозванец обвиняется в тайных сношениях с Польшей и Римом, вероотступничестве, многочисленных убийствах и т. д. От грамоты к грамоте эти обвинения делаются все более конкретными и окончательно оформляются во второй «Окружной» грамоте Шуйского. Позднейшие грамоты в основном варьируют и упрощают аргументацию этой грамоты, не прибавляя к ней ничего нового. Современник пишет: «И еже паки не во мнозех днех второе посылает царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии грамоты, яко развращены и прелщены людие проклятым еретиком Гришкою Отрепьевым, воровским его умышлением и бесовским научением и помрачением зело прелщены, и чающе истинно царевым сыном приснопамятного блаженные памяти великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца. И то мнение отводит от тех, и в разум истинный приводит, и в целомудрии укрепляет, и, истинну всем наяво приводя, известуя сице...»[5]

Источниковедческий анализ второй «Окружной» позволяет нам уточ-

[1] Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 95—96, лл. 181—184.

[2] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГ и Д), ч. 2, 1819, № 142.

[3] СГГ и Д, ч. 2, № 147; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук (далее ААЭ), II. СПб., 1836, № 48.

[4] СГГ и Д, ч. 2, № 146.

[5] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. 13. СПб., 1891, стр. 73.

нить время ее составления и высказать несколько общих соображений о происхождении «программных» грамот «смутного» времени, которые, по словам А. А. Назаревского, «не только шли в ногу со всей тогдашней литературой, но в некоторых случаях и опережали более устойчивые литературные жанры, сами будучи более подвижными, непосредственно связанными с жизнью народных масс и их живой образной разговорной речью» [6].

Вторая «Окружная» грамота Шуйского (в списках) 6 июня 1606 г. была послана в Пермь князю Семену Юрьевичу Вяземскому и подьячему Ивану Федорову [7]; 10 июня — в Псков окольничему Василию Петровичу Морозову, князю Федору Андреевичу Звенигородскому, дьякам Ивану Грамотину и Антипу Рубцову [8]; 20 июня — в Казань боярину и воеводе Степану Александровичу Волоскому, князю Михаилу Семеновичу Туренину, дьякам Ивану Зубову и Афанасию Евдокимову [9]; 28 июня — в Соль Вычегодскую таможенному голове Федору Верещагину [10]; 2 июля — в Великий Новгород боярину и воеводе князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, оружничему и воеводе Борису Яковлевичу Бельскому [11].

Без адресата вторая «Окружная» грамота Шуйского вошла в «Иное сказание о самозванцах» [12]. Приложения к грамоте (отдельно от нее) сохранились в составе Пискаревского летописца [13] и в рукописном сборнике, составленном в понизовом городе Цивильске в конце XVII в. [14] Есть еще один текст второй «Окружной» грамоты, по которому она была издана первый раз; это грамота, адресованная в Пермь князю Семену Юрьевичу Вяземскому и подьячему Ивану Федоровичу (датирована 2 июнем 1606 г.) [15]. Ее происхождение необычно. Нам известна грамота в Пермь от 6 июня, поэтому трудно объяснить, зачем правительству понадобилось посылать подряд две грамоты в один город. Вероятно, именно этот список имел в виду С. Ф. Платонов, когда указывал: «Грамоту эту рассылали из Москвы по городам в течение всего июня 1606 года, начиная со 2 числа —

[6] А. А. Назаревский. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала 17 века. Киев, 1961, стр. 78.

[7] ААЭ, II, № 48, подлинник находился в архиве Соликамского уездного суда. Д. Бутурлин. История смутного времени, ч. 2. СПб., 1841, прилож., стр. 3—18; Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), портфели Миллера, ф. 199, ед. хр. 133, ч. 1, № 16, лл. 41—48. В списке, которым пользовался Д. Бутурлин, нет даты, в остальном он не отличается от текста грамоты, напечатанного в ААЭ по подлиннику.

[8] Извлечения из грамоты см. П. Г. Любомиров. Новые материалы для истории смутного времени. «Уч. зап. Саратовского университета», т. 5. Саратов, стр. 102—103.

[9] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 101—112. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (далее — ГИМ), Собрание Уварова, № 593, лл. 240—258, список середины XVII в.

[10] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ). O IV 17, лл. 260—278 об., список начала XVII в.

[11] ГПБ, F IV 697, лл. 370—383, список конца XVII в.; ГБЛ, Собрание А. Н. Попова, № 2529, лл. 240—251, список середины XVII в. В последнем списке особенно четко выражено стремление правительства убедить в самозванстве лживого царя все слои населения: «послали бы есте по нашим дворцовым селам и черным волостям к нашим дворцовым прикащикам и к земским старостам, к целовальникам, в патриаршьи я в метрополичьи, и архиепископли, и епископли, и в монастырския, и бояр наших, и дворян, и детей боярских, и всяких служилых людей в отчины и в поместья, во весь Новгородский уезд».

[12] РИБ, т. 13, стр. 72—95.

[13] Материалы по истории СССР, вып. II. М., 1955. стр. 115—122.

[14] ГБЛ, Собрание А. Н. Попова, № 2529, лл. 386—403.

[15] СГГ и Д, ч. 2, № 147, список. Подлинника нам, к сожалению, найти не удалось. «Распросные речи Бучинских» напечатаны отдельно, в списке под № 140. В подстрочных примечаниях к грамоте указано: «Здесь следует показание Бучинских, помещенное выше под № 140 (СГГ и Д. ч. 2, стр. 310). Очевидно, под № 140 помещено извлечение из этой грамоты. Запись Лжедмитрия в Самборе также исключена из грамоты, но напечатана по подлиннику под № 76 (ЦГАДА, Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия I, ф. 149, № 1. Второй «Окружной» грамоты и «Распросных речей» в этом фонде нет).

дня, когда мощи царевича были принесены под Москву»[16]. Но 2 июня грамота никак не могла быть написана, так как в ней вполне определенно сказано, что она «писана на Москве»[17] (а не под Москвой) после того, как раку с телом царевича Дмитрия «поставили в церкви Архангела Михаила, и от его святых мощей пролились реки милосердия». Можно предположить, что в подлиннике числа не было (июня в ... день), а один из переписчиков или издатели букву В прочитали как цифру 2.

Но в ряде мест грамота, напечатанная в СГГ и Д, так сильно отличается от всех остальных списков второй «Окружной» грамоты, что мы не можем приписать все разночтения только небрежности переписчиков.

П. Г. Любомиров первый обратил внимание на то, что в грамоте, посланной в Псков 10 июня, рассказ о чудесах от гроба Дмитрия продолжен по сравнению с грамотой в Пермь от 6 июня[18]. Грамота в Пермь: «В первой день исцелил всякими розными болезньми тринадцать человек, а в другой день, июня в 5 день, двенадцать человек и до сего дни непрестанно исцеляет». Грамота в Псков: «Многие больные различными болезными тринадцать человек, а в другой день, июня в 6 день, двенадцать человек, июня в 7 день исцелил трех человек. Июня в 8 день исцелил 6 человек и до сего дня непрестанно исцеляет». Несмотря на то, что в первой грамоте исцеления начинаются 4 июня, а во второй 5, очевидно, что в некоторых случаях перечисление чудес от гроба царевича Дмитрия можно использовать для приблизительной датировки списков второй «Окружной» грамоты.

В грамоте, напечатанной в СГГ и Д, не говорится об исцелениях во второй день: «впервые уздоровил болезнями содержимых человек 13 и посямест уздоровляти не перестает». Мы думаем, что эта грамота была написана 4 или 5 июня и является черновым вариантом грамоты, посланной 6 июня в Пермь[19]. Тогда становится понятно, почему в черновике не было даты составления этого документа. «Распросные речи Бучинских» в варианте второй «Окружной» грамоты несколько сокращены, но совершенно так же, как в «Приложениях», которые дошли до нас отдельно от второй «Окружной» грамоты. Сопоставим все три документа:

«Распросные речи Бучинских» в Пискаревском летописце и Цивильском сборнике	Черновой вариант грамоты в Пермь	Грамота в Пермь от 6 июня
«Поляки де и Литва выедут все вооружены»	«Поляки де и Литва выедут все вооружены»	«Поляки де и Литва выедут все в збруе и с копьи, и со всяким боем»
«а они де тому кланяются, и в церковь де так ходили»	«а они де тому кланяются, и в церкви де так ходили»	«а они де тому кланяются и держат иконы и кресты в великой чести, и поляки де, и лютори, и колвинцы, и в церкви де так ходили»
«Все де делалось по моему хотению и воле. А которые де...»	«Все делалось по моему хотению и воле. А которые де...»	«Все делалося по моему хотению и воле, и в царских дверех миром помазывали, и во многолетье пели во всех церквах. А сами де они знают, что посяместа, опричь римской веры, в греческой вере цесаря не бывало. А которые...»

[16] С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. СПб., 1899, прим. 97.

[17] В Москву мощи царевича Дмитрия привезли 3 июня; об этом пишут все современники.

[18] П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 99. Грамоты в Казань, Соль Вычегодскую и Великий Новгород не отличаются в этой части от грамоты 6 июня в Пермь.

[19] Точно так же писалась официальная история «смуты» и в 1613 г. Сохранившийся в делах Посольского приказа первоначальный проект исторического введения к «Утвержденной грамоте» был впоследствии заменен новым. См. Л. В. Черепнин. Смута в историографии XVII в. «Исторические записки», № 14, 1945, стр. 92.

Первая редакция «Приложения» рассылалась по городам еще до составления второй «Окружной грамоты». В Цивильском сборнике документы о «смутном» времени собраны в отдельной тетрадке и расположены в хронологической последовательности (в какой они, вероятно, присылались в Новгород) в следующем порядке:

Лл. 328—386. Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов (РИБ, т. 13, стб. 145—176).

Лл. 386—403. Приложения ко второй «Окружной» грамоте Шуйского («Распросные речи Бучинских» в краткой редакции и «Лист утвержденной того Гришки с воеводою Сандомирским»).

Лл. 403—425. Вторая «Окружная» грамота Шуйского в Великий Новгород с приложениями. («Распросные речи Бучинских» в окончательной редакции).

Лл. 425—438 об. Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства (РИБ, т. 13, стб. 219—234).

Изменения, происшедшие в грамоте, посланной в Пермь 6 июня, по сравнению с черновым ее вариантом, носят характер искусной литературной правки. Простые и точные образы чернового варианта в грамоте уже более напоминают отвлеченно-витиеватый язык троицких писателей:

Черновой вариант грамоты в Пермь	Грамота в Пермь от 6 июня
«и встал противу бога»	«и встал на бога богов»
«его душу скорою и злою смертью из того света потребил»	«вскоре его злобесную душу испроверг»
«а на Российское государство посадил нас»	«а на российское государство изобрав нас»
«царевича Дмитрея Ивановича не стало после убивства Бориса Годунова, которой, что невинной агнец убит и святая и праведная его душа, а потребен есть в Угличе»	«благоверный царевич князь Дмитрей Иванович по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое заклася, и святая его праведная и непорочная душа отъиде в вечное блаженство, в небесное царство, а тело его святое погребено на Угличе»

В некоторых случаях влияние именно церковного литературного языка представляется нам несомненным. В черновом варианте: «и его святыя мощи и платье цело и ничем не вредимо». В грамоте от 6 июня: «и его целбоносные мощи и ризы все целы и тлению непричасны». В черновом варианте: «кафтан весь таково же». В грамоте от 6 июня: «саван на нем весь цел» и т. д.

Историю первого самозванца начали писать дьяки в канцелярии Посольского приказа. В описи архива Посольского приказа 1614 г. мы находим все документы, о которых сообщает вторая «Окружная» грамота (кроме «Распросных речей Бучинских») [20].

В грамоте: «да к вору ж еретику к растриге Гришке Отрепьеву писал папин легат». В описи: «грамота папина легата к розстриге». В грамоте: «да папа же писал к кардиналу Краковскому». В описи: «грамота с списка папы Павла к Бернарду Мацеевскому, кардиналу Краковскому» и т. д.

«Приложения» первоначально рассылались отдельно от второй «Окружной» грамоты, может быть, с поздними списками первой. Без изменений они вошли в черновик второй «Окружной» грамоты, но уже через день были перередактированы вместе с черновиком опытными писателями [21]. Сформулировать все обвинения против самозванца правительству Шуйского удалось только после длительной работы, в которой принимали участие не только дьяки, но и писатели-монахи. Участие писателей в составлении второй «Окружной» грамоты прямо указывает на близость грамот к сказаниям «смутного» времени.

[20] Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 181—189.

[21] Вероятно, и черновик грамоты составлялся при участии тех же писателей. Его исправление — это лишь последняя их работа.

Н. П. Долинин

К РАЗБОРУ ВЕРСИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МИХАИЛА РОМАНОВА О И. М. ЗАРУЦКОМ

И. М. Заруцкий, один из видных участников гражданской войны начала XVII в., в исторической литературе получил весьма противоречивую оценку. Определялась она не только различным пониманием историками социально-политических процессов того времени, но и общим состоянием источниковедческой базы.

Дворянско-буржуазные историки расценивали вслед за публицистами XVII в. события начала XVII в. как «смутное» время на Руси, как явления антиобщественного порядка, вызванные выступлением антигосударственных элементов, в первую очередь казачества. Иван Заруцкий представлялся им внутренним врагом, противником существовавшего на Руси общественного строя [1].

Советские историки рассматривали историю России начала XVII в. с иных позиций. Так, С. И. Тхоржевский считал гражданскую войну того времени борьбой социальных низов, способных перевернуть все здание русского общества. Движению, связанному с И. М. Заруцким, в первые годы советской власти уделялось значительное внимание (особенно в Астрахани), даже больше, чем восстанию И. И. Болотникова, а самого И. М. Заруцкого считали как бы предшественником С. Разина [2].

В конце 30-х годов наметилось иное толкование роли Ивана Заруцкого (да и всего казачества) в социально-политическом кризисе начала XVII в., и в частности в астраханском восстании. В. Н. Бернадский и А. И. Козаченко [3] расценивали казаков Заруцкого как грабительскую шайку искателей приключений и наживы. Самого же казачьего воеводу они рассматривали лишь как авантюриста и польского шпиона. В. Бернадский писал, что казачество в момент астраханского восстания 1613—1614 гг. «переста-

---

[1] С. М. Соловьев утверждал, что «хозяевами» И. М. Заруцкого были казаки (см. С. Соловьев. История России с древнейших времен, книга V, т. 9—10. М., 1961, стр. 27). По существу тех же взглядов придерживались С. Ф. Платонов и П. Г. Любомиров. П. Любомиров говорит о «противоземской роли казаков и особенно подмосковного правительства», а у Заруцкого видит желание «властвовать в стране по своему вкусу и склонностям» (П. Любомиров. Очерки истории нижегородского ополчения. М., 1939, стр. 101, 108).

[2] С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924, стр. 50.

[3] В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. «Уч. зап. Ленинградского педагогического института им. Герцена», т. XIX. Л., 1939; А. И. Козаченко. Разгром польской интервенции в начале XVII века, 1939. Точка зрения этих авторов нашла свое отражение и в последующей литературе (см. Е. В. Чистякова. Завершение борьбы с интервенцией. Организация нового правительства. «Очерки истории СССР Конец XV — начало XVII в.», гл. 3, § 12. М., 1955, стр. 603).

ло возглавлять борьбу крестьян и низов посада»[4] и «по своему составу и по характеру мало чем отличалось от банд лисовчиков»[5].

Такая трактовка казаков и их вождя И. Заруцкого, несомненно, была связана с распространенным до последнего времени взглядом на Лжедмитрия I и тушинского Лжедмитрия лишь как на ставленников панской Польши, возглавивших силы иноземной агрессии. При таком подходе к изучению темы игнорировался очевидный факт начавшейся в России гражданской войны, на которую имеются многочисленные ссылки в актовом и повествовательном материале источников, относящихся к этому времени.

За последнее время устанавливается иной подход к гражданской войне начала XVII в.[6], который позволяет пересмотреть приведенные выше точки зрения на этот вопрос.

Автор не имеет возможности в краткой статье подробно останавливаться на изложении восстания 1613—1614 гг. в Астрахани и предлагает лишь источниковедческий анализ событий, связанных с личностью И. М. Заруцкого.

Легенда о И. М. Заруцком, нашедшая свое выражение в правительственных грамотах 1614 г., имеет свою историю.

Деятельность И. М. Заруцкого — военачальника донских казаков сначала у первого самозванца, потом у И. И. Болотникова и, наконец, после гибели последнего, у тушинско-калужского Лжедмитрия — не привлекала внимания русских современников. Его больше знали иностранные, по преимуществу польские, участники происходивших событий, которые оставили краткие сведения о происхождении и деятельности Заруцкого в 1605—1610 гг. Записи иностранцев начала XVII в. говорят о И. М. Заруцком как о выдающемся деятеле тех лет[7].

В русских источниках имя Заруцкого привлекало внимание современников со времени создания первого ополчения[8].

Установившаяся в исторической литературе традиция не придает существенного значения деятельности мелкого южнорусского дворянства по созданию первого ополчения[9]. В действительности же активная роль в

---

[4] В. Н. Бернадский. Указ. соч., стр. 132.

[5] Там же, стр. 5.

[6] См. дискуссию о проблемах крестьянской войны в России начала XVII в. «Вопросы истории», 1958, № 3, 12; 1959, № 3, 7; 1960, № 6; 1961, № 5.

[7] Поляк С. Маскевич писал о Заруцком: «...прибывши в Россию, где прославился своею храбростью» (С. Маскевич. Записки. В кн.: Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии самозванце, ч. II, 1859, стр. 31). Н. Мархоцкий, знавший, очевидно, лично И. Заруцкого, писал, что тот обладал внушительной внешностью, ярко выделялся из среды донских казаков, с которыми долгое время жил на Дону, был энергичным деятелем [Historya Wojny moskiewskiej Przez Mikolaja Marchockiego. W. Poznaniu, 1841 (далее — Н. Мархоцкий), str. 108]. Незаурядным человеком изображал И. Заруцкого С. Жолкевский: «Неугомонная голова; ему доставало сердца и смысла на все, особенно ежели предстояло сделать что-либо злое..., много вредил нашим» [Записки гетмана С. Жолкевского. СПб., 1872 (далее — С. Жолкевский), стр. 116—117]. С определенной симпатией отзывался о Заруцком как о человеке, «достойном и сведущем в военном деле», грек Арсений Елассонский (А. Дмитриевский. Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары из русской истории. Киев, 1898, стр. 163). Положительно характеризовал И. М. Заруцкого в своей Хронике К. Буссов (К. Буссов. Московская Хроника 1584—1613 гг. М.— Л., 1961, стр. 144—145).

[8] Пискаревский летописец передавал: «Ивашко Заруцкой от простых людей, родился на Москве от выезжжелого литвина худого, был в воровстве у литвы и руских воров. да стал прямити Московскому государству, стоял под Москвой... много время...» (Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, стр. 140). С. Жолкевский и Н. Мархоцкий сообщают, что Заруцкий был родом из Тарнополя, мальчиком был увезен татарами, а затем ушел к донским казакам (С. Жолкевский, стр. 116—117; Н. Мархоцкий, стр. 108).

[9] Еще Л. М. Сухотин считал крупным упущением книги П. Г. Любомирова «Очерки истории нижегородского ополчения» отсутствие в ней анализа «настроений рязанских, украйных и заоцких городов», участвовавших в формировании первого

организации ополчения принадлежала бывшим тушинцам, вступившим на путь освободительной борьбы под влиянием народных движений в Калуге, Туле и Северской Украине. Правда, организацию ополчения возглавил воевода П. Ляпунов, начавший освободительную борьбу еще в октябре 1610 г., но в то же время и Калуга приобретает значение центра борьбы против подчинения страны польскому королевичу Владиславу и польским захватчикам [10], хотя в самом городе еще в декабре 1610 — январе 1611 г. находились сторонники Владислава.

И. М. Заруцкий в создании ополчения принимал деятельное участие и примкнул к народному стихийному движению, развернувшемуся в знак протеста против стремления польского короля завладеть Русским государством [11].

Возможно, у Заруцкого и были какие-то личные побуждения, заставившие его примкнуть к народному движению [12]. Но мы не имеем определенных данных, говорящих об авантюристических замыслах казачьего воеводы. Любопытно, что в черновике соборной грамоты Донскому войску, написанной 18 марта 1614 г. с целью поношения Заруцкого, слова «а после того как Заруцкий Сигизмунда III на Московское государство поднял (это является несомненной клеветой.— *Н. Д.*), опять от гетмана збежал в Колугу» [13] были зачеркнуты. В правящих кругах сочли, что переход Заруцкого на сторону Калуги в ту пору нельзя было назвать позорным [14]. Казачий атаман перешел на сторону Калуги при жизни самозванца, когда город выступил против московских бояр и подчинения Русского государства польскому королевичу Владиславу, т. е. фактически Польше. Словом, переход Заруцкого является отражением того факта, что освободительная

ополчения, и преувеличение роли Нижнего Новгорода в его создании (Л. М. Сухотин. Заметки на исследование П. Г. Любомирова. «Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.». М., 1915, стр. 4).

[10] О наличии освободительного движения против польских завоевателей в октябре 1611 г. см. следующие работы: Акты Западной России, т. IV. СПб., 1851, № 209, стр. 475—483; Дневник похода Сигизмунда III в Россию. Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. I. СПб., 1872, стр. 690—693; Акты исторические (далее — АИ), т. II. СПб., 1841, стр. 360—366; Dziennik I. P. Sapiehy (1608—1611) (далее — Дневник Сапеги); A. Hirschberg. Polska a Moskwa w piezwszej polowie wieku XVII. We Lwowie, str. 287—289; К. Буссов. Указ. соч., стр. 162—163, 168; Новый летописец, 1853, стр. 128; Казанская грамота в Вятку. Акты, собранные Археографической экспедицией (далее — ААЭ), т. II. СПб., 1836, № 170, 175, 177, 183, 188, 203 и др.; Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГ и Д), ч. 2. М., 1819, № 236, 239, 242, 251 и др. Псковские летописи, вып. II. М., 1955, стр. 275. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XIV, стр. 105.

[11] Вероятно, в феврале 1611 г. было написано письмо И. Заруцкого Я. П. Сапеге с обвинением короля Сигизмунда в «неправдах» и в нежелании выполнить августовский договор 1610 г. (Сборник Хилкова. СПб., 1879, стр. 77—79). Этот факт признавало правительство Романова: «Он, Ивашка Заруцкий, з бояры и воеводы ссылался (т. е. писал грамоты в города.— *Н. Д.*) и под Москву пришол на том же, чтобы ему польским и литовским людям их неправды мстить и царствующий град Москву от них очистить» [РИБ, т. 18. Донские дела. Раздел II. СПб. 1898 (далее — Донские дела)], № 18; ААЭ, т. III, № 23. О мотивах борьбы Заруцкого см. также: СГГ и Д, ч. 2, № 262.

[12] Н. Мархоцкий писал, что Заруцкий доброжелательно относился к полякам, «пока его жестоко под Смоленском не отвратили» (Н. Мархоцкий, стр. 108). По мнению С. Жолкевского, Заруцкий перешел на сторону самозванца в Калуге (когда польские войска подошли к Москве), не желая терпеть предпочтения, оказываемого гетманом (т. е. Жолкевским) молодому Салтыкову, «человеку знатного происхождения» (С. Жолкевский, стр. 117).

[13] Донские дела, № 18, стр. 96.

[14] Я. Сапега в грамоте в Переславль-Залесский (грамота без даты, возможно, декабря 1610 — января 1611 г.) призывал атаманов и казаков быть верными Владиславу потому, что он «будет вас жаловать своим царским великим жалованием, кто чего достоен». Противники же Владислава, по уверению Я. Сапеги, хотят «быть в старых чинах по-старому» (Сборник Хилкова, № 46, стр. 127). Но казаки и атаманы именно в поддержке Калуги и в первом ополчении, а не в помощи московских бояр, сторонников Владислава и Сигизмунда, видели возможность изменить свое социальное положение.

борьба и формирование первого ополчения проходили в сложных условиях скрытой и явной классовой борьбы.

Московские бояре, участники национально-освободительного движения в октябре 1610 г., относились к И. Заруцкому с крайним недоверием [15]. Они опасались антифеодальных выступлений со стороны южных отрядов ополчения. Поэтому в целом ряде грамот замосковных и поморских русских городов ничего не сказано о роли Калуги и Тулы, а также лично Заруцкого в создании ополчения [16].

Не только боярам, сидевшим в Кремле вместе с поляками, но и замосковному дворянству, а также посадской верхушке казался опасен казачий атаман, участвовавший в восстании И. И. Болотникова и в начальном периоде движения второго Лжедмитрия [17].

Однако в первом ополчении И. Заруцкий пользовался признанием, как один из его организаторов. Он был избран в состав руководящего триумвирата. В окружной грамоте в июне 1611 г., составленной от имени Д. Трубецкого, И. Заруцкого и П. Ляпунова, не говорилось об инициативе Рязани и Ляпунова при формировании сил первого ополчения [18].

Противоречия, возникающие в ополчении между казаками, крестьянами, холопами и дворянами Маскевич односторонне объяснял личными конфликтами между П. П. Ляпуновым и И. М. Заруцким из-за гетманства [19].

После гибели Ляпунова Иван Заруцкий пользовался авторитетом среди подмосковных полков, как «боярин и воевода», один из членов временного правительства, возглавившего борьбу против польских захватчиков [20].

---

[15] Д. М. Пожарский «послал заруцких казаков наговаривать, чтобы шли на их сторону служить» (АИ, т. II, № 303, стр. 389). Можно полагать, что казаки призывались для участия в борьбе против польских захватчиков.

[16] Вероятней всего, в декабре 1610 или начале января 1611 г. распространялась крестоцеловальная запись на верность Владиславу, в которой говорилось: «с воры со князем Дмитрием Трубецким и с Иваном Заруцким и с Прокофьем Ляпуновым и с их воровскими товарыщи, которые с ними воруют, ни в чем, ни в которых делех (не знаться.— *Н. Д.)* и с грамоты воровскими не ссылатца» (Сборник Хилкова, № 44, стр. 123; то же в СГГ и Д, ч. 2, № 203, но в другой редакции). В такой сложной обстановке и появилась Новая повесть с характерной для Троицкого монастыря платформой единения русских людей в борьбе с польскими захватчиками.

[17] К. Буссов передает, что в тяжелое время осады Тулы И. Болотников послал И. Заруцкого разузнать о государе, которому он присягал в Польше (К. Буссов. Указ. соч., стр. 145). В действительности речь шла о том, чтобы оказать помощь борющейся Туле. Заруцкий оказывается не в Польше, а в Северской Украине, в одном из крупнейших очагов антифеодального движения. А. Палицын сообщает, что болотниковцы «вскоре приведоша к себе на помощь польских и литовских людей и прежним обычаем нарекоша ложного царя Дмитрия от Северских городов попова сына Матюшку Веревкина» [Сказание Авраамия Палицына (далее — А. Палицын). М.—Л., 1955, стр. 116]. Какая-то связь между появлением И. Заруцкого в Стародубе и прибытием туда самозванца существует. С. Жолкевский признавал: «В первых порах славы этого самозванца Заруцкий был ему великой помощью» (С. Жолкевский, стр. 116).

[18] «Мы... всякие служилые люди украинных и северских и польских и замосковных и ноугородских и понизовых и поморских и всяких городов Российского государства всякие люди, соединясь, целовали промеж себя крест... за Московское государство... против польских и литовских людей... битися до смерти» (СГГ и Д, ч. 2, № 262).

[19] С. Маскевич. Указ. соч., стр. 78. Маскевич, сообщая о борьбе за власть между Ляпуновым и Заруцким, передавал мнение боярских и примыкающих к ним кругов, с которыми он был близок, о решающей роли казаков и гибели Ляпунова. Возбужденные дворянской политикой Ляпунова, казаки не могли не вспомнить предательства рязанского воеводы во время восстания И. И. Болотникова. В августе 1611 г. в грамоте, посланной из Казани в Пермь, отмечалось: «Ляпунова казаки убили» (СГГ и Д, ч. 2, № 269).

[20] Правительство Михаила Романова признавало, вопреки своей версии о Заруцком: «И вы, атаманы и казаки, обослався с бояры нашими и воеводы и со всякими ратными людьми (имеется в виду переписка Тулы, Калуги, где были И. Заруцкий и Д. Трубецкой, с другими городами.— *Н. Д.*), пришли под царствующий град Москву... вашею прямого службою и радением и кровей Московское государство от

Троице-Сергиев монастырь, поддерживающий подмосковные полки, также считал образование ополчения исключительно делом Д. Трубецкого и И. Заруцкого, без всякого участия Ляпунова, поднявшихся во имя «истинной православной крестьянской веры», т. е. Русского государства [21].

Вражда к подмосковным таборам и к Заруцкому стала активно проявляться у московских бояр в пору формирования второго ополчения. В январских грамотах 1612 г. в Кострому и Ярославль бояре, страшась антифеодальных выступлений казаков, первое ополчение [22] изображали как «воровскую смуту», затеянную ради пролития «невинной крови крестьянской и пустошения и конечного разорения Московского государства» [23] «по заводу Прокофья Ляпунова, до ведомого вора и разных вер еретика Ивашка Заруцкого с товарыщи» [24], а поляков и литовцев — добродетельными людьми [25]. В это же время боярами была пущена версия, обвиняющая Заруцкого в смерти П. Ляпунова [26].

Присяга подмосковных полков псковскому «вору» в марте 1612 г. была встречена замосковным дворянством и посадом неблагоприятно и осуждена Троицким монастырем. В этой присяге в Замосковье увидели опасность «лутчих людей побити и животы разграбити» [27]. И все же хорошо осведомленный о деятельности И. Заруцкого А. Палицын в своем «Сказании», написанном уже при правительстве М. Романова, никогда и нигде не называл его прислужником поляков и агентом Сигизмунда, хотя очень резко отзывался о нем в связи с поддержкой, оказанной Заруцким Марине с «воренком» в Астрахани.

В апреле 1612 г. в Ярославле укреплялось новое ополчение, опиравшееся по преимуществу на замосковные и поморские города. Это ополчение ставило своей целью не только борьбу против польско-литовских захватчиков, но и одновременно подавление антифеодальных тенденций в казачьих таборах под Москвой, опасных, с его точки зрения, для существовавшего строя.

В апреле 1612 г. в Ярославле замосковное дворянство вновь выдвинуло версию о том, что образование первого ополчения — дело рук лишь «Ляпу-

---

польских и литовских людей очистилось и учинилось свободно (Донские дела, № 16, стр. 71—72; ААЭ, т. III, № 22). Это признание правительства М. Романова перекликается с утверждением А. Палицина, писавшего, что «яко от них (казаков.— *Н. Д.*) начася дело доброе, ставших крепко за истинную православную веру» (А. Палицын, стр. 224).

[21] СГГ и Д, ч. 2, № 275. Это заявление монастырь сделал в октябре 1611 г. под влиянием выгодной ему политической ситуации. В апреле 1612 г. «монастырская братия» образование ополчения уже приписывала только усилиям одного Д. Трубецкого (ААЭ, т. II, № 202).

[22] Московские бояре добивались того, чтобы с помощью польских войск восстановить такой порядок, при котором «безо сопротивления меньшие большим покоряются», а «вотчины и поместья и всякие сборы будут по-прежнему» (Dyaryusz poselstwa moskiewskiego wyslanego do wazszawy z koncem r. 1611 (далее — Дневник Московского посольства), кн.: A. Hirschberg. Op. cit., str. 355—356.

[23] СГГ и Д, ч. 2, № 276, стр. 580. В этой грамоте в Кострому было даже сказано, что ополчение («воровская смута») учинялась по заводу лишь «Заруцкого с товарыщи» (там же, стр. 580).

[24] В этой грамоте в Ярославль признавалось, что «был большой завотца Прокофей Ляпунов» (СГГ и Д, ч. 2, № 277, стр. 583).

[25] Бояре писали в замосковные города, будто «воры казаки ваши и наши холопы грабят и побивают и позорят и вперед всеми вами и вашими домы владеть хотят» (СГГ и Д, ч. 2, № 276). «И такими правителями князем Дмитрием Трубецким да Ивашком Заруцким с товарыщи Московскому государству мочно ли состоятца...» (там же, № 277). В то же время московские бояре предлагали лично Заруцкому «покориться Владиславу», снять блокаду Москвы, обещая ему от имени Владислава «милости» и «добро учинити» (см. Дневник Московского посольства, стр. 355—367).

[26] Ляпунова «те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Заруцкой с товарыщи убили... Ему бог воздал по его делам от его воровских товарыщей, и совет их всуе стал» (СГГ и Д, ч. 2, № 277).

[27] ААЭ, т. II, № 203.

нова, бояр и дворян больших служилых людей»[28], а казаки и атаманы — «старые заводчики великому злу», «холопы боярские». Оказавшись под Москвой, они «умясля своим воровством с их начальником, с Иваном Заруцким, хотя того, чтобы полским и литовским людем ослаба учинить, а им бы по своему воровскому обычаю владети, Прокофья Ляпунова убили... и учали совершати всякая зла по своему казачьему воровскому обычаю...»[29]. Делалось это с целью возбудить вражду к казачьим полкам, развалить их, подорвать авторитет подмосковного правительства и его главы Заруцкого, а также поднять значение нового ополчения.

Заруцкий изображался деятелем типа Болотникова, тоже в свое время якобы стремившегося Москву «разграбити и бояр и всяких чинов людей, и гостей и торговых людей побить»[30].

Так впервые была выдвинута не соответствующая действительности версия о намерении казаков и Заруцкого содействовать успеху польских интервентов посредством убийства Ляпунова. Основанием для этой весьма тенденциозной версии, объясняемой обострением классовой борьбы в стране, послужило пребывание казаков и Заруцкого в Тушинском и Калужском лагере, где за самозванца выступали наряду с русскими людьми и польско-литовские отряды, интересы которых ничего общего не имели с казаками.

Однако руководители нового ополчения в окружной грамоте, направленной в июне 1612 г. в украинные города, поддерживавшие подмосковных казаков, повторив в более сдержанных выражениях версии об убийстве Заруцким, атаманами и казаками («холопами боярскими») П. Ляпунова и о грабежах под Москвой, не сочли все же возможным обвинить казачество в пособничестве полякам, замыслявшим овладеть русским государством[31]. Хотя в сентябре 1612 г. Д. М. Пожарский и признал, что «Прокофей убит от Иванова ж заводу Шереметева»[32], тем не менее во втором ополчении, в июле 1612 г. подошедшем к Москве, уже успел укрепиться ложный взгляд на то, что И. Заруцкий — «изменник России»[33].

До появления Заруцкого в Астрахани московское правительство пыталось привлечь его на свою сторону. Его никто не обличал тогда во враждебной деятельности во вред Русскому государству; правительство было далеко от того, чтобы видеть в нем наймита поляков и орудие замыслов Сигизмунда[35].

Одиозной фигурой казачий воевода стал в представлении правящих феодальных групп в 1613—1614 гг., когда возглавил восстание в Астрахани. Понизовье Волги с Астраханью на протяжении всех лет гражданской войны начала XVII в. оставалось центром антифеодальных движений. После

---

[28] В последующих грамотах нового ополчения имя Ляпунова уже вообще не встречается. Создание ополчения изображается следующим образом: «Мы, бояре и воеводы и чашники и стольники и стряпчие... по совету патриарха Ермогена... меж собой сослався... мстя государя... Василия Ивановича всея Руси за один, и пришедчи под Москву...» (см. письмо от имени Д. М. Пожарского к императору австрийскому Рудольфу II. «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными», т. II. СПб., 1852, стр. 1428—1429.

[29] ААЭ, т. II, № 203.

[30] Там же, № 203.

[31] СГГ и Д, ч. 2, № 281.

[32] Акты, относящиеся до юридического быта, т. II. СПб., 1864, № 191.

[33] Будила сообщает: 1612... «7 августа (28 июля.— *Н. Д.*) Заруцкий, боясь бояр из войска Пожарского, которые считали его изменником, ушел от Трубецкого в Коломну... затем... когда астраханцы приехали за сыном царицы... в Астрахань» [Будила. История ложного Димитрия (далее — Будила). РИБ, т. 1. СПб., 1872, стр. 316—317].

[35] В царской грамоте холмогорскому воеводе Пушкину в июле 1613 г. дается ссылка на грамоту «бояр наших». А эта грамота дана была подмосковным правительством Д. Трубецкого и И. Заруцкого (см. АИ, т. III. СПб., 1841, № 2).

прибытия туда казаков Заруцкого, призванного самими астраханцами [36], восстание развернулось с большой силой и стало для правительства Михаила Романова более опасным, чем захватнические действия польских и шведских интервентов. Успех восстания в Понизовье мог усилить пламя антифеодального движения, распространявшееся по стране [37].

К числу мер, предпринятых правительством для борьбы с восставшим Понизовьем и Астраханью, относилась бурная агитация, обращенная к донским и волжским казакам и к самим восставшим, с тем, чтобы внушить народным массам, будто в государстве «всякие люди... учинилися в любви, в совете и соединении... под его царского величества высокой рукой по прежнему» [38], а волнения в Понизовом волжском городе явились лишь результатом действий явившегося сюда Ивана Заруцкого и Марины Мнишек по «ссылке» с польским королем Сигизмундом III и польско-литовскими людьми. Заруцкий будто бы по их повелению «простых людей в смуту приводил», по его злой воле астраханского воеводу И. Хворостинина и «лутчих многих людей» побили, и сам он «сызнова в Московском государстве смуту начинал», чтобы передать польскому королю Русское государство [39].

Так создавалась официальная версия, согласно которой народное антифеодальное движение в Астрахани изображалось как результат не внутренней классовой борьбы, а польской интриги, следствием воли одного человека, возбуждающего «смуту» у «простых людей». Заруцкий представлялся марионеткой в руках Сигизмунда III в осуществлении его коварных замыслов.

В месте с тем безо всяких реальных оснований превозносился патриотизм московских бояр, совершенно умалчивалось их желание заключить унию России с Польшей и готовность признать не только Владислава русским царем, но и подчиниться (хотя бы и временно) Сигизмунду, чтобы тот, придя под Москву с новыми силами, расправился с опасными подмосковными таборами.

Так освещались события в Астрахани и в связи с этим роль И. М. Заруцкого как польского агента в царских грамотах от 14—18 марта 1614 г. [40] и в грамотах участников Земского собора («освещенного собора») [41].

---

[36] Отбросив клевету правительства М. Романова, можно полагать, что Заруцкий из г. Михайлова в 1613 г. собирался двигаться со своими приверженцами на юго-западную окраину России, где был главный очаг антифеодального восстания 1603—1612 гг. (Донские дела, № 27, стр. 196). Но по зову астраханцев он повернул на юго-восток (Будила, стр. 316—317). Официальные же грамоты М. Романова утверждали, что Заруцкий после поражения под Воронежем, нигде не находя пристанища, направился в Астрахань по указке Сигизмунда и поляков (ПСРЛ, т. XIV, стр. 136).

[37] В. Бернадский рассматривал астраханское движение в 1613—1614 гг., игнорируя «войну великую», переживаемую страной.

[38] Донские дела, № 25, стб. 184—195; ААЭ, т. III, № 28.

[39] ААЭ, т. III, № 12, 13, 14, 18, 19, 20, 27 и др.

[40] Донскому войску с требованием помощи против Заруцкого (Донские дела, № 14, стб. 62—70; ААЭ, т. III, № 21) и принятия мер против него (там же, № 15, стб. 70—80; ААЭ, т. III, № 22), Волжскому казачеству (там же, № 19, стб. 112—120; ААЭ, т. III, № 24), в Астрахань с увещеванием отстать от Заруцкого (там же, № 20, стб. 120—126; № 24, стб. 169—188), самому Ивану Заруцкому с увещеванием покориться (там же, № 26, стб. 188—192; ААЭ, т. III, № 28).

[41] Адресованы: Донскому войску (Донские дела, № 18, стб. 89—112; ААЭ, т. III, № 23), Волжским казакам (там же, № 2, стб. 126—147; ААЭ, т. III, № 25), в Астрахань (там же, № 23, стб. 166—169), Заруцкому (там же, № 28). Все то же самое было повторено и в грамотах от имени Земского собора донским казакам и Заруцкому (там же, № 22, стб. 147—166; ААЭ, т. IV, № 27), в грамотах воевод И. Н. Одоевского и С. В. Головина, которые были поставлены во главе мобилизуемых на значительной территории страны ратных войск, направленных в 1614 г. против восставшей Астрахани: грамота волжским казакам (Донские дела, № 11; ААЭ, т. III, № 18), грамота в Астрахань (Донские дела, № 12; ААЭ, т. III, № 19); грамота Ногайскому князю Иштереку (Донские дела, № 13; ААЭ, т. III, № 20). Агитационная активность правительства в марте 1614 г. объясняется подготовкой к отправке правительственных

Таким образом, лишь в связи с восстанием в Астрахани Иван Заруцкий получает в официальных грамотах окончательную характеристику «черкашенина», «изменника» государю Михаилу Романову и православию, «богоотступника и гонителя православной веры», «безверника», прислужника польских захватчиков и орудия короля Сигизмунда в его замыслах «Московским всем росийским государством завладети, православную веру порушить и соединить Московское государство с Польшей и Литвой под свою латынскую и лютерскую веру»[42]. По правительственной версии получалось, что Заруцкий был сторонником унии России и Польши, т. е. ему приписывалось то, чего добивались московские бояре.

В то же время, желая польстить казакам, правительство вынуждено было признать не только их большую роль в освобождении Москвы от польских панов[43], но и активное участие Заруцкого в создании первого ополчения[44], что противоречило всем самим же правительством выдвинутым положениям о «преступлениях» казачьего воеводы.

В 1614 г., в обстановке обострения «войны великой» в стране, духовенство и поддерживающее царя руководство Земского собора были уже готовы всячески очернить весьма опасного, с их точки зрения, вожака астраханского восстания — И. Заруцкого. Именно поэтому в официальных мартовских грамотах 1614 г. Заруцкий изображался одним из главных виновников бед Русского государства в 1609—1614 гг. Получалось, что он бежал из Тушина под Смоленск к Сигизмунду и вместе с М. Салтыковым и Ф. Андроновым поднял короля в поход на Москву[45]. Он же в угоду полякам «по ссылке с ними, чтобы польских и литовских людей, которые сидели в Москве, обнадежить, а в городах тем междоусобие учинить» подговаривает казаков убить Ляпунова[46]. Он же вступает в тайные переговоры под Москвой с панами Валявским, Казановским, с Л. Сапегой и с поляками из Кремля, чтобы «разорити Московское государство», «таборы

войск под Астрахань и полученной информацией о движении казаков из Пошехонского уезда к Заруцкому (Донские дела, № 22).

[42] Правительство Михаила Романова при поддержке духовенства и Земского собора в своих обращениях к донским, волжским и терским казакам и восставшим астраханцам представляло всю «междоусобицу» в России в начале XVII в. результатом польской интервенции. Полностью игнорировались внутренние классовые противоречия, вызвавшие гражданскую войну в России. По этой концепции, «междоусобие и рознь» на Руси возникли «по дьявольской зависти и смуте польского Жигимонта» (Сигизмунда.— *Н. Д.*). Король своим умыслом «учинил с царем Борисом, а последнее с царем Васильем» (Донские дела, № 23). Источником такого взгляда на развернувшиеся события были официальные версии В. Шуйского, что сказалось на трактовке событий в Московской хронике К. Буссова и в записках П. Петрея. Немалую роль сыграли здесь и сами поляки, хвастливо заявлявшие, что междоусобица в России — дело их рук и что они сами сажали на трон самозванцев.

[43] Донские дела, № 16, стб. 71—72; ААЭ, т. III, № 22.

[44] Донские дела, № 18; ААЭ, т. III, № 23.

[45] В январе 1610 г. И. Заруцкий вместе с Филаретом Романовым, духовенством, М. Г. Салтыковым, думными тушинскими боярами и дьяками участвовал в переговорах с польскими послами относительно кандидатуры Владислава (см. РИБ, т. 1. СПб., 1872, стр. 524). В мае 1610 г. И. Заруцкий, М. Салтыков и Ф. Андронов находились среди других бывших тушинцев в лагере под Смоленском. Тогда же Заруцкий был представлен королю. Но поляки с недоверием относились к Заруцкому, так как его донцы уже имели столкновение с ними. В июне 1610 г. он участвовал в Клушинской битве против В. Шуйского. Осенью 1610 г. Заруцкий был уже в Туле на стороне калужского «вора».

[46] Донские дела, № 25, стр. 177. Это противоречило утверждению, высказанному в тех же грамотах, что Заруцкий пришел под Москву, чтобы «очистить ее от поляков» (там же, № 18). Правдоподобно известие Мархоцкого, что казаки «шумной толпой пошли в его (Ляпунова.— *Н. Д.*) стан и убили его. И в это время другая старшина и сам Заруцкий, что был их гетманом, так испугались, что поудирали» (Н. Мархоцкий, стр. 124—125). Арсений Елассонский писал, что после смерти Ляпунова сделали «главнокомандующим И. М. Заруцкого, человека достойного и сведущего в военном деле». (А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 163). Д. М. Пожарский называл виновным в смерти П. Ляпунова Ив. Шереметева («Уч. зап. Академии наук по I—III отдел.», 1855, т. III). То же свидетельствовал стрелецкий голова Гр. Ф. Образцов (Акты, относящиеся до юридического быта, т. II, стр. 603).

под Москвой зажечь», а «бояр и воевод и всяких ратных людей побить» [47].

Опровержением измышления правительства Михаила Романова служит прежде всего указанный выше дневник московских послов в Польше.

Уход Заруцкого и казаков из-под Москвы правительство объяснило опять-таки сговором их с поляками, «чтобы в Московском государстве смуту делати» [48]. Для подкрепления этой версии официально сообщалось, что, бежав из Москвы, Заруцкий «ссылался на всякое зло Московскому государству с польским королем Сигизмундом и с польскими и литовскими людьми» [49].

Не заслуживает доверия и правительственная версия относительно намерений Заруцкого передать Астрахань персидскому шаху. Не верили этому даже и дореволюционные историки [50].

Враги Бориса Годунова, возводя на него клевету, стремились тем самым лишить его престола. Немало было изобретено клеветнических выдумок сторонниками Василия Шуйского относительно Лжедмитрия I и Болотникова. Не избег этой участи и И. Заруцкий в пору ополчений. Сознательное искажение фактов в отношении И. Заруцкого и шедших за ним казаков было применено правительством «владущих» как средство борьбы с народным антифеодальным движением 1613—1614 гг. Однако анализ версии о Заруцком касается не только личности самого казачьего воеводы, но и истории классовой борьбы как в пору национального освободительного движения 1610—1612 гг., так и гражданской «войны великой» в первые годы Романовской династии.

[47] Донские дела, № 25, стр. 177—178. Основанием для такого утверждения послужили переговоры И. Заруцкого с Л. Сапегой через Валявского. Казановский выступал в это время посредником в переговорах между войсками Сапеги и поляками Гонсевского в Москве. В переговорах участвовали от «Заруцкого и бояр», кроме Валявского, и «бояре некоторые». Переговоры происходили между 7 и 19 августа 1611 г. по московскому календарю. Им предшествовала 4—5 августа неудачная попытка войск Сапеги прорваться в Кремль и разгромить отряды И. Заруцкого. В это время в войсках Сапеги обнаружились сильные недовольства в связи с задержкой уплаты жалованья. Сапеженцы высказывали намерение стоять под Москвой лишь до 15 сентября, а потом вернуться в Польшу, созвать общую конфедерацию и добиваться материальных вознаграждений за свою службу. 14 августа стало известно о скором прибытии под Москву Ходкевича. О характере и условии переговоров в дневнике Сапеги, изданном Гиршбергом, совсем не упоминается. На время переговоров, которые проходили в обстановке взаимного недоверия и даже военных столкновений, и русские, и поляки обменялись заложниками. Переговоры закончились безрезультатно 19 августа. У поляков выменяли лишь А. Просовецкого, ранее захваченного ими в плен (Дневник Сапеги, стр. 321—326). В русском переводе отрывки из дневника Сапеги опубликованы в журналах «Сын отечества» и «Северный архив» (т. I, 1838, разд. III, стр. 60—65). Выдумкой являлось и утверждение, что Казановского казнили под Москвой. В сентябре 1611 г. он был послан от польского войска в Польшу на сейм (см. Н. Мархоцкий, стр. 141).

[48] Донские дела, № 15, стб. 178—179.

[49] Там же, № 25, стб. 178—179. Сигизмунд якобы послал к Заруцкому ротмистра Синявского с грамотами, в которых «приказывал» казачьему атаману «смуту учинять» до нового своего вторжения в Россию. За это он обещал Заруцкому «отдать в вотчину Новгород Великий или Псков с пригородами или Смоленск и учинить его у себя бояриным и владетелем». Но Синявский будто бы не поехал к Заруцкому, а передал грамоты царю. Понимая искусственность этого вымысла (ибо ясно, что поскольку грамоты короля до Заруцкого не дошли, он не мог знать, что «приказано» ему королем), изобретатели версии говорят уже об иных гонцах от короля и даже от брата Заруцкого — Захарьяша (там же, стр. 180).

[50] В. Завьялов. Заруцкий в Астрахани и на Урале. Уфа, 1853; Н. И. Веселовский. Иван Данилович Хохлов. «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, январь, стр. 48—72. С. М. Соловьев писал: «Вообще в грамотах того времени не заботились о согласном свидетельстве, а выставляли события, смотря по обстоятельствам» (С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. V, т. 9—10, стр. 23).

А. А. Новосельский

ДЕЛА «О КРЕСТЬЯНСТВЕ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ СВОБОДНОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В XVII веке

В фонде Разрядного приказа сохранилось огромное количество дел по искам вотчинников и помещиков о возврате бежавших от них крестьян. Изучались они мало, а между тем их исследование вносит ряд интересных и важных подробностей в историю закрепощения крестьян на южной окраине Русского государства. Эти материалы Разрядного приказа убедительно доказывают, что «суд в крестьянстве» на протяжении XVII в. менялся в зависимости от изменения направления внутренней и внешней политики царского правительства, что закрепощение происходило не всегда последовательно. Приведенные в статье данные относятся только к территории южных уездов, расположенных по Белгородской черте или близко к ней. Возможность распространения сделанных нами наблюдений на другие территории Русского государства потребует исследования источников других архивных фондов, которые в настоящей статье не затронуты. Можно думать, что судебный процесс о крестьянстве на различных территориях обширной страны имел свои особенности.

* * *

Самое словоупотребление «суд в крестьянстве», «искать крестьянства» (аналогичные выражениям «суд в холопстве», «искать холопства») показывает, что «крестьянство» надо было доказывать судом. Из материалов Разрядного приказа видно, как привлекаемые к такому суду стремились доказать, что засели они за истцами «добровольно», «на время», но не в тягле и ничем им не крепки. Следовательно, занятие сельскохозяйственным промыслом могло быть свободным! Так смотрели на этот вопрос не только привлекаемые к «суду в крестьянстве», но иногда и сами владельцы, и даже правительство — по крайней мере до Уложения 1649 г.

Простое утверждение, что то или другое лицо является «старинным» крестьянином, как обычно утверждали истцы в своих челобитных, само по себе не решало дела. «Старину» надо было доказать документально. Документы Разрядного приказа, откуда они взяты для настоящей статьи, в огромном числе случаев обосновывают «старину» писцовыми, а позднее переписными книгами. Видимо, ссылка на писцовые книги, как на доказательство старинного крестьянства, имела место еще в XVI в. [1]

В 1636 г. мецнянин сын боярский Д. Кравцов «искал крестьянства» на чернавском казаке Ф. Зайцеве, но не смог предъявить писцовых книг:

[1] М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 34—35.

старые, дескать, сгорели в 1626 г., а в новых писцы не записали пустых дворов, принадлежавших беглым. Разрядный приказ решил Д. Кривцову в иске отказать, потому что ответчик «ни в каких крепостях — ни в писцовых книгах, ни в выписях — не написан..., *а крестьянин крепок писцовыми книгами или иными какими крепостьми*» [2].

В 1640 г. белевец сын боярский Л. Тинков предъявил иск в крестьянстве одному бобылю, жившему более 20 лет у ливенца сына боярского М. Кузьмина. На запрос Разряда о том, как поступать в тех случаях, «когда владельцы ищут холопства и называют старинными своими людьми и шлются в повальный обыск, а крепостей никаких не положат и в 1612—1615 гг. по указу не били челом и явок не подавали», в Холопьем приказе был отыскан *указ от 6 сентября 1640 г.: «класть на старину явки или иные крепости, а будет никакие крепости не положат, а станут слатца в обыск, и тем людем обысков не давать, потому что в обыске солжут»* [3]. На этом основании Л. Минкову было в его иске отказано. Конечно, последний указ относится непосредственно к искам в холопстве, но значение его более широко, потому что отражает взгляд правительственных органов на способы доказательства «старины» вообще.

В 1640 г. ельчанин сын боярский И. Борисов предъявил иск в крестьянстве чернавскому пушкарю Р. Федорову, назвав его своим беглым из деревни Ворглы крестьянином. На обороте челобитной читаем характерную помету: 1640 г. декабря 25 — «дать грамоту, *а то сын боярский* (т. е. И. Борисов) *ведай: только тот сын боярский* (т. е. Р. Федоров) *в писцовых книгах за тобою не написан и тому, на ково бьешь челом, велят на тебе проесть и волокиту взяти, да на тебе же велят взяти с судново дела пошлины по указу, а отдачи пошлинам не бывает*» [4]. Помета предупреждает истца, что без доказательства с помощью писцовых книг иск повлечет для него одни лишь убытки.

Выше мы привели указание на то, что «крестьянин крепок не только писцовыми книгами, но и другими „крепостьми"». Уложение (гл. XI, ст. 15, 16) также содержит глухое указание на запись крестьян, кроме писцовых и переписных книг, выписей (из писцовых книг) и отдельных книг, еще «в иных каких крепостях». М. А. Дьяконов подразумевает под этими последними крепостями всякого рода «сделочные записи» (меновные, поступные и т. п.), содержание которых опирается на такие писцовые и переписные книги. Ссылка Дьяконова на наказы сыщикам 1664 и 1683 гг. неубедительна, потому что под «сделочными записями» здесь подразумеваются соглашения об убитом или беглом человеке, или крестьянине «между владельцами» [5].

Конечно, всякого рода документы о переходе владений (меновные, поступные и т. п.) содержат указания и на крестьян. Кроме выписей из писцовых и переписных книг, владельцы представляли также выписи из «отказных» книг. Однако все эти документы в вопросе о крестьянстве не имели самостоятельного значения и требовали подтверждения писцовыми и переписными книгами.

Занесение в писцовые и переписные книги жителей вотчин и поместий со слов только владельцев «за очи», т. е. без опроса самих жителей, было

---

[2] Все архивные источники, использованные в статье, взяты из Центрального государственного архива древних актов (ф. Разрядного приказа). Поэтому далее в ссылках дается название того или другого стола Разряда и номер столбца. Дело Д. Кравцова взято из Белгородского стола, стб. 70, лл. 52—61. Здесь и далее курсив автора.

[3] Приказный, стб. 260, лл. 151—152.

[4] Там же, л. 250.

[5] М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 45—47.— Приказный, стб. 1235. Во вновь указанных статьях 191 года договоры между владельцами о соглашении о беглом или убитом крестьянине имели силу крепостных документов, погашавших силу писцовых и переписных книг.

общеизвестно. Поэтому представляют интерес те случаи, когда привлекаемым к суду в крестьянстве удавалось оспорить показания писцовых книг. Удавалось это в тех случаях, когда показаниям одних писцовых книг можно было противопоставить показания более ранних писцовых книг или других документов.

В 1651 г. стародубец П. К. Брусилов (вместо истца Ф. Голенищева) «искал в Севске крестьянства» на бежавших якобы из деревни Гаврилковой (Брянского уезда) Пахоме и Максиме Щербачовых, живших в Комарицкой волости в дер. Пролысой: крестьяне «крепки истцу» по писцовым книгам князя П. Звенигородского. Ответчики сказали, что «де вольно ему, Федору (Голенищеву), во крестьнех за собою писать заочно». Истец представил поручную запись Песоцкого монастыря о выдаче ему в 1640/41 г. беглого крестьянина П. Щербачова; ответчик отверг и этот документ, как написанный «заочно». В свою очередь ответчик П. Щербачов ссылался на писцовые книги князя И. Волынского, в которых крестьяне «написаны были» в дер. Пролысой «старинными бортниками». Дело было перенесено в Москву [6].

В 1639 г. елецкий поместный казак И. Кузьмин «искал крестьянства» на козловском полковом казаке И. Селуянове, ссылаясь на писцовые книги 1620 и 1626 гг. Ответчик показал, что жил он, «бродя», в разных местах и «пожил де за ним (И. Кузьминым) на время добровольно, и он де, Иван, имя ево знал и потому де вольно ему было имя [в] выписи и написать ложно». Повальный обыск, произведенный в Ельце, установил, что И. Селуянов с отцом своим жил в Беломестной слободе в Ельце, а отец «служил казачью службу»; братья ответчика и поныне служат «по Ельцу» в казаках. И. Селуянов, женившись на казачьей дочери, также служил в казаках, но после разорения Ельца Сагайдачным в 1618 г. «сошел с Ельца» и «кормился переходя по деревням, плотничал топором и портное шивал, и ево изнела бедность, з государеву службу не стало, и он сошел в Козлов». В период этих странствий И. Селуянов и жил в поместье Кузьмина. Дело было решено в пользу И. Селуянова ввиду неявки на суд И. Кузьмина [7], т. е. по формальному признаку. Однако интересен тот факт, что Разряд, несмотря на ясные показания писцовых книг, счел необходимым произвести повальный обыск. Быть может и неявка И. Кузьмина была сознательной.

Приведенные примеры, конечно, недостаточны, чтобы ослабить представление о решающем значении писцовых книг при рассмотрении дел о крестьянстве. Эти примеры показывают только, что в глазах судей Разряда ссылка на писцовые книги даже до Уложения 1649 г. не была абсолютным аргументом. Конечно, имеет значение то обстоятельство, что в приведенных выше случаях ответчиками были в одном случае дворцовый крестьянин, в другом — служилый человек.

Рассмотрим еще один пример. В 1650 г.— ельчанин сын боярина И. Левыкин предъявил иск в крестьянстве к ефремовцам служилым людям, бежавшим от него в 1645/46 г. из его елецкого поместья, дер. Верхней Короткой. Беглым был А. Исаев с семьей и детьми — Иваном Большим, Иваном Меньшим, Ларионом и Анкудином. Отвечавший за всех Иван Большой Исаев отрицал крестьянство: отец де его родом калужанин и жил в Ромодановской волости; от литовского разоренья «он сшел с Калуги» и жил «переходя» по разным городам, кормился работою; в Елецком уезде отец его жил за В. Горюшкиным лет 20; Горюшкин дал ему отпускную; на Ефремове, тому пятый год, А. Исаев написался в дети боярские. По справке в Поместном приказе в писцовых книгах 1626—1629 гг. оказался написан один лишь А. Исаев, а дети его не написаны.

---

[6] Белгородский, стб. 335, лл. 439—441.
[7] Приказный, стб. 113, лл. 398, 406—409, 414—416.

В переписных книгах 154 г. А. Исаев оказался написанным вместе с детьми, но не со всеми. Помета 1650 г., февраля 15, говорит о выдаче И. Левыкину А. Исаева «с двумя сыновьями Анкудином и Иваном Меньшим, а двум сыновьям Ивану Большому да Лариону быть в службе в новом городе Цареве-Алексееве, куда они написаны» [8].

* * *

Организация суда в крестьянстве в первой половине XVII столетия до Уложения 1649 г. существенно отличалась от той, какой она была после Уложения.

Обычно дело о крестьянстве рассматривалось по грамоте из Москвы воеводой на месте. Истец подавал челобитную в Разряде, получал «судимую грамоту» в тот город, где находился ответчик. Воевода был полномочен рассмотреть дело. В случае спора оно переносилось в Разряд. Так, в 1621 г. елецкий воевода переслал в Москву дело по иску Д. Спесивцева «к ельчанам детям боярским Г. Шуринову и А. Ворыпаеву в беглых крестьянах, живущих у них», потому что у них «в крестьянстве учинился спор и вершить то судное дело без твоего государева указу не смею» [9]. Однако, по-видимому, без указа из Москвы воеводы не могли решать (точнее — «вершить») дел о крестьянстве; подобные действия рассматривались как самоуправные и незаконные [10]. Правильно поступил воевода, который, захватив беглецов, отказал истцу в их выдаче без грамоты из Москвы [11]. Конечно, Разряд мог предписать произвести сыск на месте, а рассмотрение и решение дела взять на себя, но обычным был такой ход дела — суд на месте по указу из Москвы.

С 30-х годов XVII в., с началом строительства новых городов и их заселения «вольными» людьми, стал практиковаться перенос рассмотрения дел о крестьянстве служилых людей в Москву. Объясняется это стремлением правительства охранить служилых людей этих городов от «растаскивания их в крестьянство» дворянами и детьми боярскими, за которыми они в прошлом в большинстве своем жили. При довольно широком доступе в состав служилых людей новых городов выходцев из тяглых слоев, крестьян и холопов, сохранение старого порядка ведения дел о крестьянстве могло бы подорвать и даже иногда уничтожить все плоды правительственной деятельности по усилению обороны южной окраины государства. Это изменение суда в крестьянстве с началом крупного строительства новых городов по Белгородской черте означало временный, но существенный перерыв в политике закрепощения крестьян, проводившейся русским правительством на южной окраине России.

Первым новым городом, заселенным в 1635 г., после длительного перерыва строительства на юге, был Чернавский острог. За короткий срок вместо первоначально намеченного гарнизона в 100 человек по Чорнавску «написалось» до 400 человек «вольных» пришлых людей. Возникло множество дел о крестьянстве чернавцев. Здесь мы укажем только, что в том же 1635 г. чернавцы добились грамоты из Москвы, категорически запрещавшей воеводе без предписания из столицы выдавать кого-либо из чернавцев по искам в крестьянстве и холопстве. Такое же примерно положение создалось в новых городах Козлове и Тамбове; более того, первоначально возникла молва, что из этих городов вообще никакой выдачи бежавших туда людей нет.

В грамоте из Москвы строителям г. Козлова И. Биркину и М. Спешневу от июня 1636 г. излагается один из пунктов царского указа: «А по нашему

8 Московский, стб. 226, лл. 365—367, 368, 372—373, 379—380.
9 Белгородский, стб. 4, лл. 65—67.
10 Там же, л. 261.
11 Там же, л. 296.

указу велено вам в Козлове городе писать во всякие службы, которые дети боярские и стрельцы и казаки и всякие служилые люди, покиня свои службы с 121-го года (1612/13 г.— *А. Н.*), а живут во крестьянех за разными помещики и вотчинники, и за всякими людьми» [12]. Ушедшие на службу люди считали, что этот правительственный указ лишал силы по отношению к ним всякие крепости, в том числе даже писцовые книги. В 1640 г. «козловец сын боярский» Ф. И. Короваев, защищаясь от иска в крестьянстве со стороны властей Троицкого Елецкого монастыря, ссылался на приведенный выше царский указ: «А хотя бы я, холоп твой, и жил (за монастырем в крестьянстве.— *А. Н.*), и я бы по твоему государеву указу им был не крепок, потому что служил я тебе, государю, на Михайлове стрелецкую службу по 124 (1615/16 г.— *А. Н.*). И по твоему государеву указу многие служивые люди пойманы из-за твоих государевых бояр,— из-за монастырей и устроены в твои государевы разные службы в Козлове и в-ыных городех». Разрядный приказ согласился с челобитной Ф. И. Короваева, обвинил воеводу в произвольных действиях и приказал освободить челобитчика.

Царский указ получил расширительное толкование и временно на определенной территории отменил действие писцовых книг и тем вызвал массовое движение сельского населения в новые города [13]. В 1639 г. 80 жителей Старой слободы, отписанной на государя у И. Тургенева, составившие ядро нового г. Ефремова, добились указа о том, чтобы по делам о крестьянстве к ефремовцам истцы обращались в Москву, в Разряд [14]. В 1647 г. по коллективному челобитью ефремовцев, казаков, стрельцов, пушкарей и затинщиков «всем городом» о защите их от «разволоки» в крестьяне последовала грамота воеводе, подтверждавшая ранее изданный указ, чтобы иски в холопстве и крестьянстве к ефремовцам предъявлялись впредь в Разряде в Москве [15]. Грамота содержала вместе с тем строжайшее запрещение впредь принимать в Ефремов несвободных людей под ответственность воеводы.

Аналогичный порядок мы видим в г. Вольном, построенном и заселенном в 1640 г. Долгое время Вольный был пристанищем всякого рода «вольного» люда. Однако с течением времени и им стала угрожать опасность. В конце 1648 г. вольновские казаки подали в Разряд коллективную челобитную: «как де... Вольный стал из служеб никово никому по се число не отдавали. Ныне же стали приезжать дворяне и дети боярские с грамотами о крестьянстве». Челобитчики откровенно признавались, что лишь 80 человек из них «не живали за помещиками», а остальные, более 300 человек, «все отведали крестьянства» [16]. Несколькими месяцами позднее вольновцы подали новую аналогичную челобитную, на которой за 1649 г., 25 мая помечено: холопства и крестьянства искать на вольновцах в Москве, но впредь никаких крепостных людей на Вольный не принимать «по нынешнему новому Уложению» [17].

* * *

В документах 1650—1651 гг. о крестьянстве встречается ряд утверждений, исходивших от правительственных органов, будто бы Уложение 1649 г. *предписало давать суд о крестьянстве служилых людей только в Москве и лишало права суда в крестьянстве городовых воевод.* Между тем

[12] Приказный, стб. 121, лл. 6—7.
[13] Там же, стб. 123, л. 158.
[14] Там же, стб. 115, л. 90.
[15] Белгородский, стб. 233, лл. 17—18. Подробно о населении городов Чернавина, Ефремова, Козлова, Тамбова, Вольного см. в нашей работе «Борьбы Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.— Л., 1948, стр. 402—404).
[16] Белгородский, стб. 270, лл. 756—761.
[17] Приказный, стб. 263, лл. 96—100.

ни само Уложение не содержит подобного постановления, ни практика дел о крестьянстве служилых людей не сохранила прямого указания на какое-либо общее постановление подобного рода.

Рассмотрим относящиеся к этому вопросу сведения, обнаруженные нами в документах Разряда. В начале 1650 г. ливенцы дети боярские А. С. и Г. А. Писаревы просили о выдаче им крестьян, бежавших от них и скрывшихся в том же Ливенском уезде. Воевода, по словам челобитчиков, отказался их выдать. На челобитной есть помета о явке служилых людей, за которыми беглецы жили, в Москву, в Разряд к суду: «а на Ливнах в таком деле суда не дают — писцовые книги на Москве»[18]. В этом постановлении приводится мотивировка, почему дело о крестьянстве должно быть рассмотрено в Москве (писцовые книги находятся в Москве), но не сказано, что перенос дела в столицу предписан Уложением 1649 г.

В документах 1651 г. встречаем ряд указаний на то, что Уложение запрещало суд в крестьянстве служилых людей на местах и переносило его в Москву, в Разряд. Так, в 1651 г. был посажен на неделю в тюрьму шацкий воевода Н. Заболоцкий за решение дела о крестьянстве козловцев Никиты Васильева с братом Анкудином в пользу чебоксарян Григория и Михаила Кольцовых. Причем указ и вина были сообщены Н. Заболоцкому публично у приказной избы «при многих людях», потому что «по (нашему) указу *посланы в украинные городы наши грамоты к воеводам и к приказным людем, а не велено им украинных городов на служилых людей в городех по челобитью всяких чинов людей в холопстве и во крестьянстве суда и за пристава давать и в тюрьму сажать*». Это распоряжение тем более интересно, что вскоре после его получения дело рассматривалось в Разряде, в Москве и было решено в пользу тех же истцов[19]. Следовательно, шацкий воевода пострадал за нарушение указа и грамот о суде в крестьянстве в Москве.

В 1651 г. добренский драгун Наум Самойлов утверждал, что еще в 1649 г. по челобитью Л. Воейкова добренский воевода Ф. Обернибесов без суда, сыска и без очной ставки, взяв поминки с истца, отдал Н. Самойлова в крестьянство. В 1651 г. 5 мая Ф. Обернибесов, в то время уже не являвшийся воеводой в Добром, был допрошен в Разряде. Он показал, что в 1648/49 г. были присланы ему в Добрый две грамоты о суде в крестьянстве на Н. Самойлова с указанием «по суду учинить, до чего доведется». Все это произошло «до нынешнего государева указа, что в городех всяких чинов на служилых людей суда давать не велено». В 1649 г. сам Н. Самойлов «винился» в крестьянстве, потому и был выдан истцу. Рассмотрев дело в 1651 г., Разряд оставил в силе прежнее решение, потому что Н. Самойлов оказался записанным за П. С. Воейковым в бобылях[20]. Можно предполагать, что указ о перенесении суда в крестьянстве служилых людей в Москву состоялся в первой половине 1651 г.

В деле от середины 1651 г. о крестьянстве усманца сына боярского А. И. Душкина по иску ельчанина сына боярского Г. Перцова содержится прямое указание, что по Уложению в городах суда в крестьянстве и холопстве не дают[21]. Такое же положение о суде по делам о крестьянстве служилых людей украинных городов находим в деле от сентября 1651 г.[22]

В мае 1651 г. было указано «доправить 50 руб. пени на зарайском воеводе Б. Айгустове за дачу суда в крестьянстве на добренского драгуна»: *«а по государеву указу украинных городов служилых людей и драгунов оприч Разряду ни в которых городех суда давать не велено»*[23]. Итак, ряд

[18] Белгородский, стб. 291, лл. 308, 31!.
[19] Приказный, стб. 192, лл. 315—345.
[20] Там же, стб. 273, лл. 812—844.
[21] Там же, стб. 274, л. 121.
[22] Там же, стб. 270, л. 418.
[23] Там же, стб. 275, лл. 9—10.

фактов говорит о том, что рассматриваемый нами указ мог быть разослан в украинные города в начале 1651 г.

Впрочем, есть в этом деле и неясности. В 1651 г., 2 сентября, воронежский воевода В. Кропоткин получил грамоту с осуждением его за нарушение «не поодиножды» писанного ему указа, что суд в крестьянстве и холопстве воронежцев служилых людей дается только в Москве. В. Кропоткин отвечал, *что до этой грамоты никакого указа по вопросу о суде в крестьянстве и холопстве на воронежцев он не получал, да и исков такого рода предъявлено к воронежцам не было*. Но теперь он будет и впредь уведомлять истцов, если таковые найдутся, что «по государеву указу и по Соборному Уложению» велено предъявлять подобные иски в Москве, в приказах[24]. Мы не имеем основания не верить утверждению воеводы, что указ не был им получен в Воронеже.

Итак, мы полагаем, что приведенные выше утверждения Приказов о суде в крестьянстве и холопстве служилых людей украинных городов являются *толкованием Уложения и выводом* из установленных им способов доказательств крестьянства и холопства ссылками на писцовые и переписные книги; прямого постановления по этому вопросу Уложение не содержит. Обобщенное же толкование Уложения в указанном выше смысле было формулировано, как можно думать, на основании приведенных документальных данных в начале 1651 г. Основным формальным аргументом в пользу нового порядка рассмотрения дел о крестьянстве в Москве было нахождение там писцовых и переписных книг. Такую мотивировку мы привели из дела 1650 г. по поводу иска в крестьянстве к ливенцам служилых людей. По другому делу об иске в крестьянстве к служилым людям г. Каменного в 1651 г., 5 декабря, была сделана в Разряде помета: «послать государеву грамоту к воеводе в Каменное, будет учнут бить челом в крестьянстве и в холопстве, и на тех велено суд давать на Москве, для того что велено тово всево разыскивать книгами и всякими крепостьми, а на Каменном тово всево сыскивать нечем, а в тех во всех делах суд на Москве бывает»[25].

* * *

В описанный порядок суда о крестьянстве вскоре стали вноситься поправки. Можно проследить колебания и намерение отступить от только что категорически заявленного порядка. В самом начале 1652 г. челобитчик Ф. Хворостинин писал, что 16 сентября 1651 г. ему были даны грамоты в разные города (Елец, Коротояк, Усмань, Сокольск, Ольшанск и Ефремов) по его искам в крестьянстве, но те грамоты теперь «числом застарели, потому что *по первому твоему государеву указу городом*[26] быть на Москве не велено, и те твои государевы грамоты затем были не посланы». На челобитной — помета от 8 января 1652 г. о выдаче С. Хворостинину грамот в соответствии с указом о суде в крестьянстве на Москве[27]. Следовательно, мы вправе заключить, что в последней четверти 1651 г. произошло какое-то колебание в отношении порядка решения дел о крестьянстве.

Это колебание, возможно, стоит в связи с назначением в Яблонов в 1651 г. полковым воеводой боярина князя Б. А. Репнина. Видимо, стоял вопрос о децентрализации суда в крестьянстве и сосредоточении этих дел в Яблонове, в «шатре» полкового воеводы. Но в общей форме такое предположение отпало. Разряд стал, однако, поручать князю Б. А. Репнину

---

[24] Белгородский, стб. 335, лл. 44—46.
[25] Там же, лл. 53—54.
[26] «Городом», т. е. служилым людям южных городов.
[27] Белгородский, стб. 335, л. 474.

решение подобных дел [28]. В том же году подобными полномочиями пользовался и путивльский воевода князь С. В. Прозоровский [29]. В следующем, 1652/53 г. таким же правом пользовался в Яблонове князь Г. С. Куракин [30]. Но в данном случае это было лишь персональное поручение знатным полковым воеводам и не означало какого-либо изменения всего порядка рассмотрения дел.

В 1665—1666 гг. вновь возрождается попытка передачи дел о крестьянстве в руки полковых воевод: в Белгороде — тому же боярину князю Б. А. Репнину и в Севске — князю Ю. Трубецкому. Первому был подчинен ряд городов: Землянск, Ольшанск, Донков и др., второму — Карачев и др. Точно установить территориальное ведомство белгородского и севского полков в этот момент не удается. Неясно оно было и самим приказам. Так, например, в 1665 г. обнаружилась неясность в том, «ведомы ли Донков и Тамбов в Белгороде» [31]. Перенесение суда в крестьянстве в Белгород и Севск связано с образованием ведомства этих полков.

* * *

Существенное изменение в судебном процессе о крестьянстве произошло после Уложения 1649. Уложение установило вечную и потомственную крепостную зависимость крестьян, записанных в писцовые и переписные книги. Однако когда возникал вопрос о возврате беглых, поступивших на службу в новых южных городах, возвращение их владельцам ограничивалось новыми правительственными указами и постановление Уложения теряло силу. Так, в 1653 г. постановили бежавших в украинные города и на черту (Белгородскую) до Уложения 1649 г. не возвращать, а за бежавших после Уложения уплачивать из казны деньгами, «чтобы черты не запустошить». В 1656 г. возврат беглых из украинных городов и Белгородской черты был отодвинут до 1653 г. В 1675 г. было издано общего характера постановление, предписывающее «без государева указа в хозяйство и в крестьянство служилых людей из южных городов никому не отдавать», «для того что те ратные люди научены копейному, и рейтарскому, и драгунскому строю и к нынешней службе и к походу надобны» [32]. Новый ограничительный срок был установлен в связи с происходившими в 70-х годах большими походами на юг и массовыми «разборами» служилых людей «украинных и по черте городов» думными дьяками С. Титовым и С. Заборовским.

Как указы 1653 и 1656 г., так и занесение служилых людей в разборные книги 70-х годов погашали закрепощающую силу писцовых и переписных книг, а также Уложения 1649 г. В качестве иллюстрации приведем только один пример. В 1693 г. вотчинник Родион Аносов предъявил служилому человеку г. Доброго Тимофею Костину иск в крестьянстве на том основании, что Костин был записан за истцом в переписных книгах 1677/78 г. и в писцовых книгах 1685/86 г. Истцу было отказано: «*те книги во крестьянстве не в крепость*», так как беглые, написанные в службу «до разбора и в разбор 183 (1675 г.)» по государеву указу возврату владельцам не подлежат; представленные Р. Аносовым «крепости на нево Тимошку и на детей ево отставить» [33].

---

[28] Приказный, стб. 335, лл. 64—70.
[29] Там же, стб. 274, л. 394.
[30] Там же, стб. 196, лл. 228, 239.
[31] Там же, стб. 489, лл. 295—298.
[32] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. «Труды Института истории РАНИОН», сб. I, 1926, стр. 342—343.
[33] Поместный приказ. Рязань, стб. 41783, лл. 81—83.

* * *

С конца 50-х годов XVII в. *дела о крестьянстве служилых людей решаются в Москве, а дела о крестьянстве беглых, не записавшихся в службу, но живших за помещиками и вотчинниками, стали поручаться воеводам на местах.* Из цитированных выше дел о крестьянстве мы видим, что во всех случаях идет речь, собственно, о служилых людях. Однако принцип решения дел о крестьянстве по Уложению на основании писцовых и переписных книг имел общее значение: ведь книги находились в Москве и Приказы, внушая эту мысль воеводам как очевидную и вытекающую из Уложения, не делали никаких оговорок и исключений из общего принципа. Между тем такого рода отступления начались. В 1659 г., 7 февраля, ефремовскому воеводе было указано по иску ельчанина сына боярского Е. С. Федюнина бежавшему в Ефремовский уезд крестьянину следующее: «будет тот мужик в службу не написан и пойман и сидит в тюрьме в крестьянстве, и на него дать суд, и по суду и по крепостям, будет ему крепок и крестьянин ево, и того мужика по суду и по крепостям отдать ево попрежнему во крестьянство» [34]. В 1667 г. по другому иску о беглых в Курский уезд был дан указ курскому воеводе: «будет они (т. е. беглые.— *А. Н.*) живут за помещики и за вотчинники», то дать на них суд [35].

Наконец, выясняется еще одна подробность. В процессе о крестьянстве 60-х годах было установлено различие между «судом» и «вершением» дел, причем «суд» начинает даваться воеводами на местах, а «вершенье» дел московские приказы оставили за собой. Так, по иску рязанца И. С. Потулова о бежавшем от него в село Сосновку Тамбовского уезда крестьянине появилась такого рода помета: «дать судимую грамоту по указу, а засудя, велеть судное дело прислать к Москве в Разряд, а ответчиков до указу велеть дать на статные поруки» [36]. Подобная же помета 21 января 1667 г. была дана по иску рязанца И. Г. Щетнева о беглых его крестьянах в Тамбовский уезд: «дать государеву судимую грамоту в Тамбов к воеводе, а засудя судные дела для вершенья прислать к Москве в Разряд, а ответчиков дать на статные поруки до указу» [37]. Однако мы не имеем данных о том, насколько широко распространялось это новое правило. Оба приведенных нами случая относятся к бежавшим в Тамбовский уезд. Во всяком случае нам кажется, что это правило либо означало известное ограничение прав воевод по отношению к судам о беглых, оставшихся в крестьянах на новых местах жительства, либо в нем следует видеть поправку и дополнение по отношению к крестьянам дворцовых волостей.

Как уже отмечалось выше, сведения, касающиеся судов в крестьянстве, собраны нами лишь по южным уездам. Суд в крестьянстве на других территориях, где были распространены порядные, ссудные, половничьи записи и другие акты, должен быть изучен особо. Только в результате подробного исследования можно будет установить, каким способом доказывалась крепостная зависимость беглых и имеют ли силу доказательства крепостной зависимости порядные, ссудные и другие акты. Что касается городов по Белгородской черте, то порядных и ссудных здесь не встречается, по крайней мере в фонде Разряда (до конца XVII в.).

---

[34] Приказный, стб. 305, л. 162.
[35] Там же, стб. 474, л. 98.
[36] Там же, стб. 424, л. 104.
[37] Там же, л. 108.

В. Б. Павлов-Сильванский

ИСТОЧНИКИ И СОСТАВ ОТКАЗНЫХ КНИГ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА (30—40-е годы XVII века)

(По материалам Вяземского уезда)

Отказные книги принадлежат к числу незаслуженно забытых исторических источников. Многие исследователи не раз обращали внимание на необходимость внимательного изучения отказных книг, так как они содержат многочисленные сведения, касающиеся различных вопросов отечественной истории XVII—XVIII столетий [1]. Однако до сих пор источниковедческому анализу этих книг была посвящена лишь небольшая работа В. Н. Холмогорова [2]. Автор выделяет отказные книги в особый раздел документов, дает их определение как «юридических актов, закреплявших недвижимые имения за владельцами и впоследствии имевших значение вводного листа», отмечает, что среди комплексов отказных книг встречаются также книги отдельные, сыскные, раздаточные, раздельные, строельные и другие. Особое значение В. Н. Холмогоров придает отписным и отказным книгам Приказа Большого Дворца, как содержащим наиболее полные описания владений опальных, при отписке их «на государя», и отказным книгам Казанского Дворца, ввиду того, что «другие документы означенного учреждения за XVII столетие сгорели». Основная часть статьи посвящена самому процессу отказа, а раскрытие содержания отказных книг носит описательный характер.

В этой статье нами сделана попытка на примере отказных книг Вяземского уезда 30—40-х годов XVII в. показать процесс создания отказных книг, их источники, а также в самой сжатой форме выделить основные группы материалов, сконцентрированных в этих книгах [3].

Каждая отказная книга представляла собой результат большой, трудоемкой работы центральных и местных приказных учреждений. После того

---

[1] Д. Н. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI—XVII столетии, т. 1. Харьков, 1886, стр. XI; Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке, изд. 2-е. М., 1937, стр. 18; С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», № 17, 1945, стр. 52; А. А. Голомбиевский и Н. Н. Ардашев. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства (Обзор документов XVI—XVII вв. в делах XVIII в., переданных в Московский архив Министерства юстиции из упраздненных в 1864 г. учреждений), вып. 1. М., 1909, стр. 7.

[2] В. Н. Холмогоров. Об «Отказных книгах». Древности. «Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. 2, вып. 1. М., 1900, стб. 69—72.

[3] Здесь не рассматривается вопрос об отказных книгах как источнике по истории служилого землевладения в XVII в. Статья на эту тему подготовлена автором для печати.

как в Поместный приказ поступали челобитные служилых людей о землях, из различных документов, хранившихся в Приказе, выписывались все данные о челобитчиках и землях, которые они просили. Когда тех или иных сведений в Приказе не было, посылали запросы — «памяти» — в Разряд. Большей частью они касались служебного положения, послужных списков и окладов челобитчиков. Однако в силу положения Разряда и его связей с другими приказами в нем находились и документы о земельных владениях служилых людей. Поэтому «ответные памяти» Разряда, часто очень подробные, значительно дополняли сведения Поместного приказа. В случае необходимости запросы посылали и в Четверти, ведавшие уездами, где служилые люди просили земли. На основе челобитных и всех полученных данных составляли подробные «выписи», в которых излагалось существо дела и, как правило, указывались источники, откуда были получены те или иные сведения. Нередко после этого в Поместный приказ вызывали самих челобитчиков, где их «речи» («сказки») у выписи» сопоставлялись с полученными ранее сведениями. Только после этого дело поступало на доклад государю. В подавляющем большинстве случаев, независимо от решения вопроса, в уезды к воеводам и чинам местной приказной администрации посылали грамоты о проведении «сыска и меры» указанных земель.

Если после поступления «сыскных и мерных» книг в Приказ, подробного разбора их и вторичного доклада царю доводы челобитных признавались обоснованными, то следовала помета: «дать приговор и по сыску отказать» земли служилым людям. По приговору в уезды к тем же лицам в каждом отдельном случае посылались грамоты уже об «отказе» земель. В уездах производились сами акты «отказа», результатом которых и являлись «отказные» книги. После «отказа» служилым людям выдавались жалованные или ввозные, а также послушные грамоты. Таков общий ход большинства подобного рода дел Поместного приказа. Но иногда объявлялись другие претенденты на те же земли. Тогда появлялись новые челобитные, «выписи», «сыскные и мерные» и «отказные» книги, начинались тяжбы, которые нередко продолжались по несколько лет.

Остановимся особо на двух основных документах каждого дела: «сыскных и мерных» и «отказных» книгах [4].

«Сыскные и мерные» книги содержали итоги всей работы, предшествовавшей актам «отказов» земель, а сами по себе являлись подготовительной ступенью для составления «отказных» книг. Целью «сыска» было: любыми средствами, вплоть до «сыска накрепко большим повальным обыском», найти просимые земли и на местах, точно установив их действительную принадлежность, хозяйственное состояние и размеры, составить подробное описание. Производство как «сыска и меры», так и «отказа» земель, включая и составление книг, чрезвычайно подробно регламентировали царские грамоты. Для ознакомления чинов местной приказной администрации с делом в них включали и указанные выше «выписи».

Порядок расположения материала в «сыскных и мерных» книгах обычно следующий: 1) подтверждение того, что царская грамота о «сыске

[4] Что каждое законченное дело содержит в числе других документов и те и другие книги, особенно наглядно видно в столбцах Поместного приказа. То же можно наблюдать и в комплексе «отказных» книг, переплетенных в отдельные тома. См. Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1209, Поместный приказ. Отказные книги по городу Вязьме (далее приводится лишь номер фонда), кн. 10823, дела 110 и 136, 111 и 144, 137 и 152, 139 и 163, 143 и 156, 154 и 181, 157 и 183, 158 и 173, 160 и 184, 165 и 182, 166 и 177, 186 и 199; кн. 10824, дела 7 и 61, 8 и 45, 10 и 50, 11 и 43, 12 и 37, 21 и 26, 22 и 39, 24 и 29, 34 и 44, 41 и 65; кн. 10822, д. 55 и кн. 10823, д. 145; кн. 10822, д. 64 и кн. 10823, д. 180; кн. 10822, д. 82 и кн. 10823, д. 116; кн. 10822, д. 91 и кн. 10823, д. 128; кн. 10822, д. 92 и кн. 10823, д. 124; кн. 10822, д. 98 и кн. 10823, д. 148; кн. 10823, д. 117 и кн. 10824, д. 1; кн. 10823, д. 122 и кн. 10824, д. 30; кн. 10823, д. 142 и кн. 10824, д. 51; кн. 10823, д. 147 и кн. 10824, д. 42; кн. 10823, д. 187 и кн. 10824, д. 33; кн. 10823, д. 201 и кн. 10824, д. 27 и др.

и мере» получена, и список с грамоты; 2) изложение того, что сделано во исполнение наказа — кто и когда был послан руководить сыском, состав «обыскных людей» и их «речи» («сказки»), как проходил самый акт сыска и меры; 3) хозяйственное описание земель.

В составе списков с царских грамот в «сыскные и мерные» книги попадали и отмеченные выше «выписи». Таким образом, в первой части этих книг до нас дошли все данные о служилых людях-челобитчиках (послужные списки, оклады и степень их наполненности к моменту челобитья, известия о том, где, когда и на каких основаниях ими были получены земли в предшествующие годы). Тут же мы находим содержание самих челобитных по данным делам с замечаниями Приказа об их обоснованности, все сведения о просимых землях, которые только можно было извлечь из документов центральных, а нередко и местных учреждений.

Благодаря «выписям» в «сыскных и мерных» книгах, может быть, как ни в одном другом виде документов, постоянно упоминаются писцовые, переписные, дозорные и приправочные книги, а также сотные выписи. Это описания, составленные как близко по времени к моментам «отказов», так и более ранние. Кроме того, в этих книгах содержатся известия о погибших и пропавших описаниях (часто с объяснением причин). Изучение всего комплекса сохранившихся «сыскных и мерных» и «отказных» книг уезда за определенные годы дает возможность выявить как все описания, которые имел в это время Поместный приказ и использовал при решении вопросов о наделении служилых людей поместьями и вотчинами, так и описания, к тому времени уже не сохранившиеся. Большую помощь при этом может оказать сопоставление данных этих книг с известиями, содержащимися в ряде других источников.

В «сыскных и мерных» книгах по Вязьме постоянно упоминаются писцовые книги 7101—7104 (1593—1596) гг., «письма и меры Василия Волынского с товарыщи» [5] и дозорные книги 7124 (1615—1616) гг., «письма и дозору Микифора Шапилова и подьячего Остафья Колупанова» [6]. Документы этих лет не содержат каких-либо упоминаний о более ранних писцовых книгах Вяземского уезда. По-видимому, это были наиболее ранние писцовые книги уезда, которыми располагали в 30—40-е годы XVII в. Разряд, Поместный приказ и Устюжская четверть.

Большое значение имеют известия «сыскных и мерных» книг о писцовых книгах Вяземского уезда 7134—7135 (1626—1627) гг. Юрия Мусина-Пушкина и подьячего Сидора Андреева. Как известно, эти писцы закончили описание уезда, вернулись в Москву, но здесь внезапно умерли, так и не представив в Поместный приказ ни своих книг, ни даже перечневых росписей. Именно в отказных книгах был зафиксирован полный комплекс приправочных книг, полученных писцами в 1626 г. при отправке их в Вязьму [7]. Это помогло установить, что списки с приправочных книг сохранились [8], и, таким образом, датировать те, не дошедшие до нас писцовые книги XVI в., которые вошли в состав приправочных книг [9]. Однако в нескольких «сыскных и мерных» книгах сообщалось, что служилые люди во время «сыска и меры» предъявляли «выписи», сделанные с книг Ю. Мусина-Пушкина и С. Андреева, по-видимому, данные им самими писцами [10].

---

[5] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, дела 79, 81, 83 (второе), 89, 92, 97, 105; кн. 10823, дела 134, 138, 179, 186, 188, 191, 194, 197, 201; кн. 10824, д. 6 и др.

[6] Там же, кн. 10822, д. 83 (второе), 92, 93; кн. 10823, дела 134, 178 и др.

[7] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10823, д. 134.

[8] Там же, кн. 618 и 619.

[9] См. В. Б. Павлов-Сильванский. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века. «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 92—102.

[10] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, дела 37 и 40; кн. 10823, д. 179; кн. 10824, д. 78.

Известно, что писцам строжайше запрещалось давать землевладельцам выписи со своих книг, до тех пор пока беловые экземпляры не будут переданы в Приказ и там еще раз проверены и утверждены. Причина этого понятна — ведь выпись с писцовых книг являлась одним из решающих документов, подтверждающих право владения поместьем или вотчиной. Выдача выписей в таких случаях разрешалась крайне редко и лишь с особого разрешения Приказа [11]. Видимо, в данном случае писцам разрешили давать такие документы землевладельцам. Это еще раз подтверждает, что в связи с тем, что прежние писцовые книги устарели, а также в результате последствий московского пожара 3 мая 1626 г., потери и уничтожения многих грамот и выписей во время интервенции начала XVII в. и Смоленской войны 1632—1634 гг. в 20—30-е годы появилась острая необходимость нового описания уезда. Поэтому такое большое значение придавали писцовым книгам Ю. Мусина-Пушкина и С. Андреева. Так, благодаря известиям «сыскных и мерных» книг становится возможным проследить судьбу даже тех писцовых книг, составление которых не было окончательно завершено.

Те же «выписи» содержат ряд важнейших указов, как современных времени составления книг, так и за более ранние годы. За 12 лет — сравнительно небольшой промежуток времени — мы находим в них указы: о наделении поместьями и вотчинами за участие в Смоленской войне различных категорий служилых людей [12]; о наделении прожиточными поместьями вдов и дочерей служилых людей, убитых или умерших во время Смоленской войны [13]; об испомещении подьячих, и в частности подьячих, посланных на службу во Псков [14]; о «повороте» вдовам и дочерям служилых людей их прожиточных поместий, которыми опи «поступились» другим служилым людям, если последние не выполнили своих обязательств перед ними [15]; о наследовании дочерьми вотчин отцов [16] и другие указы.

Таковы известия, которые содержали вошедшие в состав «сыскных и мерных» книг «выписи» Приказа. То, что «выписи» сохранились в «сыскных и мерных» книгах, очень важно. С одной стороны, оригиналы многих «выписей» и документов, на основе которых они составлялись, до нас не дошли. С другой же стороны, даже если предположить, что эти документы сохранились,— значение такого рода сводки материалов для исследователей нисколько не уменьшается. Ведь для того, чтобы составить подобную «выпись» по одному только делу, потребовалось бы очень много времени.

Второй важнейшей частью «сыскных и мерных» книг являлось хозяйственное описание просимых челобитчиком земель. Оно велось последовательно по населенным пунктам и пустошам. Отмечалось, в фонде каких земель они находились в момент сыска и кому принадлежали прежде. В самих населенных пунктах описывались церкви, а также дворы церковного причта; дворы помещиков и вотчинников (с переписью населявших их «людей»); отдельно крестьянские и бобыльские дворы (с поимённым перечислением крестьян и бобылей). Не пропускали также и дворовые места, причем почти всегда приводились имена крестьян или бобылей, когда-то живших на этих местах. Затем следовало описание всех категорий земель, лесов и угодий, согласно общим принципам писцовых наказов того времени. Такие наказы содержали все царские грамоты о «сыске и

---

[11] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 172—173.

[12] ЦГАДА, ф. 1209. Оклеенные столбцы по г. Вязьме, № 29596, ч. I, д. 5, л. 78; д. 8, лл. 140—225.

[13] Там же. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, дела 41, 46, 90 и др.; кн. 10824 д. 66; Оклеенные столбцы по г. Вязьме, № 29610, ст. 32, д. 4, л. 7.

[14] Там же. Оклеенные столбцы по г. Вязьме, № 29596, ст. 17, ч. I—II, д. 8, лл. 156 и 187—189.

[15] Там же, № 29596, ст. 17, ч. I, д. 2, л. 29.

[16] Там же. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10823, д. 190.

мере». Отсутствие угодий каждый раз отмечалось в книгах. Если челобитчик просил земли в нескольких станах, то сначала описывали земли одного стана и только затем переходили к другому. Если в сыске обнаруживали, что часть просимых земель уже была пожалована кому-либо, то эти земли выписывали отдельно с указанием, кому и когда они пожалованы и имеются ли подтверждающие это документы. В конце «сыскных и мерных» книг подводятся общие итоги: число населенных пунктов и пустошей, количество крестьянских и бобыльских дворов, крестьян, бобылей и «иных людей» в них, количество пашни, лесов и угодий.

Таков круг вопросов, который, согласно наказам, должен был быть отражен в «сыскных и мерных» книгах. Но иногда усердные их составители производили гораздо более подробное описание, чем это требовалось наказом. В этих случаях перед исследователем развертывается широкая картина хозяйственного состояния данных земель. Гораздо тщательнее описывались храмы и постройки; отмечались владельческий и крестьянский домашний скот и птица, а также сельскохозяйственный инвентарь; перечислялись количество и сорта посеянных и собранных культур; подробно описывались угодья и сады. «Сыскные и мерные» книги за подписями руководителей сыска, обыскных людей и приписью дьяка при воеводах присылали в Приказ. Это категорически оговаривалось во всех грамотах «о сыске». В съезжей избе уезда оставались копии «сыскных и мерных» книг.

Остановимся подробнее на вопросе об участии в сысках «обыскных людей» и на их «речах», или «сказках». Наказы о проведении сысков перечисляли многочисленный состав «обыскных людей». Но, за исключением особых случаев [17], «обыскных людей» в каждом сыске бывало значительно меньше и состав их не столь разнообразен. Очень часто в сыски брали только крестьян (как дворцовых, так и частновладельческих) [18]. И это не было нарушением наказов, многие из которых предписывали брать «обыскных людей» именно из крестьян, причем стараться найти старожильцев. Обычно вместе с ними в сыске участвовал и поп одной из близлежащих деревень, который приводил «обыскных людей» к крестному целованию, а также часто скреплял «сыскные и мерные» книги подписями «в место прихожан своих по их велению».

При изучении истории составления писцовых, переписных, дозорных книг уездов исследователю трудно проследить, бывали ли писцы вместе с «тутошними и сторонними людьми» на всех тех землях, которые они описывали. Они не оговаривали этого в каждом отдельном случае. Совсем иную картину мы наблюдаем в «сыскных и мерных» книгах. В каждой из них старательно и не один раз подчеркивалось, что руководитель сыска был на месте, и притом не один, а вместе с «обыскными людьми». Некоторые детали «сыскных и мерных» книг позволяют установить, что «обыскные люди» не только бывали на местах, но и принимали участие в самом процессе сыска и меры [19].

Подобных примеров можно было бы привести не один десяток. Производство сысков непосредственно на местах не было лишь формальным выполнением буквы наказов. Необходимость этой меры диктовалась рядом важных обстоятельств. Задача каждого сыска заключалась в описании не вообще всех земель той или иной части уезда, а определенных населенных пунктов и пустошей, указанных в челобитных служилых людей.

Когда в Поместный приказ поступали челобитные о землях, там в первую очередь обращались к писцовым книгам. Однако, если такие сведения и находили в этих книгах, зачастую они оказывались уже давно устарев-

---

[17] См., например, ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, д. 79.

[18] Там же, кн. 10822, дела 41, 42, 49, 67, 70, 75, 76, 81, 83, 83 (второе), 84, 89, 91; кн. 10823, дела 131, 141, 146, 157, 160, 161, 162, 187; кн. 10824, дела 41, 63, 69 и др.

[19] Там же, кн. 10823, дела 138, 187 и др.

шими и нуждались в серьезной проверке. Но приказным чинам нередко приходилось и констатировать, что искомые населенные пункты и пустоши «в этих книгах не сысканы или написаны другими именами» [20].

Если учесть еще, что в челобитных речь идет иногда о $^1/_8$—$^1/_{10}$ долях пустошей и починков, которые, прежде чем измерить, нужно было найти; что часто служилые люди неверно указывали местонахождение земель, а также то, что после сысков предстояли еще акты отказов с дополнительной проверкой материалов сысков,— причина проведения последних на местах станет еще более понятной. Конечно, при изучении отказных книг ряда уездов за длительный срок, можно встретить не один случай нерадивого отношения к делу со стороны руководителей сысков и даже отказов [21]. Здесь мы можем только сказать, что отказные книги Вяземского уезда за изучаемые годы не сообщают о подобных фактах. Таким образом, вряд ли можно считать роль «обыскных людей» пассивной, сводившейся лишь к тому, чтобы подписать «сыскные и мерные» книги.

Важнейшей частью каждой «сыскной и мерной» книги являлись «речи» («сказки») «обыскных людей». Они содержат сведения, которых нет, пожалуй, ни в одном другом источнике. И это хорошо понимали чины приказов. Все без исключения наказы о сысках требуют, чтобы в Москву вместе с «сыскными и мерными» книгами присылали подлинные «сказки» «обыскных людей «за их руками».

«Сказки» «обыскных людей» в большинстве случаев оказывали решающее влияние на исход дела. Много сведений содержат они о «литовском разорении» Вяземского уезда [22]. Это тем более важно, что дозорная книга Вяземского уезда 1615—1616 (7124) г. М. Шапилова и подьячего О. Колупанова касается не всех станов и очень кратка в описании отдельных владений. За редким исключением все «сказки» называют прежних владельцев (часто последовательно ряд владельцев), что дает возможность проследить историю поместий и вотчин. Так, в октябре 1641 г. во время сыска по делу Григория Степановича Бельского «обыскные люди» показали: «То мы ведаем, исстари де бывала та пустошь Поповка села Уды поместная земля, а поместья бывало перевотчика ерменина Степанова. А после де тово перевотчика ерменина тем поместьем селом Удою и пустошью Поповкою владел Игнатей Татищев... И после де тех помещиков было село Уда и пустошь Поповка в казачие роздаче отдана казаком Григорьевы станицы Скользихина Ермоле Онтонову да Клементею да Федору Юдиным в поместья. И те де казаки селом Удою и пустошью Поповкою владели. И после де казаков село Уда и пустошь Поповка отдана в поместье Григорью Степанову сыну Бельскому». Другие крестьяне добавляют: «Как было село Уда и пустошь Поповка в роздаче за казаки за Ермолою Онтоновым да за Клементьем да за Федором Юдины в поместье и мы у них село Уду и пустошь Поповку сенные покосы наймывали»; и далее: «а то де мы прозвали пустошь Поповку, что на ней поп живал боярской, а земля де села Уды поместная» [23].

В числе прежних помещиков и вотчинников встречаются широко известные фамилии.

---

[20] Там же. О книгах В. Волынского см. кн. 10822, дела 79, 81, 83 (второе), 92, 105 и др.; кн. 10823, дела 134, 179, 191, 194, 201; кн. 10824, д. 6; о книгах М. Шапилова см. кн. 10822, дела 83 (второе), 92, 93 и др.; кн. 10823, дела 134, 178 и др.

[21] Так, В. Н. Холмогоров приводит пример, когда воевода, «дружа» одному из челобитчиков, умудрился произвести отказ не в имении, назначенном к отказу, а в съезжей избе. См. В. Н. Холмогоров. Указ. соч., стб. 7.

[22] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, дела 38, 39, 46, 48, 56, 79, 81, 83, 91, 106; кн. 10823, дела 86, 92, 110, 111, 115, 121, 122, 124, 126, 129, 137, 141, 160, 161, 175, 187, 193, 199 и др.; кн. 10824, дела 8, 9, 20, 25, 37, 45, 75.

[23] Там же, кн. 10823, д. 194. Подобные случаи не единичны (см., например, там же, кн. 10823, д. 187; кн. 10822, д. 79 и др.).

Чрезвычайно любопытно, что в «сыскных и мерных» и «отказных» книгах даже за 30—40-е годы XVII в. (в большинстве случаев в «сказках» «обыскных» и «отказных людей») — источнике, где на первый взгляд меньше всего следовало бы ожидать этого,— содержатся сведения о поместьях и вотчинах опричников в Вяземском уезде [24]. Среди бывших владельцев: дьяк Сапун Тихонович Аврамов [25], Богдан Яковлевич Сидоров-Бельский [26], Дмитрий Годунов [27], Афанасей Демьянов [28], Федор Захаров [29], Ергун (Аргун) Захарьин [30], Иван Иванович Мятлев [31], Семен и Юрий Пушечниковы [32], Деменша и Демид Черемисиновы [33]. Несомненно, что владевший когда-то поместьем Андрей Матвеевич Воейков — сын опричника Матвея Семеновича Воейкова [34]. Не менее важно и сообщение книг о владениях в уезде двух известных деятелей XVI в.— дьяка Путилы Михайлова (Митрофанова) и Замятни Ивановича Сабурова. По «сказкам» «обыскных людей» поместье П. Михайлова перешло затем к З. Сабурову, а после него — к Василию Ивановичу Нагому, который умер в 1640 г. [35]

«Сказки» сообщают, остались ли родные и родственники после убитых и умерших землевладельцев, чьи поместья и вотчины просили другие служилые люди.

В сысках иногда обнаруживалось, что просимые земли уже отданы кому-нибудь. В этих случаях в «сказках» можно найти имена новых владельцев. Много места уделено в «сказках» «порозжим» землям поместного фонда, которые «до поместные роздачи» отдавались на оброк крестьянам и казакам в Вязьме и Москве [36]; упоминается в них и о сдаче земли на оброк крестьянам отдельными землевладельцами (служилыми людьми, монастырями, управляющими митрополита Крутицкого) [37].

Подавая челобитные о землях, служилые люди часто сами не знали, где точно расположены эти земли в пределах уезда. Если в приказе и находили сведения о них в писцовых и других книгах, то путаница все же не всегда устранялась. Истинное положение дела во многом помогали установить «сказки» «обыскных людей». Приведем несколько примеров.

В 1646 г. «греческие роты иноземцы» О. Семенов и И. Скорлатов били челом о «порозжих» пустошах Молотцкого стана. По «сказке» оказалось, что «те пустоши и те именье есть в выменной земле Дорогобужского уезду, Дмитровского стану, а не Вяземского уезду и не в Молотцком стану. А супротив тех пустошей отданы вяземские пустоши к Дорогобужскому уезду, как были межевые судьи князь Микита Михайлович Межецкой с товарыщи», и что теперь эти пустоши «лежат в порозжих землях» [38]. То же самое произошло в 1643 г. со стольником Григорием Гавриловичем Пушкиным, который просил «пустошь Свиридово Меньшое, а Сапругино тож» [39]. Таким же образом было установлено, что пустошь Подольняя — вовсе не в Бывалицком стане Вяземского уезда, а в Лесовом круге

---

[24] Здесь приведены имена только тех опричников-землевладельцев Вяземского уезда, которые были обнаружены нами в отказных книгах за 1634—1646 гг.

[25] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10823, д. 157.

[26] Там же, кн. 10822, дела 89 и 107; кн. 10824, д. 59.

[27] Там же, кн. 10823, дела 142, 187; кн. 10824, д. 8.

[28] Там же, кн. 10824, д. 4.

[29] Там же, кн. 10823, д. 172.

[30] Там же, кн. 10822, д. 86.

[31] Там же, кн. 10823, д. 186.

[32] Там же, кн. 10822, д. 86; кн. 10823, дела 129 и 134.

[33] Там же, кн. 10823, дела 111 и 192; кн. 10824, д. 21.

[34] Там же, кн. 10823, дела 115, 188, 201; кн. 10824, дела 17, 34 и 46.

[35] Там же, кн. 10823, д. 197; кн. 10824, д. 30.

[36] Там же, кн. 10822, дела 81, 82, 83 (первое), 88, 91, 93, 106 и др.; кн. 10823, дела 135, 138, 139, 142, 143, 154, 156, 157, 160, 171, 184, 187, 196, 198; кн. 10824, дела 7, 8, 34, 41.

[37] Там же, кн. 10822, дела 79, 81, 91; кн. 10823, дела 142, 187, 194 и др.

[38] Там же, кн. 10824, дела 69 и 70.

[39] Там же, кн. 10823, д. 154; кн. 10824, д. 7.

Можайского уезда, а также, что ряд других пустошей хотя и были расположены в Вяземском уезде, но вовсе не в тех станах, как это представляли в Приказе и челобитчики [40].

Нередко служилые люди просили два населенных пункта или пустоши, а это была одна деревня или пустошь со сложным названием. Бывали и обратные случаи [41]. Трудно перечислить все «сыскные и мерные» книги, в которых «сказки» «обыскных людей» вносили важные исправления.

Реже всего в «сказках» «обыскных людей» содержатся ответы на вопросы наказов о том, на основании каких документов служилые люди владели или владеют поместьями и вотчинами. Постоянно в них можно встретить ответы: «А по даче ль оне тою пустошью владели или нет, мы про то не ведаем». В то же время «обыскные люди» хорошо знали фактических владельцев земель. Это обстоятельство очень важно, так как реальное положение дел нередко давно не соответствовало тому, что фиксировали документы, хранившиеся в Поместном приказе. Кроме того, «сказки» подчас сообщают данные, сторицей восполняющие для исследователя незнание «обыскными людьми» документальных подтверждений на владения.

Так, когда после смерти князя Юрия Волконского его вдова — княгиня Дарья и дочь Ирина просили «прожиточное» поместье, «сказали те сторонние люди, что променил де князь Юрья Волконской деревню Тучкова со крестьяны, да пустошь Михалева, да половину пустоши Тиханова Ивану Замытцкому на половину села Воскресенскова. А та де половина села Воскресенскова была Ивана Замытцкова. А поменялися де ане полюбовно. И тое де половину села Воскресенскова выменив, князь Юрья справил в вотчину. А потому де била челом князь Юрьева жена Дарья, что в книгах не росписана. И по тем де им книгам расписыватца на Москве» [42].

При сопоставлении всех «сказок» обнаруживается, что сведения крестьянских «сказок» часто гораздо точнее и подробнее сведений, содержащихся в «сказках» «обыскных людей» из местных землевладельцев. Сами дворяне и дети боярские не раз писали в своих «сказках», что свои сведения о том или ином владении они получили от крестьян-старожильцов [43]. Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех случаях, когда «обыскные люди» почти или совсем ничего не знают о владельцах и их поместьях и вотчинах, они прямо заявляют об этом в «сказках», часто указывая причины своей неосведомленности [44]. Среди них можно встретить и следующую: «обыскные люди» не знают, например, деревень и пустошей, потому что те «запустели из давных лет, а старожильцов и знатцов на них нет. Потому что мы де люди молодые, а иные выходцы — пришли и поселились вново не в давних летех». Это обстоятельство заставляет с еще бо́льшим вниманием отнестись к достоверности «сказок» «обыскных людей».

Сравнение «сыскных и мерных» и «отказных» книг показывает, что почти все материалы «сыскных и мерных» книг, еще раз проверенные в Приказе и в ходе «отказов», переходили в «отказные» книги. Более того, степень полноты «отказных» книг целиком зависела от того, насколько обстоятельно были составлены «сыскные и мерные» книги. «Отказные» книги очень близки к «сыскным и мерным» и по своей структуре. Вначале в них также следует подтверждение того, что царская грамота, в данном

---

[40] См., например, там же, кн. 10823, дела 110, 129 и 186 и др.

[41] Там же, кн. 10823, дела 141, 143, 165; кн. 10824, д. 54 и др.

[42] Там же, кн. 10823, д. 155. Очень интересные сведения такого рода см. кн. 10822, д. 75.

[43] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10823, дела 138 и 194.

[44] Там же, кн. 10822, дела 49, 81, 83, 89, 91; кн. 10823, дела 131, 142, 146, 161, 162, 193; кн. 10824, дела 41, 55, 62, 69, 70 и др.

случае уже о производстве «отказа» земель челобитчику, получена, и содержится список с грамоты. Затем перечисляется все, что было сделано во исполнение наказа: кто был назначен руководителем «отказа», состав «отказных людей», их «речи» («сказки»), описание самого акта «отказа», произведенного на месте, и хозяйственное описание «отказанных» земель.

Однако при всем этом между теми и другими книгами имеется ряд различий, которые не следует упускать из виду. При сравнении особенно отчетливо видно, что первая часть «сыскных и мерных» книг значительно полнее и подробнее той же части «отказных» книг. Так, например, в составе царских грамот об «отказе» земель в «отказные» книги попадали те же «выписи», составленные в Приказе, которые встречались нам в «сыскных и мерных» книгах. Но в «отказных» книгах они приводятся уже не полностью, а даны только выборочные сведения из них. Здесь нет подробного изложения самих челобитных служилых людей, а лишь кратко указываются причины челобитий. Так же кратко сообщается, что челобитчики уже имеют столько-то четвертей земли в таких-то уездах, но, в отличие от «сыскных и мерных» книг, почти не встречается указаний на то, когда и за что были получены эти земли; нет также росписей их по населенным пунктам и пустошам с точным расчетом в четвертях.

Выше уже говорилось о том значении, которое имели «речи» («сказки») «обыскных людей» при решении об «отказе» поместий и вотчин челобитчикам. Но из всех содержащихся в них сведений по истории этих земель в «отказные» книги включали лишь данные о том, к каким категориям относились земли к моменту «отказов»: к «порозжим землям» Поместного фонда, «дворцовым волостям» или они уже были отказаны другим служилым людям, или отданы на оброк крестьянам и т. п. «Речи («сказки») «отказных людей» не повторяют сведений, сообщавшихся «обыскными людьми», а лишь при необходимости добавляют и исправляют их.

Различия первой части «сыскных и мерных» и «отказных» книг вызваны теми целями, которые ставились при составлении тех и других источников. Если задачей «сыскных и мерных» книг (подготовительной ступени при составлении «отказных» книг) было собрать и систематизировать все данные дела, главным образом о просимых челобитчиками землях, то составление «отказных» книг (окончательного документа каждого дела) преследовало совсем иные цели: зафиксировать самый акт «отказа» земель челобитчикам и, таким образом, закрепить за ними поместья и вотчины с точным перечислением того, что было «отказано». К моменту «отказа» в Приказе уже ясно представляли себе дело и вынесли по нему решение. Поэтому в первой части «отказных» книг не было необходимости повторять все подробности дела, а можно было кратко изложить его суть.

Полностью, до мельчайших подробностей переходили из «сыскных и мерных» книг в «отказные» хозяйственные описания земель, иногда исправленные и дополненные во время самих «отказов». По сравнению с «сыскными и мерными» книгами здесь отличие лишь в расположении материала. Так, если о деревне (пустоши) поступала общая челобитная нескольких служилых людей, то описание ее дается не в одном месте, а по частям, которые передавались каждому из челобитчиков. Соответственно этому описывались и угодья. В том случае если служилый человек получал не всю деревню (пустошь), а часть ее отписывалась «на государя до поместные и вотчинные роздачи» или поступала в другие фонды, земли эти выделялись в особый раздел, обычно помещавшийся в конце «отказных» книг.

Но нередко бывало, что после того, как служилый человек подал челобитную о поместье или вотчине и в уезде уже был произведен «сыск и мера», в Поместный приказ поступали челобитные о тех же землях от других служилых людей (родственников или чужеродцев). Тогда, даже если дело уже было решено в пользу первого челобитчика, «отказ» ему

земель временно откладывался. Снова составлялись в полном объеме дела, посылались в уезд новые «сыски и меры» и т. д. Если же в результате всего в Приказе принимали решение «отказать» землю и тем и другим, то общие «отказные» книги уже включали данные всего дела. Таким образом, содержание их значительно расширялось, особенно в первой части [45].

Подведем итоги. «Отказные» книги Поместного приказа XVII в. содержат важные сведения по истории служилого землевладения, исторической географии, топонимике, истории писцового дела, областного управления и т. д. Следует отметить, что ряд этих сведений относится и к более ранним векам: XV и XVI. Составлению «отказных» книг предшествовала большая работа центральных и местных приказных учреждений. В книгах собраны материалы из многих не дошедших до нас документов, в частности грамот, писцовых, переписных, дозорных книг и сотных выписей, Уставных книг Приказов и др., нередко в составе «отказных» книг сохранились копии с грамот, поэтому изучение «отказных» книг представляет интерес и с этой точки зрения.

«Сыскные и мерные» книги значительно полнее и подробнее «отказных» книг, особенно в первой части, содержащей сведения о челобитчиках и истории просимых ими земель. Поэтому, на наш взгляд, во всех случаях, когда сохранились и те и другие книги, нельзя ограничиваться изучением только «отказных» книг. Лишь при совместном рассмотрении материалов обоих типов книг можно ясно представить дело во всех его деталях: какие земли привлекали служилого человека; весь комплекс земель, о котором он подавал челобитную; что он в результате получал и куда поступали земли, не доставшиеся челобитчику. Кроме того, такое рассмотрение позволяет проследить ту ожесточенную борьбу за землю внутри класса-сословия феодалов, которая особенно обострилась в XVII в.

---

[45] ЦГАДА, ф. 1209. Отказные книги по г. Вязьме, кн. 10822, д. 86; кн. 10823, дела 120, 127, 137, 161, 173, 174, 176; кн. 10824, дела 20, 34, 40 и др.

С. И. Сакович

ПАМЯТИ КОРМЕЖНЫЕ, НАЕМНЫЕ И ЖИЛЫЕ КРЕСТЬЯН-ОТХОДНИКОВ КОНЦА XVII века

Крестьянский отход и наемный труд в сельском хозяйстве — две проблемы, имеющие важнейшее значение в социально-экономической жизни феодальной деревни России XVII—XVIII вв. За последнее десятилетие разработка этих проблем, как известно, значительно продвинулась вперед [1]. Тем не менее история наемного труда в крепостной деревне до настоящего времени еще мало изучена из-за недостатка источников.

Для анализа природы и характера крестьянского найма очень важен вопрос об оформлении отхода крестьян и их найма на работу еще в XVII в. Между тем акты такого рода для XVII столетия весьма редки. Известно, что М. А. Островской удалось найти относящиеся к XVII — началу XVIII в. наемные записи на работу у черносошных крестьян Каргопольского уезда [2]. Но А. А. Преображенский, изучавший наемный труд в хозяйстве черносошных крестьян Кунгурского уезда; не обнаружил подобных записей в судных делах крестьян с их наемными работниками и склонился к мысли, что их могло и не быть [3]. Актов, оформлявших отход и наем в хозяйстве крепостных крестьян XVII в., исследователям до сих пор не встречалось. Но они существовали в жизненной практике феодальной деревни России XVII в. и дошли до нас, хотя и в небольшом количестве.

В составе коллекции П. И. Щукина, находящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), среди документов хозяйственного архива Вологодского архиерейского дома [4] сохранилось 35 актов, оформлявших отход крепостных крестьян разных владельцев на работу по найму. Все акты относятся к одному, 1698 году, датированы разными числами трех весенних месяцев — марта, апреля и мая. Они принадлежали 47 крестьянам — отходникам Вологодского и Галицкого уездов, работавшим на Лежском волоке [5] в вотчине вологодского архиепископа у крестьян разных деревень. Находившаяся здесь оброчная вотчина была самой крупной в архиепископском хозяйстве и по количеству земли, и по числу крестьянских дворов. В 1670-х годах на Лежском волоке

[1] А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка. «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 80—109; Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. «История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79.

[2] М. А. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 199—205.

[3] А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII и начале XVIII в. Сб. «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.». М., 1958, стр. 45.

[4] ОПИ ГИМ, ф. 226, ед. хр. 24.

[5] Лежский волок — одна из волостей Вологодского уезда, расположенная к юго-востоку от г. Вологды по течению р. Лежи, притоку р. Вологды, и по притокам р. Лежи.

было сосредоточено около половины всех дворов, принадлежавших архиерейской кафедре, а именно 790 из 1693. По переписи 1702 г. на Лежском волоке в 176 деревнях и починках числилось 1149 дворов крестьянских и бобыльских[6]. Во дворах некоторых крестьян (даже многосемейных) жили беспахотные бобыли со взрослыми сыновьями и захребетники.

Сохранившиеся акты по составу распадаются на две неравные группы: 1) акты отходников из монастырских крестьян (27) и 2) акты отходников из помещичьих крестьян (8). 22 акта были выданы крестьянам властями шести вологодских монастырей: Арсеньева (1)[7], Глушицкого (1)[8], Корнилиева Комельского (1)[9], Николо-Озерского (1)[10], Спасо-Каменного (3)[11], Троицкого Павлова Обнорского (15)[12], а пять актов — приказным вотчины Московского Симонова монастыря, села Демьянова Вологодского уезда.

Отпускные и наемные акты второй группы принадлежат 13 крестьянам, отходникам двух уездов — Вологодского и Галицкого. Владельцами их были вологодские помещики — А. Г. Денисов, О. В. Головнин, М. И. Колтынянский, И. И. Чайковский и помещики Галицкого уезда — В. И. Кафтырев, Н. И. Нелидов и И. И. Пылаев.

Сохранившиеся документы крестьянского отхода и найма имеют разные названия и неодинаковое назначение. Бóльшая их часть (16) носит название памятей — отпускных, кормежных, жилых и наемных. Название отпускных, кормежных и жилых памятей имеют акты, выданные и монастырями, и помещиками. Другие акты названы расписками, отпускными работными и отпускными письмами. Бóльшая часть актов оформляет отход и наем одного лица. Но наряду с этим есть несколько актов (4), выданных на два лица. Кроме того, сохранилось два акта, оформлявших отход на работу по найму пяти и семи отходников, причем во втором случае — с семьями.

Одни из этих актов, выданных духовными и светскими владельцами своим крестьянам, являются только отпускными, удостоверяющими личность отходника и разрешающими отход на заработки на определенный срок (почти во всех случаях с апреля — мая по конец сентября — начало ноября по старому стилю). Таковы расписки, кормежные памяти и отпускные работные Павлова Обнорского монастыря и памяти монастырей Глушицкого, Корнилиева и Спасо-Каменного. Другие акты, носящие те же названия расписок, отпускных и памятей кормежных и наемных, кроме того, содержат указания, куда именно и на какую работу (большей частью в «летние работники») отпущен владельцами данный крестьянин. Сохранилось 19 актов с точным указанием отпуска крестьян-отходников (33 чел.) на работу на Лежский волок, в вотчину вологодского архиепископа, к крестьянам 12 деревень. Можно думать, что и другие акты, выданные

---

[6] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 237. Монастырский приказ, № 53. «Книги переписные Гавриила архиепископа Вологодского и Белозерского вотчины Лежского волоку, церквам и села Раменья с деревнями крестьянским и бобыльским дворам...» (1762 г.).

[7] Арсеньев монастырь основан в 1529 г. на р. Колтыше, близ впадения ее в р. Лежу. В 1700 г. имел 30 крестьянских дворов.

[8] Глушицкий монастырь основан в 1402 г. на р. Глушице, притоке р. Сухоны, в 40 верстах от Вологды. В 1678 г. имел 164 двора.

[9] Корнилиев Комельский Введенский монастырь основан в 1497 г. в лесах Комельских, на правом берегу р. Нурмы. В 1700 г. имел 769 дворов.

[10] Николо-Озерский Комельский монастырь основан в XVI в. Имел в Вологодском уезде в 1700 г. 383 двора.

[11] Спасо-Каменный монастырь основан в середине XIII в. Имел в 1678 г 474 двора.

[12] Троицкий Павлов Обнорский монастырь основан в 1414 г. на левом берегу р. Нурмы, в 55 верстах от Вологды. В 1700 г. имел 702 двора. Все приведенные данные о монастырях взяты из кн.: В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, ч. I. СПб., 1890, № 446, стр. 237—239; ч. II. СПб., 1892, № 621, стр. 60; № 766, стр. 117; № 884, стр. 187—188; № 1208, стр. 346—347; № 1033, стр. 258.

весной 1698 г. и сохранившиеся в архиве вологодского архиепископского дома, попали туда благодаря найму этих отходников крестьянами архиепископской вотчины. На одной из расписок крестьянина-отходника Павлова Обнорского монастыря есть такая приписка-помета: «Сю отпускную Илейка в с. Раменье явил». Село Раменье было хозяйственно-административным центром вотчины Лежского волока. Акты этих двух групп служат прототипом позднейшего паспорта и покормежного свидетельства XVIII — первой половины XIX в.

Но среди изучаемых нами актов есть группа памятей жилых и наемных, в которых оформляется не только отход крестьян «в летние роботники» на Лежский волок, но и самая их работа по найму у определенного лица, архиепископского крестьянина указанной деревни. Причем в некоторых из этих памятей упомянуты и самые условия найма, указана оплата труда, оговорены сроки ее получения.

Таких актов в коллекции П. И. Щукина среди документов Вологодского архиерейского дома сохранилось шесть. Это — особый вид контракта, договора о найме на работу, появившегося в условиях господства феодально-крепостнической системы в России, но рожденного новыми тенденциями, развивающимися в ее социально-экономической жизни.

Сравнивая текст отпускных актов, выданных своим отходникам монастырскими властями и помещиками, можно заметить различия как по форме, так и по содержанию. Текст актов первой группы более лаконичен, в ряде случаев однотипен. Таковы расписки и кормежные, выданные властями Павлова Обнорского монастыря 15 крестьянам девяти деревень своей вологодской вотчины и одному монастырскому бобылю. Однотипный характер носят памяти жилые, наемные и кормежные, выданные приказным вотчины Симонова монастыря, села Демьянова Вологодского уезда шести крестьянам деревни Богданова.

Такая форма текста свидетельствует о том, что отход крестьян этих монастырских вотчин в конце XVII в. не представлял собой нового и случайного факта в жизни крестьян этого района, а был явлением привычным, ежегодно повторяющимся.

Текст памятей и отпускных писем помещичьих крестьян более пространен, чем текст таких же актов крестьян монастырских. В нем встречаются разного рода дополнения, которые, с одной стороны, уточняют социальное происхождение отходника («...и тот мой крестьянин ни беглой, ни дворовой, вольно его держать» [13]; «... и того крестьянина держать без опасенья, потому что он живет у государя нашего на пахотной земле и всякий доход платит сполна и никому до него дела нет, потому что он не солдат и не беглой, в том ему и память дана») [14], а с другой — определяют обязанности владельца как по отношению к своему крестьянину, отпущенному в наем, так и к лицу, его нанимающему («...И мне, Илье Чайковскому, того своего крестьянина... до того сроку, что писан выше сего, дать выжить...» [15]; «...и буди кто станет в тово крестьянина вступатца и мне... очищать и убытка никакова не привесть...» [16]). В тексте, оформляющем наем, кроме отмеченных выше, есть еще и другие особенности, отличающие кормежные монастырских и помещичьих крестьян отходников. С юридической точки зрения представляет интерес построение текста памятей жилых и наемных, данных крестьянам Симонова монастыря. Текст всех пяти актов, выданных приказным села Демьянова, составлен от имени двух лиц: приказного Кондратия Алексеева и крестьянина-отходника, нанимающегося на работу в чужую вотчину.

[13] Кормежная крестьянина помещика И. И. Пылаева. ОПИ ГИМ, ф. 226, ед. хр. 24, л. 8.
[14] Память крестьянина помещика О. В. Головнина. Там же, л. 10.
[15] Жилая крестьянина помещика И. И. Чайковского. Там же, л. 17.
[16] Кормежная память крестьянина И. И. Пылаева, А. Данилова. Там же, л. 8.

Жилая память (№ 5), выданная 20 апреля, начинается словами: «...Симонова монастыря села Демьянова приказной... дал сию жилую память того же села крестьянину деревни Богданова Андрею Иванову», а затем следует текст: «Нанялся я, Андрей, в лето жить в работники... Леского волоку у крестьянина... деревни Ваганова». Аналогичное построение текста и во всех остальных памятях, выданных приказным Кондратием Алексеевым в апреле — мае 1698 г.

Иной характер текста в памятях, данных помещичьим крестьянам. В них текст составлен от лица самого владельца или его старосты [17], причем и этого рода текст имеет несколько вариантов. В жилой крестьянина вологодского помещика Ильи Чайковского (№ 8) читаем: «...отпустил я... крестьянина своего ...жить в наем в архиепископлеву вотчину волока Лескова Спаскова приходу деревни Бродина к крестьянину...» Наемная память крестьянина помещика Н. И. Нелидова (№ 7) начинается словами: «Память мне... в том, что нанялся крестьянин мой... во архиепископове вотчине у крестьянина ево ... деревни Ваганова...»

Совсем в иных словах формулируется наем крестьян на работу у крестьян Лежского волока в двух памятях, которые дал вологодский помещик М. И. Колтынянский трем своим крестьянам весной 1698 г. В начале текста обоих актов употреблено выражение, как бы отрицающее правомочность самостоятельного крестьянского найма: «Память мне... в том, что отдал я... крестьян своих... в летние работники Гавриила архиепископа вологодского и белозерского Лежского волоку крестьянам д. Залеснова и д. Спаского...» Здесь помещик, распоряжающийся личностью и трудом крепостного крестьянина, выступает совершенно открыто. Но затем далее, после определения срока найма («с благовещеньева дни до Дмитриева дни») и удостоверения, что «те мои крестьяня... ни солдаты и ни солдатцкие дети, ни пришлые и ни беглые, вечные наши помесные мужики», идет текст с другим юридическим смыслом: «...а редили мои крестьяня... за работу по рублю и те работные деньги взяли наперед все сполна, в том я им и память дал» [18].

В то же время бывали случаи, когда крепостные крестьяне оформляли наем на свое имя (без ссылок на приказ владельца) и давали нанимателю память от своего лица. На это указывает текст еще одной наемной памяти 1698 г. из архива Вологодского архиерейского дома. В ней оформляется наем несовершеннолетнего сына крестьянина деревни Залеснова Авнежской волости Вологодского уезда на работу у крестьянина вотчины вологодского архиепископа деревни Левина [19]. Память, датированная 3 марта 1698 г., составлена от лица отца наемного работника, Леонтия Андреева, в таких словах: «Память мне... в том что отдал я сына своего... в наем в лето работать крестьянину Леского волоку деревни Левина. ...(с 20 марта до 8 ноября)... а найму рядил сыну своему... 20 алт., и те рядные деньги взять мне, Леонтию...» Далее идет специальная оговорка на случай болезни сына: «А буде сын мой судом божиим занеможет и ему, Минею, дать рядные деньги по расчету. В том я, Леонтей, ему, Минею, и память дал».

Все 13 актов второй группы выданы были помещичьим крестьянам, идущим на работу по найму на Лежский волок. Это также свидетельство того, что спрос на наемных летних работников в крестьянском хозяйстве архиепископской вотчины был хорошо известен помещичьим да и монастырским крестьянам других волостей Вологодского уезда. О нем знали и крестьяне соседнего уезда — Галицкого.

Заканчивая характеристику актов отхода и найма, следует остановиться еще на одной особенности найма отходника в крестьянском хозяйстве

[17] Причем в четырех актах текст писан рукой самих помещиков (В. И. Кафтыревым, М. И. Колтынянским и П. И. Чайковским, братом И. И. Чайковского).
[18] ОПИ ГИМ, ф. 226, ед. хр. 24, л. 16.
[19] Там же, л. 18.

XVII в. Сопоставляя даты выдачи наемных и жилых памятей, полученных отходниками от своих владельцев, с указанным в тексте начальным сроком их работы по найму, мы в ряде случаев наблюдаем несовпадение дат. При этом обнаруживается, что фактически работа «в наймах» начиналась ранее получения на руки акта, ее оформляющего. Следовательно, крестьянин не только сам находил себе работу (нанимался там, «где похочет») и сам договаривался об условиях с хозяином, его нанимающим, но и начинал работать в хозяйстве крестьянина чужой вотчины, не имея еще акта, эту работу оформляющего. Такой акт он получал от владельца или его приказчика иногда спустя месяц после того, как приступал к работе. Этот факт, характерный для вольного найма, можно рассматривать и в данном случае именно как элемент вольного найма, хотя и феодально зависимого человека. Его право оговаривается и в самом тексте отпускных и кормежных памятей и расписок: «и вольно ему нанятца у кого он похочет». Это выражение роднит акты XVII в. с аналогичными документами XVIII — первой половины XIX столетия.

Текст анализируемых нами актов отражает двойственную сущность самого факта отхода на заработки крестьянина, находящегося в крепостной зависимости, и его найма как продавца рабочей силы по личному договору на работу в чужом хозяйстве. Споры среди историков о природе найма феодально зависимого человека продолжаются, как известно, и в наши дни. Акты XVII в. расширяют источниковедческую базу для спорящих по данному вопросу.

Даже в этих кратких замечаниях, касающихся формы и содержания актов, их научная ценность как источника по истории крестьян XVII в. выступает с полной очевидностью. Они имеют значение и для разработки проблемы отхода и найма в общей ее постановке и для изучения крестьянского хозяйства XVII в. в географическом плане. Памяти кормежные, наемные и жилые из архива Вологодского архиерейского дома — исключительно интересный источник, по истории крестьян Вологодского уезда. Они знакомят нас с практикой отхода и найма крестьян в крестьянском же хозяйстве. Текст актов не позволяет сомневаться в том, что отход части оброчных монастырских и помещичьих крестьян на летние заработки есть ежегодно повторяющееся и довольно широко распространенное явление в жизни деревни Вологодского уезда. Из разных его волостей, более близких и более отдаленных,— Комельской, Обнорской, Кубенской, Авнежской, Шилегоцкой, Пуческой и Ондовленской, из вотчин нескольких монастырей и поместий Вологодского и Галицкого уездов уходят весной крестьяне «хлебной ради скудости» для найма в летние работники «у кого похотят нанятца».

Материалы документов Вологодского архиерейского дома (из коллекции П. И. Щукина) знакомят нас с интересным явлением — движением отходников, крестьян разных владельцев, в иных случаях группами по 5—7 человек на работу в хозяйстве крестьян вологодского архиепископа на Лежский волок, где находилась самая большая его вотчина, состоявшая на оброке. Они нанимались там весной 1698 г. у крестьян 12 деревень работать с марта, апреля, мая до Дмитриева дня (21 сентября), Михайлова дня (8 ноября), или Филиппова заговенья (14 ноября по старому стилю). За свою работу в хозяйстве крестьян они получали по 40 алтын, по одному рублю, по восьми гривен, а иногда и по 20 алтын. Некоторые из отходников при самом найме брали у хозяина взаймы хлеб (за порукою). Время отхода, срок найма, получение денег вперед, заем хлеба служат показателем трудного хозяйственного положения отходника, который, чтобы прокормить себя и семью, вынужден искать заработка в чужой вотчине, бросая свое хозяйство на полгода и более.

Ниже публикуются восемь документов, представляющих основные виды актов каждой из упомянутых групп.

ТЕКСТЫ

№ 1

1698 г. *Память, данная по указу властей Спасо-Каменного монастыря посельским старцем Селиверстом крестьянину деревни Старого села И. Елисееву, отпущенному для работы по найму.*

206 года, апреля в 3 день по указу Спасо-Каменного монастыря архимандрита Аврамия, келаря монаха Антония з братьею вологоцкого большого двора посельской старец Селиверст отпустил монастырского крестьянина Ондо[м]ской волости деревни Старого села Ивашка Елисеева хлебной ради скудости кормитца до 207 года до Фплипова заговена, и иво, Ивашка, нанять кому в работу вольно, что он Ивашка сошел не бегом. Память писал по иво старца Селиверста веленью монастыря слуга Ларка Юшков.

На обороте: К сей памяти стряпьчей Михаило Свасьянов вместо старца Селиверста по его веленью руку приложил.

(л. 37)

№ 2

1698 г. *Расписка, данная властями Павлова Обнорского монастыря крестьянам подмонастырской вотчины деревни Заричного и деревни Прокунина Кузьме Исакову и Федору Стахиеву, отпущенным в наемные работники на Лежский волок.*

206 года мая в 11 день живоначальной троицы Павлова монастыря архимандрит Сергий и келарь монах Иона з братьею того же Павлова монастыря подмонастырной вотчины деревнп Заричного да Прокунина отпустили монастырских крестьян Кузьку Исакова да Федьку Стахиива в архиепископью вотчину на Лежскои волок на время в наем в работники, у ково в той вотчине похотя нанятца, до сроку 207 года до Дмитриива дни и отжив до того сроку им крестьянам ся росписка принесть к нам в монастырь, в том им крестьянам ся росписка дана. К сеи росписке казначей старец Димитрии казенную печать приложил.

(л. 29)

№ 3

1698 г. *Кормежная, данная властями Павлова Обнорского монастыря крестьянину своему села Флоровского, деревни Курицына Кузьме Кирилову, отпущенному в мир для найма на работу.*

206 года, апреля в 26 день живоначальнои троицы Павлова монастыря власти архимандрит Сергии и келарь старец Иона з братьею того же Павлова монастыря села Флоровского деревни Курицына отпустили крестьянского сына Кузьку Кирилова в мир для пропитания покормитца или где похочет в наем нанятца на время до Дмитриева дни. В том ему Кузьке сю и кормежную дали. К сеи кормежной казначеи старец Димитрии для утверждения казенную печать приложил.

(л. 31)

№ 4

1698 г. *Отпускная, данная властями Павлова Обнорского монастыря крестьянину своей вотчины села Флоровского, деревни Высокова Илье Иванову, отпущенному в наем в работники.*

Лета 7206 года, апреля в 17 день живоначальной троицы Павлова монастыря архимандрит Сергии и келарь монах Иона з братьею отпустил того ж Павлова монастыря вотчины села Флоровского крестьянина

деревни Высокова Илеику Иванова в наем в работники впредь до 207 года до сроку, до Дмитриева дни, где угодно до того вышеописанного сроку, тут и живет, а отжив сю отпускную принесть ему Илюшке в монастырскую казну. К сеи работнои отпускнои каз[ен]ная печать приложена.

Сю отпускную Илеика в селе Раменье явил.

(л. 11)

№ 5

Память жилая, данная приказным вотчины Симонова монастыря села Демьянова Кондратьем Алексеевым крестьянину деревни Богданова Андрею Иванову, нанявшемуся в летние работники на Лежском волоке.

206 года, апреля в 20 день пресвятые богородицы Симонова монастыря села Демьянова приказнои Кондратеи Алексеев дал сию жилую память того же села крестьянину деревни Богданова Андрею Иванову. Нанялся я, Андреи, в лето жить в работники преосвященного Гавриила архиепископа вологодского и белозерского Леского волоку у крестьянина Данила Никифорова деревни Ваганова. Жить мне, Андрею, у него, Данила, с нынешнего апреля, с 20 числа до сроку Филипова заговенья 207 года. Наиму я, Андреи, взял денег 8 гривен все наперед да четверть овса взаймы, а порукою по мне тое же деревни и в заемном хлебе крестьяне Федор Максимов, Василеи Иванов. И тот заемной овес заплатить на срок на николин день осенней 207 года. В том я, приказнои, ему, Андрею, и жилую дал кормежную. Писал по велению приказного того же села дьячек Ивашко Савин.

На обороте: К сей жилои памяти села Демьянова Васильевской поп Демид вместо приказнова человека Кондратья Алексеева по его веленью руку приложил.

(л. 9)

№ 6

1698 г. *Память, данная вологодским помещиком М. И. Колотынянским крестьянину своему Титу Оксенову, отпущенному в летние работники на Лежский волок.*

206 года, мая в память мне Матвею Иванову сыну Колтынянскому в том, что отдал я, Матвеи Колтынянскои, крестьянина своего, Титка Оксенова, в летние работники преосвященного архиепископа вологодского и белозерского вотчины его Леского волоку крестьянину его Сидору Васильеву деревни Минкалева. И жить крестьянину моему у него, Сидора, в летных работниках, работа всякая работать, и он, крестьянин Титка Оксенов, ни солдат, ни солдатской сын, ни пришлои, ни беглои, вечнои наш поместнои мужик. А рядил крестьянин мой Титка за работу 40 алтын 6 денег. а деньги те брать по срокам, а наперед взял 5 алтын. В том я, Матвеи Колтынянскои, ему и память дал. А память писал я, Матвеи Колтынянскои, своею рукою.

(л. 38)

№ 7

1698 г. *Память наемная, данная помещиком Н. И. Нелидовым крестьянину своему Ф. Елфимову, отпущенному в наемные работники на Лежский волок в деревню Ваганово.*

Память мне, Никифору Ивановичу Нелидову, в том, что нанялся крестьянин мои Филька Елфимов деревни Великия ре[ки] во архиепископове вотчине у крестьянина ево Василья Васильева деревни Ваганова нынешнего 206 году, от сроку месяца апреля с 4-го числа до сроку до Филиппова заговинья 207 году. А жить крестьянину Фильке по сеи памяти вольно

безо всякия боязни, и привязи никакои не будет, а после сроку ево ничем не задержать. В том я, Никифор Иванович Нелидов, крестьянину своему Фильке и память дал. А память писал Никифора Ивановича Нелидова дворовои человек Макарко Иванов.

206 года, апреля в 8 день.

На обороте: К сеи наемнои памяти Никифор Нелидов руку приложил.

(л. 14)

№ 8

1698 г. *Память жилая, данная помещиком Вологодского уезда Ильей Чайковским крестьянину своему деревни Ядрова Шилегоцкой волости Кондратию Андрееву, нанявшемуся в работники к крестьянину Лежского волока, деревни Бродина.*

Вологоцкого уезду Шилегоцкия волости Моньского улусца пречистенского приходу деревни Ядрова Ильин крестьянин Чаиковскова Кондратеи Аньдриев. Отпустил я, Илья Иванов сын Чаиковскои, крестьянина своего Кондрашку Андриева сына жить в наем в архиепископлеву вотчину волока Лескова Спасскова приходу деревни Бродина крестьянину Ивану Борисову жить с нынешнаго 206 года с благовещеньева дни да впредь до сроку до Филипова заговенья 207 года. И ему, Конке Андриеву, жить у того владышня крестьянина Ивана Борисова до вышеписанного строку безпенно. И мне Илье Чаиковскому того своего крестьянина Конку Андреева до того строку, что писан выше сего, дать выжить, держать его безпенно ему, Ивану Борисову и привези никакой не учинить и [у]бытка не привесть. В том я, Илья Иванов сын Чаиковскои, ему крестьянину своему Кондрашке Андрееву, до того строку и жилую дал. А сю жилую писал по велению брата своего Ильи Чаиковскова на крестьянина его, Кондрашку Андреева, Петр Иванов сын Чаиковскои. 206 года, апреля в день.

На обороте: К сеи жилои Илья Чаиковскои руку приложил.

(л. 17)

ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 226, ед. хр. 24.

Л. Л. Муравьева

МАТЕРИАЛЫ ПИСЦОВЫХ, ПЕРЕПИСНЫХ И ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ О ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМ НАСЕЛЕНИИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века

Характер социально-экономического развития в «новый период» истории России в значительной степени определился успешным ростом общественного разделения труда внутри деревни. Этот процесс получил наглядное выражение в концентрации в самой деревне производителей, занятых исключительно земледелием или связанными с ним промыслами, формировании деревенских центров ремесла и мелкотоварного производства, специализации местных промыслов [1]. Настоящая статья имеет целью ввести в научный оборот отдельные дополнительные материалы из писцовых, переписных и приходо-расходных книг, содержащих сведения о торгово-промышленном населении русской деревни центрального района страны в XVII в.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» обращает особое внимание на необходимость изучения так называемых «кустарных сел» центральных, давно заселенных и наиболее экономически развитых местностей, многие из которых к концу XIX в. насчитывали два-три века своего существования. Центральный район обладал, по выражению В. И. Ленина, «вековой промышленной культурой» [2]. На прогрессивное значение неземледельческих занятий в экономическом развитии северных областей России, особенно Московской, Владимирской, Калужской, Костромской губерний, в связи с неблагоприятными здесь условиями для сельского хозяйства указывал в свое время еще и К. Маркс [3].

Источники сохранили очень мало известий о сельском торгово-промышленном населении России XVII в., в том числе и ее центральных местностей. О возникновении в XVII в. ремесленных центров в селах и деревнях, в частности Московской, Ярославской и Костромской областей, упоминается уже в описаниях промышленности и торговли России

[1] В исследованиях по экономической истории России XVII в. есть неоднократные указания на развитие разнообразных промыслов у крестьян и бобылей и на образование отдельных поселений городского типа в центральной области страны (см. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке. М., 1937, стр. 352—361; С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. «Научные труды», т. I. М., 1952, стр. 107—141; М. Н. Тихомиров. Население Дмитрова в XVII веке и начале XVIII века. «Московский краевед», 1927, вып. 1, стр. 20—39; К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII веке. Сб. «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.» М., 1958, стр. 53—72).

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 336.

[3] К. Маркс. Капитал, т. II. М., 1949, стр. 237—238.

Де-Родеса и И. Ф. Кильбургера [4]. Известно, что исследователь не может располагать массовым однородным материалом о сельских промыслах XVII в., так как в России не производились в это время переписи, которые подвергали бы учету крестьянские и бобыльские промыслы. Однако отдельные сведения о сельской промышленности имеются и заслуживают самого пристального внимания.

В писцовых и переписных книгах среди известий об экономическом состоянии областей разбросаны краткие сведения о промысловых занятиях сельского тяглого и нетяглого населения. Эти сведения носят случайный характер и крайне отрывочны. Сводные известия по станам и волостям уездов включают общие данные об оброчных статьях и промыслах самых разнообразных групп сельского населения. Но в писцовых и переписных книгах есть данные об отдельных специалистах-ремесленниках, которые не имели пашни, а также о целых деревнях, селах и слободах, которые состояли преимущественно из крестьян и бобылей, занятых исключительно торговлей и промыслами. Писцовые и переписные книги представлены в архивах неполно; относительно систематический характер носят записи в книгах по Костромскому и Московскому уездам.

В собраниях Поместного приказа и других фондов Центрального государственного архива древних актов (далее — ЦГАДА), отчасти Государственного исторического музея (далее — ГИМ) нами просмотрены писцовые и переписные книги или отдельные выписи из них в общей сложности с 1646 г. по 1704 г. по Владимирскому, Галицкому, Кинешемскому, Костромскому, Лухскому, Московскому, Переславль-Залесскому, Ростовскому, Суздальскому, Шуйскому, Юрьев-Польскому и Ярославскому уездам.

Приходо-расходные книги приказов и монастырей содержат сведения о промысловых занятиях, которые служили сельскому населению большей частью побочным источником дохода («косящие крестьяне», «пахотные крестьяне»). В приходо-расходных записях преимущественно отражается массовый крестьянский торг с возов и на гостивом дворе. Последние известия дополняют и подтверждают данные писцовых и переписных книг. Нами использованы приходо-расходные записи второй половины XVII в. Патриаршего казенного и дворцового приказов, а также Савво-Сторожевского, Иосифо-Волоколамского, Знаменского (ЦГАДА), Донского (ГИМ), Суздальского Покровского (Владимирский областной архив) монастырей.

Настоящий материал приходо-расходных книг выявлен по указанным выше уездам, которыми автор в основном и ограничивает свои наблюдения.

В преобладающей части рассматриваемая территория обладала значительными лесными массивами и была заключена в междуречье Волги, Оки, Клязьмы с притоками. Климатические условия, малоплодородные песчано-суглинистые почвы, обилие лесных массивов содействовали в известной степени довольно раннему обращению жителей края к побочным промыслам. Речная сеть связывала внутренние районы уездов и давала торговые выходы в соседние и отдаленные местности.

Местности со сравнительно развитой сельской промышленностью имели неодинаковое значение во всех уездах этого обширного края. Довольно многочисленны указания на отдельных ремесленников, проживающих в северо-восточном районе центральной полосы страны. Так, например, в Московском уезде, в стане Бохове, в вотчине Спасо-Евфимьева монастыря, в селе Образцово проживал бобыль кузнец Иван Ортемьев [5], в вотчине И. Ю. Трубецкого, в деревне Щелково (село Гребнево) — мельник Федор

[4] Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Де-Родеса. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1915, кн. 2, разд. II, стр. 167, 169; его же. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 100—103.

[5] ЦГАДА, ф. Поместного приказа (1209), Переписная книга 9812, л. 191.

Матвеев и кузнец Василий Семенов[6]; в Звенигородском уезде, в Угожском стане, в селе Коринское — кузнец Прохор Акимов[7]; в Кинешемском уезде, во Владыченской волости, в селе Щабыкино[8] — овчинник; в селе, «что была деревня Куфтеева», — кузнец[9].

В отдельных селениях существовали целые группы ремесленников разнообразных специальностей. Приведем примеры по Московскому уезду. По переписи 1677 г. в дворцовом селе Пушкино Бохова стана среди 46 крестьянских дворов числилось 3 двора кузнецов и 5 дворов плотников[10]. Один из плотников, Евстифей Сидоров, в 1693 г. по подряду с другими плотниками из крестьян вотчины С. Племянникова строил в селе Пушкино приказную избу, ворота, лавки; переделывал в церкви престол, жертвенник и т. д.[11] По той же переписи дворы плотников можно было встретить среди крестьян и бобылей приселка Белый Рост и деревни Старая Дальняя Манатьина стана[12]. Дворцовое село Михайлова Сторона было известно скорняжным промыслом[13]. Ремеслом каменщиков была занята в 1646 г. группа жителей дворцового села Быково[14]. К концу XVII в. в одном из подмосковных дворцовых владений, селе Покровское (Рубцово), жили оброчный крестьянин, серебряник Иван Борисов и специалисты кузнецы[15].

Отметим ремесленников некоторых специальностей к востоку от Москвы, в Васильцове стане. Это прежде всего бобыли деревни митрополита Сарского Малые Крутицы, занятые кузнечной работой и портняжным промыслом[16], плотники и котельник слободки Арбатец[17]. В Ратуеве стане в частновладельческой деревне Арабцы (село Васильевское-Николаевское) также жили три плотника[18]; в Горетове стане в частновладельческом селе Никольское (Уротино) — кузнец, плотник и два мельника[19]. Оживленной торгово-промышленной жизнью жило в это время село Рогачево Дмитровского уезда, находящееся в вотчине Николо-Песношского монастыря. Через село проходили дороги на Москву и Дмитров. В километре от Рогачева, недалеко от впадения реки Яхромы в Сестру, находилась пристань для торговых судов. Село во всей округе было известно своими крашенниками и мастерами кирпичного дела. Крестьяне окрестных селений останавливались в селе Рогачево «у крашенников для своей крашенины»[20]. Развитие в селе также кирпичного промысла объясняет случаи отходничества в свою очередь рогачевских крестьян в Москву на «кирпичное дело»[21].

Источники фиксируют в Кашинском уезде: сапожников в монастырском селе Подберезье[22], кузнецов в патриаршем селе Горицы[23]; в Переславль-Залесском уезде: портных мастеров, сапожников и плотников в мона-

---

[6] ЦГАДА, ф. Поместного приказа (1209), Переписная книга 9815, л. 91 об.
[7] Там же, ф. Савво-Сторожевского монастыря (№ 1199), д. № 50, л. 47 об.
[8] Там же, ф. № 1209, Переписная книга 15408, л. 112.
[9] Там же, л. 149.
[10] Там же, Переписная книга 9812, лл. 179, 179 об.
[11] ЦГАДА, ф. Патриаршего дворцового приказа (236), д. № 67, лл. 6, 23 об., 38, 147, 162.
[12] Там же, ф. 1209, Переписная книга 9812, лл. 126 об., 132 об.
[13] Там же, ф. Патриаршего казенного приказа (235), д. № 62, лл. 20 об., 24 об.
[14] Там же, ф. 236, д. № 152, л. 162.
[15] Там же, ф. 1209, Переписная книга 9814, л. 79 об.
[16] Там же, Переписные книги 9812, лл. 218 об., 220 об.; 9817, л. 53 об.
[17] Там же, Переписная книга 9817, л. 54 об.
[18] Там же, Переписная книга 9811, л. 690.
[19] ЦГАДА, Переписная книга 9815, лл. 74 об., 75.
[20] ГИМ, ф. Донского монастыря (440), арх. № 830, стб. 2040, л. 59.
[21] С. А. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1902, вып. 3, № 248, стр. 77—78.
[22] ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 1687, л. 31; стб. 2040 (7), л. 56; ЦГАДА, ф. Разрядного приказа (210). Разрядные вязки, 4, № 57, л. 16 об.
[23] Там же, ф. 235, д. № 34, лл. 397, 404 об.

стырском селе Усолье [24]; Костромском уезде: овчинников и иконников в дворцовом селе Даниловское [25], иконников и других мастеровых людей в частновладельческом селе Воронье [26], иконников в погосте Тунга [27], овчинников и горшечников в селе Бобарыкино [28], овчинников в деревнях Толстиково [29] и Чулково [30]; в Суздальском уезде: каменщиков, плотников, портных мастеров, красильщиков в частновладельческом селе Нижний Ландех [31], портных мастеров, кузнецов и красильщиков в частновладельческом селе Парское [32]; в Шуйском уезде: портных мастеров, кузнецов, мельников, плотников, каменщиков в монастырском селе Пупок [33], портных мастеров (задворные люди) в частновладельческом селе Красное [34]; в Лухском уезде: кузнецов в селе Сокольская Лука [35].

Довольно часто встречаются известия о крестьянах Ярославского уезда, которые в свободное от земледелия время заняты промыслами кирпичников, каменщиков и плотников. Это — «пахотные крестьяне» Спасо-Ярославского монастыря, частновладельческие крестьяне сел Никольское, Серенево, Лобково, Полтево (деревни Коломины и Новая), Васильево, Михайловское, Высоково, Путятино, слободки Яковлевская, Никольский приход (деревня Скородумова) и деревень Борисовка, Бурцово, Голышки, Охарлы, Федорка, Липовицы, Минина, Клокова, Ладыкина, Клин, Архипова, Тимонина, Горки, Уткина, Кулаковка, Сумарокова, Кощевики, Ермолцына, Леканова, Бор, Исад, Петрово, Художино, Коломина, Конаева, Крохина, Бабкина, Рыбница [36]. Плотничье ремесло было распространено среди сельского населения Галицкого уезда, в том числе у частновладельческих крестьян Заболоцкой волости (деревни Некрасово, Мозолево, Бакланово, Березовское, села Покровское, Емутово); монастырских крестьян Сележской волости (деревня Бучигино); Корежской волости (деревни Поповка и Малахово). Местами отхода были Буйгород, но особенно Москва и ее уезд [37]. Широко развит был отхожий промысел у каменщиков из крестьян Костромского уезда [села Деево Городище, Коробаново — деревня Закузарье, Кузьминское, Спасское, Туни, Ильинское, Новинское] [38].

В рассматриваемом районе Центральной России обозначились и такие селения, часть жителей которых почти не занималась земледелием и которые должны быть причислены к поселениям торгово-промышленного

[24] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IX. СПб., 1875, № 121; ГИМ, ф. 440, свод. 941, стб. 327, лл. 32—32 об.

[25] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет (141), д. № 381, л. 3; ф. Московской оружейной палаты (396), д. № 13350, л. 1; ГИМ, д. № 57979/415, л. 60; По сказке иконника Степана Резенца в 1671 г. была составлена роспись, «где взять иконников для написания икон». В этой росписи в числе иконников Ярославля, Ростова, Переславль-Залесского упомянуты отдельно иконники села Даниловское.

[26] Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии, вып. 5. М., 1912, стр. 152—153.

[27] ЦГАДА, ф. 1209, Переписная книга 10984, л. 179 об.

[28] Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926, стр. 200—201.

[29] ЦГАДА, ф. Монастырского приказа (237), кн. II, л. 57.

[30] ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 1382, л. 32.

[31] ЦГАДА, ф. 1209, Переписная книга 11331, лл. 756, 757 об.

[32] Владимирский областной архив, ф. Суздальского Покровского монастыря (575), оп. 1, д. № 15, лл. 26, 29; ЦГАДА, ф. 210, Дела разных городов, д. № 72, лл. 797, 858, 891.

[33] Там же, ф. 1209, Писцовая книга 911, лл. 41 об., 42.

[34] Там же, Переписная книга 11324, л. 243.

[35] Там же, Переписная книга 11837, л. 50 об.

[36] ЦГАДА, ф. 235, д. № 152, л. 315 об.; ф. Рукописного отдела Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (181), д. № 232, л. 407 об. и др.; ф. Знаменского монастыря (1191), д. № 17, л. 3; ф. 1199, д. № 2, л. 60; ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 1674, 1073, 1459; д. № 414, л. 2.

[37] Там же, ф. Боярских и Городовых книг (317), д. № 24, лл. 90, 91 об.; ф. 181, д. № 232, л. 516; ф. Столбцы Сибирского приказа (214), д. № 776, лл. 288, 290, 300, 307; ф. 236, д. 67, лл. 6, 23 об., 37, 38; ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 2306, л. 52; 2311 и др.

[38] Там же, ф. 137, д. № 26, л. 67 об.; ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 1670; Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. II. М., 1864, стб. 254.

характера. Материалы о дворцовых селах, где крестьяне и бобыли жили в сравнительно благоприятных условиях в отношении своих промысловых занятий, свидетельствуют об этом особенно убедительно. По наказам царя Алексея Михайловича в приказе тайных дел составлялись росписи подмосковных сел «мастеровых людей самых богатых и заводных людей», так же как и «прожитком посредних семьянистых людей». По одной такой росписи конца XVII в. можно установить, что в селе Измайлово (Новая Слобода) было 80 дворов крестьянских и 80 дворов ремесленных, в селе Ивановское — 60 дворов крестьянских и 20 ремесленных [39].

В селе Озерецкое Манатьина стана к 1677 г. насчитывалось 4 двора кузнецов (21 чел.), 3 двора плотников (12 чел.) и 1 двор неводчика (5 чел.) [40]. В это же время в Москве крестьяне села «Сенька Алексеев кормитца работою — плотничает», а «Мишка Вахромеев торгует в холщевом ряду» [41].

В селе Коломенское Копотенского стана в 1690 г. было 12 дворов плотников, 4 двора мостовщиков и двор часового мастера. Важной отраслью коломенских специалистов-плотников было производство обручей и осей к колесам. Однако плотничье дело в этом селе было связано с выработкой не только предметов деревенского домашнего обихода. Здесь наладили производство и предметов столярной работы [42]. В конце XVII в. село Коломенское — крупный торговый центр, насчитывающий 60 дворов торговых людей [43]. В селах Озерецкое и Коломенское к этому времени вместе с небольшой группой подмосковных дворцовых сел и деревень [44] насчитывалось до 216 торговых и ремесленных дворов при 548 дворах пашенных крестьян [45].

Среди патриарших вотчин торгово-промышленный характер имели Бережковская и Лужниковская слободы Сетунского стана Московского уезда. Местоположение этих слобод за рекой в окрестностях Москвы обеспечивало им постоянную связь с городом. В беспашенной Бережковской слободе среди «разных чинов служебников», тележников, бочаров, плотников и кузнецов [46] заняты были промыслами и крестьяне. Свободные от земледельческих работ, они производили различные изделия не только для личного потребления, но и для сбыта на рынке. У крестьян можно было купить бревна еловые [47], войлок коровий [48], гвозди [49]. Часть крестьян-плотников этой слободы брала подряды па строительные работы в Новом и Старом Казенном приказах [50]. Группа ремесленников-оброчников из Лужниковской слободы — это овчинники, портные мастера, чулошник [51]. Занятие различными промыслами прочно вошло в жизнь многих крестьянских семей вотчин Донского монастыря, в том числе приписанного к нему Железноборовского монастыря. В сказке начала XVIII в. стряпчего этого монастыря, находящегося в Галицком уезде, приведены чрезвычайно интересные цифры. В подмонастырской слободке, деревнях Пилатово, Вахрино,

[39] ЦГАДА, ф. Приказа Тайных Дел (27), д. № 532, л. 63.

[40] Там же, ф. 1209, Переписная книга 9812, лл. 119, 138.

[41] Там же, ф. 236, д. № 62, лл. 2, 17, 23.

[42] Там же, ф. 236, д. № 67, л. 44; ф. Приказа Большого Дворца (1246), кн. 1038, лл. 43, 45; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. II. М., 1872, стр. 184.

[43] ЦГАДА, ф. 27, д. № 532, л. 63.

[44] Ивановское, Маленки, Софроново, Никольское, Архангельское, Новенское, Ситково, Осьево.

[45] ЦГАДА, ф. 27, д. № 532, л. 64.

[46] Там же, ф. 1209, Переписная книга 9814, лл. 31 об., 32.

[47] Там же, ф. 236, д. № 67, л. 145.

[48] Там же, ф. 235, д. № 129.

[49] Там же, ф. 1246, кн. 1042, лл. 46, 206 об.

[50] Там же, ф. 235, д. № 129, л. 394; д. № 156, л. 322; д. № 160, л. 266; д. № 173, л. 320.

[51] Там же, ф. 1209, Писцовая книга 9809, список, л. 848.

Поповки и других селениях было установлено 536 дворов иконников, портных, сапожников, кузнецов, гвоздарей, плотников, рыбных ловцов и прочих «всяких мастеров»[52]. По учету 1701—1702 гг., в Костромском уезде в вотчинном владении того же Донского монастыря было зафиксировано 52 ремесленных двора[53].

Некоторые торгово-промышленные поселения уездов по большому разнообразию в них ремесел и промыслов походили на поселение городского типа.

Одним из таких центров сельской промышленности Московского уезда являлись подмонастырские слободки Новинского, Новодевичьего, Симонова, Спасо-Нового, Спасо-Андреевского, Донского и Троице-Сергиева монастырей[54]. В число монастырских слуг и служебников этих слобод входили и беспашенные монастырские бобыли. В Сурожском стане на реке Истре находились вотчинные селения Воскресенского монастыря, слобода, «что была деревня Реткино», слободка Красная и большое село Воскресенское, «что была деревня Котельниково», в которых торговля и разнообразные промыслы получили самое успешное развитие[55]. В селе Воскресенское были развиты специальности: серебряников, часовщиков, иконописцев, характерные прежде всего для городских поселений. Переписью 1677 г. в селе засвидетельствовано 4 двора кирпичников (13 чел.), по 3 двора портных мастеров (9 чел.), плотников (7 чел.), сапожников (7 чел.), колесников (9 чел.), кузнецов (7 чел.), по двору у серебряников (2 чел.), часовщиков (6 чел.), иконописцев (3 чел.) — всего 23 промысловых двора с населением в 63 человека. Ремесленники в это время составляли более половины жителей села. Переписью 1704 г. в селе Воскресенское отмечен также двор печника[56].

Проведение чрезвычайного правительственного налога, пятинного сбора 1632 г., обнаружило отдельные места сосредоточения торгово-промышленного населения в Костромском уезде. В Мерском стане в предместьях Костромы было расположено вотчинное владение Троице-Ипатьевского монастыря — Богословская слобода, которое являлось крупным торгово-промышленным центром уезда. Эта слобода дает конкретное представление о возникновении в сельских местностях ремесленных поселений, которые почти не были связаны с сельским хозяйством. В 1678 г. Богословская слобода состояла из одних бобылей, которые занимались различными промыслами. В слободе насчитывалось в это время: 35 сапожников, 11 кузнецов, 6 портных мастеров, 8 скорняков, 10 шубников, 3 холщевика, 2 красильщика, 2 каменщика, рукавишник, шапочник, кожевник, овчинник, сыромятник, строгальщик, золотарь, бочар, плотник, дранечник, образщиник[57]. Одни были (большей частью) самостоятельными дворовладельцами, другие — не имели своих дворов и жили «в соседстве». Последние чаще всего были связаны с владельцем двора, в «соседстве» у которого они поселились, родственными узами («бобыль Левка Дмитриев портной мастер», «бобыль Ивашко Марофеев у него в соседстве живет Ивашко Окурев сапожник», «бобыль Сенька Меркурьев у него племянники Якушка, да Андрюшка, да Гришка, да Васька Федоров дети скорняки»). Ряд профессий в этом перечислении указывает на успешное развитие в Богословской слободе промысла по обработке животных продуктов. Возможно, это

[52] ГИМ, ф. 440, арх. № 830, стб. 1565, л. 2; стб. 2920, л. 52; стб. 2335, л. 25; стб. 2336, л. 18 об.

[53] Там же, стб. 1346.

[54] Там же, ф. 1209, Переписные книги 9812, лл. 16 об., 17 об., 18 об., 20 об., 25, 28 об., 30, 239, 242, 243 об., 248; 9814, л. 279, 279 об.; 9817, лл. 63—65, 70; 9815, лл. 181—183, 188, 189 об.

[55] Там же, Переписная книга 9815, лл. 76 об., 330 об., 331, 404 об. Воскресенский уезд Московской губернии. Общественно-экономический сборник. М., 1924, стр. 47.

[56] ЦГАДА, ф. 1209, Переписные книги 9812, лл. 76, 78, 117; 9815, л. 330 об.

[57] Там же, Переписная книга 1084, лл. 244—253.

способствовало отчасти и отходу некоторых богословских специалистов этого рода в Москву на заработки («двор пуст бобыля Гришки Андреева сына шубника, а он Гришка бежал нынешней зимой к Москве»). Здесь же мы сталкиваемся с существованием ученичества у скорняков и сапожников («бобыль Ивашко Никифоров сын скорняка, у него сын Сенька, да ученик Оська Ортемов»).

Настоящим городским типом поселений являлись так называемые беспашенные села. В середине XVII в. существовали крупные промысловые села, жители которых не занимались земледелием (например, дворцовые села Симы, Маленки, Софроново, Гавриловская Слобода). Население села Симы Юрьев-Польского уезда уже по переписи 1646 г. состояло из одних «непашенных крестьян» [58]. В селах Маленки и Софроново Московского уезда проживали только ремесленные и мастеровые люди. В первом было 24 двора, во втором — 82 двора [59]. Довольно известная в литературе Гавриловская слобода Суздальского уезда была большим селом с неземледельческим, торгово-промышленным населением. Весь облик жизни слободы напоминал городской. Уже в писцовых книгах 1630—1631 гг. Гавриловская слобода называется «непашенным селом». В это время в 130 дворах слободы насчитывалось «183 непашенных крестьянина» [60]. В 70-х годах в Гавриловской слободе были сильно развиты кузнечный, сапожный, отчасти сыромятный, овчинный и руковишный промыслы. На Большой улице в селе находились 56 дворов непашенных крестьян. В числе этих дворов зарегистрированы 3 двора кузнецов, 2 — сапожников, по двору — сыромятника, дегтярника, руковишника. Еще 56 дворов непашенных крестьян находились «на площади воротами». Среди них было: 7 дворов кузнецов, 2 — сапожников и один овчинника. Остальная часть населения Гавриловской слободы — калашники, мясники, хлебники, извозчики и разные торговые люди. Некоторые гавриловские крестьяне промышляли продажей строительных материалов, например деревянных срубов. Всего по писцовым книгам 1674—1677 гг. «за селом Гавриловской Слободой» записано 106 дворов с 293 непашенными крестьянами [61]. В селе к тому же насчитывалось 13 кузниц, среди владельцев кузниц упомянуты: кузнецы Никита Васильев, Филат Володимеров, Федот Евдокимов и др. Однако не все кузнецы имели свои собственные кузницы. Пятью кузницами владели неспециалисты: Яким Гурьев сын Беляев, Григорий Андреев сын Девятов и другие. Торговля «в неделю по два дни в понедельник да в четверг» шла в торговых рядах. В одном из торговых рядов — москательном — насчитывалось 32 лавки. В этом ряду торговал владелец кузницы и кузнец Федор Евдокимов. «Да в ряд дворами» стояли лавки сапожника Петра Емельянова, овчинника Василия Макарова, Алексея Петрова сына Черемухина и др. В Гавриловской слободе была церковь, царский конюшенный двор и двор приказчика.

Отметим здесь также в качестве примера существования в сельских местностях поселений городского типа слободку Спасскую, принадлежащую Ипатьевскому монастырю, и «слободку, что была деревня Андреевская» [62], находящуюся во владении Богоявленского монастыря, которые превратились в торгово-ремесленные поселения еще в XVI в. [63] Так, один из документов 1655 г. упоминает вместе с описанной выше Богословской слободой другое вотчинное владение монастыря — слободу Спасскую, так как «в тех же слободах торговых, промышленных и ремесленных и работных и с теми,

[58] ЦГАДА, ф. 396, д. № 33374; Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 536.
[59] Там же, ф. 27, д. № 532, л. 63.
[60] «Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета», т. V. Владимир, 1885, стр. 94.
[61] Там же, стр. 87—96; Владимирский областной архив, ф. 575, оп. 1, д. № 224, л. 209 об.
[62] ЦГАДА, ф. 1209, Переписная книга 10984, лл. 407 об., 408.
[63] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 108—109.

которые ходят по миру, в 185 дворах 384 человека» и «монастырских служек, служебников, конюхов, стрельцов и всяких мастеровых людей 81 человек» [64].

Развитие сельской промышленности на изучаемой территории сопровождалось специализацией некоторых местечек и районов на вполне определенных отраслях производства. Под Москвой существовали уже места с ведущими ремесленными профессиями сельского населения. Патриаршее село Троицкое Манатьина стана во второй половине XVII в. славилось своими кирпичными мастерами. В течение полувека троицкие крестьяне выработали весьма высокую специализацию и знания в данной отрасли. Крупные заказы Патриаршего казенного приказа на жженый кирпич крестьяне села Троицкое выполняли в течение всего этого времени. В «Книгу неокладных всяких денежных расходов» патриаршей казны неоднократно вносились тогда записи о выдаче денежных сумм группе троицких крестьян «кирпичным мастерам Куземке Пантелееву с товарищи». Некоторые троицкие крестьяне знали и ремесло печника. Кирпичное дело было основной отраслью ремесел, развитых в этом селе. Мельники, плотники, кузнецы, каменщики — другая часть ремесленников из крестьян села Троицкое и деревень Сухарево и Калинкино [65]. Кирпичниками оказываются и непашенные бобыли слободки Дубровка Шеренского стана, принадлежащей крутицкому митрополиту. Ремесленники однородной специальности определили лицо целой слободы [66].

Преобладание сапожного ремесла нужно отметить в селе Кимры Кашинского уезда [67]; мукомольного производства — в деревне Княжино (село Воскресенское) Московского уезда [68] и в селе Опраксино с деревнями Сельцо, Брыкотино, Карцево, Мартыново, Кобылино, починком Боровиков Костромского уезда [69]; плотничного ремесла — в селах Брехово и Вешняково Московского уезда [70] и в селах Абакумлево, Новоселки, Романово, Сельцо, Килекши, Вышеловское, Бережок Суздальского уезда [71]; кузнечного ремесла — в селе Вятское Костромского уезда [72].

Примечателен и тот факт, что в отдельных селениях мелкие деревенские производители специализировались на производстве продукции не только одной отрасли ремесла, но даже и одного вида ее продукции. Крестьяне деревни Белозерово Звенигородского уезда выработали весьма узкую специализацию промысла по обработке дерева. Они были связаны ежемесячно в течение пяти десятилетий с массовой выработкой и сбытом только одного сорта продукции, одного вида деревянной утвари — небольших бочонков (галенок) [73].

Существование селений с ведущей отраслью сельской промышленности наметило в свою очередь целые районы, специализирующиеся преимущественно на производстве продукции одного какого-либо ремесла. Промыс-

---

[64] Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии, вып. 5, стр. 55.

[65] ЦГАДА, ф. 235, д. № 18, л. 351 об.; д. № 34, лл. 318, 321; д. № 35, л. 115; д. № 38, л. 245; ф. 236, д. № 15, л. 7; ф. 1209, Переписная книга 9812, лл. 141—143, 147.

[66] Там же, ф. 1209, Писцовая книга 685, л. 1179.

[67] Там же, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря (1192), д. № 36, оп. 1; ф. 210, Разрядные Вязки, 4, № 57, л. 4; ф. 396, д. № 48994, л. 3а.

[68] Там же, ф. 1209, Переписная книга 9812, лл. 80, 117.

[69] Там же, ф. 1209, Переписная книга 10984, лл. 409—411 об., 414 об., 416 об.; Писцовая книга 220, лл. 105—106 об., 108 об., 110, 114.

[70] Там же, ф. 181, д. № 232, лл. 14; 148 об., 301; ф. 235, д. № 30, л. 213 об.; ф. 137, д. № 27, л. 47.

[71] Владимирский областной архив, ф. 575, оп. 1, д. № 249, лл. 22, 23: ГИМ, ф. Е. Барсова, № 450, д. № 136, л. 17. Только в одном селе Бережок к концу XVII в. насчитывалось 17 плотников.

[72] ЦГАДА, ф. 235, д. № 34, лл. 404, 432; д. № 38, лл. 210, 217, 233 об.; ф. 236, д. № 62, лл. 10, 11.

[73] Там же, ф. 1199, д. № 22, лл. 40, 85; д. № 33, лл. 64, 68, 68 об.; д. № 38, лл. 157, 158; д. № 49, лл. 195 об., 196; д. № 58, лл. 158, 158 об., 163, 180 об., 182, 190.

ловая специализация целой округи влекла за собой известное районирование сельской промышленности в то время. В ряде мест Звенигородского, Рузского, Дмитровского уездов в руках крестьян находилось тогда довольно распространенное здесь мелкое производство по обработке дерева. Это интересный пример обращения значительного числа местного землевладельческого населения к однородным промыслам. Торжок, возникший под Савво-Сторожеским монастырем, в течение всей второй половины XVII в. стягивал к себе массу крестьян, занимавшихся обработкой дерева всего большого района этих уездов. Известная часть селений района оказалась связана с одним каким-нибудь видом этого промысла. Крестьяне ряда вотчин Савво-Сторожевского монастыря, например, определенно тяготели к производству строительных материалов. Причем в селе Детково с деревнями Григорьево, Софрино, Усаково, Чупраково производили главным образом только «бревенный лес» [74], в селениях приписных Анофреева и Савина монастырей — тесовый лес [75]. Местное производство теса замечено у крестьян вотчины окольничего Б. И. Троекурова — в селе Никольское с деревнями Семеновское, Сывороткино, Завьялово [76] и в вотчине П. М. Салтыкова в деревне Вязово [77]; санный промысел — в частновладельческой деревне Скаково [78]. Систематическая торговля большой массы крестьян одними и теми же изделиями прослеживается в течение 60—90-х годов XVII в.

Однако в других селениях мы не наблюдаем такой дробной специализации. В монастырской деревне Карасино производили одновременно тесницы и ступы [79], в частновладельческой деревне Городище (село Никольское) — тесницы и доски [80], в дворцовом селе Михайловское — бревна и лодки одновесельные [81]. В Муромском сельце, Тумской, Тугалесской, Мичевской, Вышеславской, Кривандинской и других волостях Владимирского уезда также наметился промысловый район по обработке дерева, преимущественно для снаряжения экипажей [82]; в районе сел Мстера, Палех и Холуй Суздальского уезда окончательно сформировался один из центров иконописи [83]; в дворцовых селениях Симской, Турабьевской, Некоморской волостей Юрьев-Польского уезда сложился район скорняжного промысла [84]; специалисты-каменщики определили промысловое лицо дворцовой Мячковской волости Московского уезда [85]; кузнечное дело стало специальностью крестьян нескольких селений дворцовой Карашской волости Ростовского уезда [86].

---

[74] ЦГАДА, ф. 1199, д. № 25, лл. 201 об., 202 об.; д. № 30, л. 60; д. № 49, лл. 63 об., 203, 205, 227; д. № 58, лл. 193, 196 об., 198; д. № 58, лл. 181, 182 об., 183 об., 184 об., 185; д. № 70, л. 195.

[75] Там же, д. № 22, лл. 44, 46 об., 49 об., 50 об., 52, 55 об., 59 об.; д. № 58, лл. 164, 166; д. № 70, лл. 159, 160, 174 об.

[76] Там же, д. № 22, лл. 53, 60 об., 61, 62 об., 63, 67 об., 80; д. № 70, лл. 157, 158, 160 об., 161—164 об., 165, 166, 173, 174 об., 196 об.

[77] Там же, д. № 22, лл. 57, 63 об.

[78] Там же, д. № 33, л. 61 об.; д. № 49, л. 173.

[79] Там же, д. № 22, лл. 68 об., 171; д. № 38, л. 135 об.

[80] Там же, д. № 22, лл. 65, 67 об., 157 об.; д. № 33, лл. 70, 157 об.

[81] Там же, д. № 22, 12 об., 96.

[82] ЦГАДА, ф. 27, д. № 187, лл. 3—5; ф. 236, д. № 43, л. 143 об., д. № 62, лл. 5 об.— 6 об., 7, 8, 18 об., 19 об.

[83] А. Корсак. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (Кустарной и домашней промышленности в Западной Европе и России). М., 1861, стр. 119; «Владимирские губернские ведомости», 1856, № 5; 1875, № 43; ЦГАДА, ф. 210, Дела разных городов, д. № 72, л. 746.

[84] ЦГАДА, ф. 235, д. № 30, л. 149 об.; д. № 33, л. 190; ф. 236, д. № 43, л. 11 об.; ф. 396, д. № 33374; ГИМ, д. № 57979/415, л. 135.

[85] ЦГАДА, ф. 141, д. № 394, лл. 58, 69; ф. 137, д. № 26, лл. 65 об., 91, 103; ф. 235, д. № 135, л. 375.

[86] Там же, ф. 235, д. № 38, лл. 628, 656 об.; ф. 236, д. № 48, лл. 14 об., 119 об., 125 об., 126, 136 об., 139

Таким образом, наибольшее значение сельских промыслов можно отметить у жителей Московского, Костромского, Ярославского, Суздальского и в более или менее значительных частях всех других уездов. Дальнейшее отвлечение населения к торгово-промышленным занятиям в самой деревне, возникновение производства деревенской промышленной продукции на широкий рынок со всей очевидностью должно было обнаружиться в росте и создании во второй половине XVII в. целого ряда новых сельских промышленных мест, которые едва намечались в XVI и начале XVII в. Последние концентрировались вокруг Москвы, Костромы, Суздаля и других городов, находясь под их влиянием. Тесная и постоянная связь с крупнейшими торгово-промышленными центрами страны активизировала развитие промыслов среди крестьян и бобылей подгородних сел и деревень. Развитая торгово-промышленная жизнь некоторых из них часто представляла собой продолжение торгово-промышленной жизни самого города. Среди внегородских мест важным центром сосредоточения промыслов мелких деревенских производителей оставались и подмонастырские селения, чаще всего слободы, расположенные по большей части вблизи крупных монастырей.

Вместе с тем в развитии побочных промыслов сельского населения второй половины XVII в. отчетливо обнаружились новые черты, которые только спорадически могли быть отмечены в начале века [87]. Показательным явлением в развитии сельских побочных промыслов в это время в центральном районе стало их некоторое районирование, образование местностей, где те или иные отрасли получают особое развитие. Многие крестьянские промыслы в ряде местечек центральной полосы России уже во второй половине XVII в. определили их дальнейшее экономическое развитие.

---

[87] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 107—141.

Е. И. Дементьев

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ САВВО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЦЕНТРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) хранится небольшой, насчитывающий 182 единицы хранения фонд документов Савво-Сторожевского монастыря[1]. Это весьма ценное собрание материалов по истории одного из крупнейших феодальных владельцев России преимущественно за вторую половину XVII в. Обращение к материалам вотчинного хозяйства Савво-Сторожевского монастыря, равно как и приписных монастырей, расположенных в Центре Русского государства, вполне понятно, так как до сих пор изучались главным образом северные монастыри[2]. При изучении истории экономического развития страны с такими разнообразными природными и социальными условиями, как наша Родина, необходимо сочетать исследование развития народного хозяйства в целом с исследованиями экономической истории ее важнейших хозяйственных районов, и прежде всего, центрального. В фонде документов Савво-Сторожевского монастыря отложились интересные материалы, которые позволяют расширить наши познания о социально-экономическом развитии Центра России в «новый период» ее истории.

В числе этих материалов отметим выписки из писцовых и переписных книг Поместного приказа на приписные монастыри и вотчины, документы о хозяйственном строительстве, крестьянские челобитные, переписные книги монастырской казны и имущества, различные дела, касающиеся управления и хозяйства монастыря и его вотчин[3]. Среди документов хозяйственного делопроизводства особое место занимают приходо-расходные книги денежной казны Савво-Сторожевского монастыря (10), которых вместе с черновыми (2) и приходно-расходными книгами монастырского хлеба (3) всего в фонде — 15. Книги представлены за 1667, 1668, 1670, 1673, 1676, 1677, 1678, 1682, 1685, 1690, 1694 и 1697 гг.[4] Все эти книги дают материал за полный год, за исключением книги 1676 г., содержащей сведения лишь за шесть месяцев. Приходо-расходные книги за первую половину XVII в. в монастырском фонде отсутствуют. Русский историк-археограф П. Строев, еще в 1817 г. осматривая и описывая библиотеку Савво-Сторожевского монастыря, отмечал, что приходо-расходные книги, как и другие документы

[1] ЦГАДА, ф. Савво-Сторожевского монастыря (1199), ед. хр. 1—182.

[2] М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник. «Исторические записки», № 3, 1938, стр. 130—160; А. Г. Маньков. Хозяйственные книги монастырской вотчины. 16 в. «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 286—307.

[3] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 2, 8, 10, 11, 21, 50, 57, 142, 146, 168, 169. 176.

[4] Там же, ед. хр. 19, 22, 24, 25, 30, 33, 38, 40, 43, 53, 54, 55, 58, 70, 153.

по монастырским вотчинам, «не восходят древностию своею далее 60 гг. XVII столетия»[5]. Но такие книги все же существовали. Об этом свидетельствует переписная монастырская книга за 1676 г. В описании казны за этот год сохранилось упоминание о приходо-расходной книге 1629 г.[6]

Известно, что приходо-расходные книги монастырей XVII в., в отличие от подобных книг XVI в., не только не изданы, но фактически не изучены в исторической литературе. Между тем по своему содержанию и характеру они равнозначны[7], ибо дают богатый материал по массовой регистрации купли-продажи.

В них, во-первых, отражены данные о денежных поступлениях в казну от продажи на внутреннем рынке рыбы, соли, скота, хлебных продуктов; во-вторых, содержится перечень полученных с приписных монастырей денежных сумм, оброчных крестьян, пустошей, сдаваемых в оброк, мельниц. В расходной части книг проводятся данные о крестьянских промыслах и торговле, о рыночных связях монастыря, о степени привлечения им на различные работы наемной рабочей силы. Здесь же можно найти материал, отражающий формы феодальной эксплуатации монастырских крестьян, их классовую борьбу и т. д. Однако, анализируя приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря второй половины XVII в., нетрудно заметить эволюцию в сторону унификации этих основных документов хозяйственного делопроизводства.

Известно, что в середине XVII в. Савво-Сторожевский монастырь после его перестройки превратился в сильнейшую крепость на западных подступах к столице, что было очень важно в условиях начавшейся в 1654 г. войны с Польшей. Поэтому не случайно особое покровительство русского правительства и самого царя, которое оказывалось этому монастырю. Все дела последнего были непосредственно подчинены приказу Тайных дел, руководившему обширным дворцовым хозяйством[8]. Монастырь, получавший щедрые льготы от верховной власти, был поставлен в исключительное положение среди духовных феодалов России[9]. Приказ Тайных дел с помощью приказного дьяка вел учет расходуемых в монастыре денежных средств. При этом дьяком велись книги двоякого рода. В одних фиксировались денежные затраты монастырской казны, шедшие на расплату с различными наемными мастеровыми людьми, крестьянами и стрельцами. В других записывались выплаты годового денежного жалованья монахам, слугам, служебникам и домовым работникам[10].

К сожалению, в монастырском фонде имеется лишь одна такая (первого типа) книга за 1668 г. дьяка Мирона Силина. Из приходо-расходной книги монастырского назначения за этот год видно, что дьяку Мирону Силину на всякие монастырские расходы казна выделила 2 тыс. руб.[11] В 1670 г. ему было выдано казной 2200 руб.[12]

Оставшуюся часть денег казна употребляла на московские покупки и организацию соляного промысла на реке Каме. Так, в 1668 г. при общей расходной сумме монастырского бюджета в 3757 руб. на камский рыбный промысел « к соляному заводу» было послано с промышленником Зосимой Льговским 1000 руб., а на разные московские покупки казна отпустила 757 руб.[13] Таким образом, подавляющая часть средств монастырского

---

[5] П. Строев. Описание рукописей монастырей. СПб., 1891, стр. 6—7.
[6] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 32, л. 32.
[7] А. Г. Маньков. Цены и их движение в русском государстве XVI в. М.— Л., 1951, стр. 15—20.
[8] С. Смирнов. Историческое описание Савво-Сторожевского монастыря. М., 1877, стр. 27.
[9] С. Смирнов. Указ. соч., стр. 33.
[10] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 22, л. 121.
[11] Там же, ед. хр. 24, л. 159.
[12] Там же, ед. хр. 25, л. 204.
[13] Там же, ед. хр. 24, лл. 153—159.

бюджета расходовалась дьяком Тайного приказа, в компетенции которого некоторое время находились дела монастыря. Позднее, ввиду упразднения Тайного приказа (1676 г.), отдельные записи расхода включались казначеем в приходо-расходные книги монастырской денежной казны.

Из вкладной монастырской книги видно также, что с 1650 по 1668 г. от царя А. М. Романова, часто посещавшего монастырь, было получено 36 тыс. рублей[14]. Архимандрит монастыря Никанор, будучи духовным царским наставником, сопровождал царя в его военных походах в Польшу и Литву. В 1655 г. из освобожденных русскими войсками уездов и городов по царскому приказу было вывезено 300 семей белорусских и литовских крестьян и в качестве «пахотных людей» поселено в вотчинах Савво-Сторожевского монастыря[15].

Со второй половины XVII в. начинается новый период в истории монастыря. В это время он превращается в мощную феодальную твердыню и опору русского самодержавного государства.

В 50—60-е годы благодаря царским пожалованиям на земельные владения приписных монастырей, а также на соляные и рыбные промыслы владения Савво-Сторожевского монастыря настолько расширились, что он в короткое время стал богатейшим в России, одним из крупнейших феодальных собственников.

По переписным книгам 1678 г. за ним числилось 2017 крестьянских дворов, в том числе пашенной земли 60 420 четей[16]. Основой материального могущества монастыря были не только обширные земли с крепостными крестьянами, но также соляной и рыбный промысел. Лучше всего об этом свидетельствуют сведения, взятые из монастырских приходо-расходных книг, которые позволяют наглядно представить динамику денежных поступлений с соляного и рыбного промыслов в различные годы. На основе этих сведений составлена следующая таблица.

Таблица

Распределение доходов Савво-Сторожевского монастыря в 1667—1690 гг.*

Приходные суммы	Год							
	1667	1668	1670	1673 (8 мес.)	1677	1682	1685	1690
Поступления в казну по разным статьям дохода	3013	3067	4168	2637	3703	2212	4604	—
Приход с соляного и рыбного промыслов	2645	1414	812	555	2358	975	2690	1150
Удельный вес дохода от соляного и рыбного промыслов (в %)	88	49	20	20	63	44	58	—

* Цифры, взятые из приходо-расходных книг монастыря, приблизительные, округлены в рублях.

Резкое снижение доходов от монастырских промыслов в 1668, 1670 и 1673 гг. в основном объясняется восстанием крестьян Степана Разина в южных районах Русского государства, в том числе в вотчинах Савво-Сторожевского монастыря.

Из таблицы следует, что в «трудные» для монастыря годы социальных потрясений, влиявших на резкое уменьшение удельного веса в бюджете

[14] С. Смирнов. Указ. соч., стр. 27—28.

[15] Дополнения к актам историческим, т. 10. СПб., 1867, стр. 127.

[16] П. Верховский. Населенные недвижимые имения св. синода, архиерейских домов и монастырей Российской империи. СПб., 1909, стр. 52—53.

его доходов поступлений с соляного и рыбного промыслов (в 1670 г. по сравнению с 1667 г. они сократились более, чем в три раза), общий приход денежных средств монастыря возрастал.

Дело в том, что в 1670 г. во время своего посещения Савво-Сторожевского монастыря царь Алексей Михайлович пожаловал ему 1300 руб. [17] В 1685 г., как это видно из приходо-расходной книги, царские пожалования и вклады в монастырь равнялись 755 руб., в том числе на хоромное строение царевной Софьей было дано 400 руб. [18] Софья, осуществлявшая во второй половине 80-х годов XVII в. большое строительство в монастыре, вообще отпускала ему немалые суммы денег [19]. Таким образом, благодаря финансовой поддержке монастырь во второй половине XVII в. мог сравнительно быстро и легко восстанавливать свое вотчинное хозяйство.

Изучение приходо-расходных книг за годы, указанные в таблице, позволяет сделать вывод, что в монастырском бюджете большую роль играли, примерно до 1670 г., так называемые «остаточные за прошлые годы» деньги. Так, в 1667 г. в монастырской казне вместе с этими деньгами (2989 руб.) было заприходовано 6002 руб. [20]

В последующие годы удельный вес остаточных денег убывает (в 1685 г. их насчитывалось лишь 323 руб.) [21] вместе с уменьшением царских вкладов, способствовавших поддержанию активного баланса монастырского бюджета. Следует заметить, что приходная сумма казны, приведенная в таблице, не включает «остаточных» за прошлые годы денег.

Основными рынками сбыта соли и рыбы были Москва и Нижний Новгород. Наиболее значительные доходы монастырь получал с рыбного промысла на реке Каме. В 1667 г. рыбы «камского лову» было продано московским «рыбного ряду» торговым людям и купцам на 1103 рубля [22]. Причем доходы центральной денежной казны от продажи соли Надеинского усолья, перешедшего во владение Савво-Сторожевского монастыря в 1660 г., значительно уступали доходам от продажи рыбы [23]. Правда, в монастырском соляном промысле велись свои приходо-расходные книги и большие денежные суммы, вырученные от продажи соли и рыбы в Нижнем Новгороде, возвращались в усолье для покрытия издержек производства [24]. Например, в 1667 г. в монастырскую казну поступило только 336 рублей от «соленой продажи», что составило примерно 12,6% к поступлениям от рыбных промыслов [25].

На разработку соляных промыслов и добычу соли отпускались большие средства. Так, в 1668 г. камскому промышленнику Зосиме Льговскому «к соляному заводу» на реке Каме было выдано из казны монастыря 1000 рублей [26]. Соль шла на рыбный промысел и на продажу, и только сравнительно небольшое ее количество (700 пудов в 1681 г.) [27] потреблялось в самом монастыре.

Отсутствие сведений о количестве проданной в 1681 г. соли не дает возможности установить соотношение между продажей и потреблением соли за этот год. Но из приходо-расходной книги Надеинского усолья известно, что в 1687 г. было продано 19 138 пудов соли на 1090 руб. [28] До нас дошли лишь книги за 1685, 1686 и 1687 гг. Последняя включает

---

[17] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 25, л. 2.
[18] Там же, ед. хр. 58, лл. 2, 6, 26.
[19] Там же, ед. хр. 63, Книга палатного строения 1686 г.
[20] Там же, ед. хр. 19, л. 200.
[21] Там же, ед. хр. 58, л. 1.
[22] Там же, ед. хр. 19, лл. 72, 73, 102, 103.
[23] Там же, ед. хр. 19, 22, 24, 25, 30, 33, 38, 53, 58, 70.
[24] ЦГАДА, ф. Монастырские дела (125), ед. хр. 24, 25, 29.
[25] Там же, ф. 1199, ед. хр. 19, лл. 102, 103.
[26] Там же, ед. хр. 24, л. 159.
[27] Там же, ед. хр. 66, л. 27
[28] Там же, ф. 125, кн. № 35, л. 24.

данные об организации вотчинного промысла соли и его значении для монастыря [29].

На основе обширных земельных владений, соляного и рыбного промыслов Савво-Сторожевский монастырь осуществлял спекулятивные торговые операции, давая в долг купцам и боярам крупные денежные суммы [30].

В 1669 г. по царскому указу в монастырь было отпущено «из ево великого государя зырянских варниц» 6060 пудов соли по льготной «выварочной» цене. Соль эта отпускалась ему в обмен за взятые из монастырских житниц хлеб и овес в дворцовое село Степановское. Соль, привезенная в Рязань, была продана местным строителям приписного Терехова монастыря по более высокой рыночной цене; из вырученных от ее продажи денег 550 рублей отпустили на «волжский рыбный завод» [31]. Савво-Сторожевский монастырь скупал также большое количество рыбы и икры на реке Яике, где находились казенные рыбные ловли. Рыбу и икру монастырь перепродавал в Москве торговым людям по более высоким ценам [32]. Это приносило дополнительные доходы. Например, за проданную в 1685 г. в Москве яицкую покупную рыбу и икру монастырь выручил 747 рублей [33].

Важными документами, помогающими изучить вотчинное хозяйство Савво-Сторожевского монастыря в XVII в., являются книги прихода и расхода хлеба за 1678, 1694 и 1697 гг. [34], позволяющие судить о расходе хлеба в монастырской вотчине, в частности о его раздаче в жалованье подьячим, слугам, служебникам, стрельцам и домовым и наемным работникам. Книги прихода и расхода хлеба не регистрировали актов купли-продажи. В отличие от книг денежной казны, они содержат сведения о натуральном поступлении и расходе хлеба.

Характерно, что подавляющая часть производимого хлеба, круп, гороха шла в монастыре на потребление внутри вотчины и раздачу в качестве жалованья монастырским работникам. Лишь в небольшом количестве их продавали на сторону. Активными покупателями хлеба, гороха, хмеля и скота были стрельцы и местные крестьяне [35]. Своего хлеба многим крестьянам не хватало до нового урожая, поэтому они вынуждены были его покупать летом по четверти или осьмине у монастыря (заемный хлеб). В книге сбора хлебных продуктов за 1697 г. имеются сведения о монастырской запашке. Указано, какие сельскохозяйственные культуры и в каком объеме высевались в монастырских вотчинах, какова урожайность хлеба в различных уездах Центра.

Анализ приходных и расходных книг Савво-Сторожевского монастыря показывает растущие межобластные торговые связи в Центре Русского государства второй половины XVII в. Как уже отмечалось выше, важную роль здесь играла Москва. Уже из приходо-расходных книг за 1667 и 1668 гг. видно, какое значение имела для монастыря Москва как крупный торговый центр, снабжавший его различными хозяйственными товарами (маслом, медом, кожей, железом, гвоздями, бумагой, сукном, овсчинами, хомутинами, санями и др.) [36]. На так называемые «московские покупки» монастырем отпускались значительные денежные средства. Например, в 1667 г. дьяку Мирону Силину казной было выделено для этой цели 813 руб. [37]

[29] ЦГАДА, ф. 125, кн. № 35, лл. 1—143.
[30] Там же, ф. 1199, ед. хр. 30, лл. 33, 34; ед. хр. 58, лл. 16, 17.
[31] Там же, ед. хр. 25, лл. 16, 17.
[32] Там же, ед. хр. 58, л. 16.
[33] Там же, лл. 16, 17.
[34] Там же, ед. хр. 40, 43, 53.
[35] Там же, ед. хр. 30, лл. 28, 29; ед. хр. 22, лл. 7, 12, 21.
[36] Там же, ед. хр. 19, л. 164: ед. хр. 24, л. 159.
[37] Там же, ед. хр. 19, л. 169.

Из приходо-расходных книг 60—80-х годов узнаем о рыночных связях монастыря с крестьянами окрестных селений, у которых он закупал тес, бревна, уголь и т. д. Тес и древесный уголь в большом количестве покупался у «сторонних» крестьян села Никольского и деревни Раево Звенигородского уезда, бревна — у монастырских крестьян села Дюткова, деревень Осаново, Григорово, Софино, Чупряково, Исаково. У крестьян деревень Белозерово и Пестово монастырь покупал сосновые галенки для изготовления пива и кваса [38].

В Звенигороде на рынке закупались овчины, лапти, в Верее — лук, чеснок, хмель, в Боровске — конопляное масло и тележные колеса, в Рузском уезде — тес, бревна, в Волоколамском уезде — дрань, деготь [39]. Нередко монастырь брал на работы по подряду крестьян из различных городов и деревень. Так, в расходной книге дьяка Мирона Силина за 1668 г. приводятся данные о работе по подряду костромитина Ивашки Кузьмина. Из материала заказчика (монастырской шерсти) он изготовил 10 санных постелей, 89 постелей подседельных, 9 дверных войлочных постелей (шерстобитный промысел). А у пришлого кузнеца Ивашки Лукьянова села Павлова Нижегородского уезда в августе было куплено 30 кос [40].

Развитие товарно-денежных отношений коснулось и хозяйства монастырских крестьян. Наиболее старинным местным промыслом были разработки леса и сплав его по реке Москве. Дрова монастырские крестьяне обычно складывали в начале зимы на берегу реки, уплачивая при этом монастырю «побережную» пошлину. Развитие этого промысла можно отметить у крестьян деревни Шиховой Звенигородского уезда. В 1670 г. они самовольно рубили монастырский лес на продажу, за что с крестьян была собрана приказчиком села Луцина особая пошлина, так называемо «покоренное» [41]. Ремеслами и торговлей занимались и стрельцы, жившие «под монастырем», в отдельной слободе.

Большой интерес представляют сведения приходо-расходных книг о значительном привлечении в хозяйство монастыря наемной рабочей силы со стороны. Из книги денежной раздачи 1666 г. следует, что в монастыре кроме домовых работников, находившихся в личной зависимости, трудились, «наймаючись по договорным рядам», приезжие из разных русских городов — наемные работники [42]. Монастырь использовал также наемную рабочую силу для перевозки на стругах или подводах соли, рыбы, икры. Из приходо-расходной книги за 1685 г. видно, что соль и рыба Надеинского усолья сначала переправлялась на стругах по Волге до Нижнего Новгорода. Затем часть груза продавали, а оставшуюся рыбу и соль перевозили на наемных подводах в Саввин монастырь.

После приписки в 1682 г. арзамасского Спасского монастыря г. Арзамас стал перевалочным пунктом, где хранились соль и рыба, привезенные из далекого Надеинского усолья. Здесь нанимали новых возчиков, которым в Арзамасе выдавали денежный задаток. Окончательно с ними расплачивались на месте, т. е. в Савво-Сторожевском монастыре [43].

Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря включают весьма ценные данные о феодальной эксплуатации и разорении монастырских крестьян, их выступлениях против монастырей. Мы узнаем, что во второй половине XVII в. почти все крестьяне приписных монастырей, за исключением двух псковских и Высокого на Воскресенском подворье в Москве, состояли на барщине, внося в пользу Савво-Сторожевского

[38] Там же, ед. хр. 22, лл. 12—14, 62—62; ед. хр. 53, лл. 160, 165, 193, 194; ед. хр. 58, лл. 181—187.
[39] Там же, ед. хр. 53, лл. 160, 165, 181; ед. хр. 58, лл. 156—201.
[40] Там же, ед. хр. 22, лл. 24, 115—117.
[41] Там же, ед. хр. 25, л. 13.
[42] Там же, ед. хр. 17, лл. 1—42.
[43] Там же, ед. хр. 58, лл. 125, 126.

монастыря подворные денежные подати (с 1678 г.) («за приказчиковы доходы и поярочную шерсть, за дровяную возку, за коровье масло и за разные конюшенные припасы»)[44].

Сотни крестьянских подвод «с запасом», т. е. с солью, рыбой, маслом, хлебом и другими продуктами, зимой направлялись обычно к Савво-Сторожевскому монастырю. При этом монастырь взыскивал с возчиков деньги за «дровяную возку, недомерный хлеб, недоборное масло» или потери в пути части подвозимых ими продуктов. «По причине скудости» некоторые крестьяне брали различные суммы в долг у монастыря, чтобы купить хлеб или скот. Будучи не в силах самостоятельно вести хозяйство, они иногда отдавали свои пашенные и сенокосные земли или крестьянам своей деревни, или монастырю. Причем такие крестьяне становились бобылями или монастырскими работниками. Монастырь, заботясь о своих доходах, обязывал всех крестьян уплачивать оброк за утрату в их деревне так называемых пахотного и сенокосного «жеребьев»[45].

Одной из форм социального протеста монастырских крестьян было бегство. Так, в приходо-расходной книге 1667 г. отмечается, что за беглых монастырских крестьян «на помещиках было взято 56 руб. пожилого». Долговая кабала, невозможность вовремя расплатиться с монастырем за взятый хлеб или рабочий инвентарь[46] — все это заставляло крестьян покидать монастырскую землю. Бежали, по-видимому, крестьяне, переселенные из Белоруссии; в силу различных причин они не могли по истечении «льготного срока» закрепиться на новом месте.

Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря за 1682, 1685 и 1690 гг. отмечают большие недоимки приписных монастырей за ряд лет. Если в 1677 г. денежные сборы с них равнялись примерно 688 руб., то уже в 1682 г. они уменьшились до 257 рублей[47]. Особенно большие недоимки числились за Ольговым и Пурдышевским монастырями (Рязанский и Шацкий уезды). В 1682 г. многие крестьяне села Яростова и слобод Ольгова монастыря от «скудости» разбрелись и перешли на плодородные земли Мамонтовой пустыни Тамбовского уезда[48]. В этом году вместо 120 руб. по окладу они внесли в казну монастыря лишь 45 рублей. А с крестьянских дворов Пурдышевского монастыря в 1681 и 1682 гг. денег совсем не поступало[49]. В 1682 г. крестьяне оказали монастырским властям открытое неповиновение. В Пурдышевский монастырь Шацкого уезда была послана послушная грамота, по которой монастырских крестьян велено «за бунт, и отклад от Савина монастыря и за непослушание бить кнутом». Аналогичная грамота, требовавшая «и про крестьян в бунтовстве и в откладе и в непослушании сыскать»[50], послана была в начале августа 1682 г. в Мамонтову пустынь. Летом 1682 г. вспыхнуло крестьянское восстание и в Надеинском усолье. Восставшие послали в Москву челобитчиков, которые должны были добиться у правительства, чтобы «тому Надеинскому усолью за Савиным монастырем не быть».

По сообщению местного промышленника Моренцова, из-за «неповиновения» усольских крестьян «монастырский соляной и рыбной промысел остановился»[51].

Безусловно, политические события мая 1682 г. в Москве послужили предлогом для начала антифеодальных выступлений монастырских кре-

---

[44] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 66, лл. 1—78.
[45] Там же, ед. хр. 24 (1668 г.), л. 94.
[46] Там же, ед. хр. 19, лл. 69, 71.
[47] Там же, ед. хр. 38, л. 89; ед. хр. 53, л. 105.
[48] Там же, ед. хр. 53, л. 88.
[49] Там же, лл. 90, 103.
[50] Там же, л. 147.
[51] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет (141), ед. хр. 112, л. 1.

стьян. Их следует, конечно, связать с классовой борьбой крестьян, развернувшийся в 1682 г. на юге Московского государства [52].

Среди приходо-расходных книг Савво-Сторожевского монастыря в ЦГАДА хранится весьма интересная и ценная переписная, «перечневая» книга 1686 г.

В отличие от обычных приходо-расходных книг денежной казны, фиксировавших повседневные поступления и расход денег, она содержит итоговые данные за год по отдельным видам денежных и натуральных доходов и расходов в монастырской вотчине (годовое потребление монастырем хлеба, рыбы, соли, масла, яиц, денежные поступления с приписных монастырей и т. д.) [53]. Эти данные относятся к 1681 г. Всего в этом году монахи, слуги и служебники, а также работные люди Савво-Сторожевского монастыря получили «в жалованье» 1384 руб. [54], монастырь закупил на торгах вина, ладана, меда, коровьего масла, железа, теса, бревен, досок и т. д. на сумму 1472 рубля [55]. Таким образом, на выплату жалованья и на покупку продовольственных и строительных материалов в 1681 г. было израсходовано 2856 рублей. За это же время заприходовано 792 руб. различных окладных сборов. Очевидно, что основная часть израсходованных денег монастырской казны покрывалась за счет продажи рыбы, соли и других продуктов. Этот факт убедительно свидетельствует о глубоких связях хозяйства Савво-Сторожевского монастыря с рынком.

В книге дается перечень подмонастырных вотчин и приписных монастырей. Из нее мы узнаем о формах феодальной эксплуатации; числе крестьянских дворов, барщинных и оброчных тяглах, видах повинностей, которые существовали в вотчинах монастыря в 70—80-е годы XVII в. К сожалению, мы не имеем сведений о количестве проданной соли и рыбы, промыслах, а также о крестьянских антифеодальных выступлениях. Однако в сочетании с приходо-расходными книгами и другими хозяйственными документами монастырского фонда, переписная книга 1686 г. рисует достаточно полную картину вотчинного хозяйства Савво-Сторожевского монастыря второй половины XVII в.

---

[52] Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на Юге Московского государства. «Исторические записи», № 4, 1938.
[53] ЦГАДА, ф. 1199, ед. хр. 66, л. 1—78.
[54] Там же, л. 68.
[55] Там же.

В. И. Петухов

МАТЕРИАЛЫ ПИСЦОВЫХ КНИГ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII — начала XIX века

Писцовые и переписные книги, содержащие богатые сведения о социальных отношениях, хозяйстве, статистике, географии и быте, являются «ценнейшим памятником по социально-экономической истории XV—XVII вв.» [1].

В исторической литературе распространено мнение, что к писцовым книгам исследователи стали обращаться лишь с середины XIX в. Г. Е. Кочин, написавший специальную работу об историографии писцовых книг, полагает, что этот важнейший вид документальных материалов попадает в арсенал историков только ко времени крестьянской реформы 1861 г. В ценном пособии А. Ц. Мерзона историографический обзор начинается лишь с конца XIX в. [2] Сосредоточив внимание на изучении писцовых книг в научно-исследовательском плане, упомянутые авторы не отметили факта привлечения писцовых и переписных книг в целом ряде исторических работ конца XVIII — начала XIX в.

Мимо ценных сведений писцовых книг не могли пройти такие крупнейшие представители русской историографии XVIII в., как В. Н. Татищев и М. М. Щербатов. В. Н. Татищев разбирает причины возникновения большого количества писцовых книг, «учиненных» в годы царствования Михаила Федоровича. Рассматривая писцовый наказ 1556 г., В. Н. Татищев верно замечает, что он был издан в целях упорядочения поместного землевладения. Что же касается техники писцового дела, то, по мнению В. Н. Татищева, «землемерные описания... сочинены знающим геометрию с вычетом плоскостей» [3]. М. М. Щербатов освещает вопросы, связанные с сошным письмом, приводит данные о величине сохи помещичьих и церковных земель [4].

Н. М. Карамзин также осведомлен о составлении писцовых книг «людей и земель пашенных»; он упоминает о переписи Двинских земель 1587 г., о писцах, посланных за Волгу в 1597 г. Интересен вывод о том, что навыки, приобретенные писцами при описаниях, способствовали

[1] См. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века, т. I. М., 1940, стр. 174.

[2] Г. Е. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. «Проблемы источниковедения», т. II. М.—Л., 1936, стр. 147; А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV—XVII веков. М., 1956, стр. 3.

[3] В. Н. Татищев. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы. М., 1786, стр. 139—140.

[4] М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. IV, ч. II. СПб., 1783, стр. 135.

созданию первой геометрии в XVII в., книг сошного и вытного письма [5].

Источниковедческой базой официальной дворянской историографии XVIII — начала XIX в., создававшей концепции политической истории Российского государства, являлся преимущественно летописный и юридический материал.

Историческая наука того периода знает и другое направление тематики — изучение местной истории отдельных земель и городов [6]. Научное образование и кругозор авторов-краеведов часто были невелики, однако отход от тематики общеполитической истории, интерес к прошлому своего края, прежде всего к внутренней, местной истории, свидетельствовали о расширении задач и предмета исторической науки.

Именно в этот период в науку приходят первые представители рождающегося класса буржуазии с их обостренным вниманием к торгово-промышленному прошлому страны. Своеобразный местный патриотизм, любовь к истории своего края приводили историка в местный архив, побуждали использовать и в исследованиях новые виды документальных материалов, в том числе писцовые книги.

Типичная фигура раннего периода развития буржуазных отношений — В. В. Крестинин. Представитель средних прослоек архангельского посада, большой патриот Северного края, активный общественный деятель, В. В. Крестинин стал одним из первых местных историков [7]. Он соединял в своих работах талант исследователя, великолепное знакомство с местными архивными собраниями и интерес к экономическому прошлому. Изучая историю северорусских городов, занятия горожан, ремесла и торговлю, В. В. Крестинин заинтересовался писцовыми книгами. В работе, посвященной истории Холмогор, автор, останавливаясь на вопросах экономического состояния города в XVII в., широко привлекает статистические данные городских переписных книг, подсчитывает численность населения за разные годы, пытается определить его социальный состав, дает характеристику внешнего облика города [8].

Интересны и другие наблюдения историка над писцовыми книгами. Например, он прослеживает историю различных купеческих фамилий, сопоставляя книги разных лет. Топонимические данные, встречающиеся в материалах переписей, служат автору подтверждением гипотезы о древнем финском населении северных земель. Наконец, писцовые же книги содержат, по мнению В. В. Крестинина, сведения о двух путях возникновения русских городов: из крепости или из деревни [9].

Останавливаясь на проблемах истории Севера XVI—XVII вв., В. В. Крестинин не мог пройти и мимо такого факта, как история переписей в России. Он описывает проведение переписи Холмогор 1678 и 1688 гг. В качестве иллюстрации своих положений автор приводит отрывок из писцовой книги 1623 г. по Архангельску М. Вельяминова (это, как будто, первая публикация писцовой книги вообще) [10], а в приложении помещает таблицу сошного письма.

В работе «Исторические начатки о двинском народе» В. В. Крестинин также неоднократно приводит данные книг 1623 и 1678 гг. по Архангельску для определения количества населения города, числа церквей

---

[5] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1824, стр. 70, 258, 260.

[6] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1955, стр. 572; В. К. Яцунский. Историческая география как научная дисциплина. «Вопросы географии. Историческая география СССР». М., 1950, стр. 16.

[7] О нем см. У. М. Полякова. В. В. Крестинин и общественная борьба в архангельском посаде в 60—90-х гг. XVIII в. «История СССР», 1958, № 2.

[8] В. В. Крестинин. Начертание города Холмогор. СПб., 1790, стр. 26.

[9] Там же, стр. 2, 34.

[10] Там же, стр. 26, 36, 39.

и дворов [11]. В целом метод привлечения автором материалов писцовых и переписных книг иллюстративен и отбор данных подчас случаен, отсутствует и критический подход к источнику, однако самый факт широкого использования писцовых книг заслуживает большого внимания.

В конце XVIII в. и некоторые другие местные историки, исследуя прошлое русских городов, особенно северных, привлекают историко-географические сведения из материалов писцового дела.

История г. Вологды, например, становится объектом изучения А. А. Засецкого. «Едкая старина», по его образному выражению, оставила мало письменных памятников, и тем ценнее известия, дошедшие в составе писцовых книг. Производя элементарный историко-географический анализ, автор сравнивает внешний облик города XVII в. с современной ему Вологдой: «значится по писцовым книгам..., что внутри города был государев дворец деревянной..., а ныне на том месте церковь Покрова», и т. д. [12]

Изучая историю городов Вологодского наместничества, П. Б. Иноходцев использовал писцовую книгу Ф. Караулова 1682 г. для определения числа жителей г. Вельска [13]. Писцовые книги приводятся тем же автором и для характеристики внутренней жизни Сольвычегодска в XVI—XVII вв. Описывая пожар 1579 г., во время которого сгорело 500 дворов и 10 церквей, разорение города поляками в 1613 г., постройку в 1619 г. деревянного острога около посада, монастыря и соляных варниц, П. Б. Иноходцев использует данные соответствующих писцовых книг [14].

Торопецкий священник П. Иродионов, довольно подробно характеризуя историю своего города, пользуется также в числе других «достоверных свидетельств» писцовыми книгами. Он выписывает итоговые данные, помещенные в конце переписи 1627—1628 гг. дьяка Дм. Воейкова, об общем количестве жителей посада, а также о «подсуседниках» и бобылях и, особенно интересуясь церковным прошлым Торопца, перечисляет соборы и церкви [15].

Тот же ограниченный характер использования материалов переписей отличает «Описание Курского наместничества» С. Ларионова. В исторической части работы автор приводит лишь указание курской писцовой книги 1629—1631 гг. о количестве жителей и монастырях, а описания 1646, 1678, 1688 и 1710 гг. только упоминает [16].

Значительно более подробные сведения писцового описания, вероятно, стрельной книги по г. Тамбову 1636 г., использованы в труде неизвестного автора о Тамбовском наместничестве. В работе приведены многочисленные данные об укреплениях, башнях, количестве боеприпасов и огнестрельного оружия в Тамбове, построенном в 1630-х годах для защиты «рязанских украинных мест». На основании данных строельной книги охарактеризовано состояние Казачьей и Покровской слобод, определяется приток населения в город, подсчитывается общая сумма налогов [17].

---

[11] В. В. Крестинин. Исторические начатки о Двинском народе. СПб., 1784, стр. 40—42; его же. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. 99—100, 102.

[12] А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия по древностям о России, и частно о городе Вологде и уезде... М., 1782, стр. 47.

[13] П. Б. Иноходцев. Продолжение описания городов Вологодского наместничества с их округами. «Месяцеслов исторический и географический на 1792 г.». СПб., 1792, стр. 12.

[14] П. Б. Иноходцев. Описание городов Устюжские области с их округами. «Месяцеслов исторический и географический на 1793 г.». СПб., 1793, стр. 29.

[15] П. Иродионов. Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округи касающиеся. СПб., 1778, стр. 22.

[16] С. Ларионов. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце. М., 1786, стр. 19, 22, 26.

[17] Описание Тамбовского наместничества. «Месяцеслов исторический и географический на 1789 г.». СПб., 1789, стр. 29.

В ином плане — для рассмотрения хозяйственной жизни г. Костромы в XVII в.— привлекает писцовую книгу 1628—1630 гг. И. К. Васьков. Помимо известий о населении и укреплениях города, историк использует данные о количестве торговых рядов, старых и новорозданных лавок и амбаров. В другом месте И. К. Васьков приводит в доказательство морового поветрия городскую переписную книгу 1655 г. [18]

Новый шаг вперед в изучении писцовых книг сделал Е. Болховитинов. Пребывая на церковных должностях во многих городах России, он уделял большое внимание собиранию и изучению местных документальных материалов. Его исторические обозрения различных городов (Воронежа, Новгорода, Изборска, Пскова и др.) ценны прежде всего как богатое собрание источников по местной истории. Большой интерес проявлял историк и к материалам переписей средневековой России, применяя новые приемы анализа писцовых книг.

Один из наиболее часто употребляемых приемов использования писцовой документации у Е. Болховитинова — историко-географический анализ источника. Например, в историческом описании Воронежа автор сопоставляет строельную и переписную книги 1676 г. и отмечает основные строения и церкви Воронежа второй половины XVII в. Тот же прием характерен и для описания топографии уездных городов — Коротояка по строельной книге 1648 г. и Валуек по разборной книге 1687 г. [19]

В небольшой мастерски написанной «Летописи древнего славяно-русского города Изборска» Е. Болховитинов прибегает к иной системе описания города в XVI и XVII вв. Стремясь как можно полнее рассказать о внутренней жизни и быте Изборска, он помещает на страницах своей работы наиболее интересные выписи из писцовых книг 1576, 1624, 1627, 1634 и других лет, так что на долю этих выписей приходится почти половина общего объема «Летописи» [20].

Большой интерес представляют методы обработки писцовых книг в другой книге Е. Болховитинова [21], написанной в форме научной дискуссии об истории города. В I и II прибавлениях к книге («О древних улицах Великого Новгорода» и «О древних монастырях и церквах новгородских») историк, изучив городские книги 1623 и 1615 гг., извлек из них все встречающиеся известия о топографии города. По существу автор опубликовал сокращенные списки писцовых книг, оставив в них лишь все данные об улицах и церквах Новгорода. В III прибавлении Болховитинов, просмотрев большое количество изгонных книг Новгородской земли за XVI в., помещает Роспись селений новгородских пятин. Ценность этого труда позднее отметил К. А. Неволин, посчитавший необходимым почти 50 лет спустя полностью перепечатать Роспись в виде приложения к своей работе [22].

В первой половине XIX в. продолжается использование писцовых книг при написании истории отдельных северных городов. Историко-географическую картину Соликамска в XVII в. учитель местного училища Ф. Протопопов старался воссоздать по писцовой книге Соликамска 1625 г. [23]

---

[18] И. К. Васьков. Собрание известий, относящихся до Костромы. М., 1792, стр. 63.

[19] Е. Болховитинов. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1912 (работа написана в 1800 г.), стр. 31, 86, 87, 98.

[20] Е. Болховитинов. Летопись древнего славяно-русского города Изборска. СПб., 1825, стр. 20—50.

[21] Е. Болховитинов. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

[22] К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853, стр. 391; К. А. Неволин приводит несколько иные итоги, нежели Е. Болховитинов.

[23] Ф. Протопопов. Записки, веденные по топографо-исторической части. М., 1814, стр. 30—31

Большое значение писцовым книгам придает «мещанин Верхневажского посада» М. Н. Мясников: «сии книги суть драгоценнейшие памятники»,— пишет он в «Историческом описании Ваги и города Шенкурска». Эта работа осталась незаконченной, но и в опубликованной части ее, посвященной церковной истории Важской округи, приведены многочисленные свидетельства писцовых книг 1620, 1675, 1678 и других лет. Например, описывается гостиный двор Маркушевского монастыря: «а в нем — 22 лавки, 5 изб и 6 амбаров» [24].

Ценность материалов писцового дела отмечает известный историк В. Н. Берх. Хорошо знакомый с писцовыми книгами и их местонахождением (так, он указывает, что в архивах Вологды, Вятки, Тобольска они сохранились в большом количестве), В. Н. Берх выражает сожаление, что историки очень мало привлекают их в своих работах. Интересна мысль об эффективности сличения писцовых книг за разные годы по одному городу, когда заметны все изменения в его облике. Автор предлагает использовать эти источники для «статистики» древней России и для проверки прав феодалов на землю [25]. В приложении напечатаны две выписки из писцовых книг г. Соликамска 1579 и 1623 гг.

Писцовые книги начинают использоваться и для написания истории Сибири. П. А. Словцов, изучая вопрос о численности жителей в Тобольске в XVII в., сравнивает сохранившийся осадный список 1646 г. с грамотами о количестве посланного провианта в сибирские города. Он делает вывод, что в 1646 г. в Тобольске было около 900 жителей, из них «христиан-европейцов» — 650. Придавая большое значение писцовым книгам, П. А. Словцов упрекает Г. Ф. Миллера в том, что тот, «заглядевшись на списки ясачные, не развернул писцовых книг, тогда не утраченных» [26].

Итак, во второй половине XVIII — начале XIX в. благодаря усилиям главным образом местных историков был накоплен уже известный опыт изучения и использования писцовой документации в исторических сочинениях, а в работах таких крупных историков, как В. В. Крестинин и Е. Болховитинов, писцовые и переписные книги становятся объектом серьезного научного исследования.

Интересно отметить, что значительная часть писцовой документации, использованной историками XVIII — начала XIX в., не дошла до наших дней. Об этом можно, в частности, судить по специальной картотеке писцовых и других книг, составленной сотрудниками Центрального государственного архива древних актов. Видимо, не сохранились книги по городам: Валуйки (1678 г.), Вельск (1682 г.), Изборск (1576, 1624, 1627, 1634, 1676 гг.), Коротояк (1648 г.), Курск (1579 г.), строельная книга Воронежа (1676 г.) и осадный список Тобольска (1646 г.). Тем самым перечисленные труды историков приобретают также значение важных источников и по истории русских городов XVI—XVII вв.

[24] М. Н. Мясников. Историческое описание Ваги и города Шенкурска. «Отечественные записки», 1829, ч. 39, стр. 86, 95, 98, 100, 243 и др.

[25] В. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821, стр. 199—200.

[26] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. М., 1838, стр. 150, VI.

Н. А. Бакланова

ЗНАЧЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ НА ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГАХ КАК ИСТОЧНИКА ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Академик М. Н. Тихомиров на основании изучения записей XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря пришел к выводу о важности этих записей «для разных областей исторического знания, языкознания и истории литературы»: «они, как правило, являются не только историческими свидетельствами, но и непосредственными историческими остатками»[1]. Однако работа по систематической регистрации записей и их публикации до настоящего времени носит случайный и разбросанный характер, что препятствует их успешному научному изучению.

Данная статья ставит целью: рассмотрев документы преимущественно двух архивных фондов — собрания И. Е. Забелина, хранящегося в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, и коллекции В. Н. Перетца, которая сейчас находится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР,— дать представление о том, какие материалы содержит в себе один из видов записей на древнерусских книгах. При этом автор ограничил себя изучением владельческих записей лишь XVII в.

Записи на книгах не одинаковы по своему характеру и не равноценны по содержанию. Одни из них ограничиваются кратким указанием имени владельца, часто без обозначения его социальной принадлежности и без даты, например: «Сия книга Ивана Петрова сына Мишарина» или «Наум Федоров сын Безобразов»[2]. В этих случаях время составления записи можно определить лишь приблизительно по почерку, а личность владельца иногда удается уточнить, особенно в тех случаях, когда фамилия указывает на его принадлежность к служилому сословию (см. второй из приведенных примеров). Зато другие записи дают более точные сведения об их дате, владельце или переписчике; иногда они отражают в какой-то степени даже личность писавшего.

Записи владельцев и читателей делались большей частью внизу страницы, под текстом книги или на внутренней стороне ее переплета, реже — на боковых полях или вверху.

Иногда по записи можно проследить переход книги из рук в руки в течение довольно продолжительного времени. Так, на книге «Беседы Григория, старейшего папы римского» имеются записи представителей

---

[1] М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 11—30.

[2] Государственный исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг, собрание И. Е. Забелина (далее — Собрание Забелина), № 428, Сборник начала XVII в., лл. 7—11; там же, № 8, Александрия, л. 9.

четырех поколений фамилии Юшковых, которым принадлежала книга: Григория Михайловича, имя которого встречается в дворцовых разрядах с чином дворянина в 20 и 30-х годах XVII в.; его сына — Василия Григорьевича, стольника в 1652 г. и воеводы в Болхове в 1675 г.; внука — Якова Васильевича, стольника в 1690 г., и, наконец, правнука — Петра Яковлевича, оставившего свою запись на книге в 1712 г.[3] Наблюдение над записями приводит к выводу, что сохранение книги в одном роде чаще всего встречается в среде служилых людей.

Одна из записей любопытна тем, что вводит нас в сферу крупных исторических событий. В августе 1606 г. «старец» Иосиф Григорьев дал в качестве вклада в Рождественский монастырь на реке Суле (в Роменском уезде) «по своих родителях и по своей душе» книгу Пролог — объемистый том в 300 листов,— переписанную полууставом на бумаге с водяными знаками первой половины XVI в. Акт передачи был вписан на первом листе Пролога в присутствии трех представителей рождественского причта: двух попов и дьякона. Прошло около трех лет, и на одном из листов того же Пролога появилась новая запись: «Лета 7117 июлия 6 продал сию книгу сын боярской Родион Семенов сын Рятков рожественскому попу Юрью, а он купил у литовских людей в великой пост на первой неделе». Вспомним, что в эти годы Юго-Западная Русь подвергалась опустошительным нашествиям польских интервентов. Очевидно, в это время был разорен ими и Рождественский монастырь. Захватывая все, что попадалось под руку и представляло какую-нибудь ценность, они затем распродавали награбленное. В числе похищенных вещей оказался и Пролог, который нашел своего покупателя в лице сына боярского, перепродавшего купленную им книгу тому самому «рождественскому попу Юрью», который три года назад присутствовал при передаче книги в монастырь вкладчиком. Записи сохранили нам указания и на последующую судьбу этой книги. В 1632 г. ее продал (не указано — кому) костромитин посадский человек Григорий Игнатьев сын Щелкачев. В XVIII в. Пролог, листы которого к этому времени успели сильно пострадать от сырости, был реставрирован и заново переплетен в кожу, а для оклейки переплета с внутренней стороны послужила бумага, исписанная хозяйственными заметками 1737 г. На задней обложке имеются многочисленные пробы пера разными почерками — следы рук, через которые прошла эта книга[4].

К сожалению, далеко не на всех книгах XVII в. и более ранних имеются владельческие записи того времени. Гораздо больше встречается записей XVIII и XIX вв. Это объясняется не только тем, что первоначальные владельцы далеко не всегда оставляли нам свои имена, но и тем, что нередко последующие счищали, выскабливали или замазывали записи своих предшественников. В некоторых случаях с трудом можно восстановить фрагменты записей, большая же их часть вообще погибла. Причину уничтожения записей предшествующих владельцев установить трудно. Можно лишь предполагать, что порой здесь имел место незаконный переход книги от одного учреждения или лица к другому. Так, по листам Триоди цветной XVI в. была сделана надпись, впоследствии соскобленная, но по оставшимся следам ее текст частично можно восстановить: «Сия книга, глаголемая Триодь, церковки Преображения мирская, аже ... возьмет, не спросясь оных жителей, да будет ... сиречь проклят отныне и до века». На обороте последнего листа этой книги стоит другая запись, сделанная скорописью XVII в.: «Продал сию книгу, глаголемую Триодь цветная, поп Михайло с товарыщи, а взял за нее у попа Елисея 2 рубля 13 алтын 2 де[ньги], а подписаля я, поп Иван»[5]. Таким образом, несмотря на заклятье,

[3] Институт русской литературы АН СССР. Отдел рукописей, собрание В. Н. Перетца (далее — Собрание Перетца), № 93, лл. 1, 276, 35—46, 2.
[4] Собрание Перетца, № 52, лл. 1—49, 191—195.
[5] Там же, № 49, лл. 1—10, 426.

книга перешла в другие руки. Новые владельцы хотели скрыть следы сделки и постарались уничтожить изобличающую их запись.

Насколько было распространено нарушение воли вкладчика и отчуждение данной им в дар книги, можно видеть из того, что даже такие высокопоставленные лица, как патриарх Никон, принуждены были ограждать сохранность своих вкладов торжественными и многословными заклятьями. Например, такие записи имеются на каждом из 25 экземпляров Грамматики издания 1648 г. [вклад Никона в основанный им Воскресенский (Новый Иерусалим) на Истре монастырь].

Указанное обстоятельство, а также тот факт, что книг XVII в. и более раннего времени сохранилось гораздо меньше, чем книг XVIII и XIX вв., объясняет сравнительную малочисленность имеющихся в нашем распоряжении владельческих записей XVII в.

Сохранилось немало записей о продаже книг их владельцами, принадлежавшими к самым разнообразным слоям общества. Среди продавцов и покупателей мы встречаем и служилых людей разных рангов, и дьяков, и представителей духовенства, и гостей. и посадских людей, и крестьян. Иногда богослужебные книги покупались для церкви целым «миром», т. е. прихожанами, преимущественно крестьянских общин. Например, в 1623 г. Андрей Иванов сын Попов купил сборник, написанный полууставом XVI в., «к Николе чудотворцу на Колодо озеро», «взял цены у мирских людей коробью ржи да 10 алтын денег». В 1675 г. в село Ново-Никольское Свияжского уезда в церковь Николая 5 декабря, накануне храмового праздника, была куплена книга Трефолой за 20 алтын, «збирал в сию книгу староста церковной Федор Родионов, а подписал тое же церкви дьячек Флорко Павлов сын Попов» [6].

Наряду с различными ценностями книги бывали часто предметом вклада в церковь или в монастырь «во здравие» вкладчика или «на помин души» его и его родителей.

Являясь материальной ценностью, книга была предметом различных сделок. Так, на иконописном подлиннике, написанном скорописью конца XVII — начала XVIII в., сохранилась следующая запись: «Я, Стенька Иконников, заложил сию книгу подленик в 4 алтынех». Ниже тем же лицом сделана другая запись: «Продал я, Стенка Иконников, сию книгу Ивану Архипову, а цены рядил 6 алтын» [7]. Встречаются и обратные случаи, когда книга закладывалась, но затем выкупалась. Книги были предметом краж, о чем сохранилось немало сведений в Приказном столе Разрядного приказа. Впрочем, при краже книг из церквей играла роль и ценность их окладов (переплетов), имевших нередко дорогие украшения (например, напрестольные евангелия).

В XVII в., как, может быть, и в более раннее время, проявлялась особая любовь к книжной старине. Известным примером такого отношения может служить надпись, сделанная boярином Б. М. Хитрово на евангелии XV в., украшенном замечательными по красоте миниатюрами и подаренном им в Троице-Сергиев монастырь «ради древнего письма» [8].

Владельческие записи на книгах дают возможность судить и о составе библиотек, принадлежавших представителям различных общественных групп. Книги богослужебные или духовно-нравственного содержания имелись в том или ином количестве во всех библиотеках. Поэтому мы не будем на них останавливаться. Интереснее книги светского характера; их состав может до некоторой степени указывать на духовные запросы людей различного общественного положения.

---

[6] В. П. Адрианова. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVII вв. [Киев], 1912, стр. 82; собрание Перетца, № 74, лл. 3—40.

[7] В. П. Адрианова. Указ. соч., стр. 70.

[8] В настоящее время это евангелие хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Больше всего встречается владельческих записей на книгах светского содержания из библиотек служилых людей разного ранга. Видно, что читатели этой общественной группы интересовались преимущественно историческими сочинениями. Из них чаще всего встречаются хронографы. Например, Хронограф был у князя А. И. Хилкова. Он подарил его некоему стольнику Андрею Семеновичу. Позднее, в 1687 г., эта книга принадлежала стольнику И. С. Бурцеву. На другом экземпляре Хронографа стоит следующая надпись: «Сия книга Ивана Ивановича Чичерина, писана на Устюге Великом 7132 году». Еще один Хронограф принадлежал князю Г. П. Трубецкому. Некоторые представители служилой группы сами переписывали эту интересовавшую их книгу. Так, на одном из хронографов, писанном полууставом XVII в., сохранилась надпись: «Книга, глаголемая Хронограф, а писали ее Иван да Степан Ловчиковы» [9].

Из книг исторического содержания, имевшихся у служилых людей, встречаем еще «Родословник русских великих и удельных князей и бояр», принадлежавший окольничему Алексею Петровичу Головину. Владелец написал на своей книге: «Kniha siia hloholemaia Rodoslov domu okolniczcho Alexeia Petrovicza Holowina. Anno domiñum 1683» [10]. (Следует заметить, что среди служилых людей и черного духовенства второй половины XVII в. вошло в моду делать свои владельческие записи латинскими буквами или даже на латинском языке [11]). У Наума Федорова сына Безобразова был список Александрии. Андрею Артамоновичу Матвееву принадлежала книга Барония, о чем свидетельствует его собственноручная надпись 1695 г. Большой интерес у служилых людей вызывали сочинения Ивана Пересветова. Мы встречаем их у князя Гр. Гр. Ромодановского, у стольников Крюкова и Строева [12].

Не обходились без светских книг и библиотеки, составлявшиеся духовенством (монастырские и частные библиотеки духовных лиц). Даже в эту преимущественно образованную, особенно до XVII в., среду проникает светская литература. В этом отношении особенно интересна библиотека архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия. Этот незаурядный по своим способностям человек совмещал с основной профессией интересы вполне «мирского» характера. В его библиотеке было немало книг по географии, космографии, медицине, военному искусству, истории. Он сам принимал живейшее участие в ее комплектовании. Разъезжая по делам епархии, Афанасий осматривал библиотеки северных монастырей и заказывал там копии с интересовавших его книг или брал их с собой для переписки в Холмогорах. Так, например, на русском переводе польской хроники Мартина Бельского имеется надпись: «Лета 7206 повелением преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, написася книга сия Кроника, собрание польских авторов, его, архиерейским, келейным иждивением ради ведения со книги патриаршего дому казначея, во блаженном успении монаха Паисия Сийского, древних проводников самый просторечивой перевод с польского языка на русский простой глагол, ижи обретается ныне в Сийском монастыре». Свое путешествие вместе с Петром I в Архангельск Афанасий также использовал для пополнения библиотеки: на книге «Стезя животная» (поучительные слова) имеется надпись: «Спи-

---

[9] Собрание Забелина, № 677, лл. 6—15; № 684, лл. 340, 350, 365, 366 об., 369 об., 374, 379—382, 532, 564 об.; Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 2, № 440; А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 40.

[10] П. Строев. Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 63.

[11] Примеры такого рода приведены в кн.: А. Н. Лебедев. Надписи на старинных книгах. М., 1895, стр. 7.

[12] А. Е. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. М., 1842, стр. 18; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 443.

сано в походе великого государя у города Архангельского в 200 году». Поездки в Москву по служебным делам помогали Афанасию подбирать книги для библиотеки. Например, «Слова на латинов и лютеров» были переписаны с книги, принадлежавшей архимандриту московского Новоспасского монастыря Игнатию Корсакову, «его, архиерейским келейным иждивением». Книга братьев Лихудов «Диалоги» была «прочтена и исправлена с подлинною книгою в бытность, его, архиерейскую, на Москве 205-го лета апреля в 4 день» [13].

Таким образом, и в эту среду, по преимуществу консервативную, проникали новые веяния, вносившие в нее струю «обмирщения», хотя и в сравнительно малой степени.

Виднейшие монастыри, такие, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Антониев-Сийский, обладали крупными библиотеками, состав которых был весьма разнообразен и включал немало книг светского содержания, даже таких, как, например, «Дивное и потешное житие Езопа», казалось бы, не имевшее отношения к «душеспасительному» чтению. Это разнообразие следует объяснять тем, что монастырские библиотеки пополнялись в значительной мере путем вкладов как сторонних людей, так и монахов каждого данного монастыря. Постригаясь в монастырь, эти люди, занимавшие ранее самое разнообразное общественное положение, привозили и свои книги, которые затем давали в качестве вклада в монастырь.

Монастырские книги содержались в особой «книгохранительной палате», имевшейся в каждом монастыре и находившийся под наблюдением «книгохранителя». Книги выдавались для чтения «на пользу читателям» (этот пункт имеется во многих вкладных записях). Не все книги разрешалось выдавать для чтения, так как среди них имелись произведения светского содержания, внушавшие опасение монастырским «властям». Как вклад, они оставались в библиотеке, но составляли запретный фонд. На каждой такой книге была соответствующая надпись, запрещающая выдачу ее для чтения. Так, в библиотеке Троице-Сергиева монастыря имелся список «Зерцала богословия» Кирилла Транквиллиона. Внизу заглавного листа рукою писца, переписывавшего книгу, сделана помета: «Ведомо да будет, яко списана есть книга сия Зерцало богословия с печатной литовские печати, а прочитати ее опасно, понеже творец книги сей, Кирил, глаголют, после творения книг сих приступил к Литве к латинству, а преж того ево ж, Кириловы, творения евангелия толковые воскресные на Москве при святейшем патриархе Филарете жгли». Эту книгу в 1665 г. дал в качестве вклада в Троице-Сергиев монастырь келарь Симон Азарьин «во веки неотъемлемо никому». В сборнике, принадлежавшем Соловецкому монастырю, перед «Повестью о трех мнихах», была сделана для библиотекаря предупреждающая надпись: «Сия повесть ложная, не чести ее на соборе» [14].

Переходя к «разночинной интеллигенции», если позволительно употреблять это выражение по отношению к XVII в., следует остановиться на приказных дьяках и подьячих. Сама профессия расширяла круг интересов этих людей, особенно тех, кто служил в Посольском приказе. Недаром среди них встречались авторы литературных произведений, а многие были известны своей начитанностью. Не удивительно, что мы

---

[13] А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 31—32, 27—28, 25—26. Подробнее об Афанасии см. В. Верюжский. Афанасий — архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды. СПб., 1908.

[14] Иеромонах Арсений. Описание рукописей библиотеки Троицкой-Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, стр. 190—191; его же. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, № 456, стр. 149.

обнаруживаем владельческие записи дьяков и подьячих на книгах научного содержания (хронографы, сочинения Пересветова) и произведениях художественной литературы (басни Эзопа). Не довольствуясь обычными способами приобретения книг, они использовали для пополнения своих библиотек заграничные дипломатические поездки. Так, на сборнике, принадлежавшем дьяку Посольского приказа Ивану Петрову Плакидину, есть помета о том, что он купил его в Вильно, «как был с послы великими» [15].

У посадских людей также встречались книги светского содержания. Так, у торгового человека гостиной сотни Афанасия Михайлова Гурьева была медицинская рукопись XVII в.: «а сию книгу я, Афанасий Гурьев, рукою своею подписал». У ярославского посадского человека Степана Тарабаева была лицевая рукопись Козьмы Индикоплова. В посадской среде, так же как у приказных, проявлялся интерес к сочинениям Пересветова. Они имелись у белозерского и новоторжского посадских людей, а также у купца Кузьмы Андреева сына Коржавина. Из сочинений исторических встречаются Хронограф (у московского посадского человека новгородской сотни Якима Филиппова сына Крылова; запись 1694 г.) и «Сказание» Авраамия Палицына («Сия книга, глаголемая „История“ города Устюж[ны] посацкого человека Нефеда, а подписал сво[ими] тремя персты») [16]. Среди книг, принадлежавших посадским людям, встречаем и художественные произведения, но иного характера, чем те, которые находились в библиотеках «высшего круга». На одном из экземпляров поэтической повести об азовском осадном сидении имеется надпись: «Сия повесть вологжанина посадцкого человека Аврама Корнилова сына Стефановского сороку». Среди записей посадских людей, владевших книгами, чаще всего встречаются записи москвичей и жителей Севера, особенно вологжан. Можно отметить и местные интересы читателей. Так, на «Повести о тихвинской иконе», писанной полууставом конца XVII в., переходящим в скоропись того же времени, имеется несколько надписей конца XVII — начала XVIII в. Первая из них — «Сия книга глаголемая тифинца посадцкого человека»; вторая — «продал сию книгу олончанину Прокопью Корнильеву сыну, а писал Игнашка своей рукой»; третья — повторяет содержание двух первых. Самая ранняя из записей посадских людей, которой мы располагаем, относится к 1641 г. Она находится на четьих минеях и сделана писцом: «Написана сия бысть книга, глаголемая Соборник, на Двине на Холмогорах, у Спаса на городке в лето 7149, по повелению вологжанина Игнатья Панфилова сына Белавинского, а писал многогрешный Андрей Бессонов» [17]. Все остальные владельческие записи посадских людей относятся к концу XVII в.

До нас дошли записи на книгах, принадлежавших крестьянам и дворовым людям, но их еще меньше. Мы располагаем всего семью записями крестьян и тремя — дворовых. Записи крестьян (преимущественно черносошных и дворцовых) имеются на книгах богословского содержания и «четьих» назидательного характера (минеи, жития, молитвослов, Пролог) и относятся ко второй половине XVII в. Лишь запись на Прологе, частью стертая, относящаяся к Чарондской округе, сделана в 1618 г. Среди этих

[15] А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отдел 2-й, № 332, стр. 772.

[16] Хр. М. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. 1. СПб., 1892, стр. 107, № XLIV; В. М. Ундольский. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 173, № 191; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 442—443. На оборотной стороне задней переплетной доски Хронографа XVII в. подпись: «202 году марта в 1 день куплена сия книга Летописец у посацкого человека Новгородские сотни Якима Филипова сына Крылова, а дана 4 рубли и росписка взята за его рукою» (Собрание Забелина, № 176, л. 325).

[17] А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906, стр. 183; Собрание Забелина, № 335, л. 1; А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева, М., 1871, стр. 25—26, № 123.

книг выделяются сочинения Пересветова, принадлежавшие крестьянину села Ртомы [18].

Дворовые люди оставили всего три записи, но они интересны тем, что две из них сделаны на книгах светского содержания. Дворовый человек Кириллова монастыря вологжанин М. И. Козманов приобрел в 1617 г. сочинения Пересветова, а 4 сентября 1666 г. «человек» Андрея Леонтьевича Языкова, Иван Алексеев сын Яковлев, продал принадлежавший ему Хронограф «и подписал своею рукою за[чи]сто». Продавец счел нужным указать и свой адрес: «а двор на Арбате у Смоленских ворот». Третья книга — сборник разных поучений — принадлежала «государеву задворному конюху» Ивану Чуркину [19].

В заключение приведем те записи на книгах, которые характеризуют настроение читателей разных общественных групп, их высказывания по поводу прочитанного, их отношение к книге как к культурной ценности.

Некоторые записи свидетельствуют о внимательном чтении книги и указывают на те места, которые вызвали особый интерес у читателя. В таких случаях он ставил на полях отметку «зри», иногда указывая страницу, которую находил нужным сравнить с данной. Начитанный человек сравнивал точку зрения авторов разных книг и записывал свои наблюдения. Например, на одном из сборников XVII в. имеется такая запись: «Смотри о сем прилежно в книге Нового неба да в книге Жезл правления». В большинстве случаев читатель находил в книге поучающие мысли. Так, на Александрии XVII в. сделана надпись: «Мудрые люди пишут правду, а правые правят престол, а учители держат землю». На Хронографе конца XVII в. читатель написал: «Сия книга царственная, в ней же вся благодать изобилуетца». Чтение «Жития Зосимы и Савватия соловецких и Александра Свирского» вызвало такие мысли: «Добро есть жития чести с прилежанием святого Александра Свирского чудотворца». На сборнике конца XVII в. находим ряд записей: «Внегда, человече, найдет на тя мысль злая, тогда же ее рассмотри, и что она значит, а мысль злая от чего рождается, мысль злая от сребролюбия, от гордого немисти, ат пиянства, ат блудодеяния». Ниже записано: «Лучше есть убожество с разумом, нежели богатство без рассуждения и без разума». «Притч. Не токмо сами в письмении злых дел, но и учители бывают па зло». «Притч. Блажен человек иже разум обретет и до старости удержит разум добр». «Старого друга дружба, аки летнее солнце теплотою обогревает, а нового дружба, аки зимнее солнце — ни знобит, ни греет» [20].

Однако среди читателей мы находим и критиков прочитанного. Один из них усомнился в правильности сведений, найденных в «Космографии» Меркатора. Некоторые произведения вызывали ядовитые замечания. Тетрадь, принадлежавшая подьячему Ивану Беспопову и содержащая список известной «Беседы отца с сыном о женской злобе», получила другое заглавие: «Тетрадь о злонравных женах зело потребна, а женам досадна» [21]. Чаще всего прочитанная книга, особенно жития святых, наводит на размышления о бренности земного существования и о неизбежности смерти. Так, вологжанин посадский человек Алексей Федоров Козицын написал на житии Игнатия и Дмитрия вологодских: «Кто тя может убежати смертны час». На сборнике, содержащем выписки из Кормчей, стоит запись подобного же характера: «Кто тя может убежати, смертии жало!». Эта мысль так понравилась писавшему, что он повторил ее три раза [22].

---

[18] Собрание Забелина, № 363, лл. 4—6, 10—14, 259 об.; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 442.

[19] Собрание Забелина, № 679, л. 741; Архимандрит Амфилохий. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875, стр. 166.

[20] Собрание Забелина, № 436, лл. 5 об., 9, 175 об.; № 683, лл. 60—71; № 113, л. 239 об.; № 464, лл. 17, 109, 170.

[21] Там же, № 30, л. 1.

[22] Там же, № 120, л. 92 об.; № 235, л. 18 об.

Такие записи не всегда были продуктом личного творчества читателя. Нередко он пользовался для выражения своей мысли готовыми формулами, имевшимися в ученических прописях XVII в. Их приводит И. Е. Забелин [23].

Цитированные нами записи относятся непосредственно к содержанию книг, на которых они помещены. Но есть немало записей и другого характера. Видимо, они делались для памяти на книге, представлявшейся надежным местом для их сохранности. Так, например, записывались пословицы и загадки. На уже упоминавшемся «Житии Зосимы и Савватия соловецких и Александра Свирского» находим такую запись: «Стоит град пуст, а пути к нему нет. Посол нем несет грамоту неписану». Это — очень популярная в древней Руси загадка апокрифического происхождения (предположительная разгадка ее — «Ноев ковчег»). Мы находим ее вырезанной на ободке деревянного сосуда XV в., найденного А. В. Арциховским при раскопках в Новгороде в 1952 г. [24]

Нередко на книгах делались заметки мемориального характера, для памяти. Нам встретилось несколько записей, посвященных смерти царя Алексея Михайловича. На одном из сборников второй половины XVI в., писанном полууставом, имеется запись XVII в., относящаяся к «моровому поветрию» 1654 г., которое оставило тяжелое воспоминание у современников: «В лето 7162-го году государь царь и великой князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец з боляры своими и со всем воинством и всей России и многих государств своея царские державы пошел на литовского короля под Смоленск и на всю Польшу, заговев в Петров пост на первой неделе во вторник. И после ево, царского, походу стал гнев божий, учали мереть люди на Москве и мерли да Покрова святей богородицы. И в то время боярские жены и всяких чинов люди от мору разбежалися по селом и по деревням» [25].

Другие записи мемориального содержания носят более частный характер. Так, князь Кирилл Шаховской помечал на принадлежащем ему «Цветнике» даты своих браков: «Женился я, князь Кирило Шехонской, во 153 году генваря в 12 день первою женой, кнегинею Оксиньею, а в те годы было мне ровно тритцатой год. На другой женился, на кнегине Анне, во 161 году после светые недели в первое воскресение, на третьей жене женился, на кнегине Катерине, во 182 году после светлова воскресения в третье воскресение». В той же книге владелец записал о найме работных людей: «7196 июня в 10 день Ново[мещан]ской слободы Никита Яковлев, устюжские полусотни Павел и Иван Дементьевы, той же Устюжской полусотни Яков Игнатьев найму берут по 35 р.» [26].

Некоторые памятные записи отражают служебное положение или социальную принадлежность владельцев. На летописце конца XVII в. читаем следующую заметку: «От службы отставлен и велено мне быть в городничих ... 701 г. февраля в 21 день...» Священник записал на своем Прологе: «166 году сентября в 1 день стал в попы». На Апостоле-тетр 1603 г. помечено, что «195 году февраля в день выехал в Ярославль Онисим Васильев сын Ростовцев», вероятно, по своим торговым делам [27].

Встречаются записи, относящиеся непосредственно к торговым делам. Например, на сборнике XVII в.— записи начала этого столетия: «На па-

---

[23] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях, т. I, ч. 2. М., 1915, стр. 159—161.

[24] Собрание Забелина, № 113, л. 384 об.; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 43. Эта загадка в несколько иных вариантах встречается в азбучных прописях, приведенных И. Е. Забелиным. См., например, «Стоит град на пути, а пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту неписанную, а дает читать неученому» (указ. соч., стр. 159).

[25] Собрание Забелина, № 451, л. 671; № 419, л. 56 об., № 446.

[26] Там же, № 446, л. 755 об.

[27] Там же, № 367, л. 432; № 21, л. 337; № 422, л. 358 об.; № 14, л. 213 об.

шинцов две гривны»; «На пашинцов две гривны на Семене от ... торгу ... 10 алтын и 10 денег, на х... дочери алтын, на Вас ... ное за х[леб] ... ново алтын 10 денег». На алфавите-азбуковнике первой половине XVII в.— заметки: «Гривна на мяса, на снурок 4 де[ньги], 6 де[нег] на выбойку, 2 де[ньги] мыла» (записи сделаны в конце XVII в.). На упоминавшейся выше тетради подьячего Ивана Беспопова — записи словарного характера: «по татарски выбойка бастма, зендень — буяк, батчаны иш бар — град стоит, толмач говорил в ялику, то числецо». Эти записи также относятся к концу XVII в.[28] Может быть, подьячему по обязанностям службы приходилось иметь дело с восточными торговцами.

Наконец, встречаются записи совершенно постороннего характера, вроде проб пера. На них мы останавливаться не будем.

Приведенные записи, конечно, представляли бы больше ценности, если бы во всех случаях было известно, кем они сделаны. К сожалению, для этого недостает данных.

Краткий обзор имеющихся в нашем распоряжении владельческих записей XVII в. па древнерусских книгах, конечно, отнюдь не достаточен для того, чтобы делать какие-либо далеко идущие выводы. Мы стремились лишь обратить внимание на те возможности, которые открывают подобные записи для изучения истории русской культуры, и подчеркнуть необходимость их систематического сбора и изучения.

---

[28] Там же, № 30.

А. И. Рогов

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ХРОНИКИ» СТРЫЙКОВСКОГО

Немного найдется других произведений иностранной научной или художественной литературы, которые могли бы соперничать по числу переводов на русский язык во второй половине XVII в. с «Хроникой Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» (Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiei Rusi) Матвея Стрыйковского. В течение всего лишь 20 лет, с 1668 по 1688 г., к этому замечательному памятнику польской историографии XVI в. четырежды обращались русские переводчики. Переводились как отдельные главы Хроники, так и вся она целиком.

Вторая половина XVII в.— время оживленных русско-польских отношений, враждебных и мирных. Начиная с 1656 г. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры. Почти ежегодно страны обмениваются посольствами [1]. Наконец, в июле 1668 г. в Польше учреждается русская постоянная миссия. Несмотря на значительные противоречия между двумя государствами, неоднократно делаются попытки взаимного сближения, как это было в 1656 г., когда Россия и Польша, заключив перемирие, совместно вели борьбу со Швецией; в 1666 г., когда было заключено Андрусовское перемирие, и особенно после заключения «вечного мира» в 1686 г. Основным противником, перед лицом которого объединялись обе страны, являлись Турция и Крым.

Не удивительно, что в такой обстановке в России значительно возрастает интерес к Польше. В Варшаве производится закупка польских книг. Так, в 1653 г. посол Репнин-Оболенский «по государеву указу» купил в Варшаве ряд книг. Среди них были: «Гранограф Пясецкого», Гвагвин (т. е. Гваньини), лексиконы (словари), «Описание Польши» [2]. Есть известие, что летом 1672 г. мастера печатного двора Киево-Печерского монастыря Алексей Мушич и Тимофей Кувша продавали в Москве среди других книг и польские [3]. Польские дела Посольского приказа буквально переполнены польскими печатными «листами», книгами и переводами с них [4]. О большом количестве переводов польских книг в этот период ценные сведения были собраны А. И. Соболевским в его замечательном труде «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» (СПб., 1903).

«Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси» Стрыйковского представляла для русского читателя многосторонний интерес. Давая

---

[1] Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (до 1800 года), ч. III. М., 1897.

[2] С. Соловьев. Книги, приобретение которых считалось нужным в Москве в XVII в. «Летописи русской литературы и древности», т. III, кн. 5, стр. 34.

[3] В. Эйнгорн. Книги киевской и львовской печати в Москве и третью четверть XVII в. «Книговедение», IX и X. М., 1894, стр. 7—12

[4] См. ЦГАДА, ф. 79, описи.

историю Польши, Литвы и России на широком историческом фоне с привлечением поистине колоссального количества источников, «Хроника» вместе с тем показывала историю их взаимоотношений в прошлом и подробнейшим образом описывала борьбу этих государств с крымско-турецкой агрессией, т. е. как раз то, что особенно волновало Польское и Русское государства в последней четверти XVII в. Значительное место в «Хронике» было уделено единству славянских народов, их родству, особенностям происхождения и начальной истории. Этими вопросами общеславянской и отечественной истории также весьма интересовались в России. Россия в XVII в. более чем когда-либо ранее ощущала себя в системе других стран. Естественно поэтому, что и свое прошлое она стремилась познать в связи с другими странами, причем не только на основе собственных источников. С особым интересом при этом воспринимались данные по наиболее древнему периоду, скупо освещаемому русскими источниками. «Хроника» же Стрыйковского, использовавшая античные, византийские, польские, литовские и западноевропейские источники, могла значительно и существенно восполнить эти пробелы.

Именно с этой целью из «Хроники» и были в первую очередь переведены 1—3-я главы IV книги, носящей у Стрыйковского название: «Хроника Польская, Русская, Киевская, Московская и т. д. и верный и доказательный вывод народов славянских». Характерно, что эти главы первоначально фигурировали не как переводное сочинение, а как летописец-компиляция с особым оглавлением: «Кроника или летописания царств, княжеств и славных мест земли московской, российской, киевской и прочих к ним прилежащих земель с великим прилежанием сыскано и пространно от старых летописцев елинских, греческих, латинских, полских и российских и немецких историков избрано и написано лета от Рождества Христова 1668-го» [5]. Несмотря на имеющееся в заглавии точное указание даты перевода — 1668 г., ее нельзя относить ко всем трем главам, так как в 3-й главе при описании нашествия роксолян на Мисию и Болгарию читаем: «А от онаго последняго в Мисию или Болгарию пришествия роксолян и от лета 72 до нынешнего 1670 уже есть 1598 лет» [6]. Таким образом, более точно перевод следует датировать 1668—1670 гг.

Перевод 1668—1670 гг. не дошел до нас отдельно. Он сохранился лишь как составная часть полного перевода всей «Хроники», осуществленного в 1688 г. Но из дальнейшего будет видно, что первоначально он существовал как самостоятельное произведение. Быть может, когда-нибудь и удастся найти его в таком виде. Во всяком случае подобного рода переводы нам известны.

Имя Стрыйковского в заглавии рассматриваемого перевода не только не упоминается, но и самая принадлежность переведенного произведения польской историографии маскируется тем, что при перечислении историков, работы которых использованы при «составлении» данного сочинения, польские названы вскользь, наряду с другими. В самом тексте «Хроники» при передаче стихов Овидия, цитируемых Стрыйковским и в подлиннике, и в переводе, русский переводчик во втором случае замечает: «Матвей же Стрийковский полскими вирши пишет» [7]. И в другом месте Хроники: «Матвея Осостевиуша Стриковского о извождении славного рода российского» [8]. Иными словами, Стрыйковский представлен как один из тех бесчисленных писателей, ссылками на которых насыщена вся «Хроника».

Текст «Хроники» в переводе 1668—1670 гг. был подвергнут ряду других изменений. Были опущены все автобиографические отступления Стрыйковского, а при описании тех или иных достопримечательностей —

[5] ГИМ, Ув., в 1°, № 4, л. 169.
[6] Там же, лл. 200 об. и 201.
[7] Там же, л. 209 об.
[8] Там же, л. 283.

упоминания о том, что их видел автор. Выпущены имеющиеся у Стрыйковского описания современного ему состояния тех мест, где развертывались упоминаемые в ходе изложения события, ибо в XVII в. там произошли значительные изменения. Так, в рассказе о поселении Синеуса в Белозерске опущено замечание Стрыйковского о том, что московские князья в этом городе хранят свои сокровища[9]. Пропущено упоминание Стрыйковского о взятии в 1566 г. Изборска польскими войсками. Не дан переводчиком и приводимый Стрыйковским второй вариант названия города, взятый из Меховского,— Зборск[10], так как для русского читателя, в отличие от польского, в отношении правильного наименования русских городов не могло возникнуть сомнений.

Вообще весь перевод пронизывает стремление приспособить его к русскому читателю, создать видимость его русского происхождения. Очень показательны в этом отношении не только пропуски, но и небольшие дополнения. Они сводятся главным образом к добавлению слова «наш» в тех случаях, когда речь идет о чем-либо русском: «русский народ» у Стрыйковского превращается в «наш русский народ» в переводе, «русские летописцы» — в «наши русские летописцы».

1—3-я главы IV книги «Хроники» привлекали к себе особое внимание и после того, как был сделан их перевод в 1668—1670 гг., и даже после полного перевода «Хроники» в 70-х годах XVII в. (о нем — ниже). В 1682 г. русским историком Андреем Лызловым были вновь переведены 1—3-я главы IV книги[11]. Списки перевода сохранились в виде отдельных статей ряда сборников XVII—XIX вв., очень близких по своему составу. В их состав, помимо перевода Стрыйковского, входят статьи исключительно исторического содержания: сочинения Курбского, отрывок из «Трактата» Гваньини («Об обычаях царя Ивана Васильевича») и повесть «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в 1569 году»[12]. Возможно, этот сборник из переводных и русских материалов был составлен самим Лызловым.

Перевод из «Хроники» Стрыйковского был сделан Лызловым совершенно независимо от перевода 1668—1670 гг. Однако, как и переводчик 1668—1670 гг., Лызлов не просто переводит текст, а несколько перерабатывает, снабжает комментариями и дополнениями. Так, упоминание Стрыйковского о Гордиевом узле Лызлов пространно разъясняет[13], а краткий рассказ о Михаиле Куропалате дополняет сведениями из Барония[14]. К переводу 1—3-й глав IV книги Лызлов присоединяет перевод 2-й главы I книги «Хроники» и тем самым дает картину происхождения не только славян и Руси, но и всех других народов. В целом перевод всех этих фрагментов «Хроники» получил заглавие «История о начале изшествия народу, обитающему на земли». Кроме того, для удобства пользования Лызлов увеличивает количество подзаголовков на полях (особенно во 2-й главе I книги).

---

[9] Там же, л. 218. Ср. M. Stryikowski. Kronika polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846, str. 114.

[10] ГИМ, Ув., в. 1°, № 4, л. 218. Ср. M. Stryikowski. Op. cit., t. 1, str. 114.

[11] Лызлов вообще часто переводил уже переведенные до него сочинения. Так, в 1686 г. он перевел польское сочинение Старовольского «Двор цесаря турецкого», несмотря на то, что имелся перевод 1678 г. (см. Е. В. Чистякова. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история». «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 1, стр. 122; Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961, стр. 16—19).

[12] Эти сборники указаны Я. С. Лурье. (Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного, в кн. «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 547—548). Некоторые из сборников имеют различия в своем составе. Переводы Лызлова находятся в следующих: XVII в.— ЦГАДА, ф. 181, № 60; ГПБ, Погод., № 1494; XVIII в.— ГИМ, Ув., в 1°, № 302; ГБЛ, Собрание Ундольского, № 779; XIX в.— ГБЛ, Муз., № 211.

[13] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 353. Ср. M. Stryikowski. Op. cit., t. I, str. 88.

[14] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 354. Ср. M. Stryikowski. Op. cit., t. I, str. 89.

Все это придает переводу Лызлова, подобно переводу 1668—1670 гг., характер самостоятельного произведения. Но, в отличие от переводчика 1668—1670 гг., Лызлов не только не скрывал авторства Стрыйковского, но и высоко оценивал «Хронику» как историк, отмечая ее значение для славянских народов. «...Еже от многоразличных пропастей неведения обретено бысть ко умножению славы народов славенских труды и тщанием кроникаря полского Матфея Стрийковского. Ныне же преведено от славено-полскаго языка во славено-российский язык труды и тщанием Андрея Лызлова столника его царского пресветлого величества лета от создания мира 7190, а от воплощения же слова божия 1682-го месяца марта»... [15],— читаем мы в пространном заглавии к переводу. Однако смысл своего труда по переводу «Хроники» Лызлов видел не только в том, чтобы это произведение, прославляющее славянство, было известно в России. В послесловии к переводу Лызлов писал: «...выписано есть ис книги кроникаря полского Матфея Стрийковского о начале всех народов поднебесных паче же о народе славяно-россиского языка во исполнение росиских [!] летописцев» [16].

Как следует понимать в данном случае слово «исполнение»? Это, конечно, не «создание». Лызлов, несмотря на всю самостоятельность формы перевода, не предлагал его в качестве русского летописца, поскольку он указал, что автором оригинала был польский хронист. Очевидно, под словом «исполнение» Лызлов подразумевал «дополнение». Именно такой смысл по преимуществу имеет это слово в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова, изданном в 1704 г. [17]

В связи с отмеченным особым интересом русской историографии к IV книге «Хроники» Стрыйковского следует рассматривать и перевод фрагмента из «Польской хроники» Мартина, точнее — Иоахима Бельского [18], изданной в Кракове в 1597 г. [19] Если «Всемирная хроника» Мартина Бельского переводилась дважды полностью на русский язык [20], то из «Польской хроники» был сделан перевод лишь того отрывка, где речь идет о происхождении славян, Руси и о начальной истории Руси, т. е. как раз о том, о чем рассказывают 1—3-я главы IV книги «Хроники» Стрыйковского. Как и в переводах из Стрыйковского, текст Бельского был несколько переработан. Из него было удалено все то, что не относится к этим проблемам. «И того ради о всех королех мимо идем и приидох до руского народу»,— объясняет свои пропуски переводчик. В заключении перевода вновь подчеркивается: «выписал для того, что бы ведомо было откуду российский род пошел».

Дополнение «российских летописцев» материалами по раннему периоду русской истории, заимствованными из иностранных и особенно польских хроник, являлось, таким образом, определенной тенденцией русской историографии второй половины XVII в. В предисловии к Сборнику исторического содержания (ГПБ, F IV. 159), принадлежавшему А. Т. Лиха-

---

[15] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 325 об. Интерес Лызлова к «Хронике» Стрыйковского сохранялся и после этого перевода. В написанной в 1692 г. «Скифской истории» Лызлов очень широко использовал материалы «Хроники», иногда заимствуя из нее значительные фрагменты (о «Скифской истории» Лызлова и использовании им «Хроники» Стрыйковского см. Е. В. Чистякова. Указ. соч., стр. 117—127). В настоящей статье переводы этих фрагментов не рассматриваются, как и материалы из «Хроники», использованные в описании Сарматии Гваньини, трижды переводившейся на русский язык в XVII в. Об этих переводах см. А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 76—78).

[16] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 396 об.

[17] Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный. М., 1704, л. 137 (указаны синонимы: completio, impletio).

[18] W. Nehring. O. zyciu i pismach Joachima Bielskiego. Poznań, 1860, str. 22—23.

[19] Переводы находятся в следующих сборниках: ГБЛ, ф. 122, № 59, лл. 84 об.— 89 об.; ГПБ, Погод., № 1604, лл. 414—428; ГПБ, Титов, № 2421, лл. 152 об.— 157.

[20] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 53—55.

чеву, который не случайно открывался выписками из польских хроник, сказано: «Из всех историков древних и новых не токмо словенских и русских летописцев, но и еллинских, и латынских, и польских собрати во единой исторической книге и делу, по обычаю историографов, наипаче из тех, что достовернее, откуду произведется народ московской и русской и словенской и какия их начала, и протчая, и потом по чину и по веком до сих времен, что учинилося в российских государствах...» [21]

И действительно, в последней четверти XVII в. появляются памятники русской историографии нового типа, стоящие в самой непосредственной связи с хрониками Стрыйковского и Бельского. Наиболее распространенные среди них — «История еже о начале Русския земли» и «Временник Русский» [22]. Такого рода известия в этих сочинениях, как о грамоте Александра Македонского славянам или объяснение названия «Русь» от русых волос народа, а славян двояко: либо от «славы», либо от «слова» [23], несомненно, заимствованы из польских хроник. Здесь не место касаться степени достоверности подобных сведений. В них было немало фантастического, особенно когда речь шла об объяснении тех или иных названий, но, по справедливому замечанию М. Н. Тихомирова, «как ни кажутся нам подчас нелепыми эти упражнения в лингвистических сопоставлениях имен и названий, они отражали определенный этап в развитии исторических знаний, связанный со стремлением расширить историческую тематику и связать русскую историю с историей других народов» [24].

Неправильно было бы представлять себе, что «Хроника» Стрыйковского воспринималась в России лишь как материал для отечественной истории, находящийся в ее отдельных главах. Выше уже говорилось, что она являлась ценным трудом по истории Польши и Литвы, с которыми в XVII в. Россия соприкасалась больше, чем с какими-либо другими странами. Не случайно поэтому «Хроника» полностью дважды переводилась на русский язык во второй половине XVII в.

На существование двух переводов «Хроники» было указано еще А. И. Соболевским [25]. И действительно, списки русского перевода «Хроники», имеющиеся в наших хранилищах, отчетливо распадаются на две группы. Половина известных списков относится к тому типу перевода, который не имеет титульного листа с указанием даты перевода или по крайней мере ни в одном из списков которого не сохранился такой лист. Списки этой группы начинаются следующим образом: «О создании мира необходимого, земли, неба и началов вещей...» Приведем их краткое описание.

1. ГИМ, Муз., № 1391. В 1^0, на 948 листах, без нескольких листов в начале и в конце, скорописью конца XVII в.

2. ЦГАДА, ф. 181, № 58. В 1^0, на 607 листах, скорописью конца XVII в., с киноварными инициалами и обозначением глав. Последовательность глав и даже отрывков из них бессистемно изменена. Список принадлежал думному дворянину Степану Богдановичу Ловчикову (запись 1707 г.) [26].

3. ГПБ, F IV.131. В 1^0, на 958 листах, скорописью конца XVII в. Список в XVII в. принадлежал дьяку «Андреяну» Ратианову.

---

[21] Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871. Приложение, стр. XLI.

[22] Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1955, стр. 94—96.

[23] Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 15 и 19.

[24] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1945, стр. 96.

[25] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 79—80.

[26] С. Б. Ловчиков не только собирал книги исторического содержания, но и сам занимался их перепиской. На Хронографе редакции 1512 г., хранящемся в Пискаревском собрании ГБЛ (№ 163), на л. 620 об. имеется запись скорописью XVII в.: «Книга, глаголемая Хронограф, а писали ее Иван да Степан Ловчиковы».

4. ГПБ, F IV.103 (Собрание Толстого, отд. I, № 186). В 1°, на 941 листах, скорописью конца XVII в. Список имеет владельческую запись конца XVII в. Григория Арасланова и запись 1729 г. о принадлежности списка Алексею Азикову.

5. ГПБ, F IV.172 (Собрание Толстого, отд. I, № 244). В 1°, на 385 листах (с XI книги «Хроники» и до конца), скорописью начала XVIII в.

6. ГПБ, Эрм., № 551/1—2. В двух томах. Оба тома — в 1°, скорописью конца XVIII в. I т.— на 445 листах; II т.— на 566 листах.

7. ГПБ, Погод. № 1759. В 1°, на 718 листах; скорописью середины XVIII в.

8. БАН, 31.4.32 (Собрание Толстого, отд. I, № 464 и 465). В двух томах. Оба тома — в 1°, скорописью конца XVII в. I т.— на 536 листах, II т.— на 585 листах.

9. Государственный исторический архив Ленинградской области. Библиотека (рукопись вне описи; имеет штамп Московского археологического общества). В 1°, на 317 листах, без начала и конца (I—X книги «Хроники»), скорописью середины XVIII в.

Время возникновения рассматриваемого перевода можно установить лишь приблизительно. В 3-й главе IV книги «Хроники» читаем: «А от нашествия последнего роксолянов и роксанов в Мисию и Болгарию и от лета 72-го до нынешнего 1673-го есть 1600 слишком лет»[27]. 1673 год нельзя, однако, с полной достоверностью принять за дату всего перевода. К сожалению, ни в одном другом месте перевода не содержится больше указаний на «нынешний» год. Однако один из списков Эрм., № 551/1—2, имеет титульный лист позднего происхождения, написанный, как и его оглавление, в конце XVIII в. в связи с подготовкой исторических материалов для Екатерины II. Текст его следующий: «Кроника королевства полскаго, великаго княжества литовскаго, русскаго, прусскаго, жмудскаго и государства московскаго чрез Матфея Стрийковского Осостовича каноника полскаго на польском языке изданная в 1580-м году и напечатана в Кракове, переведена на словенский, с которого перевода списана в Москве 7187 (1679) года». Таким образом, перевод не мог возникнуть после 1679 г., когда с него уже делался список, что можно было бы признать бесспорным, если бы другие сведения титульного листа не содержали грубых искажений. Это относится к выходным данным печатного оригинала «Хроники». Как известно, «Хроника» Стрыйковского была напечатана не в 1580, а в 1582 г. и не в Кракове, а в Кролевце, т. е. Кенигсберге[28]. Таким образом, и 1679 г., как наиболее поздняя дата возникновения перевода, может быть принят лишь с известной осторожностью.

Списки другого перевода имеют титульный лист с точной датой — 1688 г.: «Летописания Матфея Стриковского от начала мира трудолюбием отцов и многих летописателей написана и во свет дана прежде на польском языке. Та же написася славенским лета от сотворения мира 7196-го от Рождества бога слова 1688-го». На обороте титульного листа помещены стихи под названием «На дверь книги». Начало перевода следующее: «О сотворении света необходимого, земли, небесе и начатков дел...» Списки перевода 1688 года:

1. ГИМ, Ув. В 1°, № 4. На 1312 листах, скорописью конца XVII в., лл. 1—2 — полууставом XVII в. Между тетрадями с пометами «149» и «150» имеется пропуск в две тетради, охватывающий события 1506—1510 гг. Список принадлежал Григорию Бельскому.

---

[27] ГИМ, Муз., № 1391, л. 170.

[28] Конечно, может возникнуть вопрос о каком-то неизвестном до сих пор краковском издании 1580 г., с которого сделан данный перевод. Но такое предположение невероятно, так как повествование в данном списке доводится до 1581 г. и содержит упоминание о поездке автора (т. е. Стрыйковского) в Кенигсберг для напечатания «Хроники».

2. ГБЛ, Муз., № 606 (Пискарев, № 228). В 1^0, на 1132 листах, без начала, скорописью конца XVII в. Пропуск такой же, как в Уваровском списке, но он приходится не на стык тетрадей, а на середину л. 1033. Очевидно поэтому происхождение Пискаревского списка от Уваровского. Список принадлежал в начале XVIII в. Михаилу Петровичу Вышеславцеву.

3. ЦГАДА, ф. 181, № 59. В 1^0, на 985 листах, скорописью начала XVIII в. Список принадлежал Артемию Волынскому[29].

4. Ульяновск, Дворец книги им. В. И. Ленина Инв. № 4654. в 1^0, на 690 листах, полууставом XVII в., титульный лист писан золотом и украшен заставкой, исполненной киноварью и золотом. Список принадлежал Н. М. Карамзину.

5. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимирское отделение. Инв. № 5636/405. В 1^0, на 402 листах (до XI книги включительно скорописью конца XVII в.). Список принадлежал А. Т. Лихачеву, постельничему царя Федора Алексеевича. Напомним, что А. Т. Лихачеву принадлежал сборник ГПБ, F IV.159 с выписками из польских хроник.

6. БАН, Архангельское собрание, № 136. В 1^0, на 909 листах, без II книги и без конца XXV книги, скорописью конца XVII в.

7. БАН, 32. 11.4. В двух томах. Оба тома — в 1^0, скорописью XVIII в. I том — на 441 листе, II том — на 640 листах. Список был сделан с Демидовского (несохранившегося) для Академии наук в 1758 г. Он во всем подобен Уваровскому: тот же пропуск приходится на стык двух тетрадей, которые помечены, как в Уваровском, «149» и «150», хотя по порядку нумерации тетрадей должны следовать «124» и «125», как это и выправлено.

8. ГПБ, Эрм., № 551б/1—2. В двух томах. Оба тома — в 1^0, скорописью начала XVIII в.

При сопоставлении перевода 1673—1679 гг. с переводом 1688 г. обращает на себя внимание, что они отличаются друг от друга в различных своих частях. Есть немало и очень близких мест. Это видно уже при сравнении переводов 1-й главы I книги «Хроники»:

Перевод 1673—1679 гг.	Перевод 1688 г.
Того ради и мы истиннейшаго и древнейшаго и свидетельствованейшаго основания начатков, доводов и порядку истории нашей сарматской, литовской, руской, жмудской и немалой части полской и иных с великим трудом долгим и прилежным и истинным хотением намеренные, читателю любезный, положити (ГИМ, Муз., № 1391, л. 1 об.).	Того ради и мы истиннейшаго и свидетельство вашего основания начатков, доводов и порядку истории нашей сарматской, литовской, русской и немалой части полской и протчая с великием трудом долгим и прилежно бодренным попечением и прилежным и истинным хотением намеренныя, читателю любезный, положити (ГИМ, Ув., в 1^0, № 4, лл. 2 об.—3).

Это сопоставление наводит на мысль, что перевод 1688 г. производился в какой-то мере с учетом перевода 1673—1679 гг., вероятно, даже в отдельных местах редактировался, а не переводился заново[30]. Это пред-

[29] В библиотеке Волынского, кроме того, имелись: Степенная книга, Синопсис, Олеарий, Гваньини, Судебник Ивана IV (см. Д. Корсаков. Артемий Петрович Волынский. «Древняя и Новая Россия», 1877, № 8, стр. 281). В кружке Волынского вообще проявлялся интерес к собиранию исторических материалов. Известно, что В. Н. Татищев пользовался летописцем Еропкина, приверженца Волынского. Летописец Еропкина содержал особенно оригинальные сведения по истории западнорусских земель (см. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 214—215).

[30] О зависимости перевода 1688 г. от перевода 1673—1679 гг. говорит и такая деталь: большинство глав в том и в другом обозначены цифрами. Текстовые заголовки в переводе 1673—1679 гг. имеют только 3-я и 4-я главы V книги, а в переводе 1668 г. лишь 4-я глава V книги. Едва ли это случайное совпадение.

положение будет тем более вероятно, если мы учтем, что перевод 1688 г., как мы уже знаем, включал в свой состав уже готовый перевод 1668—1670 гг. (1—3-й глав IV книги), оставив его вообще без каких-либо изменений, несмотря даже на некоторую переработку текста Стрыйковского. Естественно поэтому, что именно 1—3-я главы IV книги в составе перевода 1688 г. более резко отличаются от перевода 1673—1679 гг., чем остальные главы: перевод 1668—1670 гг. не мог зависеть от более позднего перевода 1673—1679 гг.

Какой из двух переводов имел большее распространение, сказать трудно: они дошли в равном количестве списков. Во всяком случае ясно, что перевод 1673—1679 гг. являлся более точным по сравнению с переводом 1688 г., включившим в свой состав переработанный текст «Хроники» в переводе 1668—1670 гг. Не потому ли перевод 1673—1679 гг. в XVIII в. дал больше списков, чем более поздний — 1688 г.? Более того, видимо, перевод 1673—1679 гг. рассматривался в XVIII в. как в какой-то мере официальный. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: 1) именно перевод 1673—1679 гг. был представлен Екатерине II; 2) перевод 1673—1679 гг. был взят за основу при создании в начале XVIII в. окончательно отработанной и оформленной редакции перевода «Хроники». Следы такой работы носит двухтомный список БАН, 31.4.32. Он имеет множество поправок и помет, сделанных скорописью начала XVIII в. Некоторые архаические выражения в списке заменены более новыми: «зрак» на «образ» (I, л. 7), «потопы» на «наводнения» (I, л. 15), «послушные» на «подданые» (II, л. 78) и т. п. Некоторые поправки свидетельствуют о стремлении сделать перевод более близким к оригиналу. Так, общее понятие «господин виленский» заменено более точным «каштелян виленский», «князь Василий» — на «князь московский Василий» (I, л. 180), а «начальник» прусский на «магистр прусский» (I, л. 493). Все эти поправки гораздо более многочисленны в I томе, чем во II. Кроме того, для I тома характерно, что в нем вычеркнуты все посвящения Стрыйковского. В том же томе имеется ряд помет, касающихся оформления рукописи, например: «отставка» (лл. 12, 17 и др.), «отставка большая и слова большие до самого конца, где написано: „Книги 8“».

Вполне вероятно, что этот отработанный список предполагался для печати, но впоследствии по каким-то причинам издание его оказалось невозможным, в связи с чем работа над II томом и осталась незавершенной. Возможно, что напечатание «Хроники» являлось одним из звеньев в той интенсивной работе, которая велась в петровское время по сбору исторических материалов (знаменитые указы 1720 и 1722 гг.) и опубликованию исторических сочинений. Среди них значительное место занимают и переводные исторические сочинения — такие, как «Введение в гисторию европейскую» Самуила Пуфендорфа (СПб., 1718), «Деяния церковная и гражданская» Барония, (М., 1719), «Феатрон, или позор исторический» (СПб., 1724) и созвучная первым книгам «Хроники» Стрыйковского «Книга историография начатия имене, славы и расширения народа славянского» Мавро Орбини (СПб., 1722). Не забудем, что и «Синопсис» Иннокентия Гизеля, в значительной мере построенный на «Хронике» Стрыйковского, четырежды переиздавался в петровское время (Киев, 1699; М., 1705; М., 1714 и СПб., 1718).

Переводы «Хроники» Стрыйковского на русский язык, несомненно, сыграли значительную роль в расширении исторического кругозора русского читателя XVII в. «Хроника» благодаря ее переводам могла шире использоваться и использовалась, как мы видели, в качестве источника для русских историков, причем к ней широко обращались не только в XVII, но и в XVIII в. Достаточно назвать имена В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. Вместе с тем переводы «Хроники» способствовали сближению и взаимообогащению двух славянских культур.

В настоящей работе приняты следующие сокращения.

БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
Муз.— Музейное собрание
Погод.— Собрание Погодина
Ув.— Собрание Уварова
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
Эрм.— Эрмитажное собрание

Л. М. Костюхина

ЗАМЕТКИ ПО ПАЛЕОГРАФИИ РУССКИХ ПОЛУУСТАВНЫХ РУКОПИСЕЙ XVII века КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО СОБРАНИЯ

Среди центров русской письменности XVII в. одним из крупнейших на Севере России являлся Кирилло-Белозерский монастырь. Основан он был в 1397 г. выходцем из Москвы архимандритом Симонова монастыря Кириллом на берегу Сиверского озера. До конца XIV в. эта область по экономическим и культурным связям тяготела к Новгороду, но с самого конца века, когда началась монастырская колонизация северорусских земель с юга (основание Кириллова, Ферапонтова и других монастырей), устанавливаются новые взаимоотношения с растущим экономическим, политическим и культурным центром России — Москвой. Эта новая ориентация в значительной мере определила характер развития Кириллова монастыря как центра письменности.

Кирилл Белозерский был человеком образованным, сам занимался перепиской книг: среди рукописей монастыря в начале XIX в. насчитывалось 13 его автографов[1]. Именно он и положил начало книгописанию в своем монастыре и созданию в нем монастырской библиотеки.

Исследователи-палеографы насчитывают до 20 книг, написанных Кириллом и его учениками и приобретенных ими для монастыря[2]. Библиотека постоянно пополнялась новыми рукописями. Они писались в самом монастыре, покупались, поступали в виде вкладов. По описи рукописей конца XV в.[3] в монастыре насчитывалось уже более 212 рукописных книг, не считая келейных[4].

Полный состав монастырской библиотеки в XVI в. неизвестен, но достоверно, что она продолжала расти за счет работы собственных писцов и многочисленных вкладов, в том числе от представителей знатнейших московских боярских фамилий и от самого царя Ивана Грозного, который был связан с Кирилло-Белозерским монастырем еще с юношеских лет[5].

[1] Архимандрит Амвросий. История российской иерархии, ч. IV. М., 1812, стр. 398.

[2] Там же; архимандрит Варлаам. Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 2. М., 1860, стр. 1—69; Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897, стр. 4—13; Н. Н. Розов. Рукописи из Кирилловского краеведческого музея. «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (далее — ГПБ), т. 1 (IV). Л., 1957.

[3] Н. К. Никольский. Указ. соч.

[4] Келейными назывались книги, являвшиеся собственностью отдельных монахов и находившиеся не в монастырской библиотеке, а у них в кельях.

[5] Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. 1, вып. 2. СПб., 1910, стр. 140—227.

Наиболее подробные сведения о библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря относятся к XVII в. От этого времени дошли до нас три описи монастырских книг: 1601, 1621 и 1653 гг.

Как показывает последняя опись — 1653 г., в библиотеке к середине XVII в. числилось 472 книги. Многие из них были написаны в самом монастыре [6]. Разнообразие почерков этих рукописей говорит о существовании в монастыре в XVII в. целого штата писцов, а возможно, и постоянной книгописной мастерской. Об этом же свидетельствуют закупки бумаги для монастыря, а также красок и украшений для переплетов. Так, в приходо-расходных монастырских книгах 1581—1610 гг. встречаются известия о том, что казначей монастыря в марте 1567 года «купил пять листов бумаги александрийския, дал десять денег»; в феврале 1567 г. «старец Феогност, часовник, купил на книгу застежки и защелки и наугольники, дал четыре деньги»; в январе 1603 г. казначей «купил десть бумаги книжные, шесть денег»; в июле 1605 г. «куплено на двадцать книг дестовых застежек с жюки, пятнадцать алтын, на пятнадцать книг полудестовых застежек с жюки, девять алтын, на десять книг четвертных застежек с жюки, дано четыре алтына четыре деньги»; в августе 1606 г. «куплено тринадцать дестей бумаги, дано восемь алтын четыре деньги»; в августе 1607 г. «куплено у Пиная у Федорова десять стоп бумаги, дано пять рублев» [7].

В большинстве случаев мы не знаем имен монастырских писцов, но иногда записи называют некоторых из них: Христофор, Сильвестр, Флавиан, Яким Набячин, Козьма, Онисифор, Макарий Сибирский, Иван Лазарев. Сведения, которые сообщают о себе эти писцы, чрезвычайно скупы. Чаще всего это только монашеское имя, иногда духовное звание, да и те бывают обозначены тем или иным видом тайнописи, искусством писать которой славились в XVII в. писцы Кириллова монастыря. Так, в четырех рукописях, написанных в монастыре в 1604—1611 гг. писцом Христофором [8], его имя скрыто в записях, сделанных сложной литореей (описательно-числовой тайнописью): «Осмьдесят пять седмориц с пятерицею и десятоплетенная десяторица со двема алимпиадами и 20 сугубых пятериц с трегубою сторицею и сугубая пятерица седмиц и 70 седмориц с кратою и трепелетенная сугубая десятерица с пятерицею сугубою и двократна пятерица десятерица» [9]. При расшифровке этой тайнописи получается имя — Христофор.

Из записи писца на рукописи 1612 г. [10] мы узнаем, что он, писец Сильвестр,— «бывый игумен». Действительно, в Кирилловом монастыре в 1604—1606 гг. игуменом был Сильвестр [11]. Записи на рукописях 1628—1630 гг. [12] называют писца Флавиана. Это имя также встречается среди списка настоятелей Кирилло-Белозерского монастыря под 1615—1616 гг. [13] Писец Онисифор называет себя дьяконом [14]. В записях встречаются также и «мирские» имена монахов, т. е. их имена до пострижения. Так, мы узнаем, что нотная рукопись 1688 г. написана Иваном Лазаревым [15].

---

[6] См. Отдел рукописей. Рукописная опись собрания Кирилло-Белозерского монастыря (далее — Кирилл.).

[7] Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., стр. LXVII — CCCXX.

[8] ГПБ, Кирилл., № 665/922, 396/653, 392/649, 393/650.

[9] Там же, № 392/649, лл. 322 об.— 323.

[10] Там же, № 545/802.

[11] П. Строев. Списки русских иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стр. 56.

[12] ГПБ, Кирилл., № 85/90, 220/477.

[13] П. Строев. Указ. соч., стр. 56.

[14] ГПБ, Кирилл., № 52/1291.

[15] Там же, № 700/957.

Вместо с именем писца часто ставится его прозвище, указывающее на происхождение из определенной местности, например: «Козьма Колмогорец» (холмогорец), «Макарий Сибирский» и т. п. [16]

Некоторые данные о писцах можно получить из тех же приходо-расходных книг монастыря. Так, в 1581—1607 гг. в них называется соборный старец Христофор Чудовской. Но именно в это время писал свои книги тот самый инок, имя которого было скрыто в числовой тайнописи и который в одной из белозерских рукописей [17] называет себя Христофором, учеником московского чудовского монаха Пимена. Можно предположить, что старец Христофор и писец Христофор — одно и то же лицо.

Как один из крупнейших центров русской письменности, Кирилло-Белозерский монастырь воспитывал писцов не только для самого монастыря, но оказывал в этом отношении большое влияние на весь Северный, в особенности Вологодский, край. С этой точки зрения интересны три рукописи с имеющимися на них записями: Пчела 1640 г., Псалтырь 1623 г. и Месяцеслов 1634 г. [18] Все они по характеру письма и украшений точно следуют образцам Кириллова монастыря, но написаны вне стен его. Пчела написана Якимом Набячиным до его пострижения в монастырь — в Вологде, с которой монастырь был тесно связан торговыми отношениями [19]. Псалтырь вышла из-под пера неизвестного писца из Усолья Ненокотцкого Холмогорского уезда, где она была создана «по повелению чернеца Кириллова монастыря Гурьяна Шишкина». Месяцеслов написан белозерцем Дружиной Тимофеевым сыном Сакулиным, который был «комнатным книжным писцом» боярина Плещеева в Москве.

По содержанию рукописи, написанные в Кирилло-Белозерском монастыре и хранившиеся в его библиотеке, весьма разнообразны. Это — полный круг богослужебных книг, произведения раннехристианских авторов, аскетическая литература, агиография, сочинения Максима Грека и Иосифа Волоцкого. Помимо чисто церковной литературы, здесь переписывались космографии, календари, сборники и повести. Монастырю принадлежала известная летопись середины XVI в., дошедшая до наших дней и получившая название Кирилло-Белозерской [20].

Рукописные памятники Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., как и большинство русских рукописей, имели форму книги, написанной на бумаге и вложенной в твердый переплет. Обычно переплет делался из деревянных досок, обтягивавшихся кожей с тиснением. Для XVII в. характерен следующий рисунок тиснения на переплетах белозерских рукописей: на верхней доске переплета по всему его краю шли одна или две орнаментальные полосы, образуя широкую рамку; в центре доски помещалось прямоугольное, круглое или овальное клеймо, чаще всего составленное из растительных мотивов (плетение из веток и цветов, вазы с цветами, геральдические лилии) [21]. Встречаются и другие изображения. Например, на датированном переплете 1684 г. в клейме помещено изображение богоматери с младенцем. Такое же изображение встречается на переплете Трефолоя, относящегося к началу 80-х годов XVII в. [22] Для нижней доски переплета обычной была орнаментальная прямоугольная

[16] Там же, № 18/23, 129/254, 576/833.

[17] Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея. Собрание Щукина (далее — ГИМ, Щук.), № 767, л. 418.

[18] ГПБ, Кирилл., № 114/1191, 113/370; ГИМ, Щук., № 839.

[19] Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., стр. 228—239.

[20] Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР (далее — ЛОИИ), № 251; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. 26. М.— Л., 1959.

[21] Ср. С. А. Клепиков. Из истории русского художественного переплета. Сб. «Книга». М., 1959, стр. 130.

[22] ГПБ, Кирилл., № 627/884, 463/720. По лл. 2—15 рукописи № 627/884 идет запись: «Книга ирмологий со октаи дана в соборную церковь, держать на левом крылосе,

рамка по краю, внутри которой шли продольные полосы. В первой трети XVII в. в Кирилловом монастыре сохранялся еще и другой, более ранний вид тиснения нижней доски переплета — в крупную косую клетку, с маленькими цветочными клеймами. Переплеты многих рукописей украшались медными жуковинами и наугольниками самых разнообразных форм, иногда с эмалью, чаще всего синего тона [23]. Медные с эмалью украшения помещались и на застежках переплета.

Бумага для книг покупалась листами, которые потом складывались в несколько раз, в зависимости от предполагаемого формата рукописи [24]. Часто формат рукописи определялся ее назначением. Если книга была служебной, предназначавшейся для чтения в полутемной церкви, то она писалась на листах в десть. Сборники, летописи обычно шли в четвертой доле листа. Размер в восьмую долю применялся обычно в монастыре для так называемых «путных» рукописей, предназначавшихся для чтения в дороге.

По числу листов книги были также самыми разнообразными — от нескольких десятков до тысячи. В зависимости от этого писцы затрачивали на их написание от месяца до года. Быстрота работы зависела от опыта писца, тщательности работы и количества украшений. Так, мало украшенная Минея 1609 г. размером в лист, на 363 листах, была написана писцом за два месяца одиннадцать дней [25], а маленький, в восьмую долю листа, но с большим количеством изящных украшений нотный Стихирарь, на 418 листах, писался «40 недель», т. е. почти пять месяцев [26].

Текст в рукописях XVII в. написан обычно в один столбец, в отличие, например, от XV в., когда он располагался, как правило, в два столбца (самые начертания букв XV и XVII вв. весьма сходны). Строка была еще сплошной, отчетливое разделение на слова прослеживается в рукописях Кирилло-Белозерского монастыря только с 80-х годов XVII в.

В собрании Кирилло-Белозерского монастыря насчитывается 48 точно датированных рукописей XVII в., написанных полууставом. На почерки многих из этих рукописей большое влияние оказали печатные книги. Выразительный и четкий шрифт первопечатных изданий Ивана Федорова, а во второй половине XVII в. также шрифты украинских печатных изданий стали образцом для писцов XVII в., писавших полууставом. Многие рукописи переписывались непосредственно с печатных изданий, и писцы при этом могли прямо подражать печатному шрифту. Поэтому основным типом полууставных почерков XVII в. стал почерк, подобный шрифту печатных книг. Но писцы XVII в. в Кирилловом монастыре не просто копировали печатные издания, а вносили в почерки некоторые особенности. К таким особенностям полууставного письма можно отнести больший наклон букв в строке, применение лигатур (связного письма). Надо сказать, что применение лигатур характерно больше всего для белозерских рукописей первой половины XVII в.

На протяжении XVII в., начиная примерно со второй его четверти, в полууставе рукописей Кириллова монастыря, подобном старопечатному, наблюдается все больший отход от его прототипа. Почерки становятся все более неровными, с разным наклоном букв в строке, небрежными. Они ускоряются и упрощаются, появляется большее количество начертаний одной и той же буквы. Со второй половины XVII в. под влиянием

а сия книга переплетена после головщика старца Илариона Каменского РЧВ-го (1684) марта В [2] день».

[23] Ср. с синими усольскими эмалями.

[24] Судя по водяным знакам бумаги сохранившихся рукописей, в первой трети XVII в. в монастыре преобладала французская бумага, потом немецкая, а с 70-х годов XVII в.— голландская.

[25] ГПБ, Кирилл., № 393/650.

[26] ГИМ, Щук., № 767.

украинского письма начинают употребляться грецизированные буквы: Σ вместо русского «з», Z вместо «с».

Со второй половины XVII в. в белозерских рукописях намечается и другое направление развития полуустава. Почерк становится однообразным и безжизненным. Буквы в строке стоят прямо, они сильно вытянуты, начертания их стандартны, строка разделена на слова. Почерки теряют всякую индивидуальность, хотя сохраняют тщательность и общий стиль письма. Это развитие приводит в конце 80-х годов к появлению так называемого «поморского» полуустава, которому свойственны все упомянутые черты.

Кроме полуустава, подражающего старопечатному, в XVII в. среди книг Кирилло-Белозерского монастыря, как и вообще в русских рукописях этого времени, распространены особые почерки нотных рукописей, продолжающие традицию XVI в. Это мелкий, очень четкий полуустав, с квадратными буквами. Он не меняется на протяжении всего XVII в.

С 90-х годов XVII в. в белозерских рукописях появляется беглый, круглящийся полуустав. Он отличается как от полууставных, так и от скорописных почерков XVII в. От полуустава его отличают более красивые круглящиеся начертания, а также связное написание букв в словах. Отличие от скорописи XVII в. состоит в отсутствии ее свободных и длинных росчерков. Скорее всего, этот почерк является ускоренным письмом переходного характера от XVII к XVIII в. Отдельные его начертания напоминают еще полуустав XVII в., другие — близки к скорописным типам XVIII в.

Влияние печатных книг на белозерские рукописи проявилось не только в почерках, но в еще большей степени в их украшениях. Для рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., как и для всей России, характерны заставки, которые копировали в рисунке книжные украшения XVI и XVII вв. Это были различные варианты так называемого старопечатного стиля. Такие заставки могли иметь геометрическую рамку, внутри которой располагались симметрично стилизованные травы [27]. Другие заставки этого стиля изображали свободно вьющиеся растения, соединенные только общим основанием, без обычной рамки [28]. Встречались в это время образцы орнамента, близкие к предметам народного искусства — резному дереву, раскрашенной утвари. Во второй половине XVII в. в кирилло-белозерских рукописях появляются старопечатные заставки с элементами барокко [28]. В конце века орнамент этого типа приводит к появлению так называемого «поморского» стиля, для которого, кроме растительных форм и элементов барокко, характерна яркая красно-желто-зеленая раскраска и обильное употребление золота.

Цветовая гамма старопечатных заставок в рукописях очень разнообразна. Для первой половины XVII в. наиболее употребительна подражающая печати черно-белая расцветка, иногда подцвеченная золотом. В это же время появляется легкая обводка зеленым или коричневым тоном. Наряду с этим в рукописи входит многокрасочный орнамент: здесь и холодные сине-серые и зеленые тона, и яркие малиновые, синие, алые, оранжевые краски, здесь и золото. Украшения, выполненные в народной манере, обычно имеют желто-красно-зеленую раскраску, как правило, без золота. В крупнотравных заставках нередки зеленовато-коричневые и черные расцветки [30].

В первой четверти XVII в. в кирилло-белозерских рукописях сохраняется, помимо старопечатного, и другой орнаментальный стиль, так называемый «нововизантийский», характерный для большинства русских

[27] ГПБ, Кирилл., № 665/922, 392/649, 147/1224, 18/23; ГИМ, Щук., № 489.
[28] ГПБ, Кирилл., № 393/650; ГИМ, Щук., № 839.
[29] ГПБ, Кирилл., № 627/884, 10/1249.
[30] Там же.

рукописей. Но сюда, как и в травные украшения, белозерские мастера вносили своеобразные дополнения. В геометрической прямоугольной рамке вместо традиционного византийского цветка появляются все те же народные мотивы, известные по вышивкам, росписи и резьбе по дереву [31]. В некоторых рукописях внутри византийской рамки можно встретить плетенье [32] или элементы стиля итальянского Возрождения: листья аканта, цветы, вазы, человеческие головки и целые фигуры [33].

Очень интересны заставки кирилло-белозерских рукописей 1604—1611 годов [34]. В нововизантийских рамках здесь расположились гирлянды крупных цветов и плодов с необычной раскраской: на черном фоне рисунок выполнен не красками, а поталью [35] или серебром. Этот орнамент создает полную иллюзию чеканного металла с чернью.

Инициалы украшенных рукописей, как правило, соответствовали стилю заставок, которые они сопровождали. Исключение представляли киноварные инициалы, от основания которых отходил мелкотравный рисунок в виде хвоста, на протяжении XVII в. менявшего свою величину. Если в начале века эти украшения представляли собой еще небольшую ветку, то во второй его половине они превратились в разветвленную, запутанную гирлянду трав, цветов и плодов, охватывавшую весь инициал и выходившую на поле рукописи. Оригинальны инициалы белозерской рукописи 1623 г. [36] Это инициалы типа XV в. (ветка с широкими листьями аканта и перемычками на стебле) и тератологические, со звериными головками. Откуда могли взяться эти мотивы в белозерских рукописях XVII в.? В библиотеке Кириллова монастыря хранились книги не только XVII, но и более ранние — XIV—XVI вв. Можно думать, что именно эти ранние памятники русской письменности и послужили образцами для мастеров, украшавших рукописи XVII в.

Как мы видим, Кирилло-Белозерский монастырь в XVII вв., следуя в основном общему руслу развития русской письменности и искусства, вносил в это развитие, как один из крупнейших северных центров, свои оригинальные черты. Эти черты связаны были с письменными традициями прошлых веков, образцами народного прикладного искусства своего времени, а также складывались под влиянием развития книгопечатания.

---

[31] ГИМ, Щук., № 767; ГПБ, Кирилл., № 665/922.

[32] ГИМ, Щук., № 767.

[33] ГПБ, Кирилл., № 396/653, 432/689.

[34] Там же, № 665/922, 424/681, 433/690, 441/698.

[35] Поталь — сплав меди и цинка, который заменял в украшениях рукописей золото или серебро.

[36] ГПБ, Кирилл., № 113/370.

Н. В. Энговатов

ТАЙНОПИСЬ КНЯЗЕЙ БАРЯТИНСКИХ И ВОПРОСЫ ДЕШИФРОВКИ ДРЕВНЕРУССКИХ КРИПТОГРАММ

Древнерусские криптограммы, несомненно, важный вспомогательный источник наших исторических и палеографических знаний. Криптография, как правило, опирается на существующие системы письма (либо в той или иной мере отражает их особенности). Поэтому изучение тайнописания помогает понять закономерности и особенности развития обычных систем письма. Древнерусские тайнописи, в частности, имеют непосредственное отношение к кирилловской и глаголической палеографии, обнаруживая, кроме этого, тесные связи с византийским и южнославянским тайнописанием.

К сожалению, методика конкретной дешифровки криптограмм до сих пор отстает от общего развития методов палеографии. Ценная монография М. Н. Сперанского по славяно-русскому тайнописанию может служить отправной точкой для чтения неизвестных шифров[1]. В исследовании М. Н. Сперанского мы не найдем всей совокупности методов дешифровки неизвестных тайнописей, что связано с отсутствием разработанной методики чтения криптограмм. Между тем исследователь часто сталкивается с необходимостью применения для дешифровки неизвестного шифра какой-либо рациональной системы вспомогательных методов.

В настоящей статье дается расшифровка одной из криптограмм XVII в. Но нам представляется желательным дать не только чтение криптограммы, но и воспроизвести самый ход ее дешифровки, чтобы в какой-то мере коснуться вопроса о методике дешифровки древнерусских тайнописных шифров. Эта криптограмма (см. рис. 1) была опубликована М. Н. Сперанским, который сопроводил ее словами:

«Совершенно не поддается раскрытию на основании известных систем тайнопись, встретившаяся на листе при переплете у задней доски его рукоп. б. Уварова № 285 (в 8^0) XVII в.»[2]. Далее он добавляет: «При взгляде на эту тайнопись можно сказать одно: она принадлежит к третьей из намеченных нами систем — условных алфавитов, но уже не в чистом виде; рядом с условными буквами-значками в ней встречаются и обычные буквы (ерь, кси, пси, ї, ю). Сравнивая эти значки-буквы с другими, мы найдем некоторое сходство лишь с немногими из них..., несколько большее сходство (четыре-пять знаков) заметим с сербской записью 1551 г.; это едва ли не простая случайность»[3].

---

[1] М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. «Энциклопедия славянской филологии», вып. IV, 3. Л., 1929.

[2] Там же, стр. 153.

[3] Там же, стр. 153, рис. 82 (криптограмма).

Приведенная М. Н. Сперанским криптограмма, безусловно, крайне удобна для дешифровки, так как представляет собой довольно объемистый текст (113 знаков). Сохранность записи, по-видимому, удовлетворительна. Судя по ряду признаков, запись читается слева направо, начиная с верхней строки. Наличие повторяющихся групп знаков также облегчает дешифровку текста. В отношении содержания записи приходится, очевидно, пока придерживаться мнения о тесной связи этой криптограммы с аналогичными приписками в древнерусских рукописях, обозначающими принадлежность книги, самый факт фабрикации манускрипта и т. п.

Рис. 1. Тайнописная помета в рукописи XVII в. из б. Уварова (№ 285) (по М. Н. Сперанскому)

Дешифровку криптограммы необходимо начинать с анализа ее шифра. Этот анализ сводится к установлению графических особенностей знаков тайнописи, т. е. включает в себя также систематизацию криптографических средств. Какие-либо сопоставления знаков одной криптограммы со знаками других на раннем этапе дешифровки могут внести только путаницу.

Необходимость предварительной систематизации знаков криптограммы диктуется многими причинами. Не исключено, что один и тот же знак мог выступать в разных начертаниях, что могло быть связано с стремлением к нарочитому усложнению шифра. В этом шифре могло также существовать несколько различных по начертанию знаков для передачи одного и того же звукового значения (как это имеет место в общеславянских азбуках). Помимо этого, при беглости почерка, которым выполнена наша криптограмма, непроизвольно возникают варианты начертаний одного и того же знака. Для облегчения дальнейших рассуждений мы занумеровали знаки указанной криптограммы (рис. 2) и будем ссылаться на соответствующие индексы.

При систематизации знаков тайнописи нужно обратить внимание на повторяющиеся в криптограмме отрывки, под которыми могли скрываться идентичные словосочетания, слова или морфемы. В исследуемой криптограмме имеются следующие повторяющиеся написания: знаки 1—20 и 58—78, а также 89—102 и 33—45. Некоторые расхождения для части знаков указанных отрывков следует, вероятно, отнести за счет расхождений окончаний слов, но для большинства знаков приходится признать предположительную идентичность.

С учетом вариантов начертаний знаков, представленных в двух указанных параллельных местах пометки, следует произвести предварительную систематизацию знаков шифра. При этом выясняется, что исследуемый вид тайнописи представлен 25 типами знаков, некоторые из которых имеют вариантные начертания. Кроме этого, знаки 51 и 55 из-за их фрагментарности или маловыразительности затруднительно соотнести с другими выделенными знаками шифра.

Рис. 2. Тайнописная помета XVII в. с занумерованными знаками

Предварительный опыт нашей систематизации позволяет сделать вывод о буквенном характере криптограммы. Славяно-русские тайнописи вообще носят буквенно-звуковой характер. Приняв мысль о буквенно-звуковом характере шифра, мы сталкиваемся с необходимостью установить звуковое значение букв исследуемой тайнописи. Это установление звукового значения тайнописных букв можно производить несколькими способами. В частности, дешифровку криптограммы можно было бы производить на основе статистического анализа, вскрыв присущие и другим текстам особенности употребления знаков. Например, о двух первых по употребительности знаках можно почти безошибочно сказать, что они (как это характерно вообще для русских текстов) являются буквами для

гласных «о», «а», «и». Однако не исключено, что из-за недостаточного объема криптограммы все эти статистические закономерности проступают в ней недостаточно последовательно. Поэтому статистический метод следует привлекать в нашем случае осторожно.

Другим вспомогательным методом предварительного установления звукового значения тайнописных букв является их сопоставление со знаками уже известных шифров. М. Н. Сперанский установил, что совокупность знаков исследуемой тайнописи не сопоставима с какой-либо известной разновидностью древнерусских шифров. Однако не лишено основания его предположение о вероятной связи букв исследуемой криптограммы со знаками шифров более раннего времени. Предполагать специально для нашего случая, что писец совершенно не учитывал предшествующее тайнописание, будет едва ли благоразумным. Поэтому приходится склониться к мысли, что шифр криптограммы составлен из нескольких тайнописей раннего периода. Здесь следует помнить и о такой особенности русских тайнописей XVII в., как отказ от древних типов литорейных шифров и создание более сложных видов тайнописей. С учетом этих обстоятельств и нужно подходить к шифру нашей криптограммы.

В частности, некоторые знаки этого шифра напоминают обычные начертания кирилловских букв (например ї), а другие знаки можно трактовать как упрощенные или усложненные знаки кириллицы. Так, имеются знаки, напоминающие перевернутое «от», лигатуру «оу», зеркальное «е». В состав шифра вошли, очевидно, знаки, составленные по принципу «полусловицы» с ее недописанными начертаниями обычных кириллических букв. Один из знаков, в частности, напоминает недописанную букву «юс большой». Не исключено также, что тайнописец, используя начертания некоторых кириллических букв, изменил звуковое значение этих знаков. Это касается дважды встретившихся в криптограмме букв «пси» и «кси», обычно малоупотребительных в кириллице. Часть знаков шифра не имеет соответствий в кириллических начертаниях.

К числу таких «некириллических» знаков относятся три значка: 1) в виде трех точек; 2) в виде двух черточек; 3) в виде четырех черточек. Подобным способом обозначались знаки в «мудрой литорее», где кириллические буквы из разряда единиц заменялись соответствующим числом точек, а из разряда десятков — соответствующим числом черточек. Поэтому указанные знаки соответствовали бы в «мудрой литорее»: 1) три точки — букве «Г» (цифра 3); 2) две черточки — букве «К» (цифра 20); 3) четыре черточки — букве «М» (цифра 40).

Учитывая высказанные общие соображения, приступим непосредственно к дешифровке криптограммы. Поскольку те знаки нашего шифра, которые имеют чрезвычайно характерные литорейные начертания, едва ли возникли в результате простой случайности, проверим, не соответствуют ли они в исследуемой криптограмме своим литорейным значениям.

Для начала дешифровки наиболее удобен текст, включающий параллельные отрывки: знаки 1—9 и 58—66. Поэтому начнем дешифровку сразу с этих двух мест. Знаки 7 и 64 указанных отрывков — варианты одного и того же знака, составленного из трех точек и соответствующего знаку «Г» «мудрой литореи». Можно предположить то же значение и для указанных знаков нашей криптограммы. В то же время знаки 4 и 61 исследуемых отрывков соответствуют составленному из двух черточек литорейному знаку «К».

В результате этих предварительных соображений мы получаем для отрывков из знаков 4—7 и 61—64 такое чтение:

К — — Г
К — — Г

Поскольку наша криптограмма — это запись на рукописи, имеющая, видимо, близкое отношение к аналогичным припискам на книгах, естественно предположить под дважды встретившимся написанием «К——Г» слово «книга». С таким предположением согласуются позиции и последовательность букв «К» и «Г» в указанных отрывках. Самое же слово «книга» часто встречается в приписках такого рода.

Кроме этого, приходится предположить, что два непрочитанных знака могли быть в указанном месте буквами «н» и «и», соответствуя чтению «книг[а]». В частности, знак перед буквой «Г» (№ 6, 63) по начертанию близок к кирилловскому «ї», с которым его и можно отождествить. В то же время этот знак относится к наиболее употребительным буквам криптограммы, встретившись в ней 14 раз (т. е. больше любого другого). Учитывая, что по употребительности на первом месте в русских текстах стоят гласные «о», «а», «и», мы можем уверенно предположить для указанного знака значение «и». При этом чтение исследуемых отрывков принимает вид:

К — ИГ
К — ИГ

Предположив для непрочитанного знака значение «н», мы придем к чтению:

Книг
Книг

Предположив в указанных случаях чтение «книг», мы получим значение четырех букв криптограммы: «К», «Н», «И», «Г». Правильность значений этих букв может быть подтверждена только в ходе дальнейшей дешифровки, но пока эти значения приходится принять условно. Знаки 2 и 59 наших параллельных отрывков соответствуют уже установленному значению «и», что дает чтение:

— И — КНИГ — —
— И — КНИГ — —

Так как знаки 8 и 65, стоящие после основы «книг», различаются по начертаниям, следует предположить в указанных местах разные падежные формы от слова «книга». Стоящее перед словом «книга» написание из трех знаков также различается только конечными знаками 3 и 60. Об этом слове, стоящем перед написанием «книг», нам известно следующее: 1) оно выступает в противопоставленных по конечному знаку формах; 2) обозначено всего лишь тремя буквами; 3) второй звук обозначен буквой «и»; 4) основа состоит из написания, представленного двумя буквами; 5) конечный знак, по-видимому, относится к окончаниям. Соблазнительно было бы видеть в указанном слове прилагательное или местоимение в их падежных формах. Его краткость (три буквы) заставляет остановиться на местоимениях с короткими основами.

Если учесть также частое употребление в многочисленных пометках на книгах (вплоть до настоящего времени) традиционного словосочетания «сия книга», то нетрудно убедиться в том, что в исследуемом случае это словосочетание, видимо, и выступает. Если это так, то знаки 1 и 58 должны иметь значение «С», а отрывки читаются так:

СИ — КНИГ — —
СИ — КНИГ — —

Однако если знаки 1 и 58 имеют значение «С», то то же самое значение относится и к знакам 9 и 66. Наши отрывки, следовательно, читаются:

СИ — КНИГ — С
СИ — КНИГ — С

Едва ли в написание падежных окончаний слова «книга» входила буква «С». Но если она не входила в окончания, то в исследуемых случаях падежные окончания этого слова отмечены единственным знаком. Таким образом, при анализе падежных форм словосочетания «сия книга» следует исходить из наблюдений над знаками 1—8 и 58—65:

СИ — КНИГ —
СИ — КНИГ —

Иными словами, формы слова «сия» состоят для исследуемых мест из написаний в три знака, а формы слова «книга» из написаний в пять знаков. Поскольку в этих параллельных случаях выступают разные падежные формы словосочетания, всем упомянутым условиям отвечают только формы им. и вин. падежей ед. ч. — «сия книга» и «сию книгу».

Учитывая это, обратим внимание на употребительность знаков окончания слова «книга», т. е. знаков «а» и «у» (КНИГа — КНИГу). По нашим подсчетам, буква «а» более чем в два раза употребительней буквы «у» (у, оу). В сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве» буква «а» была употреблена 1059 раз, а «у» — всего лишь 492 раза. Это отношение сохраняется и для более поздних текстов. Так, в «Повести о Сухане» [4] на 324 буквы «а» приходится 141 буква «у» (у, оу).

Обратившись к данным криптограммы, мы установим, что знаки типа 8 в криптограмме встречались 7 раз, а графемы типа знака 65 — всего лишь два раза, т. е. в 3,5 раза реже знаков типа 8.

Принимая во внимание эту статистическую особенность употребления знаков, мы придем к выводу, что знак 8, в качестве более употребительного, соответствует букве «а», а знак 65, как менее употребительный,— букве «у». Эти соображения дают основание для чтения:

СИ — КНИГА
СИ — КНИГУ

Предположение, что во втором случае знак 65 имеет значение «у», поддерживается начертаниями этого знака, являющегося ничем иным, как опрокинутой кириллической лигатурой «ОУ».

Учитывая, что формы местоимения «сей» должны согласоваться с формами существительного «книга», мы приходим к необходимости предположить для первого случая чтение «сия», а для второго — «сию»:

СИЯ КНИГА С
СИЮ КНИГУ С

Знак 3 для «я» внешне похож на кирилловскую букву «ю», но на самом деле является заимствованным из полусловицы недописанным «а» йотованным — ꙗ, т. е. соответствует предполагаемому значению «я». Знак 60 также, по-видимому, заимствован из полусловицы, так как представляет собой недописанное начертание «юса» Ѫ или Ѭ.

Таким образом, произведенная дешифровка двух отрывков криптограммы дала нам значение 9 букв тайнописи: «а», «г», «и», «к», «н», «с», «у», «ю», «я». Если установленные значения этих графем верны, то дальнейшая дешифровка криптограммы не представит серьезных трудностей.

На основе дешифрованного отрывка можно сделать вывод о том, что криптограмма относится к распространенному виду пометок о принадлежности книги или об авторстве лица, произведшего запись. Следует

[4] В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.— Л., 1956.

ожидать появления в начале заметки после слов «СИЯ КНИГА» имени владельца.

Обратим поэтому внимание на место в начале записи, занятое знаками 21—27 и читающееся с учетом известных уже букв:

— И — АИ — А

Первый знак этого написания (№ 21) состоит из четырех черточек, т. е. соответствует букве «М» «мудрой литореи». Приняв это значение, мы получим чтение:

МИ — АИ — А

Видимо, под этим написанием скрывается имя: «Михаила». Действительно, знак 23 является усложнением кириллического «Х» при помощи двух дополнительных черточек, а за знаком 26 остается после этого предположить значение «Л», если оно в дальнейшем подтвердится. Прочтение имени «Михаила» дает дополнительно знаки «м», «х», «л».

На основе установленных значений приступим к дешифровке отрывка текста, представленного после слов «сия книга» и «сию книгу» двумя параллельными отрывками (знаки 9—20 и 66—78). Судя по составу знаков, указанные отрывки скрывают один и тот же текст, читающийся:

(СИЯ КНИГА) С — — Л НИКАКН — — (МИХАИЛА)
(СИЮ КНИГУ) С——Л—НИК—КН——

Написание «кн——» приходится признать в обоих случаях каким-то самостоятельным словом. В первом случае после него стоит имя «Михаила», отграничивающее конец слова «кн——», а начало того же слова примыкает к написанию «с——лника». Признав за написанием «кн——» значение самостоятельного слова, мы будем вынуждены считать написание «с——лника» также самостоятельным. Поэтому начнем дешифровку указанных отрывков с написаний:

С—·—Л—НИКА
С——Л—НИК—

Конечный знак написания «с——льник—», несомненно, не мог обозначать согласный, поскольку окончаний, состоящих из одного согласного, среди падежных форм имен существительных не имеется. Поэтому приходится предположить для знака 74 значение гласного или редуцированного звука. Поскольку знаки «а», «и», «у», «я», «ю» нам известны, этот знак мог быть буквами «о», «е», «ы», «ъ», «ь» или «ять». Однако следует принять во внимание, что в написании «с——л—ник—» дважды употреблен знак для этого гласного звука (№ 70, 74); подставим его вероятные значения сразу для двух мест этого написания. Получим следующие варианты:

С——ЛОНИКО
С——ЛЕНИКЕ
С——ЛЫНИКЫ
С——ЛЬНИКЬ
С——ЛЪНИКЪ
С——ЛѢНИКѢ

Из этих вариантов, вероятно, приемлемы только два:

С——ЛЬНИКЬ
С——ЛЪНИКЪ

Не исключено, что исследуемый шифр не различал «ь» и «ъ». Во всяком случае мы условно принимаем для указанных знаков в одних

случаях значение — «ь», а в других — «ъ». Вероятно, дальнейшая дешифровка поможет выяснить уместность такого допущения, а пока мы останавливаемся на чтении указанного написания:

С——ЛЬНИКЪ

При этом анализируемое написание в двух рассматриваемых случаях читается:

С——Л НИКА
С——ЛЬНИКЪ

Пропуск «ь» в первом варианте написания вполне понятен, так как в XVII в. подобное опущение редуцированного звука в такой позиции не может вызвать удивления. Продолжая дешифровку, обратим внимание на второй знак написания «с——льникъ», являющийся перевернутым вверх ножками кириллическим «Т». Предположив за этим знаком значение «т», мы приходим к чтению:

(СИЯ КНИГА) СТ—Л НИКА КН—— (МИХАИЛА)
(СИЮ КНИГУ) СТ—ЛЬНИКЪ КН——

Поскольку непрочитанный знак в слове «ст—льник», несомненно, обозначает гласный, приходится выбирать пока еще не известные нам значения гласных — «е», «ять», «о», «ы»:

СТЕЛЬНИКЪ
СТѢЛЬНИКЪ
СТОЛЬНИКЪ
СТЫЛЬНИКЪ

Вероятно, не вызовет возражения наше предположение о том, что из этих вариантов наиболее удовлетворителен один:

СТОЛЬНИКЪ

В отличие от других гипотетических вариантов, слово «стольник» действительно существовало в русском языке XVII в. Независимо от этих комбинаторных соображений, тот знак, которому мы приписали значение «о», является по начертанию опрокинутой кирилловской буквой «ОТ». Таким образом, в параллельных местах криптограммы выступает в разных падежных формах одно и то же слово:

СТОЛ НИКА
СТОЛЬНИКЪ

Приступим к дешифровке стоящего после этого слова написания «кн——». Поскольку здесь мы видим самостоятельное слово, обращает на себя внимание, что последний знак этой группы соответствует редуцированному «ъ» или «ь»:

КН—Ъ
или КН—Ь

В том или ином случае непрочитанный знак № 19,77 не мог обозначать гласный звук. Поэтому приходится принять для него значение какого-либо согласного звука. Следует учитывать также малочисленность слов, которые могли начинаться в XVII в. с группы согласных «кн». Для исследуемого случая словом, удовлетворяющим всем этим условиям, можно, по-видимому, признать чрезвычайно употребительное в тот период сокращенное написание:

КНЗЬ

При этом знакам 19 и 77 придается значение буквы «з». В результате указанных допущений рассмотренные отрывки читаются так:

(СИЯ КНИГА) СТОЛНИКА КНЗЬ (МИХАИЛА)
(СИЮ КНИГУ) СТОЛЬНИКЪ КНЗЬ

На основе сделанных наблюдений приступим к дешифровке конца криптограммы (знаки 104—113), который читается:

С———Ю—УК—Ю

Предпоследний знак в этом отрывке — опрокинутое «от», т. е. буква «о», на один вариант которой мы уже указывали выше. Подобный же знак употреблен и в начале рассматриваемого отрывка (знак 106). Таким образом, конец пометки читается:

С—О—Ю—УКОЮ

Было бы заманчивым видеть в написании «—укою» слово «рукою», для чего следует предположить за знаком 109 значение «р», что мы и делаем:

С—О—Ю РУКОЮ

При этом предшествующее слово читается как «с—о—ю», а его предпоследний знак является зеркальным вариантом кириллического «Е». Предположив за этим знаком (№ 107) значение «е», приходим к чтению:

С—ОЕЮ РУКОЮ

После этого не остается иной возможности, как читать знак 105 в слове «с—оею» как «в»:

СВОЕЮ РУКОЮ

Кстати, отметим, что словосочетание «своею рукою» вообще чрезвычайно характерно для приписок на книгах, в том числе и для тайнописных пометок. М. Н. Сперанский приводит, в частности, одну из таких тайнописных пометок XVII в., оканчивающуюся словами «своею рукою» [5].

Опираясь на полученные результаты, приступим к дешифровке группы знаков — 79—83, стоящей после слов «сию книгу стольникъ кнзь» и означающей по аналогии с началом надписи имя собственное:

ОСИ—Ъ

Поскольку неизвестный знак в этом написании мог быть только буквой для согласного (он стоит перед «ъ»), принимаем для него значение «п», ибо остальные буквы не дают удовлетворительного чтения:

ОСИПЪ

Таким образом, в криптограмме, кроме стольника князя Михаила, упомянут стольник князь Осип. Следует ожидать появления после этих имен также отчеств этих князей, так как это были весьма значительные лица. В связи с этим остановимся на группе знаков 28—36, стоящих после имени Михаила и читающихся:

ПЕТЪРВИ—А

За неизвестным знаком этого слова приходится предполагать значение «ч», что позволяет читать отчество:

ПЕТЪРВИЧА

---

[5] М. Н. Сперанский. Указ. соч., 125; ср. другую приписку-криптограмму 1640 г.: «...а потписал сю книгу яз Михаило Крабов своею рукою...» (там же, стр. 126).

Пропуск буквы «о» объясняется, вероятно, ошибкой тайнописца. Повидимому, после отчества Михаила должно было стоять также обозначение княжеского рода, к которому принадлежал этот стольник. Поскольку та же самая группа знаков повторяется и после имени Осипа, оба князя, очевидно, принадлежали к одному княжескому роду. Его название следует видеть, вероятно, в знаках 37—47 и 93—103 нашей криптограммы, которые читаются:

—ОРЯТ НСКОВА
—ОРЯТИНСКОЙ

Отсутствие «и» в первом варианте фамилии следует, видимо, отнести к дефектам листа, на котором дошла до нас криптограмма. Этот знак находился с краю листа; соседний с ним знак 55 сохранился фрагментарно.

Первый знак в написании фамилии нам пока не встречался. Однако княжеские фамилии XVII в. хорошо известны. К нашему случаю подходит только одна. Мы имеем в виду Барятинских, писавшихся по своему калужскому родовому поместью «Борятино» — Борятинскими. С учетом этой справки рассматриваемые отрывки читаются:

БОРЯТ НСКОВА
БОРЯТИНСКОЙ

Вплоть до XVII в. среди Барятинских не было «Осипов». В XVII в. это имя носил Осип Федорович Барятинский, имевший племянника Михаила Петровича[6]. Старший брат Осипа — Петр Федорович — упоминается в 1658 г. среди «дворян московских», а о самом Осипе известно, что в 1674 г. он был стольником и воеводой в Великих Луках, а в 1682 г. руководил переписью Великого Новгорода[7].

Учитывая эти соображения, приступим к дешифровке отрывка (знаки 84—92), предположительно содержащего отечество Осипа. Этот отрывок читается:

———РОВИЧЬ

Первый знак этого слова (84) следует, вероятно, считать буквой «Ф»:

Ф——РОВИЧЬ

Исходя из позиционных и других соображений, знак 86 следует идентифицировать с буквой «д»:

Ф—ДРОВИЧЬ

В результате мы приходим к необходимости признать неизвестный знак в отчестве Осипа буквой для гласного звука. Но едва ли это было «е», имеющее несхожее с этим знаком начертание. Приходится склониться к тому, что неизвестный знак обозначал звук «ё», хотя в русскую орфографию знак для «ё» вошел значительно позже конца XVII в. Тайнописное «ё», вероятно, передавало соответствующий дифтонг «ио», «ео» в слове «Феодорович», «Фиодорович», «Фёдорович».

Таким образом, после прочтения этой группы знаков текст криптограммы выглядит так:

«Сия книга столника кнзь Михаила Петървича Борятнскова... сию книгу стольник кнзь Осип Фёдровичь Борятинскои своею рукою».

Непрочитанный отрывок скрывает, очевидно, глагольную форму и читается:

АРО—ПИС—ЛЪ

Знак 51, стоящий над строкой, является, по-видимому, выносным на-

---

[6] П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 1. СПб., 1854, стр. 75.
[7] Е. Богданович. Род князей Барятинских. СПб., 1898, стр. 31.

писанием, обязанным влиянию кириллицы. Эта выносная буква, на наш взгляд, сопоставима с вариантными начертаниями тайнописного «с», т. е. отрывок читается:

А РОСПИС—ЛЪ

Непрочитанный знак (№ 55) дошел до нас в виде фрагмента на краю листа. Оставшиеся неповрежденными элементы его не препятствуют идентификации знака с тайнописным «а». В связи с этим оставшийся отрывок читаем как:

А РОСПИСАЛЪ

В результате указанных выше допущений исследуемая криптограмма прочитана нами следующим образом:

«Сия книга столника кнзь Михаила Петървича Борятнскова, а росписалъ сию книгу стольникъ кнзь Осипъ Фёдровичь Борятинскои своею рукою».

а		о	
б		п	
в		р	
г		с	
д		т	
е		у	
ё		ф	
з		х	
и		ч	
к		ъ, ь	
л		ю	
м		я	
н			

Рис. 3. Запись (шифр) князей Барятинских

Знаки дешифрованной криптограммы обобщены нами на специальной таблице, где мы указываем также их звуковое значение (см. рис. 3). Большинство знаков тайнописи восходит к кириллической традиции или непосредственно, или же через посредство сложившихся на основе кириллицы шифров — полусловицы, литореи и, может быть, других систем тайнописания. Некоторые знаки приходится, однако, отнести к фантазии составителя тайнописи, стремившегося усложнить шифр новыми элементами. Возможно, это относится к знакам, построенным, казалось бы, по акрофоническому принципу. Так, знак «б» похож на животное на четырех лапах и является, может быть, началом слова «боран»; знак «д» — дуга, заключенная в круг; знак «в» напоминает животное с длинным хвостом и раскинутыми лапками (векша?); знак «л» — лицо с намеченными точками глазами и ртом.

Едва ли этот шифр был личным шифром самого Осипа Федоровича Барятинского. Вернее всего, это семейная тайнопись, с которой был знаком и владелец рукописи князь Михаил, в чьей библиотеке она хранилась. Во всяком случае шифр Барятинских в силу своей генетической сложности свидетельствует о довольно длительном периоде формирования этой тайнописной системы, «возникшей на самобытной русской основе» [8].

Наконец, считаем необходимым остановиться на следующем обстоятельстве. Непрочтенные тайнописи всегда были предметом внимания многих исследователей проблемы происхождения славяно-русского письма. Это относится также к криптограмме Осипа Барятинского, которая использовалась Н. А. Константиновым для обоснования его гипотезы о происхождении русского письма из кипрского силлабария.

---

[8] Н. Энговатов. Тайнопись князей Барятинских. «Знание — сила», 1962, № 2, стр. 43.

В частности, Н. А. Константинов ссылался на указанную криптограмму, утверждая, что «последние надписи с имеющимися в тексте кипрскими знаками, перемежающимися с буквами других алфавитов, относятся к XVII в.»[9]. Из таблицы Н. А. Константинова, в которую он включил загадочные знаки из русских рукописей[10], становится ясным, какие буквы шифра Барятинских этот исследователь считает «кипрскими». Однако результаты дешифровки тайнописи Барятинских совершенно не согласуются с установленными Н. А. Константиновым на основе кипрского силлабария значениями букв криптограммы. Так, те знаки, которые по мнению Н. А. Константинова имеют значения «е», «п», «х», «о», «л», на самом деле обладают в тайнописи Барятинских соответственно следующими значениями: «х», «н», «у», «д», «п».

Таким образом, после дешифровки криптограммы предполагать кипрское происхождение ее знаков, вероятно, не приходится. Попытки Н. А. Константинова увидеть в сарматских знаках Северного Причерноморья кипрские графемы уже вызвали возражения[11].

Историки письменности указывают также на ряд других уязвимых мест в гипотезе Н. А. Константинова[12]. Поскольку в своих работах Н. А. Константинов использует в качестве «кипрских» символы, употребляемые на русских резных календарях, считаем необходимым остановиться на некоторых из использованных им календарных отметок.

В частности, вызывает возражение попытка трактовать календарный знак 12 декабря как кипрскую графему «р» (Разумник, мученик римский)[13]. Этот знак, имеющий вид кружка на палочке, является, несомненно, солярным знаком. На некоторых календарях под этим днем помещено изображение солнечного диска с расходящимися лучами (12 декабря — день зимнего солнцестояния).

Н. А. Константинов трактует также как «кипрские» знаки на календарях, соответствующие часовым пометкам для обозначения продолжительности дня. Этот вид русских календарных знаков нам удалось выделить из состава календарной символики в конце 1961 г.[14] Указанные метки стояли на резных календарях под определенными числами; их частной разновидностью была метка в виде чашеобразного «Ч» (начало слова «час»). Между тем, эти кириллические буквы «Ч» (часовые метки) Н. А. Константинов трактует как «кипрские графемы», например для знаков 9 мая и 8 августа[15].

Таким образом, как и выдвинутая Н. А. Константиновым гипотеза происхождения русского письма, так и сделанная им попытка осмыслить с помощью этой гипотезы криптограмму Осипа Барятинского вызывают серьезные возражения.

Мы выражаем надежду, что обнародованная нами дешифровка криптограммы XVII в. будет способствовать пробуждению интереса к русскому тайнописанию[16], изучение которого отстает от общего развития

[9] Н. А. Константинов. Народные резные календари. «Сборник Музея антропологии и этнографии», вып. XX. М.— Л., 1961, стр. 104.

[10] Н. А. Константинов. О начале русской письменности. «Нева», 1957, № 7.

[11] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 15, 31.

[12] В. А. Истрин. Развитие письма. М., 1961, стр. 289—291.

[13] Н. А. Константинов. Народные резные календари..., стр. 108.

[14] Открытию часовых меток на русских резных календарях был посвящен, в частности, наш доклад в Отделе дерева Государственного Исторического музея 22 января 1962 г. В этом докладе мы останавливались и на взглядах Н. А. Константинова на календарную символику.

[15] Н. А. Константинов. Народные резные календари..., стр. 108—109.

[16] Разумеется, использованные нами методы дешифровки можно применять к аналогичным случаям лишь после всестороннего учета индивидуальных особенностей каждой криптограммы в отдельности. Вполне понятно, что мы не могли исчерпать в своей заметке всех методов анализа и синтеза, которые должны быть в ре-

палеографии. Такое отставание наносит ущерб решению вопроса о происхождении славяно-русской письменности. Несомненно, в общем плане широкого изучения письменных богатств древней Руси работа над славяно-русским тайнописанием должна занять скромное, но почетное место.

зерве у каждого дешифровщика. Необходимо сказать несколько слов о возможном применении электронно-вычислительной техники для дешифровки древнерусских криптограмм. В принципе это, конечно, возможно, но составление программы для каждого конкретного случая займет больше времени, чем затратит на прочтение криптограммы дешифровщик. Электронно-вычислительная аппаратура (на современном этапе ее развития) могла бы, по нашему мнению, выполнять при таких дешифровках вспомогательный анализ. Приведем такой пример. Буква «б» в криптограмме Барятинских встретилась только два раза в фамилии этих князей. Едва ли программист догадался бы снабдить машину сведениями о всех княжеских фамилиях древней Руси. Поэтому машина не смогла бы дать окончательную дешифровку всего текста криптограммы: она «споткнулась» хотя бы на фамилии, дав для нее в лучшем случае текст: — Орятинскои. Завершать обработку пришлось бы опять-таки человеку, правда, не дешифровщику, а специалисту в более узкой области.

В. И. Корецкий

ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» АРХИВИСТОВ XVIII века (ЛЖЕДМИТРИЙ II И ВОПРОС О КРЕСТЬЯНСКОМ ВЫХОДЕ)

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде Приказа Тайных дел (Разряд XXVII) под № 27 хранится жалованная грамота Лжедмитрия II, данная им 7 марта 1608 г. в г. Орле «иноземцу литовского города Гомья (Гомеля.— *В. К.*) Власу Устинову за ево к нам службу и родение» на вотчину в Рославльском уезде «и со крастьяны и з захребетники» за собственноручною подписью самозванца латинскими буквами: Dmitr Car. К ней прикреплена на белом шнуре большая печать из красного воска с изображением двуглавого орла.

На особом листке, приложенном к грамоте, почерком второй половины XVIII в. написано: «№ 9 по реэстру. Старинная подложная грамота самозванца Дмитрия. Отдана при резолюции в 1758 году июля 1 дня, а резолюция состоялась в том же году маия 26 дня. И оная хранитца с прочими во входящей книге под № 17-м». Возможно, что именно в связи с этой квалификацией грамоты архивистами XVIII в. как подложной мимо нее прошли все исследователи «смуты» и она осталась неизвестной в науке.

Однако рассмотрение как внешних палеографических признаков, так и содержания грамоты не позволяет усомниться в ее подлинности. Грамота написана на польской бумаге с водяным знаком, аналогичным помещенному у И. Каманина под № 561 за 1608—1612 гг. [1] С близким по форме водяным знаком встречаемся мы в грамоте Лжедмитрия II Иль-мурзе Юсупову от 22 августа 1610 г. на его владения в Романовском уезде, ставшей недавно предметом специального исследования в статье И. И. Смирнова [2]. То же самое можно сказать и о подписях и печатях обеих грамот. Разница здесь лишь в том, что печать на грамоте Иль-мурзе Юсупову привешена на красном шнуре и сохранилась несравненно хуже, чем на грамоте Власу Устинову.

Подпись на нашей грамоте тождественна подписи самозванца на его письме Юрию Мнишку от 27 января 1608 г., писанном также на Орле и отделенном от нее сроком немногим более месяца [3].

Формуляр ее аналогичен формуляру жалованной грамоты Иль-мурзе Юсупову. Обе грамоты начинаются дословно совпадающим, выспренным,

[1] См. И. Каманін, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923, стр. 14, 64.

[2] И. И. Смирнов. К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 43—49.

[3] Собрание государственных грамот и договоров, ч. II. М., 1819, № 156, стр. 327—328; Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 149, Дела о самозванцах, 1608 г., д. № 56.

отдающим церковным витийством титулом самозванца, призванным обосновать его притязания на царский престол. Одинаковы и те формулы, в которых определяются права обоих вотчинников на крестьян, населяющих их владения. Отличие наблюдается лишь в бо́льших судебных и податных привилегиях Юсупову, как более родовитому и крупному землевладельцу, в обещании записать его грамоту, составленную в селе Коломенском под Москвой, в вотчинные книги Поместного приказа в Москве, когда самозванец займет царский престол, о чем в Орле, едва перейдя русскую границу, говорить, конечно, было преждевременно. Кроме того, в грамоте Власа Устинова, данной вскоре после вторжения самозванца в Россию из Литвы, по сравнению с грамотой Юсупову встречаются отдельные белорусизмы.

Но если жалованная грамота Власу Устинову не вызывает сомнений в своей подлинности ни по форме, ни по содержанию, то как же тогда могла появиться во второй половине XVIII в. архивная запись о ее подложности? Ответ, очевидно, надо искать не в недостатке профессиональных знаний у тогдашних архивистов (этих знаний не только у архивистов XVIII в., но даже в более раннее время вполне хватило бы на то, чтобы отличить поддельную жалованную грамоту от подлинной), а в их верноподданнических чувствах. Указание старинной описи на подложность грамоты Лжедмитрия II Власу Устинову представляется нам не чем иным, как выражением отрицательного отношения старых архивистов к одиозной фигуре Лжедмитрия II, который не был, подобно Лжедмитрию I, коронован на царство. По их представлениям, он не имел права выдавать жалованных грамот, так что любая его грамота, с этой точки зрения, являлась подложной.

Как известно, все земельные пожалования Лжедмитрия II были ликвидированы указом от 10 июля 1623 г.[4] Этот акт правительства Михаила Федоровича объясняет, почему сохранилось так мало подлинных жалованных грамот Лжедмитрия II. Грамоты второго самозванца, в отличие от грамот первого, не принимались во внимание в последующее время правительственными органами при удостоверении владельческих прав феодалов на их поместья и вотчины. Такие грамоты могли даже скомпрометировать их обладателей, поэтому землевладельцы не стремились эти грамоты хранить. Две из трех известных в настоящее время подлинных жалованных грамот Лжедмитрия хранились в архиве Приказа Тайных дел и в фамильном архиве князей Юсуповых отнюдь не для каких-то практических целей. Их сохраняли как своеобразный курьез, редкость, единичные образцы деятельности «тушинского вора», бесславно канувшего в вечность[5].

И. И. Смирнов, ставя перед собой задачу привлечь внимание исследователей к жалованной грамоте Лжедмитрия II Иль-мурзе Юсупову от 22 августа 1610 г., справедливо указывает в своей статье на то значение, которая эта грамота имеет для изучения закрепостительной политики второго самозванца[6]. Еще больший интерес в этом плане, на наш взгляд, представляет публикуемая жалованная грамота Лжедмитрия II Власу

[4] А. И. Копанев. Указная книга Поместного приказа. Памятники русского права (далее — ПРП), вып. 5. М., 1959, стр. 435—438, 488—489.

[5] Третья подлинная жалованная грамота Лжедмитрия II гостю Алексею Семенову сыну Хозину, данная в январе 1609 г. «за его к нам службу и радение и терпение и за его к нам дачю за восмьдесят за восмь рублев и за два алтына», находится в Уваровском собрании Государственного исторического музея (ф. 17, № 41/23). В грамоте говорится: «Велели если я ему и его сыну и племянником и его людем в Московском государстве и во Пскове и в-Ывангороде и во всех городах на Москве всякими товары торговати безданно и безпошлинно до его Олексеева живота». Далее следует подробное перечисление податных и судебных привилегий, предоставленных А. С. Хозину самозванцем, в частности «от посадских людей велел отверстать во всяких податях и городовых росходех».

[6] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 46—48.

Устинову от 7 марта 1608 г. Являясь наиболее ранней из известных жалованных грамот Лжедмитрия II, она дает возможность представить отношение второго самозванца к вопросу о крестьянском выходе на начальном этапе его авантюры, спустя всего несколько месяцев после вторжения в Россию.

Крепостническое законодательство 80—90-х годов XVI в., кульминационным пунктом которого был указ 1592—1593 гг. о запрещении крестьянского выхода в общегосударственном масштабе и учреждении новых писцовых книг в качестве юридического основания крестьянской крепости, оформило в основных чертах крепостное право в России. Однако через восемь лет Борис Годунов в обстановке страшного голода и начавшегося массового антифеодального движения вынужден был пойти на временное нарушение этого указа, изданного при его активном участии. В 1601—1602 гг. был частично разрешен выход для крестьян мелких и средних провинциальных помещиков и вотчинников. Это привело вскоре к невероятной запутанности крепостнических отношений, к многочисленным тяжбам и нарушениям закона, так как для одних крестьян, получивших право выхода, запись в писцовые книги закрепощающее значение потеряла, а для других, не получивших этого права, продолжала сохраняться. Лжедмитрий I пытался ликвидировать эту половинчатость и противоречивость законодательства Бориса Годунова, включив в подготовлявшийся Сводный Судебный ст. 88 о крестьянском отказе, что означало полное и безусловное восстановление права крестьянского выхода.

Однако он был низложен и убит боярскими и дворянскими заговорщиками еще до того, как крестьяне смогли воспользоваться плодами его законодательной деятельности, носившей ярко выраженный характер социальной демагогии [7]. В. Шуйский пошел по пути решительного подтверждения закрепостительного указа 1592—1593 гг., положив его в основу Соборного Уложения 9 марта 1607 г. и изменив урочные лета до пятнадцати. Тем самым были признаны недействительными отношения между крестьянами и землевладельцами, возникшие в результате применения указов Бориса Годунова 1601 и 1602 гг., а также закона Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г.

В то же время восставшие крестьяне и холопы с И. И. Болотниковым и «царевичем» Петром во главе выступили с оружием в руках против крепостничества. Хотя они и потерпели поражение, их борьба помешала осуществлению Соборного Уложения 9 марта 1607 г. на практике.

Лжедмитрий II, вступивший в Россию летом 1607 г., когда осада Тулы была в разгаре, но «тульские сидельцы» не теряли надежды на победу, казалось, должен был как-то считаться с отношением к крестьянскому вопросу тех, к кому он шел на помощь. Между тем этот авантюрист, тесно связанный с польскими панами и шляхтой, убежденными крепостниками, с самого начала встал на крепостнические позиции. До нас дошла отдельная грамота (от 28 августа 1607 г.) на поместье с крестьянами (которые перечисляются в ней поименно), переданное по распоряжению Лжедмитрия II в Рославльском уезде городовым приказчиком Астафеем Селивановым вдове помещика Константина Маслова: «Лета 7115 году августа в 28 ден. По государеве цареве и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руси грамоте и по приказу аколничава и воеводы князя Дмитрея Васильевича Масальского, какова к нему государева грамота прислона в Рословль за подписью государева дияка Другова Тимофеевича Рындина, Рославской городовой приказщик Астафей Селиванав, взяв с собою старост и целовальников, старосту посадцкова Тимоху Абливкина, приехав в Рославский уезд, отказал Костянтиновской жане Маслова Офимье...

[7] В. И. Корецкий. Восстановление Юрьева дня в России Лжедмитрием I. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г.». Киев, 1962, стр. 118—130.

деревню Астанковичи на речки на Рыгащи, а в ней дворов крестьянских...»[8] На эту отдельную ссылалась вдова в своем челобитье на имя самозванца в 1608—1609 гг., когда писала: «Да твое ж царьской жалованья мужа моего выслуга деревня Останковичи». Из челобитья Лжедмитрию II игуменьи Путивльского Николаевского монастыря Марфы с сестрами о выдаче им жалованной грамоты на село Холопково в Новгород-Северском уезде мы узнаем о предыдущих челобитных монахинь, обращавшихся с просьбой о хлебном жалованье к самозванцу в Путивль и Стародуб, что позволяет отнести их челобитные к 1607 г. Самозванец удовлетворял их просьбы, но на местах хлеба монахиням не давали. «И как ты, государь, был на Орле,— пишет игуменья Марфа,— и мы, нищие, опять били челом тобе, государю, об том же манастырском строенье и о хлебе; и ты, государь, нас, нищих своих богомолиц, для своего царьского величества и многолетнего здравья, пожаловал в дом Николы чюдотворца Можайского в Ноутородцком уезде селца Холопково со всякими угодьи, в вотчину... и на то, государь, селцо Холопково дали мне нищей с сестрами грамоту твою царскую, а не вотчиную, за закрытого печатью, с Дворца, в Путимль к воеводе Ивану Игнатьевичю к Вилитову да городовому приказщику к Жедене к Милюкову и выборным людям Сергею Онтыкову с товарыщи»[9]. Конрад Буссов сообщает в своих записках, что при движении Лжедмитрия II весной 1608 г. от Орла к Болхову на его сторону перешло много князей, бояр и немцев, которым он «тотчас же дал *земли и крестьян* (курсив мой.— *В. К.*) больше, чем они до этого имели»[10].

Как видно из отдельной грамоты от 28 августа 1607 г., раздачу земель и крестьян Лжедмитрий II практиковал уже летом 1607 г. У него был специальный дьяк Д. Т. Рындин, ведавший этим делом, а немногим позднее в документах упоминается Дворец, откуда выдавались от его имени жалованные грамоты.

Грамота Власу Устинову тем и ценна, что позволяет конкретно представить, на каких условиях производились эти пожалования, какие права получали землевладельцы в отношении крестьян, населявших их владения. Здесь сказано: «И по сей нашей жалаванай грамате крестьянам и захребетникам иноземца литвина Власа во всем слушети, пашню на него пахати, и доходы всякия платити. Да крестьянам из-за Власа за бояр наших, и за воевод, и за князей, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за митрополитов, и за владык не выходити никому, [и] из-за Власа крестьян не вывозити. А которые крестьяне из-за Власа учнут выходити или хто-нибудь учнет вывазити, и боярам нашим, и воеводам, и всяким нашим приказным людем тех крестьян сыскивати, а сыскав, велеть жити за Власом по-прежнему».

Этот формуляр свидетельствует о том, что уже в начале своего похода на Москву Лжедмитрий II выступал противником крестьянского выхода и сторонником государственного сыска беглых. На этих же крепостнических позициях оставался второй самозванец, как это следует из его грамоты Иль-мурзе Юсупову, и в 1610 г., накануне распада тушинского лагеря[11]. В дальнейшем с точно таким же формуляром мы встречаемся

[8] «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. II. М., 1916, стр. 74—75.

[9] Дополнения к Актам историческим, т. I. СПб., 1846, № 156, стр. 269—270.

[10] Конрад Буссов. Московская хроника, 1584—1613. М.— Л., 1961, стр. 149.

[11] Сохранилась в списке жалованная грамота Лжедмитрия II инокине Александре, жене Ивана Ивановича, от 9 декабря 1608 г. на вотчину в Суздальском уезде. но в ней употреблен обычный формуляр послушных и ввозных грамот: «а крестьяном того села Лопатничи и села Быкова и деревень царицы старицы Александры во всем слушать и пашня на нее пахати, и доходы ей денежные и хлебные и медвеные и всякие доходы платить, чем вас царица старица Александра изоброчит». Акты исторические, т. II. СПб., 1841, № 111.

в двух грамотах Сигизмунда III французскому наемнику капитану Маржерету [12]. Трудно сказать, где был выработан этот формуляр — в Поместном приказе при Василии Шуйском, после издания Соборного Уложения от 9 марта 1607 г., или в среде приказных Лжедмитрия II. С вводом в научный оборот грамоты Власу Устинову становится ясно, что формуляр существовал задолго до известного договора московских бояр с Сигизмундом III от 17 августа 1610 г. и отражал чаяния и устремления служилых людей, заинтересованных в безусловном запрещении крестьянского выхода [13].

Нам хотелось бы указать на некоторую близость второй части этого формуляра о сыске и возвращении беглецов с формуляром жалованных грамот Бориса Годунова конца 90-х годов XVI — начала XVII в.

Так, в жалованной грамоте властям Московского Успенского собора от 24 декабря 1598 г. содержится следующее предписание: «Кто из них крестьяне от обиды и продажи разбежатца за меня царя и великого князя, или за князей, или за бояр, или в охотники ямские запишутца и им своих крестьян вывести к себе» [14]. Аналогичное требование находим и в жалованной грамоте Московскому Архангельскому собору, данной 20 июня 1601 г.: «А которые их сел и деревень крестьяне придут жить бегая в наши дворцовые села, или за бояр, или за монастыри, или в охотники ямские, или в слободы, и протопопу з братьею тех крестьян вывозити к себе» [15].

Рассматриваемый нами формуляр жалованных грамот Лжедмитрия II является продолжением и развитием в новых условиях формуляра грамот Бориса Годунова. В нем конкретизируются лица, к которым могли перебежать крестьяне. Большая роль в борьбе с побегами отводится представителям государственной администрации, совсем в духе Соборного Уложения 9 марта 1607 г. Появляется запрещение о крестьянском выходе. В жалованных грамотах Бориса Годунова об этом не было никакой необходимости говорить, потому что издавались они в условиях повсеместного запрещения выхода указом 1592—1593 г., когда о его восстановлении правительство и не помышляло. Однако после указов 1601—1602 гг., память о которых долго хранилась в народе, и Василий Шуйский, и Лжедмитрий II, и Сигизмунд III, и деятели первого земского ополчения вынуждены были в своих приговорах, договорах, законах и актах специально оговаривать безусловность и повсеместность запрещения выхода.

Запрещая крестьянский выход и учитывая тем самым в какой-то мере печальный опыт первого самозванца, Лжедмитрий II в то же время стремился отмежеваться и от восстания И. И. Болотникова. В грамоте Романа Ружинского, одного из главных заправил в стане самозванца, написанной под Орлом 14 апреля 1608 г., проводится резкая граница между восстанием И. И. Болотникова и движением Лжедмитрия II. Грамота свидетельствует об отрицательном отношении польских феодалов к восстанию Болотникова и об отсутствии их в его войсках. Призывая царских воевод князей В. В. Голицына и И. С. Куракина примкнуть к Лжедмитрию II и подчеркивая свое благородное, «рыцарское» происхождение, роднящее его с русскими князьями, к которым он обращался с посланием, Роман Ружинский риторически вопрошал. «Да и о том вам великим бояром и воеводам разсудить себе: *которые воры были преж сего назывались в Путивле и на Туле царевичами, бывал ли к ним кто наш полской или*

[12] Акты, относящие к истории Западной России, т. IV. СПб., 1851, № 183—184, стр. 409—410.

[13] Сборник русского исторического общества, т. 142. М., 1913, стр. 107.

[14] Г. Н. Шмелев. Из истории Московского Успенского собора. М., 1908. Приложения, стр. 159.

[15] ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Московский уезд, стб. 32968, ч. I, л. 325.

литовской хоти один человек служить (курсив мой.— *В. К.*). А ныне, проведав подлинно про государя вашего прироженного Московского великого государя царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси, не токма что мы, а вся Полская и Литовская земля идет служить государю вашему царю и великому князю Дмитрею Ивановичу всеа Русии»[16]. В другой грамоте из Орла к жителям Смоленска от 14[24] апреля Лжедмитрий II, пространно обосновывая свои притязания на царский престол, делая нападки на других самозванцев и туманно обещая пожаловать всех, кто будет переходить на его сторону, тем, что у них «и на разуме нет», обходил, однако, социальные вопросы молчанием[17].

Но как же быть тогда с широко известным в исторической литературе известием В. Н. Татищева о том, что Лжедмитрий II обещал примкнувшим к нему крестьянам и холопам свободу, из-за чего в городах увеличилось число казаков: «Стоя в Орле, посылал (Лжедмитрий II.— *В. К.*) от себя по всем городам грамоты с великими обещании милостей, междо прочим всем крестьянем и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем почитай весь простой народ к себе привлек, и через то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножнилось и в каждом городе поделали своих атаманов»[18].

Обращение к черновику «Истории царя В. И. Шуйского» показало, что в этом месте В. Н. Татищев ссылается на Петрея, который, как установлено, восходит к Конраду Буссову[19]. У Буссова читаем: «Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать»[20]. Последние слова об умножении числа казаков по городам приведены В. Н. Татищевым без ссылки, так что источник их пока неизвестен. Не исключено, что они принадлежат самому историку и явились результатом осмысления им известия Петрея (К. Буссова), так же как, по-видимому, принадлежит В. Н. Татищеву и указание на отнятие вольности у крестьян и холопов царем Борисом, отсутствующее у Петрея.

Итак, исходя из известия Конрада Буссова, можно лишь заключить, что на волю Лжедмитрием II отпускались холопы тех господ, которые продолжали служить В. Шуйскому и считались «изменниками». Но с подобными случаями приходится сталкиваться и в царствование Бориса Годунова, хотя, если верить А. Палицыну, тот не всегда давал им отпускные. Лжедмитрий I, распуская дворы изменников, как это следует из боярского приговора от 25 февраля 1608 г., обычно выдавал отпущенным на волю холопам отпускные из Приказа Холопьего суда: «Да государю и царю и великому князю Василию Ивановичю всеа Русии били челом дворяне и дети боярские, которые были от Ростриги в опале, а люди их отпущены на волю и отпускные им ис Приказу Холопья Суда даны: и дворяне и дети боярские на тех отпущеных своих людех ищут холопства по старым крепостям. И бояре по сей статье приговорили тем отпускным, которые даваны при Ростриге, верить, а у которых отпускных нет, тех имати и по крепостям их отдавати старым их боярем»[21]. Царь В. Шуйский не только утверждал законность этих действий Лжедмитрия I, но

[16] Русская историческая библиотека, т. 2. СПб., 1875, № 93, стб. 119.
[17] Сборник князя Оболенского. М., 1838, № 9, стр. 4—5.
[18] ЦГАДА, Портфели Миллера, Портф. № 150, ч. 14, д. № 7, л. 14 об.
[19] И. И. Смирнов. Конрад Буссов и его хроника. В кн.: Конрад Буссов. Московская хроника 1584—1613, стр. 7, прим. № 1.
[20] Конрад Буссов. Указ. соч., стр. 149.
[21] ПРП, вып. 4. М., 1956, стр. 378.

Dmitr Iwánowicz z łáski Bożey Car wszytkiey Rusi Wielki
Xiąże Moskiewskie, Dmitrowskie, Vglecki, Grodecki, etc. etc.
y inych wielu Państw y Ord Tatárskich Monarchiey Moskiewskiey
podległych Pan y Dziedzic.

Jaśnie Wielmożnemu Panu Panu Woiewodzie Sendomirskie-
mu, Oycu naszemu. Dobrego zdrowia od Pána Bogá życzymy.

Sądy Boga Naywyższego są skryte, y ludzkim rozumem niezgarnione. Przed
wieky nam co miało stać się, iuż naznaczono od Maiestatu iego Świętego. Co
y teraz nád námi Sąd swoi straszliwy wykonać raczył; y iako karanie wielkie [illegible]
chy albo Przodkow naszych, albo występy nasze, Tułamem się z Państwa dzie-
dzicznego naszego po cudzych ziemiach w wielkiey dosyć nędzy y utrapieniu. Ták
zas niezgarnione wielkie miłosierdzie nád námi pokazać raczył, nie patrząc na
grzechy nasze, że nás z rąk zdradzieckich Poddanych nászych, y z niewypowiedzia-
nych, á niespodziewanych niebezpieczeństw, on sam naiwyższy stróżem naszym bywszy
wyrwać raczył. Y ten ktory zasmucił wygnaniem z Państw naszych, tak wiel-
ce pocieszyć raczył, niewysłowionym miłosierdziem swoim, wyprowadzeniem znowu
na Państwa nasze dziedziczne, z ostátnim zdraycow naszych, á nam co raz przy-
czynieniem potęgi więtszey, ludzi Rycerskich rozmaitego Narodu. Że dał Bog, o
przezacność nászę y wszystkich przyiacioł nászych (co iest u nas w naywiększym u-
trapieniu) wyjęcie wyswobodzie, y smutki wszelkie y nędze w pociechy radosne o-
brocić będzie raczył, Jemu niech będzie cześć y Chwała za wszytko. Oznaymu-
iemy też to Twey Przez: Waszey, że Krol J. M. [illegible] przyiaciel nasz y Rzecz Pos: wszyt-
ka, iako [illegible] nam iest, y chce być we wszytkim, ku dopomożeniu nam w dostaniu
Państw nászych dziedzicznych. Żądamy przytym, aby nam Pan Bog raczył rych-
ło naprędzey dobrze zdrowia Twey Przezacności Waszey, y przyiacioł nászych wszytkich ogla-
dać dać. Dan w Państwie nászych, w Orle, d. 27 Januarij Ano Dni 1608

[illegible] Przezacnosci Waszey życzliwy

Dmitr Car

1. Письмо Лжедмитрия II Юрию Мнишку от 27 января 1608 г. (ЦГАДА, ф. 149, д. 56)

2. Жалованная грамота Лжедмитрия II Власу Устинову от 7 марта 1608 г. (ЦГАДА, ф. Приказа Тайных дел (разряд XXVII), № 27

и сам отпускал на волю холопов «изменников», сражавшихся на стороне И. И. Болотникова. Так, 6 января 1608 г. била челом в службу «женка Марья Васильева дочь, Тимофеева жена», которая при записи в кабальные книги сказала, что она «жилица бывала князя Григорья Шаховского». Ее кабала была записана в Новгородские книги, чем признано ее законное право на перемену владельца [22].

Новостью в действиях Лжедмитрия II по сравнению с предшественниками было то, что он не просто отпускал холопов «изменников» на волю и давал им отпускные, но и передавал им поместья бывших господ. Однако приведенные выше факты о раздаче самозванцем поместий и вотчин дворянам при условии запрещения крестьянского выхода заставляют видеть в этих действиях не что иное, как социальную демагогию.

В связи со всем сказанным возникает вопрос: не являлось ли разочарование И. И. Болотникова в «царе Дмитрии», о котором сообщает в своих записках Конрад Буссов [23], разочарованием в действиях конкретного Лжедмитрия II, начавшего сразу же после перехода русской границы проводить закрепостительную политику и не спешившего на выручку осажденной Тулы, что, безусловно, самым отрицательным образом должно было сказаться на стойкости защитников этого города?

ТЕКСТ

7 марта 1608 г.— *Жалованная грамота Лжедмитрия II Власу Устинову на вотчину в Рославльском уезде.*

Се аз, царь и великий князь Дмитрий Иванович всеа Русии, Московския облости великого великого величества самодержец и вседержитель Российского государства, царь и великий князь богом хранимый, и богом избранный, и богом подчтянный, и богом дарованный, и богом помазанный и надо всеми ордами превознесен вторым Израилевым уподобись покровением десницаю вышняго, единый пδсолношный крестьянский царь, и многих государств государь и обладатель.

Мы, великий государь, царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Русии, пожаловали есмя иноземца литовского города Гомья Власа Устинова за ево к нам службу и роденья в Рословском уезде в вотчину селищем Коптевым да деревенкою Бохаровскою и со крестьяны, и з захребетники, и з бортными ухожьи, и с лесами, и с реками, и с озеры, и з рыбными ловлями, и з бобровыми гоны, и з [з]веринами, [и] с тони, и со вспуды, и с перевеси, и со всякими угодьи.

И по сей нашей жалованай грамате крестьянам и захребетникам иноземца литвина Власа во всем слушети, пашню на него пахати, и доходы всякия платити. Да крестьянам из-за Власа за бояр наших, и за воевод, и за князей, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за митрополитов, и за владык не выходити никому, [и] из-за Власа крестьян не вывозити. А которые крестьяне из-за Власа учнут выходити или хтонибудь учнет вывазити, и боярам нашим, и воеводом, и всяким нашим приказным людем тех крестьян сыскивати, а сыскав велеть жити за Власом по-прежнему.

Писон[а] ся наша жалованная грамота нашего царьского величества на нашем стону на Орле лета 7116-го году марта в 7 день.

Dmitr Car.

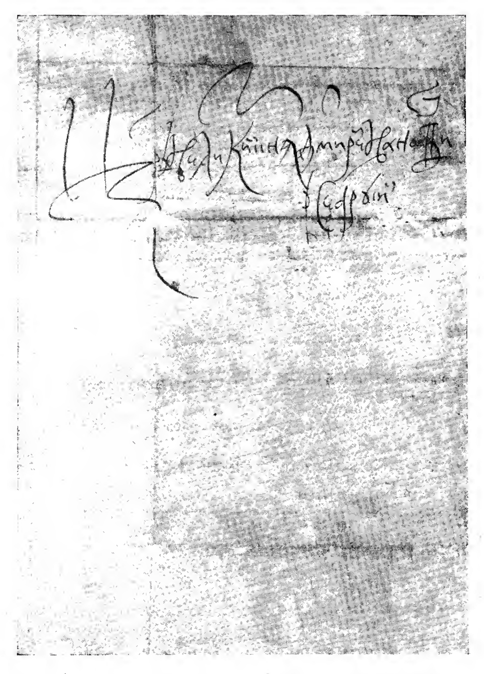
Печать красного воска с двуглавым орлом на белом шнуре.

На об.: Царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Русии.

ЦГАДА, ф. Приказа Тайных дел (разряд XXVII), № 27.

[22] ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба. записная кабальная книга № 19. лл. 134—134 об.

[23] Конрад Буссов. Указ. соч., стр. 146.



3. Оборотный лист жалованной грамоты Лжедмитрия II Власу Юстинову

Л. А. Гольденберг

ДВЕ КАРТЫ-«ЧЕРТЕЖА» НАЧАЛА XVIII века

При изучении картографических материалов как исторического источника было выявлено в архивах множество подлинных рукописных карт и планов XVIII в. Особый интерес среди них вызывают две карты-«чертежа» 1705—1706 гг., относящиеся к начальному периоду становления русской картографии как научной дисциплины. Составленные русскими военными инженерами, обе карты, помимо графического изображения, имеют пространные описания — «легенды», свидетельствующие об ограниченных возможностях передачи содержания средствами одной только графики.

Итоги первого этапа Северной войны подводит уникальная рукописная общегеографическая русская карта-«чертеж» начала XVIII в.[1] Эта среднемасштабная обзорная карта, выполненная в духе древнерусских «чертежей» XVII в., изображает часть «Русской земли», Курляндию, Польскую Ливонию, Шведскую Ливонию, Полоцкое воеводство, «Жмудь», «Самогицию», Упицкий, Браславский и Великомирский поветы. На карте размером 40,3 × 62,5 *см* (вместе с описанием 67,8 × 133 *см*) показаны части современных Новгородской, Псковской и Калининградской областей, Эстонской, Латвийской, Литовской и Белорусской ССР. Территория, ограниченная рамками карты, имеет протяженность с запада на восток примерно около 600 *км* и с севера на юг около 200 *км*, охватывая на севере часть Рижского залива (Sinus Rigen), озера Ильмень и Псковское, на западе доходит до Балтийского моря и Курского залива (на карте: «Однаво моря Курлянсково») с Курской косой (Куриште-нерунг); южной границей карты служит р. Неман, восточной — р. Двина и ее приток р. Усвяча.

Гидрография на карте представлена довольно схематично, без достаточной точности в изображении озер и рек, правильности очертаний, извилин и направления течения рек. Показаны главнейшие реки: Неман, Двина, Великая и их притоки — Невяжа, Свента, Вилия, Друйка, Усвяча, а также озера: Ильмень, Псковское, Дривяты, Лубань (Лубана)[2]. Между населенными пунктами Дуниловичи и Глубокое обозначено большое безымянное озеро, которое на современных картах не показывается.

Перспективным и полуперспективным рисунком домиков и церквей изображены населенные пункты. Величина этого условного знака соответствует значимости и величине того или иного пункта. Более крупными значками отмечены Псков, Рига, Вильно (Вильнюс), Витебск, меньши-

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. Военно-Ученого архива (далее — ВУА), д. № 1474.

[2] Здесь и ниже в круглых скобках приведена современная транскрипция географических наименований.

ми — Нова Русь, Опочка, Режица (Резекне), Друя, Дисна, Полоцк, Красники, Бряслов (Браслав), Биржа (Биржай), Бовск (Бауска), Митава (Елгава), Диноборк (Двинск, Даугавпилс), Жагоры (Жагоре), Янишки (Ионишкас), Шавлей (Шауляй), Купишки (Купишкис), Ковно (Каунас), Виде (Видзы), Кеданы (Кедайняй), Шадов (Шедува), Ново Место. Недостаточно точно нанесено на карте взаиморасположение городов, крепостей, местечек и их направление относительно друг друга, в связи с чем в некоторых случаях расстояния между ними значительно расходятся с истинными. Если, например, измеренные на карте расстояния Бовск — Митава, Бовск — Биржа, Шавли — Янишки, Кеданы — Жагоры, Ковно — Кеданы, Вильно — Шадов совпадают с действительными или близки к ним, то расстояния Полоцк — Вильно, Вильно — Янишки, Бовск — Вильно отличаются от истинных в большую сторону на 30—50 *км*.

Карта выполнена черной тушью, не иллюминована, не имеет градусной сетки. Масштаб не обозначен и определен нами приблизительно как 1 : 1 082 000. Особое внимание уделено изображению политических границ начала XVIII в. На юге «Русская земля» отделена от Полоцкого воеводства, на западе — от Шведской и Польской Ливонии. Граница Курляндии, начинаясь от Диноборка, проходит вблизи Бовска, Янишек и Жагор.

Характер графики и письма, водяной знак бумаги, а также содержание карты не вызывают никаких сомнений в подлинности этого уникального картографического произведения и не противоречат дате — «1705 г.». В нижнем правом углу есть две пометы. Одна из них сообщает дату составления (или копирования) «чертежа»: «Списан генваря 24. 1705»; другая (почерк начала XIX в.) формулирует заголовок документа: «Абрис Курляндии, Ливонии и воеводства Полоцкого» (карта 1).

По своему содержанию «чертеж» 1705 г. является схематичной общегеографической картой с минимальным числом показателей (гидрография, населенные пункты, границы). Специальные военные показатели не обозначены. Эти сведения даны в приклеенном к нижней части карты «Описании мест, как стоит войско его царского величества и на которых местех неприятель 6-го генваря лета 1705». Приводим текст «Описания»:

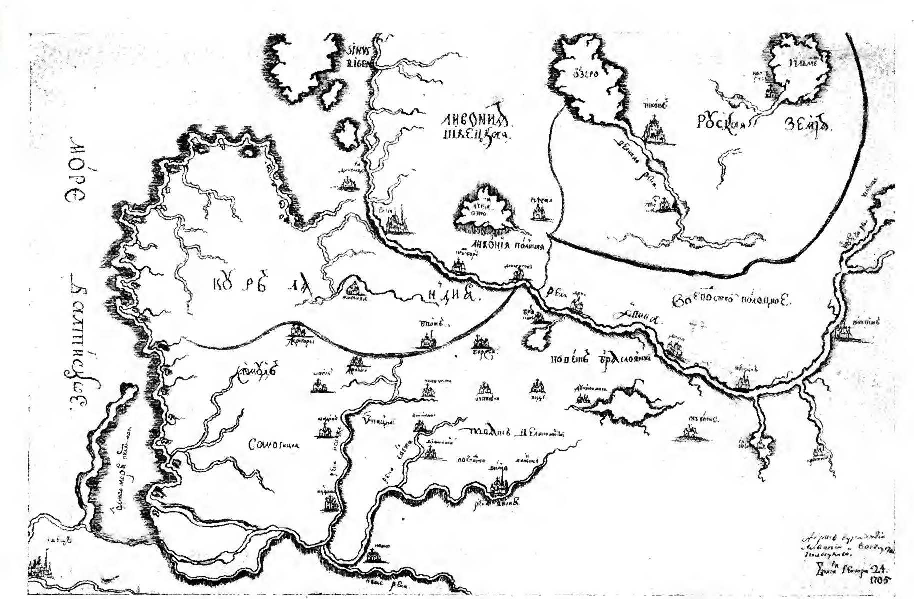
«Неприятель стоит в Енишках и Жагорах ключах экономи Шавельских о мили три от себе лежащих над самою границею Курлянскою. Потом и в Митаве в княжстве Курлянском тоже неприятель мешкает. С Янышек до Митавы миль 5, с Митавы до Жагор миль 4, с Янышек до Бовска миль 8. А тот Бовск лежит в княжстве Курлянском, где также неприятель мешкает. З Бовска до Митавы миль 5, з Бовска до Бирж миль 5. Биржа в Литве в повете Упицком лежит.

Войска его царского величества стоит в Шадове. Шадов лежит в повете Упицком и в княжстве Жмутском. З Шадова до Енишак миль 10, з Шадова до Шавль миль 5, з Шавль до Енишак миль 6, миля с дороги, где часто также неприятель грасуя. Войско ж царского величества стоит в Кеданах. С Кедан до Шадова миль 8, с Кедан до Янышак миль 18, до Жагор также 18. Войско ж царского величества стоит в Ковне. С Ковны до Кедан миль 6, с Ковны до Янышак миль 24. Войско ж царского величества стоит в Вильне. С Ковна до Вильны миль 14. С Вильни до Кедан миль 17, с Вильни до Енышек миль 28, с Вильни до Бирж миль 25, до Бовска с Вильны миль 30, до Митавы от Вильни миль 33. Еще стоит войско царского величества в Полоцку. До Полоцку с Вильни миль 45, с Вильни до Шадова миль 20.

Трак[т] его милости господина генерала-фельтмаршалка Бориса Петровича Шереметева под Биржи.

Полки, которые стоят в Полотчизне и в княжстве Ливонском мусют трак[т] брати на Диноборк[3] Ливониею.

[3] В документе: «Дивноборк».



SINUS RIGEN
ЛИВОНИЯ ШВЕЦКАЯ
РУСКАЯ ЗЕМЛЯ
ОЗЕРО
КУРЛЯНДИЯ
ЛИВОНІЯ ПОЛЬСКАЯ
ВОЕВОДСТВО ПОЛОЦКОЕ
ПОВЕТЪ БРАСЛОВСКІЙ
САМОГИЦИЯ
МОРЕ БАЛТІЙСКОЕ
Двина

Полки, которые стоят в Витепском воеводстве и в повете Аршанском, птти на Дуноловичи, на Глубокое, на Купишки трактом Велкомер — Эцентра.

Купишки от Бирж миль 5, от Бовска миль 10. Диноборк от Бовска миль 14».

Расстояния между населенными пунктами приведены в «Описании» в географических (немецких) милях[4]. Указанные расстояния довольно точны; однако чем значительнее расстояние, тем больше отклонение от действительного. По-видимому, в «Описании» указывается не длина кратчайшего прямого отрезка между двумя пунктами, измеренного на карте, а размеры фактических коммуникационных линий, которые нередко проходили в обход естественных преград (болот, лесов и т. д.).

Диспозиция воюющих сторон «Описания», сопоставленного с показаниями других источников, вполне достоверно отмечает расквартирование русской и шведской армий зимой 1704/05 г.

Вскоре после взятия русской армией Дерпта (Юрьева) и Нарвы началось сосредоточение войск в районе Полоцка. Уже в конце августа 1704 г. русское командование сообщило Арнштедту: «польский король может обнадежен быть, что, конечно, сея зимы все войска, а паче пехота (которая несколько времени задержана ради починки Нарвы, также и отдохновения их) в Литву вступят, а коннице всей уже указ дан кончае в сем месяце стать на станцы близ Полотцка»[5]. 8 сентября 1704 г. генерал-майор К. Э. Ренне был послан к Бирже, но не успел предупредить ее сдачу шведам[6]. Несколько позднее А. И. Репнин получил приказание, «чтоб... неприятелю докучать, и для того лутче Рену быть в Виленском воеводстве или где лутче там, чтоб мог ближе партеи в Курляндии и Польше употреблять»[7].

Как известно, основные силы шведов к зиме 1704/05 г. расположились в непосредственной близости к Силезии. В районе Рига — Митава — Бовск стояла армия Левенгаупта. А. И. Репнин, основываясь на агентурных сведениях, доносил 31 октября Петру I, что шведы, узнав о сосредоточении в районе Полоцка русской армии, «собрались з генералом Леингоф изо всех гварнизунов и квартер и из Риги конница и пехота, также с Шлипинбахом из Лифлянт пришло и те, которые выпущены з Дерпта и с морского флоту, что был под Нарвою, всего со всеми чают 12000 и стоят в Бовску»[8].

16 ноября 1704 г. Петр приказывает Б. П. Шереметеву, «когда реки станут, тогда, собрався с конницею (пристойным числом), пойтить прямо на генерала Левенгоупта в Курляндию»[9].

«Тракты», указанные в «Описании»,— это возможные пути следования полков Б. П. Шереметева, посланного в январе 1705 г. на соединение с Репниным для выполнения боевых задач в Курляндии.

Территория, изображенная на карте и описанная в экспликации, служила ареной и последующих боевых операций 1705—1706 гг. Так, вскоре после рассмотренных событий, 18 февраля 1705 г., в инструкции А. Д. Меншикову предписывалось «проведать не возможно ль Митоу и Боушку, или

---

[4] Географическая, или немецкая, миля равна 7420 *м*.

[5] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 3. СПб., 1893, стр. 145. Более четко эта мысль выражена в указе Петра А. И. Репнину 20 августа 1704 г.: «Итить ему... в Полотцк и с пехотою стать в оном... Фундамент иметь, чтоб Литву от оных (неприятелей.— *Л. Г.*) освободить по возможности и на пришлой год... изготовить запас» (там же, стр. 135—136).

[6] Там же, стр. 152, 683, 702, 705.

[7] Там же, стр. 191.

[8] Там же, стр. 671.

[9] Там же, стр. 192. В конце ноября Шереметев имел сведенпя о продвижении Левенгаупта «к Нитаве и к Бовску для опасения тово краю» (там же, стр. 710).

хотя б одну из тех, нынешним зимним путем получить»[10]. В ходе военной кампании 1705—1706 гг. обе крепости были взяты, а выходя из Курляндии в марте 1706 г., русские войска их подорвали[11]. В августе 1706 г. Н. К. Верден доносит Петру из Полоцка, что «швецки генерал Лейнгопт стоит с войском в Упицком повете, в Новом месте, на границе Жмуидцкой, от Кейдан миль с восемь», а «генерал-маеор Штакельберк стоит с войскам в Шавлях и Янышках, а Левенгопт генерал в Риге губернатором»[12].

* * *

В 1915 г. А. Инаром был опубликован каталог карт и планов, увезенных И. Н. Делилем из России во Францию. Среди многих картографических материалов первой четверти XVIII в. находилась копия одной из карт Северной войны, легенда (пояснительный текст) которой была полностью приведена в каталоге[13]. Очевидно, что как сам каталог, так и карта засечной линии 1706 г. остались незамеченными советским историком военно-инженерного искусства А. Е. Александровым, который сожалел об «отсутствии» планов засек, составленных ранее 1764 г.[14]

Оригинал карты 1706 г. был обнаружен при описании в 1946 г. рукописного картографического собрания Географического департамента Академии наук[15], но до сего времени не опубликован. Между тем «чертеж» не только дополняет сведения о засечной линии 1706 г., известные по опубликованным ранее материалам[16], но и является ценным историческим источником, имеющим самостоятельное значение при изучении системы оборонительных мероприятий в петровскую эпоху, и в частности на первом этапе Северной войны.

С окончанием Ингерманландского периода Северной войны усиливаются работы по укреплению западной русской государственной границы. 17 августа 1705 г. Петр I приказывает К. А. Нарышкину, «взяф инженера, ехать от Пскова до Смоленска и осмотреть от Великой реки до Днепьра, какие места, реки, болота топкие, озера и сколько меж оными сухова места, где и возможно линию зделать, також и воды глубину описать и броды, и всему тому учиня, чертеж прислать»[17].

6 сентября К. А. Нарышкин выехал из Дерпта и в течение более двух месяцев осматривал места, «где мощно», отправив 10 ноября царю составленный инженером чертеж. Вскоре Петр I вызывает К. А. Нарышкина в Смоленск[18] и дает ему детальные указания по устройству укрепленной линии. Специальным указом от 24 февраля 1705 г. дерптскому обер-коменданту К. А. Нарышкину предписывалось: «1. От Смоленска до Пскова

[10] Письма и бумаги..., т. 3, стр. 265.

[11] Там же, т. 4, вып. 2, стр. 809. План Бовска в XVIII в. см.: Библиотека Академии наук, Картографический отдел, Vp. $\frac{6}{1}$.

[12] Письма и бумаги..., т. 4, вып. 2, стр. 951, 953.

[13] A. Isnard. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. «Comité des travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section de géographie», t. XXX. Paris, 1915, p. 99.

[14] А. Е. Александров. Краткий исторический очерк развития инженерных войск русской армии. М., 1939, стр. 5.

[15] Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. «Труды Архива АН СССР», вып. 6. М.— Л., 1946, стр. 370—371.

[16] Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II. СПб., 1861, стр. 243—248; Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 4, ч. I. СПб., 1863, стр. 460—462; Письма и бумаги..., т. 3, стр. 420, 921, 922, 961, 1019, 1020; т. 4, вып. 1, стр. 29, 107, 108, 149, 154, 155, 205, 255, 256, 296, 299; т. 4, вып. 2, стр. 662, 709, 733, 800, 801.

[17] Письма и бумаги..., т. 3, стр. 420.

[18] Там же, стр. 921—922, 961; т. 4, вып. 1, стр. 29.

везде, где леса есть, зарубить рядом на 300 шагоф широтою, хотя и вбок куды лес падался, толко тово смотреть, ежели в котором месте валом лехче (ради близости), нежели лесом, тут не рубить, а делать вал по первой ростали. 2. Сию линею весть, не смотря, чья земля наша ль или литофская, только смотреть, где скоряя, удобнее и лехче мочьно зделать. 3. Где воды зело глубокия или болоты непроходимыя тут для поспешения не делать засеки...» [19]

Для строительства засечной линии привлекалось большое количество населения. Смоленский воевода П. С. Салтыков в донесении 5 марта 1706 г. Ф. А. Головину сообщал, что «Смоленский уезд и Белая отосланы... к засечной работе все погаловно». Об этом же писал Ф. А. Головину, жалуясь, Г. И. Головкин: «...весь Смоленский уезд отдан поголовно Кирилу Алексеевичю и Корчмину для строенья линеи на рубежу до Пскова и до Брянска. И началных людей и шляхту отставных всех побрали к себе до моево приезду, и кем мне править, не знаю» [20]. Для несения сторожевой службы на границе сосредоточивались войска [21]. В глубоком тылу ускоренно формировались пехотные и кавалерийские отряды, созданию которых Петр I придавал большое значение. Так, в письме к Т. Н. Стрешневу он пишет о необходимости «с Москвы даточных, також и самих не худо, и из городов и отовсель как возможно конницу (какова ни есть) збирать и готовить, для того чтоб по границе по засеке, которую ныне делают от Пскова чрез Смоленск до Брянска, могли... боронитца, и сие зело, зело нужно» [22].

К строительству укреплений вдоль западной границы и к устройству засеки был привлечен также ближайший сподвижник Петра — энергичный русский военный инженер В. Д. Корчмин, который руководствовался в работе непосредственными указаниями царя, изложенными в указе от 10 марта 1706 г.: «1. От Смоленска до Брянска и от Брянска (до тех мест, где великия поля и степи придут) делать засеку в лесах на 150 шритоф широтою, а где перервутца леса, делать во время ростали линею, только тово смотреть, чтоб линеи не долги были и для того таких искать мест. 2. Все дороги малыя засечь на 300 сажен широтою, а оставить болшия, без которых быть невозможно, и тут зделать равелины, по образцу, с полисадами и с шлахбомами и крепкими шпанслюстерами (рогатками.— *Л. Г.*). 3. Всем воеводам, бурмистром и прикащиком быть ему в сей работе послушным. 4. Позать линеи делать дорогу в 90 шритоф широтою, а где болоты и реки, тут мосты, чтоб в четыре человека мочно было итить, чтоб нашему войску удобнее иною линею оборонять». Несколько позднее Петр высылает К. А. Нарышкину дополнительные распоряжения: «извольте також смотреть, чтоб не многия дороги оставить, а именно болшия, а малыя б на полверсты засечь, а у болших зделать равелины с полисадами, рогатками и крепкими шляхбомами» [23].

Устройство северной части лесной засеки было закончено к началу мая. Еще в середине апреля К. А. Нарышкин докладывал Петру о том, что «засечное дело, чаем, окончитца в нынешнем месяце, токмо между лесу много будет валом вести, а порознь в уездех, например в Смоленском верст на 5, в Луцком верст на 60, в Пусторжевском и в Опочецком и во Псковском, в которых местех лесов нет и река мелка, верст на 60 же; а как воды убавятца, и возможно будет вышеписанные места, где вести валом, вервью смерять, о сем к вашему величеству писать буду» [24]. Нако-

---

[19] Там же, т. 4, вып. 1, стр. 107.
[20] Там же, т. 4, вып. 2, стр. 733.
[21] Всем воеводам, прикащикам и бургмистрам было предписано «под жестоким указом, чтоб держали на линеи крепкие караулы».
[22] Письма и бумаги..., т. 4, вып. 1, стр. 149.
[23] Там же, стр. 154—155, 205.
[24] Там же, вып. 2, стр. 800.

нец, 1 мая 1706 г. К. А. Нарышкин доносит из Пскова, что «засека в Смоленском, в Торопецком, в Луцком, в Заволоцком, в Опочецком, в Вельском уездех совершили, а ныне чистят дорогу, чтоб подле засеки мочно ездить для осмотру, а дорога по сю сторону засеки, а в Островском и во Псковском уездах подле Великой реки против мелких мест засека не делана за умалением работников. Сего нижеписанного числа поедем и станем розмеривать линею, а той линее априс и профиль послал к вашему величеству в сем письме» [25].

Устройство укреплений, поиски и осмотры дорог в районах боевых действий были тесно связаны с картографическими работами. В письмах инженеров русской армии царю имеются неоднократные упоминания о составлении или необходимости составления карт и планов. Например, В. Д. Корчмин в письме от 9 сентября 1706 г., сообщая об осмотре им дорог и «реки Вехры, реки Упокоя и Спацкой», подчеркивает, что «о тех местах надлежит донести вашему величеству по мапе». В результате поисков дорог из Рославля и устройства укреплений в этом районе другой инженер, С. Г. Нарышкин, 20 сентября доносил царю о высылке карты, «в которой река Десна означена откуды взелась до самого Брянска, такожде и дороги от Смоленска и от Рославля идут к Москве, все означены в той карте (такожде другую карту реке Гобье со извесною мерою)». В строительстве оборонительной линии этого же района принимал участие и инженер Терсон, пославший Петру «карту топографичну розположения реки Габии, також и другую карту, в которой назначены суть все дороги, которые идут к Москве от Смоленска, даже до Почап» [26].

Среди рукописных карт Географического департамента Академии наук находится несколько карт, упоминаемых в письмах инженеров. Одна из них была составлена в 1706 г., а две, вероятно, в августе — сентябре 1708 г. [27] Создание этих в сущности военно-топографических карт свидетельствует о важном значении, которое придавалось путям сообщения в районе боевых действий, а также о естественных и искусственных оборонительных рубежах.

Специальной военной картой служила ландкарта «засечной черты» от г. Смоленска до г. Севска, строительство которой было начато в марте 1706 г. [28] Наиболее вероятно, что именно об этой карте 17 апреля 1706 г. из Почепа доносил Петру В. Д. Корчмин: «...по указу вашего величества от Смоленска, зачав от реки Днепра, засечную линию делаем, в которыми местами ведена, объявлено на чертежу, которой послан к вашему величеству...» [29] И хотя карта не имеет подписей ее авторов, можно предположить, что в ее составлении принимал активное участие В. Д. Корчмин.

Основным содержанием этой карты явилось описание и изображение «засечной линии»; по своему назначению она была обзорной мелкомасштабной картой обширной территории с центром в Брянске и с крайними пунктами: Москва, Кромы, Орел, Коломна, Витебск, Рогачев, Киев, Чернигов (карта 2).

Карта ориентирована, между линиями внутренней и внешней рамок обозначены: «вест», «ост», «зюйд», «норд». Две последние надписи сделаны ошибочно — вверху вместо «зюйд» необходимо поставить «норд», внизу — наоборот. В отдельной рамке в нижней части карты помещена легенда, справа от нее вертикальная шкала линейного масштаба, украшенная рисунком орла: «маштап на 250 верст мерою по 500 сажен трех

---

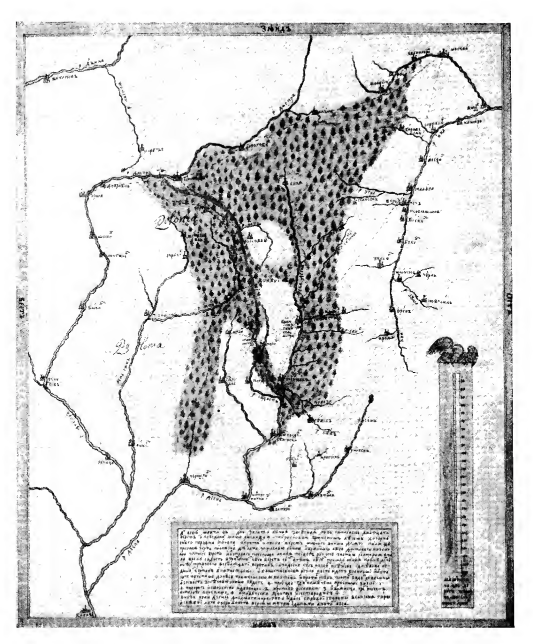
[25] Письма и бумаги..., т. 4, вып. 1, стр. 801.

[26] Там же, т. 8, вып. 2. М., 1951, стр. 609, 705, 706.

[27] Карты кратко описаны Б. В. Александровым (указ. соч., № 571, 674, 676). О первых двух упоминает составитель примечаний к письмам Петра I Е. П. Подъяпольская (Письма и бумаги..., т. 8, вып. 2, стр. 706).

[28] Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, № 658.

[29] Письма и бумаги..., т. 4, вып. 2, стр. 709.



2. Карта-«чертеж» засеченной линии Смоленск—Севск (I) ОРБАН, № 658»

аршин». Размер карты 50×42 *см,* масштаб: в 1 дюйме 35 верст (1 : 1 470 000). На оборотной стороне имеются пометы и штампы: «Limites entre la Pologne et la Russie», «levée au mois le Mars 1706», «XVII портфель № 14», «С. В. 5. L» [30].

Значительную часть карты занимает изображение лесов, которые показаны условными знаками отдельных деревьев. Территория, занимаемая лесом, закрашена зеленой краской. Четко вырисовывается ареал лесов, тянущийся от Звенигорода и Рузы через Можайск и Вязьму к Дорогобужу и Смоленску, от Новгород-Северского, с одной стороны, через Севск к Боровску, с другой — через Трубчевск к Почепу. Западнее старой русской границы дважды повторена надпись: «Polonia». На карте обозначены реки Десна, Двина, Днепр, Сож, Ока с их притоками. Нанесено более 50 населенных пунктов, несколько монастырей, имеющих оборонное значение, и важнейшие дороги: Севск — Трубчевск — Брянск — Рославль — Поречье (на р. Каспля); Смоленск — Дорогобуж — Вязьма — Можайск — Москва; Москва — Калуга — Брянск — Старое Почепище — Стародуб; Старое Почепище — Мглин.

Большой интерес для истории Северной войны представляет легенда карты с детальным описанием оборонительной линии: «А° 1706 марта в день зачата линия засечная ниже Смоленска двадцать верст и поведена мимо Рословля и от Рословля Брянским лесом до черкаскаго городка Почепа, а против Почепа верст немного больши десяти поля, где красная черта положена, делать земленую линию от Брянского леса до Старого Почепища четыре версты. А от Старого Почепища линия поидет речкою Кастою, каторая впала в реку Судость в Трубческом лесу верст семь, и тем лесом пришла линия к реке Десне ниже Трубческа в семнадцати верстах. А за Десну пошол к Севску и до Севска не дошол верстах в пятнадцати. А вышеписанная речка Каста идет болотами и от Стараго Почепища до лесу три мельничныя плотины и против тех плотин будут ревелины. А сквость засечную линию будут 4 проезда, где намечена красными знаки: 1. по дороге от Смоленска к Дубровне, 2. против Рословля, 3. от Брянска чрез Почеп у Старого Почепища, 4. от Трубческа к Погару и к Стародубу. Вниз реки Десны до самаго Чернигова и дале с правой стороны великия горы, а с левой — луга, озера, болота версты по три и до пяти, а потом — леса».

Карта 1706 г. и ее описание дают наглядное представление о характере и особенностях оборонительной линии на западной границе России. Умело используя характер местности, строители засечной черты помещали ее в глубине лесов, чтобы затруднить приближение к ней противника. На наиболее уязвимых участках линии — открытых местах — создавались земляные укрепления. Например, на открытом участке между Почепом и Старым Почепищем было предусмотрено построение «земленой линии» протяжением в четыре версты. Для прикрытия главных дорог сооружались укрепления — равелины. Естественные препятствия также включались в общую систему непрерывной линии, нередко представляя собой достаточно сильную преграду (болота, озера, реки). Таким образом, сочетание естественных и искусственных рубежей, показанных на карте, по замыслу Петра I, должно было сыграть важную роль в обороне государства. Посланному из Киева в Полоцк в июле 1706 г. генерал-майору Н. К. Вердену был дан указ «от Смоленска до Пскова линию оберегать». В случае, «ежели... неприятель сильно наступит, которому противитца

---

[30] У Инара (A. Isnard. Op. cit., p. 99) приведены несколько иные данные. В разделе «Catalogue des cartes de la collection Delisle conservée à la section géographique nationale» под № 86 (5) описана карта 1706 г. как «Frontière de Pologne et de Russie». 1 : 1 600 500 — 420 × 530.

будет невозможно, то, разоря Полоцкой замок (кроме церквей), уступить к своей границе в линею и об иной держать неприятеля»[31].

Одновременно с постройкой засечной черты В. Д. Корчмин обратил внимание и на необходимость ремонта старых крепостей, находившихся вблизи линии, в первую очередь Брянска, Рославля и Трубчевска. 17 мая 1706 г. Петр приказывает «Брянск покрепить, толко чтоб не гораздо работна была»[32].

Строительство южной части укрепленной линии продолжалось еще и в 1708 г. В районе Рославля, например, руководили работами военные инженеры Нарышкин, Терсон, Штаф, Измайлов[33]. Сохранившиеся две карты этого периода составлены, вероятно, в рекогносцировочных целях[34].

Сопоставляя пометы карт 1706—1708 гг. с архивными «Каталогами карт, расположенными под шифрами, показывающими их происхождение...»[35], удалось установить, что эти документы вначале хранились в Кабинете (индекс «С. В.»), откуда в 40-х годах XVIII в. поступили в Географический департамент.

Публикуемые военно-картографические материалы являются новым источником по истории того периода Северной войны, в ходе которого постепенно подготовлялась «генеральная баталия» под Полтавой.

---

[31] Письма и бумаги..., т. 4, вып. 1, стр. 296, 299.

[32] Там же, стр. 256.

[33] Там же, т. 8, вып. 2, стр. 610, 705—707, 729.

[34] Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, № 153, 220.

[35] Архив Академии наук, ф. 3, оп. 10, д. 172.

А. В. Муравьев

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО АППАРАТА В РОССИИ В 20-х годах XVIII века

Московское правительство на протяжении XVII и в начале XVIII в. уделяло большое внимание развитию в стране торговли и промышленности и деятельности посадского населения в этой области. В то же время, проводя политику создания торгово-промышленного, посадского сословия, считаясь с интересами нарождающейся буржуазии, правительство стремилось поставить это сословие на службу феодальному государству. В частности, оно делало неоднократные попытки привлечь торгово-промышленное население России к несению финансовой службы. Не говоря уже о том, что сборы с посадов были делом самого посадского населения, московское правительство привлекало его к сборам таможенных пошлин, к службе целовальников, бурмистров при продаже питья в кабаках, к оценке товаров и другим государственным службам, где посадские люди обязаны были соблюдать государственные фискальные интересы.

Образованная на рубеже XVII—XVIII вв. Московская ратуша была, помимо всего, своеобразным финансовым учреждением, ведавшим обширным кругом денежных вопросов и находившимся под непосредственным контролем правительственных органов.

Финансовый вопрос продолжал занимать большое место и в деятельности образованных в 20-е годы XVIII в. магистратов. Хотя Регламент Главного магистрата прямо не говорит о финансовых функциях магистратов, на практике все сборы с городского (как посадского, а также частично и непосадского) населения прямо или косвенно находились в поле зрения магистратских чинов.

Осуществляя государственную монополию на продажу напитков (кабацкие сборы), правительство изыскивало возможность упорядочения платежей и других многочисленных сборов, среди которых выделялись таможенные. Значительная часть этих сборов находилась в частных руках, в порядке откупного платежа, что создавало определенные трудности для контроля за ними.

Образование магистратов позволило поставить вопрос о передаче большинства сборов непосредственно посадским властям, которые могли бы от имени посадского населения нести ответственность за исправное поступление их в казну.

Следует заметить, что казенными и посадскими службами интересовались многие историки, изучавшие положение посадов в XVII—XVIII вв. Наиболее полно данная тема отражена в работе А. А. Кизеветтера[1], где

[1] А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 457 и др.

автор касается вопроса о возможности передачи сборов магистратам. Но А. А. Кизеветтера интересовало в первую очередь состояние таможенных, канцелярских и кабацких сборов на протяжении второй и третьей четвертей XVIII в. Внимание ученого сконцентрировалось в основном на двух вопросах, связанных с жизнью посадских людей: 1) участие их в платежах названных сборов как лиц, совершающих торговые сделки, как владельцев угодий, обложенных оброком, потребителей казенного вина; 2) поступление доходов от сборов непосредственно на нужды посадов и их роль в общинно-посадском хозяйстве.

Таким образом, А. А. Кизеветтера интересовала не организация государственной системы сбора косвенных налогов посредством магистратов как основного звена этой системы, а установление размеров окладов, соотношение между окладами и поступлениями, взыскание недоимок и расход приборных денег. Учитывая, что А. А. Кизеветтер и другие историки вели в основном работу в области изучения казенных посадских служб, в данной статье хотелось бы обратить внимание на попытку правительства создать в лице магистратов финансовую организацию, посредством которой был бы разрешен вопрос о сборе косвенных налогов.

Впервые такую попытку правительство предприняло в начале 1724 г., т. е. вскоре после организации магистратов. 13 января 1724 г. Сенат дал указание Камер-коллегии совместно с магистратами выяснить возможность передачи таможенных и других сборов (кроме кабацких) магистратам. В указе предлагалось «камор-коллегии снестись с магистратом всех городов и уездов, где есть таможенная и протчия такия зборы (кроме кабацких), учинить оклады, *выбрав средние зборы о каждом городе и месте порознь, усматривая, что в тех зборах не учинить умаления* (курсив мой.— *А. М.*), и для отдачи тех зборов по годам на магистраты, подать камор-коллегии и магистрату в Сенат общее мнение... А которые таможни на откупах, те отдать, по тем откупным окладом, в то время, как откупщики урочные годы отдержат, а где есть такие таможни и зборы в уездах и в селах и слободах, те на города же способнее отдать или тех мест жителям, о том también де подать мнение» [2].

Сенатский указ свидетельствует также о том, что правительство стремилось передать магистратам большинство сборов уже с 1725 г.

Хотя на основании нескольких предшествующих указов уже с 1724 г. часть сборов была ликвидирована, их оставалось все же очень много. С 1724 г. перестали брать сборы: 1) с попов за драгунских лошадей; 2) «с церковников и монастырских слуг Козловского окладу»; 3) «с приказных людей Козловского окладу»; 4) с крестьянских бань; 5) «с пчелиных ульев и бортей»; 6) поземельные; 7) «с мастеровых и работных людей и лавочных сидельцев и с походячих продавцов оброчные»; 8) «с клейменных шапок, сапогов, платья». В то же время оставались сборы «таможенные и кабацкие, с клейменья кубов, табашные, от клейменья хомутов с извозчиков, с мостов и перевозов, конские пошлины, с ледоколу и водопою, подымные вместо валешных, с оброчных земель и с сенных покосов, с торговых бань также и с домовых, разночинцовых бань, кроме крестьянских бань, с рыбных ловель, с мельниц, с харчевень, с весчих товаров весовые, с судов привальные и отвальные, с продажи конских и скотинных кож, с найму извозчиков десятой деньги, с клейменья серебра, с продажи винограда, яблок, арбузов, орехов и протчих огородных овощей, с квасных и сусленных промыслов и варниц, с винокурен. поварен, с железной руды и плавки оброчные, с свадеб куничные и выводные с дел, печатные пошлины, с неуказного платья, с бород, и прочие

---

[2] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 277. Дмитровский магистрат, 1724 г., д. № 39, л. 1.

мелочные и неокладные сборы, также на провиант и фураж сборы, которые идут в зачет подушного сбора»[3].

Простое перечисление этих сборов показывает, что магистратам передавались тяжелые обязанности, связанные не только с финансовой стороной всего дела, но и с системой обеспечения сборов, требовавших от посадского населения систематического изнурительного участия в службах.

Вполне понятно, что решить сложный вопрос создания финансового аппарата из посадского населения простым указом было совершенно невозможно. Только совместная деятельность Камер-коллегии, как одного из высших финансовых органов, и Главного магистрата, как организации торгово-промышленного населения страны, могла привести к более или менее положительным результатам. Для правительства очень важно было иметь стабильные платежные поступления от городов и уездов, для чего следовало установить какие-то определенные суммы сборов не меньшие, чем прежние платежи. Необходимо было тщательно учесть возможности отдельных городов и уездов и только потом определить суммы сборов, передаваемых в ведение магистратов. Правительство исходило из того, что сумма сбора должна быть *местной средней суммой* платежей за предшествующие годы. При этом ранее существовавшая откупная система сборов должна была быть совершенно ликвидирована, а сборы, находившиеся в руках откупщиков, после окончания урочных лет владения откупом переданы магистратам с включением их в общую сумму платежей.

Одновременно ставился вопрос о возможности и целесообразности взимания сборов магистратом со всего уезда или раздельно, т. е. магистратом — с города, а жителями уезда — с уезда.

Для наиболее точного вычисления общей суммы сборов по отдельным городам и уездам, перекладываемых на магистраты, Сенат предложил вывести среднюю сумму на основании поступлений сборов в Камер-коллегию, беря за основу три года: 1720, 1721, 1722[4]. Общие цифры сборов могла дать только Камер-коллегия, располагавшая более или менее полными данными. В связи со срочностью дела уже к августу 1724 г. Главный магистрат и Сенат получили от нее большую часть сведений.

Размер сборов живо интересовал магистраты. Они внимательно и придирчиво отнеслись к цифрам, представленным Камер-коллегией. Сенат в августе 1724 г., рассматривая вопрос о передаче сборов магистратам, констатировал большие разногласия между Камер-коллегией и магистратами. Главный магистрат указывал, что представленные ведомости не могут служить отправным пунктом для исчисления сборов, так как они оказались «весьма неисправны, а имянно, многим сборов оклада не показано, а показано одно взятье, а другим оклады написаны большие, а во взятье малое число»[5]. Отсюда Главный магистрат делал выводы, что «в оных ведомостях явились многие неправды».

В связи с этим Сенат потребовал от Камер-коллегии и Главного магистрата тщательной проверки данных на местах, «ведомости учиня с подлинным о всем расписанием и с очистками». Таким образом, можно считать, что первая попытка дать средние цифры сборов была неудачной, несмотря на то, что 3 июня 1724 г. Сенат предупреждал обе стороны о необходимости «снесшись между собою, таможенные и прочие зборы по

[3] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г., д. № 141. См. также П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, Приложение IV.

[4] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г. д. № 39, л. 1.

[5] Там же ф. 248. Канцелярия Правительствующего сената, 1724 г., д. № 49/1930. л. 27.

окладам отдачи по городам расписать и, учиня, в Сенат подать...»[6].

В сентябре 1724 г. Сенат вновь напоминает Камер-коллегии и Главному магистрату о сборах и торопит с решением вопроса. В указе, направленном Главному магистрату, подчеркивается, что Сенат уже в третий раз посылает указы о передаче сборов магистратам и о составлении ведомостей этих сборов и требует представить ведомости не позже октября 1724 г. Такого же рода внушение делается Камер-коллегии, «чтобы в росписке тех зборов, в чем надлежит, с магистратом имел сношение, чтоб во исправлении того дела остановки не было. А ежели на вышеописанный указной срок те зборы расписаны не будут и то неисправление будет на оной камер-коллегии и на Главном магистрате»[7].

Работа, которую возложили на Камер-коллегию и магистраты, была очень сложной. Требовалось установить точную сумму сборов без отклонения в ту или другую сторону. Возражая против ведомостей Камер-коллегии, Главный магистрат указывал, что суммы сборов могут в разные годы сильно колебаться, что нужно решить вопрос о доимке, которая скопилась за большинством городов, и в то же время учесть сделанные против оклада переборы с населения. Не добившись решения вопроса о сумме сборов в Камер-коллегии и Главном магистрате, Сенат попытался его решить непосредственно на местах. От городских магистратов потребовали, чтобы они «с кем надлежит тех городов гражданы неотложно, безо всякого умедления справились подлинно, такие ли, как от каморколлегии показано, на те годы таможенных и протчих всякого звания зборов оклады положены, и сколько тех зборов каждого звания порознь по годам по таможенным и протчим книгам в зборе надлежало быть и сполна, а буде не сполна, сколько настоящих..., что еще на которые годы в доимке... учинили ведомости»[8].

Уточнение сведений требовало привлечения к работе воевод, камериров и других лиц, имеющих непосредственное отношение к сборам. Сенат, учитывая заинтересованность посадского населения, пытается заручиться его письменным согласием. В одном из указов прямо подчеркивается необходимость решать вопрос о сборах «общим со всеми гражданы согласием», «всем градом обязатца ежели которые городы против вышеописанного на себя взять похотят, о том с приложением всех граждан рук прислать в Главный магистрат... с нарочными выборными гражданами, которые могли в Главном магистрате обо всем предложить подлинно[9]. Имелось также в виду, что не все города согласятся взять на себя сборы: «а в которых городах против вышеописанного учиненных окладов взять на себя зачем будет невозможно, о том тех городов магистратом и бурмистром и ратманам... в Главный магистрат доношением немедленно объявить с объявлением причин»[10].

Все предложения Сената неизменно стремятся подчеркнуть выгоды, которые якобы будет иметь посадское население от принятия на себя сборов. Указывается, что все сборы будут проходить по одному ведомству — магистрату, что позволит освободить посадское население от подчинения другим учреждениям.

Города на предложения Сената отвечали довольно осторожно. Присланные из Камер-коллегии сведения о сборах за 1720—1722 гг. ставились под сомнение, делались попытки тщательно проанализировать их. При сложной и путаной системе учета сведения были очень отрывочны и по многим городам не давали достаточного представления об окладах и действительных сборах. Так, например, по Дмитрову и Клину более

[6] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г., д. 39, л. 1.
[7] Там же, ф. 248, 1724 г. д. № 50/1931, л. 22.
[8] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г. д. № 39, л. 2.
[9] Там же, л. 3.
[10] Там же.

или менее полные сведения за 1720—1722 гг. даны только для таможенных сборов; для остальных — показан лишь оклад, без указания, сколько же в действительности собиралось сборов в год. На месте, в Дмитрове и Клину, установить размеры сборов оказалось невозможным, так как, по сообщению магистрата, «вышепоказанных годов (т. е. 1720, 1721, 1722 гг.— *А. М.*), и того 710 по 724 год помянутых таможенных и протчие такие, так же и кабацких сборные книги отсылаваны повсягодно в Москву, в Ратушу и в камерирскую контору и о том тех зборов... в Дмитрове черных книг также и ведомостей писать и оставлять указом... не повелено, а других годов, с того 710 году вышепоказанных зборов, зборщики многия померли и в Дмитрове справица не можем и обстоятельных ведомостей взять не ис чего, а учинить об оных ведомостей невозможно...» [11]. Здесь же подчеркивается, что магистрат и мирской сход не могут взять на себя сборы в суммах, названных Камер-коллегией, так как они сомневаются в правильности окладов. Магистрат просит уточнить, «тот ли будет положенной и настоящей Дмитрову и уездным местам таможенным и прочим таким зборам оклад, который показан в магистрат от камор-коллегии... или по справке с камерирскою конторою учинен будет и прислан обособливой подлиной оклад» и сообщает, что в настоящее время «нам... по общему согласию з гражданы для взятья на город, подписатца не без сумления невозможно, что настоящего окладу против конторою подписатца того нам... неведомо» [12].

Очевидно, дмитровский магистрат считал, что его сообщения недостаточно, и спустя некоторое время направил в Московский магистрат второй доклад с аналогичным содержанием, а также общий приговор дмитровских посадских людей, в котором говорилось: «и сего 724 года, августа 29, в Дмитрове в Ратуше, бургомистр Василий Рахманинов и ратманы Семен Мошаров, Тихон Бакакин и при бытности от купечества фискала Якима Патокина и рядовые дмитровцы посадцкие люди, учиня общий совет, а на совете приговорили против означенного указа послать в Московский магистрат посадских людей Алексея Никитина сына Ушатина и Афанасья Федорова сына Толчонова». Посадские люди должны были лично разъяснить мотивы ответа и выяснить, является ли присланный реестр Камер-коллегии точным и окончательным, или будет еще какой-либо другой [13].

Инициатива посылки представителей исходила не от дмитровского магистрата. В Москву съезжались посадские делегаты как из Московской, так и из других губерний. Очевидно, они составили некий совещательный орган при Главном магистрате, который должен был помочь решить вопрос о будущих платежах. Однако выяснившиеся неточности в сведениях Камер-коллегии, а также отсутствие сведений по многим городам не давали возможности принять решение о передаче сборов магистратам. В октябре 1724 г. Главный магистрат спрашивал Сенат, как быть с приехавшими представителями городов, и получил довольно туманный ответ с требованием решить вопрос о сборах до декабря 1724 г. [14] Но сделать это Главный магистрат не мог. Как говорилось выше, Камер-коллегия не давала достаточно полных и обоснованных окладов. Возникающие споры между магистратами, с одной стороны, и Камер-коллегией — с другой, необходимо было решать с помощью более или менее тщательно проверенных данных по сборам. Правительство было вынуждено пойти навстречу требованиям магистратов и проверить данные Камер-коллегии. Очередным сенатским указом «магистрацким управителям» предлагалось «о том [т. е. о сборах, о книгах, о ведомостях.— *А. М.*] спра-

[11] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г., д. 39, л. 8.
[12] Там же.
[13] Там же, л. 10.
[14] ЦГАДА, ф. 248, д. № 51/1952, л. 20.

витца, как возможно, с воеводами и камерирами, с протчими от каморколлегии, кому то вверено»[15].

Камер-коллегии было предложено дать необходимые сведения местным магистратам, чтобы вопрос о сборах был разрешен в самое ближайшее время.

Однако ни в 1725, ни в 1726 гг. сборы магистратам переданы не были. В течение двух лет шла оживленная переписка между Сенатом, магистратами и Камер-коллегией. Лишь к концу 1725 г. Камер-коллегия дала, по ее мнению, полные сведения по 22 провинциям. В июле 1726 г. были составлены описи сборов еще по 8 провинциям. Однако Главный магистрат, куда Камер-коллегия направила ведомости, отказался их принять. Он считал, что передача сборов магистратам городов в целом ряде провинций вводилась в 1724 г. на «опробацию», в виде опыта, теперь же получены сообщения от магистратов Вологды, Ладоги, Твери, в которых они отказываются собирать сборы и пишут, что «по тем окладом (т. е. окладам, данным из Камер-коллегии.— *А. М.*) собрать их невозможно, и о том бы указ учинить»[16].

В ответ на это письмо Главного магистрата Сенат приказал безоговорочно принять ведомости от Камер-коллегии и разослать их по городам указанных провинций.

Не был решен вопрос и в 1727 г. Об этом свидетельствует сенатский указ от 24 февраля 1727 г., где говорится, что если магистраты сборы «на себя не примут, в тех городах приставить [к сборам.— *А. М.*] по прежнему обыкновению не посацких»[17].

Таким образом, попытка правительства полностью переложить все сборы непосредственно на магистраты потерпела неудачу в связи с активным противодействием городов, не желавших брать на себя ответственность. Несмотря на предпринятые усилия, правительству не удалось создать фискальный аппарат из посадского населения, и оно было вынуждено вернуться к старым методам сборов.

[15] Там же, ф. 277, 1724 г., д. № 39, л. 20.
[16] Там же, ф. 248, 1726 г., д. № 75/1956, л. 13.
[17] Там же, ф. 277, 1727 г., д. № 23, л. 8.

В. М. Моргайло

РАБОТА В. Н. ТАТИЩЕВА НАД ТЕКСТОМ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Вопрос о критическом издании «Истории» В. Н. Татищева был поставлен А. А. Шахматовым. Он указал на характер редакционной работы В. Н. Татищева и в связи с этим на необходимость издания обеих редакций «Истории»[1]. На основе их сравнения, в частности, можно решить судьбу многих так называемых «татищевских известий». Всякое высказывание Татищева, как справедливо отмечает М. Н. Тихомиров, «подлежит той или иной проверке»[2]. Новое издание татищевского труда, первый том которого вышел совсем недавно, и предпринятое в связи с этим выявление списков «Истории»[3] дают реальную основу для изучения ее текста и метода работы В. Н. Татищева над источниками.

Наибольший интерес историков вызывала знаменитая Иоакимовская летопись, которую В. Н. Татищев представил как древнейшую и дополняющую летописное повествование Нестора. Она была помещена отдельной (4-й) главой в 1-м томе «Истории Российской».

Эта глава сохранилась в четырех списках «Истории»: 1. Академическом — «Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР, Собрание В. Н. Татищева, № 3 (далее РО БАН), шифр 1.5.66; 2. Уваровском — Отдел рукописных и старопечатных книг Государственного исторического музея, Собрание Уварова, № 151; 3. Киевском — Рукописное отделение Библиотеки Академии наук УССР, Собрание Судиенко, шифр $\frac{\text{VIII } 117}{70}$ 4. Воронцовском — Рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Собрание Воронцовых, оп. 1 (далее — ЛОИИ), № 646. При этом Уваровский список буквально воспроизводит главу по Академическому, а Киевский список — по Воронцовскому, поэтому оба эти списка не имеют значения для анализа текстов.

В Академическом списке мы имеем дело с наиболее ранним из дошедших списков 4-й главы. Введение в «Историю» этой главы заставило В. Н. Татищева произвести изменение в нумерации уже написанных глав: 5-я стала 6-й, 6-я — 7-й и т. д., последняя глава, 48-я, переправлена на 49-ю.

4-я глава в Академическом списке написана рукой В. Н. Татищева. Она датируется 1748 г., так как Татищев пишет в ней, что он получил Иоакимовскую летопись «*сего 1748-го* года[4]. Глава подверглась значительной авторской правке, которая затронула как текст главы и приме-

[1] А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Дела и дни», кн. I, 1920, стр. 83.

[2] М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской», в кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 53.

[3] См. подробнее: С. Н. Валк. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева в кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 54—75.

[4] РО БАН, 1.5.66, л. 15. Здесь и далее курсив автора настоящей статьи.

чаний к Иоакимовской летописи, так и текст самой летописи. Эта правка могла быть исправлением ошибок, допущенных Татищевым при вписывании летописи в Академический список «Предъизвещения» или сознательным изменением первоначального текста. В фразе «По сем Вандал послал на Запад [с войски] подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигара (11) с великими войски славен, руси и чуди» [5] — слова «с войски», помещенные в квадратных скобках, в Академическом списке главы зачеркнуты. Это могло быть простой опиской, но могло и не быть ею, и тогда слова «с войски» следовали бы сразу после слов «на Запад». В этом случае можно было бы говорить об изменении Татищевым прежней фразы, которое выразилось не только в простой перестановке слов — от нее смысл не меняется, но и в добавлении эпитета — «с *великими* войски».

Подобного рода исправления есть в рассказе о причинах убийства Ярополка: «...вуй его (т. е. Владимира.— *В. М.*) Добрыня [не пусти], ведый, яко Ярополк не любим есть у людей, зане христианом даде волю велику (40), удержа Владимира и посла в полки Ярополчи с дары к воеводам, водя их ко Владимиру» [6]. Зачеркнутое «не пусти», если не было ошибкой Татищева, может говорить либо о простой перестановке в фразе с заменой слова «не пусти» синонимом «удержа», либо об отсутствии в первоначальном тексте середины этой фразы: «ведый яко Ярополк не любим есть у людей, зане христианом даде волю велику». В этом случае можно было бы говорить о включении некоего нового известия о Ярополке — о склонности Ярополка к христианству как причине его убийства (у Нестора этого нет).

В некоторых случаях зачеркнутые слова значительно изменяют смысл фразы. О безрезультатном походе Аскольда на Царьград Иоакимовская летопись по Академическому списку сообщает следующее: Аскольд «иде в лодпах ко Царюграду, но [побежден] буря разби на море корабли его и возвратяся, посла в Царьград ко царю...» [7]. Слово «побежден» зачеркнуто. Если предположить, что Татищев просто ошибся и тут же исправил ошибку, то попробуем поискать ей объяснение. По смыслу слово не подходит ко всей фразе, и похожего по написанию слова в других строчках этой фразы нет, так что объяснить ошибку невнимательностью Татищева трудно. Ее можно понять, если обратиться к рассказу из несторовской летописи. Нестор прямо не называет Аскольда и Дира побежденными; он говорит о буре как божьей каре на славян-идолопоклонников: «...буря вста с ветром, волнам вельми вставшем засоб, безбожных Руси корабли смяте...» [8]. Иоаким же просто отмечает факт разразившейся бури, и слово «побежден», выходя из рамок известия Иоакима, выглядит здесь как некое обобщение несторовского рассказа. И даже если это просто ошибка, все же можно включиться в работу мысли Татищева, который все время держит в памяти несторовские известия, сопоставляет, сравнивает и обобщает их.

Довольно значительной правке подвергся рассказ о крещении новгородцев, где встречаются не только зачеркнутые, но и вставленные слова и фразы: «Путята [сам от ростовцев] (45), яко муж смысленый и храбрый, [лодия] уготовав лодия, избрав от ростовцев 500 муж, ночью перевезися выше града на ону сторону...» [9]. Слова «сам от ростовцев» и «лодия» зачеркнуты. Второе выглядит явной ошибкой; первое же можно было бы назвать такой же ошибкой, если бы было написано только «от

[5] Там же, 1.5.66, л. 16.
[6] Там же, л. 18.
[7] Там же, л. 17.
[8] Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 19.
[9] РО БАН, 1.5.66, л. 18 об.

ростовцев», но слово «сам» несет дополнительное известие о происхождении Путяты.

«Народ же оноя страны, разсвирепев, дом Добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избиша» [10]. Слово «жену» вписано над строкой, так же как и вписана на полях целая новая фраза в следующем отрывке: «...на разсвитании Добрыня со всеми сущими при нем приспе *и повеле у брега некие домы зажещи, чим люди паче устрашены бывше, бежаху огнь тушити; и абие* преста сечь» [11]. Вписанная фраза тесно связана со всем рассказом грамматически, поэтому здесь будет вернее предположить просто пропуск при переписывании.

Исправления были внесены также и в рассказ о женах князя Владимира, причем здесь они выглядят весьма явными, так как зачеркивается прежняя фраза или слово и над ними пишутся новые. Зачеркнута фраза «Олову Варяжскую со сыном Вышеславом» и вместо нее вписана другая — «Вышеслава, иже родися от Оловы, княжны Варяжской». Смысл не меняется; зачеркнутая фраза была подобна по своему построению следующему отрывку: «и отпусти: [Олову Варяжскую со сыном Вышеславом] в Новгород, Гориславу с Изяславом в Полоцк, ея же сына Ярослава в Ростов» [12]. В исправленной фразе ее строй нарушен. На первом месте стоит имя сына, а затем жены, вводится новая подробность об Олове («княжна»). Здесь налицо изменение фразы. Подспудная тенденция к отступлению от буквальной передачи текста летописи, которую в других случаях можно лишь предполагать, не отрицая возможности исправления ошибок, здесь совершенно ясна.

Таким же намеренным исправлением представляется в том же рассказе замена имени одной из жен Владимира Анастасии на Предславу, а также зачеркнутые слова «в Ростов» в фразе: «Анны-царевны сына Бориса [в Ростов], и Глеба при матери остави, но Глебу назнаменова Муром (47)» [13]. В отношении первого исправления можно сделать одно замечание: ни в одном из русских и польских источников не называются имена жен Владимира, за исключением Рогнеды (Гориславы), Малфреды и царевны Анны. В этом отношении Иоакимовская летопись играет роль источника дополнительных сведений, в частности, об именах жен князя Владимира. От имени Предславы Татищев предполагает происхождение Предславина сельца, о чем он говорит в примечании 47 к Иоакимовской летописи [14]. Но во втором томе «Истории» в примечании 105 Татищев производит название Предславина сельца от имени Предславы — жены Святослава [15]. Эта путаница в объяснениях, зачеркнутое имя «Анастасия» и замена его на «Предславу» свидетельствует о работе Татищева над текстом Иоакимовской летописи.

Второе исправление вносит неясность в фразу. Без зачеркнутых слов «в Ростов» становится непонятно, куда назначен князь Борис. Ведь все сыновья Владимира назначаются в определенные города и само противопоставление — «но Глебу назнаменова Муром» — предполагает, что об уделе Бориса уже было сказано.

Нельзя с уверенностью сказать, что правка Татищева не была простым исправлением ошибок, так как более раннего списка 4-й главы нет. Но в тех случаях, когда исправления были двухстепенными (т. е. зачеркивалось прежнее слово или фраза и писалось новое), можно предположить, что в Академическом списке 4-й главы Татищев отступал от буквальной передачи текста летописи.

---

[10] РО БАН, 1.5.66, л. 18 об.
[11] Там же.
[12] Там же, л. 19.
[13] Там же.
[14] Там же, л. 22 об.
[15] В. Н. Татищев. История Российская, т. 2. М., 1769, стр. 383.

В Воронцовском списке «Истории» 4-я глава написана целиком рукой писца и после этого правлена Татищевым[16]. Вся правка Академического списка читается в Воронцовском прямо в тексте, но в этом же списке обнаруживаются такие части текста летописи, которых нет в Академическом. Это предполагает наличие какого-то списка «Истории» с 4-й главой, промежуточного между Академическим и Воронцовским.

С. Н. Валк, отметив это обстоятельство для многих глав Воронцовского списка, предположил, что до нас не дошла копия с Академического, правленная Татищевым и послужившая протографом Воронцовского[17]. В протографе текст самой Иоакимовской летописи оказался затронутым в значительно большей мере, чем в Академическом списке.

В рассказе о сновидении Гостомысла появляется новая фраза: «Вещуны же реша: от сынов ея (т. е. Умилы — средней дочери Гостомысла.— *В. М.*) имать наследити ему (т. е. Гостомыслу.— *В. М.*), и земля угобзится княжением его. И вси радоваху о сем, *еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе;* Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины...»[18]. Подчеркнутая фраза не может быть случайным пропуском, который Татищев восстановил при сверке, так как в Академическом списке ее не было. Поэтому она может рассматриваться как дополнение Татищева, где обнаруживается стремление объяснить, почему отдается предпочтение сыну средней дочери Гостомысла. Эта вставка тесно связывается с новым текстом соответствующего примечания к Иоакимовской летописи. По Воронцовскому списку оно значительно отличается от того же примечания Академического списка, которое сообщает: «21. Дочери Гостомысловы за кого были отданы, точно не показано, но ниже видимо, что одна средняя была за финским, другая за изборским князи, как Олгу сказует от Изборска, рода Гостомыслова»[19]. В Воронцовском списке примечание чуть ли не вдвое больше, заметно изменено и дополнено: «21. Дочери Гостомысловы за кого были отданы, точно не показано, но ниже видимо, что большая была за Изборским, от которой Олга княгиня; другая — мать Рюрикова, а о третьей неизвестно; Нестор сказует, н. 57, что Рюрик убил славенского князя Водима, что в народе смятение сделало; может сей таков же внук Гостомыслу, большой дочери сын был, которой большее право к наследству имел, и для того убит»[20].

Явная связь второго варианта примечания со вставкой в летописи — еще одно свидетельство того, что Татищев сделал дополнение в недошедшем до нас протографе Воронцовского списка.

О приходе Рюрика после смерти Гостомысла к славянам в Академическом списке сказано: «И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двумя браты»[21], а в Воронцовском уже читаем добавление «и роды его»[22], которое созвучно Нестору: «избрашася 3 братья с роды своими»[23].

Не избежал еще одной правки рассказ о крещении новгородцев: вместо «самострелов» Академического списка в Воронцовском читаем «пороки»[24]; появляется новая подробность о сопротивлении новгородцев крещению: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритеся»[25]. Явно в связи с этой вставкой Татищев изменил прозвище посадника Владимирова, который в

---

[16] 4-я глава по Воронцовскому списку списывалась не ранее 1749 г., так как слово «сего», которое было в Академическом списке, здесь не читается.

[17] С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 66.

[18] ЛОИИ, № 646, л. 24.

[19] РО БАН, 1.5.66, л. 20 об.

[20] ЛОИИ, № 646, л. 28.

[21] РО БАН, 1.5.66, л. 16 об.

[22] ЛОИИ, № 646, л. 24.

[23] Повесть временных лет, т. I. стр. 18.

[24] ЛОИИ, № 646, л. 26.

[25] Там же.

Академическом списке назывался «Соловьем», а в Воронцовском стал «Воробьем» [26].

Много встречается замен слов синонимами: «с радостью» заменено на «с веселием», «помощь» — на «пользу» и т. д. Если в Академическом списке почти нет татищевских пояснений в тексте летописи, то в Воронцовском — такие разъяснения, даваемые в квадратных скобках, не редкость: вслед за именем польского князя Меща дан перевод — Мешко [27]; место поражения Святослава у некоей «долгой стены» тут же в тексте в скобках откомментировано следующим образом: «какая сия стена и где, я описания не нахожу» [28], и др.

Таким образом, текст летописи в протографе Воронцовского списка был отредактирован Татищевым, который дополнял и объяснял его.

До сих пор речь шла о правке текста самой летописи. Но и в Академической списке, и в протографе Воронцовского правленым оказался и авторский текст 4-й главы. В Академическом тексте мы читаем вписанную между строк дополнительную характеристику языка летописи — «и наречие новгородское» [29], которой Татищев подтверждает свое мнение о новгородском происхождении летописи. Правленым оказалось 11-е примечание к летописи — о Гардорике и Гунигаре (о нем будет сказано далее).

В протографе Воронцовского списка почти заново было переписано примечание о дочерях Гостомысла (о нем уже говорилось), дополнены 5, 8, 13, 20, 22, 24, 25, 30 примечания. Изменения произошли в латинском делении текста главы: в Академическом он кончался буквой «N», а в протографе буква «М» была перенесена на абзац выше, к началу рассказа о крещении Новгорода, и соответственно появилась еще одна буква «О», закончившая деление главы [30].

В самом Воронцовском списке, помимо тех дополнений и изменений, которые мы относим к его протографу, Татищев исправил многие отсылки на 1-ю и 2-ю части «Истории», что связывается с постоянной редакторской работой над примечаниями к этим частям. Печатное издание внесло в текст летописи изрядное количество бессмысленных ошибок: вместо «Ювелий» мы читаем «великий», вместо «дед» — «дети» и т. д.

Итак, изменения в тексте летописи по Академическому и Воронцовскому спискам обнаруживают у Татищева тенденцию к отступлению от буквальной передачи первоначального текста Иоакимовской летописи. Это обстоятельство, а также то, что Татищев передает текст летописи выборочно (он оговаривает это в предисловии), позволяют утверждать, что Татищев летопись пересказал [31], и не только пересказал, но и дополнил, т. е. включил свои разъяснения непосредственно в ее текст.

Изменения в тексте летописи были не такие уже значительные. Гораздо бо́льшим изменениям подверглись примечания к ней.

В сборнике «Tatischtschevs Schriften» Эрмитажного собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде помещено оглавление примечаний к 4-й главе, в котором вместо известных нам 47 примечаний содержится 35 [32]. Уже С. Л. Пештич ука-

[26] ЛОИИ, № 646, л. 25.
[27] Там же, л. 25 об.
[28] Там же, л. 25.
[29] РО БАН, 1.5.66, л. 15 об.
[30] Деление это ничем не обосновано и весьма произвольно: оно может объединять в одну часть и авторский текст, и текст летописи, может делить на две части единый сюжетный рассказ и т. д.
[31] Это же утверждал Б. А. Рыбаков (Б. А. Рыбаков. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 734).
[32] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Эрмитажное собрание, № 555, лл. 204 об.— 205. Все исследователи считают, что примечаний к Иоакимовской летописи — 48. Это заблуж-

зал, что это оглавление отразило «ранний этап работы историка над комментированием текста знаменитой Иоакимовской летописи»[33].

В Эрмитажном оглавлении отсутствуют примечания, обозначенные в дошедшем до нас тексте примечаний номерами 6, 7, 9, 16, 18, 20, 22, 23, 25, 31, 32, 34, 41. Из него не перешло в известный нам текст 9-е примечание. «Славяне на Западе остались, гл. 24». Кроме того, были изменены примечания 1, 10, 11 и 18, о которых речь пойдет далее.

Подтверждение действительному существованию оглавления с 35 примечаниями находим в 1-й части «Истории», где встречаются отсылки на номера по этому оглавлению: «О Славенске — на № 6, о Гардорике и Гунигаре — на № 8; о Колмогорде — на № 11, о дани варягам — на № 14 и о Бярмии — на № 15.

С. Л. Пештич считал, что вслед за Эрмитажным оглавлением, которое он назвал первой редакцией, следует вторая редакция примечаний, которая имеется во всех дошедших до нас списках и в печатном издании. Но в 1-й и 2-й частях «Истории» обнаруживается еще одна нумерация отсылок на 4-ю главу, отличная от первой и второй и являющаяся как бы промежуточной, по которой насчитывается 42 примечания. В этой промежуточной редакции 21-е примечание по Эрмитажному оглавлению стало 26-м; 22-е — 27-м; 23-е — 29-м; 26-е — 32-м; 27-е — 33-м; 29-е — 35-м; 30-е — 37-м; 32-е — 39-м и, наконец, последнее, 35-е стало 42-м. В эту редакцию вошли также некоторые новые примечания, которых не было в Эрмитажном оглавлении, но которые известны нам по окончательной редакции: 20-е — о гадании в Колмогарде; 23-е — о Рюрике, обладавшем Финляндией; 28-е — о блаженном Аскольде.

Таким образом, можно говорить не о двух редакциях примечаний, а о трех, где первая редакция (Эрмитажное оглавление) содержит 35, вторая редакция (промежуточная) — 42, третья редакция (дошедший до нас текст) — 47 примечаний.

Самое простое будет предположить, что Татищев комментировал Иоакимовскую летопись постепенно, и тот текст примечаний, который дошел до нас, составился не сразу. Это говорит о большом интересе Татищева к Иоакимовской летописи: он несколько раз обращался к ней, находя необходимым прокомментировать те или иные известия. Можно также думать, что три редакции примечаний отражали и три редакции текста летописи, и следовательно, в первой и второй редакциях не было не только примечаний, но и соответствующих текстов.

Девятое примечание — единственное, которое не вошло в окончательную редакцию. («Славяне на Западе остались»). Оно, вероятно, относилось к следующему тексту Иоакимовской летописи: Гардорик и Гунигар «многи земли повоевав, не возвратишася»[34]. Затем Татищев исключил это примечание как самостоятельное и включил его содержание в предыдущее, где по Академическому списку читается приписка: «а что они (т. е. Гардорик и Гунигар.— *В. М.*) не возвратились то известно, что гуны в Венгрии и Германии остались»[35].

Несколько примечаний было изменено по смыслу. Примечание 1-е по первой редакции читалось так: «Вениамин — сочинитель истории», т. е. Татищев предполагал автором летописи монаха Вениамина. В третьей же редакции «Вениамин-монах токмо для закрытия вымышлен», т. е. выдуман Мельхиседеком Борщовым, приславшим Иоакимовскую

дение, основанное на ошибке, которую допустил, вероятно, писец Воронцовского списка, так как в Академическом — только 47 примечаний, а то, что обозначили позже как примечание 48-е,— в действительности заключительные авторские слова ко всей главе; к тому же ни в одном из списков самой летописи нет отсылки на примечание 48-е.

[33] С. Л. Пештич. Русская историография. XVIII в., ч. I. Л., 1961, стр. 269.

[34] РО БАН, 1.5.66, л. 16.

[35] Там же, л. 20.

летопись. Это изменение можно попытаться объяснить тем, что первую редакцию примечаний к летописи Татищев составлял в промежуток между маем и сентябрем 1748 г., т. е. после получения письма Мельхиседека с летописью и до получения известия о смерти Мельхиседека и об «исчезновении» таинственного Вениамина. Поиски Вениамина привели к неожиданному результату: вместо знатока и собирателя древних русских и польских книг, каким представил его Мельхиседек, был обнаружен казначей с тем же именем, никогда не имевший дел ни с какими древностями. Тогда-то Татищев и вынужден был написать свое новое примечание: «Вениамин-монах токмо для закрытия вымышлен».

Кроме того, называя Вениамина «сочинителем истории», Татищев, возможно, склонен был сначала признавать Иоакимовскую летопись не за древнейшую, а за более современную. Но в таком случае этому заключению противоречит 32-е примечание по первой же редакции, ставшее 39-м по второй и 44-м — по третьей («Иоаким о себе»), относящееся к рассказу о крещении новгородцев. Во всяком случае видно, что по пути от первой до третьей редакции примечаний Татищев явно изменял роль монаха Вениамина во всей истории с получением Иоакимовской летописи.

Изменению подверглось примечание 10-е по первой редакции: «Русь меж Ладоги и Пейпуса, ч. II, н. 14», которое в третьей редакции стало 12-м: «от моря до моря — разумеет Балтийское и озеро Ладожское, море Русское именуемо, гл. 17, н. 47; гл. 32; ч. II, н. 14» [36]. Что эти примечания относились к одному предмету, подтверждает общая отсылка на ч. II, н. 14, где речь идет о Ладожском озере, называемом финами Русским морем [37]. Почему Татищев заменил в своем толковании слов «от моря до моря» Пейпус (немецкое название Чудского озера) — по первой редакции на Балтийское море — по третьей? Возможно, что эта замена стоит в прямой связи с изменением другого, 18-го примечания («Ливония к Руссии, гл. 17, н. 11, 30, 37») по первой редакции, на примечание 23-е — по второй редакции, а затем на примечание 26-е — по третьей: «Рюрик Финляндию обладал, выше, н. 21, гл. 31» [38]. Татищев выводит из Иоакимовской летописи принадлежность Финляндии к Руси и, ища косвенных подтверждений, отодвигает границу завоеванных Вандалом земель до Балтийского моря. Если же связать воедино эти примечания с примечаниями о Выборге и Кексгольме, введенными в третью редакцию, то можно заметить определенную тенденцию к обоснованию прав России на Финляндию и желание найти древние русские опорные пункты на территории, лишь недавно присоединенной к России [39].

Изменению подверглось примечание 11-е, которое по первой редакции читалось как «Колмогард, гл. 29. Владимир и Столпосвят, н. 21», а по третьей — «Грады по именам, видимо: Изборск, Владимир и Столпо-

---

[36] РО БАН, 1.5.66, л. 20 об.

[37] В. Н. Татищев. История..., т. 2, стр. 352. Обычно Татищев начинает примечание с почти дословной передачи комментируемых слов, например: «от моря до моря». Отличие этих двух примечаний от текстов может невольно навести на мысль, не было ли слов «Русь меж Ладоги и Пейпуса» прямо в тексте Иоакимовской летописи. Подтверждением такого предположения может служить следующий факт. В 29-й главе, приведя мнение шведских писателей о переводе названия «Гардорики», под которым они имели в виду «всю область Русскую», Татищев пишет, что «наши Иоаким и Нестор область сию собственно Русь именовали, гл. 30». А между тем Иоаким ни разу не употребляет в своей летописи название «Русь». Может быть, Татищев написал эту фразу тогда, когда в Иоакимовской летописи еще была «Русь», и ею могла быть именно «Русь меж Ладоги и Пейпуса», которую историк потом исключил из текста летописи.

[38] РО БАН, 1.5.66, л. 21.

[39] Речь идет о Кюмменегорской провинции на границе с Финляндией, присоединенной к России по миру в Або в 1743 г. Города Выборг и Кексгольм находились в пределах этой территории, но были присоединены раньше, в результате Северной войны.

свят...»[40]. Содержание первоначального текста примечания не связывается с тем текстом летописи, который до нас дошел и которому соответствует примечание по третьей редакции, ибо в тексте называются сыновья Избор, Владимир и Столпосвят. Татищев никогда не смешивал Изборск и Колмогард. Остается предположить, что он внес какое-то изменение в имя одного из сыновей Вандала, назвав его во второй раз Избором и перенеся рассказ о Колмогарде в специальное примечание (20-е — по второй редакции, 22-е — по третьей) или введя его прямо в текст летописи.

Итак, сопоставление Академического и Воронцовского списков 4-й главы дает основание говорить о довольно активной роли Татищева в передаче текста Иоакимовской летописи, пересказавшего и несколько дополнившего его своими соображениями. Сохранившееся оглавление примечаний позволяет восстановить картину работы Татищева над комментированием текста летописи, выявив три последовательных этапа ее, а также помогает понять, что особенно интересовало Татищева в летописи. В полной мере подтверждаются слова С. Н. Валка, что «Татищев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста, а стремился, наоборот, уже при самой передаче текста сделать его возможно более понятным»[41].

В настоящей статье мы коснулись только характера работы В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи. Вопрос о времени составления этого интересного памятника должен явиться предметом специального изучения[42].

Приложение

ПРИМЕЧАНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА К 4-Й ГЛАВЕ «ИСТОРИИ»

(Эрмитажное оглавление)

ГЛАВА 4. ИОАКИМ ЕПИСКОП

№ 1. Вениамин — сочинитель истории.
№ 2. Иоаким — епископ Новгорода.
№ 3. Славен и Скиф князи, гл. 10, 31.
№ 4. Алазони, гл. 12, н. 8.
№ 5. Амазони, гл. 11, 12, н. 53, 14, н. 68.
№ 6. Славенск и Великий град, н. 4, гл. 34.
№ 7. Вандал князь, гл. 40.
№ 8. Гардорик и Кунигард, гл. 27, 29.
№ 9. Славяне на Западе остались, гл. 24.
№ 10. Русь меж Ладоги и Пейпуса, ч. II, н. 14.
№ 11. Колмогард, гл. 29. Владимир и Столпосвят, н. 21.
№ 12. Анванда княгиня, ч. II, н. 43.
№ 13. Имена государей не известны, гл. 33.
№ 14. Дань варягом.
№ 15. Бирмия, гл. 29, 40, гл. 17, н. 41.
№ 16. Дочери Гостомысловы, ч. II, н. 43.
№ 17. Сновидения.
№ 18. Ливония к Руссии, гл. 17, н. 11, 30, 37.
№ 19. Урмания, гл. 32, н. 26, ч. II, н. 45.
№ 20. Ижора в вено, гл. 17, н. 42.
№ 21. Оскольд, гл. 3, н. 10, сын Рюрика.
№ 22. Олег — шурин Рюрика и Ефанда — жена Рюрика, ч. II, н. 102.
№ 23. Ольга — Прекраса именованная, н. 16, ч. II, н. 74.
№ 24. Андрей апостол в Киеве, гл. 3, н. 4.
№ 25. При Ольге многие крестились, ч. II, н. 61 и 113.

---

[40] РО БАН, 1.5.66, л. 20.

[41] С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. «Материалы по истории СССР», т. V. М., 1957, стр. 618.

[42] См. по этому поводу интересные соображения М. Н. Тихомирова (указ. соч., стр. 50—52).

№ 26. Святослава брак с венгерскою.
№ 27. Глеб — брат Святославль, ч. II, н. 102.
№ 28. Горислава Рогнед, ч. II, н. 146 и 352.
№ 29. Ярополк склонен христианству, ч. II, н. 141.
№ 30. Крещение Владимирово иначей, ч. II, н. 174, 190.
№ 31. Епископы по градом, н. 2, ч. II, н. 181, 185
№ 32. Иоаким о себе.
№ 33. Путята — тысяцкий.
№ 34. Кресты на шеях.
№ 35. Дети Владимира, ч. II, н. 153, 178.

ГПБ, Эрмитажное собрание, № 555, лл. 204 об.— 205.

С. М. Троицкий

ЗАЕМНЫЕ КНИГИ КРЕПОСТНЫХ КОНТОР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVIII века

(по материалам Арзамасской крепостной конторы)

В данной статье мы предприняли попытку показать значение заемных книг для выяснения влияния налогов на крестьянское хозяйство. С развитием товарно-денежных отношений в XVII—XVIII вв. крестьяне при недостатке средств были вынуждены все чаще и чаще прибегать к займам денег для уплаты увеличивающихся государственных и частновладельческих налогов и повинностей. Занимая деньги у монастырей, купцов, богатых посадских людей, представителей местной администрации, крестьяне выдавали заемные записи или заемные кабалы.

До начала XVIII в. все частные сделки, в том числе оформление займов, совершались площадными подьячими в присутствии свидетелей или на дому. Правительство Петра I, чтобы упорядочить заключение сделок и бороться с подложными актами, а также увеличить казенные доходы, ввело в 1699 г. гербовую бумагу для написания документов. Позже правительство установило обязательную регистрацию всех сделок в государственных учреждениях с уплатой пошлин. В 1719 г. для сбора пошлин с крепостей в провинциях были учреждены крепостные конторы, подчинявшиеся Юстиц-коллегии. В большинстве провинций крепостные конторы просуществовали до конца 70 — начала 80-х годов XVIII в. С уничтожением Юстиц-коллегии и созданием новых губернских учреждений начиная с 1775 г. ведение крепостных дел было постепенно передано палатам гражданского суда и уездным судам.

В крепостных конторах велись разнообразные книги для записи актов: вотчинные, крестьянские, рядные, сделочные, подрядные, заемные и другие, содержащие ценные данные для исследования социально-экономической истории.

Необходимо отметить, что часть записных книг Алаторской, Уфимской, Оренбургской, Каракулинской, Мензелинской и Челябинской крепостных контор, содержащих также и заемные записи, была опубликована [1]. Однако до сих пор документы крепостных контор еще мало привлекаются исследователями для изучения социально-экономической истории России XVIII в.

[1] Из фонда Алаторской крепостной конторы опубликованы в кратком изложении 8 книг за 1737—1744 гг. (Летопись занятий Археографической комиссии, т. 3. СПб., 1865, стр. 134—176). Опубликованные записи других контор охватывают XVIII в. (Материалы по истории Башкирской АССР. Подг. к печати Н. Ф. Демидова, т. 3, 4, ч. 1; т. 5. М., 1949—1960).

В литературе отсутствуют специальные источниковедческие работы о заемных книгах XVIII в. В последнее время появилась лишь работа Г. Д. Капустиной, посвященная изучению записных книг Московской крепостной конторы в первой четверти XVIII в.[2]. Однако в этой интересной работе дается в основном общая характеристика содержания отдельных видов актов. Автор недостаточно уделил внимания раскрытию содержания заемных записей, остановившись главным образом на юридической стороне оформления займов.

В фонде Арзамасской крепостной конторы основная масса дел относится к периоду с середины 30-х до середины 70-х годов XVIII в. Сохранилось 30 заемных книг с 1739 по 1776 г. Большинство заемных книг имеет на обложке одинаковый заголовок, в конце которого указан год. Например: «Книга записная в займе денег и данных на заемные кабалы и во взятье товаров и наемным лавочным записям... года»[3]. В результате сплошного просмотра книга выяснилось, что все они, как правило, содержат только заемные записи.

Делопроизводство в Арзамасской крепостной конторе велось таким образом, что наряду с регистрацией актов по отдельным видам в специальных книгах (вотчинных, крестьянских, подрядных, заемных, поручных и т. п.) по истечении каждого года составлялась общая приходная книга, в которую вносились в кратком изложении записи актов из всех других книг, в том числе и заемных. Приходные книги имеют в начале алфавитный указатель лиц, встречающихся в тексте.

После проверки данных ряда приходных и заемных книг оказалось, что основное содержание заемных записей совпадает в обоих видах книг[4]. Следовательно, в тех случаях, когда не сохранились заемные книги, можно использовать приходные книги.

В целом в Арзамасской крепостной конторе делопроизводство было поставлено довольно хорошо, и записи сделок правильно регистрировались в соответствующих книгах. Лишь в единичных случаях канцеляристы допускали ошибки и записывали в заемных книгах другие сделки[5]. Возможно, что отдельные заемные записи также попадали в другие виды книг.

Нами изучены заемные книги за 30—60-е годы XVIII в. В большинстве книг имеется 5-7 или 15 записей в год, в остальных 3-4[6]. Все заемные записи имеют одинаковые статьи. В них указаны число, месяц и год совершения займа, имена и фамилии должников и их кредиторов, социальное положение тех и других, размер занимаемой суммы, условия, на которых совершается займ, срок возвращения денег. В конце заемной кабалы указаны имена поручителей и свидетелей, сведения о взимании пошлины в крепостной конторе и подписи должников. Так как большинство заемных кабал было выдано неграмотными крестьянами, то вместо них чаще всего подписывались канцелярские служители или посадские люди.

Для дальнейшего анализа возьмем заемные записи Арзамасской крепостной конторы (см. табл. 1).

---

[2] Г. Д. Капустина. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.). «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959, стр. 216—273, особенно стр. 246—250.

[3] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 616, д. № 53 (далее все ссылки даются на этот архив и фонд).

[4] См., например, Приходная книга за 1743 г. (д. № 78) и заемная книга за 1743 г. (д. № 84).

[5] Например, в заемной книге за 1761 г. оказалась запись о взимании штрафа с дворцовых крестьян деревни Болотной Пузы за прием беглого крестьянина Ростовского Петровского монастыря (д. № 246, л. 1 об.).

[6] В заемной книге за 1752 г. имеется всего одна запись (д. № 164). Возможно, эта книга сохранилась неполностью.

Таблица 1

Распределение заемных записей, составленных в Арзамасской крепостной конторе в 1739—1755 гг. *

Годы	Число займов	Сумма займов (руб.)	Годы	Число займов	Сумма займов (руб.)
1739	11	562	1747	3	202
1740	2	107	1748	10	674
1741	5	148	1749	14	433
1742	3	112	1750	9	1161
1743	15	325	1752	1	50
1744	6	490	1753	3	332
1745	6	257	1754	2	225
1746	15	1127	1755	4	340
Всего				109	6545

* Дела № 43 (1739 г.), 53 (1740 г.), 64 (1741 г.), 75 (1742 г.), 83 (1743 г.), 91 (1744 г.), 99 (1745 г.), 107 (1746 г.), 118 (1747 г.), 128 (1748 г.) 137 (1749 г.), 145 (1750 г.), 164 (1752 г.), 173 (1753 г.), 183 (1754 г.), 191 (1755 г.). У нас отсутствовали данные за 1751 г.

Из приведенных материалов видно, что число займов и суммы значительно колебались в разные годы. Это объясняется тем, что к займам прибегало еще сравнительно мало крестьян Арзамасского уезда.

Подавляющее большинство займов приходится на крестьян Арзамасского уезда. Кроме того, учтены займы крестьян Алаторского [7] и Нижегородского уездов (по две сделки из каждого уезда) [8], а также по одной сделке крестьян Балахнинского [9] и Кадомского уездов [10].

В наши подсчеты вошли все займы, сделанные за указанные годы. Следует иметь в виду, что в некоторых случаях крестьяне уклонялись от регистрации заемных кабал в крепостной конторе, чтобы избежать уплаты пошлин и по другим причинам. В XVIII в. правительство неоднократно издавало указы, требовавшие заключать сделки только в крепостных конторах, но это мало помогало [11].

Однако нам представляется, что такого рода неполнота заемных записей не была значительной, так как регистрация кабалы в крепостной конторе облегчала взимание долга. Поэтому заемные записи дают достаточно полное представление о количестве сделок.

Развитие товарно-денежных отношений в России в XVIII в. сопровождалось интенсивным втягиванием крестьянского и помещичьего хозяйства в рыночные отношения. Одновременно происходило усиление феодальной эксплуатации тяглого населения как со стороны отдельных феодалов, так и феодального государства. Перевод значительной части крестьян на денежную ренту, а также необходимость уплачивать постоянно растущие государственные налоги приводили к тому, что крестьяне при денежном недостатке были вынуждены делать займы у ростовщиков. Постепенно некоторая часть крестьян попадала в зависимость от ростовщиков и разорялась.

[7] Заемные книги № 107 (1746 г.), л. 3 об.; № 173 (1753 г.), л. 2.
[8] Заемные книги № 107 (1746 г.), л. 7 об.; № 145 (1750 г.), л. 2 об.
[9] Заемная книга № 64 (1741 г.), л. 4.
[10] Заемная книга № 83 (1743 г.), л. 13.
[11] Так, 4 декабря 1741 г. приказчик помещика И. Ф. Чемоданова принес в крепостную контору для взыскания два заемных письма о выдаче крестьянам взаймы денег в 1738 г. и в январе 1741 г.; обе кабалы до этого не были зарегистрированы в конторе (кн. № 64, лл. 5—6).

Начало этого процесса относится к концу XVI — началу XVII в.[12]. Его развитие в XVIII в. можно проследить по заемным книгам крепостных контор, содержащим ценные сведения о социальном составе лиц, совершающих займы, и их кредиторах. За 16 лет почти все займы (100 из 109) были сделаны крестьянами. Кроме того, за эти годы 9 займов сделали помещики: 28 мая 1745 г. отставной поручик князь С. И. Дивеев с двумя родственниками занял у крестьянина А. Б. Горшкова «для своих нужд» 100 руб. до 1 мая 1747 г.[13]; 31 декабря 1746 г. вахмистр С. Болтин «для совершенной своей общей нужды з братом и сестрами» занял 100 руб. сроком на год[14] и т. д.

За эти годы мы не встретили сведений о займах посадских людей и купцов. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что займы этой группы населения регистрировались, видимо, в других книгах. Возможно, что в фонде Арзамасской конторы сохранились уездные заемные книги.

Изученные нами заемные книги позволяют установить категории крестьян-должников. Так, в рассматриваемый период почти 75% всех займов приходится на дворцовых (75 сделок) крестьян, около 23% — на долю помещичьих (23 сделки) и монастырских (2 сделки) крестьян. Это объясняется прежде всего тем, что в Арзамасском уезде находились крупные дворцовые вотчины. Кроме того, к началу 40-х годов XVIII в. бóльшая часть дворцовых крестьян Арзамасского уезда была переведена на денежный оброк, в то время как помещичьи крестьяне, особенно мелких владельцев, продолжали оставаться на барщине или платили натуральные оброки. В этих условиях значительная часть дворцовых крестьян вынуждена была прибегать к займам у ростовщиков, которые их закабаляли.

Обращаясь к заемным записям, мы видим, что в изучаемый период было сделано всего 10 индивидуальных займов. Так, 28 октября 1741 г. крестьянин села Тантаурова дворцовой Толоконцевской волости Балахнинского уезда Я. Калашников занял «на необходимые свои нужды» у архимандрита Арзамасского Спасского Преображенского монастыря 50 руб. до конца марта 1743 г.; 3 мая 1743 г. крестьянин дворцового села Воскресенского Арзамасского уезда А. Л. Янкин занял у священника этого же села 20 руб. до 3 мая 1744 г.[15] и т. д. При этом во всех случаях нет точных указаний, для каких целей сделаны займы.

Бóльшая часть займов совершена целыми селами и деревнями. Все займы сделаны главным образом «на платеж государственных подушных денег», «с согласия всего мира» (это обычные формулировки заемных записей).

Помещики и правительство стремились к тому, чтобы при уплате подушной подати и других налогов использовалась мирская раскладка повинностей[16]. Это объясняет нам, почему в качестве заемщиков выступают крестьянские миры. В то же время и кредиторы были заинтересованы в том, чтобы в качестве должника выступало целое село или деревня, так как это служило гарантией своевременной уплаты долга.

Заемные книги содержат также данные о социальном составе кредиторов, позволяющие в известной мере судить о влиянии развивающихся товарно-денежных отношений на хозяйство представителей различных

---

[12] О крестьянских займах в XVII в. см., например, А. Спицын. Подати, сборы и повинности на Вятке XVII ст. Вятка, 1885, стр. 32; М. М. Богословский. Кредит в земском хозяйстве XVII в. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 29—42; его же. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 84—87, 189—190; т. II. М., 1912, стр. 154—164.

[13] Заемная книга № 99, л. 3 об.

[14] Там же, № 107, л. 12.

[15] Заемные книги № 64, л. 4; № 83, л. 10.

[16] См., например, Полное собрание законов (далее — ПСЗ). СПб., 1830, собр. I, т. V, № 3466, § 8, ст. 2; т. VII, № 4624, § 18—19; № 4737 и др., а также инструкции помещиков и дворцового ведомства управителям.

сословий и социальных групп. Так, в 1739—1755 гг. бо́льшая часть займов была предоставлена помещичьими крестьянами (66 займов); на втором месте стоят помещики (21 займ), затем идут чиновники Арзамасской провинциальной канцелярии и других учреждений (15 займов). Другие слои населения редко выступают в роли кредиторов: купцы — 3 займа, духовенство (сельский священник и игумен монастыря) — 2; по одному займу — посадские люди и дворцовые крестьяне.

При этом необходимо подчеркнуть, что по существу нет никаких различий в размерах ссуд, выданных крестьянами, помещиками и чиновниками. Большинство займов колеблется в пределах между 50—100 и 150 рублями. Скорее можно отметить, что займы, предоставленные ростовщиками из числа крестьян, являются более крупными; наряду с другими обстоятельствами, как мы увидим далее, это свидетельствует о складывании сельской буржуазии.

Наибольший интерес в заемных книгах представляют цели займов, а также условия выдачи ссуд. Так, 27 февраля 1739 г. дворцовые крестьяне деревни Сыреевой заняли до 1 марта 1743 г. на покупку «вторичной драгунской лошади» 30 руб. у крестьян С. И. Картузова (князя А. И. Голицына) и И. Лаврентьева (полковника Л. Г. Юсупова) [17]. Наиболее распространенной причиной займов дворцовых крестьян, среди которых преобладали крещеные татары и мордва, была необходимость платить подушную подать, дворцовые подати и мирские сборы. Так, в мае 1745 г. дворцовые крестьяне села Пинетаевки заняли «на платеж подушных денег и дворцовых доходов» 15 руб.; в июле 1753 г. дворцовые крестьяне села Красный Кудлей — 20 руб. «для необходимых своих нужд и платежа дворцовых и прочих доходов» [18] и т. д. В некоторых случаях дворцовые крестьяне специально отмечали в заемных записях, что деньги берутся «для необходимых своих нужд и роздачи долгов» [19].

Помещичьи крестьяне также были вынуждены прибегать к займам, чтобы уплатить подушную подать и повинности в пользу помещика. Например, 19 июня 1735 г. крестьяне князя А. А. Путятина (село Хирино) заняли для уплаты подушных денег и «на вотчинные нужды» 25 руб. у майора П. Л. Бутурлина; 30 июня крестьяне П. И. Засецкого (село Осиповка) взяли на свои мирские нужды у подканцеляриста Н. Д. Мещеринова 26 руб.; 3 января 1746 г. крестьяне помещицы Е. С. Милославской заняли «на мирские нужды для платежа госпоже своей оброчных денег» [20] и т. д.

Заемные книги позволяют проследить, как часто отдельные села совершают займы; это помогает выяснить степень разорения крестьян (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что тяжесть государственных налогов в сочетании с дворцовыми повинностями вынуждала зачастую крестьян несколько раз в год прибегать к займу значительных сумм. Совершая займы, крестьяне, как мы покажем далее, нередко разорялись и попадали в кабалу к сельским ростовщикам. При этом необходимо отметить, что в России, как и во Франции, в отдельных случаях разорение крестьян вызывалось не только «высотою налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги» [21].

Рассмотрим условия, на которых совершались займы. Большинство сделок приходится на зиму, весну (январь — апрель) и осень (сентябрь — декабрь) каждого года. Это объясняется тем, что в эти периоды

---

[17] Заемная книга № 43, л. 2.

[18] Заемные книги № 99, л. 3; № 173, л. 3; см. также № 128 (1748 г.), лл. 2 об., 4, 7 и др.

[19] Заемная книга № 173 (1753 г.), лл. 1—2.

[20] Заемные книги № 33, лл. 81 об., 88; № 107, л. 1.

[21] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1949, стр. 147.

Таблица 2

Займы крестьян в 1739—1755 гг. (по 4 селам)

Годы	Села (деревни)							
	Ризадеево		Сыреево (Ивановское)		Афтодеево (Никольское)		Красный Куллей	
	сумма (руб.)	число займов	сумма (руб.)	число займов	сумма (руб.)	число займов	сумма (руб.)	число займов
1739	—	—	30	1	—	—	—	—
1742	72	2	—	—	—	—	—	—
1743	200	2	—	—	100	2	—	—
1744	240	3	—	—	—	—	200	1
1745	100	2	—	—	—	—	100	1
1746	50	1	—	—	50	1	370	2
1748	—	—	30	1	250	1	—	—
1749	—	—	106	3	50	1	20	1
1750	105	1	100	1	30	1	—	—
1753	—	—	—	—	—	—	20	1
1755	—	—	—	—	150	1	—	—
Всего	767	11	266	6	630	7	710	6

следовало платить подушную подать, а кроме того, уже зимой у крестьян истощался запас своего хлеба. Обычно займы делались до нового урожая или сроком на год. Но были займы и на более длительное время.

На основании записей кабальных книг нам не удалось установить, всегда ли сумма займа, зафиксированная в кабале, соответствовала сумме, выданной должнику. Однако, если учесть кабальный характер значительной части займов и то, что еще в XVI—XVII вв. широко практиковалось составление заемных кабал на сумму, в 2—3 раза превышавшую действительную сумму займа [22], то можно предположить, что и в XVIII в. были такие случаи.

В использованных заемных книгах мы обнаружили одну расписку, предъявленную в контору после уплаты долга кредитору. 6 мая 1748 г. крестьянин А. Б. Горшков отдал заемную расписку помещика С. И. Дивеева, занявшего у него 1 мая 1745 г. 100 руб. [23]. Однако других расписок мы не встречали. Возможно, что основная масса должников — крестьяне — не была столь аккуратной. Вернее же предположить, что все эти расписки обычно не предъявлялись в контору.

Наряду с условием возвратить ссуду деньгами, мы встречаем указания на уплату долга хлебом. Так, в 1743 г. крестьянин помещика А. С. Копнина А. Б. Горшков из села Замятнина дал взаймы дворцовым крестьянам села Череватова 150 руб. для уплаты подушных денег до 15 августа. В случае отсутствия денег они обязались отдать ему 200 четвертей ржи. Крестьянин А. И. Кротов дал дворцовым крестьянам села Афтодеево 50 руб., за которые они обязались вернуть 50 четвертей ржи [24], и т. д. Аналогичных примеров много.

В использованных нами делах встречаются займы с уплатой больших процентов должниками. Например, в 1738 г. помещик И. Ф. Чемоданов дал взаймы крестьянам А. С. Милославского 11 руб. Крестьяне обязались

[22] См. М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, стр. 160—162.

[23] Заемные книги № 99, л. 3, об.; № 128, л. 2.

[24] Заемная книга № 83, лл. 3, 4.

вернуть долг и по 5 четвериков ржи на каждый рубль. В случае неустойки они обязывались уплатить 22 руб.[25] В 1741 г. Чемоданов ссудил крестьянам помещика А. Ф. Савасти 47 руб., за которые они должны были возвратить осенью 1741 г. «ржи по осмине на всякой рубль хорошей»[26].

Нередко деревенские ростовщики, используя затруднительное положение крестьян, обусловливали получение займа для уплаты подушной подати отдачей им сенных и лесных угодий. 6 ноября 1735 г. дворцовые крестьяне мордовской деревни Атингеевой Починковской волости (Поташного правления) заняли у майора П. Л. Бутурлина 150 руб. В тот же день они отдали ему в аренду «тяглую свою крепостную землю» на 5 лет и покосы до 1743 г., «а за наем у него, Бутурлина, зачитать из заемных наших кабальных денег на всякой год по пяти рублев» (всего 25 руб.)[27]. 2 июля 1739 г. дворцовые крестьяне деревни Кордовали Утишного стана заняли у помещика И. М. Жукова 40 руб. до 1 января 1740 г. До уплаты долга они обязались «вырубать» ему каждый год по 50 бревен и давать по 200 лубьев, а также вывозить все это на своих лошадях в его деревню Юсупово[28], и т. д.

В других случаях кредиторы прямо оговаривали в заемных записях уплату долга рожью по заниженным ценам, размер которых зависел от урожая в данном году и высоты цен на хлебном рынке в Арзамасе. Это свидетельствует об усилении зависимости крестьян от сельских ростовщиков. Так, упоминавшийся выше крестьянин А. Б. Горшков ссудил крестьянам села Гагина (князя В. П. Долгорукова) 4 мая 1739 г. 50 руб. до 1 мая 1740 г. В случае неуплаты в срок денег крестьяне обязались отдать ростовщику ржи на эту сумму из расчета 20 коп. за четверть (всего 250 четвертей!)[29]. В феврале 1746 г. А. Б. Горшков дал взаймы крестьянам дворцового села Гари 40 руб.; за эту сумму они обязались платить рожью, «зачитая ему ценою по сороку копеек за четверть» (всего 100 четвертей). Кроме того, он ссудил крестьянам села Афтодеева 50 руб., за что они должны были отдать 100 четвертей ржи[30].

В некоторых случаях хроническая нужда крестьян в денежных средствах достигала такой остроты, что они не ограничивались займами на кабальных условиях, а отдавали в обеспечение займа посевы. Так, 7 июня 1746 г. дворцовые крестьяне села Красный Кудлей заняли у А. Б. Горшкова 50 руб., которые должны были вернуть в два срока — 1 и 10 июля 1746 г. В заемной кабале они обязались: «А если мы, заимщики, и все того села жители оных заемных денег на означенные сроки ему, Горшкову, не заплатим, то ему, Алексею Горшкову, сжать у нас посеянной ржи тридцать десятин, которые в урочищах от Сармаевского поля»[31].

Такие условия займов свидетельствуют о том, что фактически деревенские богатеи, разорив крестьян при выдаче ссуд, начинали эксплуатировать их труд в сельском хозяйстве.

В этом отношении данные заемных книг хорошо дополняются сведениями кортомных записей Арзамасской крепостной конторы, на основании которых видно, что наряду с выдачей ссуд крестьянам одних и тех же сел в течение ряда лет ростовщики арендовали на кабальных условиях пахотную землю, леса и покосы. В некоторых записях не содержится прямых указаний на то, что крестьяне обязуются работать на земле, арендованной их ростовщиком. В то же время имеются данные о работе крестьян за плату на арендованной у них другими лицами земле; таким

[25] Заемная книга № 64, л. 6.
[26] Там же, л. 5.
[27] Заемная книга № 33, лл. 123—123 об.
[28] Заемная книга № 43, л. 10.
[29] Там же. л. 5 об.
[30] Заемная книга № 107, лл. 2 об., 3.
[31] Там же, л. 8 об.

путем они добывали средства для уплаты долга. Приведем несколько примеров. В августе 1743 г. крестьяне дворцового села Афтодеева отдали за 45 руб. ростовщику, крестьянину вотчины князя А. Д. Голицына А. И. Кротову в «наем» «30 десятин лутчих в поле, а в дву потому ж и посеянную рожь, а владеть с сего году, и снять с каждого поля по два хлеба» [32]. Кроме того, они сдали в аренду на два года за 45 руб. 60 десятин лучшей земли другому их кредитору — крестьянину Ф. Ярунину, компаньону А. И. Кротова [33]. Уже неоднократно упоминавшийся ростовщик, крестьянин А. Б. Горшков лишь в одном 1743 г. взял у крестьян деревни Кавлей в аренду на пять лет мельницу и сенные покосы, а также около 200 десятин пахотной земли с угодьями и прудом на разные сроки за 475 руб. [34]. Земля была отдана Горшкову крестьянами тех дворцовых сел (Ризадеево, Личадеево, Красный Кудлей), которые систематически занимали у него деньги для уплаты податей.

Заемные книги дают возможность проследить операции отдельных ростовщиков за продолжительное время, что чрезвычайно важно для исследования истории формирования сельской буржуазии. Некоторые из ростовщиков на протяжении многих лет систематически вели значительные по размерам операции. Так, помещичий крестьянин А. Б. Горшков в 1739—1756 гг. роздал взаймы крестьянам 1728 руб. По годам эта сумма распределяется следующим образом:

1739	50 руб.	1745	200 руб.	1752	50 руб.
1740	7 »	1746	290 »	1755	30 »
1742	36 »	1748	35 »	1756	200 »
1743	450 »	1749	25 »		
1774	250 »	1750	105 »		

Всего за 13 лет он выдал 1728 рублей.

Кроме того, А. Б. Горшков брал в аренду большое количество пахотной земли и различных угодий. Естественно, что сам он не мог обрабатывать эту землю и привлекал для работы по найму или на кабальных условиях крестьян Арзамасского уезда. В ряде случаев А. Б. Горшков в качестве процентов за выданную ссуду помещикам брал на время для работы в своем хозяйстве их крестьян. Так, 8 февраля 1748 г. он дал взаймы помещику, отставному капралу Я. Б. Негесову 35 руб. до 9 февраля 1749 г. В заемной кабале было написано: «А до отдачи тех денег крестьянину моему того ж села Замятнина Михаилу Минееву з женою и сыном Максимом быть у него, Горшкова, и у жены ево и у детей во всяком послушании и работать в каждой неделе пополам, а работу работать в собственной своей одежде. А ежели они ево, Горшкова, будут не в послушании, и ему, Горшкову, их наказывать, а мне, Якову Нетесеву, в том на нем не отыскивать» [35].

Если учесть широкий размах деятельности ростовщиков, дававших крестьянам ежегодно крупные суммы в долг, получавших большие партии хлеба и арендовавших значительные участки земли, на которых работали их должники за пониженную плату, то мы можем определенно говорить о значительном проникновении ростовщического капитала в дворцовую деревню и тяжелой эксплуатации крестьян. Приведенный материал свидетельствует также о том, что среди части крестьян Арзамасского уезда имущественное расслоение перерастало в социальное.

---

[32] Приходная книга № 84, л. 126.
[33] Там же, л. 126 об.
[34] Там же, лл. 5, 73, 111 об., 113, 121, 131 об.— 132.
[35] Заемная книга № 128, л. 1. Интересно отметить, что этот помещик, возможно, был родственником майора Г. Б. Нетесева, которому до начала 40-х годов XVIII в. принадлежал А. Б. Горшков. См. Заемная книга № 43 (1739 г.), л. 5 об.

Широкое распространение в середине XVIII в. крестьянских займов на кабальных условиях у ростовщиков вызвало беспокойство дворцового управления, так как эти займы разоряли крестьян. Видимо, в это время предпринимаются какие-то меры по ограничению крестьянских займов. Так, в заемной книге за 1761 г. мы встречаем указание на то, что дворцовые крестьяне совершают займ «з дозволения управительских дел»[36]. По этой причине за 60—70-е годы в книгах мы встречаем меньше случаев займов.

Немалое влияние на сокращение числа крестьянских займов, регистрируемых в крепостных конторах, оказало и следующее обстоятельство. К 60-м годам XVIII в. крестьянская нищета и займы денег на кабальных условиях для уплаты государственных налогов приняли значительные размеры. Разорение крестьян ростовщиками способствовало росту подушной недоимки среди крестьян. Поэтому 25 октября 1765 г. Сенат издал указ «О недержании купцам государственных крестьян в работах за долги», который во избежание разорения и закабаления крестьян ростовщиками предписывал государственных, монастырских и помещичьих крестьян «векселями и другими никакими заемными письмами под образом векселя, хотя б оные с выбора вотчин и волостей даны были, отнюдь не обязывать»[37].

Мы довольно подробно охарактеризовали содержание заемных книг, но в небольшой статье не могли с исчерпывающей полнотой рассмотреть все сведения, имеющиеся в данной категории источников. Помимо кортомных записей, данные заемных книг могут быть дополнены сведениями из других книг крепостных контор, особенно подрядных, жилых, лавочных и т. п.

Нами неоднократно отмечалось, что заемные записи дают очень ценный материал для выяснения влияния государственных налогов на крестьян. В этом отношении они существенно дополняют сведения вотчинных фондов и учреждений дворцового ведомства о взимании налогов[38].

В заключение необходимо подчеркнуть, что заемные книги, подобно таможенным книгам, дают массовый разнообразный материал по истории крестьян большинства районов России. Это подтверждает знакомство с опубликованными заемными записями, а также с фондами Вятской, Новгородской и некоторых других крепостных контор.

В качестве примера приводим текст одной из заемных записей.

Приложение

ТЕКСТ ЗАЕМНОЙ ЗАПИСИ ЗА 1758 г.

«Лета тысяча седмьсот пятдесят осмаго генваря в шесть на десять день Арзамасского уезду Утишного стану дворцового села Архангельского, Ризадеева тож, староста Кирила Максимов, соцкой Павел Корнилов, редовые Иван Семенов, Иван Ильин и все того села жители со всего мирского общаго согласия заняли мы для платежа государственных податей и на необходимые свои мирские нужды у ланцмилицкого Козловского полку секунд-маэора Михаила Павловича сына Жукова денег серебяною рублевою манетою сто двадцать рублев на год до сроку будущего семсот пятдесят девятого году генваря до третьяго на десять числа, которые деньги заплатить нам, заимщикам, на тот показанной срок все сполна. А ежели мы, заимщики, и все того села жители вышеписанных денег на показанной срок ему, Жукову, не заплатим и в том учинятца какие ему убытки, и ему, Жукову, взять на нас, заимщиках, и на всех того села жителях те свои данные в займы нам деньги и со учинившимися убытки, по ево, Жукова, скаске все сполна, без всяких наших отговорок. К сей заемной при-

[36] Заемная книга № 246, л. 2 об.

[37] ПСЗ, собр. I, т. XVII, № 12498.

[38] См., например, И. Ф. Петровская. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII— первой половины XIX в. «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 36—44, 49 и др.

писной ко Арзамасскому магистрату в цех Андрей Гаврилов вместо вышеписанных заимщиков старосты Кирилы Максимова, соцкого Павла Корнилова, редовых Ивана Семенова, Ивана Ильина и всех того села жителей, что они вышеписанные деньги сто двадцать рублей до сроку заняли, по их прошению руку приложил. По той же заемной свидетели Арзамасской правинциальной канцелярии капцелярист Петр Михайлов сын Кенарской, Андрей Семенов сын Серебряков, подканцелярист Степан Алексеев сын Сорокин руку приложили. Заемную писал и записал Арзамасской правинции крепостных дел писец Козьма Соболев, запрещения нет. От письма двенатцеть, от записки десять копеек, накладный четь. Итого двадцать две копейки четь. Выпись принял надсмотрщик Яков Сторожев. К сей записке коллежского асессора Александр Матвеевича Баюшева, села Кочукова, земской Дмитрий Потрохов вместо старосты Кирилы Максимова, соцкого Павла Корнилова, редовых Ивана Семенова, Ивана Ильина и всех того села жителей по их прошению руку приложил. А подленною заемную они к себе взяли того ж числа. К сей записке господина маэора Михаила Павловича Жукова служитель его Василий Яковлев по поверенному письму руку приложил».

Заемная книга № 217, л. 1.

Е. И. Каменцева

ПЕЧАТИ УЧРЕЖДЕНИЙ XVIII в. ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди печатей, собранных в Государственном историческом музее (ГИМ), имеются несколько медных матриц печатей учреждений XVIII в.[1].

Определение их принадлежности и назначения, а также характер изображений на печатях представляют несомненный интерес[2].

1. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре — 33 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества печать МБТ явочная». Внизу под орлом — дата изготовления печати — «748 году» (рис. 1).

2. Медная матрица. Рисунок вдавленный. Размер в диаметре 31 *мм*. В центре печати помещено изображение двуглавого орла, на груди орла в кругу вырезаны коромысленые весы. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества печать МБТ настоящаго»; внизу под орлом продолжение круговой надписи: «754 году» (рис. 2).

3. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре 36 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества печать МБТ настоящаго»; внизу под орлом продолжение круговой надписи: «754 году» (рис. 3).

4. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре — 33 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. Внизу буквы «В» и «Т» и бегущий справа налево соболь. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества п. Сибирьского приказу» (рис. 4).

5. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре — 30 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. Внизу буквы «Д» и «Т» и бегущий слева направо соболь. По краю печати круговая надпись: «П. ея императорского величества с. приказу» (рис. 5).

6. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре — 35 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. Внизу буквы «К» и «Т» и бегущий справа налево соболь. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества п. Сибирьскаго приказу» (рис. 6).

7. Медная матрица. Рисунок выпуклый. Размер в диаметре — 33 *мм*. В центре помещено изображение двуглавого орла. Внизу буквы: «Я» и «Т» и бегущий справа налево соболь. По краю печати круговая надпись: «Ея императорского величества п. Сибирьскаго приказу» (рис. 7).

---

[1] ГИМ, Отдел нумизматики, № 93366/1—7.

[2] Автор приносит глубокую благодарность Н. В. Устюгову и Н. Ф. Демидовой, оказавшим существенную помощь в расшифровке рассматриваемых в настоящей статье печатей.

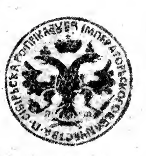


Рис. 1—7

Все семь печатей имеют много общего. Их объединяет материал, из которого они изготовлены, общий вид и композиция рисунка. В центре всех печатей помещен двуглавый орел. Он появился на печатях после принятия Генерального регламента, который должен был ликвидировать старый принцип помещения на печатях учреждений изображений, связанных с родом их деятельности.

В Регламенте указывалось: «...в Коллегиях сделать особливыя ж печати, со изображением е. ц. в. герба, и с надписанием звания каждой Коллегии»[3]. По образцу печатей коллегий стали изготовлять печати и для других учреждений. Обязательной их частью становится двуглавый орел и надпись, указывающая на учреждение, которому принадлежала печать.

Следует решить вопрос о назначении описанных печатей, а также определить принадлежность и приблизительное время употребления в случаях, когда дата печатей не указана.

Рис. 8

Принадлежность и назначение первых трех печатей определяются расшифровкой букв круговой надписи «М», «Б» и «Т», которые, по-видимому, означают «Московская большая таможня». Все эти печати датированы: первая — 1748, вторая и третья — 1754 г.

В Московской большой таможне меняли печати довольно редко. Например, печатью с датой 1730 г. скреплены выписи 1741 г.[4] Время изготовления рассматриваемых печатей — почти одно и то же, и, следовательно, употребляться они могли одновременно.

На первой печати указано ее назначение: «отъявочная». Отъявочными назывались товары, оставшиеся непроданными с предыдущего года. Значит, эта печать связана с товарами такого рода. Интересно, что и на ручке вырезаны были буквы «ОТ», указывающие на назначение печати. Эти буквы помогали быстрее отыскивать требуемую печать среди других (рис. 8).

Вторая и третья печати изготовлены в одном и том же 1754 г., имеют одинаковый рисунок и надпись. Но у одной из них рисунок вдавленный, а у другой — выпуклый. Этим определяется и различие в их назначении.

Из таможенного законодательства 30—50-х годов известно требование клеймения в таможнях товаров, с которых были уплачены пошлины. Например, указом 19 декабря 1739 г. требовалось клеймение товаров, купленных из казны[5]. Указом от 20 февраля 1744 г. для Кяхтинской, Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской таможен предписывалось сделать «особливые клейма для печатания товаров, с приложением печатей

---

[3] Полное собрание законов (далее — ПСЗ), Собр. I, т. VI, № 3534.

[4] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Таможенный сборный, ф 2600, оп. 2600/1, № 95, лл. 9, 31, 32, 37—39, 52, 62; № 366, лл. 4, 11, 12, 16, 21.

[5] ПСЗ. Собр. I. т. X, № 7974.

сургучом на самих товарах...» [6]. Указ от 8 июня 1749 г. обязывал клеймить «чужестранные» товары, отпускаемые «в Российские города» в портовых и пограничных таможнях [7]. Указ от 30 января 1750 г. говорил о необходимости клеймить выписанные из-за границы ткани несколькими клеймами: в начале, середине и конце куска [8]. Указ от 26 января 1754 г. устанавливал взимание внутренних пошлин «с товаров Российских и иностранных», которые привезены до указа 20 декабря 1753 г., (т. е. до отмены внутренних таможен). Товары эти следовало клеймить «таможенными печатями» [9]. Указ от 2 октября 1754 г. подтверждал предыдущий. В нем говорилось, что «иностранные товары, оставшиеся от «прошлых лет», которые клейму подлежат, и на которых портовыя клейма и печати будут, те переклеймя и перепечатав внутренним стемпелем и печатьми, и, что причтется взять с них...» [10].

Указ 26 января 1754 г. о клеймении иностранных товаров двумя клеймами оставался в силе недолго. Уже 4 сентября 1755 г. он на будущий, 1756 г. был отменен. В указе был произведен интересный подсчет расходов, связанных с двойным клеймением: «нарочных для того стемпелей на сей 1755 год сделано 58 и за каждый платится по 3 рубли, а всего 174 рубли», далее указывался расход на сургуч и свинец [11].

Итак, из приведенных указов явствует, что товары подлежали клеймению и для этой цели существовали штемпели. В 1755 г. было изготовлено для таможен 58 штемпелей. По вполне понятным причинам мы не имеем их сургучных отпечатков, так как они ставились не на документах, а на тюках и ящиках с товарами или на самих товарах и уничтожались после продажи товаров.

Штемпели также могли сохраниться только случайно, так как подлежали уничтожению. Так, например, делали в Сибирском приказе, куда штемпели поступали из всех таможен Сибири.

Встает вопрос, не была ли предназначена вторая из рассматриваемых нами печатей (с выпуклым рисунком и датой 1754 г.) для клеймения товаров в Московской большой таможне. Печати центральных учреждений XVIII в. обычно имели вдавленный рисунок, и, следовательно, при воспроизведении на сургуче или мастике получался выпуклый рисунок. Такой рисунок матрицы мог быть предназначен для печатания сажей, но в XVIII в. центральные учреждения обычно ее не применяли. Выписи, даваемые Московской большой таможней, Померной таможней и др., скреплены сургучной печатью с выпуклым рисунком, т. е. на матрице должен был быть вдавленный рисунок. Следует отметить, что большинство указов о клеймении товаров различает печати и штемпели. В указах подчеркивается, что товары следует клеймить штемпелями. Но штемпель имеет как раз выпуклое изображение — в этом его основное отличие от матрицы печати, используемой для скрепления документов. Следует также обратить внимание на то, что штемпели для клеймения товаров в таможнях должны были датироваться, так как они менялись ежегодно. Об этом сказано в указе от 4 сентября 1755 г. [12].

Штемпель, рассматриваемый нами, имеет указание на год. На основании всего изложенного можно прийти к выводу, что вторая матрица печати с датой 1754 г.— не что иное, как штемпель для клеймения товаров. Аналогичный характер имеет матрица печати с датой 1748 г. и назва-

---

[6] ПСЗ, Собр. I, т. XII, № 8876.
[7] Там же, т. XIII, № 9628.
[8] Там же, № 9703.
[9] Там же, т. XIV, № 10182.
[10] Там же, т. XIV, № 10308.
[11] Там же, т. XIX, № 10456.
[12] Там же, т. XIV, № 10456.

нием «отъявочная». Очевидно, и она являлась таким же штемпелем, предназначенным для клеймения товаров, а не для утверждения документов.

В законодательстве имеется указание о характере изображения на штемпелях, предназначенных для клеймения товаров. Указ 12 марта 1768 г. подчеркивал, чтобы «при клеймении товаров клейма кладены были полныя, так чтоб не только один герб, но и находящаяся около оного на стемпеле подпись со всеми буквами выходила, дабы от ненаблюдения сего, не введены были фальшивые клеймы» [13].

Итак, на штемпеле изображался герб, т. е. двуглавый орел, и «подпись», которая обязательно должна была включать дату, так как штемпель, как мы видели, подлежал ежегодной смене. Этот характер изображения соответствует рассматриваемым нами штемпелям.

Наконец, последнее. Вполне допустимо предположение, что штемпель Московской большой таможни с датой 1754 г. был изготовлен в соответствии с указами 26 января и 2 октября 1754 г. о клеймении иностранных товаров, привезенных до ликвидации внутренних таможен, внутренним штемпелем. На основании анализа первых трех матриц мы пришли к выводу, что две из них — штемпели для клеймения товаров.

Следующие четыре матрицы, описанные выше, также имеют выпуклый рисунок и изображение двуглавого орла. Следовательно, и они по своему назначению не отличаются от предыдущих, но не имеют датировки. Эти штемпели отличаются рядом особенностей, затрудняющих их расшифровку. Все они имеют круговую надпись, указывающую на Сибирский приказ и, казалось бы, изготовлены для него. Но, помимо надписи, в нижней части, под двуглавым орлом, стоят буквы: «В» и «Т», «Д» и «Т», «К» и «Т», «Я» и «Т». Необходимо найти объяснение этим буквам — только тогда принадлежность штемпелей и, как увидим, их назначение станут понятны. Попробуем объяснить буквы с помощью таможенного законодательства.

Выше уже упоминался указ Сената от 20 февраля 1744 г. «о сделании при Кяхтинском форпосте и при Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской таможнях особливых клейм для печатания товаров с приложением печатей сургучом на самих товарах, а не на бумагах» [14].

В указе говорилось, что для «Кяхтинского форпоста следует сделать «особливое клеймо», которым должны клеймить китайские товары». Без этого клейма нигде не должно «являться» китайских товаров. По этому примеру указ предписывал «учинить особливыя ж клейма» в Верхотурской, в Нерчинской и Ямышевской таможнях, которыми следовало клеймить товары «как привозные в Сибирь, так и отвозные из Сибири».

Если справедливо установление связи рассматриваемых матриц и указа, то знаки на них можно было бы расшифровать следующим образом: буква «Т» означает таможню, а буквы «В», «Д», «К» и «Я» — ее принадлежность к данной местности («В» — Верхотурская таможня; «Д» — Даурская таможня [15], «К» — Кяхтинская таможня; «Я» — Ямышевская таможня).

Буквы на матрицах печатей полностью совпадают с пунктами, перечисленными в указе. Но это совпадение как раз и настораживает. Едва ли вероятен такой счастливый случай, когда из десятков штемпелей разных таможен сохранились именно эти четыре, соответствующие рассматриваемому указу (причем таможни были расположены в достаточном удалении друг от друга). Кроме того, круговая надпись указывает на Сибирский приказ. Действительно, упомянутые таможни были

---

[13] Там же, т. XVIII, № 13077.
[14] Там же, т. XII, № 8876.
[15] Так иногда назывался Нерчинск, упомянутый в указе. См. «Роспись сибирским печатям» в указе 1692 г. ПСЗ, Собр. I, т. III, № 1443.

подведомственны Сибирскому приказу, но обычно название учреждения, которому принадлежала печать, помещалось в этой основной надписи, а не разбрасывалось между деталями изображения[16]. В нашем случае видим как раз обратное.

Если бы было справедливо сделанное выше предположение, то оказалось бы, что буквы, свидетельствующие о принадлежности матриц, помещены не в основной надписи. Очевидно, следует искать другое объяснение.

Мы видели, что Генеральный регламент еще в первой четверти XVIII в. предписал на печатях коллегий изображать двуглавого орла, а вокруг него давать название учреждения. Это правило на протяжении всего XVIII в. соблюдалось довольно последовательно. Отклонения касались лишь дополнительных деталей печатей, о которых мы будем говорить далее.

Итак, круговая надпись штемпелей указывает на Сибирский приказ. Для решения вопроса о принадлежности их Сибирскому приказу необходимо рассмотреть характер его деятельности в XVIII в.

Этот приказ был образован в 1637 г., находился в Москве, где был построен обширный гостиный двор для склада и продажи различной мягкой «рухляди» и других товаров. В начале XVIII в. его упразднили, но на основании указа 1730 г. деятельность приказа была возобновлена[17].

Сибирский приказ ведал всеми сибирскими городами и собираемыми в них таможенными и казенными сборами. После учреждения в Сибири губерний Сибирский приказ стал утрачивать свое первоначальное значение. Постепенно он превратился в простую контору и, наконец, по указу от 15 декабря 1763 г. был упразднен[18].

Итак, приказу приходилось иметь дело с различными товарами. В первую очередь это были сибирские меха, затем товары, поступавшие в результате торговли с Китаем. Все товары в Сибирском приказе оценивались и подлежали продаже или по специальным требованиям шли на удовлетворение нужд двора.

Вполне допустимо предположение, что букву «Т» на штемпелях, принадлежавших Сибирскому приказу, следует расшифровать, как «товары». В этом случае буквы: «В», «Д», «К» и «Я» обозначают виды поступивших товаров.

Главный товар Сибирского приказа — меха — поступал разными путями, и прежде всего, большое количество сибирской пушнины давало обложение местного населения ясаком.

Ясачные товары упоминаются во многих законодательных и делопроизводственных источниках, связанных с деятельностью Сибирского приказа[19]. Доходы казны от ясака расширялись по мере освоения территории Сибири. Но меха поступали в Сибирский приказ не только в виде ясака. Уже в конце XVI в. из Посольского приказа были разосланы грамоты, положившие начало сбору таможенных пошлин. Причем для Сибири таможенные пошлины сразу же были установлены очень высокие. Сохранилось и их разнообразие. Основной пошлиной стала десятинная.

В грамоте П. М. Шаховскому от 20 сентября 1597 г. предписывалось брать «на государя с торговых людей десятинную пошлину с сибирских товаров, ото всякого зверя от девяти десятое с соболей, и с куниц, и с

---

[16] Например, среди матриц ГИМ имеется печать Кяхтинской таможни. В центре ее помещен двуглавый орел, под орлом цифра: «1754», т. е. печать датирована этим годом. По краю печати расположена круговая надпись: «Кяхтинской пограничной таможни печать», рисунок печати вдавленный (ГИМ, Отдел нумизматики, № 93366/9).

[17] ПСЗ, Собр. I, т. VIII, № 5659.

[18] Там же, т. XVI, № 11989, § 17.

[19] Там же, т. IX, № 6445 и др.; ЦГАДА, Описи Сибирского приказа XVIII в.

лисиц, и с бобров, и с песцов, и с белок, и с горностаев, и со всякие мягкие рухляди»[20].

Обложению подлежали и русские товары, привозимые в Сибирь, причем выплата десятинной пошлины осуществлялась также мехами. Десятинная пошлина — первая по времени введения и по значимости. Она была единой для территории всей Сибири и своими размерами превышала все другие сборы вместе взятые. Мыслилась эта пошлина как особый десятипроцентный сбор за промысел сибирской пушнины и за право торговли в Сибири привозными русскими товарами.

Значительные доходы от десятинной пошлины казна получала и в XVIII в. Указ 1731 г. об организации работ в Сибирском приказе подчеркивал, что деятельность его должна остаться прежней и включать прием, продажу, расценку товаром и сбор казны[21]. О получении Сибирским приказом ясачных и десятинных товаров говорится в указе от 20 июня 1733 г.[22] Итак, и в XVIII в. Сибирский приказ получал меха в виде ясака и десятинной пошлины.

Помимо пушнины, в Сибирский приказ поступали другие товары. В XVIII в. наблюдается значительный рост караванной торговли с Китаем, куда из России шли меха, а также сукна и полотна. Китай вывозил сырье (шелк) для русских мануфактур и готовые ткани (шелковые и хлопчатобумажные). Караванные товары сосредоточивались в Сибирском приказе и подлежали продаже.

Сибирский приказ не должен был определять к ним своих «купчин и ларочных». Указ 20 июня 1733 г. предписывал «быть у продажи тех товаров тем же купчинам и целовальникам кои приезжают с теми караванными товарами до окончания продажи тех товаров».

Мог быть и еще один вид поступлений в Сибирский приказ — вымененные товары. Это была часть китайских товаров, попадавших в Россию. Караваны, по Кяхтинскому договору 1727 г., снаряжали раз в три года и реже, направлялись они в Пекин, где велась беспошлинная торговля. Соответственно, обратно караваны приходили также не чаще, чем в три года. Но китайские товары попадали в Россию и иными путями. Русские купцы вели пограничную торговлю. Она могла осуществляться в виде непосредственного обмена русских товаров на китайские. В 1744 г., например, Сенат распорядился «для пресечения в привозе тайным образом товаров воровства в Кяхтинском форпосте зделать особливое клеймо и выменным у российских купцов китайские товары клеймить тем клеймом на каждом тюке»[23]. Таким образом, в Сибирский приказ поступали товары в виде ясака и десятинной пошлины, караванные и вымененные. Вполне вероятно, что эти поступления нашли свое отражение на рассматриваемых нами штемпелях.

Сенат в начале декабря 1741 г. разослал указ по центральным учреждениям (конторам, приказам, комиссиям), где имелись печати «з государственными гербы и с надписью», об изменении надписи титула на: «ея императорское величество»[24]. Указ получил и Сибирский приказ. По справке Сибирского приказа выяснилось, что в нем имелось «казенных печатей и товарных клейм з государственными гербы и с надписью: ...1. Настольная, которою печатаются, посланные ис Сибирского приказу в разные места с указами, доношениями и промемориями, пакеты. Товарных клейм, которыми клеймятся привозные из Сибири товары:

---

[20] Русская историческая библиотека, т. 2. СПб., 1875, № 63, стр. 142—143. О датировке грамот см. А. Н. Копылов. Таможенная политика в Сибири в XVII в. Сб. «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 332, прим. 7.
[21] ПСЗ, Собр. I, т. VIII, № 5847.
[22] Там же, т. IX, № 6445.
[23] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 2, № 93, л. 4.
[24] Там же, оп. 1, ч. 8, № 5489, лл. 1 об.— 2.

1. Караванным, 2. Выменным, 3. Десятинным, 4. Ясашным». Итак, в Сибирском приказе имелись одна печать и четыре товарных клейма, или штемпеля, как обычно именовались они в законодательстве. Начальные буквы названий товарных клейм совпадают с основными видами поступлений товаров и буквами, помещенными на наших штемпелях. Последние, следовательно, расшифровываются следующим образом: «К» и «Т» — караванные товары, «В» и «Т» — «выменные», или вымененные, товары, «Д» и «Т» — десятинные товары, «Я» и «Т» — ясачные товары. С мест товары отправлялись в Сибирский приказ в «тюках и ящиках», о чем Сибирский приказ рассылал специальные распоряжения. Об этом говорится, например, в распоряжении Сибирского приказа 1747 г. о «зборной... десятинной, товарной и ясашной казне», посланном в Иркутск [25]. Среди документов Сибирского приказа сохранилось значительное количество дел о приеме ясачных, десятинных и других товаров [26]. По получении товаров в Сибирском приказе они регистрировались, после чего или одновременно с регистрацией на тюки и ящики ставились клейма с обозначением вида поступления.

Таким образом, рассматриваемые нами матрицы печатей были товарными клеймами, или штемпелями, и предназначались для учета товаров, поступающих в Сибирский приказ из Сибири.

Штемпели Сибирского приказа не имеют даты. В отличие от таможен, Сибирский приказ не обозначал на товарах год их поступления. Следовательно, штемпели были действительны на довольно длительный срок. Время применения штемпелей, очевидно, определяется временем деятельности Сибирского приказа в 1730—1763 гг.

Более точно датировать штемпели позволяет дело 1741—1742 гг. «О переделке надписи на гербовых печатях и клеймах», сохранившееся в фонде Сибирского приказа. Согласно указу, на гербовых печатях и клеймах с титулом следовало изменить надпись на: «Ея императорское величество». Следовательно, переделке должно было подвергнуться лишь одно слово: «Его» переделывалось на «Ея», т. е. из трех букв нужно было сделать две.

В Сибирском приказе переделке подлежали одна «настольная» печать и четыре товарных клейма. За выполнение указа отвечал «Сибирского приказа купчина Андрей Меншой Мамонов с товарыщи». Для переделки были использованы «обретающиеся при Манетной канцелярии рещики» [27].

В январе 1742 г. печать и штемпели были «переплавлены второй гильдии купцом Козьмою Федоровым, которому за ту перепправку дано денег рубль тритцать копеек» [28]. Сумму эту Андрей Мамонов записал «в расходной 742 году книге на 5-ой странице» [29]. В 1755 г. стоимость изготовления каждого штемпеля определялась в 3 рубля, следовательно переделка печатей и штемпелей стоила значительно дешевле [30]. Описываемые нами штемпели как раз и были переделаны. На подлинных штемпелях (см. рис. 4, 5, 6, 7) хорошо видно, что буквы «Ея» вставлены вновь. Они большего размера, чем вся надпись, и промежуток между словом «приказу» и «императорского» вполне достаточен для трех букв, т. е. для слова «Его». Значит, штемпели были переделаны в конце 1741 — начале 1742 г., и могли употребляться вплоть до ликвидации Сибирского приказа.

---

[25] ЦГАДА, Пограничная канцелярия в городе Селенгинске, ф. 1092, оп. 1092, № 28, л. 4.
[26] Там же, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 1, ч. 7, № 50/4863; оп. 5, № 2471, № 2482, № 2533, № 2606; оп. 1, ч. 8, № 873/6012, № 1240/6380 и др.
[27] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 1, ч. 8, № 5489, л. 3.
[28] Там же, л. 4.
[29] Там же, л. 6.
[30] ПСЗ, Собр. I, т. XIV, № 10456.

Хотелось бы также обратить внимание на помещение дополнительных изображений к двуглавому орлу.

На печати Московской большой таможни 1754 г. (рис. 2) на груди орла изображены коромысленые весы [31], на штемпелях Сибирского приказа — бегущий соболь (рис. 4, 5, 6, 7). Изображение их на печатях и штемпелях являлось нарушением основного положения Генерального регламента о печатях и частичным возвращением к старому принципу помещения на печатях рисунков, связанных с родом деятельности учреждения. Напомним, что на печати Сибирского приказа XVIII в. изображались «два соболя стоячие» [32].

Рис. 9

Известно несколько указов, санкционирующих специальные печати, содержащие, помимо двуглавого орла, изображения, связанные с деятельностью различных учреждений. В 1735 г. Анна Иоанновна утвердила рисунок печати Академии наук, отличный от обычной казенной печати. На груди орла этой печати помещалось изображение Афины Паллады [33]. На печатях Военной и Адмиралтейской коллегий, Артиллерийской канцелярии и Окружной конторы также были «приличные тем местам изображения сделаны» [34].

В 1766 г. Екатерина II утвердила доклады Сената о печатях Малороссийской коллегии и Монетного департамента [35]. На печати Малороссийской коллегии на груди орла помещались гербы городов Киева, Чернигова, Переяславля и Новгород-Северского. Этим подчеркивался род деятельности Малороссийской коллегии. На печати Монетного департамента под двуглавым орлом помещалось изображение монетного стана.

Отступления от требования Генерального регламента имели место почти до конца XVIII в., и, что особенно интересно, сохранились даже на печатях вновь созданных учреждений, не связанных какой-либо традицией. Можно указать на очень любопытную железную матрицу печати из собрания Государственного исторического музея [36]. В центре печати помещено изображение двуглавого орла с буквой «П» на груди и вписанной в нее «I». От хвоста орла спускаются коромысленые весы. По бокам надпись в три строки: «Печат. канто. О поку. метал. 1797», т. е. «Печать конторы о покупке металлов. 1797 г.» (рис. 9). Печать имеет указание на дату изготовления и название учреждения. В 1797 г. при Государственном ассигнационном банке была образована «Контора для подряда и закупки меди, покупки и выписки золота и серебра», необходимых при изготовлении монет [37]. Новое учреждение получило название: «Контора о покупке металлов». Для «Конторы» была изготовлена и специальная печать, на которой, помимо обычного двуглавого орла и надписи, были изображены весы, так как «Контора» имела дело со взвешиванием.

Подведем итоги. Изучение печатей имеет важное значение. Сопровождая документ, печать является знаком, свидетельствующим о его

---

[31] На печати Московской большой таможни 1730 г. также были изображены весы. См. ЦГАДА, Таможенный сборный, ф. 2600, оп. 2600/1, № 95 и № 366.
[32] Акты исторические, т. V, № 259; изображение помещено в Большой Государственной книге 1672 г.
[33] Б. Л. Модзалевский. Гербовая печать императорской Академии наук. «Гербовед», 1914, март.
[34] ПСЗ, Собр. I, т. XVII, № 12584.
[35] Там же, № 12582, 12584.
[36] ГИМ, Отдел нумизматики, № 93366/94.
[37] ПСЗ, Собр. I, т. XXIV, № 17795.

принадлежности какому-либо лицу или учреждению. С помощью печатей можно определять подлинность документов, проверять и уточнять время их написания, устанавливать авторство. Печати являются в то же время самостоятельным историческим источником.

В настоящее время этот вывод не вызывает сомнений для древнейших периодов истории Русского государства, но и для более позднего времени (XVIII в. и далее) значение изучения печатей продолжает сохранять свою силу. Как мы видели, изображения, самый факт их существования на печатях и определение назначения печатей в тесной связи с другими видами исторических источников могут дать ряд новых конкретных данных исторической науке.

Однако в области сфрагистики XVIII — начала XX в. почти еще ничего не сделано. В дореволюционной литературе разрабатывались главным образом вопросы дворянской геральдики, частично изучены городские печати и гербы. Полностью отсутствовали исследования о печатях центральных и местных учреждений XVIII — начала XX в. В советской исторической литературе эти вопросы также почти не рассматриваются. Между тем изучение печатей указанного периода, как и печатей советского времени, может оказать существенную помощь в работе с историческими источниками и разработке ряда исторических проблем.

А. Т. Николаева

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО АКТОВОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В исторической литературе неоднократно отмечалось как большая заслуга М. М. Щербатова — дворянского историка второй половины XVIII в.— введение им в научный оборот многочисленных актовых источников и обоснование некоторых приемов их изучения [1]. Но специальному анализу эта сторона творчества Щербатова не подвергалась.

Внимательное знакомство с основным историческим трудом Щербатова «Историей Российской от древнейших времен», состоящей из 7 томов (15 книг), убедило нас в том, что историк многие свои выводы строил на основе изучения различных источников, среди которых актовые материалы занимали видное место. Но дело не только в этом.

Известно, что к III—VII томам «Истории Российской» Щербатов дал приложение, носящее название: «Выписки из древних грамот, которые приведены во свидетельство сего тома сия истории» (далее — «Выписки»). Содержание «Выписок» значительно шире их названия. В них, кроме выписок из грамот и пересказа некоторых актов, многие документы даны полностью. Но и этим не исчерпывается значение «Выписок».

В них нашла отражение творческая лаборатория М. М. Щербатова. Ознакомление с ней позволяет нам сделать вывод, что русское актоведение началось именно со Щербатова. Им намечены основные приемы изучения актов и внесен первый вклад в это изучение.

Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) принадлежал к родовитому дворянству. Ярый защитник крепостного права и поборник дворянских привилегий, дворянин-аристократ до мозга костей, Щербатов в то же время находился в оппозиции к правительству Екатерины II. Он отражал взгляды части родовитого дворянства, перекликающиеся с боярскими идеями XVI в., носителем которых был Андрей Курбский. Мировоззрение, политические и исторические взгляды М. М. Щербатова хорошо освещены в советской литературе [2].

Для своего времени М. М. Щербатов был весьма образованным чело-

---

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, стр. 126; П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 37—204; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 127—129; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, под редакцией М. Н. Тихомирова (главный редактор), М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. М., 1955, стр. 209—210; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957, стр. 232; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961, стр. 97 и др.

[2] Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 116—137; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 208—210; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 232—236; История философии. М., 1957, стр. 627; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 96—101.

веком, знал несколько иностранных языков, имел большую библиотеку, собрание рукописей и коллекцию монет.

Екатерина II, отстранив Щербатова от политической деятельности, открыла ему архивы и библиотеки для научной работы. Он получил звание историографа.

Создавая «Историю Российскую», Щербатов в эти же годы написал ряд публицистических произведений, разбор которых не входит в нашу задачу. Ему же принадлежит издание ряда памятников [3].

В приложениях к «Истории Российской» даны в авторском пересказе или приведены полностью духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, договорные грамоты Новгорода с князьями, ханские ярлыки, переписка с иностранными государями и государственными деятелями, шертные грамоты, перемирные и договорные, жалованные грамоты иностранным купцам и др. Здесь же мы найдем выписки из разрядных книг, отписки и порученные записи бояр.

При написании «Истории Российской» Щербатовым использован обширный круг источников, в том числе около 300 актовых документов, которые нас в данном случае интересуют. Какие же актовые материалы привлекали внимание дворянского историка? Принцип отбора грамот довольно определенно сформулирован самим Щербатовым, правда, тогда, когда он, в порядке исключения, отступил от него: «Хотя я обыкновенно довольствуюся предлагать токмо грамоты великих князей к государям, и от государей самих писанныя к ним, проходя другие, естли чего особливо важного в тех не примечу» [4]. Этот принцип, свидетельствующий об определенной классовой и политической направленности историка, в основном им выдерживался.

Приложения Щербатова к III—VII томам «История Российской» — это своеобразная публикация актового материала. Коснемся ее археографической стороны.

Грамоты (в пересказе, в виде выписок и полного текста) помещены в хронологической последовательности, в соответствии с изложением основного материала «Истории». Перед каждой грамотой дана ссылка на место ее хранения: «Патриаршие библиотеки, № 555 в четверть» [5]; «Архивы иностранной коллегии, грамоты великих князей № 5» [6]; «Архивы иностранной коллегии, статейные списки, дела цесарския, № 1, посольство Юрья Трахониота и Василья Кулешина 6998 года» [7]; «Архивы иностранной коллегии, дела шведские, статейные списки, № 3, лист. 249—552 об.» [8] и др.

Иногда указание на место нахождения грамоты выражено следующим образом: «Из продолжения опыта новейшей истории о России г. Миллера» [9]; «Из хронографа подобныя найдены в Сибирских архивах г. Миллером» [10]; «Из присланных списков из Римских архив» [11]. Ссылки несовершенны, но они есть всюду. Нет ни одного документа без указания его местонахождения.

Заголовки даны не ко всем актам. Иногда они выражены очень свое-

---

[3] Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 до 7061 г. СПб., 1769; Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1698 г., данное до заключения Нейштадского мира, ч. I. СПб., 1770; ч. II. СПб., 1772; Летопись о многих мятежах в России. СПб., 1773; 2-е изд. М., 1788; Записные тетради и письма и дела Петра Великого. 1704—1706 гг. СПб., 1774; Житие Петра Великого. СПб., 1774.

[4] М. М. Щербатов. История..., т. V, ч. I. СПб., 1903, «Выписки», стр. 5.

[5] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. III. СПб., 1902, стр. 539.

[6] Там же, стр. 541.

[7] Там же, т. IV, ч. II, III. СПб., 1903, стр. 901.

[8] Там же, т. V, ч. IV. СПб., 1903, стр. 130.

[9] Там же, т. VII, ч. III. СПб., 1904, стр. 553.

[10] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. VII, ч. III, стр. 555.

[11] Там же, стр. 575.

образно. Так, в приложениях к III и отчасти IV томам «Истории» заголовки сливаются с содержанием грамоты: «Сия грамота писана от архиепископа Новгородского, от посадника, старейшин и всех новгородцев, в которой они требуют, чтобы князь Ярослав целовал им крест...» [12] (далее идет авторский пересказ содержания). Иногда название грамоты, хотя и не выделено отдельно, но дано довольно четко: «Договор князя Михаила Ярославича с новгородцы от него...» [13].

В большинстве случаев даны полные заголовки и нередко отдельно от текста: «Грамота договорная, каковую послал великий князь Иоанн Васильевич с Юрьем Траханиотом к римскому королю Максимилиану, писанную на хартии за золотою печатью» [14]; «Шерстная или клятвенная запись, которую дали нагайские послы» [15].

Иногда заголовки очень пространны: «Договорное письмо Розстригино, данное Сендомирскому, о супружестве его с дочерью его, Мариею, с найденных родословных списков, по убиении Розстраги, господином Миллером в Чердынском архиве» [16].

После пересказа содержания акта или после полного текста грамоты следовали сведения о дате документа, приводились подписи, надписи, пометы и давалось описание печатей. Иногда сообщалось о писчем материале и степени сохранности акта.

В первое время Щербатов не различал «надписи» от «подписи» [17]. В последних томах «Истории» эти термины он раскрывает совершенно правильно.

Степень сохранности акта отмечалась историком главным образом тогда, когда текст был попорчен, и делалось это, как правило, вместе с описанием печати: «К сей записи привешана восковая княжая печать, от растопления которой и запись несколько повреждена, а сверх того по краям погнила» [18]; «у сей грамоты печатей нет, и в некоторых местах, а особливо в средине многих речей от ветхости недостает» [19].

При изучении актовых источников Щербатов вообще уделял большое внимание печатям, сделав относительно них ряд тонких наблюдений. Так, разбор первой духовной Ивана Калиты Щербатов заканчивает следующим описанием печати: «К сей грамоте привешана печать серебреная и позолоченая, с изображением на одной стороне Спасителева, на другой Иоанна Крестителя образа, с надписью вокруг: „Печать великого князя Иоанна“» [20].

А печать, имеющуюся на второй духовной Ивана Калиты, Щербатов описывает так: «К сей грамоте привешена печать серебреная, позолочена с изображением на одной стороне Спасителева, а на другой Иоанна Крестителя образа с надписью вокруг: „Печать великого князя Иоанна“, а в сей печати привешена другая свинцовая, по-видимому татарская печать» [21]. Таким образом, Щербатов первым обратил внимание на наличие татарской печати. Между тем в исторической литературе этот факт забыт.

Передав содержание договорной грамоты между великим князем Василием Васильевичем и удельными князьями, М. М. Щербатов замечает: «У грамоты сей не находятся приложенныя печати; из чего мож-

[12] Там же, т. III, стр. 521.
[13] Там же, стр. 529.
[14] Там же, т. IV, ч. III, стр. 901.
[15] Там же, т. V, ч. I, «Выписки», стр. 7.
[16] Там же, т. VII, ч. I, стр. 392.
[17] «А надпись у грамоты: яз царского величества дияк Ондрей Васильевич руку приложил. Яз царского величества дияк Дружина Володимирович руку приложил» (М. М. Щербатов. Указ. соч., т. V, ч. IV, стр. 79—80); «А на ставе у записи написано: писарь Михайло Гарабурда» (там же, т. V, ч. IV, стр. 186).
[18] Там же, т. V, ч. I, «Выписки», стр. 66.
[19] Там же, т. V, ч. III, стр. 707.
[20] Там же, т. III, стр. 535—536.
[21] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. III, стр. 536.

но заключить, что она токмо была представлена, но не состоялась, ибо тогда вместо подписи грамоты печатьми княжескими печатали, которыя показывали утверждение княжеское...» [22].

При разборе одной из договорных грамот Новгорода с князем Ярославом Щербатов, не найдя на ней печати, высказывает свое мнение по этому поводу: «Подписи и печати никакой на сей грамоте нет, что подает причину мнить, что может статься сия была черная сочинена, но осталась без действия» [23].

Ознакомившись с описанием внешних особенностей грамот, сделанных М. М. Щербатовым, можно прийти к выводу, что историк второй половины XVIII в. больше всего интересовался печатями, которые изучал как удостоверительные части актов. Если грамота печати не имела, то Щербатов высказывал свое предположение о происхождении грамоты: с его точки зрения, грамота без печати — либо копия, либо черновик, либо составлена только для образца.

Значительно меньше интересовался Щербатов писчим материалом, очень редки у него указания, на чем написан акт — на бумаге или пергамене. Степень сохранности документа отмечается Щербатовым только в том случае, если он ветхий и вследствие этого трудно прочесть текст.

Из поля зрения историка XVIII в. при описании актов совершенно выпала графика. Щербатов нигде не отмечает характер почерка. Между тем об этом он имел весьма отчетливое представление, что подтверждается его описанием летописных источников в предисловии к первому тому «Истории Российской».

Кроме рассмотрения внешних особенностей изучаемых актов, Щербатов сделал ряд наблюдений над формуляром некоторых грамот: «Сия грамота, как и все духовные, начинается: Во имя отца и сына...» [24]. А по духовной князя Юрия Васильевича историк прослеживает всю структуру завещательной грамоты. Сначала он разбирает начальную ее часть («По обыкновенном начале завещательные духовные грамоты, пишет князь Юрья о должных им деньгах...»), затем передает своими словами содержание основной части грамоты и рассматривает вопрос о распределении земель между наследниками. В конце разбора духовной Щербатов пишет: «Наконец приказывает душу свою поминать матери же своей и великому князю, и передает суду божию, кто сие его завещание нарушит; и оканчивает показанием, кто при сей духовной были свидетелями, и кто оную писал» [25].

Щербатов пытается найти объяснение, почему в некоторых случаях имеет место отклонение от принятого формуляра, связывая это с отсутствием или наличием печати.

Разбирая договорную грамоту великого князя Василия Васильевича и его братьев с князем Иваном Федоровичем Рязанским, Щербатов пишет: «Сия грамота начинается не так, как другие начинающиеся: „Божиею милостию и пречистыя его богоматери и пр.“, но просто: „На сем, брате молодший и пр.“. Из этих своих наблюдений историк делает предположение: „Так же при грамоте сей и печатей не обретается; что все подает мне причину мнить, что грамота сия была писана для образца договора; чего ради и не с обыкновенным началом — и что не состоялось, то и неприложением печати показует“» [26].

Приведенные примеры говорят о том, что Щербатов придавал большое значение изучению формуляра грамот. Именно в этом направлении в дальнейшем складывались и совершенствовались приемы работы с актовыми источниками.

[22] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. III, стр. 796.
[23] Там же, т. III, стр. 524.
[24] Там же, т. IV, ч. III, стр. 734.
[25] Там же, стр. 830, 833.
[26] Там же, стр. 783.

Из вопросов, связанных с происхождением актов, Щербатов более всего уделял внимание датировке духовных и договорных грамот великих и удельных князей. Он первый сделал правильное наблюдение, что «во времена сии не было обычаю становить годы и числа на грамотах...» [27]. Историк считал своей обязанностью установить там, где он мог, косвенные даты написания этих актов. Обоснование для датировки Щербатов искал в первую очередь в содержании самой грамоты и ее удостоверительной части. Новгородскую грамоту о приглашении князя Михаила на новгородский престол Щербатов относит ко времени около 1302 г., но обязательно ранее 1307 г. Обоснование: 1) в грамоте князя Андрей Александрович упоминается как живой, а он умер в 1304 г.; 2) в ней говорится, что князь Михаил должен поехать в Орду за ярлыком на великое владимирское княжение. И эта поездка состоялась после смерти двоюродного брата Михаила — Александра Александровича; 3) на печати, которая «привязана» «у подлинного пергаментного листа..., вырезан образ знамения пресвятыя богородицы, а на другой стороне вырезано Феогнист архиепископ новогородский», который в 1307 г. «оставил архиепископский престол» [28].

Исходя из содержания, Щербатов датирует духовные грамоты Ивана Калиты временем не ранее 1327 г., не позднее 1328 г. Обоснование: 1) в обеих грамотах упоминается сын Иван, родившийся в 1327 г., и супруга Ивана Даниловича, скончавшаяся в 1331 г.; 2) Иван Данилович до 1332 г. еще раз в Орду не ходил. Отсюда «...должно заключить,— пишет Щербатов,— что сии грамоты были писаны до восшествия его на великое княжение, то есть до $\frac{6836}{1328}$ году» [29]. Не все рассуждения Щербатова верны с фактической стороны, но датировка духовных Ивана Калиты, выдвинутая им, с небольшими отклонениями поддерживалась многими позднейшими исследователями и издателями [30]. В советской историографии по этому вопросу нет единого мнения. Л. В. Черепнин относит написание духовных Иваны Калиты ко времени около 1339 г. [31], а А. А. Зимин — к осени 1327 г. (после 15 августа) [32].

Иногда для установления времени написания грамоты Щербатов прибегает к логическим рассуждениям. Договорную грамоту Семена Ивановича с братьями историк относит к 1341 г. Обоснование: возвратившись из Орды в 1341 г. с ярлыком на великое княжение, Семен Иванович, естественно, «старался скорее его под единую власть провести, и тако мню..., что таковый они договор по самом возвращении своем заключили...» [33]. Как известно, такой датировки договорной грамоты Семена Ивановича с братьями придерживались в течение длительного периода позднейшие исследователи и издатели [34]. Л. В. Черепнину принадлежит обоснование другой даты написания этой грамоты — 1350—1351 гг. [35]

---

[27] Там же, т. III, стр. 260.

[28] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. III, стр. 260, 525.

[29] Там же, стр. 537.

[30] Древняя российская Вивлиофика, изд. 2-е, ч. 1. М., 1788, стр. 47—56, № 1—2; Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГ и Д), т. 1, стр. 31—35; № 21—22; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, изд. 2-е. СПб., 1819, прим., стр. 191, 325 и др.

[31] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV и XV вв., ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 12—20.

[32] А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV веков. «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 276—279.

[33] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. III, стр. 410.

[34] Н. М. Карамзин ее написание относил к 1340 г. (указ. соч., т. IV, стр. 252). А. В. Экземплярский — к 1341 г. («Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период», т. I. СПб., 1889, стр. 82). 1341 год указан и в СГГ и Д, т. 1, стр. 35—37, № 23 и др.

[35] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1, стр. 20—25.

Для обоснования датировки мировой записи между великими князьями Дмитрием Ивановичем и Олегом Рязанским Щербатов использует упоминаемые в той же грамоте события, имена и т. д. Он датирует ее 1381—1382 гг. на следующих основаниях: 1) «упоминается в ней о Киприане митрополите, который незадолго перед Мамаевым побоищем на престол митрополичий был возведен, а по взятии Тохтамышем Москвы оный оставил», 2) «также упоминается и о самом сем побоище на Дону; следственно время сего договора должно быть между побоища на Дону и взятия Москвы Тохтамышем»[36]. Здесь у Щербатова имеется фактическая ошибка при датировке Мамаева побоища, но дата мировой записи, установленная Щербатовым, была впоследствии принята в исторической литературе многими авторами[37].

В советской историографии Л. В. Черепнин относит написание данной записи к октябрю 1382 г.[38], А. А. Зимин определяет время составления грамоты 1381 годом[39].

Щербатов дает также обоснование времени написания духовных великого князя Василия Дмитриевича[40].

Не всегда предложенные Щербатовым датировки грамот хорошо аргументированы, часто историк ограничивается таким замечанием: «Все сии грамоты новгородские договорные (с Ярославом Ярославичем.— *А. Н.*), хотя и без числа, но должно их полагать писанными в 1262 году»[41].

Некоторые грамоты остались недатированными. В таких случаях Щербатов отмечал: «У сих обеих грамот года не показано»[42].

В «Выписках», данных как приложение к тексту «Истории», Щербатов нередко высказывает свое суждение о той или иной грамоте (главным образом духовной или договорной), касающееся ее содержания, об упоминаемых в ней именах, титулах, печати, об обстоятельствах возникновения грамоты и т. п. Это своего рода толкование содержания грамоты. Подобные суждения историка говорят о том, что он отбирал грамоты не механически и изучал их не изолированно, а во взаимосвязи. Для лучшего понимания содержания грамоты Щербатовым привлекались иногда и неактовые источники.

Пересказав содержание договорной грамоты великого князя Василия Васильевича с князем Василием Ярославичем, историк сосредоточивает внимание на следующем обстоятельстве: «Достойно в сих грамотах примечания, что 1) великий князь везде в грамоте своей князя Василья Ярославича токмо братом называет, а князь Василий Ярославич великого князя себе господином именует, 2) что из детей единого князя Иоанна Василий Ярославич великим князем называет и обещает по смерти князя Василья Васильевича признать себе великим князем сына его, князя Иоанна Васильевича»[43].

Передав содержание договорной грамоты великого князя Василья Васильевича с князем Иваном Андреевичем, Щербатов замечает, что «Вторая писана от князя Ивана Андреевича к великому князю, и кажется вследствие первыя». Далее историк продолжает свои рассуждения: «Другая грамота от князя же Иоанна Андреевича такого же содержания, как и предшествующая сей, токмо в сей означен год 6956/1448, и что подписал

[36] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 220—221.

[37] СГГ и Д, т. 1, стр. 53—55, № 22; А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 587 и др.

[38] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1, стр. 54—58.

[39] А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв., стр. 286—287.

[40] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. III, стр. 751.

[41] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. III, стр. 524; см. также т. IV, ч. III, стр. 707, 718, 727, 733, 745.

[42] Там же, т. IV, ч. III, стр. 769; см. также стр. 713, 746—748, 754—761, 766—769 и др.

[43] М. М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. III, стр. 802.

ее дьяк князь Иванов Андреевича Кулударь». Далее: «На обороте грамоты написано: „Добре ненадобна“ ...Сия подпись и подает причину мнить, что как первая есть такого же содержания, так сия каких ради ни есть причин, по сочинении ея, уже не надобна учинилась». Но на этом рассуждение Щербатова не заканчивается. Изучение родственных грамот в сопоставлении друг с другом привело его к следующему выводу: «Кажется, что сими договорными грамотами недоволен был князь Иван Андреевич потому, что они токмо касаются до забвения всего того, что он учинил противу великого князя, не утверждая точно его состояния. Сего ради еще были сочинены две полные, единого содержания, договорные грамоты, писанныя от имени князя Ивана Андреевича к великому князю, которые в архиве иностранной коллегии находятся под № 53 и 54»[44]. Далее Щербатов пересказывает содержание этих двух грамот, в которых имеется перечень земель князя Ивана Андреевича Можайского.

Внимательно вникая в содержание упомянутых выше грамот и знакомясь с другими, хранящимися в том же архиве Иностранной коллегии, Щербатов высказывает свое мнение об обстоятельствах заключения перемирной грамоты великого князя Василья Васильевича с Дмитрием Шемякой и Иваном Андреевичем: «Тогда же видно, что князь Иван Андреевич склонил во вступление в договоры и князя Димитрия Георгиевича Шемяку, и с ним о снискании мира с великим князем договорную грамоту заключил, которая в архиве иностранные коллегии № 55 обретается»[45].

Щербатов пересказывает грамоту, толкует ее содержание, делает пометы, объясняет, почему одни ее договорные грамоты были заменены другими.

Никто из историков до М. М. Щербатова не подвергал актовый материал такому внимательному изучению.

Установив наличие двух духовных великого князя Василия Дмитриевича, Щербатов по этому поводу высказывает следующее суждение: «Предстает другой вопрос, чего ради они две в толь краткое время были писаны? На сие токмо сие имею в ответ предложить, что обретающиеся разности в сих грамотах в разделе имений двоякое оное сочинение оправдывают: и конечно первая вторую уничтожалась»[46].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что большой заслугой Щербатова является не только введение им в научный оборот широкого круга актовых источников. Его приложения к III—VII томам «Истории Российской» являются своеобразной публикацией актового материала. Кроме того, эти «Вписки» дают яркое представление о творческой лаборатории историка второй половины XVIII в. Несомненно, Щербатов лучше, чем кто-либо из его современников, знал архивные документальные материалы[47].

Щербатов был первым русским историком, глубоко оценившим крупное значение актовых источников, ему принадлежит также пальма первенства в разработке приемов анализа грамот. По достоинству оценено им значение всякого рода надписей, помет и подписей, имеющихся на актах. Велика заслуга М. М. Щербатова и в области изучения печатей как удостоверительных частей актов. Он впервые (правда, еще робко) указал на необходимость изучения формуляра актов (духовных и договорных грамот), занялся установлением времени написания ряда недатированных грамот. Щербатов сделал попытку дать толкование содержания некоторых грамот в связи с обстоятельствами их возникновения и др. Все это дает основание считать, что русское актоведение начинается со Щербатова. К сожалению, в исторической литературе этой важной стороне творчества М. М. Щербатова не уделено должного внимания.

---

[44] Там же, т. IV, ч. III, стр. 789—790.
[45] Там же, стр. 793—794.
[46] Там же, стр. 751—752, 842.
[47] Об этом говорят также до сей поры сохранившиеся в Центральном государственном архиве древних актов описи материалов Сената, составленные под руководством М. М. Щербатова.

И. Н. Кобленц

ПРОЕКТ СОСТАВЛЕНИЯ ПОЛНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВОДА РУССКОЙ КНИГИ В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Необходимость составления полного библиографического свода русской книги была осознана уже М. В. Ломоносовым в середине 50-х годов XVIII в., и в эти же годы А. И. Богданов предпринял попытку создать библиографию всех напечатанных в России книг[1]. Спустя без малого 20 лет после опыта Андрея Богданова деятели русской культуры снова возвращаются к этому вопросу. На страницах журнала, выходящего под длинным, но характерным заглавием: «Собрание новостей, ежемесячное сочинение, содержащее в себе краткую историю настоящего времени, для примечания важнейших в свете и предпочтительно в России происшествий, успехов в науках и художествах, полезных для рода человеческого изобретений, новых на российском языке сочинений и переводов и прочих любопытных вещей, кои могут служить к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния» (Москва, 1775) [2],— «некоторые любители российского словесного учения» выступают с новым библиографическим проектом.

В декабрьской книжке «Собрания новостей» за 1775 г. ими сформулирована идея «репертуара» и предусмотрен план его выполнения: «Общество наше охотно желает выдать в свет генеральной и систематической Каталог всех напечатанных книг на российском языке, с тех пор как заведены в России типографии.

Мы приглашаем для сего некоторых ученых людей в Москве, в Санкт-Петербурге, и в Киеве, сообщить нам их о разных книгах сведения: и когда мы соберем каталоги из разных мест, то мы намерены, не входя в критические примечания, разделить наш систематической Каталог на классы, так чтоб Исторические, Математические, Моральные, Художественные, Економические или другие книги, вписаны были каждая в свой класс не мешая с другими; и так, чтобы охотники могли заглянув сделать из них выбор для своего употребления. А к тому прибавлено будет, под титулом каждой книги, где и каким форматом оное напечатано, в котором году, какая ей цена, и где покупается.

Сверх того припечатан будет Каталог чужестранным книгам, историческим, политическим и географическим до России касающимся, какие только есть на других языках, особо же на французском и немецком.

Может быть со временем найдутся люди, кои прибавят к тому приме-

---

[1] См. И. Н. Кобленц. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958, стр. 78—85.

[2] Далее — «Собрание новостей».

чания на каждую книгу под ее титулом, дабы охотники могли иметь без дальнего труда о сих книгах точные и сокращенные понятия; а между тем мы ласкаемся, что публика на первый случай примет с удовольствием хоть простой, но полной и обстоятельный Каталог всем российским книгам» [3].

Как видно из этого своеобразного библиографического воззвания, наши ученые третьей четверти XVIII в. уже стояли на уровне современной научной организации библиографического труда. Не только самая идея «репертуара» отчетливо сформулирована, но и намечены вполне разумные пути ее осуществления. В проекте организации «репертуара» (или полного свода русской книги) мы находим и принцип коллективности, и разделение труда, распространяющееся на три крупнейших книжных центра России (Москва, С.-Петербург и Киев); предусмотрены систематическое расположение материала и довольно широкая программа элементов библиографического описания, включающая формат, время издания, цену и место продажи книги. Программа содержания «репертуара» предусматривает даже «россику». И наконец, что особенно ценно, здесь видно совершенно ясное понимание задач так называемой «регистрационной» библиографии, цель которой дать, «не входя в критические примечания», хоть простой, но полный и обстоятельный каталог «всем российским книгам». Таким образом, тут нет того смешения библиографических функций, которое характерно для некоторых позднейших авторов XIX и даже XX вв. Вместе с тем в проекте вполне отчетливо находит свое признание и то, что более глубокие приемы так называемой «внутренней» библиографии являются не только очередными, но и необходимым элементом полной библиографической системы («...со временем найдутся люди, кои прибавят к тому примечания на каждую книгу под ее титулом, дабы охотники могли иметь без дальнего труда о сих книгах точные и сокращенные понятия»).

Возникает вопрос, кто скрывается за этим замечательным библиографическим документом XVIII в., кто были те передовые деятели русской культуры, которые уже в то время занимали такие прогрессивные позиции. Нам известны два выступления в печати по этому вопросу.

В 1902 г. А. И. Фаресов (1852—1928) опубликовал в «Историческом вестнике» письмо крупнейшего знатока ранней русской книжности Алексея Егоровича Викторова (1827—1883) к Александру Николаевичу Неустроеву (1825—1902). Так как письмо это каким-то образом оказалось вне поля зрения историков библиографии, приводим из него выдержку, относящуюся к рассматриваемому вопросу:

«Вы говорите, что в первый раз благое намерение привести в известность все, что вышло на Руси из-под печатного станка, было высказано в «Собрании новостей 1775 г.», но что эта попытка была выполнена потом, спустя много лет Сопиковым. Это не совсем верно. В промежуток между 1775 и 1813 гг. был исполнен по тому же предмету замечательный труд — Российская библиография нижегородского епископа Дамаскина, того самого, что учился в Геттингене, был членом Российской академии, издал Ломоносова и проч. проч. ...Эта попытка не задуманная только, как в „Собрании новостей“, но и приведенная в исполнение. Да не эту ли попытку имели в виду собиратели Новостей? Дамаскин был в Петербурге именно около этого времени, и собиратели новостей у него, как человека, только вернувшегося из-за границы и уже бывшего известным своими литературными и учеными работами, именно могли просить сотрудничества, а он мог обещать им» [4].

---

[3] «Собрание новостей», стр. 46—47.

[4] А. Фаресов. Памяти А. Н. Неустроева. «Исторический вестник», 1902, июнь, стр. 987—988.

Здесь могла идти речь о «сотрудничестве» Дамаскина (1737—1795) как в составлении «проекта», так и в его осуществлении. Эта гипотеза до сих пор не нашла себе ни подтверждения, ни опровержения. Во всяком случае неверно, что дело происходило в Петербурге. Как мы увидим ниже, весь проект должен считаться чисто московским предприятием. Дамаскин тоже в это время уже жил в Москве: в декабре 1774 г. он был назначен в Славяно-греко-латинскую академию, где с 1775 г. был профессором философии, а с 1778 г.— ректором. В «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнов (1888—1942) высказывает несколько соображений в пользу того, что сообщение в «Собрании новостей» исходило от «Общества старающегося о напечатании книг», организованного Н. И. Новиковым (1774—1818) совместно с книгопродавцем К. В. (у Здобнова ошибочно В. К.) Мюллером. При этом приводятся доводы в пользу этого предположения, которые сам автор определяет, как «более или менее вероятные» [5].

Доводы Н. В. Здобнова противоречат как характеру проекта создания «репертуара», так и манере библиографической деятельности Н. И. Новикова. Аргументы, говорящие об «усугублении» интереса Новикова к «репертуару» («полезности репертуара русских книг, независимо от его прямого назначения» для пополнения Новиковым «Опыта исторического словаря...»), о его поисках нового «большого дела» в связи с прекращением «Древней российской вивлиофики» (как известно, не собравшей достаточной подписки) и попытках найти такое новое дело в «репертуаре печати» (т. е. в издании с еще неизмеримо меньшим кругом читателей) носят произвольный характер, не удовлетворяющий требованиям научной гипотезы.

Да и «Общество старающееся о напечатании книг» не только имело совершенно иные цели, но находилось в Петербурге, а «любители... словесного учения», как мы увидим далее, были в Москве. И сам Новиков еще находился в Петербурге, а в Москву переехал лишь в 1778 г., т. е. три года спустя после опубликования обращения к библиографам.

Если сопоставить библиографический стиль Новикова и Дамаскина, то можно легко убедиться, что словарь Новикова, выпущенный всего лишь за три года до обращения в «Собрании новостей», не отвечает тем требованиям строгой библиографической школы, которыми отмечены как проект «любителей... словесного учения», так и собственные труды Дамаскина. Словарь Новикова не только не отличается библиографической точностью и лаконичностью, но дает яркий образец чисто «художественного» творчества в библиографии, чуждого школы и профессиональной выучки.

Таким образом, версия Н. В. Здобнова должна быть отвергнута, в то время как версия А. Е. Викторова не может быть документально подтверждена.

Но кто же все-таки эти «любители... словесного учения»? Если мы отвлечемся на первых порах от поиска отдельных библиографов и обратимся к научному обществу или организации, то облегчим разгадку занимающего нас вопроса. Инициатива исходила, как это явствует из самого документа, от общества, т. е. целого коллектива деятелей, причастных к науке или книге. В Москве в 1775 г. было всего лишь одно единственное (и притом первое) научное общество. Это и есть то самое «Вольное Российское собрание» при Московском университете, предположение об участии которого в проекте было без основания отвергнуто Н. В. Здобновым. В упомянутой выше книге он писал: «Сообщение напечатано без подписи. Оно исходило от какого-то общества, что видно из начальных слов („Общество ныне охотно желает выдать в свет"), но от какого именно, неизвестно. Вопрос о репертуаре русской книги и „Rossica" в то время могли поставить „Вольное российское собрание" и „Вольное экономическое общество";

---

[5] Н. В. Здобнов. История русской библиографии, т. I. М., 1944, стр. 74.

но если бы от них исходило данное сообщение, они напечатали бы его в своих журналах, а не в постороннем для них Собрании новостей»[6].

Вольное экономическое общество находилось в Петербурге и не было обществом «любителей ... словесного учения». А «Вольное российское собрание» на самом деле не имело своего периодического органа, так как «Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете», вовсе не был регулярно выходившим журналом, а сборником статей, исторических актов и памятников древней письменности, публиковавшихся по мере накопления материала.

Для нашей задачи существенно установить, насколько соответствовала программа и характер деятельности «Вольного российского собрания» тому обществу, от имени которого делалось объявление в «Собрании новостей». Сопроводительный текст редакции журнала гласит: «В ежемесячное наше сочинение сообщено вновь известие от некоторых *любителей российского словесного учения*» (курсив мой.— *И. К.*). А устав, особое «Предуведомление о начале, распоряжениях и нынешнем состоянии Вольного российского собрания...», речь учредителя и председателя общества И. И. Мелиссино (1718—1795) и специальное обращение университета при основании общества всячески акцентируют задачи вновь учреждаемого «Вольного российского собрания» в области усовершенствования «российского слова» и «словесный» способ публичного обсуждения поставляемых членами общества исследований и материалов.

Так, в июне 1771 г. при учреждении «Вольного российского собрания» подчеркивалось, что «исправление же и совершение российского языка имеет составлять особливый предмет сего собрания; а сочинение правильного Российского словаря по азбуке будет первый присутствующий предмет». При этом указывалось, что «сочинения и переводы с иностранных языков на российский инако не будут напечатаны, как по *рассмотрении и исправлении в сем собрании*». И наконец, ради достижения этой цели Московский университет приглашал вступать в общество («Собрание») всех любителей наук, а *«особливо российского слова»*[7] (курсив мой.— *И. К.*).

Учредитель «Собрания» Иван Иванович Мелиссино при открытии общества произнес речь, в которой обосновывал «словесный» характер деятельности будущего общества обширными справками из истории, начиная с античного мира. «Собрания ученых людей,— говорил в своей речи Мелиссино,— с таким намерением учрежденные, чтоб каждый из них о сочинениях своих мог тут *слышать рассуждения* (курсив мой.— *И. К.*) других искусных особ и пользоваться примечаниями их к поправлению». И далее: «Стихотворцы, ораторы и историки особливо собирались на Олимпийские игры и пред собранием греков чужестранных читали свои сочинения. Но как они в этом весьма многих имели судиями, и когда хвала и охуление толико были важны: то весьма вероятно, что ученые их труды всеобщему рассуждению тогда подвергались...»[8].

Приведенные выдержки из официальных речей и документов «Вольного российского собрания» не должны оставлять сомнения в том, почему редакция «Собрания новостей» могла именовать именно членов такого ученого общества «любителями... словесного учения».

Не лишен интереса и другой пункт программы деятельности «Вольного российского собрания», сближающий ее цели (выявление книжных сокровищ) с целями библиографического проекта 1775 г. В цитированном выше «Предуведомлении» пункт этот сформулирован следующим образом:

---

[6] Н. В. Здобнов. Указ. соч., т. I, стр. 74.
[7] Опыт трудов Вольного российского собрания..., ч. I. М., 1774, лл. 3—3 об.
[8] Там же, лл. 1—2.

«Публичные и приватные книг и писем хранилища, содержащие в себе достопамятные предков российских дела, глубокою древностью закрытые, могут быть таким образом отворены и издаваемы в свет, для удовольствия общенародного и для проведения в совершенство Российские со времен истории»[9].

При выяснении вопроса о возможной принадлежности рассматриваемого библиографического проекта 1775 г. именно «Вольному российскому собранию» имеет значение и личный состав последнего. Достаточно сказать, что в 1775 г. в число его членов входили такие крупные деятели русской библиографии, как Х. Ф. Маттеи (1744—1811), Г. Ф. Миллер (1705—1783), Н. И. Новиков и Г. Л. Х. Бакмейстер (1730—1806).

Нам представляется несомненным, что под «любителями ...словесного учения» могло подразумеваться только «Вольное рссийское собрание» как в силу программы и характера его деятельности, состава членов и местонахождения в Москве, так и потому, что другого такого общества в России не существовало — до 1783 г., когда в Петербурге была учреждена «Российская академия» с аналогичными функциями усовершенствования русского языка.

Косвенным аргументом в пользу московского происхождения проекта может служить и то, что в тексте обращения к библиографам Москва стоит впереди Петербурга; этого нельзя было бы объяснить, если бы проект исходил из Петербурга.

Таким образом, гипотеза о «Вольном российском собрании» как организации, от которой исходил проект 1775 г., получает существенное подкрепление. Но кому могла принадлежать инициатива этого замечательного проекта? Состояние источников (главным образом гибель университетского архива во время Московского пожара 1812 г.) и здесь не позволяет нам выходить за рамки гипотетической постановки вопроса.

Такой проект мог быть по плечу лишь кому-либо из крупнейших библиографов 70-х годов XVIII столетия: Г. Л. Х. Бакмейстеру, епископу Дамаскину, Н. Н. Бантыш-Каменскому (1737—1814) или Н. И. Новикову. Но проект исходил от москвичей, к которым в это время принадлежали только Дамаскин и Бантыш-Каменский.

Цитированное выше письмо А. Е. Викторова к А. Н. Неустроеву, совершенно выпавшее из поля зрения историко-книговедческих исследований, представляется нам особенно интересным потому, что оно приводит нас к епископу Дамаскину как к наиболее вероятному инициатору проекта. Проект 1775 г. свидетельствует о высоком уровне осознания библиографических потребностей в России третьей четверти XVIII столетия, но не говорит еще о его генезисе. Более того, литературный «почерк» этого проекта не сходен с отечественной библиографической традицией, покоившейся в те годы в основном на скрупулезной палеографической и библиографической технике таких мастеров своего дела, какими были русские книжные писцы XI—XVII вв. или описатели книг — авторы «Описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря» (XV в.) и «Оглавления книг, кто их сложил» (XVII в.). Их традицию в конце XVIII и начале XIX в. продолжал скорее Н. Н. Бантыш-Каменский с его стремлением точно передать индивидуальность каждой книги, нежели Дамаскин.

На поприще русской библиографии мы в эти годы не имели своих Ломоносовых и Татищевых, однако наиболее близок к ним был Дамаскин с его широкими просветительными идеями подлинно государственного характера. Бантыш-Каменский и Дамаскин — во всем антиподы. Если первый из них был светский деятель с душой монаха, клерикал или «белый монах», как его называли современники, то второй под мантией епископа сохранил душу, полную смелых замыслов, направленных на

[9] Опыт трудов Вольного российского собрания..., ч. I. М., 1774, л. 3.

просвещение народа. Активные научные интересы и незаурядное образование выделяли его в среде большей частью малообразованного духовенства XVIII в. Особенную заботу Дамаскина всегда составляли школы, библиотеки и повышение уровня научных интересов слушателей вверенных ему учебных заведений.

Разумеется, не от монастырских книжных писцов и книгоописателей, сколь высока и примечательна ни была их книжная техника, шли библиографические и просветительные планы Дамаскина. Посланный в качестве инспектора при нескольких студентах в Геттинген, он воспользовался своим пребыванием там для изучения наук и исследовательской работы. Основанный в 1737 г. английским королем Георгом II (бывшим в то время ганноверским курфюрстом) Геттингенский университет мало походил на старые германские университеты с преобладающим влиянием в них богословских факультетов. Здесь господствовали светские науки: «государственные», исторические, математические и естественные.

При университете была знаменитая библиотека, которую Дамаскин широко использовал. В предисловии к изданному им богословскому труду Феофана Прокоповича (De processione Spiritus Sancti) Дамаскин писал, что он должен был это сделать, так как находился в таком месте, которое славится как библиотекой, богатой литературными памятниками и вспомогательными пособиями, так и мужами учеными во всякого рода науках: «Id quod non solum debui, quippe qui auctorem vetustioribus iisque minus castigatis patrum editionibus usum fuisse, observaverim, sed et potui facere; quoniam eo in loco versarer, qui tam a Bibliotheca in omni monumentorum genere instructissima, quam a ceteris ornamentis, subsidis et doctissimis in omni genere eruditionis viris celeberimus est» [10].

Профессора университета уделяли немалое внимание книге и библиографии. Например, И. Х. Гаттерер (1721—1799) придал своему курсу историографическое направление и даже издавал исторический журнал с преобладающим библиографическим содержанием [11]. Другой профессор, Г. Хр. Гамбергер (1726—1773), в лекциях по истории делал значительные биобиблиографические экскурсы. Гамбергер имел обширные познания в этой области, одновременно с профессорской деятельностью заведовал Геттингенской библиотекой и сам был автором трудов, имевших большое библиографическое значение [12]. Он, несомненно, оказал влияние на библиографическую подготовку Дамаскина в Геттингене. Пристальное внимание книге уделял и философ И. Г. Г. Федер (1740—1821), ярый сторонник свободы книгопечатания, которую он воодушевленно проповедовал в своих лекциях.

Сам Дамаскин в годы пребывания в Геттингене написал изумительный по своему размаху и глубине исполнения историко-библиографический труд, связанный с изданным им богословским трактатом Феофана Прокоповича. Помимо многочисленных примечаний и ссылок, заново составленных Дамаскиным, и главы XVI о порче книг, приписываемой латинами грекам (Caput XVI. Obiter disseritur, quid Latini de Graecorum mare corrumpendi libros ganniant: et aliis insuper corruptelis libido ipsorum falsaria compungitur, p. 323—336), Дамаскин включил в это издание составленный им указатель «Index chronologicus scriptorum de processione Spiritus Sancti ab initio controversiae ad nostra usque tempora» к труду Ф. Прокоповича. Это доскональное исследование, основанное на изучении

---

[10] Theophanis Procopowicz archiepiscopi nowogrodensis Tractatus de processione Spiritus Sancti. Gothae, 1772, S. 5.

[11] См. Allgemeine historische Bibliothek (до 1771 г.) и Historisches Journal (с 1772 г.).

[12] Zuverlässige Nachrichten von den vornehmsten Schriftstellern von Anfang der Welt bis 1500, т. I—IV, 1756—1764; Kurze Nachrichten von den vornehmsten Schriftstellern von dem XVI Jahrhundert, т. I—II, 1776.

литературы, обнимающей период с 431 по 1768 г. для писателей греческой ориентации и с 589 по 1752 г. для писателей латинской ориентации [13].

Таким образом, Дамаскин, вернувшись на родину, имел уже большой опыт библиографической работы и обладал несомненным пониманием ее значения для развития русской науки.

Между деятельностью и, особенно, взглядами Дамаскина на задачи библиографической работы в России и проектом 1775 г. намечается и более тесная связь. Она сказалась прежде всего в обостренном интересе Дамаскина к иностранной литературе, посвященной России, так называемой «Rossica». На это обратила внимание даже «Комиссия о духовных имениях», членам которой вместе с Академией наук было поручено подвергнуть экзамену вернувшихся на родину геттингенских студентов во главе с Дамаскином. В докладе Екатерине II это было отмечено в следующих выражениях: «притом [Дамаскин] великую показывает склонность к сочинению российской истории, дабы опровергнуть ложные всех тех авторов повести, которые множественным числом на латинском и немецком языках о России чрез многия лета писаны, и на тех только языках остаются непереведенными, без опровержения» [14]. Ту же склонность обнаружил Дамаскин, переводя на немецкий язык летопись Нестора (Uebersetzung einiger Stücke aus Nestors Russischen Jahrbüchern), включенную И. Х. Гаттерером в его «Einleitung in die synchronistische Universalhistorie zur Erläuterung seiner synchronistischen Tabellen» (Göttingen, 1771, S. 979—1000), а также некоторых других русских авторов на латинский и немецкий языки. Та же вполне осознанная необходимость быть в курсе иностранной литературы о России нашла свое отражение и в проекте 1775 г.

Деятельность Дамаскина и «любителей... словесного учения» имеет еще одну сходную черту — ученые диспуты, введенные Дамаскином в руководимой им академии и Мелиссино — в «Вольном российском собрании». Если грек Мелиссино ссылается при этом на опыт древней Греции, в которой поэты, ораторы и историки съезжались на Олимпийские игры для чтения своих сочинений, то для Дамаскина были свежи еще в памяти ученые диспуты в Королевском историческом институте, членом которого он был избран в Геттингене.

Среди всех этих, по необходимости косвенных, показаний в пользу возможного участия Дамаскина в выработке проекта 1775 г. (или прямого его авторства) наибольшее значение имеет составленная Дамаскином между 1775 и 1785 г. «Библиотека российская...», которая в значительной степени и является воплощением в жизнь замысла 1775 г.

Остается решить последний, хотя и достаточно формальный вопрос. Каковы были взаимоотношения Дамаскина с «Вольным российским собранием», столь вероятным органом, от имени которого публиковался проект? Их близость несомненна. Тем не менее Дамаскин не состоял членом «Собрания» [15]. Возможно, что в самом начале своей еще не установившейся карьеры в Москве, куда Дамаскин прибыл лишь в декабре предыдущего, 1774 г., он не захотел поставить себя в какие-либо официальные отноше-

---

[13] Занимает 108 стр. вне общей пагинации после стр. 128 исторического введения к упомянутому выше трактату Феофана Прокоповича.

[14] Архив Св. Синода. Дело 1772 г., № 361, стр. 26—27. См. Я. Горожанский. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ нижегородский (1739—1795); его жизнь и труды. Киев, 1894, стр. 84. Ныне фонды Синода входят в состав Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде.

[15] Биограф Дамаскина академик М. И. Сухомлинов утверждает обратное. (См. М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. 1. СПб., 1874, стр. 181). Однако это не так. По крайней мере ни в одном из опубликованных списков членов «Вольного российского собрания» Дамаскин не упомянут. См. Опыт трудов Вольного российского собрания..., ч. I, стр. [14—16]; ч. II. М., 1775, стр. [3—4]; ч. III. М., 1776, стр. [3]; ч. IV. М., 1778, стр. [3]; ч. VI, М., 1783, стр. [3].

ния к организации, возглавлявшейся И. И. Мелиссино, вынужденным, далеко не по собственной воле, оставить обер-прокурорство в Синоде [16]. Другое дело — неофициальное участие в трудах «Собрания», которое с течением времени приобрело настолько явный характер, что Дамаскин теперь уже печатно посвящает свое издание сочинений Ломоносова «Вольному российскому собранию».

Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на отсутствие документальных данных, предположение об участии Дамаскина в проекте 1775 г. приобретает весьма правдоподобный характер.

[16] В годы либерализма и показной терпимости первых лет царствования Екатерины II И. И. Мелиссино составил в качестве материала для синодального наказа «Пункты», отвергнутые синодальными членами. Какую оппозицию церковников должны были вызвать эти пункты, можно судить хотя бы по требованиям полной веротерпимости по отношению к иностранцам и раскольникам, сокращения постов, составления из «неослепленных предрассудками особ» Комиссии для уничтожения суеверий в отношении мощей и икон, запрещения носить образа по домам, отмены поминовения усопших, которое дает повод к вере в мытарства и вымогательствам духовенства, прекращения содержания монахам, которые не приносят пользы, и т. д. (см. П. Знаменский. Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II. «Православный собеседник». Казань, 1875, апрель, стр. 406—407).

Р. В. Овчинников

ПУГАЧЕВСКИЕ БУМАГИ В АРХИВНЫХ ТЕТРАДЯХ А. С. ПУШКИНА

В начале февраля 1837 г., вскоре после трагической гибели А. С. Пушкина, для разбора и описи его бумаг распоряжением Николая I была назначена особая комиссия в составе жандармского генерала Л. В. Дубельта и известного поэта В. А. Жуковского[1]. В архивных тетрадях, которые Пушкин вел в 1833—1836 гг., собирая материалы по истории пугачевского движения, комиссия обнаружила копии нескольких манифестов и указов Е. И. Пугачева, распоряжений его Военной коллегии и писем известных пугачевских атаманов[2]. Большинство этих бумаг сохранилось в собственноручных списках Пушкина. Старый любитель и коллекционер «крамольных» сочинений, Пушкин остался верен себе и при архивных изысканиях. Он собрал значительную коллекцию пугачевских бумаг из доступных ему архивных дел. Конечно, Пушкину, как историку Крестьянской войны, была хорошо известна подрывная сила манифестов Пугачева против крепостнического строя. Манифесты, предоставлявшие трудовому народу свободу от крепостной неволи и права на безвозмездное пользование землей со всеми угодьями, призывавшие к истреблению дворян-крепостников, были вполне созвучны помыслам крестьянства и в николаевскую эпоху. Пушкин прекрасно понимал, что его «августейший» цензор Николай I не только не допустит опубликования этих опасных документов, но раз и навсегда закроет ему доступ в государственные архивы.

Собирая пугачевские бумаги, А. С. Пушкин стремился не только к удовлетворению давней страсти коллекционера, но и в какой-то мере использованию их (в скрытом от цензуры виде) в своих исторических и литературных трудах. На страницах «Истории Пугачева», «Капитанской дочки» и в «Замечаниях о бунте» он неоднократно упоминает пугачевские манифесты, отмечая их огромную роль в народном восстании. В «Капитанской дочке» он писал, что воззвания Пугачева, написанные «в грубых, но сильных выражениях», производили «опасное впечатление на умы простых людей»[3]. Освободительные идеи пугачевских манифестов предопределяли многие успехи восстания: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели»,— писал Пушкин в «Заметках о бунте»[4]. Этими словами Пушкин указывал на то, что в идео-

[1] Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об А. С. Пушкине. СПб., 1906, стр. 189—198; М. А. Цявловский. Судьба рукописного наследия Пушкина. «Вестник Академии наук СССР», 1937, № 2—3, стр. 110—112.

[2] Эти документы полностью опубликованы: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 9, ч. II. М., 1940, стр. 680—692.

[3] А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 8, ч. I, 1948, стр. 317.

[4] Там же, т. 9, ч. I, стр. 375—376.

логической борьбе правительственные манифесты и увещевания пасовали перед силой пугачевских воззваний. Их сокрушительному воздействию правительство могло противопоставить лишь военную силу, которая с большим трудом подавила грандиозное выступление крестьянства.

Основным источником пугачевских бумаг для Пушкина явились книги Секретной экспедиции Военной коллегии, выделенные в особое делопроизводство — «Дела о Пугачеве» [5]. Доступ к этим материалам Пушкин получил по личному разрешению военного министра графа А. И. Чернышева, обойдя бдительную опеку со стороны Николая I и шефа корпуса жандармов графа А. Х. Бенкендорфа [6]. Исследователи, писавшие об архивных изысканиях Пушкина для «Истории Пугачева» [7], не указывали, какими именно сведениями о наличии «пугачевских» дел в архиве Военного министерства располагал поэт-историк, обращаясь с запросом к военному министру. Нам думается, что эти сведения стали известны Пушкину от М. Д. Деларю, чиновника канцелярии Военного министерства. Выпускник Царскосельского лицея и полузабытый поэт пушкинской поры, он был в дружеских отношениях с Пушкиным с конца 20-х годов. Его отец, Д. А. Деларю, с 1819 по 1832 г. служил начальником архива Инспекторского департамента Военного министерства [8] и хорошо знал «пугачевские» дела Военной коллегии. Известно, например, что в январе 1825 г. Д. А. Деларю выписал из Московского отделения архива в Петербург «из пугачевских дел две книги — 1 и 2 части, в кожаных переплетах, заключающих в себе своеручные его (Пугачева) манифесты» [9]. Несомненно, что Пушкин получил информацию о «пугачевских» делах или от М. Д. Деларю, или от его отца — Д. А. Деларю, ушедшего к тому времени в отставку. Вся переписка по Военному министерству о передаче Пушкину «пугачевских» дел из архива Инспекторского департамента шла через руки М. Д. Деларю: его подписью скреплены документы, по которым оформлялась передача архивных дел Пушкину и запросы о них к директору департамента графу П. А. Клейнмихелю [10].

Пушкин получил «пугачевские» дела из Военного министерства в два приема: две книги — 25 февраля, остальные восемь, хранившиеся в Московском отделении архива Инспекторского департамента,— 29 марта 1833 г. [11] Больше двух с половиной лет эти дела находились в полном распоряжении Пушкина на его петербургской квартире и были

---

[5] Хранятся ныне в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (далее — ЦГВИА), ф. Секретная экспедиция Военной коллегии, Дела о Пугачеве, кн. № 1—10; пять книг (№ 1—5) составляют делопроизводство самой Военной коллегии, а пять последующих (№ 6—10) — делопроизводство Военно-походных канцелярий генералов А. И. Бибикова и Ф. Ф. Щербатова, командующих карательными войсками правительства.

[6] См. переписку Пушкина с Чернышевым: А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 15, М., 1948, стр. 44—45, 51, 54, 57.

[7] Я. К. Грот. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. «Труды», т. III. СПб., 1901, стр. 117—124; Ю. Г. Оксман. Пушкин в работе над «Историей Пугачева». «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 443—466; П. Софинов. Работа А. С. Пушкина в архивах. «Архивное дело», 1936, № 4(41), стр. 85—96; его же. А. С. Пушкин — исследователь Пугачевского движения. «Исторический журнал», 1937, № 2, стр. 38—51; А. И. Чхеидзе. К вопросу об источниках «Истории Пугачева» Пушкина. «Труды Тбилисского государственного учительского института имени А. С. Пушкина», т. II, 1942, стр. 273—307; Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». «Пушкин. Исследования и материалы». т. III. М.— Л., 1960, стр. 438—454.

[8] См. «Месяцесловы» на 1819—1832 гг. СПб., 1819—1932.

[9] ЦГВИА, ф. 799, д. № 168, лл. 1—2. Следует отметить, что именно эти две книги, наиболее богатые «пугачевскими» бумагами, были доставлены Пушкину в первую очередь с письмом Чернышева от 25 февраля 1833 г. См. А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 15, стр. 51.

[10] Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее — ПД), ф. 244, он. 16, д. № 43, лл. 17, 19, 21, 23, 25.

[11] А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 15, стр. 57.

возвращены им в Военное министерство вместе с письмом Клейнмихелю от 19 ноября 1835 г.[12]

Сопоставление «пугачевских» дел Военной коллегии с сохранившимися в пушкинском фонде архивными тетрадями[13] дает наглядное представление о методе работы Пушкина над историческими источниками[14]. Наиболее важные архивные документы он приводил в виде полных копий, иногда — в извлечениях или в пространных пересказах, а прочие источники, необходимые ему для общей связи и оценки событий пугачевского движения, передавал в форме кратких выписок, одной-двумя фразами, отмечая лишь главное в содержании этих бумаг.

Все пугачевские бумаги, извлеченные Пушкиным из дел Военной коллегии, переданы им преимущественно в виде полных копий, что, несомненно, указывает на то значение, которое придавал он документам, вышедшим из лагеря Пугачева.

Оригинал первого именного указа Пугачева («императора Петра III») от 17 сентября 1773 г., адресованный казакам Яицкого войска, сохранился в делах Военной коллегии[15]. В бумагах Пушкина хранится карандашная копия этого указа[16]. При копировании документа Пушкин произвел сокращенную запись отдельных слов, но полностью сохранил текст этого замечательного памятника — первого манифеста восстания. Имея в виду этот указ Пугачева, Пушкин отметил в «Замечаниях о бунте», что «первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов»[17].

20 сентября 1773 г., накануне вступления повстанческих отрядов в Илецкий казачий городок, Пугачев отправил илецким казакам именной указ с призывом перейти на сторону повстанцев. Копия этого указа, сохранившаяся в делах Военной коллегии[18], была переписана Пушкиным, причем из-за неразборчивого написания отдельных слов он дал неверную запись текста[19].

В день штурма Рассыпной крепости (24 сентября 1773 г.) Пугачев послал к гарнизону и казакам крепости парламентера со своим указом. В бумагах Военной коллегии находится копия указа; значительная часть

---

[12] А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 16. М., 1949, стр. 63.

[13] Архивные тетради Пушкина и весь фонд собранных им рукописных источников по пугачевскому движению целиком опубликованы. См. А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II (частично они вошли в состав I части 9-го тома в примечания и приложения к «Истории Пугачева»); одну из архивных выписок А. С. Пушкина опубликовал Ю. Г. Оксман в своей статье «Пушкин в работе над „Капитанской дочкой"». «Литературное наследство», кн. 58, 1952, стр. 235—239.

[14] Этого вопроса частично касался Г. П. Блок в своей книге «Пушкин в работе над историческими источниками». М.— Л., 1949.

[15] ЦГВИА, ф. 20. Дела о Пугачеве, кн. 1, л. 76. См. «Пугачевщина», т. I. М.— Л., 1926, стр. 25. В новейшем исследовании В. В. Мавродина («Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Л., 1961) ошибочно утверждается, что «документы, вышедшие из лагеря пугачевцев, дошли до нас лишь в копиях» (стр. 18). Подлинные пугачевские бумаги, опубликованные в I томе «Пугачевщины» и в журнале «Исторический архив» (1956, № 4), а также ряд неопубликованных документов подобного происхождения, сохранившихся в Центральном государственном архиве древних актов (далее — ЦГАДА) (ф. Госархив, разряд VI), опровергают эту ошибку В. В. Мавродина.

[16] ПД, ф. 244, оп. 1, № 379, л. 2; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 680—681.

[17] А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. I, стр. 371.

[18] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, л. 60 и об. Другая копия этого же указа находится в делах канцелярии оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа (ЦГАДА, ф. 1100, кн. № 2, л. 82), по ней и был опубликован текст указа в I томе «Пугачевщины» (стр. 25—26).

[19] ПД, ф. 244, оп. 1, № 378, лл. 1—2; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 681.

текста совершенно выцвела и не поддается чтению[20]. Пушкин своевременно снял копию с этого указа[21]. В состав I тома «Пугачевщины» этот указ не вошел[22], но был опубликован ранее в исследовании Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (т. II, СПб., 1884, стр. 18).

В бумагах Пушкина сохранились писарские копии с двух именных указов Пугачева, посланных в начале октября 1773 г. в Башкирию[23]. В бумагах Военной коллегии находятся оригиналы этих указов на языке тюрки, но Пушкин пользовался, конечно, их неудачными русскими переводами, сохранившимися в том же деле[24].

5 октября 1773 г., вскоре после начала осады Оренбурга, Пугачев отправил гарнизону города именной указ, в котором предлагал прекратить сопротивление, «положа оружие свое пред знаменами моими», и обещал всем великие милости «за верноподданническую службу природному своему государю Петру Федоровичу»[25]. С оригинала этого указа Пушкин снял копию, которая хранится ныне среди его бумаг[26].

В начале октября 1773 г., приступив к планомерной осаде Оренбурга, Пугачев предпринял ряд походов против близлежащих крепостей. Как правило, перед началом открытых боевых действий в осажденную крепость посылался парламентер с именным указом Пугачева («императора Петра III»). Один из указов был послан и в Красногорскую крепость (на правом берегу Яика, восточнее Оренбурга). В бумагах Военной коллегии не сохранилось оригинала этого указа, но имеется несколько копий[27]. Одна из них и была переписана Пушкиным[28].

Аналогичного содержания указ Пугачева (сохранившийся в подлиннике) был адресован старшине яицких казаков М. Бородину, находившемуся со своим отрядом в осажденном Оренбурге[29]. Копия этого указа имеется в архивных тетрадях Пушкина[30].

С первых месяцев восстания Пугачев приступил к созданию собственной военно-технической базы для изготовления артиллерийских орудий, оружия, боевых припасов и снаряжения. Основными поставщиками вооружения для повстанческих отрядов были Авзяно-Петровский, Воскресенский и Кано-Никольский заводы Южного Урала[31]. Главный штаб Пугачева состоял в постоянной переписке со своими представителями на этих заводах, руководил их производственной деятельностью, определял номенклатуру, объем и качество боевой продукции. В бумагах Военной коллегии Пушкин встретил именной указ Пугачева приказчику Кано-Никольского завода Н. Сорокину от 22 октября 1773 г. о вывозе с завода заготовленных

---

[20] ЦГВИА, ф.20, Дела о Пугачеве, кн. 1, л. 8.

[21] ПД, ф. 244, оп. 1, № 380, лл. 1—2; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 680.

[22] Следует отметить, что в I томе «Пугачевщины» опубликованы далеко не все документы из лагеря повстанцев; назрела необходимость полной публикации всех пугачевских бумаг, сохранившихся в подлинниках и копиях в составе архивных фондов ЦГАДА и ЦГВИА.

[23] ПД, ф. 244, оп. 1, № 387, лл. 3—4; 5—7; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 681—684. Сокращенная копия одного из этих указов имеется также среди архивных выписок Пушкина (ПД, ф. 244, оп. 1, № 377, л. 3—4; см. А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 773).

[24] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, лл. 73—75, 114—116, 119—120; «Пугачевщина», т. I, стр. 27—30.

[25] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, л. 77. «Пугачевщина», т. I, стр. 31—32.

[26] ПД, ф. 244, оп. 1, № 383, л. 1; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 684—685.

[27] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, лл. 148 об., 167; кн. № 2, л. 166. В основу пушкинской копии лег экземпляр из кн. № 1, л. 148 об. См. «Пугачевщина», т. I, стр. 32.

[28] ПД, ф. 244, оп. 1, № 385, л. 1; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 685.

[29] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 2, л. 174. Текст указа не опубликован.

[30] ПД, ф. 244, оп. 1, № 385, лл. 2—3; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 685—686.

[31] См. А. В. Пруссак. Заводы, работавшие на Пугачева. «Исторические записки», № 8, 1940, стр. 174—207.

там орудий и боеприпасов к ним [32]. В пушкинских бумагах хранится копия этого указа [33], там же находится и выписка из указа Пугачева (от 17 октября 1773 г.) приказчикам Авзяно-Петровского завода Д. Федорову и М. Осипову о скорейшем изготовлении пушек и ядер и доставке их под Оренбург [34].

Во время шестимесячной блокады Оренбурга повстанческими отрядами (октябрь 1773 — март 1774 г.) Пугачев, его Военная коллегия и атаманы неоднократно посылали в осажденный город манифесты, воззвания, указы и письма, в которых предлагали прекратить сопротивление «законной власти императора Петра III». Оренбургский губернатор Рейнсдорп аккуратно пересылал эти бумаги в Петербург при своих «доношениях» в Военную коллегию. В бумагах Военной коллегии сохранились подлинные указы Пугачева, посланные губернатору Рейнсдорпу (от 5 ноября [35], 17 ноября [36] и 1 декабря 1773 г. [37]), директору оренбургских горных заводов И. Тимашеву (от 21 декабря 1773 г. [38]) и старшине яицких казаков М. Бородину (от 21 декабря 1773 г. [39]), письма пугачевского полковника Т. Подурова (в копиях) от 4 ноября 1773 г. подполковнику Оренбургского казачьего войска В. Могутову [40] и старшине М. Бородину [41]. В архивных тетрадях Пушкина находятся его собственноручные копии этих документов [42].

Оренбургский губернатор Рейнсдорп не раз пытался воздействовать на повстанцев увещеваниями, призывая их покинуть «беглого донского казака Емельку Пугачева» и принести повинную властям «законной государыни императрицы Екатерины Алексеевны», обещая за это «прощение во всех их винах, прогрешениях и заблуждениях». В феврале 1774 г. в ответ на одно из таких увещеваний повстанцы послали в Оренбург на имя Рейнсдорпа язвительное письмо, напоминающее по содержанию и едкому языку известное послание запорожских казаков турецкому султану. Подлинник письма пугачевцев сохранился в делах Военной коллегии при одном из «доношений» Рейнсдорпа [43]. Пушкин снял копию с письма [44] и напечатал его в одном из примечаний к VI главе «Истории Пугачева» [45]. Этот замечательный памятник народной сатиры был единственным документом пугачевцев, который удалось опубликовать Пушкину.

Из числа других пугачевских бумаг, сохранившихся в делах Военной коллегии, Пушкин снял копии с указа повстанческой Военной коллегии

---

[32] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 2, л. 148; А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907, стр. 11.

[33] ПД, ф. 244, оп. 1, № 381, л. 2; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 686.

[34] ПД, ф. 244, оп. 1, № 1159, л. 291 об.; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 630. Пушкин снял копию с архивной копии указа, хранящейся в ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, л. 259 об.; «Пугачевщина», т. I, стр. 35. (Опубл. по другому списку).

[35] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 2, л. 173; «Пугачевщина», т. I, стр. 53—54.

[36] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 2, л. 176; «Пугачевщина», т. I, стр. 34.

[37] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 4, лл. 16 и об.

[38] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 4, лл. 23 и об.; «Пугачевщина», т. I, стр. 39.

[39] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 4, лл. 24 и об.

[40] Там же, кн. № 2, лл. 177 и об.

[41] Там же, лл. 179 и об.

[42] ПД, ф. 244, оп. 1, № 381, л. 1 (указ Пугачева от 5 ноября 1773 г.); № 385, лл. 3—4 (указ Пугачева от 17 ноября 1773 г.); № 382, л. 1 (указ Пугачева от 17 декабря 1773 г.); № 382, лл. 2—3 (указ Пугачева Тимашеву от 21 декабря 1773 г.); № 386, лл. 1—4 (письма Подурова Могутову и Бородину); А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 686—688, 690—691. Пушкин не сделал копии с указа Пугачева Бородину, ибо он во всем был идентичен с текстом указа Тимашеву от 21 декабря 1773 г. Пушкин в данном случае ограничился лишь кратким указанием на этот документ. См. А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 689.

[43] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 4, л. 74.

[44] Пушкинская копия письма включена в состав наборной рукописи «Истории Пугачева» (ПД, ф. 244, оп. 1, № 1139, л. 189 и об.).

[45] А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. I, стр. 104.

казаку команды Якова Иванова, посланному в июле 1774 г. в город Верхний Ломов для разведки[46], письмо (от 17 октября 1773 г.) башкирского старшины Кинзи Арасланова Алибаю Мурзагулову (в русском переводе с тюрки) с призывом присоединиться к повстанческой армии Пугачева[47].

Следует отметить еще один пугачевский документ из дел Военной коллегии, который остановил внимание Пушкина. Речь идет об именном указе Пугачева владетелю Малой казахской орды Нурали-хану от 18 сентября 1773 г.[48] В бумагах Пушкина имеется копия этого одного из первых указов Пугачева[49].

В архивных тетрадях Пушкина нет копий с ряда пугачевских бумаг, которые хранятся в делах Военной коллегии, но Пушкин, конечно, видел их при своих архивных изысканиях. Среди этих (отсутствующих у Пушкина) пугачевских документов можно назвать: воззвание башкирского старшины Турая Ишалина от ноября 1773 г.[50]; ордер старшины Уралбаша Уразбахтина жителям Демской волости о вступлении в отряд пугачевского атамана Караная Муратова[51]; ордер старшины Кашкина-Самарова жителям Демской слободы (от 6 декабря 1773 г.) о вступлении их в повстанческие отряды под Уфой[52]; приказ пугачевского атамана И. Н. Зарубина-Чики жителям Сарапульской волости о доставке провианта повстанческим отрядам под Уфу (11 марта 1774 г.)[53]; воззвания походного атамана О. Сазонова к гарнизону и жителям Троицкой крепости от 15 и 23 февраля 1774 г.[54]; прошение жителей деревни Сафаровой, направленное Пугачеву (от марта 1774 г.), о защите их от карательных отрядов[55]; билет, выданный пугачевским атаманом И. Губановым жителям Гайнинской волости от 15 декабря 1773 г.[56]; манифест Пугачева в Башкирию от 15 марта 1774 г.[57]; письмо из Осинской земской избы в контору Юго-Камского завода с призывом поддержать повстанцев (16 января 1774 г.)[58]; письмо (от 16 марта 1774 г.) атамана крестьян-повстанцев Рождественского завода С. Волкова в Воткинскую заводскую контору[59]; указ Военной коллегии жителям Башкирии о заготовке провианта и фуража для повстанческих отрядов (от 12 апреля 1774 г.)[60]; приказ атамана В. Михайловских о заготовке провианта и фуража для армии Пугачева, продвигающейся к Челябинску (от 15 апреля 1774 г.)[61]; письмо башкир-повстанцев крестьянам Осинской волости о наступлении отрядов Пугачева на Кунгур (от 15 июня 1774 г.);[62] именной указ Пугачева походным старшинам А. Ашменеву и М. Четееву о наборе жителей в повстанческие отряды (от 19 июня 1774 г.)[63]. Возможно, что Пушкин оставил эти документы без внимания,

---

[46] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 4, л. 464; «Пугачевщина», т. I, стр. 218, № 269 (опубл. по другому списку). В бумагах Пушкина — ПД, ф. 244, оп. 1, № 1158. л. 270.

[47] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, л. 140; «Пугачевщина», т. I, стр. 143 (опубл. по другому списку). В бумагах Пушкина — ПД, ф. 244, оп. 1, № 387, л. 1; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 689.

[48] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 1, л. 61 (копия в русском переводе с тюрки).

[49] ПД, ф. 244, оп. 1, № 1158, л. 4; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 774.

[50] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 2, лл. 346 и об.

[51] Там же, л. 347.

[52] Там же, лл. 347 и об.

[53] Там же, кн. № 3, л. 405.

[54] Там же, лл. 237 и об., 329 и об.

[55] Там же, лл. 404 и об.

[56] Там же, кн. № 6, л. 108.

[57] Там же, л. 127.

[58] Там же, л. 274.

[59] ЦГВИА, ф. 20, Дела о Пугачеве, кн. № 7, л. 107 и об.

[60] Там же, кн. № 8, лл. 329 и об.

[61] Там же, л. 530.

[62] Там же, кн. № 9, л. 409.

[63] Там же, кн. № 10, лл. 98 и об.

поскольку во многих из них речь идет о частных фактах, но вполне вероятно и другое предположение, высказанное в свое время Ю. Г. Оксманом, о том, что до нас дошли далеко не все архивные тетради Пушкина с выписками и копиями из «пугачевских» дел [64].

В бумагах Пушкина хранятся два подлинных пугачевских документа: именной указ Пугачева полковнику Бахтиару Канкаеву (от 13 марта 1774 г.) о формировании повстанческих отрядов из русских и башкир «для большой армии» [65] и указ пугачевской Военной коллегии есаулу Салиху Наврузову (от 13 июня 1774 г.) [66]. После смерти Пушкина эти документы находились в составе его хозяйственного архива, хранившегося у наследников поэта сначала в Петербурге, а затем в Ивановском и Лопасненском имениях Пушкиных (в Бронницком уезде Московской губернии). В 1933 г. внук Александра Сергеевича, Г. А. Пушкин, передал эти бумаги в Пушкинский дом и вскоре оба пугачевских документа были опубликованы П. С. Поповым [67]. В комментариях П. С. Попов верно отметил, что печать Пугачева, оттиснутая на красном сургуче его именного указа, воспроизведена Пушкиным в I томе «Истории пугачевского бунта», но в то же время утверждал, будто «Пушкин с целью воспроизведения печати в своей книге извлек настоящий указ из фонда бумаг по восстанию Пугачева, взяв его из дела» [68]. Нам кажется более правильной иная версия о появлении этих документов в бумагах Пушкина. Известно, что в числе лиц, снабжавших Пушкина материалами для «Истории Пугачева», был известный историк Д. Н. Бантыш-Каменский, располагавший богатой коллекцией документов и мемуаров, относящихся к пугачевскому движению [69]. Бантыш-Каменский предоставил Пушкину в 1834 г. ряд своих статей о деятелях движения и о его усмирителях, черновые бумаги, относящиеся к этой теме [70], и, что особенно интересно, «рисунок с печати самозванца» [71]. Именно с этого рисунка Пушкин и заказал гравюру: «снимок с печати самозванца... я тотчас и отдал гравировать» [72]. Стало быть, у Бантыш-Каменского был документ с печатью Пугачева; с нее он и сделал рисунок для Пушкина. Этим документом мог быть только указ Пугачева от 13 июня 1774 г., ибо на всех других известных нам указах Пугачева нет подобных печатей в такой хорошей сохранности [73]. Это наблюдение позволяет нам утверждать, что подлинные пугачевские указы, сохранившиеся в бумагах Пушкина, были получены им вместе с другими материалами от Бантыш-Каменского.

Завершив работу над «Историей Пугачева», Пушкин не оставил архивных изысканий в этой области. В 1835 г. он безуспешно разыскивал по государственным архивам материалы московского следствия по делу Пугачева и его ближайших сподвижников [74]. В связи с этим в октябре 1835 г. ему доставили из Московского главного архива Министерства иностранных

---

[64] Ю. Г. Оксман. Указ. соч.

[65] ПД, ф. 244, оп. 3, № 130; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 689.

[66] ПД, ф. 244, оп. 3, № 130; А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 691—692.

[67] «Звенья», вып. III—IV. М., 1934, стр. 144—145; «Летописи Государственного литературного музея», кн. 1. М., 1936, стр. 217—219.

[68] Там же, стр. 218.

[69] Коллекция была собрана его отцом, известным архивистом Н. Н. Бантыш-Каменским; ныне она хранится в ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. № 527; этой коллекцией в 1835—1836 гг. пользовался и А. С. Пушкин (см. ниже).

[70] См. письма Бантыш-Каменского Пушкину (А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 15, стр. 125—126, 143—144, 160).

[71] Там же, стр. 125.

[72] Из письма Пушкина Бантыш-Каменскому от 1 мая 1834 г. (А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 15, стр. 137).

[73] См. Р. В. Овчинников. Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения России эпохи феодализма». М., 1961, стр. 328—335.

[74] См. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов МИД. СПб., 1900, стр. 18—21.

дел материалы из «Пугачевского» портфеля известного историка Г. Ф. Миллера и коллекцию бумаг, связанных с пугачевским движением, принадлежавшую некогда Н. Н. Бантыш-Каменскому[75]. Хотя эти материалы не имели прямого отношения к теме запроса Пушкина, тем не менее он заказал с некоторых из них копии, которые хранятся ныне в составе пушкинского фонда[76]. В составе «Пугачевского» портфеля Миллера находились оригиналы документов пугачевского атамана И. Н. Белобородова: наставление сотникам С. Варенцову, Е. Азбаеву и О. Оськину от 31 января 1774 г.; ордер сотнику Е. Азбаеву от 9 апреля 1774 г.; ордер сотнику К. Коновалову от 16 апреля 1774 г.; указ пугачевской Военной коллегии атаману Белобородову от 2 мая 1775 г.; манифест Пугачева от 1 декабря 1773 г.[77] В коллекции Бантыш-Каменского хранился известный манифест Пугачева от 31 июня 1774 г.[78] — документ, в котором была наиболее радикально выражена социальная программа восстания. Копий этих документов в бумагах Пушкина нет; это может быть объяснено лишь тем, что до нас не дошли некоторые архивные тетради Пушкина по «пугачевским» делам.

Документы Пугачева, его Военной коллегии и атаманов, сохранившиеся в пушкинском фонде, свидетельствуют о большом интересе А. С. Пушкина к этим бумагам не только как к историческим источникам первостепенной важности, но и как к памятникам народного творчества, к свидетельствам политической зрелости трудового народа, осознавшего свои социальные интересы в грандиозном взрыве классовой борьбы — Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Пугачева.

[75] Там же, стр. 20—21.

[76] См. А. С. Пушкин. Указ. соч., т. 9, ч. II, стр. 551—598.

[77] См. реестр отправленных к Пушкину бумаг при письме директора Московского архива МИД от 30 сентября 1835 г. ЦГАДА, ф. 180 (Канцелярия МГАМИД), оп. № 1, д. № 111-а, лл. 1867—1869 об. Ныне перечисленные в реестре материалы хранятся в ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. № 429, лл. 13, 17, 22; д. № 420, л. 17; д. № 415, л. 16.

[78] ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. № 527, лл. 163 и об. (копия).

Н. И. Казаков

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХАРАКТЕРЕ «ЗАПИСОК ФЛОТА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА ЕГОРА МЕТАКСЫ»

В 1915 г. в Петрограде военно-морским историком В. Ильинским, автором ряда работ об адмирале Ф. Ф. Ушакове [1], были опубликованы «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы», ставшие позднее одним из важнейших исторических источников при изучении средиземноморской кампании русского флота 1798—1799 гг. под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. В предисловии В. Ильинский характеризует Е. Метаксу как активного участника и свидетеля описываемых событий, начавшего свой труд под их непосредственным впечатлением. «Поскольку мемуары,— пишет издатель,— могут служить вспомогательным источником для истории, постольку „Записки" Метаксы дают богатый материал для истории нашего флота в 1798—1799 гг.» [2].

Несколько позднее в статье об адмирале Ушакове В. Ильинский писал: «Для понимания характера адмирала Ушакова и его неутомимых трудов на пользу службы и дела ценны «Записки флота капитан-лейтенанта Метаксы». Этот офицер, плававший с адмиралом Ушаковым в Черном море, участвовавший в экспедиции 1798—1800 гг. и отличавшийся храбростью, умный и вдумчивый наблюдатель жизни и деятельности нашего адмирала...» [3].

Академик Е. В. Тарле, характеризуя привлеченные им для своего исследования («Адмирал Ушаков на Средиземном море») источники, писал: «Есть одно произведение мемуарной литературы первостепенного значения, которым я пользовался. Это „Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метакса"... Записки эти, впервые в полном виде изданные В. Ильинским в 1915 г., прошли тогда как-то почти не замеченными. Между тем по своему значению для истории этой экспедиции и биографии Ф. Ф. Ушакова книга Е. П. Метакса решительно незаменима» [4]. Рассматривая Е. Метаксу как «летописца» похода 1798—1799 гг. [5], Е. В. Тарле широко использовал его «Записки» в своем ценном и интересном труде.

На «Записки» Е. Метаксы, как на важнейший и по существу единственный первоисточник, относящийся к кампании 1798—1799 гг., много-

---

[1] В. Ильинский. Адмирал Ушаков в Средиземном море. СПб., 1914; его же. К биографии адм. Ушакова. «Морской сборник», 1914, № 4; его же. К 125-летию морской победы у мыса Калиакрии (1791). «Морской сборник», 1916, № 7.

[2] Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915 (далее — «Записки»), стр. V—VI.

[3] В. Ильинский. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. «Морской сборник», 1919, № 7—8, стр. 164—165.

[4] Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948, стр. 6.

[5] Там же, стр. 32.

кратно ссылаются авторы как общих[6], так и специальных работ, посвященных Ф. Ф. Ушакову, в частности, А. Андрущенко[7] и Г. Шторм[8]. Приводятся они также во введении и в примечаниях к сборнику документов «Ф. Ф. Ушаков»[9]. Таким образом, «Записки» Е. Метаксы прочно вошли в научный оборот и широко цитируются в военно-исторической литературе.

«Записки» Метаксы, освещающие весьма значительный круг вопросов, связанных со средиземноморской кампанией русского флота 1798—1799 гг., оценивались в исторической литературе как драгоценное свидетельство очевидца, прекрасно осведомленного о флотоводческой и военно-дипломатической деятельности прославленного русского адмирала. Нередко в «Записках» пытались найти ключ к пониманию и объяснению целого ряда сложных проблем военно-морского искусства адмирала Ф. Ф. Ушакова и внешнеполитических мер, предпринятых царским правительством в районе Средиземного моря. При этом никто из авторов, пользовавшихся «Записками» Метаксы, не задался целью выяснить их происхождение, проанализировать содержание и ответить на вопрос, в какой мере они заслуживают доверия как первоисточник мемуарного характера. Одним словом, эти записки были приняты в исторической литературе без предварительного критического изучения. В этой связи мы и задались целью попытаться восполнить указанный пробел, причем в данном очерке автор ставит перед собою весьма ограниченную задачу — проследить условия возникновения источника и таким образом установить его подлинность, характер и научную значимость. Критический разбор содержания «Записок» Метаксы и анализ их достоверности составит тему нашей следующей статьи.

Биографические сведения о жизни и службе Е. П. Метаксы до участия его в средиземноморской экспедиции адмирала Ф. Ушакова крайне скудны и отрывочны. Из его послужного списка[10] известно, в частности, что в 1785 г. он был принят кадетом (примерно в возрасте 9—10 лет) в «Корпус чужестранных единоверцев», или, как его называли иначе, «греческую гимназию», и выпущен оттуда в 1791 г. мичманом с назначением в Черноморский флот на корабль «Владимир». В том же году Е. Метакса принимал участие в сражении при мысе Калиакрия. Следующие семь лет прошли для него в ежегодных плаваниях по Черному морю.

В августе 1798 г. с эскадрой адмирала Ушакова он перешел из Севастополя в Константинополь, где, как знающий турецкий язык, был назначен (15 сентября 1798 г.) на турецкий флагманский корабль «для переводу... и исполнения по сигналам, какие на эскадре... (русской.— *Н. К.*) учинены будут...»[11]. В октябре того же года лейтенант Метакса, командуя турецким десантным отрядом, отличился при взятии острова Занте[12]. В конце октября Е. Метакса был командирован Ф. Ф. Ушаковым к Али-паше Янинскому с письмом, в котором русский адмирал ставил пашу в известность о принятии жителей города Парги под защиту России и требовал немедленно освободить арестованного в Превезе русского консула майора Ламброса[13]. В период осады крепости Корфу Е. Метакса находился на борту турецкого флагмана (ноябрь 1798 — февраль 1799 гг.), а потом с объединенной русско-турецкой эскадрой перешел к Неаполю[14].

---

[6] С. Б. Окунь. История СССР (1796—1825). Л., 1948, стр. 49—51.

[7] А. Андрущенко. Адмирал Ушаков. М., 1951, стр. 181—183, 196, 197 и др.

[8] Г. Шторм. Ф. Ф. Ушаков. М., 1947, стр. 225—304.

[9] Адмирал Ушаков. Документы, т. II. М., 1952, стр. XIII, XV, XVI, 107, 149.

[10] Общий морской список, ч. IV, стр. 354—355.

[11] Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 107. См. также Р. Скаловский. Жизнь адмирала Ушакова, ч. I. СПб., 1856, стр. 245—258, 300.

[12] Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 143—145.

[13] Там же, стр. 161.

[14] Общий морской список, ч. IV, стр. 355.

Таким образом, весь период борьбы за Ионические острова лейтенант Е. Метакса провел на турецкой эскадре, принимавшей весьма незначительное участие в тогдашних боевых операциях [15].

Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением В. Ильинского, что «Записки» Метаксы особенно ценны и незаменимы для характеристики адмирала Ушакова, личность которого якобы сосредоточила на себе исключительное внимание автора «Записок».

Известно, что мемуары могут стать причиной серьезных ошибок исследователя, если он предварительно не поставит вопроса об источниках и степени осведомленности их автора и не выяснит, был ли он современником и участником изображаемых событий. Если же мемуарист излагает их не на основе личного знакомства с фактами, то следует установить, каково происхождение и особенности сообщаемой им версии, насколько источник, из которого они были заимствованы, заслуживает доверия. Следовательно, один из важнейших элементов критического анализа мемуарного источника состоит в определении того, является ли он «плодом одного припоминания лично знакомых автору фактов или мемуарист создает ткань своих воспоминаний на основе какого-то документального материала — официальной переписки, частных писем, газетных сообщений и т. д.».

На все эти источниковедческие вопросы применительно к «Запискам» Е. П. Метаксы вполне удовлетворительный, на наш взгляд, ответ дают некоторые письма Александра Яковлевича Булгакова, адресованные его брату — Константину — в Петербург в период 1819—1825 гг. [16]. Обширнейшая переписка А. Я. Булгакова, по словам князя П. А. Вяземского, «могла бы послужить историческим или по крайней мере общежительным справочным словарем для изучения современной ему эпохи...» [17]. Эти интереснейшие письма, являющиеся поистине энциклопедией русской жизни первой трети XIX в., до сих пор не привлекали внимания историков для решения поставленной задачи.

Впервые о «Записках» Е. Метаксы упоминается в письме А. Я. Булгакова от 3 марта 1819 г. Отправляясь на лечение в Карлсбад, он сообщал в Петербург: «К счастью, взял я с собою Метаксовы записки, над коими работаю с удовольствием. Две последние тетради будут очень занимательны» [18]. 7 сентября того же года он пишет брату, что «поправляет записки» Метаксы и просит передать, чтобы к его возвращению в Москву брат достал портреты Ушакова и Али-паши. «Тогда,— говорит Булгаков,— примусь тотчас печатать первую часть» [19].

Каким образом и почему «Записки» Е. П. Метаксы оказались у А. Я. Булгакова, выясняется в общих чертах из того же источника. А. Я. Булгаков, находившийся на дипломатической службе, познакомился в Неаполе с лейтенантом Е. П. Метаксой (в 1802—1807 гг.), прибывшим туда на кораблях русской эскадры. Затем он встретился с ним вновь в Москве весной 1812 г., стал одним из его ближайших друзей и принимал с тех пор самое деятельное участие в устройстве судьбы Метаксы. Чтобы облегчить тяжелое материальное положение друга, вышедшего в отставку, он привлекал его к своей литературной работе, памятником которой явилась опубликованная в Москве в 1813 г. книга «Русские и Наполеон Бона-

[15] В письме Ф. Ф. Ушакова турецкому адмиралу Кадыр-бею прямо говорится о недружественной пассивности вверенной ему эскадры, суда которой «всегда были в стоянке на якорях, в бой против неприятельских кораблей никогда не входили» и не оказали русскому флоту даже самой минимальной поддержки (см. Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 436).

[16] Письма из Москвы А. Я. Булгакова к его брату в Петербург. «Русский архив», 1900, кн. 2—3; 1901, кн. 1—5.

[17] Полное собрание сочинений кн. П. Вяземского, т. VII. СПб., 1912, стр. 184.

[18] «Русский архив», 1900, кн. 10, стр. 198.

[19] Там же, стр. 219—220.

парте». По поводу этого литературного сотрудничества Булгаков писал: «Я недоволен, что я не работаю один, а вдвоем, так как Метакса может подумать, что я хочу присвоить себе часть его труда, но я этого упрека не страшусь, поскольку все на свете знают, что Метакса удивительно плохо пишет по-русски» [20].

Видимо, в процессе этих совместных литературных занятий и родилась у них идея написать воспоминания о «военных подвигах российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова Ионические острова», в составе которой Е. П. Метакса проделал кампанию 1798—1799 гг.

У А. Я. Булгакова была страсть убеждать своих близких и знакомых писать мемуары и записки об их жизни. Так, сообщая о своих встречах с графом Ф. В. Ростопчиным, он писал: «Я его уговариваю писать свои мемуары. Оне верно не увидят свет, покуда он жив; да и не надобно бы ему их и издавать: он не довольно хладнокровен, чтобы обо всем говорить беспристрастно... Надобно другому за это взяться, но все главное будет сделано, т. е. материалы накоплены» [21]. Последние строчки нам особенно важны для выяснения взглядов А. Я. Булгакова на роль мемуаристов. По его мнению, мемуаристу только следует накапливать материал, а «обрабатывать» его в соответствующем духе должен другой человек, свободный от субъективных увлечений автора [22].

Нужно полагать, что первый черновой набросок таких воспоминаний или записок был сделан Е. П. Метаксою, завершившим свой первоначально небольшой труд в 1819 г. [23], после чего он перешел на литературную и редакционную доработку к его другу А. Я. Булгакову, обладавшему несомненным писательским талантом [24]. Опубликованные А. Я. Булгаковым в 1813—1826 гг. брошюры и статьи говорят о его увлечении историко-биографической тематикой, а необъятное по своим размерам эпистолярное наследство обнаруживает у А. Я. Булгакова несомненную способность наблюдательного бытописателя.

Участие А. Я. Булгакова в переделке и доработке «Записок» было, видимо, столь значительно, что это дало ему основание постоянно называть их в своих письмах «нашими записками». 29 апреля 1821 г. он писал: «Я трактую с Селивановским (московским издателем.— *Н. К.*), продаю ему манускрипт трудов наших с Метаксою...» [25].

11 октября 1821 г. А. Я. Булгаков информировал своего брата о ходе работы над записками Метаксы: «Окончив главу одну в Метаксовых записках, принимаюсь к тебе писать, любезнейший друг. Мне хочется, как кончу первую часть, прислать к тебе на прочтение и одобрение. Ты скажешь мне свои мысли, ежели надобно переправим. В „Correspondance officielle de Napoleon“ нашел я многие сведения, кои включил я в статью о Корфу. Продолжение будет еще занимательнее. Неаполь и Палермо будут театрами происшествий: места и дела мне известны. Сверх того, Татищев дал мне на сохранение все бумаги бывшей нашей миссии. Все это будет полезно, и я надеюсь, что в некотором отношении записки сии не уступят Броневскому [26], хоть нашему герою нельзя равняться с его. Далеко Ушакову до Сенявина» [27].

[20] Там же, кн. 2, стр. 234.
[21] Там же, 1901, кн. 6, стр. 190.
[22] В 1826 г. в XXVI части «Отечественных записок» А. Я. Булгаков опубликовал биографию графа Ф. В. Ростопчина на основе материалов его семейного архива.
[23] «Записки», стр. 113, примечание.
[24] См. Русский биографический словарь, т. III, стр. 458—460.
[25] «Русский архив», 1901, кн. 1, стр. 83.
[26] А. Я. Булгаков имеет здесь в виду «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810», изданные в 1818—1819 гг. в четырех частях. Автором их был Владимир Броневский.
[27] «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 286.

Это письмо интересно в двух отношениях. Во-первых, оно обнаруживает приемы и методы работы А. Я. Булгакова над «Записками», которые он усиленно обогащал данными, почерпнутыми не из запаса памяти мемуариста, а из официальных документов — не только русского, но и иностранного происхождения. Во-вторых, оно свидетельствует о проводившейся А. Я. Булгаковым работе над второй, неизданной частью «Записок», посвященных действиям русского флота у побережья Южной Италии с мая 1799 по октябрь 1800 г., в существовании которой высказал необоснованное сомнение В. Ильинский [28]. Вторая часть, видимо, целиком была составлена А. Я. Булгаковым и лежит где-нибудь в архиве, ожидая своего издателя.

Из писем А. Я. Булгакова мы с сожалением узнаем о досадной небрежности, которую нередко проявлял Е. П. Метакса в передаче содержания многих ушаковских документов, выдумывая нередко их текст. Поэтому, чтобы придать его воспоминаниям черты достоверного рассказа, А. Я. Булгакову приходилось усиленно корректировать многие безответственные вымыслы своего друга, справляясь для этой цели с фактами из официальных документов.

«Записки Егорушки Метаксушки пришлю тебе,— писал он брату Константину 1 ноября 1821 г.,— а за Али-пашу очень тебе буду благодарен; рожа его была бы кстати, и это приманка для взрослых читателей... Очень бы ты одолжил меня Корфиотскою капитуляциею и даже донесением Ушакова. Не может ли Каподистрия это вытребовать из коллегии нашей адмиралтейской? Ты можешь понять, что я его или Нессельроде не компрометирую, эта вещь уже старая, не секретная, а явная, а Метакса изволил написать капитуляцию из головы, не понимая, что такие вещи должны быть самые точные. Но он, видимо, как аббат, писавший о взятии Родоса; ему дают документы официальные, а он отвечает: это пришло слишком поздно, моя осада уже окончена» [29].

Зная, что круг наблюдений лейтенанта Е. П. Метаксы в период его пребывания на Средиземном море был сравнительно узок, А. Я. Булгаков, пользуясь своими связями, пытался раздобыть различные архивные материалы, и в частности материалы из фондов Министерства иностранных дел и из личных собраний участников кампании 1798—1799 гг. С этой целью он разбирает коллекцию документов своего отца — Я. И. Булгакова [30], бывшего русского посла в Константинополе в 1774—1787 гг., и усиленно добивается приобретения бумаг, оставшихся у наследников Ф. Ф. Ушакова после его смерти в 1817 г., а также вахтенных журналов А. А. Сорокина, командовавшего отрядом кораблей в составе эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Особое внимание авторов «Записок» привлекал, естественно, личный архив Ф. Ф. Ушакова, который мог бы стать для них важнейшим и надежнейшим источником сведений о действиях русского флота в 1798—1799 гг. и лечь в основу первой части подготовленных «Записок». 11 октября 1821 г. А. Я. Булгаков писал в Петербург: «После Ушакова наследовали какие-то два племянника; скотам этим доставались и бумаги его. Они не знают цены их; есть тут множество писем Суворова, очень любопытных. Мы (т. е. Булгаков и Метакса.— *Н. К.*)... просили; не дают, отговариваясь, что сами издадут это в свет. На такую отговорку не только нельзя сердиться, но можно было бы порадоваться, ежели бы были они в состоянии выполнить отзыв свой. Отдадут другим материалы, или продадут, или пойдут клочками в журналы.

---

[28] «Записки», стр. III. См. также прим. на стр. 205.

[29] «Русский архив», 1901, кн. стр. 288 и 290.

[30] Там же, кн. 1, стр. 73. Бумаги Я. И. Булгакова из Константинопольского посольства 1779—1798 гг. См. Русское историческое общество, т. 47. СПб., 1885.

Другая умная голова, скажу Вам, Сорокин[31], и у него просили мы журналы его на время, но не добились. Тем хуже для него; упомянем об нем только слегка»[32].

После длительных переговоров с наследниками Ф. Ф. Ушакова Е. П. Метаксе удалось, наконец, в 1823 г. на средства князя А. С. Меншикова (за 500 рублей) приобрести этот уникальный архив, содержавший в себе исключительно интересные для освещения ионической кампании 1798—1799 гг. материалы. Об этой редкой удаче для авторов мемуарных записок А. Я. Булгаков известил своего брата Константина 4 июня 1823 г.:

«Бумаги, кои Метакса по милости Меншикова купил у пьяного Ушакова, заключают бесценные материалы, и теперь эти записки очень пополняются достоверными и официальными документами»[33].

Из последующей переписки А. Я. Булгакова выясняется, что он на основе бумаг Ф. Ф. Ушакова коренным образом переработал уже имеющийся вариант «Записок» и широко пополнил их новыми материалами, превратившимися, таким образом, в личное достояние удачливых «мемуаристов». Вот что писал А. Я. Булгаков 15 июня 1823 г. о значении приобретенных Метаксою бумаг для завершения их коллективного труда:

«Метакса дал мне все бумаги, купленные у Ушакова. Тут есть предрагоценные документы[34]. Между ними нашлось несколько фирманов. Посылаю пять при сем. Нельзя ли милому Фонтону взять на себя труд этот перевесть? Вероятно, касается это до дел, описываемых нами в записках... Есть тут также письма Нельсона, левою рукою писанные. Теперь придется мне переправлять опять Записки, имея сии официальные документы. Тут и рапорты Ушакова к Павлу I»[35].

Переделка «Записок» Е. П. Метаксы на базе ушаковского наследства поглощала все свободное время А. Я. Булгакова, который работал над ними уже пятый год (с 1819 г.) с неизменным увлечением. В конце июня 1823 г. Булгаков обращается к своему брату с просьбой отыскать для него в Петербурге «хорошую карту, объясняющую» Босфор, Мраморное море, Дарданеллы, Архипелаг с Мореей, Грецию и Ионические острова до Адриатического моря и Отрентского пролива. «Ежели отыщешь, пришли мне,— добавляет он.— Записки Метаксы будут теперь очень огромны и много хорошего прибавится»[36].

Последнее упоминание о «Записках» Е. Метаксы в рассмотренной нами переписке относится к 21 сентября 1824 г., когда А. Я. Булгаков писал: «Встаю рано, работаю над Записками Метаксы, кои совсем переменил после находки Ушаковского бумаг»[37].

---

[31] Обращение к А. А. Сорокину было вызвано тем, что в 1821 г. в журнале «Сын отечества» (№ 15) была опубликована статья под названием «Краткое извлечение из журналов военных действий отдельной эскадры, бывшей в 1799 году при Неаполитанских берегах под командою флота капитана Сорокина», написанная, видимо, на основе личных бумаг последнего. Неизвестный автор этой статьи ставил своей целью исправить ошибки, допущенные В. Броневским в освещении экспедиции в Неаполь в 1799 г. Капитан II ранга Александр Андреевич Сорокин в 1798—1799 гг. в составе эскадры Ф. Ф. Ушакова на фрегате «Михаил» осаждал остров Корфу, откуда во главе отряда кораблей плавал к неаполитанским берегам и участвовал во взятии Неаполя и блокаде Александрии. Об А. А. Сорокине см. К. Головизнин. Капитан-комадор Сорокин в Ионической республике. «Морской сборник», 1882, № 9.

[32] «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 286.

[33] Там же, кн. 4, стр. 550.

[34] Д. Н. Бантыш-Каменский в биографическом очерке, посвященном Ф. Ф. Ушакову, написанном на основе официальных документов и рассказов современников, передает, что знаменитый адмирал «оставил после себя любопытные записки, которые принадлежат ныне г. Метаксе». В числе бумаг Ушакова, хранящихся у Метаксы, сообщает он в примечании, находится и переписка его с Нельсоном. См. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 1. СПб., 1836, стр. 197—198.

[35] «Русский архив», 1901, кн. 4, стр. 554.

[36] Там же, стр. 555.

[37] Там же, кн. 5, стр. 82.

Таким образом, становится очевидным, что первоначальный текст «Записок» Е. П. Метаксы приобрел под пером А. Я. Булгакова качественно совершенно иной вид, превратившись из мемуарного источника в значительной мере в историко-литературное произведение, сохранившее, однако, в заголовке имя их первого автора.

Следует добавить, что не только один А. Я. Булгаков изменял по своему произволу первоначальный вариант рукописи Е. П. Метаксы. К бесцеремонной переделке «Записок» были привлечены и другие «знатоки» событий ионической кампании 1798—1799 гг. Отправляя рукопись «Записок» в Петербург своему брату Константину «на рецензию», А. Я. Булгаков просил: «Не забудь дать прочесть Балабину записки Метаксы. Его мнение нам нужно, он может даже пополнить это своими замечаниями и сообщением происходившего в Риме, куда был он Ушаковым посылан. Теперь принимаемся за вторую часть» [38].

16 августа 1822 г. А. Я. Булгаков, живший в своем имении в селе Семердино и имевший «много досужего времени», торопил Е. Метаксу с присылкой материалов (видимо, сырых данных, подлежащих литературной обработке) для второй части «Записок», а брату в то же время напоминал: «Балабину скажи, чтобы он не церемонился и делал какие хочет замечания, прибавления, перемены к первому тому и присылал назад. Надобно приняться за печатание. Кому же посвятить?..» [39]

В то время как А. Я. Булгаков интенсивно трудился над переделкой и пополнением записок своего друга, Е. П. Метакса был занят другой, видимо, более устраивающей его работой: он (вкупе с другим греком) переводил (почти в течение двух лет) сочинение французского путешественника и историка — Раффенеля, посвященное греческому восстанию 1821 г. [40], желая тем самым, с одной стороны, привлечь симпатии русского общества к освободительному движению своих соотечественников, а кроме того, попутно заработать на этом предприятии немного денег.

Метакса, сообщал А. Я. Булгаков 21 августа 1823 г., «с другим греком перевел очень любопытную историю греческой войны нынешней в трех частях, цензура уже одобрила первую часть, которая печататься будет тотчас... Это истинное благодеяние для несчастной этой семьи; там подоспеют и другие наши записки и тогда Метакса несколько оживет...» [41].

Летом 1824 г. граф Ф. В. Ростопчин и князь А. А. Кольцов-Мосальский дали Е. П. Метаксе денег «на напечатание книги о нынешней греческой войне» [42]. В октябре первая часть ее действительно вышла из печати [43]. «Книга, я думаю,— писал А. Я. Булгаков брату в Петербург,— будет принята с любопытством, ибо начало возмущения греческого вовсе нам неизвестно. Будут три части с хорошею картою театра войны. Заставь всех господ подписаться...» [44].

Материальное положение Е. П. Метаксы, оказавшегося в неоплатном долгу перед многочисленными кредиторами, стало особенно тяжелым в 1824 г., когда по их искам он чуть ли не был арестован и предан суду [45].

---

[38] «Русский архив», 1901, кн. 3, стр. 409 (15 мая 1822 г.).

[39] Там же, стр. 446. В начале сентября подвергнувшиеся петербургской редакции «Записки» вернулись снова в Москву (см. там же, стр. 453).

[40] C. D. Raffenel. Histoire complète des événements de la Grèce depuis les premiers troubles qusqu'a ce jour», v. I—III. Paris, 2-е изд., 1825.

[41] «Русский архив», 1901, кн. 4, стр. 560.

[42] Там же, кн. 5, стр. 72.

[43] История греческих происшествий, обстоятельно и подробно описанных от первоначального действия греков до сего времени, заимствованная из описаний очевидцев и некоторых сочинений с собственными дополнениями издателя флота капитана 2-го ранга Е. Метаксы, с присовокуплением карты, представляющей весь театр войны, ч. I—II. М., 1824.

[44] «Русский архив», 1901, кн. 5, стр. 85 (в этом письме книгу, которую переводил Метакса, Булгаков называет его, т. е. Метаксы, книгою).

[45] Там же, стр. 36—37, 39, 48.

Однако усилиями А. Я. Булгакова, собравшего «для выкупа» своего друга значительную сумму денег, судьба Е. П. Метаксы резко изменилась: он не только вскоре расплатился со своими долгами, но, получив место управляющего имениями княгини Е. А. Голицыной[46], а позднее (в 1826 г.), по завещанию графа Ф. В. Ростопчина (у которого Метакса жил с семьей «из милости»), ежегодный двухтысячный пенсион[47], стал вполне обеспеченным человеком. Его тогда, видимо, уже перестали волновать литературные занятия, предпринятые им в свое время не по призванию, а главным образом из материальных соображений.

Как уже выше отмечалось, последнее сообщение о работе над «Записками» Е. П. Метаксы относится к сентябрю 1824 г., хотя имя их «автора» и продолжает периодически появляться в письмах А. Я. Булгакова (до 1829 г.), но уже вне всякой связи с интересующим нас вопросом. Трудно установить, чем это было вызвано: то ли тем, что работа над «Записками» была завершена, или тем, что авторы ее прекратили и отказались по неизвестным нам причинам от мысли их издать.

Любопытна и загадочна последующая судьба рукописи «Записок» Метаксы. Припомним, что, несмотря на имевшуюся в 1821 г. договоренность А. Я. Булгакова с известным московским книгопродавцем С. Селивановским, они не были опубликованы. Возможно, что, затянув процесс доработки и переработки «Записок», их авторы столкнулись с неожиданным сюрпризом — выходом в свет нескольких сочинений на ту же тему А. Висковатого[48], вследствие чего они решили отложить их печатание из опасения, что «Записки» уже не смогут вызвать того интереса читателей, на который рассчитывали Е. П. Метакса и А. Я. Булгаков.

Кроме того, на решение об их издании (в 1825—1828 гг.) могли повлиять и многие другие обстоятельства, высказывать догадки о которых, не располагая какими-либо ориентирующими нас фактами, мы считаем занятием бесплодным.

Сам Булгаков по этому поводу писал в своих воспоминаниях следующее: «Метакса оставил записки, в которых описываются подвиги российского флота в Черном и Средиземном морях и покорение Ионических островов, занятых в то время французской республикой. Записки сии были мною пополнены и переправлены потому, что Метакса не хорошо писал по-русски. Я напечатал в «Сыне отечества» некоторые отдельные любопытные статьи, но, к сожалению моему, полное сочинение в свет еще не вышло, по причинам от меня независящим, и о которых не место здесь рассказывать»[49].

В 1860—1861 гг. «Записки» Метаксы, видимо, вновь кем-то готовились к печати, ибо известно, что 5 февраля 1861 г. они прошли цензуру московского цензурного комитета и были снабжены надписью: «Печатать позволяется, цензор Н. Гиляров-Платонов»[50]. Однако и на этот раз они не вышли в свет, а по реестрам 1863 г. «Записки» уже числятся поступившими в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку[51]. Спустя 17 лет, в 1880 г., они начали было печататься в «Морском сборнике»[52], но после

---

[46] Там же, стр. 72.

[47] Л. А. Ростопчина. Правда о моей бабушке. «Исторический вестник», 1904, январь, стр. 64.

[48] А. Висковатов. Блокада и осада Корфу в 1798—1799 гг. СПб., 1828; его же. Взятие острова Святой Мавры капитаном I ранга Сенявиным в 1798 г. «Славянин», ч. VII, 1828; его же. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве в 1798—1799 гг. «Славянин», ч. IV, 1827; ч. V, 1828 и др.

[49] А. Я. Булгаков. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Ф. А. Ростопчина. «Старина и новизна», 1904, т. VII, стр. 127. «Записки» Метаксы Булгаков давал читать адмирату Литке, который их одобрил.

[50] «Записки», стр. IX.

[51] В этом же году умер А. Я. Булгаков.

[52] «Морской сборник», 1880, № 4.

появившихся двух глав (из 15) издание по непонятным причинам прекратилось. Свет они увидели лишь в 1915 г.

Рассмотрим в заключение, каков мог быть личный творческий вклад Е. П. Метаксы в изданные «Записки», что в этом сложном по своему составу историко-литературном памятнике могло ему принадлежать как мемуаристу.

Выступая в своих «Записках» в роли комментатора и истолкователя смысла и значения проводимых Ф. Ф. Ушаковым военных операций и политических мероприятий, Е. П. Метакса тем самым создает у читателя впечатление о своей прямой осведомленности в военных планах и замыслах Ушакова[53]. Между тем, как показывает его послужной список[54], во время кампании 1798—1799 гг. Е. П. Метакса не только не был ближайшим сотрудником Ушакова, но фактически даже не находился на кораблях русского флота, а плавал на турецком флагмане. Поэтому он не мог ни непосредственно наблюдать действия Ф. Ф. Ушакова, ни внимательно изучить его характер. Большинство рассказов Е. Метаксы об адмирале Ушакове — отнюдь не свидетельство очевидца, а результат литературной обработки (выполненной А. Я. Булгаковым) различных архивных материалов.

Вполне естественно, когда мемуарист, работающий над своими записками или воспоминаниями, посвященными событиям почти двадцатилетней давности, привлекает для проверки и уточнения сообщаемых им фактов современные официальные документы, но иное дело, когда он, не будучи свидетелем этих фактов, выдает себя за их очевидца, используя для этой цели данные других источников. В последнем случае такой автор из мемуариста превращается в обычного историка, воссоздающего на основе разнообразных материалов те или иные картины прошлого.

Кроме того, нельзя не учитывать, что Е. Метакса не был единственным творцом своих собственных записок, а имел полноправного соавтора в лице А. Я. Булгакова, которому фактически отдал на литературный откуп сырые материалы и беглые наброски. А. Булгаков их не только отделал стилистически, но, как это нами показано, обогатил широким кругом новых архивных источников. При этом на содержание «Записок» Метаксы не могли не повлиять и свойственные Булгакову «живость воображения»[55] и склонность к «увлекательным» вымыслам.

Так, плодом этой «живости воображения» явился опубликованный в 1812 г. «Разговор Неаполитанского короля с графом Милорадовичем», сюжет которого вскоре перекочевал во всевозможные издания, посвященные войне 1812 г. Этот вымышленный «разговор», долгое время считавшийся историческим фактом, был дезавуирован автором лишь в 1831 г., в частном письме брату, где он писал: «Я в двое суток прочел всего Загоскина, то есть «Рославлева». Он поместил тут вымышленный мною, во время эмиграции нашей из Москвы в 1812 году, когда я гостил у графа Воронцова в Андреевской деревне его,— разговор между Мюратом и Милорадовичем. Граф Ростопчин послал его тогда в Петербург, и пошел этот разговор по всем журналам, даже иностранным»[56].

В Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в «Фонде Булгаковых», насчитывающем несколько тысяч единиц хранения и пока еще полностью не разобранном и не описанном, имеется два ненумерованных дела, которые и содержат в себе черновые и, к сожалению,

[53] В частности, Е. Метакса использует в своих «Записках» секретные доклады Ушакова Павлу I, содержание которых не могло быть, естественно, ему в то время известно.

[54] Общий морской список, ч. IV, стр. 354—355.

[55] Полное собрание сочинений П. А. Вяземского, т. VII, стр. 183.

[56] К. Военский. Священной памяти 1812 года. СПб., 1912, стр. 190. Лишь в 1843 г. в «Москвитянине» А. Я. Булгаков выступил с публичным покаянием по поводу своей «шутки» с «разговором».

неполные варианты рукописей «Записок флота капитан-лейтенанта Метаксы». Сличая эти две рукописи, можно отчасти проследить ход работы над «Записками» и увидеть, как сухая первоначальная схема событий обрастала толстым слоем привносных дополнительных материалов.

Чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о соотношении мемуарных и чисто литературных материалов в составе «Записок» Е. Метаксы, сравним содержание двух текстов, посвященных одной и той же теме (Али-паше Янинскому), но изданных в разное время. Если объем опубликованного Е. Метаксой в 1820 г. в журнале «Сын отечества» [57] рассказа о посещении им в 1798 г. Али-паши Янинского не превышает половины печатного листа, то тот же эпизод в издании 1915 г. занимает в нескольких главах минимум пять печатных листов. В последний вариант «Записок» А. Я. Булгаков включил немало новых надуманных ситуаций, частично изменил содержание диалогов между Али-пашой и Е. Метаксой и усилил драматизм личных переживаний последнего. Например, если согласно версии 1820 г. [58] Али-паша после первой короткой аудиенции, данной Е. Метаксе, предложил ему отобедать и отдохнуть, то в «Записках» 1915 г. [59] по окончании этого официального приема введена между ними конфиденциальная беседа, имеющая явно не секретный характер, ибо Али-паша задал Е. Метаксе вопросы о его происхождении и службе. Этот дополнительный диалог понадобился авторам мемуаров для того, чтобы изложить биографию Метаксы и высказать от его имени верноподданические чувства царствующему дому Романовых. Если сличить эти два разновременно написанных текста, то легко установить, что расширение последнего шло в значительной мере за счет сделанных авторами щедрых заимствований из изданного в 1824 г. сочинения [60] известного французского дипломата и писателя Ф. Пукевиля, долгое время состоявшего французским представителем при дворе Али-паши в Янине. Источники, обогатившие знания Е. Метаксы и А. Булгакова об Али-паше Янинском, к счастью для нас, сохранились в ряде примечаний к рукописи, и все они указывают на работы Пукевиля [61].

Отделить собственный текст Е. П. Метаксы от последующих историко-литературных наслоений — задача весьма трудная, однако можно с уверенностью сказать, что таких сохранившихся чисто мемуарных свидетельств в его «Записках» немало и многие из сообщаемых Метаксою фактов заслуживают полного доверия. Так, в частности, показания Е. Метаксы о всеобщей симпатии жителей Ионических островов к России, которую они рассматривали как свою могущественную избавительницу от гнета французских завоевателей, не могут вызвать каких-либо сомнений. Тем более что эти его непосредственные впечатления (грека по национальности) подкрепляются многочисленными официальными документами Ф. Ф. Ушакова, который 10 ноября 1798 г. доносил Павлу I: «Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству генерально все жители здешнего края (греки Ионических островов.— *Н. К.*)... бесподобную приверженность имеют к России и к вашему императорскому величеству, сими только средствами мы малым числом десантных войск побеждаем и берем крепости, которые великими турецкими войсками без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно...» [62].

---

[57] Е. Метакса. Али-паша. «Сын отечества», 1820, ч. 42, стр. 60—61; ч. 43, стр. 97—112.

[58] «Сын отечества», 1820, ч. 42, стр. 69.

[59] «Записки», стр. 137—138.

[60] F. Pouqueville. Histoire de la régéneration de la Grèce, t. I—IV. Paris, 1824. См. также сочинение того же автора «Жизнь Али-паши Янинского», ч. I—III. СПб., 1822—1823.

[61] «Записки», стр. 112, 113, 125, 127 и 131.

[62] Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 193.

* * *

Приведенные выше материалы, главным образом письма А. Я. Булгакова, позволяют, как нам представляется, сделать вывод о том, что так называемые «Записки» Е. П. Метаксы не могут в целом рассматриваться как первоисточник мемуарного характера, ибо те из описанных в них фактов (вкрапленные в общий текст), которые могут быть приняты за свидетельства непосредственного наблюдателя, настолько обросли привносимым историко-литературным материалом, что без специального и тщательного исследования отделить первоначальные впечатления от их позднейшей литературной передачи и булгаковской интерпретации чрезвычайно трудно.

Обращает на себя внимание такая особенность этого памятника, как явное преобладание в нем историко-мифологического, географического и этнографического материала, т. е. материала историко-литературного, над текстом собственно мемуарного характера. Эта особенность «Записок» Е. Метаксы лишний раз свидетельствует о том, что под видом воспоминаний очевидца читателю преподносится в основном исторический труд, в котором элемент личных наблюдений тонет в массе позднее привлеченных различных архивных документов и некоторых исторических сочинений.

Однако сделанный нами вывод отнюдь не лишает «Записки» Метаксы их научно-познавательного интереса, и особенно в той их части, где они могут рассматриваться как один из наиболее ранних трудов по истории средиземноморской экспедиции русского флота в 1798—1799 гг., основанный на переплетающихся данных личных воспоминаний и архивных материалов, подвергнутых талантливой литературной обработке. При этом А. Я. Булгаков, затративший на пополнение и коренную переработку «Записок» Е. П. Метаксы пять лет кропотливого и напряженного труда, может быть с полным основанием признан его полноправным соавтором.

Р. А. Киреева

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В 1956—1959 гг. под общим наблюдением академика М. Н. Тихомирова были изданы в восьми томах сочинения крупнейшего русского буржуазного историка Василия Осиповича Ключевского. В это издание наряду с ранее известными трудами историка вошли и публикуемые впервые работы. К ним прежде всего относятся его специальные курсы — по источниковедению [1], по терминологии русской истории [2], по русской историографии [3] и ряд отдельных статей. При комментировании всех трудов Ключевского были широко использованы рукописные, ранее не известные работы историка.

Особый интерес представляют его работы в области историографии. До последнего времени не было широко известно, что Ключевский уделял значительное место в своей научно-педагогической деятельности вопросам истории исторической науки. Однако, как теперь выясняется, вопросы русской историографии занимали Ключевского па протяжении более 20 лет. Вместе с тем исследование этой стороны научного творчества Ключевского открывает новую страницу в истории изучения историографии как науки. Имя В. О. Ключевского по праву должно стоять среди таких историков-историографов, как С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович, П. Н. Милюков, В. С. Иконников.

В настоящей статье мы попытаемся восстановить источники историографических работ В. О. Ключевского. Отнюдь не претендуя на то, чтобы исчерпать тему, мы хотели бы, однако, обратить внимание исследователей на эту сторону вопроса. Нам представляются два возможных пути выявления источников. Прежде всего — изучение прямых ссылок и сносок Ключевского. Следует оговорить, что в опубликованных при жизни историка работах, как правило, отсутствуют сноски с указанием источников. Поэтому необходимо тщательно изучить рукописные, и главным образом, черновые, материалы трудов, ибо Ключевский часто при переписке текста набело опускал эти сноски.

В процессе восстановления источников важно изучить содержание текста и сопоставить его с историческими памятниками и трудами историков, а также с историографической литературой.

Отличительной чертой изучаемых нами рукописей является наличие довольно тщательно составленного научно-справочного аппарата. Его изучение — кропотливая и сложная работа. Дело в том, что ссылки на источники Ключевский дает предельно кратко — одной или тремя первыми

[1] В. О. Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 5—87.
[2] Там же, стр. 129—275.
[3] Там же, т. VIII, стр. 396—452.

буквами обозначает фамилию автора, чью работу от имеет в виду. Как правило, отсутствуют названия работ и указания на место и год издания. В подавляющем большинстве случаев удается быстро расшифровать фамилии авторов, но все же есть отдельные сноски, которые пока совсем не удалось восстановить или найти те издания, на которые ссылается Ключевский. Например, не удалось определить, что имел в виду Ключевский, давая сноску: «Летопись Феодосия, стр. 319» [4].

Несколько слов о внешнем виде ссылок. Обычно Ключевский на полях рукописи около отдельных мест в изложении дает ссылку на источники. Иногда эти ссылки помещаются в тексте — или в скобках в строке, или над строкой. Ссылка дается, как уже говорилось, очень коротко — условными буквенными обозначениями фамилий авторов или начальными буквами названия источника, например: С[оловьев] или Сол[овьев]; К[арамзин] или К[а]р[а]мз[ин]; Ко[ялович] или Коял[ович]; Ип[атьевская летопись]; ПС[РЛ — Полное собрание русских летописей]; Comm[entarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanaae] и т. п. Затем идет через запятую цифра, обозначающая порядковый номер страницы цитируемого труда. Если даны две цифры, то это значит, что ссылка дается на многотомное издание. Тогда первая цифра обозначает порядковый номер тома, а вторая — страницы. Например, Сол[овьев, т.] 13, [стр.] 263.

Но не всегда Ключевский дает указание на номер тома. Иногда это легко восстановить. В подлиннике лекций по русской историографии дан ряд ссылок на работу П. П. Пекарского, и каждый раз при этом не оговаривается, какой том имеется в виду. Например, «Пек. Акад. XXX» или «Пек. 184» [5]. И в том и в другом приведенном случае имелся в виду первый том «Истории имп. Академии наук» (СПб., 1870).

Несколько сложнее было восстановить ссылки Ключевского на работу М. И. Сухомлинова «История Российской академии», которая имеет восемь выпусков (СПб., 1874—1887). В рукописи было 11 ссылок на указанную работу [6]. Проверка ссылок показала, что все они были приведены из пятого выпуска.

Нельзя пока с уверенностью сказать, какой том имел в виду Ключевский, давая следующую сноску в наброске о М. П. Погодине: «Бар. 111—112» и другие. Очевидно он имел в виду работу Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 1—22 (СПб., 1888—1910). Восстановление точной сноски затрудняется тем, что Ключевский не приводит здесь ни прямой цитаты, ни пересказа мнения Барсукова. Да к тому же и самый текст наброска носит крайне фрагментарный характер, в нем нет последовательного изложения [7].

Просматривая те издания, на которые Ключевский дает ссылки, легко заметить, что ссылки к источникам он давал в следующих случаях. Прежде всего, при прямом цитировании и при пересказе текста изучаемого им труда. Цитаты его — чаще всего краткие. В отдельных случаях он приводит их в сносках. Так, во второй лекции по русской историографии Ключевский дает выдержку из летописи: «суть новгородцы варяжское племя, прежде бына словене» [8]. На полях рукописи он пишет: «Лавр[ентьевская летопись стр.] 19», а затем дает для сравнения более пространные выдержки со стр. 28 той же летописи и из «Русской летописи по Никонову списку» (ч. I, стр. 15) [9]. В случае пересказа основного содержания труда или отдельных мест из него Ключевский обычно еще более упрощает сноску. Опуская указания на автора, он оставляет только ссылку на страницу.

[4] См. В. О. Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 483, сноска 23.

[5] Государственная библиотека им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 131, № 12, ед. хр. 1.

[6] Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФ), д. № 28.

[7] См. ГБЛ, ф. 131, № 12, ед. хр. 2.

[8] В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 403.

[9] Там же, стр. 483, прим. 40.

Ключевский прибегал к ссылкам и в тех случаях, когда делал вывод или давал общую характеристику какому-либо историографическому явлению. Поясним это на следующем примере. В набросках, которые были объединены общим названием «Древняя и новая Россия» [10], Ключевский пишет о сущности решения вопроса об оценке реформ Петра I во второй половине XVIII столетия. По его мнению, оценка сводилась к признанию того, что «реформа принесла что-то лишнее, не дав нужного» (кстати сказать, этой фразой Ключевский пересказывает мнение М. М. Щербатова). Для подтверждения этого вывода Ключевский отсылает к трем основным, на его взгляд, трудам того времени и дает ссылку на С. М. Соловьева. Перед ссылками Ключевский пишет: «Как решали вопрос тогда», затем делит свои источники на три пункта: «1. Княгиня Дашкова в 1780 г. Зап[иски..., стр.] 172—4. Богданович и Закон. Сол[овьев, т.] 26, [стр.] 331». Посмотрим отмеченные Ключевским страницы. У Е. Р. Дашковой читаем, что до Петра I Россия славилась великими завоеваниями и достижениями во многих областях, что историки тех времен оставили больше манускриптов, чем вся Европа вместе. О Петре I сказано много резких слов: он обвиняется в ликвидации традиций, оставшихся от предков; в достижении насилием того, чего можно было бы добиться, предоставив «времени постепенно привести нас к... улучшениям», Петру I бросается упрек и за его обучение корабельному мастерству в Саардаме. Дашкова считала, что он забыл свои обязанности и губил время, а между тем мог нанять не только корабельщиков и плотников, но и адмиралов откуда угодно [11].

У С. М. Соловьева на указанной странице говорится о Богдановиче, который в 1761 г. опубликовал «стихотворение „Закон", направленное против закона!», и приводятся из него две строчки:

«Покровом быть в бедах вдовам и сиротам
Без всех гражданских прав удобно можно нам».

В пункте втором Ключевский пишет: «Кн[язь] Щербатов — см. стр. 95—96», а затем «5—16». В данном случае он имеет в виду записку под названием «О повреждении нравов в России» [12]. Перед указанием стр. 5—16 идет текст: «с идеальной картиной древней Руси». Открываем эти страницы. Считая, что порча нравов началась с царствования Петра I, Щербатов рисует «простую жизнь» государей Руси. А со стр. 16 он переходит к характеристике перемен, которые были «учинены» нужной, но, может быть, лишней деятельностью Петра Великого. Кстати, формулу Щербатова «лишняя, но нужная» Ключевский употребляет несколько раз в своих работах для характеристики взглядов той эпохи, не всегда оговаривая, что она принадлежит Щербатову.

Тираду Щербатова со стр. 94—95 Ключевский не пересказывает, но сжато дает ее основной смысл в современных Ключевскому выражениях.

В пункте третьем Ключевский ссылается на второй том «Примечаний на Леклерка» И. Н. Болтина [13], на стр. 252 и следующие. У Болтина встречаем также критику преобразований Петра. Он считает, что в России насадили мнимое просвещение, в результате погасла любовь к отечеству и истребилась привязанность к нему. «Все произошло от торопливости и нетерпения, захотели сделать то в несколько лет, на что потребны веки». Против ссылок на эти страницы Ключевский замечает: «закономерность жизни исторической; логика развития». Он, по-видимому, хотел сказать, что Болтин упрекает Петра I за нарушение исторической логики развития жизни. Данные положения Болтина Ключевский тоже, как и приведенную выше мысль Щербатова, часто использует в своих работах, но не всегда

[10] ГБЛ, ф. 131, № 12, ед. хр. 3.
[11] См. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Лондон, 1859, стр. 172—174.
[12] М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. Лондон, 1858.
[13] И. Н. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России господина Леклерка, т. II. СПб., 1788.

указывает источники. Таким образом, изучение сносок Ключевского помогает восстанавливать его источники даже в тех случаях, когда на них нет прямого указания.

Все эти примеры иллюстрируют характер ссылок Ключевского, которые он давал для подкрепления общего положения, а также при кратком пересказе основной мысли автора (например, при ссылках на Щербатова или Болтина).

Самый распространенный случай сносок, встречавшихся в рукописях Ключевского,— сноски на историографическую и источниковедческую литературу своего времени. Широкое применение этого приема дало возможность Ключевскому избегать повторения известных уже в литературе фактов и положений и помогло избавиться в какой-то мере от общего недостатка тогдашних историографических работ. Изложение Ключевского не страдало перегрузкой чисто биографического и библиографического характера. Он всегда указывал на те произведения, в которых можно было найти более подробные сведения о биографиях историков, а также перечень основных трудов и изданий. Например, знакомя кратко с построением «Сказания» Авраамия Палицына, Ключевский пишет: «Окончено составление сборника 1620 г.» [14], а в скобках дает ссылку на работу С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века» (по изданию 1888 г.). У Платонова на указанной странице, кроме подтверждения даты 1620 г., дается библиографическая справка о послесловии Авраамия Палицына, где самим автором приводится эта дата.

Помимо авторских текстов, в рукописях Ключевского находим и несколько конспектов, сделанных им специально при подготовке к лекциям по историографии. Иногда конспекты носят более широкий характер. В них, кроме изложения содержания или фактов источника, имеются и оценки Ключевского. В качестве примера можно указать такие конспекты-разборы, как «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева или «О повреждении нравов в России» М. М. Щербатова. Разберем несколько подробнее конспекты (сделанные после выхода в свет 13-го тома «Русской исторической библиотеки») «Временника Ивана Тимофеева», повести князя И. А. Хворостинина и шести начальных глав первой редакции «Сказания» Авраамия Палицына (указанные шесть глав «Сказания» и два первых труда публиковались впервые).

Кроме названных конспектов, есть авторский текст Ключевского об этих памятниках, который был подготовлен к лекциям по русской историографии и прочитан в октябре 1891 г. Этот текст был написан раньше конспектов. Об этом говорит оставленная Ключевским на рукописи дата (3 и 10 октября), иначе говоря, в 1891 г. он уже читал этот текст, а 13-й том «Русской исторической библиотеки» только вышел из печати в 1891 г. Даже если предположить, что он вышел до октября 1891 г. и Ключевский успел включить конспекты в свои лекции, то все равно они были составлены позже основного текста. Это подтверждает справочный аппарат, приведенный в тексте. При изложении основного содержания и построения «Сказания» Авраамия Палицына Ключевский ссылается (как это установлено проверкой сносок) на его издание 1784 г., говоря, что этот памятник состоит из 86 глав. В 13-м же томе «Русской исторической библиотеки» публиковались только указанные выше шесть глав. Весь текст полностью был издан во 2-м издании 13-го тома (1909 г.); основной текст разделен там уже на 77 глав. Но в этой рукописи Ключевский ничего не сказал о первых шести главах, которые публиковались в «Русской исторической библиотеке» впервые и с которых он позже делает конспект.

Текст о «Временнике Ивана Тимофеева» в рукописи отсутствует, хотя для его разбора в тетради было отведено место.

---

[14] ОРФ, д. № 28.

Затем следует текст о труде И. А. Хворостинина. О подробностях его биографии и отдельных сторонах деятельности Ключевский рекомендовал смотреть у С. Ф. Платонова, Г. К. Котошихина, Знаменского, С. М. Соловьева, В. В. Голубцова, а также в «Актах исторических» и в «Собрании государственных грамот и договоров». Но нет ни одной ссылки на самый текст труда, тогда как в последующем конспекте Ключевский постранично отмечал все основные положения автора.

То, что эти конспекты были сделаны специально для историографического курса, доказывают отдельные замечания Ключевского, стоящие рядом с выписками из текста источника. Из этих замечаний видно, что Ключевский оценивал здесь памятники именно с историографической точки зрения, т. е. рассматривал их значение в связи с развитием истории самой исторической науки. Они перекликаются по смыслу с его мнением о развитии историографии в этот период, сформулированным в тетради под названием «Историография Смутного времени» [15]. Давая общую характеристику трудам, он пишет, например: «У писателей начала XVII в. заметна уже историческая вдумчивость; они стараются понять, что было, а не доказать, что должно быть», а относительно работы Авраамия Палицына отмечает «важное значение Сказания в развитии историографии. Отношение к пережитому времени — попытка вдуматься в смысл и происхождение совершившегося» [16]. Сравним эти высказывания с замечаниями в конспектах на труд Хворостинина: «...эта повесть имеет значение и как опыт историографии...». И дальше: «...в повести Хв[оростинина] есть и проблески исторического мышления. Он умеет обобщать отдельные явления и сводить их в факты, а факты причинной связью сцеплять в исторический процесс...» [17].

Есть у Ключевского конспекты и несколько иного характера. Мы имеем в виду выписку цитат из текстов. Знание этих выписок помогает при восстановлении источников в тех случаях, когда не сохранились ни прямые ссылки, ни указания на источники в самом тексте работы. Главным образом это относится к тем статьям, черновики которых не сохранились. Напомним, что при переписке текста набело Ключевский не всегда переносил в этот экземпляр свой справочный аппарат, а при опубликовании статей совсем опускал его.

Таким образом, изучение рукописных, и главным образом, черновых, материалов Ключевского дает возможность восстановить и довольно полно представить все основные источники, на основе которых историк строил свое изложение. Но для полного представления обо всех источниках необходимо изучить и самый текст работ. В ряде случаев, как об этом говорилось выше, конспекты Ключевского помогали восстанавливать отсутствующие указания на источники. Но встречаются и такие случаи, когда нет никаких намеков на источник ни в окончательном варианте, ни в черновых материалах. Так, отсутствует, например, во всех черновых, беловом и опубликованном вариантах не только сноска, но даже упоминание автора приводимой Ключевским цитаты. Возможно, это было сделано в силу цензурных соображений. В примере, нас интересующем, этим автором был А. И. Герцен. Мы имеем в виду статью Ключевского «Императрица Екатерина II (1796—1896)», опубликованную в журнале «Русская мысль» [18]. Здесь Ключевский вслед за А. И. Герценом сравнивает А. Н. Радищева и М. М. Щербатова. Надо сказать, что впервые сопоставил Радищева и Щербатова именно Герцен в своем предисловии к изданию «О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествия

[15] ОРФ, д. № 28.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] В. О. Ключевский. Императрица Екатерина II. «Русская мысль», 1896, ноябрь, стр. 133; см. его же. Соч., т. V, стр. 313.

А. Радищева» в 1858 г. До этого о труде Радищева как об историческом источнике вопрос не ставился, а работы Щербатова сравнивали с историческими трудами И. Н. Болтина и М. В. Ломоносова. Кстати, уместно отметить, что Ключевский часто пользовался изданиями Герцена (в частности записками Е. Р. Дашковой, М. М. Щербатова, Екатерины II), но ни разу не упомянул имя их издателя, хотя в других случаях фамилии издателей указывал [19].

Изучение текстов и сносок показывает, что Ключевский пользовался в своих историографических работах непосредственно летописными сводами, литературой об этих источниках и трудами тех историков, о которых он писал.

Для более раннего периода Ключевский привлекал Ипатьевскую, Лаврентьевскую, Тверскую, Воскресенскую и Никоновскую летописи, затем Великие Четьи Минеи и Степенную книгу. Хронографы же различных редакций он лишь упоминал, но оценка их Ключевским с историографической точки зрения до нас не дошла. Для характеристики развития русской историографии эпохи царствования Ивана Грозного Ключевский использует переписку царя с А. Курбским, «Историю великого князя московского» А. Курбского. Значительно расширяется круг привлекаемых источников, когда Ключевский характеризует историю исторических знаний в XVII в., особенно в период польско-шведской интервенции. Кроме упомянутых выше трудов Палицына, Тимофеева и Хворостинина, Ключевский использует работы И. М. Катырева-Ростовского, затем Г. Котошихина и Ю. Крижанича. В одном небольшом черновом наброске есть краткие аннотации, которые были объединены Ключевским под общим названием «Иноземцы». Здесь он передает предельно кратко главным образом основное содержание работ ряда авторов (Буссова, Я. Маржерета, Г. Паерле, Де-Ту, Марины Мнишек, Самуила Маскевича), иногда давая им оценки. Правда, кроме этого наброска, других упоминаний об указанных авторах в рукописях Ключевского мы не встречаем. Более полно дошли до нас сделанные Ключевским конспекты «Синопсиса» И. Гизеля и «Ядра Российской истории» А. Манкиева. Эти рукописи содержат и довольно подробные оценки названных трудов.

Наиболее широко использовал Ключевский труды историков XVIII в. Если сравнить состав историков, творчество которых изучали, например, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, то имена там и тут почти совпадают, однако более полно и разносторонне они отражены у Ключевского (отсутствуют в его курсе только характеристики Эмина, Елагина и митрополита Платона). Но зато Ключевский дает обзор творчества и деятельности Байера; останавливает особое внимание на деятельности любителей русской старины типа Мусина-Пушкина и Оленина; говорит об исторических трудах Екатерины II; в отдельных статьях знакомит с публицистической деятельностью Новикова, и даже упоминает Радищева. Эти имена у Соловьева отсутствуют.

Но оба историка (Соловьев и Ключевский), как, впрочем, и Бестужев-Рюмин и Коялович, проходят мимо трудов Голикова, Рычкова, Крестинина, Чулкова, работы которых свидетельствовали о зарождении в XVIII в. буржуазного направления в русской историографии. Никто из историков прошлого века, занимавшихся вопросами русской историографии, не разбирал и «Журнал или поденную записку...».

Резко сокращается количество источников, когда Ключевский переходит к рассмотрению историографии XIX в. В результате им так и не был создан курс о развитии русской исторической науки в этот период: до нас дошли лишь отрывочные, не связанные единым замыслом статьи и наброски. Конечно, рукописи значительно дополняют представление о взгля-

[19] Так, чаще всего при ссылках на работы С. М. Соловьева встречаются упоминания, что их издавал М. В. Калачев.

дах Ключевского на отдельных историков прошлого века. Кроме известных его статей о С. М. Соловьеве, Ф. И. Буслаеве, Т. Н. Грановском, Д. И. Иловайском и рецензий на сочинения Н. А. Рожкова, В. И. Семевского, П. Н. Милюкова, Ю. Ф. Самарина, С. Ф. Платонова, Д. Голохвастова и Н. Д. Чечулина, в рукописях имеются разборы трудов И. Е. Забелина, М. К. Любавского, А. Прозоровского, А. С. Павлова и других. Но с историографической точки зрения наиболее интересны не эти рецензии, а суммарные характеристики таких представителей русской науки, как Н. М. Карамзин, К. Н. Бестужев-Рюмин, И. С. Аксаков, и сравнительная характеристика Д. И. Иловайского и И. Е. Забелина.

Помимо источников, Ключевский довольно широко привлекал и литературу о них. Рассматривая историографию XIII—XVII вв., он часто ссылался на работы историков XIX в., носящие источниковедческий или общеисторический характер (например, на сочинения С. Ф. Платонова [20], А. Н. Попова [21], Н. Г. Устрялова [22], отдельные тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и т. п.).

Повествуя об истории исторической науки XVIII в., Ключевский дает ссылки на историографические труды историков прошлого века, которые сосредоточили главное внимание на разработке проблем русской историографии именно XVIII в. Более ранние и поздние периоды с историографической точки зрения, как правило, ими не разрабатывались. В своих работах Ключевский ссылался как на такие труды, в которых рассматривались произведения отдельных представителей исторической науки (например на книги П. П. Пекарского [23], М. И. Сухомлинова [24], А. Галахова [25], Н. Барсукова [26] и др.), так и на труды, в которых более последовательно разбираются вопросы развития истории русской исторической науки (например работы С. М. Соловьева [27], К. Н. Бестужева-Рюмина [28], М. О. Кояловича [29]).

Но, рассматривая историографию XIX в., подобных ссылок Ключевский уже не дает. Это и понятно, ибо в исторической литературе почти не было в то время исследований, отражающих развитие исторической науки в XIX в., и совсем не было работ о ее развитии во второй половине XIX и начале XX в.

Источники, которыми пользовался Ключевский в своих трудах, показывают, что он внимательно следил за изданием памятников, появлением исторических и историографических работ, анализировал их, а свои выводы делал достоянием студентов. Следовательно, работы Ключевского по истории исторической науки, написанные с учетом новинок научной литературы, являются своеобразным показателем общего состояния историографической науки на определенном этапе ее развития.

Характер использования Ключевским источников и литературы свидетельствует о том, что за основу изложения он брал изучаемые

[20] С. Ф. Платонов. Древние русские сказания и повести о Смутном времени XVII века. СПб., 1888.

[21] А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

[22] Н. Г. Устрялов. Сказания кн. Курбского, ч. I—II. СПб., 1833.

[23] П. П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. I—II. СПб., 1870.

[24] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. 1—8. СПб., 1874—1887.

[25] А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. 1—2. СПб., 1863.

[26] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—22. СПб., 1888—1910.

[27] С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII в. Архив историко-юридических сведений, кн. II, пол. 1. М., 1855.

[28] К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. 1. СПб., 1872.

[29] М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

произведения, а историографическую литературу привлекал главным образом в тех случаях, когда речь шла о биографиях или необходима была библиографическая справка. Вместе с тем его историографические труды довольно тесно связаны с предшествующими работами в этой области; он часто развивал уже известные положения в науке (особенно это относится к XVIII в.), хотя отдельные вопросы ставил и освещал более глубоко и всесторонне, чем это было сделано до него. Но Ключевский, так же как и его предшественники, рассматривал лишь развитие так называемой академической науки. По-прежнему за бортом оставалось большое количество исторических работ демократического направления.

Таким образом, опыт изучения источников историографических трудов Ключевского доказывает, что в работе невозможно ограничиваться исследованием уже опубликованных материалов. Анализ черновых материалов помогает восстановить многие пробелы и дает возможность более глубоко и всесторонне проникнуть в творческую лабораторию ученого.

С. А. Клепиков

ПРОБЛЕМА ФИЛИГРАНОГРАФИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Филигранология, сравнительно молодая вспомогательная дисциплина, возникла в конце первой половины XVIII в. и в настоящее время получила полное признание среди исследователей-историков и архивистов. За два с небольшим века опубликовано более 300 работ (книг и статей), из которых около 100 посвящены публикации воспроизведений крупных собраний и отдельных небольших групп филиграней. За все это время опубликовано до 50 тыс. знаков разных стран. Эта цифра, значительная сама по себе, ничтожна по сравнению с неисчислимым количеством филиграней, отраженных на бумаге с 1285 г. (первое появление филиграни) до середины XIX в. Для характеристики достаточно назвать две цифры. Если в 1907 г. Ш. Брике [1] воспроизвел 16 112 филиграней с 1285 по 1600 г., то в 1957 г. В. Мошин и С. Тралич [2] воспроизвели 7235 только за время с 1285 по 1400 г. По утверждению В. Мошина, собравшего огромный материал по филиграням XV в., один только этот век должен дать приблизительно столько филиграней, сколько опубликовано Ш. Брике за три с лишним века. Короче говоря, число известных филиграней от века к веку увеличивается в геометрической прогрессии.

Мы полагаем, что основная задача атласов или текстовых описаний филиграней — служить справочным пособием историку-архивисту для облегчения датировки рукописных, печатных книг и документов. Исходя из этого, мы можем представить себе идеальный тип справочника, достаточно портативный и удобный для использования. Однако прежде чем подойти к вопросу о нахождении нужных решений для определения наиболее рациональных методов составления филигранографических справочников, необходимо проанализировать опыт многочисленных публикаций.

Просматривая всю совокупность филигранографий, мы можем заметить известную эволюцию в характере публикаций.

Первый этап определяется работами Н. Жансена [3], К. Тромонина [4] и Н. Лихачева [5]. Знаки воспроизводятся без всякой системы. Одну и ту же филигрань можно обнаружить во многих местах. К. Тромонин воспроизводит не только полные знаки, но и их отдельные элементы в том виде, как они были обнаружены им на отдельных листах или их частях. Н. Лихачев восполняет дефекты расположения указателями (предметным и

---

[1] Ch. B r i q u e t. Les filigranes, vol. I—IV. Genève, 1907. (далее — Брике).

[2] V. M o š i n and S. T r a l i č. Watermarks of the 13th and 14th Centuries, vol. I—II. Zagreb, 1957.

[3] G. J a n s e n. Essai sur l'origine de la gravure en bois et en taille douce... suivi de Recherches sur l'origine de Papier de Coton et de Lin, vol. I—II. Paris, 1808.

[4] К. Т р о м о н и н. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844.

[5] Н. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I—III. СПб., 1899 (далее — Л и х а ч е в).

хронологическим). Кроме того, он дает описание филиграней в порядке их размещения. Практическое пользование перечисленными атласами репродукций очень затруднено.

Второй этап определяется работами Ш. Брике. Уже в своей ранней работе[6] Брике располагает воспроизведения филиграней, группируя их по предметному признаку, но без указания названий групп. В своем основном четырехтомном труде он дает законченную систему, заключающуюся в расположении знаков в алфавите изображений, причем каждой группе дается определенное название. Эта система в принципе сохранилась до настоящего времени в капитальных филигранографиях И. Каманина и А. Витвицкой[7], А. Николаи[8], Э. Хивуда[9], В. Мошина и С. Тралича. К этому надо добавить, что как Ш. Брике, так и В. Мошин и С. Тралич для каждого воспроизведения дают от 1 до 20 дат, под которыми были обнаружены документы на бумаге с данной разновидностью филиграни.

Во всех перечисленных работах предпочтение отдавалось эмблематической части знака. Она являлась элементом, определяющим с той или иной степенью точности дату появления бумаги с этим знаком. При этом публикаторы стремились отразить в своих альбомах все тончайшие нюансы той или иной разновидности водяного знака. В силу этого историки и архивисты, встречая на недатированных документах или рукописных (и печатных) книгах какую-либо филигрань, стремились подыскать в альбомах знак, в точности совпадающий с тем, который они обнаружили. Здесь они сталкивались с двумя основными трудностями. Во-первых, множественность изображений одного и того же типа водяного знака. Так, знак «кувшинчик» («Pot») только в основных сводных альбомах насчитывает около 1500 вариантов, причем различие между двумя рядом стоящими вариантами по рисунку очень невелико, как невелика разница и в их дате; бывают и другие случаи, когда два близких по рисунку варианта резко отличаются по времени и месту их появления.

Приведем очень характерный пример в отношении филиграни «Pro Patria» (рис. 1). Перед нами два изображения — одно западного происхождения, взятое из книги В. Черчилля[10] (№ 30), датируемое 1703 г., а другое — из нашей работы[11] (№ 58) — русского фабриканта с датой «1813 год».

Вторая трудность — отсутствие твердо установленной единой номенклатуры для обозначения отдельных наиболее распространенных типов знаков.

Приведем также один очень показательный пример в отношении филиграни «голова шута», или «Foolscap»: Винер[12] (Pl. 21—2,3) — «La folie» (сумасшествие); Лихачев (ч. II, стр. 413—415) — «La folie» (шутовство); Николаи (pl. CXXIII) — «Tête de fou» (голова шута); Брике (N 15720—15752) — «Tête humaine» (человеческая голова); Хивуд (N 1921—2087) — «Foolscap» (голова шута).

При такой пестроте обозначений одного и того же знака и алфавитное расположение изображение не помогает исследователю.

---

[6] Ch. Briquet. Papiers et filigranes des archives de Gênes 1154 à 1700. Genève, 1888.

[7] I. Каманін, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папери українських документів XVI—XVII в. (1566—1651). Київ, 1923.

[8] A. Nicolaï. Histoire des moulins à papier du Sud-Ouest de la France 1300—1800, vol. I—II. Bordeaux, 1935 (далее — Николаи).

[9] Edw. Heawood. Watermarks mainly of 17th and 18th Centuries. Hilversum, 1950 (далее — Хивуд).

[10] W. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnections. Amsterdam, 1933.

[11] С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, стр. 40.

[12] L. Wiener. Étude sur les filigranes des papiers lorrains. Nancy, 1893.

Мы, развивая положение Н. А. Резцова[13], уже неоднократно высказывали мысль, проводили и проводим ее в наших работах, что элементом, определяющим наиболее точно нижний предел («не раньше») времени отлива бумаги, являются литерные сопровождения знака. Указанные литеры помещаются или над знаком, или в его составе, или под ним, или в качестве контрмарки. Литеры определяют фамилию фабриканта, мастера-отливальщика, адрес предприятия. На французской бумаге наравне

Рис. 1. Знак «Pro patria»
I — Западная 1702 г. II — Русская 1813 г.

с фамилией ставились инициалы или фамилии купцов-посредников, скупавших «на корню» всю продукцию данного предприятия. Сочетание этих элементов с эмблематической частью уточняет датировку бумаги.

Исходя из изложенного, мы строили и строим наши филигранографические публикации на базе литерного сопровождения, располагая материал в алфавите литер.

Переходя к вопросу о публикации эмблематической части филиграни, необходимо прежде всего разрешить проблему наиболее экономного воспроизведения знака. Эта общая проблема разбивается на три, более частных.

Первая — унификация всех наиболее распространенных знаков. Эта проблема должна быть поставлена на Международном конгрессе историков бумаги в дальнейшем, с тем, чтобы на следующий год выработанная унификация была принята как обязательный стандарт.

Вторая — сведение наиболее распространенных филиграней в ограниченное число типичных групп. Указанная выше астрономическая цифра воспроизведений знака «кувшин» («Pot») не оправдана ничем. Хронологическая разница между несколькими однообразными вариантами знака настолько незначительна, что она не может служить основанием для уточнения датировки. Даже для менее значительных типов мы наблюдаем то же явление.

Приведу два примера: знак «страсбургская лилия» (Хивуд, 1762 и 1769). Первый имеет дату «с. 1611» (около 1611 года), второй — 1616. (рис. 2). Знак «рыба» (Мошин, 6825 и 6826) один датируется 1397, а другой 1398 г. (рис. 3).

[13] Н. Резцов. Бумага в России 100 лет назад. М., 1912.

Таких примеров можно привести великое множество. Типизация знаков позволит в несколько раз уменьшить объем публикации и во много раз облегчит пользование ими. В качестве примера приведем нашу попытку типизации знака «голова шута» (рис. 4А и 4Б).

Отсюда следует сделать вывод о необходимости установить контингент филиграней, подлежащих типизации, и издания типологического ключа.

Третья — размер воспроизведения. Все капитальные, да и большинство небольших исследований воспроизводят знаки в натуральную величину. Но

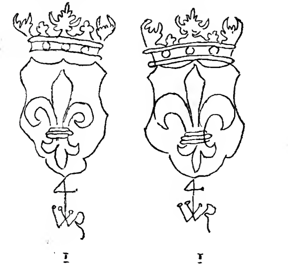


Рис. 2. Знак «Strasburg lily» (Хивуд)
I — 1762 (ок. 1611 г.) II — 1769(1616 г,)

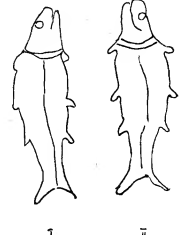


Рис. 3. Знак «Poisson» (Мошин[2])
I. 6825 (1397 г.) II. 6826 (1398 г.)

мы знаем примеры, когда знаки воспроизводились в значительно уменьшенном виде. Таковы ранние работы Э. Хивуда [14], в которых воспроизведено 362 знака, и некоторые другие.

Учитывая сложность публикации филиграфических работ с репродуцированием знаков в натуральную величину, мы думаем, что следует поставить вопрос о закономерности воспроизведения филиграней в уменьшенном виде для справочных изданий на обсуждение историков, архивистов и исследователей бумаги.

Выше мы рассмотрели некоторые проблемы, связанные с отдельными элементами филиграней. Перед нами встает теперь задача построения справочника в целом.

Мы можем наметить четыре главных вида филиграфических справочников: 1) сводные — межнациональные (Ш. Брике, В. Мошин, Н. Лихачев, С. Клепиков и т. п.); 2) национальные (Х. Фоорн) [15], Д. Гантер [16], Синярска-Чаплицка [17], М. Кукушкина [18] и др.); 3) местные

[14] E. Heawood. Paper used in England after 1600. A. The Seventeenth Century to c. 1680. «The Library», 2nd Serie, vol. XI, 3 Dec. 1930, p. 263—299; B. C. 1680—1750. Ibid., vol. XI, 4 mar. 1931, p. 466—498; idem. Farther Notes on Paper used in England after 1600. «The Library», 5th Serie, vol. II, 2—3 Sept.— Dec. 1947, p. 119—149.

[15] H. Foorn. De Papiermolens in de Province Noord-Holland. Haarlem, 1960.

[16] Dard Hunter. Papermaking in Pioneer-America. Philadelphia, 1952.

[17] J. Siniarska-Czaplicka. Znaki wodne papierni Mazowsza, 1750—1850. Lódź, 1960.

[18] М. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XIX — начала XX в. «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», вып. II. Л., 1958, стр. 285—371.

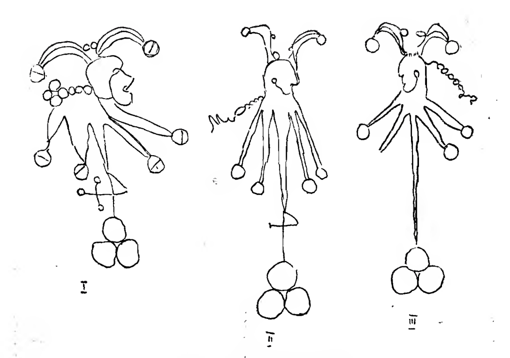


Рис. 4а. Типы знака «Foolscap»
I 1641—1700) II (1641—1680) III (1641—1660)

Рис. 4б. Типы знака «Foolscap»
IV (1641—1700) V (1661—1700) VI (1641—1660)

(Л. Винер, Ф. Чудин[19], В. Вейс[20] и др.); частные, посвященные одной какой-либо разновидности филиграней (С. Клепиков)[21].

Как мы уже говорили, подавляющее большинство исследователей воспроизводит все имеющиеся у них филиграни. У этой группы авторов текстовое описание играет подчиненную роль (Ш. Брике, В. Мошин и др.); они дают общую характеристику каждому виду филиграни, а затем для каждого отдельного воспроизведенного варианта указывают размер, год, страну или город, иногда архив и архивный шифр для отдельных документов, на бумаге которых обнаружен данный вариант (воспроизведенный) знака.

Бо́льшая часть современных исследователей (Э. Хивуд, В. Черчилль и др.) указывает год или период времени, к которому может быть отнесен документ, страну или город, откуда он исходит, и название документа. Х. Фоорн в текстовой части у каждого раздела, посвященного данному типу филиграни, воспроизводит его миниатюрное обобщенное изображение. Все эти исследователи указывают для каждого знака лишь одну дату на одном документе. Некоторые авторы указывают даты непосредственно под воспроизведениями, что представляет большое удобство для исследователей.

Знаки воспроизводятся, как правило, в натуральную величину, местонахождение литерной части не всегда точно определено. В работах последнего времени встречаются указатели литер, расположенные в алфавите.

Как наиболее правильно подойти к построению филигранографического справочника, чтобы дать решение, лучше всего удовлетворяющее нужды историка или архивиста?

Мы полагаем, что нельзя найти одно общее решение для конструкции справочников всех видов в целом. Тем не менее для основной части справочника — описательно-изобразительной — может быть установлен единый принцип.

В основу публикаций должна быть положена описательная часть, в которой а) описание должно быть построено в порядке расположения филиграни на листе бумаги; б) расположение материала — алфавитное, в алфавите литерного сопровождения; в) содержится описание филиграни, даты, характер документов, на бумаге которых она обнаружена, место и шифр хранения; г) типизированные эмблемы входят под установленным названием с ключевым индексом; д) нетипизированные эмблемы входят под их установленным названием; е) филиграни, не имеющие литерного сопровождения, помещаются в конце, в алфавите названий.

Описательная часть строится в виде таблицы (см.), в которой литеры набираются жирным шрифтом, условное обозначение типизированной филиграни — светлым, установленные названия нетипизированной филиграни и дополнительные пояснения к элементам филиграни помещаются в прямые полускобки и набираются светлым шрифтом. Все условные сокращения даются в приложении.

Кроме описательной части, в справочник входит атлас, в котором воспроизводятся: а) ключевой индекс для типизированных эмблем в алфавите их установленных названий; б) нетипизированные эмблемы в порядке их расположения в описательной части.

Порядковый номер воспроизведения должен соответствовать номеру в таблице описания: «к № 000»; дата филиграни ставится непосредственно под ее порядковым номером.

[19] F. T s c h u d i n. The ancient Papier-Mills of Basle and Their Marks. Hilversum, 1958.

[20] W i s s o W e i s s. Thüringer Papiermühlen und ihre Wasserzeichen. Weimar, 1953.

[21] С. А. К л е п и к о в. Бумаги с филигранью «герб города Амстердама». «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958, стр. 315—352.

Таблица описательной части справочника

Порядковый номер	Расположение филиграни			Дата документа	Характер документа	Место и шкаф хранения
	Левая половина	На сгибе	Правая половина			
40	F-1		СКОМЕD (в рамке)	1688—1689 1692	РД РД	ПБРО, ф, 299, № 1422 ПБРО, ф, 299, № 1208
60	АСНХ (вензель между двух ветвей под короной)	МУСТ . . . год	(Pro Patria с медведем)	1814 1829	РК РД	ЦГАДА, кн, 4, стр. 161, 162 МК об., № 177

* F-1 обозначает знак «голова шута» («Foolscap») первого типа.

Что касается дополнительного аппарата, то он зависит от характера справочника.

Для межнациональных справочников необходимы алфавитные указатели наименований филиграней, фамилий владельцев, литер, расположенных на правой половине листа.

Для национальных и местных необходимо, кроме фамилий владельцев, давать краткую справку о местонахождении предприятия и периоде его работы. Если предприятие переходит к другому владельцу, то к его фамилии прибавляется время перехода к нему предприятия со ссылкой на прежнего владельца. В особом приложении должны быть даны в алфавитном порядке расшифровки по возможности всех литерных обозначений с указанием их номеров в таблице описаний.

В небольшой статье трудно дать исчерпывающее представление о предлагаемой системе построения справочников, но общая тенденция, нам кажется, показана довольно ясно.

М. С. Селезнев

СОВЕТСКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ в конце 1917 — начале 1918 года

Великая Октябрьская социалистическая революция в качестве одной из своих важнейших задач выдвинула опубликование тайных договоров и других дипломатических документов в целях борьбы за мир и разоблачения империалистической политики царской монархии, Временного правительства и буржуазных правительств всех других стран.

К опубликованию тайных дипломатических документов Советское правительство приступило сразу же после победы социалистической революции. Их опубликование В. И. Ленин рассматривал как «акт социалистического правительства, являющийся настоящим революционным актом» [1].

Вопрос о публикации тайных дипломатических документов нашел определенное отражение в нашей исторической и археографической литературе. В статье М. Рабиновича «Публикаторская деятельность Николая Маркина» [2] приводятся краткие сведения о составе «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел» и его значении. Этих же вопросов касается И. И. Минц в «Истории дипломатии» в главе «Выход России из империалистической войны» [3]. Оценка публикации указанных документов дается в работах С. Н. Валка [4], В. В. Максакова [5], Р. А. Тузмухамедова [6], И. И. Корневой [7], В. А. Кондратьева и В. М. Хевролиной [8]. Опираясь на труды В. И. Ленина, авторы названных работ показывают, какое историческое значение имело опубликование Советским правительством тайных дипломатических документов. Вместе с тем следует отметить, что в имеющейся литературе публикация дипломатических документов конца 1917— начала 1918 г. не получила достаточного освещения с археографической точки зрения, чего, несомненно, оно за-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 440.

[2] «Архивное дело». М., 1939, № 2(50), стр. 98—102.

[3] История дипломатии, т. 2. М., 1945, стр. 304—307.

[4] С. Н. Валк. Советская археография. М.— Л., 1948, стр. 245—246.

[5] В. В. Максаков. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959, стр. 11—15.

[6] Р. А. Тузмухамедов. Международное значение опубликования Советским правительством тайных договоров царской России. «Вопросы теории и практики международного права. Ученые записки Кафедры международного права Института международных отношений», вып. II. М., 1959, стр. 5—26.

[7] И. И. Корнева. Археография в период борьбы за построение социалистического общества в СССР (октябрь 1917—1935). Лекция для студентов Московского государственного историко-архивного института. М., 1959 (напечатано на ротаторе).

[8] В. А. Кондратьева и В. М. Хевролина. Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.). «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 257.

служивает. Не освещался вопрос (если не считать отдельных упоминаний) о публикации названных документов в нашей прессе. В настоящей статье наряду с раскрытием содержания и значения публикации тайных дипломатических документов имеется в виду более полно осветить вопросы методики их издания.

Еще в марте 1917 г., в «Письмах из далека» В. И. Ленин поставил задачу тотчас после перехода всей власти к Советам обнародовать тайные договоры царской монархии с правительствами Англии, Франции, Италии, Японии и другими группами капиталистов-разбойников с тем, «...чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и *всех* без исключения буржуазных правительств» [9].

В первый день Октябрьской революции — 25 октября 1917 г., выступая на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, В. И. Ленин вновь указал на необходимость опубликования всех тайных договоров с целью укрепления доверия международных пролетарских масс к предложению Советского правительства заключить справедливый немедленный мир [10]. А на II съезде Советов 26 октября 1917 г. в историческом докладе о мире В. И. Ленин, объявляя об отмене тайной дипломатии, заявил, что Советское правительство приступает «...немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года» [11].

Впервые тайные договоры стали публиковаться в прессе. Начиная с 10 ноября 1917 г. в газетах «Правда», «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Рабочий и солдат» (орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) и других печатались секретные дипломатические документы.

В «Правде» эти документы печатались с 10 по 23 ноября 1917 г. Были преданы гласности секретные соглашения, телеграммы, письма, справки царского и Временного буржуазного правительства, относящиеся к 1915—1917 гг. В них подтверждались ранее заключенные тайные договоры, соглашения и конвенции, нашли свое отражение захватнические устремления царской России в отношении Константинополя и проливов, притязания Франции на Эльзас и Лотарингию, англо-русские планы раздела Персии, нарастание революционного кризиса в России и др. В «Правде» от 10 ноября 1917 г. публикуемым документам была предпослана передовая статья «Тайные договоры». В ней подчеркивалось: «Ныне русская революция разрывает и обнажает тайны капиталистической дипломатии. Торг и сделки, которые мировая буржуазия заключала за спиной рабочих и крестьянских масс, разоблачены теперь перед лицом народов. Солдаты России, солдаты Англии и Франции узнают, за что проливали они свою кровь, за что отдавали они свою жизнь» [12]. Дипломатические документы в «Правде» публиковались под общим заголовком «Тайные договоры и тайная дипломатия» либо «Тайные договоры». Каждому из документов давался свой заголовок, включающий наименование вида документа и дату, а также (в телеграммах и письмах) указание адресата и номера. В тех случаях, когда документы касаются одной крупной проблемы или возникает необходимость обратить внимание на важность данного документа, они снабжаются общим заголовком (например, «Раздел Турции», «Переговоры финансистов о мире за счет России» и др.), с сохранением индивидуальных заголовков.

---

[9] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 329.
[10] См. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 208.
[11] Там же, стр. 219.
[12] «Правда», № 185(116), 23 ноября (10 ноября) 1917 г., стр. 1.

В «Известиях Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» дипломатические документы публиковались с 10 по 29 ноября 1917 г. (с перерывами в отдельных номерах). Хронологически они охватывают 1915—1917 гг. В «Известиях» печаталась секретная переписка Министерства иностранных дел России с русскими дипломатическими представителями в Париже, Лондоне, Берне и др., соглашения и справки по тем же в основном вопросам, которые отмечены выше. Приведем содержание некоторых из документов. В телеграммах министра иностранных дел послу в Париже от 5 марта 1915 г. (№ 1226) и 7 марта 1915 г. (№ 1265) сообщается о том, что Франция и Великобритания полностью поддерживают захватнические цели России в отношении проливов и Константинополя. В свою очередь царское правительство подтверждало «свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии» [13]. В телеграмме министра иностранных дел послу в Париже от 24 февраля 1916 г. (№ 948) говорилось: «Заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат. Сюда относятся наше соглашение с Францией и Англией о Константинополе, проливах, Сирии и Малой Азии, а также Лондонский договор с Италией» [14].

Антинародную, империалистическую политику проводило и Временное буржуазное правительство. В секретной телеграмме министра иностранных дел Временного правительства Терещенко дипломатическим представителям в Париже и Лондоне от 17(30) сентября 1917 г. (№ 4303) полностью поддерживалась политика продолжения империалистической войны. При этом для организации русской промышленности и транспорта в целях продолжения войны призывались к более активному участию прежде всего империалисты США. Министр буржуазного правительства был обеспокоен тем, что «именно вопросы технические и материальные принимают у нас при настоящих обстоятельствах грозный характер в смысле возможности фактического доведения нами войны до конца» [15]. Вместе с тем Временное правительство боялось народа, постоянно растущего влияния в массах большевистской партии. В этом смысле небезынтересно вынужденное признание того же Терещенко, содержащееся в телеграмме послам в Париже, Лондоне, Риме, Вашингтоне, Токио и посланнику в Стокгольме от 26 сентября (9 октября) 1917 г. (№ 4436): большевики «постепенно овладевают Советами рабочих и солдатских депутатов, что произошло всецело в Петрограде и происходит во многих городах. Такие Советы рабочих и солдатских депутатов становятся в отношение вражды и неподчинения Правительству...» [16].

Документы в «Известиях» печатались под общим заголовком «Тайна дипломатии и тайные договоры» или «Тайные документы». В методическом отношении они оформлены подобно тому, как это сделано в «Правде».

В газете «Рабочий и солдат» 10 ноября 1917 г. под общим заголовком «Из секретного архива тайных договоров Министерства иностранных дел» напечатана секретная телеграмма поверенного в делах в Берне Ону от 14(27) октября 1917 г. (№ 815). В ней сообщалось о намерении германских и других финансовых магнатов «по возможности содействовать сепаратизму в России, разбив Россию на малые государства... В расчлененной России германская промышленность и торговля надолго найдут себе работу» [17]. Телеграмме предпослана статья «Тайные договоры», в которой показано революционное значение шага Советского правительства — опу-

[13] «Известия», № 221, 10 ноября 1917 г., стр. 5.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 4.
[16] Там же.
[17] «Рабочий и солдат», № 21, 10 ноября (23 ноября) 1917 г., стр. 1.

бликования тайных договоров, охарактеризованы цели, преследуемые империалистами Германии, Франции, России и др.

«Печатая тайные договоры, Раб[очее] и Крест[ьянское] Правительство,— говорится в статье,— тем самым решительно порывает с тайной дипломатией и вступает на путь открытой, истинно демократической политики» [18].

Опубликованные в советской прессе дипломатические документы читались широкими массами народа и нашли отклик за рубежом.

С конца ноября 1917 г. Народный комиссариат по иностранным делам стал издавать в виде отдельных выпусков «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел». С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. вышло 7 выпусков «Сборника» под редакцией Н. Г. Маркина [19].

Николай Григорьевич Маркин (1893—1918) — военный моряк, коммунист, вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции по решению партии и правительства был направлен в Народный комиссариат по иностранным делам. С ноября 1917 г. до июня 1918 г. он работал в Наркоминделе, сначала в качестве секретаря наркома, а затем контролером. Н. Г. Маркин немало потрудился над очищением аппарата Наркоминдела от саботажников.

В июне — октябре 1918 г. Н. Г. Маркин организовал Волжскую военную флотилию и стал ее комиссаром [20]. Защищая Родину, он погиб смертью героя в бою с белогвардейцами 1 октября 1918 г. на Каме [21]. Советский народ чтит память о Н. Г. Маркине — активном участнике Великого Октября, отдавшем свою жизнь во имя светлого будущего.

Будучи ответственным работником Наркоминдела, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Н. Г. Маркин приступил к опубликованию секретных документов царского правительства и его тайных договоров, заключенных с иностранными государствами. Эта работа протекала в трудных условиях, когда служащие бывшего Министерства иностранных дел ответили саботажем на победу социалистической революции: доступ к архиву Министерства был затруднен, а нужных для работы шифров не оказалось. Н. Г. Маркин и его помощники могли рассчитывать лишь на собственные силы, и все же свою задачу они успешно выполнили.

В вышедших 7 выпусках «Сборника» было напечатано свыше 100 документов. Отметим важнейшие из них.

В «Сборнике» № 1 помещены: военная конвенция между Францией и Россией, заключенная 17 августа 1892 г., согласно которой обе стороны обязались напасть на Германию в случае нападения последней на Россию или Францию или если Германия окажет поддержку одному из участников Тройственного союза в нападении на одну из договаривающихся сторон; Соглашение между Россией и Японией от 3 июля 1915 г. о вооруженном выступлении против любой третьей державы, претендующей на установление господства в Китае.

«Сборник» № 2 включает: ряд договоров и соглашений русско-болгарских и сербско-болгарских, связанных с обеспечением интересов России на Балканах; справку о разделе Турции от 21 февраля 1917 г., в основу которой положены достигнутые между союзниками соглашения во время переговоров 1916 г. в Петрограде и Лондоне.

В числе документов «Сборника» № 3 напечатаны: австро-итальянское соглашение 1913 г. о разделе Албании; франко-русское соглашение 1917 г. (обмен нотами), по которому Россия давала согласие на присоединение

---

[18] «Рабочий и солдат», № 21, 10 ноября (23 ноября) 1917 г., стр. 1.

[19] Первый выпуск «Сборника» вышел из печати в конце ноября 1917 г., а в декабре он уже был переиздан.

[20] См. Р. Н. Мордвинов. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920). М., 1952, стр. 59—60.

[21] Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 26, стр. 293.

к Франции Эльзаса и Лотарингии, а Франция предоставляла России свободу рук в отношении установления ее западных границ с Германией и подтверждала свое прежнее согласие на захват Константинополя Россией.

В «Сборнике» № 4 помещены: русско-германский секретный протокол 1907 г. о сохранении status quo в отношении стран, прилегающих к Балтийскому морю; русско-английская конвенция 1907 г., которая предусматривала раздел сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете; материалы о революционном движении в Испании в 1917 г.

«Сборник» № 5 содержит материалы о деятельности русских дипломатов в 1917 г. за границей.

В «Сборнике» № 6 следует отметить: соглашение Австро-Венгрии, Болгарии, Германии, Дании, Норвегии, Швеции, России, Румынии, Сербии, Турции от 1 (14) марта 1904 г. о взаимной выдаче революционеров; материалы переговоров союзников с Грецией с 1914—1916 гг. по поводу ее вступления в войну и предложения территорий за счет Албании и Сербии.

Наконец, в «Сборник» № 7 вошли: русско-германо-австрийский договор 1881 г., который предусматривал, что в случае войны одного из участников договора два других сохраняют «благосклонный нейтралитет», что в отношении результатов войны с Турцией «предварительно будет выработано соглашение между тремя державами»; журнал особого совещания от 8 февраля 1914 г., касающегося захвата черноморских проливов.

Все эти и другие документы должны были сохраняться в глубокой тайне. Например, во франко-русской конвенции 1892 г. (статья 7-я) говорилось: «Все вышеперечисленные постановления будут храниться в строгой тайне» [22].

Статья 7-я Договора о союзе между Болгарией и Сербией 1912 г. гласит: «Настоящий договор и военная конвенция могут быть опубликованы или сообщены и другим государствам только по предварительному соглашению обеих договаривающихся сторон — и то совместно и одновременно» [23].

Помещенные в «Сборнике» документы показывали народным массам, какую политику вело царское правительство, а вслед за ним Временное буржуазное правительство, а также правительства других стран, какие грабительские договоры и соглашения заключались за спиной трудящихся. Опубликование тайных документов произвело сильнейшее впечатление во всем мире. Эти документы стали появляться в прессе ряда европейских государств. Трудящиеся западных и других стран приветствовали советскую публикацию.

По-другому отнеслись к ней враги социалистической революции. Опубликование тайных договоров вызвало растерянность и злобу в среде русской и иностранной буржуазии, оппортунистов и иных противников победившей диктатуры пролетариата. Работники иностранных посольств и саботажники старого Министерства иностранных дел пытались скупить выпуски «Сборника» и уничтожить их. Оставшиеся на свободе некоторые бывшие члены Временного правительства всячески порочили советскую публикацию. Буквально на следующий день после появления первых публикаций в «Правде» и «Известиях», 11 ноября 1917 г., они организовали нелегальное заседание, на котором бывшему товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову поручили выступить в буржуазной печати с заявлением о том, что документы фальсифицированы. Однако Нератов не смог выступить открыто в печати и опровергнуть их подлинность.

В тот же день (11 ноября) английский, французский, американский и другие послы спешно собрались на совещание, чтобы обсудить положе-

[22] Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, вып. 1, док. № 1, стр. 4.

[23] Там же, вып. 2, док. № 27, стр. 52.

ние, возникшее в связи с опубликованием тайных договоров. Однако после безрезультатных попыток опорочить подлинность напечатанных документов дипломаты Антанты вынуждены были отказаться от публичного выступления против советской публикации [24].

В. И. Ленин высоко оценил публикацию тайных документов. Выступая с речью 22 ноября (5 декабря) 1917 г. на I Всероссийском съезде военного флота, он говорил: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру...

...можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом» [25].

Успех советской публикации дипломатических документов был связан с правильным решением методологических вопросов, касающихся издания документов. Прежде всего, верно была решена проблема отбора документов для печати. В «Сборник» включались документы, которые достаточно убедительно раскрывали империалистический, захватнический характер политики ведущих держав и их союзников. В отборе документов составители и редактор руководствовались указаниями В. И. Ленина и положениями Декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов, об отмене тайной дипломатии и необходимости показать народам истинные цели войны. В «Сборнике» на конкретных материалах нашло свою реализацию требование В. И. Ленина, провозглашенное им на II Всероссийском съезде Советов: «Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны» [26].

Характеризуя отбор документов, необходимо отметить и такую очень важную особенность «Сборника», как включение в него документов, содержащих фактический материал о революционном движении в западных странах в период войны. В «Сборнике» это сделано на примере Испании В четвертом его выпуске приведены источники, освещающие революционные события в Испании с марта по октябрь 1917 г. Хотя в годы первой мировой войны Испания и сохраняла нейтралитет, однако положение трудящихся в стране серьезно ухудшилось. В документах сообщается о стачках, забастовках и демонстрациях рабочих, о росте недовольства в армии и др.

Неизученность архивных материалов бывшего Министерства иностранных дел и только еще начинавшееся планомерное использование архива не позволили показать на примере других, кроме Испании, стран борьбы народных масс против войны. Однако и те материалы, которые даны в «Сборнике», весьма примечательны; революционное чутье Н. Г. Маркина и его помощников подсказало им принципиальную значимость фактов, характеризующих революционную борьбу масс.

В целом подбор документов в «Сборнике» носил целеустремленный характер, опубликованы были наиболее важные для массового читателя источники. Более широкие цели в отношении публикации дипломатических документов стало возможно осуществить позднее.

---

[24] См. М. Рабинович. Публикаторская деятельность Николая Маркина. «Архивное дело», № 2(50), 1939, стр. 101; И. И. Минц. Выход России из империалистической войны. История дипломатии, т. 2, стр. 306.

[25] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 310—311.

[26] Там же, стр. 222.

Включенные в «Сборник» документы напечатаны на русском языке, тексты на иностранных языках даются в переводах, что специально оговаривается под заголовком документа: «перевод с французского», «перевод с сербского», «перевод» и т. п. Документы имеют заголовки, где обычно обозначаются вид документа, автор, адресат и указывается дата. В ряде случаев одному или группе документов предшествует название темы, которая объединяет их содержание. Так, во втором выпуске «Сборника» одна из групп документов объединена темой «Как делаются военные соглашения»; в четвертом выпуске телеграммы русского посла и поверенного в делах в Мадриде напечатаны под общей шапкой «Испанская революция по секретным телеграммам бывш[их] российских послов в Мадриде». Здесь мы встречаемся с интересным приемом — употреблением одного общего заголовка для группы связанных между собою по содержанию документов. Этот прием вполне допустим в публикациях, особенно рассчитанных на массового читателя, поскольку облегчает ознакомление и использование источников. В развитии советской археографии указанный метод нашел в дальнейшем свое применение.

Нельзя не отметить точности в воспроизведении текста документов. Если сравнить «Сборник секретных документов» с более поздними нашими изданиями, то можно отметить лишь небольшие разночтения. Сопоставление текстов таких важных документов, как русско-германо-австрийский договор 1881 г., франко-русская военная конвенция 1892 г., русско-английская конвенция 1907 г. и др., напечатанных в «Сборнике секретных документов», с текстами этих же документов, опубликованных в изданиях «Русско-германские отношения. 1873—1914» (М., 1922), «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» (М., 1925), «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917» (М., 1952), «Международные отношения и внешняя политика СССР» (М., 1957), позволяет судить о качественной стороне характеризуемой публикации. Приводимые, например, в «Сборнике секретных документов» фразы: «по следующим пунктам», «четвертой большой державой», «благосклонный нейтралитет», «объявляет свое твердое решение», «договорились о нижеследующем», «будет атакована», «не требовать для себя», «Великобритания обязуется вышеупомянутых концессий не требовать», «ни одна часть доходов» — в других изданиях соответственно переданы следующим образом: «о нижеследующих статьях», «четвертой великой державой», «благожелательный нейтралитет», «заявляет о своем твердом решении», «условились относительно следующих пунктов», «подвергнется нападению», «не домогаться для самой себя», «Великобритания обязуется не домогаться вышесказанных концессий», «никакая часть доходов»[27]. Эти разночтения существенно не меняют смысловой стороны текста и объясняются в большой мере затруднениями, возникающими при переводе с одного языка на другой.

Подчеркнутые в подлинниках слова печатаются в «Сборнике» шрифтом, отличным от остального текста. Воспроизведены резолюции и пометы Николая II на документах, сохранены прописные буквы в наименовании учреждений, чинов, титулов.

---

[27] См. соответственно: Сборник секретных документов..., вып. 7, док. № 71, стр. 308—314; вып. 1, док. № 1, стр. 3—4; вып. 4, док. № 55, стр. 157—165; Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952, док. № 31, стр. 228—233; док. № 40, стр. 281—282; док. № 59, стр. 386—393; Русско-германские отношения. 1873—1914. Секретные документы. Отдельный оттиск из первого тома исторического журнала «Красный архив» за 1922 г. М., 1922, стр. 129—135; Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925, док. № 227, стр. 237—238; док. № 257, стр. 270—271; док. № 326, стр. 333—336; Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов) (1871—1957 гг.). М., 1957, док. № 9, стр. 25—26; док. № 15, стр. 39—42.

Научно-справочный аппарат «Сборника» состоит из кратких примечаний, предисловия и оглавления. В подстрочных примечаниях указываются официальное положение и фамилии отдельных адресатов писем, в которых они упомянуты лишь по имени и отчеству, отмечается авторство резолюций и помет, имеющихся на документах, воспроизводятся примечания, содержащиеся в самих документах. В отдельных случаях сообщаются краткие сведения о происхождении документа.

В предисловии к «Сборнику», помещенном в первом выпуске, сформулирована цель издания: «ознакомление широких масс с содержанием документов, хранившихся в бронированных комнатах и несгораемых шкафах бывшего Министерства иностранных дел, как одного из филиальных отделений буржуазии всех стран»[28]. Отмечается, что редакция располагает многочисленными документами, «которые будут еженедельно помещаться в нашем Сборнике», раскрывающими преступную политику империалистов[29].

В оглавлении к каждому выпуску воспроизведены либо заголовки документов в сокращенном виде, либо указывается тема, объединяющая группу документов. Например, документ № 3 (первый выпуск) — «Тайное соглашение между Россией и Японией, имеющее в виду вооруженное выступление сообща против Америки и Англии на Дальнем Востоке ранее лета 1921 года» от 20 июня (3 июля) 1915 г. — в оглавлении дан в сокращении: «Тайное соглашение между Россией и Японией»; два письма русского посланника в Сиаме в Министерство иностранных дел от сентября 1917 г. во втором выпуске в оглавлении объединены общим наименованием: «Политика англичан в Сиаме».

Как одну из особенностей методики публикации документов необходимо отметить наличие обращений или лозунгов в начале каждой первой страницы или на последней странице каждого выпуска «Сборника». Так, например, в начале первого выпуска напечатано: «Да здравствует братство всех народов!». В конце этого же выпуска — «Долой союзы империалистов, капиталистов и буржуев! Да здравствует союз трудового народа всего мира!». В начале второго выпуска «Сборника» перед текстом документов читаем: «Пролетарии всех стран! Сбрасывайте с себя ярмо империалистов! Опубликовывайте мрачные договоры народных угнетателей по примеру рабочих, солдат и крестьян Российской Республики!». В конце пятого выпуска напечатано: «Да здравствует великая Советская республика!» Эти призывы и лозунги обращали внимание читателей на политическое значение опубликования тайных договоров и соглашений, способствовали укреплению интернациональных связей трудящихся Советской республики с рабочими и крестьянами капиталистических, колониальных и полуколониальных стран.

Говоря о методах публикации документов, нельзя не отметить такую характерную черту «Сборника», как стремление его составителей и редактора сообразовать методику с целевым назначением издания. В условиях революции, широко развернувшейся творческой революционной активности народных масс, исключительной тяги трудящихся к политике, к знаниям нельзя было издавать документы, разоблачавшие империалистов и открывавшие глаза народу на то, «из-за чего его гнали на бойню»[30], прежними, «академическими» методами. «Сборник секретных документов» был предназначен для народа, и примененная в нем методика соответствовала своему времени. К сожалению, в большинстве работ не отмечаются положительные стороны методов издания документов в «Сборнике», их новизна и необычность сравнительно с дореволюционной археографией.

---

[28] Сборник секретных документов..., вып. 1, декабрь 1917 г., 2-е изд., стр. 1.
[29] Там же.
[30] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 310.

В то же время «Сборник секретных документов» издавался в трудное время и не лишен, конечно, недостатков. В предисловии к «Сборнику» редакция отмечает: «Ввиду перегруженности сотрудников Комиссариата, в первом нумере принцип систематизации не будет проведен с должной строгостью»[31]. Во всех семи выпусках документы не всегда правильно археографически оформлены: в некоторых случаях заголовки не имеют необходимых данных (указаний на авторство, дату)[32], отсутствуют легенды. Ряд документов требует комментария. Несовершенством следует считать и то, что резолюции и пометы царя на документах, а также (в отдельных случаях) примечания даны перед текстом, а не после него (резолюции и пометы) и под строкой (примечания).

Однако при всех недочетах разбираемое издание не потеряло своей значимости и в наше время. Как правильно отмечает Р. А. Тузмухамедов, «опубликование Советским правительством тайных договоров означало борьбу за мир, за право всех угнетенных народов и зависимых колониальных стран на суверенное, независимое государственное существование, за открытую, честную дипломатию, отстаивающую интересы трудящихся, за укрепление дружбы и доверия между трудящимися всех наций и народностей»[33].

Не случайно, что буржуазные историки и археографы и в наше время пытаются опорочить ранние документальные издания Советского государства. В журнале «Американский архивист» можно прочесть, например, следующее: «Говоря о современных издательских работах в СССР, следует помнить, что первые шаги большевистской внешней политики в ноябре 1917 г. были ознаменованы непродуманной и дилетантской публикацией документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, целью которой было раскрыть тайные договоры Антанты. Эта публикация была политическим шагом с целью обвинения „империалистических держав". В конце 20-х годов тем же мотивом была вызвана публикация документов предвоенного и военного времени о международных отношениях в период империализма»[34].

Подобная оценка «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел» и документальной серии «Международные отношения в эпоху империализма» вызвана явным желанием оправдать предвоенную политику империалистических правительств и разбойничьи цели первой мировой войны. Естественно, что советские публикации не имели и не могли иметь задачу защищать империалистические правительства,— они впервые показали народам всего мира истинные стремления империалистов.

Выход в свет «Сборника секретных документов» явился крупным политическим и научным событием. Это был первый специальный сборник дипломатических документов, отличавшийся боевой политической направленностью и отвечавший новым задачам советской исторической науки и археографии.

---

[31] Сборник секретных документов..., вып. 1, декабрь 1917 г., 2-е изд., стр. 1.
[32] См. там же, док. № 20, 21; вып. 5, док. № 62 и др.
[33] Р. А. Тузмухамедов. Указ. соч., стр. 25—26.
[34] «The American archivist», 1957, April, № 2, p. 139.

Е. А. Луцкий

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКОНА О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ

Одним из нормативных документов Советского государства в осуществление земельных преобразований Великой Октябрьской социалистической революции была «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли», изданная Наркомземом в 1918 г. Она была широко распространена Наркомземом и в революционном переустройстве земельных отношений в Советской России весной и летом 1918 г. имела практическое значение, вероятно, не меньшее, а большее, чем положения «Основного закона о социализации земли».

Между тем в советской исторической и юридической литературе об этом документе нет ни одной специальной работы. В общих обзорах истории советского земельного права он оставлен без должного внимания, если не считать краткого сообщения в работе Д. С. Розенблюма, где инструкция получила неправильное освещение. Д. С. Розенблюм ошибочно относил ее издание к 30 января 1918 г., а главное — считал, что она означала отказ от некоторых важнейших принципов закона о социализации земли [1]. Автор писал, что инструкция отказалась от «всеобщего поравнения» и ограничилась лишь дополнительным наделением землей безземельных и малоземельных. Он старался доказать, что советская аграрная политика ограничилась разделом между единоличными крестьянами помещичьей земли и других средств производства. Ухватившись за параграф 22-й инструкции, говоривший о распродаже скота из помещичьих имений, Розенблюм утверждал, что это «постановление Временной инструкции ясно подчеркивает намерения земельного законодательства эпохи аграрной революции ликвидировать все крупные помещичьи хозяйства. Дело шло не об их конфискации и передаче в руки государства, а о распределении и их земли, и их инвентаря между трудовыми крестьянскими хозяйствами, которые мыслятся единственной формой сельского хозяйства в новом земельном строе» [2]. Таким образом, у Розенблюма получалось, что издание инструкции означало отказ не только от уравнительного землепользования, но и от социалистического переустройства сельского хозяйства, от организации государственных и коллективных хозяйств в земледелии. В обзорах истории советского земельного законодательства первых лет Совётской власти, изданных в последние годы, инструкция даже не упоминается [3]. Не

---

[1] Д. Розенблюм. Земельное право РСФСР. М.— Л., 1925, стр. 47—49; 2-е изд. М.— Л., 1928, стр. 51—53; 3-е изд. М.— Л., 1929, стр. 54—56.

[2] Д. С. Розенблюм. Указ. соч., 3-е изд., стр. 56.

[3] Земельное право. М., 1949 (гл. III. История советского земельного законодательства); Земельное право. Под ред. проф. Н. Д. Казанцева. М., 1958 (гл. III. Источники земельного права в их историческом развитии).

упомянута она и в обзорах истории колхозного права, хотя содержала установления об отводе земли колхозам [4].

Авторы исторических монографий и статей, в которых рассказывается о переделе земли в 1918 г., также не разбирают содержание этой инструкции Наркомзема, который, как орган Советского правительства, непосредственно руководил переделом земли и перераспределением других средств производства сельского хозяйства в 1918 г. [5] Даже в такой работе, как статья Т. А. Ремезовой «Организующая роль Советского государства в осуществлении аграрных преобразований 1917—1918 гг.», где, казалось, бы совершенно невозможно обойти данную инструкцию, последняя даже не названа, хотя автор упоминает какие-то «инструкции Советского правительства» и «инструкции центра», которые определяли порядок наделения землею крестьянства, требовали раздела земли по едокам и т. д. [6] Некорые сведения о подготовке и содержании инструкции приведены в работах автора настоящей статьи [7].

Не лучше обстоит дело и с публикацией инструкции. Инструкция была принята на заседании Главного земельного совета при Наркомземе 5 апреля 1918 г. и впервые опубликована 11 апреля 1918 г. в газете «Голос трудового крестьянства», являвшейся тогда органом крестьянской секции ВЦИК. В последующие дни Наркомзем издал ее листовкой.

Журнал «Земля», издававшийся Комиссариатом земледелия Московской области, напечатал ее в № 4-5, вышедшем 18 апреля 1918 г. с легендой в подстрочнике: «Распубликовано в № 22 газеты „Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов г. Москвы и Московской области" от 30 января» [8]. С такой же легендой она была напечатана в 1918 г. в «Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству» [9]. В журнале «Земля» и последнем сборнике допущена явная ошибка. В указанном ими № 22 «Известий» от 30 января 1918 г. инструкция не печаталась и не могла быть напечатана, так как она тогда не существовала. Д. С. Розенблюм, не обращавшийся, видимо, к первоисточнику, повторил эту ошибку. Ошибка журнала и сборника попала в официальный документ — декрет ВЦИК и СНК от 1 февраля 1923 г. «Об установлении списка узаконений, прекращающих свое действие с введением Земельного Кодекса», где среди названий других документов числится: «Временная инструкция о переходных мерах социализации земли» [10]. Кроме ошибочной легенды, здесь не была выправлена и опечатка: вместо «января» напечатано «ноября».

В «Сборнике законов и распоряжений по землепользованию и землеустройству», изданному в Пензе, она напечатана с примечанием: «Утверж-

[4] Колхозное право. Под ред. проф. Казанцева Н. Д. и доц. Рускола А. А. М., 1950 (гл. II. История колхозного права); Н. Д. Казанцев. Колхозное право в первый год советской власти. «Вопросы колхозного и земельного права». М., 1951, стр. 219—263; Земельное и колхозное право. Под ред. проф. И. В. Павлова. М., 1957.

[5] Е. Н. Кочетовская. Национализация земли в СССР. [М.], 1947; 2-е изд. [М.], 1952; В. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. [М.], 1953; В. Сторожев. Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М., 1952; П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958; Г. В. Шарапов. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961.

[6] «Исторические записки», т. 42, 1953, стр. 99, 105.

[7] Е. А. Луцкий. Передел земли весной 1918 г. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 237—239; его же. Ликвидация Главного земельного комитета (1917—1918 годы). «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IX. М., 1957, стр. 38; его же. Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г. «История СССР», 1957, № 5, стр. 63—64.

[8] «Земля», 1918, № 4-5, стр. 4.

[9] См. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству (25 октября, 1917 г.— 25 октября 1918 г.). Под ред. юрид. отд. ВСНХ. М., 1918, стр. 491—494.

[10] «Собрание Узаконений», 1923, № 10, стр. 123.

дена Главным земельным советом 5 апреля 1918 г. и разослана на места при циркуляре Отдела текущей земельной политики Наркомзема 18 апреля 1918 г. № 2»[11]. Попутно отметим, что текст, утвержденный 5 апреля 1918 г., и текст, разосланный на места 18 апреля 1918 г., имеют важные разночтения принципиального характера. В «Справочнике для устроителей и руководителей артелей» инструкция была напечатана без всякой легенды и даты[12].

В других сборниках нормативных документов Советского правительства по землепользованию и землеустройству, изданных после 1918 г., она вообще не публиковалась. Составители ведомственных сборников, изданных в первые годы Советской власти, не печатали инструкцию, неправильно полагая, что она утратила свое значение и перестала быть действующим документом[13]. Не попала инструкция и в позднейшие публикации документов по истории советского земельного законодательства, составители которых отобрали для публикации только документы, печатавшиеся в свое время в «Собрании Узаконений», а разбираемая инструкция там не была напечатана[14]. Сборник же «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)» отразил в данном случае общий недостаток советской археографии периода культа личности Сталина, когда документы, подписанные лицами, позже отстраненными от руководства, вообще не перепечатывались[15]. Инструкция же была подписана за народного комиссара земледелия левым эсером А. Колегаевым, который через несколько дней освободил это место для большевика С. П. Середы.

Таким образом, историк может теперь ознакомиться с текстом инструкции, лишь разыскав его в некоторых архивах и крупнейших библиотеках. Надо пожелать, чтобы этот пробел был восполнен и осуществлена научная публикация «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли».

* * *

Перейдем теперь к выяснению истории подготовки проекта инструкции.

Вопрос об издании инструкции к «Основному закону о социализации земли» поднимался еще в январе 1918 г. Всероссийский съезд земельных комитетов в первый же день своей работы 17 января 1918 г. создал секцию «по вопросу о мерах переходного времени»[16]. После слияния съезда земельных комитетов с крестьянской секцией III съезда Советов в числе 25 секций, созданных 21 января 1918 г., была образована особая (18-я по счету) секция для «выработки переходных мер». Она разработала инструкции о временной передаче земель, использовании лесов и рыбной ловле.

---

[11] Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства по землепользованию и землеустройству. Сост. Ф. Г. Некрасов. Пенза, 1921, стр. 150.

[12] См. А. А. Николаев. Справочник для устроителей и руководителей трудовых земледельческих артелей. М., 1918, стр. 64—68.

[13] См. Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия 1917—1920 гг. М., 1921 (Наркомзем); Сборник законов, постановлений и циркуляров по социалистическому землеустройству и землепользованию. Белозерск, 1920 (Череповецкий губземотдел); Декреты, положения и инструкции по землеустройству и основной закон о лесах. Калуга, 1921; Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству 1918—1920. Грязовец, 1921 (Вологодский губ. подотд. землеустройства).

[14] Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954. М., 1954; История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917—1958 гг., т. I. М., 1959.

[15] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954.

[16] О съезде см. Е. А. Луцкий. Всероссийский съезд земельных комитетов в январе 1918 г. «Доклады и сообщения Института истории», вып. 11. М., 1957.

Инструкция «о временной передаче земель» была доложена секцией на пленарном заседании съезда 25 января 1918 г. Заслушав проект, съезд постановил передать его как основу в Совет земельного комитета (Главный земельный совет) для подробной разработки [17].

Необходимость инструкции для практического проведения уравнительного передела земель, провозглашенного крестьянским наказом о земле, включенным в декрет «О земле» и «Основной закон о социализации земли», особенно остро выявилась с приближением весны. Правда, к статье 25-й закона о социализации земли была приложена «Инструкция для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения». Однако она не выдержала первого соприкосновения с практической жизнью. Инструкция предусматривала проведение таких сложных статистических работ для вычисления «потребительно-трудовой нормы», что почти все местные земельные органы сочли невозможным ее осуществить в предстоявшую весну. Неосуществимость инструкции, включенной в закон о социализации земли, видимо, осознавалась и самими авторами проекта, которые предусмотрительно указали в § 4, что распределение земель на уравнительно-трудовых началах должно проводиться постепенно. Кроме того, § 4 был снабжен особым примечанием: «До полного проведения в жизнь закона о социализации земли на местах отношения земледельцев регулируются земельными отделами Советов на основании особой инструкции» [18]. Местные земельные комитеты и земельные отделы, разрабатывая план проведения передела земли, один за другим начали требовать от Наркомзема обещанной «особой инструкции» для осуществления закона о социализации земли.

Наступила весна, но левые эсеры из коллегии Наркомзема и Главного земельного совета, озабоченные скорее борьбой с большевиками, чем практическим разделом помещичьих земель, не торопились с изданием этой инструкции. 15 февраля 1918 г. на первой сессии Главного земельного совета был создан ряд комиссий, в том числе комиссия по текущей земельной политике, которая должна была заняться разработкой инструкции [19]. Но ее работа оказалась совершенно бесплодной. Только после разрыва с большевиками левые эсеры второпях принялись разрабатывать инструкцию, которую они предполагали использовать для осуществления своих политических антисоветских планов. Вопрос о разработке инструкции был поставлен на вечернем заседании Главного земельного совета в тот самый день 17 марта 1918 г., когда левые эсеры вышли из Совнаркома. Главный земельный совет постановил немедленно собрать все материалы по земельному вопросу (и в частности январский проект инструкции мер переходного времени), запросив их из крестьянской секции ВЦИК и коллегии Наркомзема [20]. На следующем заседании совета 19 марта была избрана новая комиссия «по выработке инструкции мер переходного времени» в составе пяти членов совета [21].

Комиссия Главного земельного совета состояла из рядовых левых эсеров, работавших в низовых Советах и земельных комитетах. Не заботясь о точном соблюдении эсеровской программы социализации земли, они старались при разработке инструкции обеспечить интересы кулацких верхов деревни. Не имея ни времени, ни опыта составления подобных документов, эсеры воспользовались уже имеющимися материалами, внеся в них изменения в желательном для себя направлении. Как можно видеть из текста проекта инструкции, он во многом повторял инструкцию земель-

---

[17] Газета «Голос трудового крестьянства», № 95, 28.I 1918.

[18] Сборник документов по земельному законодательству..., стр. 32.

[19] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (далее — ЦГАОР), ф. 478, оп. 2, д. 40, л. 4.

[20] Там же, л. 19.

[21] Там же. Л. 22.

ным комитетам, опубликованную вместе с положением о комитетах, принятым Совнаркомом 5 декабря 1917 г. [22]

После раздела первого, повторяющего некоторые общие положения декабрьской инструкции, следовал раздел второй — «Учет земель и населения», говоривший о проведении переписи земли и населения. Раздел третий — «Охрана от обесценения хозяйств, применявших наемный труд» — полностью повторял декабрьскую инструкцию лишь с тем отличием, что вместо земельных комитетов везде были поставлены земельные отделы. Раздел четвертый — «Обеспечение землей трудящегося земледельческого населения посредством справедливого распределения земель сельскохозяйственного назначения» — повторял ряд статей старой инструкции. Именно в этом разделе, содержавшем практические указания для передела земли наступающей весной 1918 г., открыто проводилась защита интересов кулачества.

Согласно § 1 этого раздела, при определении очередности передачи земель из распределительного фонда трудовому населению, безземельные крестьянские хозяйства были поставлены в третью очередь, а сельскохозяйственные рабочие (батраки) — даже в четвертую [23]. Таким образом, проект инструкции делал шаг назад от закона о социализации земли, в котором безземельные местные крестьяне и батраки были поставлены в равные условия с малоземельным местным крестьянским населением. Далее следовали новые параграфы. В частности, в § 3 говорилось: « В земледельческих поясах, где условия землепользования не позволяют непосредственно после обнародования сей инструкции произвести уравнение земель до потребительно-трудовой нормы, земельные отделы уездных Советов облагают занадельные верхи платой, которая поступает в депозит земельных отделов Советов и используется последними в целях поднятия культуры земли» [24]. Таким образом, этот параграф позволял оставлять у кулаков земли свыше потребительно-трудовой нормы. Указание на «условия землепользования», не позволяющие немедленно произвести уравнение земли, было явно направлено на сохранение кулацкого хуторского и отрубного землевладения. Особым параграфом (без номера) было предусмотрено, что «за хозяйствами, не вполне использовавшими находящиеся в их владении или пользовании земли, остается лишь то количество земли, которое было ими обработано и засеяно, если оно не превышает местной нормы» [25]. Следовательно, бедняцкие крестьянские хозяйства, не имевшие возможности из-за нехватки семян и инвентаря засеять осенью 1917 г. или весной 1918 г. свои старые наделы, не только не получали прирезки земли, но должны были потерять необработанные и незасеянные участки из своих прежних наделов.

Таким образом, раздел четвертый проекта инструкции предоставлял широкие возможности кулакам сохранять в своем пользовании землю сверх установленной нормы и уменьшать землепользование крестьянской бедноты, не обладавшей необходимым количеством инвентаря и семян.

Проект инструкции уделял значительное внимание вопросу об использовании бывших помещичьих имений (раздел пятый — «Контроль над культурными хозяйствами и сельскохозяйственным производством» и шестой — «Выделение неподлежащих дроблению хозяйств и передача их земельным отделам Советов для организации на них производства на новых началах»). Что касается собственно организации производства «на новых началах», то в разделе пятом проект ограничивался довольно неопределенными указаниями на установление со стороны земельных отделов уездных Советов контроля над ведением хозяйства в культурных имениях

[22] См. Сборник документов по земельному законодательству..., стр. 16—23.
[23] ЦГАОР, ф. 478, оп. 1, д. 74, л. 82.
[24] Там же, оп. 2, д. 74, л. 83.
[25] Там же, л. 84.

и разработкой плана «ведения хозяйства на общественных началах». Большего внимания заслуживает раздел шестой, состоявший из одного параграфа, устанавливающего, что наиболее образцовые помещичьи хозяйства не подлежат дроблению, т. е. разделу, а «выделяются и передаются с согласия местного населения земельными отделами уездных Советов хозяйственным отделам Советов, в зависимости от значения этих хозяйств, волостным или уездным хозяйственным отделам Советов»[26]. Мы видим, что выделение хозяйств, не подлежащих разделу, было поставлено целиком в зависимость от согласия «местного населения». Практически в условиях весны 1918 г. «местное население» при подстрекательстве кулаков обычно стремилось к полному разделу помещичьих имений. Редакция проекта инструкции не давала возможности местным Советам сохранить лучшие помещичьи имения для организации в них государственных имений или передачи коммунам. Характерно, что ведение хозяйства и в тех редких случаях, когда имения остались бы неразделенными, возлагалось не на земельные, а на хозяйственные отделы Советов. Это ясно показывает, что левые эсеры старались превратить земельные отделы Советов в органы, занимающиеся лишь разделом земли в пользование единоличных крестьян, но не в органы, организующие социалистическое хозяйство в земледелии.

В разделе седьмом — «Контроль над распределением и расходованием между пострадавшим от войны беднейшим населением сельскохозяйственных продуктов, имеющих получиться с полей, засеянных в 1917 г., а равно и продуктов с конфискованных земель» — устанавливалось, что урожай с полей, засеянных в 1917 г., идет прежде всего на удовлетворение нужд «граждан, производивших обработку и засев полей», т. е. кулаков, располагавших инвентарем и семенами. Только после удовлетворения нужд этих «граждан» урожай мог распределяться между всем нуждающимся населением, а остаток передаваться продовольственным отделам[27]. Надо ли говорить, что при таком порядке не могло сохраниться никакого остатка, передаваемого продовольственным отделам Советов для снабжения голодающего промышленного центра?

Далее в проекте инструкции следовали раздел восьмой — «Установление в соответствии с распоряжениями Советской власти порядка и способа пользования водами, лесами и недрами и контроль над ними» и раздел девятый — «Обсеменение яровых полей». Проект инструкции уделял значительное место вопросу о распределении инвентаря, чему был посвящен целиком раздел десятый, состоящий из пяти параграфов. Здесь указывалось, что живой и мертвый инвентарь поступает в распоряжение волостных и уездных земельных отделов, которые передают мертвый инвентарь на общественные прокатные пункты для распределения его во временное пользование между беднейшим населением, а живой инвентарь распределяют между беднейшим населением полностью в постоянное пользование за установленную плату. В разделе одиннадцатом — о «подготовке населения к проведению в жизнь социализации земли путем агитации и соответствующей организации народных масс» — говорилось о создании для указанной цели специальных агитационно-организационных отделов и курсов инструкторов. Последний, двенадцатый раздел — «О наемном труде» — состоял всего из одного параграфа, повторяющего соотвествующую статью закона о социализации земли.

Мы отмечали, что новая инструкция была необходима прежде всего потому, что существовавшая до нее инструкция об исчислении потребительно-трудовой нормы землепользования, включенная в текст закона, оказалась практически неосуществимой. Проект комиссии Главного земель-

---

[26] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, л. 74, л. 85.
[27] Там же, л. 86.

ного совета, состоявший из 12 разделов и 48 параграфов, несмотря на большую детализацию, также не давал ясного ответа на важнейшие практические вопросы, связанные с переделом земли. Указав в § 2 четвертого раздела, что земельные отделы уездных Советов должны «установить в уезде временную приблизительно потребительно-трудовую норму»[28], проект не говорил ничего о том, как же именно следует ее определить.

Одновременно с комиссией Главного земельного совета левый эсер И. Майоров, член коллегии Наркомзема, разработал свой проект инструкции, строго выдержав его в духе эсеровской программы социализации земли.

Оба проекта обсуждались 1 апреля 1918 г. на заседании Главного земельного совета совместно с членами коллегии Наркомзема, представителями Московского областного комиссариата земледелия и крестьянской секции ВЦИК. На этом заседании Главного совета впервые присутствовала группа большевиков во главе с С. П. Середой, посланная для работы в Наркомземе после выхода левых эсеров из Совнаркома. Оба проекта вызвали большие прения. Среди левых эсеров, составлявших большинство присутствующих на заседании, выявилось две группы: «теоретики»-интеллигенты и практические работники из местных Советов и земельных отделов, среди которых, помимо людей, отражавших интересы кулачества (вроде членов комиссии по разработке инструкции), было немало рядовых крестьян, непосредственно заинтересованных в скорейшей ликвидации помещичьего землевладения и переделе земли. Эта группа участников совещания, несмотря на свою принадлежность к партии левых эсеров, внимательно выслушивала выступления большевиков и поддерживала их предложения. Лидеры левых эсеров горячо защищали проект инструкции, составленный Майоровым. Члены комиссии и работники с мест критиковали проект Майорова за его нежизненность и непрактичность.

Представитель большевиков С. П. Середа предложил избрать согласительную комиссию и поручить ей составление нового проекта, причем за основу не следовало брать ни ту, ни другую иструкцию. «Инструкция должна быть возможно проще и жизненнее»,— сказал С. П. Середа[29]. В конце концов это предложение и было принято. После окончания прений избрали две комиссии: одну — «для выработки инструкции мер переходного времени на весенний период» и другую — для дальнейшей разработки инструкции, предложенной Майоровым. Первая комиссия должна была закончить свою работу в трехдневный срок, срок работы для второй комиссии не был установлен.

Первая комиссия основательно переработала прежний проект, упростив и сократив его. Вместо 48 параграфов в новом проекте остался лишь 21. Проект получил новый заголовок: «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь социализации земли до обнародования особой практической инструкции о социализации земли». Из изменений принципиального характера, внесенных комиссией в проект инструкции, следует прежде всего назвать введение нового параграфа (§ 1), предлагавшего земельным отделам Советов немедленно выселить из имений всех бывших помещиков, доверенных и арендаторов имений и взять последние в свое ведение. В соответствии с решениями большинства местных крестьянских съездов и съездов земельных отделов новый проект инструкции предлагал провести распределение земли между местным трудовым земледельческим населением уравнительно по едокам.

Переработанный проект обсуждался на заседании Главного земельного совета 5 апреля 1918 г. Как и на прошлом заседании, в заседании 5 апреля участвовали члены коллегии Наркомзема и представители крестьянской

---

[28] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 74, л. 83.
[29] Там же, д. 40, л. 36.

секции ВЦИК. Заседание началось с общих прений по всему проекту в целом. Некоторые члены совета из числа левых эсеров высказались против раздела земель по едокам. Отметим, например, выступление левого эсера Макарова: «Деление земли по едокам хорошо там,— сказал Макаров,— где земли много, но где ее мало, из этого ничего не выйдет» [30]. Нетрудно разгадать мысль Макарова. Там, где земли было много, там где распределялись большие участки помещичьей земли, кулаки не возражали против раздела земли по едокам, но где земли было мало, где, в частности, помещичьей земли для раздела не было, там передел по едокам неизбежно должен был привести к отрезке земли у кулаков. Левоэсеровские ораторы выступили против внесенного предложения о предпочтении, которое должно оказываться трудовым сельскохозяйственным товариществам и коммунам перед единоличными хозяйствами при распределении земли. «Коллективная запашка создается на протяжении многих лет... Нужно лет 25 ждать еще, когда крестьяне перейдут к лучшим способам обработки земли»,— говорил левый эсер Майоров [31]. Левый эсер Николаев прямо заявлял о нецелесообразности общественной обработки, которая, по его мнению, «может связать самодеятельность отдельных лиц» [32].

После прекращения общих прений приступили к обсуждению проекта инструкции по пунктам. Параграф о выселении из имений бывших помещиков и их доверенных вызвал общее одобрение. Но один из членов совета указал на необходимость разграничивать «богатых и бедных арендаторов». В результате обсуждения § 1 была внесена поправка о выселении из имений наряду с помещиками и их доверенными лишь «нетрудовых арендаторов».

Подробно обсуждался § 5. В проекте инструкции говорилось, что земли, подлежащие распределению между трудовым крестьянским населением, «распределяются в пределах уезда между местным трудовым земледельческим населением уравнительно по едокам во временное пользование» [33]. Представитель крестьянской секции снова высказался против принципа деления земли по едокам. По настоянию большевиков заседание утвердило § 5 в редакции комиссии. Тогда, стремясь ослабить действие принципа о разделе земли по едокам, представитель крестьянской секции высказался против установления поуездных поедоцких норм. Вместо формулировки о распределении земли по едокам «в пределах уезда» он предложил формулировку — «в пределах волости» [34]. Такая формулировка должна была воспрепятствовать отрезке земель от многоземельных волостей в пользу малоземельных. Но и эта поправка была отклонена.

В связи с попытками левых эсеров поставить при распределении земли коммуны и другие объединения, а также батраков и безземельных крестьян в худшие условия по сравнению с единоличными хозяйствами, уже обладающими земельными наделами, большевики добились включения в текст инстукции трех примечаний к § 5. Примечание первое гласило: «В первую очередь обеспечиваются в пользование землею — безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки)». Примечание второе устанавливало, что при распределении земли «предпочтение отдается трудовым сельскохозяйственным товариществам и коммунам перед единоличными хозяйствами». Примечание третье оговаривало, что постановление параграфа о разделе земли по едокам «не обязательно для тех крестьянских обществ, кои пожелают обрабатывать свою землю сообща» [35].

[30] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 40, л. 47.
[31] Там же, л. 48.
[32] Там же.
[33] Там же, д. 105, л. 98.
[34] Там же, д. 40, л. 49.
[35] Там же, л. 50. См. окончательную редакцию: «Голос трудового крестьянства», № 99, 11.IV 1918.

Из редакции § 5 мы видели, что принцип распределения земли по едокам был принят, собственно, только для «местного трудового земледельческого населения». На каком же основании следовало наделять лиц, не относящихся к категории «местного населения»? Параграф 6-й отвечал на этот вопрос, устанавливая, что «по удовлетворении землею местного земледельческого населения должны быть наделены из фонда отчужденных земель по трудовой норме и те лица, которые подали заявления в земельные отделы Советов к моменту распределения земли» [36].

Следующий, 7-й параграф устанавливал, что такой «трудовой нормой переходного времени» должно считаться количество земли, которое может быть обработано одним полносильным работником с одной лошадью. При обсуждении этого параграфа представитель Сибири выступил против такого определения трудовой нормы, считая ее недостаточной для ведения хозяйства в условиях Сибири: «На одной лошади там ничего нельзя сделать» [37]. Заседание решило дополнить § 7 примечанием, дающим право земельным отделам уездных Советов устанавливать в своем уезде в зависимости от климатических и почвенных условий иную трудовую норму.

Следующие параграфы проекта инструкции были приняты с небольшими поправками. Кроме того, в текст инструкции включили три новых параграфа. Особым параграфом (§ 9 окончательной редакции) земельным отделам Советов вменялось в обязанность наблюдать, чтобы все земли были своевременно и надлежащим образом засеяны, обработаны и убраны. Другим параграфом (§ 17 окончательной редакции) устанавливалось, что семена, имеющиеся в помещичьих экономиях, должны распределяться между нуждающимся земледельческим населением соответственно количеству земли, полученной к засеву. Наконец, в последний, пятый раздел инструкции был включен новый параграф (§ 24 окончательной редакции) исключительной важности. В нем говорилось, что весь захваченный самовольно из помещичьих имений живой и мертвый инвентарь земельные отделы волостных Советов обязаны были собрать и распределить вновь, согласно правилам, изложенным в предыдущих параграфах.

После обсуждения проекта инструкции по параграфам она была поставлена на голосование в целом и принята единогласно.

* * *

Сличение текста инструкции, принятой Главным земельным советом 5 апреля 1918 г., с текстом, опубликованным в печати и разосланным Наркомземом на места, показывает, что в инструкцию были внесены новые поправки уже после 5 апреля. Анализ последних поправок ясно показывает, что они были связаны с переходом руководства в Наркомземе в руки большевиков после оформления 8 апреля 1918 г. назначения С. П. Середы народным комиссаром земледелия.

При внесении последних поправок заголовок инструкции был сокращен. Она получила название: «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли», с подстрочным примечанием: «Настоящая инструкция имеет действие впредь до издания особой подробной инструкции о применении закона о социализации земли» [38]. Отметим, что намечавшаяся «особая подробная инструкция» так и не была издана. Среди ряда редакционных и принципиальных поправок в новой инструкции сделано важное изменение текста § 16, говорившего об использовании хлеба, собранного из урожая озимых на отчужденных частновладельческих, казенных, кабинетских, удельных, монастырских и церковных землях. В редакции, принятой Главным земельным

[36] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 74, л. 98.
[37] Там же, д. 40, л. 50.
[38] «Голос трудового крестьянства», № 99, 11.IV 1918.

советом 5 апреля, § 16 устанавливал, что урожай с таких земель распределяется продовольственными отделами «между нуждающимся беднейшим земледельческим населением на наличное число едоков по твердым ценам» [39]. На практике при наличии в тот период кулацких элементов в низовых Советах такая редакция создавала легальную возможность для разбазаривания хлеба, столь необходимого голодающим промышленным центрам и сельским местностям нечерноземной полосы. По новой, окончательной редакции этого параграфа весь урожай озимых хлебов с отчужденных земель местные Советы за вычетом семян, которые передавались в распоряжение земельных отделов, должны были целиком передавать в продовольственные отделы.

Еще до опубликования инструкции в печати Отдел текущей земельной политики Наркомзема в ответ на запросы с мест начал рассылать эту инструкцию на места. Так, 8 апреля 1918 г. инструкция была послана Курскому губернскому земельному отделу, причем в препроводительном отношении она упоминалась под заголовком, который получила при утверждении 5 апреля [40]. Но уже 9 апреля в отношении Свияжскому уездному земельному отделу Казанской губернии она была названа по-новому, а именно «Временная инструкция мер по проведению социализации земли» [41]. Наконец, на одной из сохранившихся в делах Наркомзема копий среди ряда помет, связанных с обсуждением инструкции на заседании 5 апреля, имеется вверху помета красным карандашом: «Отдано в Г. Тр. Кр. [42] 9,IV» [43]. Следовательно, последние поправки были внесены в инструкцию 8 или 9 апреля. Несомненно, что эти поправки сделаны были именно в Наркомземе, поскольку инструкция в окончательной редакции опубликована с подписями: «За народного комиссара земледелия Колегаев. Секретарь Мещеряков» [44].

Одновременно с публикацией в газете инструкцию отпечатали в виде листовки [45]. Листовки посылались Наркомземом на места в ответ на различные запросы. Через несколько дней — 18 апреля 1918 г.— Отдел текущей земельной политики разослал всем губернским земельным отделам циркуляр о введении в действие инструкции. В своем циркуляре Отдел отмечал, что особая комиссия при Главном земельном совете вырабатывает подробную инструкцию по применению закона о социализации земли, «временно, же впредь до ее издания, Главным земельным советом в заседании 5 апреля утверждена временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли» [46]. Каждому губернскому земельному отделу при этом циркуляре было послано 50 экземпляров листовок с текстом инструкции. В том же циркуляре Отдел текущей земельной политики предложил губернским земельным отделам принять меры для снабжения всех уездных и волостных земельных отделов этой инструкцией в достаточном количестве. Листовки с текстом инструкции были изданы и на местах. Известна, например, тверская листовка [47].

* * *

В заключение, не имея возможности разбирать здесь все содержание инструкции и отсылая интересующихся к указанным выше публикациям ее текста, остановимся на ее значении в ряду нормативных актов земель-

[39] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 74, л. 98.
[40] Там же, оп. 115, д. 273, л. 30.
[41] Там же, оп. 13, д. 45, л. 82.
[42] Газету «Голос трудового крестьянства».
[43] ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 105, л. 98.
[44] «Голос трудового крестьянства», № 99, 11.IV 1918.
[45] ЦГАОР, книгохранилище, № 2282.
[46] Циркуляры, изданные Отделом текущей земельной политики. М., 1918, стр. 3.
[47] Государственный музей революции СССР. Отдел фондов, № 31062/14.

ной политики Советской власти в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

«Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли» давала местным земельным отделам практические указания, позволяющие довести до конца ликвидацию помещичьего землевладения. Она требовала немедленного завершения конфискации помещичьих имений с выселением помещиков; указывала порядок распределения помещичьих земель; определяла порядок использования построек и промышленных предприятий, непосредственно связанных с сельским хозяйством и находящихся при имениях; устанавливала порядок использования продовольственных и семенных запасов, находившихся в имениях, и, наконец, подробно определяла порядок распределения бывшего помещичьего инвентаря.

Впервые в советском законодательстве было установлено, что помещики выселяются из имений, т. е. лишаются прав на землепользование в своих бывших имениях. Значение этого установления хорошо видно из постановления ВЦИК от 15 ноября 1922 г., в котором говорилось, что на основании § 1 изданной во исполнение закона о социализации земли временной инструкции переходных мер все бывшие помещики выселены из имений. Оставлять их в имениях и отводить им земли по норме разрешалось в виде исключения из общего правила особыми решениями уездных земельных отделов, а поэтому все домогательства бывших помещиков на возвращение им имений должны быть решительно отклонены [48].

Недаром эта инструкция вызвала злобные нападки со стороны кадетов, правых эсеров и других защитников помещичьих интересов. Только ненавистью к советской аграрной политике можно объяснить ту оценку инструкции, которую она получила на страницах эсеро-кадетского журнала «Земельное дело». «Аграрная фантастика», «бесстрашная фантазия», «фантазия аграрреформаторов» — такими эпитетами уснащает Н. Озерецковский свою статью, посвященную «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли». Озерецковский насмехается над инструкцией, упрекая ее в «нераскрытости», «неясности» и «бессистемности». Но все это, как он пишет, еще полбеды: «Беда злая и неминучая — во внутренней стороне, в идейно-нормативном содержании инструкции. С этой стороны,— если даже принять за непререкаемый догмат „Закон о социализации земли",— новая инструкция не может не вызвать к себе самое отрицательное отношение: она углубляет и обостряет то недоброе и зловещее, что было заложено в „законе" и в этом направлении берет на себя даже новую инициативу» [49]. «Недоброе и зловещее» Озерецковский видит в требовании инструкции о немедленном выселении бывших помещиков. Озерецковский негодует, что в распоряжение Советов переходят не только помещичьи земли, но и промышленные предприятия, постройки и инвентарь. Переход помещичьих имений в руки Советов означает, по мнению Озерецковского, «окончательный распад остатков сельскохозяйственной культуры в деревне» [50].

Но если инструкция имела строго практический характер, то из этого вовсе не следует, что она, как писал Д. С. Розенблюм, означала отказ от широких планов закона о социализации земли. Правда, инструкция ничего не говорила о переделе надельных земель, без чего, разумеется, нельзя было достигнуть того равенства землепользования, о котором шла речь в законе о социализации земли. Известно, что партия большевиков никогда и не ставила перед собой задачу осуществления идеального земельного уравнения. Партия большевиков стремилась к полной конфискации всех

[48] «Собрание Узаконений», 1922, № 76, стр. 946.

[49] Н. Озерецковский. Аграрная фантастика. «Земельное дело», № 13, 1 мая (18 апреля) 1918, стр. 2, 4.

[50] Там же, стр. 4.

помещичьих земель и к ограничению кулацкого землепользования, рассчитывая в дальнейшем создать социалистические формы сельского хозяйства путем образования государственных хозяйств и коллективизации крестьянских хозяйств. Конечно, изъятие земли у кулаков легче всего было осуществить при переделе всех крестьянских земель. Но декретировать сверху передел всех надельных земель было бы неправильно. Осуществление «черного передела» возможно было лишь в связи с подъемом активности беднейшего крестьянства, лишь при развертывании борьбы крестьянской бедноты против кулаков. Советское аграрное законодательство не требовало немедленного передела надельных земель, но оно и не препятствовало ему.

Когда летом 1918 г. созрели политические условия, когда в деревне развернулась социалистическая революция и комитеты деревенской бедноты проводили конфискацию части земли и инвентаря у кулаков, Наркомзем именно в соответствии с апрельской инструкцией давал указания проводить перераспределение надельных земель, отрезая у кулаков излишние земли (сверх установленной для данной местности нормы, особенно сверх установленной инструкцией трудовой нормы). Этому содействовало установление инструкцией, впервые в советском законодательстве в такой ясной и законченной форме, распределения земли по едокам, что более всего обеспечивало интересы беднейших крестьян. Инструкция узаконивала изъятие у кулаков захваченного ими помещичьего инвентаря и перераспределение его в интересах крестьянской бедноты. В этом отношении инструкция, несомненно, шла дальше закона о социализации земли. Если в законе коллективные хозяйства были поставлены на первое место при отводе земли, то в инструкции впервые говорилось о передаче им домов, построек (§ 14), сельскохозяйственных машин (§ 19), т. е. по существу помещичьих имений. Таким образом, и в деле строительства социалистического хозяйства в деревне она также означала большой шаг вперед.

Д. А. Чугаев

О МЕТОДИКЕ АРХЕОГРАФИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

После XX съезда КПСС советская археография сделала крутой поворот в развитии источниковедческой базы истории советского общества. Достигнуты крупные успехи в публикации исторических источников. За последние пять лет издано около 400 томов документов по истории советской эпохи, т. е. в пять раз больше, чем за все предшествующие годы Советской власти.

Наряду с успехами в области публикации улучшилась археографическая обработка издаваемых документов. Обобщаются опыт и методика публикаций, развивается теория советской археографии. Из года в год повышаются качество и научный уровень изданий. Однако до сих пор имеется еще и много недостатков в области публикации документов советского периода.

В данной статье хотелось бы высказать некоторые предложения по вопросам методики, возникшие в процессе обобщения опыта археографической практики и в связи с задачами по ликвидации последствий культа личности Сталина в области истории советского общества. Чтобы выполнить задачи, поставленные перед исторической наукой XXII съездом КПСС и новой Программой партии, настоятельно необходимо глубоко и всесторонне изучить исторические источники и правдиво осветить героическую историю коммунистической партии и советского общества. А для этого прежде всего надо провести всестороннее выявление, тщательный научный отбор и источниковедческий анализ документов советской эпохи.

Исходя из основных требований археографии и обобщая положительный опыт публикаторской работы, Главное архивное управление СССР, Институт истории АН СССР, Московский государственный историко-архивный институт подготовили и в 1955—1956 гг. выпустили в свет «Правила издания исторических документов», в которых в общих чертах была определена методика ареографической работы. Но они недостаточно учитывали специфику публикации источников по истории советского общества. Эти «Правила» были дополнены памяткой о издании документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, инструкциями по археографической обработке документов периода гражданской войны СССР, по истории индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства. А в 1960 г. Главное архивное управление СССР впервые опубликовало «Правила издания документов советского периода»[1]. Авторы «Правил» стремились учесть обобщенный научными

[1] Правила издания документов советского периода. ГАУ СССР. М., 1960; см. рец.: А. А. Зимин, Д. А. Коваленко, В. Е. Полетаев. «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 223—229; см. также Н. А. Ивницкий, Д. А. Чугаев. К итогам развития

учреждениями опыт археографической работы, использовали предложения археографов.

«Правила» в известной мере отразили успехи, достигнутые в развитии методики археографии советского общества. Однако, несмотря на положительное значение изданных «Правил», следует сказать, что они далеко не совершенны. Надо еще весьма основательно поработать над развитием теории и методики археографии, чтобы иметь всесторонне разработанные правила издания документов советской эпохи.

Вышедшие в свет «Правила» носят схематический характер, дают лишь общие методические указания публикаторам, исходя из практики главным образом тематических публикаций. Они не учитывают специфических особенностей отдельных типов и видов публикаций, каждый из которых, наряду с общими принципами методики археографии, нуждается в методических указаниях, присущих данному типу и данному виду публикации.

В последнее время сделана попытка создать классификацию публикаций по типам, видам и формам издания документов советского общества. Археографы, участвовавшие в дискуссии на страницах журнала «Исторический архив», обменялись мнениями по данному вопросу [2].

На основании материалов этой дискуссии можно сделать следующий вывод. Публикации документов советского общества в зависимости от их целей и содержания разделяются на четыре типа издания: академический, научно-выборочный, научно-популярный и учебный. Первые два типа издаются для научно-исследовательских целей. Отличаются они тем, что академический тип [3] публикует исторические источники данного вида или данного учреждения (лица) полностью, а выборочный [4] ставит своей целью отобрать для публикации те документы, которые дают возможность исследователям раскрыть основные закономерности и специфические особенности истории страны или района в определенный период или одну из основных проблем (тем) исторического развития за тот или иной отрезок времени. Научно-справочный аппарат выборочного типа издания стре-

---

советской археографии от XX к XXII съезду КПСС. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 188—191; М. С. Селезнев. «Вопросы архивоведения», 1960, № 7.

[2] Б. Г. Литвак. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. «Исторический архив», 1960, № 2; М. С. Селезнев. О некоторых вопросах советской археографии. Там же, 1960, № 4; И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг. О типах, видах и формах публикации документов. Там же, 1960, № 5; В. З. Дробижев. Некоторые вопросы передачи текста массовых источников. Там же, 1960, № 6; Н. А. Ивницкий. О некоторых вопросах публикации документов по истории советского общества. Там же, 1961, № 1.

[3] См. «Декреты Советской власти», издаваемые Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории Академии наук СССР; «Документы Петроградского Военно-Революционного Комитета» (в трех томах, публикуется фонд ЦГАОР); издание подготовлено Институтом истории АН СССР и Центральным государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.

[4] См. серии документов: «Великая Октябрьская социалистическая революция» (в 10 томах), «Социалистическая индустриализация СССР», «Коллективизация сельского хозяйства СССР», подготовленные Институтом истории АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР с подведомственными ему архивами; сборник документов «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК», вышедший уже 7-м изданием; «Документы Великой Отечественной войны» (в 6 томах), подготовляемые редакционной комиссией ЦК КПСС и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; серия документов о внешней политике СССР (вышли в свет I—IV тома), подготовляемая Комиссией Министерства иностранных дел СССР и Главного архивного управления при Совете Министров СССР; «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине» (в трех томах. Киев, 1957); «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» (в двух томах. Минск, 1957); Я. М. Свердлов. Избранные произведения (в трех томах); Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения (в двух томах); сборники законов СССР (1938—1956 гг.) и союзных республик: Белоруссии (1938—1955 гг.), Казахстана (1938—1957 гг.), Киргизии (1938—1950 гг.) Таджикистана (1938—1958 гг.) и др.

мится также ознакомить исследователя со всеми выявленными, но остающимися в архиве непубликованными по данному вопросу документами. посредством комментариев, списков-указателей данных архивного хранения, регестов и т. п.

Тип научно-популярного издания[5] предназначен для устной и печатной пропаганды. Изданиями обычно пользуются лекторы и пропагандисты, журналисты, работники газет. Их используют и научные работники для написания статей, брошюр, а отдельные документы — и для своих исследований. Этот тип изданий может обслуживать широкий круг читателей, интересующихся историей.

Наконец, публикация документов для учебных целей[6] рассчитана на преподавателей вузов и средних школ, аспирантов и студентов, а публикации документов по истории своего края, области — на учащихся высших и средних учебных заведений.

Различаются три вида публикаций документов. Первый вид — тематический, освещающий ту или иную определенную тему истории советского общества. Этот вид в настоящее время является главным, преобладающим. Тематические публикации относятся к научно-выборочному, научно-популярному и учебному типам изданий. Второй — видовой (законодательные акты, директивы, статистика, судебно-следственные документы, мемуары, переписка и т. д.) или — по разновидностям документов (протоколы, резолюции, отчеты, законы, постановления и т. д.). Этот вид публикации применяется весьма широко во всех типах изданий, и чем успешнее будет развиваться археография советского общества, тем все больше он будет использоваться[7]. После опубликования исторических источников по основным темам и по всем периодам истории советской эпохи публикация по видам и разновидностям документов приобретает преимущественное, преобладающее значение.

В ближайшие годы по количеству изданий, возможно, будет преобладать научно-популярный тип в виде тематических сборников, но серьезного труда и большого внимания археографов и публикаторских учреждений потребуют серийные издания научно-выборочного типа, которые помогут ускорить разработку истории советского общества по всем ее периодам и основным проблемам.

Третий вид публикации — пофондовый. Полная публикация документов того или иного архивного фонда возможна, в частности, если речь идет об особо важных для истории архивных фондах. Но на практике она пока применяется еще мало. Публикация этого вида, относящегося

---

[5] См. «Герои и подвиги», «В тылу врага» (листовки Великой Отечественной войны), подготовленные Институтом истории АН СССР, Музеем Советской Армии и Музеем революции; большинство местных изданий документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР, вышедших в свет в 1957—1958 гг.; «Документы трудового энтузиазма. 1918—1920 гг.» (Профиздат. М., 1960), «Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны (1926—1929 гг.)»; «Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель» (Алма-Ата, 1958); «В краю просторов и подвигов (молодежь на целине)» (М., 1962); «История харьковского тракторного завода им. Орджоникидзе», т. 1 (1930—1941 гг.) и др.

[6] Соцэкгиз подготавливает к изданию Хрестоматию по истории СССР для учащихся вузов (в десяти томах. Том 1-й под редакцией академика М. Н. Тихомирова вышел в свет в 1960 г., т. 2-й под редакцией Л. Г. Бескровного и т. 7-й под редакцией Д. А. Чугаева находятся в производстве). Госполитиздат издает хрестоматии по всем периодам истории КПСС для учащихся партийных школ (вышло в свет несколько томов).

[7] В 1956—1960 гг. изданы протоколы IV, VI, IX съездов Коммунистической партии; VII (апрельской) Всероссийской конференции; протоколы ЦК РСДРП(б) (август 1917 — февраль 1918 г.); переписка секретариата ЦК с местными парторганизациями (в двух томах); «Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях»; резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.); «Нюрнбергский процесс» (в семи томах) и др.

к академическому типу издания, может быть серийной и рассчитанной на несколько лет — по примеру издания следственных материалов декабристов; если же фонд небольшой, он может быть издан сразу в нескольких томах — по примеру издания фонда № 1236 Центрального архива Октябрьской революции с документами Петроградского Военно-Революционного Комитета.

Публикации всех типов и видов издаются в составе однотомников (отдельных сборников), в форме серий, как тематических, так и по видам и разновидностям документов, или в форме тематических подборок документов на страницах журналов и газет.

Все эти типы, виды и формы публикации документов следует учитывать при разработке методики и отражать их специфику в указаниях и инструкциях археографам. Тем более необходимо отвести достойное место каждому типу и виду публикации в «Правилах издания документов советской эпохи».

Необходимо также обобщить опыт публикации источников по истории техники, экономики и искусства, публикации статистических, картографических источников и отразить его в методических указаниях. Надо разработать методику публикации мемуаров и эпистолярных источников. Необходимы методические указания о порядке публикации документов, написанных на иностранных языках, и особенно на языках народов СССР.

Первое требование ко всем видам публикации заключается в том, чтобы они были научными и подготовлены с соблюдением всех требований археографии. Отдельные историки в последнее время высказывали ошибочное мнение, будто популярные и выборочные публикации не могут считаться научными, поскольку привлечены не все документы по тому или иному вопросу.

Эти историки не учитывают специфических условий археографии советского периода истории. Теорию и методику публикации документов предшествующих эпох, в частности феодального общества, они пытаются механически перенести на публикацию источников советского общества.

Основополагающие письменные источники предшествующих эпох, особенно эпохи феодализма, в основном выявлены и в значительной степени опубликованы. Археография же эпохи социализма еще только начинает это делать; выявить и опубликовать основополагающие источники — ее ближайшая и главная задача.

В связи с тем, что основные письменные источники эпохи феодализма уже опубликованы, внимание археографов феодального общества теперь сосредоточивается на изучении отдельных документов, и здесь текстологические задачи продолжают оставаться основными.

Письменных источников эпохи социализма — миллионы, тогда как по истории феодализма они исчисляются тысячами. При социализме народные массы сознательно творят историю, сами трудящиеся управляют страной, строят коммунизм. А это коренным образом меняет содержание письменных исторических источников; возникают их новые виды, особенно массового происхождения, неизмеримо возрастает и их количество, в особенности источников сводного, обобщающего характера, относящихся к деятельности многочисленных общественных организаций и государственных учреждений.

В этих конкретных условиях археография выдвигает на первый план задачу выявления и отбора документов для публикации.

Археография советского общества требует выявить среди миллионов документов основные исторические источники с максимальной полнотой. Это значит найти и описать массу документов в партийных и государственных архивах, размещенных по всему Советскому Союзу. Затем, в зависимости от содержания документов и целей издания, отобрать из них не-

обходимые источники для публикации по видам или разновидностям (протоколы, резолюции, отчеты и т. д.), по определенным темам или фондам архивного хранения.

Все документы нельзя опубликовать хотя бы потому, что их миллионы; поэтому обязательно нужен научный отбор. Следовательно, археография советского общества требует сплошного выявления и необходимого отбора источников для публикации.

Практика отбора документов для тематических публикаций исходит из следующих основных принципов. Во-первых, объективно отражать исторический процесс, чтобы раскрыть закономерности и особенности исторического развития, пользуясь марксистско-ленинской методологией и методикой. Во-вторых, отбирать документы соответственно целям и задачам публикации.

Объективно отразить действительность можно только с точки зрения самого передового в современном обществе рабочего класса, руководствуясь марксистско-ленинской теорией. Партийный подход означает также и то, что отбор должен производиться не только из тех документов, которые исходят от Коммунистической партии или организаций и учреждений ею руководимых, но и из числа тех документов, которые исходят от классовых врагов и их организаций.

Советские археографы не могут публиковать лживые, клеветнические, не соответствующие действительности сведения из вражеских документов. Но данные, отражающие политику классовых врагов, разоблачающие их враждебную народу деятельность, «признание из уст противников» [8], как говорил В. И. Ленин, необходимо публиковать. Документы всех борющихся классов и их организаций, взятые в совокупности, позволяют всесторонне показать конкретную историю борьбы классов, трудности этой борьбы и раскрыть значение победы трудящихся масс над эксплуататорами, значение перестройки всей жизни народа, идущего к коммунизму.

Методика отбора документов должна соответствовать этим принципам. Она требует критического анализа документов, партийной оценки их, проверки и сопоставления, с тем чтобы установить соответствие текста документа с действительностью.

Практика публикаторской работы ставит вопрос о том, в какой мере допустимо перепечатывать ранее опубликованные документы. Здесь необходим дифференцированный подход по отношению к каждому типу издания. В академическом издании следует публиковать преимущественно архивные документы. В научно-выборочном и научно-популярном в дополнение к архивным можно помещать документы и материалы, опубликованные в свое время в периодической печати и в сборниках документов, если они стали уже библиографической редкостью и нужны для всестороннего освещения данной темы публикации. В учебном, носящем хрестоматийный характер, преимущественно помещаются документы, уже ранее опубликованные.

Методические указания требуются и относительно применения регест. Практика применения регест в ряде заграничных публикаций в форме изложения содержания документа самим археографом и публикация только отдельных мест в выдержках отвергнута советскими археографами. При необходимости использовать тот или иной документ в дополнение к публикуемому советские археографы излагают его содержание или публикуют отдельные цитаты в исторических (реальных) примечаниях. Поэтому применение регест в этой форме не обязательно. Если же появляется надобность сообщить исследователю данные о месте хранения неопубликованного документа, то это делается также в примечаниях или включается в прилагаемый к изданию список выявленных, но не публи-

---

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 120.

куемых в данном сборнике документов. Но совсем отказаться от регест мы не можем. Необходимо их использовать в ограниченных, подсобных формах к публикуемым полностью текстам документов.

В каких формах возможны регесты? Во-первых, в форме таблиц, составленных на основе анкетных данных, например о составе рабочих и служащих. Во всех советских учреждениях, организациях, на предприятиях на каждого рабочего и служащего составляются анкеты, в которых содержатся данные о возрасте, национальности, образовании, профессии, месте рождения и т. д. Эти анкеты — важный исторический источник: по ним можно составить историю движения кадров по заводу или учреждению, по отрасли промышленности или ведомству, по республикам и по всему Советскому Союзу за определенные исторические отрезки времени. Но опубликовать их вследствие их огромного количества невозможно. Сведéние же таких данных в таблицы и публикация их были бы крупным достижением археографии[9]. Или, например, в архивах страны сохранились тысячи анкет, составленных волостными исполкомами Советов в апреле — мае 1918 г., которые дают ответы на 63 вопроса о первых шагах Великой Октябрьской социалистической революции в деревне, в том числе о времени установления Советской власти в волостях; о существовавших в то время в деревне партийных организациях коммунистов и эсеров; о конфискации земель помещиков; о проведении земельных переделов; о финансовых средствах; о народном образовании; о культурно-просветительной работе и т. д. Публикация этих анкет составит несколько томов, а сведенные в таблицы, они дадут один сборник, который принесет большую пользу тем, кто изучает историю Великого Октября в деревне.

Во-вторых, в форме списков аналогичных документов (резолюций, приветствий и т. п.), применяемых, например, в многотомной серии документов «Великая Октябрьская социалистическая революция». Публикуется в тексте один документ, а в приложении, с соответствующим примечанием к нему,— составленный археографами список с указанием автора документа и данных о месте его хранения.

В-третьих, в форме ограничения публикации аналогичных текстов документа заголовками и легендами. В трехтомнике документов Петроградского Военно-Революционного Комитета это делается в отношении удостоверений комиссарам и эмиссарам ВРК. Публикуется полностью текст одного удостоверения, а в остальных аналогичных случаях дается только заголовок, в котором указано, кому и когда выдано удостоверение; в легенде же отмечается, где оно хранится.

Таким образом, применение регест в этих и подобных им случаях принесет известную пользу исследователям. В методических указаниях необходимо отразить вопрос об ограниченном применении регест в советских публикациях.

Методические указания в отношении научно-справочного аппарата необходимо дифференцировать по типам публикации. Примечания к документам всех публикаций призваны помогать читателям выяснить классовую и политическую сущность исторических явлений, о которых говорится в документах; противопоставить ложным данным сведения, правильно отражающие действительность; дополнить и углубить данные, которые приводятся в документах. Тем не менее комментирование документов в академическом и научно-выборочном типах публикации должно носить, как правило, исследовательский, а в научно-популярном и учебном изданиях — справочный характер.

Если в предисловиях научно-популярного и учебного типов издания наряду с краткими сведениями археографического и источниковедческого

[9] См. В. З. Дробижев. Указ. соч.

характера допустимо излагать существо исторических событий, то предисловия в академическом и научно-выборочном типах публикации должны быть главным образом источниковедческого и археографического характера. В последних следует освещать, где и что публиковалось по данной теме, что нового вносят публикуемые документы и какое место они могут занять в общей источниковедческой базе истории советского общества.

В зависимости от типа издания должен быть определен и состав научно-справочного аппарата. Если в академическом и научно-выборочном типах публикаций требуется наиболее всеобъемлющий состав аппарата, то в научно-популярном и учебном он должен быть сведен до необходимого минимума. При подготовке нового издания «Правил издания документов советского общества» необходимо конкретно определить состав аппарата по каждому типу публикации и обратить серьезное внимание на детальную разработку методики работы над научно-справочным аппаратом.

Таковы отдельные замечания и предложения, касающиеся методики публикации советских документов. Практика и развивающаяся теория советской археографии требуют внести необходимые дополнения в «Правила издания документов советского периода», подняв тем самым еще выше научный уровень всех типов и видов публикаций.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Зимин

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ АКТОВ АРХИВА СУЗДАЛЬСКОГО СПАСО-ЕФИМЬЕВА МОНАСТЫРЯ (1506—1612 гг.)

Акты суздальского Спасо-Ефимьева монастыря XIV—XVI вв.— ценнейший источник по истории феодального землевладения и внутренней политике Русского государства. Находясь в самой сердцевине феодальных вотчин ростово-суздальских и стародубских княжат, этот монастырь долгое время был одним из форпостов удельного сопротивления централизаторской политике московского правительства, которому удалось в конечном счете ценою земельных пожалований и податных льгот привлечь монастырь на свою сторону. Акты Спасо-Ефимьева монастыря раскрывают и отдельные стороны опричнины, ибо Суздальский уезд и Стародуб-Ряполовский, где находилась основная масса монастырских владений, на себе испытали всю тяжесть опричных мероприятий: первый из них вошел в состав «государева удела», а из второго произведено было в мае 1565 г. массовое выселение княжат.

Архив монастыря сохранился не полностью. Кроме сравнительно небольшого числа подлинников (хранящихся главным образом в ЦГАДА) [1] до нас дошли отрывки из копийной книги, составленной в связи с секуляризацией монастырских владений в начале 1760-х гг. (ЦГАДА, ф. Спасо-Ефимьева монастыря, оп. 1, дело № 1, 792 лл. размером в лист), а также часть копийной книги начала XIX в. из фонда Уварова (ф. № 17) в отделе письменных источников Государственного исторического музея (6 тетрадей, картон 41/16, 64 лл.) и выписки примерно того же времени в фонде Румянцева (ГБЛ, ф. Румянцева, № 58 и 59) [2]. В копийной книге жалованных грамот монастырей Суздальской епархии XVIII в. Б. Н. Флоря обнаружил 7 списков с грамот Спасо-Ефимьева монастыря [3]. Сведения о 38 грамотах этого периода сохранились в монастырской описной книге 1660 г. [4]. Акты Спасо-Ефимьева монастыря за XIV—XV вв. (до 1504 г.) изданы [5].

[1] Небольшая, но интересная коллекция подлинников хранится в фонде Уварова ОПИ ГИМа. Часть из них издана, а часть (см. картоны 41/23-ж и 41/23-е) — нет.

[2] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 91—96. Подробные сведения об этом даны И. А. Голубцовым (АСЭИ, т. II, стр. 10—11). Тут же хранятся копии некоторых актов из ЦГАДА (картон 41/25, № 68, 75, 77; картон 41/16, лл. 65—88).

[3] ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920. Приношу глубокую благодарность Б. Н. Флоря за предоставление материалов этой копийной книги.

[4] Описная книга Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1660 г. «Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета», т. II. Владимир, 1858, стр. 46—69 (далее — Опись). Так как в Описи два раздела, то при упоминании грамот из второго раздела («Государевых грамот и всяких крепостей вотчины, которых вотчин за монастырем нет»), указывается: Опись II. На эту книгу наше внимание обратил Б. Н. Флоря.

[5] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. II. М., 1958, № 434—497.

В настоящий перечень включены сведения об актах 1506—1612 гг., сохранившихся в подлинниках или копиях (всего 230 номеров), а также данные о недошедших грамотах по описной книге 1660 г. (всего 85 номеров) [6]. Контрагент сделок, если это Спасо-Ефимьев монастырь, в перечне не указывается. Подтверждения в перечне даются до 1613 г.

Грамоты митрополитов и архиепископов Спасо-Ефимьеву монастырю [7] в перечень актов не включаются, ибо в дошедших до нас копийных книгах XVIII—XIX вв. и в описной книге 1660 г. их нет.

Недавно В. Д. Назаров обратил внимание на копийную книгу конца XVII — начала XVIII в. (ЦГАДА, ф. Спасо-Ефимьева монастыря, оп. 1, д. № 35), которая до настоящего времени выпадала из поля зрения исследователей [8]. Книга представляет собой рукопись в 8-ю л. на 251 лл. и содержит грамоты Нижегородского, Гороховецкого, Владимирского, Юрьев-Польского, Тверского, Углицкого и Московского уездов.

При издании текста приняты следующие сокращения.

I. Архивы и Архивные собрания

ГБЛ, Рум.— Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, фонд Румянцева.
ГИМ, Уваров — Государственный исторический музей, отдел письменных источников, фонд Уварова.
ГКЭ — ЦГАДА, фонд грамот Коллегии экономии.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

II. Издания

ААЭ, т. I — Акты археографической экспедиции, т. I, СПб., 1836.
АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы, т. I, Киев, 1860.
АИ, т. I — Акты исторические, т. I. СПб., 1841.
Акты Уварова — Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические. М., 1905.
Андреев. Опись — А. И Андреев. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской публичной библиотеки, вып. 1. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XXXII. Пг., 1923.
АСЭИ, т. II — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—начала XVI в., т. II. М., 1958.
Владимирский сборник — Владимирский сборник. Сост. К. Тихонравов. М., 1857.
Востоков — А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
Действия, т. XIV — Действия Нижегородской ученой Архивной комиссии, т. XIV. Нижний Новгород, 1913.
Ист. архив, т. III — П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. «Исторический архив», т. III. М.— Л., 1940.
Каштанов — С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных актов XVI в. «Археографический ежегодник за 1957 г.» М., 1958; «Археографический ежегодник за 1960 г.». М., 1962.
Кобрин — В. Б. Кобрин. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI в. в Юрьев-Польском уезде. «Археографический ежегодник за 1957 г.» М., 1958.
Лебедев — Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, М., 1881.
Лихачев. Сборник актов — Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.

---

[6] Всего в описной книге занумеровано 336 актов XIV—XVII вв. Иногда, правда, под одним номером помещено по два акта.
[7] См., например, Русская историческая библиотека, т. 32, № 83, 177, 214.
[8] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность В. Д. Назарову, пополнившему настоящий «Перечень» сведениями об актах XVI—XVII вв., содержащихся в этой копийной книге.

ПРП — Памятники русского права, вып. 4, М., 1956.
Л. М. Савелов. Князья Ковровы — Л. М. Савелов. Князья Ковровы. «Сборник статей, посвященных М. К. Любавскому». М., 1917.
Л. М. Савелов. Князья Пожарские.— Л. М. Савелов. Князья Пожарские. «Летопись историко-родословного общества в Москве» М., 1906.
Опись — Описная книга Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1660 г. «Ежегодник губернского статистического комитета», т. II. Владимир, 1878, стр. 46—69.
Сборник Муханова — Сборник Муханова. Изд. II. СПб., 1866.
Шумаков. Угличские акты — С. А. Шумаков. Угличские акты. М., 1899.

III. Термины

архим.— архимандрит
в. кн.— великий князь
г.— город
др.— другие
дер.— деревня
дерр.— деревни
кн.— князь
м-рь — монастырь
п-шь — пустошь
р.— река
рр.— реки
с.— село
сс.— села
ст.— стан
с-цо — сельцо
с-ще — селище
у.— уезд

* * *

1. 1506 г. марта 17.— Жалованная грамота в. кн. Василия III на земли в г. Суздале, взамен дворов, отписанных Покровскому монастырю.

Список XVIII в.: ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 11—11 об.; списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 2—2 об.; ГБЛ, Рум., 59, № 1, л. 1.
Упом.: Опись, № 33, стр. 49; Востоков, стр. 93.
Публ.: АИ, т. I, № 116.

2. 1507—1508 г.— Грамота Василия Андреевича (Челяднина) в Суздаль посельскому Прокушу Якимову сыну Языкову на гостевских и козловских крестьян у с. Торки Суздальского у.

Упом.: Опись, № 61, стр. 50.

3. 1509 г. февраля 13.— Судный список Василия Никифорова сына Аксакова на спорные земли селища Зеленково Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 83/11787.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 699—702 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, № 4, лл. 65 об.— 70.

4. 1509 г. февраля 13.— Правая грамота Василия Никифорова сына Аксакова и Прокофия Языкова на спорные земли селища Зеленково Суздальского у. с Кибергинским м-рем.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 41/11820.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 703—706 об.
Упом.: Опись, № 167, стр. 57; № 164, стр. 56 (без даты).

5. 1510 г. июля 9.— Жалованная данная дворецкого Василия Андреевича (Челяднина) на дворы в Суздале бортникам Сеньке Леонову с товарищи.

Подлинник. ГИМ, Уваров, картон I, № 1.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/8, л. 1 об.
Публ.: Акты Уварова, № 20.

6. 1510—1511 г.— Грамота Василия III Ивану Михайловичу Олферьеву, Григорию Булгакову, Ивану Андреевичу Брутвину и Андрею Владимировичу Чихачеву на загадские пожни и на селища с кн. Борисом Горбатым.

Упом.: Опись, № 95, стр. 52.

7. 1510—1511 г.— Грамота Василия III о поездках монастырских крестьян за р. Нерль. С подтверждением 1534 г.

Упом.: Опись, № 28, стр. 48.

8. 1511—1512 г.— Разъезжая полюбовная грамота на дерр. Морозову и Маматову (Суздальского у.).

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 10/11789.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 706 об.— 707.
Упом.: Опись, № 171, стр. 57.

9. 1513—1514 г.— Жалованная, тарханная Василия III на вотчины.

Упом.: Опись, № 19, стр. 48.

10. 1514 г. мая 14.— Льготная грамота в. кн. Василия III Ивановича на с-цо Новоселки с дерр. в Суздале и другие владения в Нижнем Новгороде, Гороховской волости, в Нерехте Костромского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 415.
Упом.: Каштанов, № 118.

11. 1516 г. сентября 1.— Грамота в. кн. Василия III Ивановича Прокофию Языкову и Василию Бобкову об организации обыска у с-ца Сокольникова кн. Бориса Ивановича Горбатого (Суздальского у.).

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 12/11791.
Упом.: Опись II, № 8, стр. 67.

12. 1516—1517 г.— Сыскная грамота на пожни под с. Стебачевым Суздальского у.

Упом.: Опись, № 165, стр. 56.

13. 1517—1518 г.— Грамота Василия III Андрею Леонтьеву сыну Трегубову о разъезде между селами Новским и Вотчичевым Суздальского у.

Упом.: Опись, № 80, стр. 51.

14. 1518—1519 г.— Грамота сыскная Василия III на пустошь Чапиху Суздальского у.

Упом.: Опись, № 109, стр. 53.

15. 1518—1519 г.— Деловая кн. Бориса, Ивана, Василия и Тимофея Федоровичей Пожарских на с. Троицкое с дерр. в Мугреeве, Коченгире, Белоусове (в Стародубе Ряполовском) и в Юрьевском у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 446—446 об.
Упом.: Опись, № 274, стр. 63.

16. 1518—1519 г.— Деловая кн. Федора и Романа Андреевичей Гундоровых на с. Воскресенское (противень кн. Федора).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 520 об.— 522 об.

17. 1518—1519 г.— Разъезжая полюбовная грамота на монастырскую землю (Суздальского у.) от Афанасьева с-ща Дмитрокова.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 13/11792.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 381—382 об.; 656—657 (второй экземпляр).
Упом.: Опись, № 122, стр. 53.

18. 1519 г. сентября 25.— Грамота в. кн. Василия III Ивановича посельскому Василию Гаврилову сыну Бобкову об отводе м-рю земель, присвоенных Матвеем Судимантовым.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 720—720 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, л. 13 об.
Упом.: Опись, № 160, стр. 56; Востоков, стр. 93.
Публ.: АИ, т. I, № 126.

19. 1519 г. октября 7.— Разъезжая грамота Василия Гаврилова сына Бобкова на монастырскую землю Стебачевскую от Нележской земли (Суздальского у.).

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 14/11793.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 707—708; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 59 об.— 61.
Упом.: Опись, № 168, стр. 57.

20. 1519 г. октября 14.— Разъезжая грамота Андрея Леонтьева сына Трегубова и подьячего Левы Глебова на монастырскую землю между землею с. Новского и землею Бориса Михайловича Погожего с. Ветшанова (Суздальского у.).

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 15/11794.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 454—455.

21. 1519 г. декабря 6.— Правая грамота Григория Федоровича и дворецкого Михаила Юрьевича Захарьина на землю дер. Лазарково и др. (Суздальского у.).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 708 об.— 720.
Упом.: Опись, № 163, стр. 56.

22. 1519—1520 г.— Сыскная грамота Василия III на земли Чапихинской слободки Суздальского у.

Упом.: Опись, № 112, стр. 53.

23. 1521—1522 г.— Деловая кн. Бориса Федоровича Пожарского на дер. Кочергинскую и др. в Мугрееве в Стародубе-Ряполовском.

Упом.: Опись, № 256, стр. 62.

24. 1523 г. июля 22.— Жалованная льготная грамота Василия III Ивановича на с-цо Новоселки и др. Суздальского и Нижегородского уездов.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 416.
Упом.: Каштанов, № 206.

25. 1523—1524 г.— Сыскная грамота Василия III на земли и лес Чапихинской слободки Суздальского у., где поставлены два починка.

Упом.: Опись, № 107, стр. 53.

26. 1523—1524 г.— Духовная Нерона Александрова сына Вотчичева.

Упом.: Опись, № 79, стр. 51.

27. 1524 г. июля 18.— Грамота сыскная в. кн. Василия III во Владимир посельским Обрюте Мишурину и Офоне Подосенову по иску бортников на р. Печуге деревень Чапихинской слободки Суздальского у.

Публ.: Сборник Муханова, № 286.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 292—293.
Упом.: Опись, № 113, стр. 53.

28. 1524—1525 г.— Деловая Ярца, Неждана, Григория и Несвитая Васильевых детей Светиковых на с-цо Борщово с дерр.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 456.
Упом.: Опись II, № 47, стр. 69.

29. 1525—1526 г.— Духовная Соломониды «княж Семена Романовича Застолбского», дочери Михаила Ивановича Деева.

Подлинник: ГИМ, Уваров, картон XV (41/49), № 1.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 20.
Публ.: Акты Уварова, № 21.

30. 1525—1526 г.— Разъезжая на земли Спасо-Ефимьева м-ря дерр. Еремейцевскую, Чернышевскую, Чернобаевскую и др.

Подлинник. ГПБ, акты, № 86.
Упом.: Андреев, Опись, № 86, № 172, стр. 57.

31. 1527 г. июля 25.— Данная князя Данилы Семеновича Пожарского на дер. Легкое с дерр. в Мугрееве.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 52—53.
Упом.: Опись, № 245, стр. 61.
Публ.: Владимирский сборник, стр. 128.
«Владимирские губернские ведомости», 1855, № 16.

32. 1529 г. ноября.— Отводная грамота Пестрика Осютина и Карпа Игнатьева о спорной земле у раменских деревень Гороховской волости и монастырских сел Старкова и Мачкова.

Подлинник. ГБЛ, Акты Беляева, № 49.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 468—492 об.
Упом.: Лебедев, № 49.
Публ.: Лихачев. Сборник актов, VII, стр. 144—172.

33. 1529—1530 г.— Данная Филиппа Потапова сына Светикова на дер. Сличнево Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись II, № 18, стр. 68.

34. 1530—1531 г.— Данная Ивана Булгакова сына Петрова и Ивана и Фомы Михайловых детей Булгаковых на дер. Бяково Талицкого ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 19/11798.
Упом.: Опись, № 205, стр. 59.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 35 об.

35. 1531—1532 г.— Грамота Василия III о данном приставе. С подтверждением 1538—1539 г. дьяка Меньшого Путятина.

Упом.: Опись, № 20, стр. 48.

36. 1531—1532 г.— Данная Василия Михайловича Змеева и Якова Федоровича Тетерина «по приказу» Григория Злобина сына Оносова на дер. Новое с дерр. Гореновского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГИМ, Уваров, картон XIV, № 16.
Упом.: Опись, № 177, стр. 57.
Публ.: Акты Уварова, № 22.

37. 1531—1532 г.— Купчая Захарья и Охлопка Дмитриевых детей Курова на четверть с-ща Григорьева Опольского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 70, стр. 51.

38. 1531—1532 г.— Купчая Ивана Семенова сына Шишелева с детьми, продавших с-цо Баглаево на р. Уготи Костромского у.

Упом.: Опись II, № 30, стр. 68.

39. 1532—1533 г.— Данная Василисы Яковлевы жены Сотницкого и ее сына Ивана на дер. Лисицыну Демина ст. Суздальского у.

Упом.: Опись II, № 24, стр. 68.

40. 1532—1533 г.— Деловая кн. Ивана, Семена и Андрея Васильевичей Ковровых на с. Андреевское с деревнями.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 446 об.— 448.
Упом.: Опись, № 276, стр. 63.

41. 1533—1534 г.— Данная Григория Филиппова сына Нарбекова на дер. Хлестову на р. Урде Опольского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись II, № 29, стр. 68.

42. [До 1533—1534 г.] — Деловая кн. Семена, Ивана и Андрея Васильевых детей Андреевича Ногтева на Лямцинский угол (Суздальского у.) (противень Андрея на дер. Масловскую).

Подлинник. ЦГАДА, № 15163;
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 300—305 об. (первый экз.), л. 495, (второй экз.).
Упом.: Опись, № 199, стр. 58.

43. 1533—1534 г.— Данная кн. Андрея Васильевича Ногтева на треть Масловского угла в Нелешских деревнях Суздальского у.

Упом.: Опись, № 197, стр. 58.

44. 1533—1534 г.— Духовная кн. Андрея Васильевича Ногтева.

Подлинник. ГПБ, акты, № 91.
Публ.: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 57, стр. 151—156.

45. [После 1533—1534 г., до 1539 г.] — Меновная кн. Василия Андреевича Ногтева (выменившего дер. Попову и др.) и Игнатья Мартемьянова сына Посыльщикова, променявшего дерр. в Медвежьем угле.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 498—498 об.
Упом.: Опись, № 207, стр. 59.

46. 1534—1535 г. июня 17.— Духовная кн. Михаила Васильевича Горбатого.

Публ.: Владимирский сборник, стр. 128—130 (в состав актов Спасо-Ефимьева монастыря включается условно).

47. 1535—1536 г.— Духовная Филиппа Свинина Потапьева сына Светикова на дер. Сличнево Гореновской волости.

Упом.: Опись II, № 49, стр. 69.

48. 1538 г. июня 1.— Жалованная несудимая грамота в. кн. Ивана IV Васильевича на дер. Маслово с дерр. Масловского конца Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 20/11799.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 305—306 (первый экз.); 493—493 об., 497 (второй экз.); 494—494 об. (третий экз.).
Упом.: Опись, № 195, стр. 58; Каштанов, № 370.

49. 1538—1539 г.— Деловая подьячего Третьяка Афромеевича на сс. Лучкино, Алексино и Васильевское с дерр. в Стародубе Ряполовском, что делились кн. Иван, Петр и Семен Михайловичи Мезецкие.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 23/11802.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 398 об.— 402 об.
Упом.: Опись, № 231, стр. 60.

50. 1538—1539 г.— Купчая Ивана Афанасьева сына Коробова с братьями, продавшего дер. Дмитроково за р. Нерлью Суздальского у.

Упом.: Опись, №№ 119, 120, стр. 53 (два экз.).

51. 1539 г. июня 15.— Разъезжая писцов Романа Игнатьевича Образцова с товарищами на земли великокняжеской Талшенской волости Владимирского у. от земель Якова, Дмитрия, Василия Александровых детей Перепечиных с-ц Аграфенина и Лопатина Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 29/11801.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 499—499 об.
Упом.: Опись, № 208, стр. 59.

52. 1539—1540 г.— Купчая архим. Германа на дер. Поповскую Гореновской волости Суздальского у., купленную у Неждана Васильева сына Светикова с детьми.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 457 об.
Упом.: Опись, № 184, стр. 58.

53. 1539—1540 г.— Купчая Неждана Васильева сына Светикова с детьми Афанасием, Третьяком, Андреем и Неупокоем на проданную ими дер. Поповское Гореновской волости Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 457.
Упом.: Опись, № 180, стр. 57.

54. 1539—1540 г.— Меновная Ярца Васильева сына Светикова с детьми Нечаем, Митею и Иваном, променявших монастырю с-цо Борщово Гореновской волости Суздальского у. на дер. Сличнево Свининское Светикова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 456 об.
Упом.: Опись II, № 44, стр. 69.

55. 1539—1540 г.— Очищальная запись архим. Германа Ярцу Васильеву сыну Светикову на дер. Сличнево Гореновской волости Суздальского у., вымененное на с-цо Борщево той же волости.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 456 об.— 457.
Упом.: Опись II, № 45, стр. 69.

56. 1539—1540 г.— Очищальная запись Неждана Васильевича сына Светикова с детьми на проданную ими дер. Поповское Гореновской волости Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 499—499 об.
Упом. Опись, № 192, стр. 58.

57. 1539—1540 г.— Очищальная запись Ярца Васильева сына Светикова на с-цо Борщово Гореновской волости Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 456 об.
Упом.: Опись II, № 53, стр. 69.

58. 1539—1540 г.— Сыскная грамота в. кн. Ивана IV на землю Чапихинскую Суздальского у.

Упом.: Опись, № 110, стр. 53.

59. 1540 г. января.— Грамота в. кн. Ивана IV суздальскому городовому приказчику Пятому Владыкину да Нечаю Тумскому об отводе земель на Большой улице взамен земли, отведенной к Покровскому м-рю.

Список XVIII в.: ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 12—13; списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 2 об.— 3 об.; ГБЛ, Рум., 59, № 2, лл. 1 об.— 2 об.
Упом.: Опись, № 31, стр. 49; Востоков. стр. 93.

60. 1540 г. июня 20.— Жалованная меновная грамота в. кн. Ивана IV Васильевича о городской Суздальской земле, пожалованной взамен отмеренной к Покровскому м-рю.

Список XVIII в.: ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 13—13 об.; списки XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 3, лл. 2 об.— 3; ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 3 об.— 4 об.
Упом.: Опись, № 30, стр. 49; Востоков, стр. 93.

61. 1540—1541 г.— Купчая Александра Андреева сына Лодыгина, купившего у кн. Михаила Ивановича Большого Пожарского с. Дмитриевское с дерр. на р. Луху в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись, № 252, стр. 62.

62. 1540—1541 г.— Купчая Ивана Игнатьева сына Светикова, купившего у Угрима Бестужева сына Светикова дер. Рязанову.

Упом.: Опись II, № 41, стр. 69.

63. 1541 г. ноября 3.— Купчая на половину дер. Лопатино с деревнями в Медвежьем углу Суздальского у., проданную Ефимьей Ивановой дочери Зеленого, Романовской жены Нороватого (доклад боярину И. Г. Морозову).

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 24/11803.
Список: XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 499 об.— 500 об.
Упом.: Опись, № 206, стр. 59.

64. 1541—1542 г.— Купчая Некраса Петрова сына Белого, купившего у Ивана Захарьева сына Сороки двор в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 74, стр. 51.

65. 1542 г. февраля 9.— Разъезжая и правая грамота писца Романа Игнатьевича Образцова на монастырские земли дер. Ануфрейцова Суздальского у. в связи с тяжбой с крестьянами подклетного с. Борисовского Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 25/11804.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 358—368 об.

66. 1542—1543 г.— Грамота в. кн. Ивана IV, пожаловавшего князя Андрея Михайловича Шуйского сс. Петровским и Масловым Опольского ст. Суздальского у. у м-ря на выкуп.

Упом.: Опись, № 196, стр. 58.

67. 1542—1543 г.— Купчая Никиты Семенова сына Тумского, купившего дер. Иконникову Корзневы волости Московского у. у Афанасия и Ивана Десятого Злобиных детей Щепиных.

Список кон. XVII — начала XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефимьева м-ря, д. 35, лл. 248—249 об.
Упом.: Опись, № 153, стр. 55 (дата — 1546—1547 гг.).

68. 1543—1544 г.— Грамота в. кн. Ивана Васильевича в с. Петровское Масловского конца Суздальского у. о возврате его за 600 р. в м-рь (оно было продано ранее из м-ря Андрею Михайловичу Шуйскому и потом отписано на государя).
Упом.: Опись II, № 1, стр. 67.

69. 1544 г. марта 23.— Указная грамота в. кн. Ивана IV Васильевича приказчику сел кн. Андрея Шуйского Медведю Клементьеву о даче Спасо-Ефимьеву м-рю с. Петровского Масловского конца Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 304—304 об.
Публ.: ПРП, вып. IV, стр. 107.

70. 1544—1545 г.— Жалованная грамота Ивана IV Васильевича, «что пожаловал бортников лесом» («писано на телятине»).
Упом.: Опись II, № 7, стр. 67.

71. 1544—1545 г.— Купчая Андрея Прокофьева сына Вотчичева и детей Данила и Ивана на жребий в с. Константиновском Опольского ст. Суздальского у.
Упом.: Опись, № 67 («купчая Андрея Прокофьева сына Вотчичева»), № 73 («купчая архимандрита Германа»), стр. 51 (два экземпляра). Возможно,— два противня.

72. 1544—1545 г.— Купчая Афанасия, Федора, Анны Некрасовых детей Беловых, продавших двор в с. Константиновском Опольского ст. Суздальского у. (куплю своего отца).
Упом.: Опись, № 68, стр. 51.

73. 1544—1545 г.— Купчая Ивана Михайловича сына Огарева (Вотчичева), продавшего жребий в с. Константиновском Опольского ст. Суздальского у.
Упом.: Опись, № 66, стр. 51, № 65, стр. 51 (два экз.).

74. 1544—1545 г.— Купчая архим. Германа на выть в с-це Константинове Опольского ст. Суздальского у., купленную у Данилы Захарьина сына Вотчичева.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 518.
Упом.: Опись, № 69, стр. 51.

75. 1544—1545 г.— Меновная Ивана Захарьева сына Вотчичева Сороки с детьми Семеном и с Китаем, продавших выть в с. Константиновском Опольского ст. Суздальского у. вместо дер. Колязиново за р. Печугою.
Упом.: Опись, № 77, стр. 51.

76. 1544—1545 г.— Очищальная запись Данила Захарьина сына Вотчичева на выть в с-це Константинове Опольского ст. Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 518 об.

77. 1546 г. мая 14.— Грамота в. кн. Ивана IV Васильевича суздальским городовым приказчикам Нечаю Тумскому и Андрею Перешевникову по спорному делу о деревнях с. Воскресенского и с. Кляпова (в Стародубе Ряполовском) Спасо-Ефимьева м-ря с боярином и наместником смоленским кн. М. И. Кубенским.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 27/11806.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 520—520 об.
Упом.: Опись, № 221, стр. 60.

78. 1546—1547 г.— Купчая архим. Германа на землю в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у., купленную у Данилы Андреева сына Прокофьева.
Упом.: Опись, № 72, стр. 51.

79. 1547 г. февраля.— Жалованная несудимая и тарханная грамота царя Ивана IV Васильевича на сс. и дерр. Суздальского и Костромского уездов. Припись: Борис (? Щекин),

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 417—419 об.
Упом.: Опись, № 13, стр. 48.

80. 1547 г. марта 14.— Грамота царя Ивана IV Васильевича суздальским городовым приказчикам Нечаю Тумскому и Андрею Перешевникову о непринуждении к отбыванию тягла вместе с посадом слободки за р. Каменкою Спасо-Ефимьева м-ря.

Списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, л. 4 об.— 5; ГБЛ, Рум., 59, № 4, л. 3—4.
Упом.: Опись, № 35, стр. 49; Каштанов, № 537, Востоков, стр. 93.
Публ.: АИ, т. I, № 148; «Владимирские губернские ведомости», 1876: № 53.

81. 1547—1548 г.— Купчая на дер. Поповскую Гореновской волости Суздальского у., купленную у Неждана Васильева (Светикова).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 457 об.

82. 1547—1548 г.— Купчая Никиты Семенова сына Тумского, купившего у Ивана Матвеева сына Васильева дер. Кроптево волости Шеренки Московского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 249—251.
Упом.: Опись, № 154, стр. 55.

83. 1547—1548 г.— Купчая Федора Ивановича Сукина, купившего «до живота» у м-ря дер. Маслово Опольского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 198, стр. 58 (два экз.).

84. 1547—1548 г.— Память Нечаю и Ивану Ярцевым детям Светикова о том, что Ивану, его жене и детям дела нет о половине дер. Новоселки (Гореновского ст. Суздальского у.).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим, м-ря, д. 1, л. 458.
Упом.: Опись, № 194, стр. 58.

85. 1548 г. июня 6.— Грамота боярина и дворецкого Данила Романовича Юрьева посельскому владимирских дворцовых сел Федору Иванчину о запрещении крестьянам с. Борисовского (Владимирского у.) вступаться в луга Спасо-Ефимьева м-ря.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 28/11807.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл.655—655 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, № 22, лл. 71 об.— 72.
Упом.; Опись, № 85, стр. 52.

86. 1548—1549 г.— Жалованная тарханная грамота на монастырскую вотчину. Подтверждения 1567—1568 г. и «150» (?) г. По сставам: Борис Иванов. Подписали Дружина Владимиров и Андрей Арцыбашев.

Упом.: Опись, № 15, стр. 48.

87. 1548—1549 г.— Данная Поздняка Васильева сына Выповского на луг Плоскушу, с. Святово и с-цо Федоровское Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Владимир, № 28/1805.

88. 1548—1549 г.— Закладная Угрима Бестужева сына Светикова, занявшего у Курдюма Семенова сына Шатова 6 р. с закладом починка Почерюхино (Гореновской волости Суздальского у.).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 458—458 об.

89. 1548—1549 г.— Купчая архим. Саввы на двор в с. Константиново Опольского ст. Суздальского у., купленный у Ермолая Поспехова Константинова сына Чернцова.

Упом.: Опись, № 71, стр. 51.

90. 1548—1549 г.— Купчая Ивана Ярцева сына Светикова, купившего у Немира Васильева сына Лукина дер. Быково Горенова ст. Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 459.
Упом.: Опись, № 185, стр. 58 (?)

91. 1549—1550 г.— Закладная запись кн. Дмитрия Ивановича Хилкова, у которого занял кн. Василий Иванович Пожарский 40 р. под заклад дер. Михеевской в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 459 об.

92. 1548—1549 г.— Купчая кн. Бориса Федоровича Пожарского на с-цо Дмитриевское в Мугрееве в Стародубе Ряполовском на р. Луху, купленное у Якова и Дмитрия Александровых детей Лодыгиных.
Упом.: Опись, № 253, стр. 62.

93. 1548—1549 г.— Очищальная запись Немира Васильева сына Лукина, продавшего Ивану Ярцеву сыну Светикову дер. Быково Гореновa ст. Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 458 об.— 459.
Упом.: Опись, № 185, стр. 58.

94. 1549—1550 г.— Данная Позднякa Васильева сына Выповского на луг Полоскушу в с. Выпове Владимирского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 527—527 об.
Упом.: Опись, № 96, стр. 52.

95. 1549—1550 г.— Купчая Авдотьи, жены Андрея Прокофьева с. Черндова, продавшую куплю их отца в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у.
Упом.: Опись, № 75, стр. 51.

96. 1550—1551 г.— Запись кн. Дмитрия Ивановича Хилкова о том, что ему не предъявлять иска ко кн. Василию Ивановичу Пожарскому, заложившего ему дер. Михеевскую в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 459 об.
Упом.: Опись, № 244, стр. 61.

97. 1550—1551 г.— Меновная старца Иосифа Захарьина сына Вотчичева, променявшего жребий в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у. на дер. Лисицыно.
Упом.: Опись, № 78, стр. 51.

98. 1551 г. мая 17.— Жалованная несудимая грамота царя Ивана IV Васильевича, общая. С подтверждением 1606 г.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 420—422 об.
Упом.: Опись II, стр. 47; Каштанов, № 642.
Публ. АСЭИ, т. II, № 497.

99. 1553—1554 г.— Купчая Пиная Афанасьева сына Уполовникова, что у него выкупил Иван Сорока Захарьев свой жребий в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у.
Упом.: Опись, № 76, стр. 51.

100. 1553—1554 г.— Купчая Нечая Ярцева сына Светикова, купившего у Андрея и Неупокоя Неждановых детей Светиковых дер. Сличнево-Назарьевскую (Гореновского ст. Суздальского у.).
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 460.
Упом.: Опись II, № 42, стр. 69.

101. 1553—1554 г.— Очищальная запись Андрея и Неупокоя Неждановых детей Светиковых, на проданную Нечаю Ярцеву сыну Светикову дер. Сличнево-Назарьевскую (Гореновского ст. Суздальского у.).
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 459 об.
Упом.: Опись II, № 40, стр. 69.

102. 1554 г. октября 24 — 1556 г. июня 24.— Правая и разъезжая грамота владимирского ямского приказчика Тимофея Харлантьева сына Усова на спорную землю по р. Нерли Суздальского у.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 539—545 об., 550—568 об.; там же, лл. 586—609 (второй экз.).

103. 1554—1555 г.— Запись Ив. Ив. Мячкова, продавшего кн. Тимофею Федоровичу Пожарскому половину с. Троицкого в Пожаре в Стародубе-Ряполовском.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 42—42 об.
Упом.: Опись, № 281, стр. 63.

104. 1554—1555 г.— Купчая Афанасия Михайлова сына Кашкина с сыном Курбатом, продавших Ивану Михайлову сыну Хухореву половину дер. Новоселки Гореновской волости Суздальского у.

Упом.: Опись, № 183, стр. 57—58.

105. 1554—1555 г.— Купчая кн. Тимофея Федоровича Пожарского, купившего у Ивана Иванова сына Мячкова с. Троицкое (половина — приданое Ефросиньи, дочери Ивана Федоровича Пожарского, другая половина — купля Мячкова у Степана Невежина сына Копнина, взятая им в приданое за Аграфеною Ивановною Пожарской) (в Пожаре в Стародубе-Ряполовском).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 448 об.
Упом.: Опись, № 272, стр. 63.

106. 1555—1556 г.— Запись Алексея Даниловича Басманова о проданном им И. С. Черемисинову с. Адамцеве Сорогожинского ст. Юрьев (Польского) у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА. ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 111 об.—112; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 610.
Упом.: Опись, № 142, стр. 55.
Публ.: К о б р и н, стр. 469.

107. 1555—1556 г.— Купчая Ивана Семеновича Черемисинова, купившего у Алексея Даниловича Басманова с. Адамцево Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 112—113; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 610—610 об.
Упом.: Опись, № 143, стр. 55.
Публ.: К о б р и н, стр. 469.

108. 1556 г. июня 1.— Правая грамота писца Андрея Васильевича Лодыгина на Круглый Луг и другие спорные земли Суздальского у. с крестьянами дворцового с. Борисовского Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 31/11810.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 652—652 об.
Публ.: АГР, т. I, № 67.

109. 1556—1557 г.— Указная грамота царя Ивана IV («велено на монастырь покупать все безпошлинно по городом»).

Упом.: Опись, № 14, стр. 48; К а ш т а н о в, № 753.

110. 1556—1557 г.— Данная кн. Василия Ивановича Пожарского на п-шь Михалевскую в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, № 15112.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 47 об.— 48.

111. 1556—1557 г.— Данная кн. Василия Ивановича, Ивана и Петра Васильевича, Федора и Ивана Ивановичей, Тимофея Федоровича и Петра Борисовича Пожарских на п-шь Клетовскую (в Мугрееве в Стародубе Ряполовском). С подтверждением 1586—1587 г. Дмитрия Михайловича Пожарского.

Подлинник. ГКЭ, № 15111.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 662—662 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 48—48 об.; 48 об.— 49 (два экз., один с подтверждением).
Упом.: Опись, № 248, стр. 61.
Публ.: Л. М. С а в е л о в. Князья Пожарские, стр. 38—39.

112. 1556—1557 г.— Духовная кн. Ивана Большого Ивановича Пожарского на с-цо Могучее и дер. Вознесенское в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись II, № 48, стр. 69.

113. [До 1557—1558 г.] — Духовная Ивана Третьяка Несветаева сына Светикова на дер. Рождественскую (Гореновской волости Суздальского у.).

Упом.: Опись, № 188, стр. 58. Составлена, вероятно, после 1524/25 г., см. № 28.

114. 1557—1558 г.— Данная Андрея Угримова сына Светикова на дер. Малакову и Черюхино Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 190, стр. 58.

115. 1557—1558 г.— Данная кн. Григория Семеновича Пожарского на с-цо над озером Богоявленским в Стародуб-Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, № 15113.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 662 об.— 663.
Упом.: Опись, № 243, стр. 61.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 39—40.

116. 1557—1558 г.— Данная Злобы Игнатьева сына Светикова по духовной Ивана Третьяка Несвитаева-Светикова на половину с. Рождественского Гореновской волости Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 34/11813.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 672—673.
Упом.: Опись, № 176, стр. 57.

117. 1557—1558 г.— Данная кн. Семена и Михаила Борисовых детей Васильевича Пожарского на Белоусовские пустоши (в Мугрееве) Стародуба-Ряполовского ст.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 663—663 об.
Упом.: Опись, № 251, стр. 62.

118. 1557—1558 г.— Духовная кн. Петра Васильевича Пожарского (передавал жене «до ее живота» с. Троицкое) (с припиской 20 августа 1560 г.).

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16 лл. 39 об.— 41 об.
Упом.: Опись, № 277, стр. 63.

119. 1557—1558 г.— Духовная кн. Семена Михайловича Мезецкого на дерр. Снегиревскую, Харинскую и Косовку в Малшине углу в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись, № 232, стр. 60.

120. 1557—1558 г.— Купчая Ивана Парфеньева сына Пересветова, купившего у Ивана Михайловича Хухорева его куплю половину дер. Новоселки Гореновского ст. Суздальского у., купленную Хухоревым у Афанасия Михайлова сына Кошкина (Кожина) и его сына Курбата.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 460—460 об.
Упом.: Опись, № 182, стр. 57.

121. 1557—1558 г. Купчая Федора Ивановича Сукина у Ивана Микитина сына Волкова на дер. Григорово, поч. Тимохин и пуст. Заглубоцкие в вол. Сельгул Владимирского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 97 об.— 98 об.

122. 1557—1558 г.— Мировая с кн. Петром Михайловичем Щенятевым о спорных землях дерр. Чапихинской слободы и Жаденки Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, 35/11814.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 379 об.— 380 об.
Упом.: Опись, № 123, стр. 54.

123. 1558 г. марта 21.— Данная кн. Ивана Ивановича Барятинского по духовной его дяди кн. Семена Михайловича Мезецкого на дер. Снегиревскую с дер. в Малшине углу в Стародубе-Ряполовскому.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, 33/11812.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 391 об.— 392; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, л. 47.
Упом.: Опись, № 229, стр. 60.

124. 1558 г. сентября 13.— Деловая кн. Силы и кн. Никиты Григорьевича Гундоровых.
Подлинник (без начала). ГИМ, Уваров, 41/23-е.

125. [? ок. 13 сентября 1558 г.] — Деловая кн. Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых на с. Антилохово и др. в Стародубе-Ряполовском (Противень кн. Никиты).
Подлинник (?). Без начала. ГИМ, Уваров, 41/23-ж.

126. [ок. 13 сентября 1558 г.] — Деловая кн. Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых на с. Антилохово и др. в Стародубе-Ряполовском (противень кн. Силы).
Без конца.
Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/23-ж.

127. 1558—1559 г.— Деловая кн. Андрея Ивановича Кривоборского с братьями на сс. Андогу и Ивановское.
Упом.: Опись II, № 46, стр. 69.

128. 1558—1559 г.— Раздельная грамота кн. Федора Андреевича и Романа Ивановича Гундоровых на с. Воскресенское с дер. в Стародубе-Ряполовском, вотчину Михаила Ивановича Гундорова.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 36/11815.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 520 об.— 522 об.

129. 1559—1560 г.— Купчая Федора Ивановича Сукина, купившего у Ивана Парфеньева сына Пересветова половину дер. Новоселки Гореновского ст. Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 460 об.— 461.
Упом.: Опись, № 181, стр. 57.

130. 1559—1560 г.— Купчая Федора Ивановича Сукина, купившего у Терентия Нечая Семенова сына Ярцова Светикова и у его детей Алеши и Луки половину дер. Новоселки (Гореновского ст. Суздальского у.).
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 461—461 об.
Упом.: Опись, № 181, стр. 57.

131. 1560 г. ноября 15.— Купчая на дер. Вишенки Гореновского ст. Суздальского у., проданную Гундором Игнатьевым сыном Светиковым с детьми Пиянком, Бурнашем и Мурзою.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 38/11817.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 462—462 об.; 673—673 об. (второй экз.).
Упом.: Опись, № 179, стр. 57.

132. 1560—1561 г.— Данная Гундора Игнатьева сына Светикова на селище Огарково Гореновского ст. Суздальского у.
Упом.: Опись, № 189, стр. 58.

133. 1560—1561 г.— Купчая Головы Михайлова сына Секерина, купившего у Нечая Терентия Семенова сына Ярцева Светикова дер. Сличнево-Назаровскую Гореновского ст. Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 461 об.— 462.
Упом.: Опись. II, № 39, стр. 69.

134. 1560—1561 г.— Разъезжая на монастырские земли у дер. Зеленковой по р. Нерли Суздальского у.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 682—682 об.
Упом.: Опись, № 170, стр. 57.

135. 1560—1561 г.— Разъезжая полюбовная грамота на монастырские земли между дер. Морозовой и селищем Маматовым Суздальского у.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 39/11818.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 683—683 об
Упом.: Опись, № 169, стр. 57.

136. 1561 г. сентября 13.— Грамота царя Ивана IV в Суздальском у. губным старостам кн. Федору Михайловичу Бабичеву и Тимофею Петрову

сыну Молвянинову о производстве описания с. Сельца Юрьев-Польского ст. Суздальского у.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, № 41/16, лл. 13а — 13 а об.

137. 1561 г. ноября 13.— Послушная грамота царя Ивана IV Васильевича на треть с. Константиновского и треть с. Григорьева Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 40/11819.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 518 об.— 519 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, л. 3.
Упом.: Опись, № 63, стр. 50; Востоков, № 3, стр. 92.

138. 1561—1562 г.— Жалованная грамота Ивана IV на с. Малое Городище Опольского ст., Суздальского у., данное вместо с. Баглаева Костромского у. и с. Кадничи Суздальского у.

Упом.: Опись, № 97, стр. 52.

139. 1561—1562 г.— Данная Богдана Юрьевича Сабурова и Тимофея Федоровича Плещеева по духовной Бориса Невзорова сына Владыкина на дер. Якимово Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 43/11822.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 676.
Упом.: Опись II, № 23, стр. 68.

140. 1561—1562 г.— Данная Ивана Игнатьева сына Светикова и его детей Путила и Любима на дер. Рязанову Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись II, № 13, стр. 67.

141. 1561—1562 г.— Данная кн. Ивана Васильевича Пожарского с-ца Троицкого в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись, № 268, стр. 63.

142. 1561—1562 г.— Данная Дедора Семенова сына Черемисинова на дер. Сличнево-Назаровскую Гореновского ст. Суздальского у., купленную у Нечая Ярцева сына Светикова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 466.

143. 1561—1562 г.— «Духовная... закладная» инока Тихона (Тимофея Федоровича Пожарского) на с-цо Федотово и Фалелеево с дерр. в Стародубе-Ряполовском.

Упом.: Опись, № 278, стр. 63.

144. 1562 г. марта 11.— Послушная грамота царя Ивана IV Васильевича в с. Малое Городище Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 42/11821.
Список XVIII в.: ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, л. 14.
Списки XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, лл. 5—5 об.; ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 32 об.— 33.
Публ.: АИ, т. I, № 167.

145. 1562—1563 г.— Данная кн. Ивана Михайловича Шуйского на с-цо Раево Городского ст. Звенигородского у.

Упом.: Опись II, № 15, стр. 67.

146. 1562—1563 г.— Данная Никифора Васильева сына Внукова на 15 четвертей земли в с. Константиновском Опольского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 64, стр. 50.

147. 1563—1564 г.— Данная кн. Федора Андреевича Гундорова на дер. Поперлово с дерр. Ботвинского угла Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 47/11826.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 515 об.— 517.
Упом.: Опись, № 204, стр. 59.

148. 1563—1564 г.— Данная Андрея Федорова сына Светикова и сына

его Афанасия на дер. Олферьеву и Рязанову Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись II, № 17, стр. 67—68.

149. 1563—1564 г.— Купчая Андрея Угримова сына Светикова и его сына Крестьянина, продавшего пустошь Сидорковскую Гореновского ст. Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 462 об.—463.
Упом.: Опись, № 191, стр. 58.

150. 1563—1564 г.— Данная Ирины Семеновы дочери Лифанова (вдовы Ивана Семенова сына Светикова) и ее сына Неустроя на дер. Быкову Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 175, стр. 57.

151. 1563—1564 г.— Купчая Гундора Игнатьева сына Светикова с детьми, продавших полдер. Вишенок Гореновского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 46/11825.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 463—474 (два экз. с разночтениями).
Упом.: Опись, № 186, стр. 58.

152. 1564—1565 г.— Выпись из нижегородских писцовых книг кн. Иосифа Дмитриевича Масальского и Лашука Владимирова на дер. Мещерскую и др. в Березополье Нижегородского у.

Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 9—9 об.
Упом.: Опись, № 329, стр. 66.

153. 1564—1565 г.— Данная Ирины Семеновы дочери Лифанова (вдовы Ивана Семенова сына Светикова) на дер. Вишенье и др. Гореновского ст. Суздальского у.

Упом.: Опись, № 178, стр. 57.

154. 1564—1565 г.— Данная кн. Ивана Васильевича Пожарского на с-цо Троицкое в Пожаре в Стародубе-Ряполовском.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 37—37 об.

155. 1564—1565 г.— Запись архим. Савватия на дер. Быково (Гореновского ст. Суздальского у.), данную Ириною Семеновой дочерью Лифанова (вдовою Ивана Семенова сына Светикова).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 463 об.

156. 1565 г. апреля 6.— Грамота царя Ивана IV Васильевича приказчику Тимофею Харлантьеву об отводе м-рю дер. Мещерской с дерр. и озерами на р. Оке в Березополье Нижегородского у. Припись дьяка Петра Шестакова сына Романова.

Подлинник. ГКЭ, Нижний Новгород, № 21/7962.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 5 об.— 8 об.; списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 16 об.— 18; ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 14 об.— 16; список XIX в.; ГБЛ, Рум., 59, № 12, лл. 9 об.— 11.
Упом.: Опись, № 313, стр. 65; Каштанов, № 851; Востоков, стр. 94.
Публ.: Действия, т. XIV, № 25, стр. 38—40.

157. 1565 г. апреля 6.— Данная нижегородских писцов кн. Иосифа Дмитриевича Мосальского с товарищами на дер. Мещерскую с дерр. в Березополье Нижегородского у. Со скрепой дьяка Лашука Владимирова.

Подлинник. ГКЭ, Нижний Новгород, № 22/7963.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 9—12; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 18 об.— 20.
Упом.: Каштанов, № 870.
Публ.: Действия, т. XIV, № 26, стр. 40—41.

158. 1565 г. сентября 24.— Грамота царя Ивана IV Васильевича Якову Гаврилову сыну Наумову в Суздале об отказе дерр. Якимовы (дача Бориса Владыкина) Высокое Большое и Малое, Поперлово, Поставское (дача Федора Гундорова) Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 49/11828.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 501—502; список XIX в.: ГБЛ Рум., 58, л. 7 об.— 8.
Упом.: Опись, № 200, стр. 58; Востоков, стр. 93.
Публ.: АИ, т. I, № 177.

159. 1565—1566 г.— Мировая о спорных землях с. Стебачевского Суздальского у с. кн. Семеном и Тимофеем Ивановыми детьми Вяземскими.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 50/11829.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 685—686.
Упом.: Опись, № 165, стр. 56—57.
Публ.: АГР, т. I, № 78.

160. 1565—1566 г.— Полюбовная мировая запись между старцами Спасо-Ефим. м-ря и кожуховскими бортниками Иваном Елизаровым с товарыщи.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 18 об.— 20.

161. 1566 г. апреля 5.— Грамота царя Ивана IV Васильевича приказчикам Нижегородского ключа с товарищами Василию Полонскому о сложении бортного оброка с отданных м-рю дер. Худяковы и др. Нижегородского уезда.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 12—13; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 13, лл. 11 об.— 12.
Упом.: Опись, № 314, стр. 65; Каштанов, № 868.

162. 1566 г. апреля 5.— Грамота царя Ивана IV Васильевича приказчику березопольских дворцовых сел Ивану Тимофееву сыну Козлову об освобождении крестьян дер. Зименки Нижегородского у. от платежа посопного хлеба.

Подлинник. ГКЭ, Нижний Новгород, № 23/7964.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 21—22; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим, м-ря, д. 1, лл. 23—23 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 15, лл. 14—14 об.
Упом.: Опись, № 315, стр. 65; Каштанов, № 867; Востоков, стр. 94.
Публ.: Действия, т. XIV, № 27, стр. 41—42.

163. 1566 г. апреля 5.— Грамота царя Ивана IV Васильевича приказчику павловских дворцовых сел Тимофею Харлантьеву об отдаче Спасо-Ефимьеву м-рю рыбных озер Лебяжьего и др. Нижегородского у. Припись дьяка Ивана Дубенского.

Подлинник. ГКЭ, Нижний Новгород, № 24/7965.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 13—17; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 20 об.— 22 об.: список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 14, лл. 12—14.
Упом.: Опись, № 294, стр. 64: Каштанов, № 869; Востоков, стр. 94.
Публ.: Действия, т. XIV, № 28, стр. 42—44.

164. 1566 г. мая 23.— Разъезжая грамота на монастырскую землю дер. Худяковы и Кожуховского починка Раменки в Березополье в Мещере Нижегородского у.

Подлинник. ГКЭ, Нижний Новгород, № 25/7966.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 17—18 об. (Дата — 25 мая 1566 года); список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 23 об.— 24 об.
Упом.: Опись, № 331, стр. 66.
Публ.: Действия, т. XIV, № 29, стр. 44.

165. 1566 г. октября 17.— Разъезжая грамота владимирского городового приказчика Григория Федорова сына Домнина на монастырские земли между дер. Григорьева, поч. Тимохина и п-ши Заглуботской Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Владимир, № 43/1820.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 94—97.
Упом.: Опись, № 92, стр. 52.

166. 1566—1567 г.— Данная кн. Ивана Семеновича Коврова на с. Рождественное с дерр. в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 54/11833.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 383—384; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 33—34.
Упом.: Опись, № 264, стр. 62.
Публ.: «Владимирские губернские ведомости», 1840, № 49, прибавл. (? «духовная»); Л. М. Савелов. Князья Ковровы, стр. 291—292.

167. 1566—1567 г.— Данная Ивана Семеновича Черемисинова на с-цо Адамцево Сорогожинского ст. Юрьев-польского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 14/14564.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 110—111 об.
Упом.: Опись, № 134, стр. 54.
Публ.: Кобрин, стр. 470.

168. 1566—1567 г.— Данная инока Тихона (кн. Тимофея Федоровича Пожарского) на дер. Воропаеву в с-це Федотьеве в Стародубе Ряполовском.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16 (№ 19), лл. 42 об.— 43.
Упом.: Опись, № 269, стр. 63.

169. 1566—1567 г.— Духовная кн. Тимофея Федоровича Пожарского.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 43—45.

170. 1566—1567 г.— Запись архим. Савватия о выплате 100 рублей за полвину с-ца Васильевского в Стародубе-Ряполовском, данную кн. (Иваном) Семеновичем Ковровым.

Упом.: Опись II, № 52, стр. 69.

171. 1566—1567 г.— Разъезжая с книг стародубского писца Федора Ивановича Бутурлина на земли царя Ивана IV Васильевича и кн. Владимира Андреевича Старицкого на земли села Старого Алексина в Стародубе-Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 51/11830;
Начало списка XVI в.: ГИМ, Уваров, 41/23-ж.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 393—398 (первый экз.), лл. 402 об.— 407 (второй экз.).
Упом.: Опись, № 233, стр. 60 (?).

172. 1566—1567 г.— Разъезжая с книг стародубского писца Федора Ивановича Бутурлина на земли царя Ивана IV Васильевича и кн. Владимира Старицкого села Богоявленского Спасо-Ефимьева м-ря в Стародубском у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 53/11832.
Упом.: Опись № 234, стр. 60 (?).
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 61—75.

173. 1567—1568 г.— Послушная грамота царя Ивана IV Васильевича в с. Вындово, пожалованное Шарапу Скрябину и Чудину Ансарову Золотского ст. Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись II, № 4, стр. 67.

174. 1567—1568 г.— Запись Ивана и Никиты Ивановых детей Вотчичева Сорокина на владение монастырской дер. Колязиновой «по свой живот».

Упом.: Опись II, № 51, стр. 69.

175. 1567—1568 г.— Купчая Шарапа и Никиты Андреевых детей Скрябиных и Чудина Федорова сына Очкасова, продавших Ив. Сем. Черемисинову с-цо Вындово Золотского ст. Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись II, № 32, стр. 68.

176. 1568 г. мая 25.— Выпись владимирского городового приказчика Григория Федорова сына Домнина из писцовых книг кн. Ивану Василье-

вичу Гундорову на половину с. Воскресенского с дерр. в Стародубе-Ряполовском Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 55/11834.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 522 об.— 523.

177. 1568 г. ноября 15 — Грамота кн. Михаила Темрюковича в Гороховец своим слугам Рудаку Черткову и Смирнову Славного, «что ево крестьяном у Василья Великого в монастырские воды не въезжать и рыбы не ловить».

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 42 об.— 45.
Упом.: Опись, № 288, стр. 64; Каштанов, № 922.

178. 1568—1569 г.— Данная Анны Кезоминой (жены Ивана Яковлева сына Кезомина) своему зятю Ивану на треть с. Головина Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись, № 139, стр. 54.

179. 1568—1569 г.— Данная кн. Ивана Васильевича Пожарского на с-цо Троицкое с дерр. в Пожаре в Стародуб-Ряполовском у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 387—387 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 38—38 об.
Упом.: Опись, № 262, 265, 266, стр. 62—63 (три экз.).
Публ.: Сб. Муханова, № 282.

180. 1568—1569 г. —Данная кн. Ивана Петровича Пожарского на дер. Офонин починок с дерр. в Мугрееве в Стародубе-Ряполовском.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 664—664 об.
Упом.: Опись, № 241, стр. 61.
Публ.: Сб. Муханова, № 281.

181. 1568—1569 г.— Данная кн. Петра Тимофеевича Пожарского на п-шь Иванькова Варнопинскую в Стародубе-Ряполовском.

Упом.: Опись, № 247, стр. 61.

182. 1568—1569 г.— Деловая кн. Семе́на и Михаила Борисовичей Пожарских на усадище Кочингир и дер. Тишкову на р. Лухе в Мугреева в Стародубе-Ряполовском.

Упом.: Опись, № 257, стр. 62.

183. 1569—1570 г.— Данная Василия Андреева сына Артемьева и Погожего и Мурзы Яковлевых детей Конановых на восьмую выть с. Головина и другие земли Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 99—100.
Упом.: Опись, № 130, стр. 54.

184. 1569—1570 г.— Данная Петра Верещаги Елезарьева сына Кезомина «на свою вотчину» в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 100—101.
Упом.: Опись, № 131, стр. 54.

185. 1570 г. января 14.— Разъезжая суздальских губных старост Федора Семеновича Апраксина и Ширяя Яковлева на с. Сельцо (Юрьев-Польского ст. Суздальского у.).

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 44/16, лл. 13а об.— 14 об.
Упом : Опись, № 43, стр. 49.

186. 1570—1571 г.— Данная Анны (вдовы Ивана Яковлева сына Кезомина), Непущего Бурцова сына Раткова, Ивана Семенова сына Селецкого (зятя Ивана Кезомина) на их долю в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьевского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 20/14570.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 104—105 об.
Упом.: Опись, № 133, стр. 54.

187. 1570—1571 г.— Данная Матвея и Третьяка Сумгуровых детей Осеевых на выть в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лист ненумерованный, между лл. 105 об.— 106.
Упом.: Опись, № 137, стр. 54.

188. 1570—1571 г.— Данная Петра Семенова сына Кезомина и Ждана Аверкиева сына Ананьева на выть в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 22/14572.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 101—102 об.
Упом.: Опись, № 135, стр. 54.

189. 1570—1571 г.— Данная Третьяка Сумгурова сына Осеева на двор в Головине Сорогожинского ст. Юрьевского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 21/14571.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 102 об.— 103 об.
Упом.: Опись, № 136, стр. 54.

190. 1571 г. марта 23.— Запись Ильи Старкова сына Каблукова о даче ему дер. Бяково Талицкого ст. Суздальского у. «до живота».

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 354 об.— 355.

191. 1571—1572 г.— Данная Дементии и Демида Ивановых детей Черемисиновых на с-цо Новое, Кузминское Старое и с-цо Чермники Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись II, № 22, стр. 68.

192. 1571—1572 г.— Данная кн. Марии Ковровой (вдовы кн. Василия Ивановича Коврова) на с-цо Андреевское с дерр. в Коврове в Стародубе-Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 68/11847.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 384—384 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 34—35.
Упом.: Опись, № 263, стр. 62.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Ковровы, стр. 292—293.

193. 1571—1572 г.— Данная кн. Марьи (вдовы кн. Василия Ивановича Коврова) Пожарской и Федосьи (жены кн. Петра Борисовича Пожарского) на с-цо Лучкино с дерр. в Стародубе-Ряполовском Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 63/11842.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 390 об.— 391 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 45—46 об.
Упом.: Опись, № 228, стр. 60.
Публ.: 1) Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 44—46; 2) Владимирский сборник, стр. 131—132; 3) «Владимирские губернские ведомости», 1841, № 7; 4) «Владимирские губернские ведомости», 1855, № 17.

194. 1571—1572 г.— Данная Пятого Романова сына Верхоглядова на дер. Тимонино Корзенева ст. Московского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 243—244 об.
Упом.: Опись, № 152, стр. 55.

195. 1571—1572 г.— Данная (первая) Федосьи (вдовы кн. Петра Борисовича Пожарского) и кн. Петра Тимофеевича Пожарского на с. Мугреево и с-цо Дмитриевское с дерр. (в Стародубе-Ряполовском).

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 667 об.— 668 об.
Упом.: Опись, № 237, стр. 61.
Публ.: «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. IV. М., 1898, стр. 91—92.

196. 1571—1572 г.— Данная (вторая) Федосьи (вдовы кн. Петра Борисовича Пожарского) и кн. Петра Тимофеевича Пожарского на с-цо Дмитриевское с дерр. в Мугрееве в Стародубе-Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, № 15114.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 665—666.

Упом.: Опись, № 250, стр. 61—62.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 42—44.

197. 1571—1572 г.— Данная Федора Ивановича Хабарова на пустошь — Образцово Бохова ст. Московского у.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 189—192 об.
Упом.: Опись, № 149, стр. 55.
Публ.: «Владимирские губернские ведомости», 1852, № 45.

198. 1571—1572 г.— Духовная кн. Ивана Петровича Пожарского.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 65/11844.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 666—667; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, № 62, лл. 85 об.— 86 об.
Упом.: Опись, № 258, стр. 62.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 40—42.

199. 1571—1572 г.— Купчая кн. Петра Тимофеевича Пожарского, продавшего дер. Три Дворища в Мугрееве в Стародубе Ряполовском кн. Михаилу Федоровичу Пожарскому (с припиской кн. Дмитрия Михайловича Пожарского 1586—1587 г.).
Список XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, л. 9 об.— 10 об.; ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 48 об.— 49.
Упом.: Опись, № 254, стр. 62; Востоков, стр. 93.
Публ.: 1) Владимирский сборник, стр. 130—131; 2) «Владимирские губернские ведомости», 1885, № 18, часть неофиц.

200. 1572 г. августа 10.— Послушная грамота царя Ивана IV Васильевича в с. Правдино Решаловского ст. Угличского у., принадлежавшее ранее кн. И. Д. Бельскому. Припись дьяка Кирея Горина.
Подлинник. ГКЭ, Углич, № 32/12865.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 156—157; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, л. 22 об.
Упом.: Опись, № 157, стр. 55; Востоков, стр. 95.
Публ.: АИ, т. I, № 182; Шумаков. Угличские акты, стр. 34—35.

201. 1572—1573 г.— Грамота царя Ивана IV в Суздаль Григорию Тумскому и губному старосте Ширяю Блудову с запретом «рудить» жалованные грамоты м-ря. Припись дьяка Степана Лихачева.
Упом.: Опись, № 7, стр. 47; Каштанов, № 953.

202. 1572—1573 г.— Данная грамота кн. Ивана Васильевича Гундорова на половину с. Воскресенского с дерр. в Стародубе Ряполовском Владимирского у.
Подлинник. ГКЭ, Владимир, № 56/1833.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 523 об.— 525.
Упом.: Опись, № 222, стр. 60.

203. 1572—1573 г.— Данная Марьи (вдовы Третьяка Кожина) на половину с. Кожина Гороховского у. и дер. Федотово Муромского у.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 78—79.
Упом.: Опись, № 297, стр. 64.

204. 1572—1573 г.— Данная Марьи Григорьевны дочери Третьякова на с. Кожино Гороховского у.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.; ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 79—80 об.
Упом.: Опись, № 302, стр. 65.

205. 1576—1577 г.— Данная Субботы Юрьева сына Верхоглядова на дер. Ивашево Корзнева ст. Московского у.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 244 об.— 246.
Упом.: Опись, № 151, стр. 55.

206. 1572—1573 г.— Данная кн. Ульяны (вдовы кн. Силы Григорьевича Гундорова) на с. Антилохово с дерр. в Стародубе Ряполовском Владимирского у.
Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 69/11848.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 762—763 об
Упом.: Опись, № 213, стр. 59.

207. 1572—1573 г.— Данная кн. Федора Ивановича Пожарского на дер. Григорьево с дерр. в Мугрееве Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 70/11849.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 668 об.— 669 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, № 78, лл. 87 об.— 88.
Упом.: Опись, № 246, стр. 61.
Публ.: 1) Л. М. Савелов. Князья Пожарские, стр. 46—48; 2) Владимирский сборник, стр. 132.

208. 1572—1573 г.— Разъезжая грамота на монастырские земли с-ца Константинова Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 71/11850.

209. 1573 г. августа 28.— Отдельная грамота Семена Григорьева сына Телятевского княгине Ульяне (вдове кн. Силы Григорьевича Гундорова) с дочерью на с. Антилохово с пустошью в Стародубе Ряполовском «на прожиток».

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 755 об.
Упом.: Опись, № 216, стр. 59.

210. 1573—1574 г.— Данная кн. Аграфены (вдовы кн. Никиты Михайловича Стародубского) на с-цо Хмелеватое.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 73/11852.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/25 (№ 69).

211. 1573—1574 г.— Данная Василия Дмитриева сына Тумского на пустоши Иконникову и Кроптево на р. Шеренке Московского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 246—248.
Упом.: Опись, № 150, стр. 55.

212. 1573—1574 г.— Данная кн. Никиты Иванова сына Андреева Коврова на п-шь Коверзнево и другие в Стародубе Ряполовском Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 74/11853.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 385—385 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 35—35 об.
Упом.: Опись, № 267, стр. 63.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Ковровы, стр. 293.

213. 1573—1574 г.— Данная Харитона Нефедьева на двор в Холуе Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 72/11851.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 413—413 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/25, № 68.
Упом.: Опись, № 230, стр. 60.

214. 1573—1574 г.— Заемная кабала Федора Ивановича Хабарова на пустое с-цо Образцово с дерр. Бохова ст. Московского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 192 об.— 194.
Упом.: Опись, № 156, стр. 52.

215. 1574—1575 г.— Данная кн. Ульяны Гундоровой (вдовы кн. Силы Григорьевича Гундорова) на с. Антилохово с дерр. в Стародубе Ряполовском Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 75/11854.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 763 об.— 764 об.
Упом.: Опись, № 214, стр. 59.

216. 1574—1575 г.— Грамота царя Ивана IV Васильевича во Владимир о взимании с с. Коврова в Стародубе Ряполовском «целовальника в пошлинах одного человека». Припись дьяка Степана Лихачева.

Упом.: Опись, № 260, стр. 62; Каштанов, № 967.

217. 1574—1575 г.— Данная Демида Ивановича Черемисинова на с. Вындово Золотского ст. Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись II, № 21, стр. 68.

218. 1574—1575 г.— Запись Демида Ивановича Черемисинова, взявшего монастырскую вотчину с. Адамцево и выти в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у. (переданное ранее в м-рь его дядей Иваном Семеновичем Черемисиновым) «по свой живот» за 150 р.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 113—114 об.; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 612 об. — 613 об.
Упом.: Опись, № 147, стр. 55.
Публ.: Кобрин, стр. 470—471.

219. 1574—1575 г.— Запись архим. Иова, давшего Демиду Ивановичу Черемисинову с. Адамцево и выти в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д, 1, лл. 613 об.— 615 об.
Публ.: Кобрин, стр. 471—472.

220. 1575 г. июля 18.— Грамота царя Ивана IV Васильевича Дмитрию Тумскому в Суздаль о двух деревнях Бяковых Талицкого ст. Суздальского у. Припись дьяка Гаврилы Станиславова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 355 об.
Упом.: Опись, № 203, стр. 59; Каштанов, № 969.

221. 1575—1576 г.— Данная Фед. Ив. Хабарова на с. Деревенька Образцова с дерр. в Опольском ст. Владимирского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 83 об.— 87.

222. 1575—1576 г.— Данная Фед. Ив. Хабарова на пуст. с-цо Образцово в Бохове ст. Московского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 194—196.

223. 1575—1576 г.— Запись Федора Ивановича Хабарова на пустошь с. Образцово с дерр. Бохова ст. Московского у.

Подлинник. ГКЭ, Владимир, № 63/1840.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. моря, д. 35, лл. 196—198.
Упом.: Опись, № 156, стр. 55.
Публ.: «Владимирские губернские ведомости», 1852, № 45, неофиц. часть.

224. 1575—1576 г.— Отпись архим. Иова на с. Деревеньку Образцово, данное в м-рь Федором Ивановичем Хабаровым.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 87—90.
Упом.: Опись, № 89, стр. 52.

225. 1576 г. ноября 1.— Жалованная несудимая грамота царя Ивана IV Васильевича, общая. Припись дьяка Степана Лихачева. С приписью: 1599, сентября 1 дьяка Андрея Арцыбашева.

Список XVI в.: ГИМ, Уваров, 41/23-ж (дефектный); список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 423—426.
Упом.: Опись, № 3, стр. 47; Каштанов, № 1003.

226. 1576—1577 г.— Грамота царя Ивана IV о мельнице под монастырем. Припись дьяка Афанасия Демьянова.

Упом.: Опись, № 39, стр. 49; Каштанов, № 999.

227. 1576—1577 г.— Данная иноки Венедикты (Анны Федоровны Рыловой, жены Дружины Владимирова), на дер. Федорцово с дерр. Фантыревского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 78/11857.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 674 об.— 675 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 63—64 об.
Упом.: Опись, № 174, стр. 57.

228. 1576—1577 г.— Данная кн. Ивана Осипова сына Андреева Коврова на пустое с-цо Шешовку с дерр. и озером Мечным в Стародубе Ряполовском Владимирского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 77/11856.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 385 об.— 386 об. (первый экз.); 449—449 об. (второй экз.); список XIX в., ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 36 об.— 37.

Упом.: Опись, № 261, стр. 62 (на Демешовку), № 270, стр. 63.
Публ.: Л. М. Савелов. Князья Ковровы, стр. 294.

229. 1576—1577 г.— Договорная запись (полюбовная) Ивана и Нечая Якимовых детей Булатовых об отданном им в пожизненное владение за денежный вклад дер. Морозово Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 76/11855.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 720 об.— 721 об.
Упом.: Опись, № 173, стр. 57.

230. 1576—1577 г.— Купчая кн. Никиты Иванова сына Андреевича Коврова, продавшего пустошь Ковезино в Стародубе Ряполовском Владимирского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 449 об.— 450; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 35 об.— 36.
Упом.: Опись, № 271, стр. 63.

231. 1576—1577 г.— Отпись Павла Иванова сына Морушкина, взявшего «до живота» с. Лучкино в Стародубе Ряполовском за сто рублей.

Упом.: Опись, № 235, стр. 60.

232. 1577—1578 г.— Данная Василия Борисовича Сукина на дер. Колодово Шуткина ст. Юрьевского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 36/14586.
Список кон. XVII — нач. XVIII в: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 114 об.— 116.
Упом.: Опись, № 132, стр. 54.

233. 1577—1578 г.— Данная Прокофья Иванова сына Алексеева на с-цо Липицы с дерр. Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 79/11858.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 729—730; списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 15—16; ГИМ, Уваров, 41/25 (№ 75).
Упом.: Опись, № 49, стр. 50.

234. 1577—1578 г.— Данная кн. Семена Борисовича Пожарского на п-шь Усадище, Кочингир, дер. Тишенинову с дерр. в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 49 об.— 50.
Упом.: Опись, № 242, стр. 61.

235. 1578 г. февраля 1.— Жалованная проездная грамота царя Ивана IV Васильевича по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани. Припись дьяка Степана Лихачева.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 735—736 об.
Упом.: Опись, № 5, стр. 47; Каштанов, № 1034.

236. 1578 г. октября 17.— Грамота царя Ивана IV Васильевича нижегородскому воеводе кн. Михаилу Федоровичу Бахтеярову-Ростовскому с запретом нарушать монастырскую проездную грамоту по р. Волге.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 29 об.— 30.
Упом.: Каштанов, № 1052.

237. 1578—1579 г.— Жалованная грамота царя Ивана IV Васильевича на вотчины, данные Федором Ивановичем Хабаровым, Ульяной, вдовой кн. Силы Григорьевича Гундорова, кн. Иваном Васильевичем Гундоровым и Борисом Сукиным (сс. Антилохово, Воскресенское в Стародубе Ряполовском и др.). Припись дьяка Богдана Ксенофонтова.

Упом.: Опись, № 6, стр. 47; Каштанов, № 1051.

238. 1578—1579 г.— Данная Якова Гаврилова сына Наумова в Суздале на посаде на двор на Большой улице рядом со Скучиловой слободой.

Упом.: Опись, № 41, стр. 49.

239. 1578—1579 г.— Данная Сусанны Григорьевы дочери Светикова и ее сына Петра Борисова сына Хворощина на его вотчину четь с. Беречина Шуткина ст. Юрьев-Польского у.

Упом.: Опись II, № 19, стр. 68.

240. 1578—1579 г.— Данная гороховлянина Фоки Кузмина сына Луховцева на мельницу на устье р. Люлеха Гороховского у.

Список кон. XVII— нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, лл. 48—50.
Упом.: Опись, № 298, стр. 64.

241. 1578—1579 г.— Изустная память Кирилла Алексеева сына Ершевского.

Подлинник: ГИМ, Уваров, 41/23-ж.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 30.

242. 1578—1579 г.— Купчая Василия Васильева сына Лазарева, продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову половину с-ца Беречина Шуткина ст. Юрьевского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 610 об.—611 об.
Публ.: Кобрин, стр. 473—474.

243. 1579—1580 г.— Данная кн. Андрея Ивановича Гундорова на половину с. Воскресенского с дерр. в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Владимир № 78/1853.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 525 об.
Упом.: Опись, № 227, стр. 60.

244. 1579—1580 г.— Данная Непушея Бурцова сына Ратькова и Ивана Семенова сына Селецкого на выть в с. Головине Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Список XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 106—106 об.
Упом.: Опись, № 138, стр. 54.

245. 1579—1580 г.— Купчая архим. Архангельского м-ря Иосифа, продавшего Спасскому м-рю долю Ивана, Василия и Третьяка Леонтьевых детей Кезомина в с. Головине (Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.).

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 106 об.— 108 об.; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 611 об.— 612 об.
Упом.: Опись, № 141, стр. 54.

246. 1580 г. февраля 9.— Жалованная несудимая грамота царя Ивана IV Васильевича общая (с подтверждениями 15 июня 1584 г., 3 февраля 1599 г., 29 июля 1621 г.). Припись дьяка Леонтия Рязанцева.

Список XVI в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, оп. III, грамота № 1; списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 427—429 об.; ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, л. 16 об.— 22.
Упом.: Опись, № 1, стр. 47; Каштанов, № 1076.

247. 1580—1581 г.— Грамота царя Ивана IV Васильевича в Шую губным старостам и городовому приказчику о ямчужном варении. Припись дьяка Сапуна Абрамова.

Упом.: Опись, № 12, стр. 48; Каштанов, № 1086.

248. 1580—1581 г.— Данная Федора Ивановича Хабарова на с. Деревеньку Образцово и дер. Буслаево.

Упом.: Опись, № 86, стр. 52.

249. 1580—1581 г.— Данная Федора Ивановича Хабарова на п-шь с-цо Образцово по р. Клязьме Бохова ст. Московского у.

Упом.: Опись, № 148, стр. 55.

250. 1581 г. февраля 29.— Грамота царя Ивана IV Васильевича нижегородскому воеводе Даниилу Васильевичу Сабурову и дьяку Поснику Шипилову о сыске по челобитью Спасо-Ефимьева м-ря их прав на владенье рыбными ловлями по р. Волге, на воды Спасские и Коноплицкие для отдачи их м-рю. Припись дьяка Андрея Щелкалова.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 161—164; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 737—738; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 28, лл. 23—24.
Упом.: Опись, № 334, стр. 66; Каштанов, № 1090; Востоков, стр. 95.
Публ.: АИ, т. I, № 209-I.

251. 1581 г. июня 20.— Послушная царя Ивана IV Васильевича в с. Липицы Опольского ст. Суздальского у., пожалованное Пятому Андрееву сыну Тумскому. Припись дьяка Ивана Стрешнева.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 16—16 об.
Упом.: Опись, № 46, стр. 49.

252. 1581 г. сентября 15.— Купчая на дер. Давыдовскую Устюжского ст. Углицкого у., проданную Степаном Климентьевым сыном Востинским Демиду Ивановичу Черемисинову.

Подлинник: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, оп. II, д. 2.

253. 1581—1582 г.— Данная Пятого Андреева сына Тумского на н-шь с-ще Липицу Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГПБ, акты, № 176.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 730—731 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 16 об.— 18.
Упом.: Опись, № 48, стр. 50.
Публ.: Ист. архив, т. III, № 82.

254. 1582 г. марта 8.— Отказная грамота воеводы Данилы Васильевича Сабурова и дьяка Постника Шипилова на Коноплинские, Духовские и Великовские воды на Волге, что были на оброке за нижегородцем Михаилом Зубиным.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 164—164 об.; списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 740; ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 22—22 об., список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 29, л. 24.
Упом.: Опись, № 335, стр. 66; Каштанов, № 1111.
Публ.: АИ, т. I, № 209/II.

255. 1582 г. марта 15.— Жалованная проездная царя Ивана IV Васильевича на беспошлинный проезд по р. Волге. Припись дьяка Василия Щелкалова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 738 об.— 739 об.
Упом.: Каштанов, № 1112.
Публ.: ААЭ, т. I, № 314; РИБ, т. 32, № 297.

256. 1582—1583 г.— Указная царя Ивана IV в Суздаль Афанасию Съянову о невзимании с м-ря денег к новому Шуйскому амбару. С приписью дьяка Семена Сумарокова.

Упом.: Опись, № 4, стр. 47; Каштанов, № 1117.

257. 1583—1584 г.— Жалованная грамота царя Ивана IV Васильевича на пустошь Борисовскую в Нижнем Новгороде.

Упом.: Опись, № 318, стр. 65.

258. 1583—1584 г.— Данная Ивана и Никиты Ивановых детей Сорокиных на выть в с. Константинове Опольского ст. Суздальского у. вместо дер. Колязиновой.

Упом.: Опись, № 65, стр. 50—51.

259. 1584—1585 г.— Жалованная грамота царя Федора Ивановича о невъезде в монастырскую вотчину. Припись дьяка Богдана Ксенофонтова.

Упом.: Опись, № 16, стр. 48.

260. 1585 г. мая 15.— Правая грамота на спорные земли монастырского с. Мордаш Суздальского у. и с. Борисовского кн. Дмитрия Михайловича Барятинского.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 82/11861.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 368 об.— 378 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/25 (№ 77).
Упом.: Опись, № 103, стр. 53.
Публ.: АГР, т. I, № 83.

261. 1585 г. декабря 31.— Жалованная проезжая грамота царя Федора Ивановича на проезд по р. Нерли. Припись дьяка Андрея Щелкалова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 740 об.— 741 об.

262. 1585—1586 г.— Жалованная грамота царя Федора Ивановича «на перекоп, что перекопал Юрьи Стольник», и на озера и с-ща Гороховской волости Нижегородского уезда.

Упом.: Опись, № 296, стр. 64.

263. 1585—1586 г.— Духовная Леонтия Прокопьева сына Надина.

Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/49, № 18.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13 (№ 28).
Публ.: Акты Уварова, № 67.

264. 1586 г. апреля 22.— Правая грамота боярина и дворецкого Григория Васильевича Годунова на спорные земли с. Петровского кн. Андрея Петровича Телятевского и монастырского с. Стебачева Суздальского у. Приписъ дьяка Гаврилы Михеева сына Станиславова.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 83/11862.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 686—698 об.
Упом.: Опись, № 161, стр. 56.
Публ.: АГР, т. I, № 84.

265. 1586—1587 г.— Данная Анастасьи, вдовы кн. Федора Пожарского, на с. Могучее в Мугрееве в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись II, № 20, стр. 68.

266. 1586—1587 г.— Духовная Иева, архиепископа Суздальского, на с. Антилохово.

Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 53—56 об.
Составлена вскоре после 1586 г., но до 1586—1587 г. (см. Опись, № 219).
Упом.: Опись, № 215, стр. 59.

267. [1586—1587 г.] — Запись архим. Левкеи, давшего архиепископу Иеву с. Антилохово в Стародубе Ряполовском «до живота».

Упом.: Опись, № 220, стр. 60.

268. 1586—1587 г.— Запись архиепископа Суздальского Иева на покупку с. Антилохово в Стародубе Ряполовском «до живота» за триста рублей.

Упом.: Опись, № 219, стр. 60.

269. 1586—1587 г.— Купчая Василия Федорова сына Шафрова, продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову пустошь с. Лычево Кривцовского ст. Юрьев-Польского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 615 об.— 617.
Упом.: Опись II, № 33, стр. 68.
Публ.: К о б р и н, стр. 474—475.

270. 1586—1587 г.— Сотная выпись из писцовых книг Михаила Шишелова на с-цо Старково с дерр. Гороховецкого у.

Подлинник. ГКЭ, Гороховец, № 3606.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 765—767 об. (первый экз.), 768—770 об. (второй экз.).
Упом.: Опись, № 305, стр. 65 (сотная); № 308, стр. 65 (выпись из писцовых книг).

271. [1586—1587 г.] — Данная кн. Федора Ивановича Кривоборского на с. Нестеровское и с-цо Шумилово в Стародубе Ряполовском.

Список XVI в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, оп. II, д. № 3.
Упом.: Опись II, № 14, стр. 67 (дата — 1598/99 г.).

272. 1586—1587 г.— Духовная кн. Федора Ивановича Кривоборского.

Список XVI в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, оп. II, д. № 3.

273. 1587 г. января 1.— Данная кн. Дмитрия Михайловича Пожарского на дер. Три Дворища в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ЦГАДА, государственное древлехранилище, приложение, рубр. III, № 33.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 669 об.— 670 об. (без даты); списки XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, лл. 10—11 об.; ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 50 об.— 51 об. (без месяца и числа).
Упом.: Опись, № 238, стр. 61; В о с т о к о в, стр. 93.
Публ.: АИ, т. I, № 220.

274. 1587 г. марта.— Жалованная тарханная грамота царя Федора Ивановича на с. Антилохово и др. Владимирского у. в Стародубе Ряполовском. Приписъ дьяка Елизара Вылузгина.

Подлинник. Каб. всп.-ист. дисциплин МГИАИ.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря д. 1, лл. 753—755; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 56 об.—59 об.
Упом.: Опись, № 211, стр. 59.

275. 1587 г. марта 27.— Грамота царя Федора Ивановича в Суздале Афанасию Сьянову о пожаловании с. Антилохово в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 85/11864.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 755.
Упом.: Опись, № 212, стр. 59.

276. 1587 г. сентября 20. 1589 г. декабря 11.— Правая грамота дворецкого и боярина Григория Васильевича Годунова на земли Гороховской вол. Приписъ дьяка Гаврилы Михеева сына Станиславова.

Подлинник. ГБЛ, Беляева, № 188.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 52—70 об. (2-я дата: 1589 г. декабря 13); список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 771—779.
Упом.: Лебедев, № 188; Опись, № 286, стр. 64.

277. [Около 1587 г.] — Память Афанасия Дмитриева сына Сьянова сошному письму монастырской слободке на Холуе.

Упом.: Опись, № 236, стр. 61.

278. 1587 г. ноября 27.— Опись Афанасия Дмитриева сына Сьянова храма в с. Святикове Гореновского ст. Суздальского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 464—465 об.; список XIX в: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 61—63.

279. 1587—1588 г.— Данная Софьи Никифоровы дочери Кожиной на половину с. Кожина Гороховского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 81—83 об.
Упом.: Опись, № 301, стр. 65.

280. 1587—1588 г.— Купчая Десятого Матвеева сына Кезомина, продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову выть в с-це Головине Сорогожинского ст. Юрьевского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 108 об.—110; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 618—619.
Упом.: Опись, № 144, стр. 55.
Публ.: Кобрин, стр. 476.

281. 1587—1588 г.— Купчая Дмитрия Андреевича сына Лазарева, продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову дер. Коровино Шуткина ст. Юрьев-Польского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 617—618.
Упом.: Опись II, № 35, стр. 68.
Публ.: Кобрин, стр. 475—476.

282. [1588—1589 г.].— Купчая Василия Федорова сына Шафрова, продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову пустошь с. Лычево Кривцовского ст. Юрьевского у.

Упом.: Опись II, № 31, стр. 68.

283. 1588—1589 г.— Купчая Луки Неустроя Борисова сына Хворощина (сына боярского суздальского архиепископа), продавшего Демиду Ивановичу Черемисинову четверть с. Беречина Шуткина ст. Юрьев-Польского у.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 619—619 об.
Упом.: Опись II, № 34, стр. 68.
Публ.: Кобрин, стр. 477.

284. 1589 г. апреля 30.— Жалованная проезжая грамота царя Федора Ивановича по р. Нерли. Припись дьяка Дружины Петелина.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 741 об.— 742.

285. 1589 г. сентября 4 — Грамота боярина и дворецкого Гр. Вас. Годунова владимирскому приказчику дворцовых сел Путиле Мичурину об отказе в м-рь дер. Мостица. Припись дьяка Первого Карпова.

Список. Подлинник находился у Путилы Мичурина.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 70 об.— 77 об.
Упом.: Опись, № 285, стр. 64.

286. 1589 г. 3 октября — Отводная грамота Путилы Мичурина на дер. Мостица (Малые Овиница тож).

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 72 об.—74.

287. 1589—1590 г.— Деловая «князя Федора, князя Василья Федоровых детей Пожарского» на с. Троицкое в Пожаре в Стародубе Ряполовском.

Упом.: Опись, № 275, стр. 63 (ср. № 15).

288. 1590—1591 г.— Полюбовная межевая запись крестьян дер. Коносова Гороховского у. Куплянской волости и крестьян дер. Мостище Владимирского у.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, правильный порядок: лл. 75 об., 77, 77 об., 76, 76 об.
Упом.: Опись, № 309, стр. 65.

289. 1592 г. ноября 18.— Послушная царя Федора Ивановича крестьянам дерр. Морозцово и Филипково Опольского ст. Суздальского у.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль, № 88/11867.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 698 об.: ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, л. 23 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 58, л. 13.
Упом.: Опись, № 159, стр. 56.
Публ.: АИ, т. I, № 243.

290. 1593—1594 г.— Мировая с кн. Иваном Давыдовичем Гундоровым о земле с. Антилохова в Стародубе Ряполовском.

Подлинник. ГКЭ, Суздаль № 89/11868.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 756.
Упом.: Опись, № 218, стр. 60.

291. 1594 г. августа 29.— Разъезжая суздальского городового приказчика Афанасия Кроткого и губного старосты Алексея Карпова на с. Антилохово в Стародубе Ряполовском.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 756 об.— 761.
Упом.: Опись, № 217, стр. 60.

292. 1594 г. апреля 15.— Грамота (Поместного приказа) о размежевании спорных земель поместья кн. Ивана Мезецкого с соседом и составлении чертежа на эти земли. Припись дьяка Богдана Иванова.

Список XVI в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим, м-ря, оп. II, д. 4.

293. 1595 г. февраля 3.— Грамота (подтвердительная) в Козьмодемьянск Григорию Онучину царя Федора Ивановича на Духовские и Коноплицкие воды на р. Волге. Припись дьяка Дружины Петелина.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, л. 164 об.— 167 об.; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 742—743; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 30, лл. 24 об.— 25 об.
Упом.: Опись, № 336, стр. 66; Востоков, стр. 95—96.

294. [До 1595 г. июля 29.] — Изустная память инока Мартемьяна Катеева.

Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/23-е.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 27.

295. 1595—1596 г.— Духовная старицы Марфы (вдовы кн. Федора Ивановича Татева).

Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/23-е.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 31.

296. 1596 г. мая 26.— Оброчная грамота воеводы Леонтия Ивановича Аксакова и дьяка Ивана Шарапова архим. Левкию на два перевоза на р. Оке.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 20—21.

297. 1596 г. августа 27.— Подтвердительная грамота царя Федора Ивановича в Васильгород Казарину Волынскому на монастырские воды в р. Волге. Припись дьяка Афанасия Власьева.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 167 об.— 176; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 743 об.— 747 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 31, лл. 25 об.— 29 об.
Упом.: Опись, № 337, стр. 66; Востоков, стр. 96.

298. 1596 г. сентября 2.— Грамота царя Федора Ивановича в Юрьев-Польский губному старосте Юмшану Бобоедову об отказе Спасо-Ефимьеву м-рю сс. Адамцова, Головина и Колодово Сорогожинского ст. Юрьев-Польского у.

Подлинник. ГКЭ, Юрьев-Польский, № 43/14593.
Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 116—117; список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 619 об.— 620 об.; список XIX в.: ГБЛ, Рум., 59, № 24, лл. 20—20 об.
Упом.: Опись, № 128, стр. 54; Востоков, стр. 95.
Публ.: АИ, т. I, № 249.

299. 1599 г. сентября 1.— Жалованная грамота царя Бориса Годунова о ненарушении льготных грамот.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, л. 426.

300. 1599 г.— Духовная неизвестного лица.

Подлинник. ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, оп. II, д. 5.

301. 1599—1600 г.— Духовная Марии, вдовы кн. Фед. Ив. Кривоборского.

Список нач. XVII в.: ГИМ, Уваров, 41/23-ж.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 26.

302. 1599—1600 г.— Запись Козминского строителя старца Еремея, «что искали на Спасском монастыре Лисенского перевозу».

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 27—28 об.
Упом.: Опись, № 333, стр. 66.

303. 1600 г. сентября 8.— Грамота боярина и дворецкого Степана Васильевича Годунова старостам Ивану Панкратову с товарищами дворцового с. Красного Гореновского ст. об отказе в м-рь дер. Мостища. Припись дьяка Григория Трусова.

Список кон. XVII — нач. XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 35, лл. 74—75 об.
Упом.: Опись, № 284, стр. 63—64.

304. 1602—1603 г.— Изустная память старца Макария.

Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/23-е.
Список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 23.

305. 1604 г. ноября 10.— Грамота боярина и дворецкого Степана Васильевича Годунова суздальскому губному старосте Игнатию Линеву о спорных лугах (Заднем Боровом и Печужском) Спасо-Ефимьева м-ря. С приписью дьяка Семена Ефимьева.

Подлинник. ГИМ, Уваров, 41/35, № 9.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 654—654 об.; список XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 9.
Упом.: Опись, № 111, стр. 53.
Публ.: Акты Уварова, № 83.

306. 1605—1606 г.— Две жалованные грамоты царя Дмитрия Ивановича.

Упом.: Опись, № 17, стр. 48.

307. 1606 г. июня 30.— Жалованная тарханная и несудимая грамота царя Василия Шуйского, подтверждающая грамоты царей Ивана и Федора, на двор в г. Владимире, с. Рождественское и др. С приписью дьяка Василия Нелюбова. С подтверждением 31 декабря 1613 г.

Список нач. XVII в.: ГИМ, Уваров, 41/23-е.
Списки XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1. лл. 432—435; ЦГИАЛ, ф. 834, № 1920, лл. 24—27; списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/13, № 29; Уваров, 41/35, № 3/5.
Упом.: Опись, № 9, стр. 47.

308. 1606 г. июня 30.— Жалованная тарханная и несудимая грамота царя Василия Шуйского, общая, подтверждающая старые грамоты. С приписью дьяка Василия Нелюбова сына Сукова. С подтверждением 1621 г.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 430—431 об.
Упом.: Опись, № 8, стр. 47 (переписаны старые вотчины).

309. 1606 г. июня 30.— Жалованная, тарханная и несудимая грамота (подтвердительная) царя Василия Шуйского, общая (без перечисления владений). С приписью дьяка Василия Нелюбова сына Сукова. С подтверждением 1621 г.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 436—439.

310. 1606 г. июля 9.— Жалованная проездная царя Василия Шуйского о невзимании пошлин на рр. Нерли и Клязьме от Суздаля до Василия города. Припись дьяка Алексея Шепплова.

Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 747 об.— 749.

311. [1606 г.] — Уставная таможенная грамота на Суздаль.

Публ.: ААЭ, т. II, № 65; РИБ, т. 35, № 58.

312. 1608 г. июня 4.— Данная кн. Дмитрия Михайловича Пожарского на дер. Елисееву в Мугрееве (в Стародубе Ряполовском) «и со крестьяны».

Подлинник. ГБЛ, Рум., № 316, л. 4.
Список XVIII в.: ЦГАДА, ф. Спасо-Ефим. м-ря, д. 1, лл. 670 об.— 671; списки XIX в.: ГИМ, Уваров, 41/16, лл. 51 об.— 52; ГБЛ, Рум., 58, № 19, л. 12 об.
Упом.: Опись, № 239, стр. 61; Востоков, стр. 93.
Публ. АИ, т. II, № 87.

313. 1608—1609 г.— Челобитная суздальского старца Спасо-Ефим. м-ря Левкия гетману Сапеге.

Из коллекции Соловьева (ЛОИИ).
Публ.: АИ, т. II, № 128.

314. 1611 г.— Данная кн. Дмитрия Михайловича Пожарского на паникадило.

Публ.: «Владимирский сборник», стр. 52.

315. [XVI в.?] — Духовная кн. Семена (в иноках Сергия) Новосильского на Вольное и п-шь Власовскую.

Упом.: Опись, № 83, стр 52.

В. М. Панеях

О КЛАССИФИКАЦИИ И СОСТАВЕ КАБАЛЬНЫХ И ЗАПИСНЫХ КНИГ СТАРЫХ КРЕПОСТЕЙ XVI века

Кабальные и записные книги старых крепостей — важнейший источник по истории холопства в XVI в. Впервые они были введены в научный оборот во второй половине XIX в., и с тех пор новые книги этих типов постоянно выявляются в различных архивохранилищах, а затем и частично издаются. В значительной степени именно на их основе был составлен каталог частноправовых актов, опубликованный в 1934 г. [1]

Однако уже после его опубликования было выявлено и частично издано значительное количество кабальных и записных книг старых крепостей [2]. Первый опыт их классификации и составления списка принадлежит А. И. Яковлеву [3]. Но его классификация была неточной, а список, во-первых, неполным, на что указывалось в рецензии В. И. Шункова на издание Новгородских кабальных книг [4], а во-вторых, в основу его был положен принцип учета единиц хранения, а не отрывков из реально существовавших книг. Последнее обстоятельство может быть объяснено недостаточной источниковедческой изученностью как кабальных, так и записных книг старых крепостей. Потому же во многих случаях не было установлено географическое распределение тех или иных книг, не был определен их состав, последовательность листов, неточно даны даты составления. Это привело к тому, что некоторые книги были опубликованы неполностью, другие хотя и полностью, но так, что отдельные части оказались изданы в разное время в разных изданиях.

Сейчас накопилось достаточное количество источниковедческих наблюдений [5], чтобы предпринять новую попытку точной классификации кабальных и записных книг старых крепостей, которая учитывала бы как

[1] Каталог частных актов Московского государства. «Проблемы источниковедения», т. II, М.— Л., 1936, стр. 333—379.

[2] См., например, «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.— Л., 1938.

[3] См. там же, стр. III—XI; список на стр. VI—VII.

[4] «Историк-марксист», 1939, № 2, стр. 158—162.

[5] Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. Редакция и введение А. С. Лаппо-Данилевского. РИБ, т. 17. СПб., 1898, разд. 2, стр. III—XXX; Н. П. Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. «Государевы служилые люди», изд. 2-е. СПб., 1909; А. И. Яковлев. Введение к кн.: «Новгородские записные кабальные книги». М.— Л., 1938, стр. IV—V; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. «Исторические записки», № 15, стр. 70—96; Е. И. Каменцева. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева. «Труды Историко-архивного института», т. II. М., 1946, стр. 79—98; В. М. Панеях. Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (Опыт реконструкции). «История СССР», 1960, № 1, стр. 175—181; его же. Записные книги старых крепостей конца XVI в. (печатается в «Проблемах источниковедения», т. XI).

характер и назначение этих книг, так и смысл законодательных постановлений, предписавших их ведение. На этой основе может быть составлен список кабальных и записных книг старых крепостей XVI в.[6]

Всего нам известно пять типов подобных книг.

Кабальные книги текущей регистрации были введены указом 1586 г.[7] Книги этого типа существовали вплоть до реализации той части февральского указа 1597 г., которая относится к ведению книг. Указ 1597 г.[8] предписал ведение еще трех типов книг.

Записные книги старых крепостей предназначались для перерегистрации в них всех без исключения прежних крепостных актов на холопов различных категорий — вне зависимости от времени их составления, если только эти акты подтверждали владельческие права холоповладельцев. Этому мероприятию центральные власти придавали важное значение, и составление записных книг должно было быть в основном завершено ровно через год после указа 1597 г., т. е. к 1 февраля 1598 г. Однако на практике местные власти располагали еще меньшим временем для проведения срочной перерегистрации всех холопьих крепостных документов.

Ведение нескольких записных книг старых крепостей в Новгороде объясняется тем, что каждая из них включала в себя холопьи крепости, предъявленные к перерегистрации холоповладельцами, живущими в этот момент в каком-либо одном административном районе, подчиненном Новгороду.

Кабальные книги для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и документально неоформленных старинных холопов, так же как и записные книги старых крепостей, должны были вестись в течение ограниченного срока — одного года после указа 1597 г. Это объясняется тем, что указом вводилось обязательное оформление служилыми кабалами неволи добровольных холопов и документально неоформленных старинных холопов, прослуживших без крепости к моменту истечения предусмотренного одногодичного срока (1 февраля 1598 г.) не менее полугода. Любопытно, что в Новгороде кабальные книги этого типа, как и записные книги старых крепостей, велись, очевидно, в течение всего только двух месяцев (декабрь 1597 г.— январь 1598 г.).

Записные книги старых крепостей и служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших без крепости не менее полугода, и документально неоформленных старинных холопов велись в промежутке после 1 февраля 1598 г. до 1 сентября 1598 г. Они предназначались для перерегистрации старых крепостей на холопов и регистрации новых служилых кабал на добровольных и документально неоформленных холопов в случае, если холоповладельцы по уважительной причине не успели перерегистрировать старые и зарегистрировать новые холопьи документы в установленный законом срок — до 1 февраля 1598 г. Причем всякий раз перерегистрация и регистрация производилась по специальному распоряжению царя.

После истечения основного и льготного срока для перерегистрации старых крепостей и регистрации кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и старинных документально неоформленных

[6] Аргументацию в пользу приводимой классификации см. в нашей статье о записных книгах старых крепостей, принятой к печати в «Проблемах источниковедения», т. XI.

[7] О реконструкции несохранившегося указа 1586 г. см. В. М. Панеях. Из истории кабального холопства в XVI в. Сб. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. (Труды Ленинградского отделения Института истории)», вып. 2. М.— Л., 1960, стр. 104—109.

[8] Памятники русского права, вып. 4. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956, стр. 370—374.

холопов изменился характер обычных кабальных книг текущей регистрации, которые велись еще со времени указа 1586 г. Теперь они превратились в кабальные книги текущей регистрации и регистрации кабал на добровольных холопов. В них вносились: а) служилые кабалы на вольных людей; б) служилые кабалы на добровольных и документально неоформленных холопов, полугодовая служба которых истекла после 1 сентября 1598 г. (т. е. после окончания льготного срока), если холоповладельцы имели желание взять такие кабалы; в) служилые кабалы на документально неоформленных холопов, полугодовая служба которых истекла до 1 сентября 1598 г., если такие кабалы в нарушение указа 1597 г. не были взяты в установленный или льготный срок и если холоповладельцы пожелали оформить такие документы.

Приведенная классификация книг (их список дается в приложении) основывается на материалах кабальных книг и записных книг старых крепостей новгородского происхождения, которые только и сохранились. Даже в том единственном случае, когда сохранилась записная книга старых крепостей, куда вносились крепости, принадлежавшие псковичам, оказалось, что она велась в Новгороде. Ограниченной является и хронология кабальных книг. Самая ранняя из них относится к 1591 г. Любопытно, что обследование материалов стокгольмского архива, проведенное Л. В. Черепниным, В. Н. Шумиловым и М. И. Александровым, не выявило кабальных книг не только до 1591 г., но и вообще относящихся к XVI в.[9] Не вызывает, однако, сомнений, что кабальные и записные книги старых крепостей велись не только в Новгороде и пятинах, а и в других районах Русского государства, как то и было предусмотрено указами 1586 и 1597 гг.

Кроме кабальных книг XVI в., в большом количестве сохранились книги XVII в. Однако их исследование еще не может быть признано сколько-нибудь достаточным, а потому и классифицировать их в настоящее время не представляется возможным.

Приложение

СПИСОК КАБАЛЬНЫХ И ЗАПИСНЫХ КНИГ СТАРЫХ КРЕПОСТЕЙ XVI в. *

I. КАБАЛЬНЫЕ КНИГИ ТЕКУЩЕЙ РЕГИСТРАЦИИ

1. Кабальная книга по Новгороду. 1 октября 1594 г.— 24 февраля 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 122—122 об., 1—67. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 1—52.
2. Кабальная книга по Новгороду. 9 марта 1595 г.— 26 августа 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 115—121 об., 123—182 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 85—149.
3. Кабальная книга по Новгороду. 14 сентября 1595 г.— 28 февраля 1596 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 78—197 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 263—366.
4. Кабальная книга по Новгороду. 1 марта 1596 г.— 31 августа 1596 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 217—290. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 390—451.
5. Кабальная книга по Новгороду. 1 марта 1598 г.— 31 августа 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 13/7, лл. 1—32 об.
6. Кабальная книга по Бежецкой пятине Белозерской половине. 1 октября 1593 г.— 30 июля 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 198—205. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 367—379.
7. Кабальная книга по Бежецкой пятине Белозерской половине. 1 октября 1593 г.— 15 июня 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 1—6 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 193—200.
8. Кабальная книга по Бежецкой пятине Белозерской половине. 1 октября 1594 г.— 15 августа 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 206—207. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 379—381.

[9] См. Л. В. Черепнин, В. Н. Шумилов, М. И. Александров. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 118.

* Даты в списке указывают на время ведения соответствующих книг, а не на время составления регистрируемых или перерегистрируемых актов.

9. Кабальная книга по Бежецкой пятине Белозерской половине. 27 августа 1595 г.— 3 октября 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 208—209. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 381—383.

10. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. 8 сентября 1592 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 184—186. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 149—152.

11. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. 9 декабря 1593 г.— 25 августа 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 187—198 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 152—165.

12. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. 1 сентября 1594 г.— январь 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 200—202. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 165—167.

13. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. 1594/1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 52—71. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 237—258.

14. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. Сентябрь 1595 г.— март 1596 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 303—309, 311—315 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 463—476.

15. Кабальная книга по Бежецкой пятине Тверской половине. 1597/1598 гг. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 13/7, лл. 86—166.

16. Кабальная книга по Водской пятине Корельской половине. 4 декабря 1594 г.— 14 декабря 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 48—51 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 233—237.

17. Кабальная книга по Водской пятине Корельской половине. 2 мая 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 72—73. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 258—260.

18. Кабальная книга по Водской пятине Полужской половине. 14 сентября 1591 — 29 июля 1592 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 208—212. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 169—175.

19. Кабальная книга по Водской пятине Полужской половине. 19 ноября 1592 г.— 29 августа 1593 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 220—224 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 179—185.

20. Кабальная книга по Водской пятине Полужской половине. 8 сентября 1593 г.— 23 апреля 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 216—219 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 177—179.

21. Кабальная книга по Водской пятине Полужской половине. 6 декабря 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 213—215. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 175—177.

22. Кабальная книга по Деревской пятине. Не позднее 6 января 1594 г.— не ранее 6 августа 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 68—101 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 52—76.

23. Кабальная книга по Деревской пятине. 1 сентября 1594 г.— 1 октября 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144 кн. 11/3, лл. 106—109, 111—113. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 80—83.

24. Кабальная книга по Деревской пятине. 8 сентября 1594 г.— 9 марта 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 22—37 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 209—223.

25. Кабальная книга по Деревской пятине. 25 марта 1595 г.— 6 августа 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 210—216 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 383—390.

26. Кабальная книга по Обонежской пятине Нагорной половине. 6 августа 1594 г.— 15 августа 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 102 об.— 105 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 76—80.

27. Кабальная книга по Обонежской пятине Нагорной половине. 16 октября 1594 г.— 9 марта 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 42—46 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 228—233.

28. Кабальная книга по Обонежской пятине Нагорной половине. 9 мая 1595 г.— 29 июня 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 74 об.— 77. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 260—263.

29. Кабальная книга по Обонежской пятине Нагорной половине. 29 февраля 1596 г.— 14 марта 1596 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 291—302. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 452—463.

30. Кабальная книга по Шелонской пятине Залесской половине. Октябрь 1592 г.— 29 июня 1593 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 11/3, лл. 226—232. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 185—192.

31. Кабальная книга по Шелонской пятине Залесской половине. 1 сентября 1594 г.— 17 марта 1595 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 38—42 об. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 223—228.

32. Кабальная книга по Шелонской пятине Зарусской половине. 8 сентября 1592 г.— 29 августа 1593 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 8/1, лл. 126—141 об.

33. Кабальная книга по Шелонской пятине Зарусской половине. 1 ноября 1953 г.— 18 августа 1594 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 10/2, лл. 7—21. Опубликована: НЗКК, ч. 1, стб. 200—209.

II. ЗАПИСНЫЕ КНИГИ СТАРЫХ КРЕПОСТЕЙ

1. Новгородская записная книга старых крепостей по Пскову. Один из дней ранее 12 января 1598 г.— 15 января 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 1—72 об.

2. Новгородская записная книга старых крепостей по Водской пятине. Один из дней ранее 20 декабря 1597 г.— 31 января 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 2/4, лл. 1—230 об. (один из дней ранее 20 декабря 1597 г.—23 января 1598 г.); ЦГАДА, ф. 1144, кн. 8/1, лл. 76—125 об., 1—75 об. (23 января 1598 г.— 31 января 1598 г.). Опубликована частично: РИБ, т. 17, стб. 1—214 (ЦГАДА, ф. 1144, кн. 2/4).

3. Новгородская записная книга старых крепостей по Шелонской пятине. Один из дней ранее 8 января 1598 г.— 31 января 1598 г. БАН, т. п. 98, лл. 8—23 об. (один из дней ранее 8 января 1598 г. и 8 января 1598 г.); ЛОИИ, к. 115, № 1092, лл. 7—7 об., 1—6 об., 8—8 об. (8 января 1598 г.— 12 января 1598 г.); так называемая Книга Лакиера (рукопись утрачена), лл. 89—97 об., 41—65 об., 1—40 об., 66—88 об. (12 января 1598 г.— 22 января 1598 г.); БАН, т. п. 98, лл. 24—107 об. (22 января 1598 г.— 31 января 1598 г.). Опубликована частично: «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2, первая половина. М., 1855, отд. 2, стр. 31—75 (Книга Лакиера).

III. КАБАЛЬНЫЕ КНИГИ ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ СЛУЖИЛЫХ КАБАЛ НА ДОБРОВОЛЬНЫХ ХОЛОПОВ, ПРОСЛУЖИВШИХ НЕ МЕНЕЕ ПОЛУГОДА, И ДОКУМЕНТАЛЬНО НЕОФОРМЛЕННЫХ СТАРИННЫХ ХОЛОПОВ

1. Новгородская кабальная книга. 15 декабря 1597 г.— 20 декабря 1597 г. ГБЛ, Собрание Беляева (ф. 29), № 1622, лл. 1—112 об. (15 декабря 1597 г.— 19 декабря 1597 г.); ГПБ, Q. II, № 136, лл. 1—8 об. (19 декабря 1597 г.— 20 декабря 1597 г.). Опубликована: Новгородская кабальная книга 7106 (1597) года.— РИБ, т. 15, разд. III, стр. 1—55 (рукопись из ГБЛ); ЛЗАК за 1909 г., вып. 22. СПб., 1910, стр. 2—6 (рукопись из ГПБ).

2. Новгородская кабальная книга. 10 января 1598 г.— 16 января 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 12/6, лл. 1—237 об.

IV. ЗАПИСНЫЕ КНИГИ СТАРЫХ КРЕПОСТЕЙ И СЛУЖИЛЫХ КАБАЛ НА ДОБРОВОЛЬНЫХ ХОЛОПОВ, ПРОСЛУЖИВШИХ БЕЗ КРЕПОСТИ НЕ МЕНЕЕ ПОЛУГОДА, И ДОКУМЕНТАЛЬНО НЕОФОРМЛЕННЫХ СТАРИННЫХ ХОЛОПОВ

1. Новгородская записная книга старых крепостей и служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших без крепости не менее полугода, и документально неоформленных старинных холопов. 18 июля 1598 г.— 31 августа 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 13/7, лл. 35—48 об., 51—79.

V. КАБАЛЬНЫЕ КНИГИ ТЕКУЩЕЙ РЕГИСТРАЦИИ И РЕГИСТРАЦИИ КАБАЛ НА ДОБРОВОЛЬНЫХ ХОЛОПОВ

1. Кабальная книга по Новгороду. 3 сентября 1599 г.— 28 февраля 1600 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 1—68 об. Опубликована: Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года.— РИБ, т. 15, стр. 1—33 (лл. 1—52 об., 61—68 об.); ЛЗАК за 1911 г., вып. 24. СПб., 1912, стр. 6—10 (лл. 52 об.— 60).

2. Кабальная книга по Новгороду. 2 марта 1600 г.— 15 августа 1600 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 83—160. Опубликована: АЮБ, т. II, стб. 125—129 (лл. 83—88, 159—159 об.); Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года.— РИБ, т. 15, стр. 34—78 (лл. 83—159 об.).

3. Кабальная книга по Новгороду. 5 сентября 1600 г.— 28 февраля 1601 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 14/8, лл. 1—88.

4. Кабальная книга по Бежецкой пятине Белозерской половине. 16 марта 1600 г.— 9 июля 1600 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 186—188. Опубликована: АЮБ, т. II, стб. 129—132.

5. Кабальная книга по Водской пятине. 1 октября 1599 г.— 1 августа 1600 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 179—185. Опубликована: ЛЗАК за 1911 г., вып. 24. СПб., 1912, стр. 27—31.

6. Кабальная книга по Обонежской пятине Нагорной половине. 8 сентября 1599 г.— 30 марта 1600 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 178, 161 об.— 177. Опубликована: ЛЗАК за 1911 г., вып. 24. СПб., 1912, стр. 10—27.

7. Кабальная книга по Шелонской пятине Заруссной половине. 14 сентября 1598 г.— 11 апреля 1599 г. ГПБ, Q. II, № 9, лл. 69—82. Опубликована: АЮБ, т. II, стб. 117—124 (лл. 69—82); Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года.— РИБ, т. 15, стр. 34 (лл. 81—82).

8. Кабальная книга по Шелонской пятине Заруссной половине. 12 декабря 1599 г.— 30 января 1600 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 14/8, лл. 89—94 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮБ, т. II — Книги кабальные. «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Под ред. Н. Калачова, том второй. СПб., 1864.
БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР.
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
Книга Лакиера — Акты, записанные в крепостной книге XVI века. Сообщены А. Б. Лакиером. Предисловие редактора (Н. Калачова). «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2. Первая половина. М., 1855.
НЗКК — Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг. Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938.
РИБ — Русская историческая библиотека.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

В. И. Малышев

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ СЫКТЫВКАРСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ КОМИ АССР

В 1959 г., следуя в командировку в село Усть-Цильму, я остановился на несколько дней в Сыктывкаре, столице Коми АССР, чтобы познакомиться с древнерусскими рукописными книгами в местных хранилищах. В городе их оказалось немного, а в республиканском историческом архиве, на который мне указывали как на место сосредоточения большого количества старинных рукописных книг, их тогда не нашлось ни одной. Зато здесь обнаружилась довольно значительная коллекция документов (около тысячи единиц) XVII—XIX вв., частично уже публиковавшихся в печати, а в большинстве своем как следует еще не изученных и ждущих своего исследователя [1].

Располагая небольшим временем и не ставя перед собой задачу заниматься в Сыктывкаре актовым материалом, я ограничился лишь просмотром описи этого фонда (в архиве он значится под № 286), составленной довольно умело в 1933 г. неизвестным лицом; она охватывает подавляющее число документов.

В коллекцию входят самые различные документы, относящиеся преимущественно к Усть-Сысольску, Усть-Вымю и Яренску. Материалы охватывают в первую очередь хозяйственную деятельность указанных городов, местных монастырей и церквей, духовенства и купечества. Это приемные описи, расходные книги, росписи имуществ, подводные книги, наказаные памяти, поручные записи, закладные, купчие, кабальные, займовые расписки, приговоры, духовные завещания, меновые, приходные книги, векселя и т. п.

Кроме того, имеются дозорные книги, дела о построении и ремонте местных церквей, Троицкого Стефаново-Ульяновского монастыря, крестьянские челобитные, царские грамоты, частные письма духовных лиц и купцов, подорожные, в том числе в Пустозерский острог, церковные летописи, судебные дела, крестьянские письма XVIII—XIX вв. и др.

Коллекция составилась из собрания столбцов В. А. Тентюкова, документов, поступивших из закрытых местных монастырей и церквей, а также путем приобретений от частных лиц. Большая заслуга в сохранении и пополнении старинного документального фонда принадлежит покойному доктору исторических наук А. С. Сидорову, местному уроженцу и энтузиасту изучения прошлого своего края. Коллекция хранилась в музее и только недавно была передана в архив.

[1] Сведения об отдельных рукописях этой коллекции печатались в журналах: «Коми му». Устье-Сысольск — Сыктывкар, 1924—1929. (см., например, 1924, № 1-2, стр. 58—64; 1927, № 1—2, стр. 36 и др. и «Записки Общества изучения Коми края», вып. 1—5. Усть-Сысольск, Сыктывкар, 1928—1930 (см., например, вып. 1, 1928, стр. 32—37; вып. 3, 1929, стр. 66 и др.).

Древнерусские рукописные книги в Сыктывкаре имеются только в Республиканском музее. В других книгохранилищах города (библиотеках Коми филиала АН СССР и педагогического института) их нет. Не известно нам также, чтобы кто-нибудь из местных коллекционеров собирал старинные рукописи. В музее же рукописных книг насчитывается всего 70[2].

Рукописное собрание музея образовалось не сразу. Начало ему было положено еще Усть-Сысольской земской публичной библиотекой, основанной в 1837 г. После ее закрытия в 1918 г. все рукописи перешли в местный краеведческий музей. В 20-х годах собрание значительно пополнилось за счет рукописного материала, поступившего из закрытых церквей и ликвидированных помещичьих усадеб Коми края. В музей были переданы также рукописные и старопечатные книги Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря и его подворья в Усть-Сысольске. В те же годы, а также и значительно позднее производилась покупка рукописей от частных лиц. И, наконец, несколько рукописных книг XVIII—XIX вв. было доставлено в музей в 1954 и 1955 гг. из Удорского и Усть-Цилемского районов республики участниками музейных этнографических экспедиций.

Собрание по составу пестрое, однако многие рукописи его имеют определенное краеведческое значение. Как и архивная коллекция документов, собрание это в большей своей части еще не известно исследователям. Лишь отдельные рукописи его получили освещение на страницах журналов «Коми му» и «Записки общества изучения Коми края»[3]. Старых рукописей здесь нет, самая древняя относится к середине XVI в. (Минея служебная).

Краеведческие рукописи — наиболее ценная часть музейного рукописного фонда. Среди них в первую очередь следует обратить внимание на Памятную книжку (1819—1834 гг.) яренского мещанина Александра Ивановича Белоголова (№ 21), интересную для характеристики умственных запросов, вкусов определенной категории местных лиц. С этой точки зрения также примечательны два сборника стихов (№ 29 и 38). Оба они написаны в здешнем крае. Для историков края ценный материал найдется в Синодике Усть-Вымського собора (№ 2) XVIII—XIX вв. В нем записаны многие местные старинные рода (крестьянские, купеческие, служилого сословия) — предки современных усть-вымцев: Аммосовы, Белоруковы, Борисовы, Воронины, Кожуховы, Крюковы, Логиновы, Тихоновы, Туркины, Чапышевы, Юровы, Ярыгины и др. По истории Усть-Сысольска ценные сведения могут оказаться в летописи Усть-Сысольского Троицкого собора за 1790—1847 гг.

Привлекут внимание краеведов также две рукописи (№ 28 и 33) крестьянской семьи Матевых (из села Пучком Удорского района). Особенно интересна вторая; она является своеобразной летописью села Пучком на протяжении ста последних лет.

Ряд рукописей своим происхождением связан с Усть-Цилемским районом Коми АССР. Это два списка страстей Христовых (№ 5 и 12): один из них лицевой (№ 12), другой принадлежал владельцу большого книжного собрания в Усть-Цильме — Ивану Ларионовичу Попову; затем полемический сборник (№ 18) и сборник духовных стихов (№ 39) с автографами видных печорских писцов А. А. Вокуева, И. С. Мяндина и Т. С. Носова. Возможно также, усть-цилемского или во всяком случае печорского

---

[2] В публикуемой описи указано 69 номеров, но, как мне позднее сообщили из Республиканского музея, при описании была пропущена «латинская рукопись XVII в. учебного содержания».

[3] См., например, «Записки Общества изучения Коми края», вып. 1, 1928, стр. 67—68; вып. 2, 1929, стр. 12—34; «Коми му», 1926, № 11, стр. 23. См. также В. Малышев. Ценная рукописная коллекция. «Красное знамя». Сыктывкар, 18.XII 1959, № 245.

происхождения сборная рукопись XVIII—XIX вв. (№ 13) литературно-исторического содержания.

А что же в этом собрании может найти для себя историк древнерусской литературы? Как для него, так и для исследователя русской культуры вообще небесполезными могут оказаться прежде всего списки старинных повестей (№ 13 и 22), житий и сказаний о русских святых (№ 6, 13, 16, 19, 23, 24, 46, 63), учебная литература (№ 1, 7, 21), стихотворные произведения (№ 19 и 39), образцы местной проповеднической литературы (№ 11, 60), нотно-крюковые рукописи со следами местных напевов (№ 47, 49 и др.).

Интерес представляет попытка местного лица XVIII в., возможно, какого-то крестьянина Яренского уезда, перевести и истолковать по-своему, в соответствии с народными представлениями, отдельные псалмы Давыда (№ 4) и критические заметки на полях в адрес истолкователя, сделанные также в XVIII в. каким-то лицом, вероятно, духовным, враждебно настроенным ко всему народному. Вот несколько образцов его «замечаний»: «Перепорчены пророческие евангельские слова на мужичьи», «выдумка мужичья», «зырянский смысл да от лица господня!», «никогда господь таким мужицким образом нигде не говаривал» и т. п.

Собрание в целом может послужить неплохим материалом при определении круга чтения, умственных запросов определенных групп местных жителей XVIII—XIX вв.: купцов, горожан, старообрядцев и духовенства. Пригодится оно также, несомненно, лингвисту и палеографу. Ведь большинство рукописного материала переписано в Коми крае, является продукцией живших здесь книжных людей. Поэтому не исключено, что в некоторых текстах сохранились черты местного старинного живого говора. Наблюдение над почерком, графикой, манерой письма рукописных книг тоже может дать интересные сведения о местном книгописании.

Вот почему нам кажется оправданным появление кратких сведений о сыктывкарских рукописных книгах на страницах «Археографического ежегодника».

Приложение

КРАТКАЯ ОПИСЬ РУКОПИСНЫХ КНИГ КОМИ-РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ В г. СЫКТЫВКАРЕ

I. РУКОПИСИ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО И УЧЕБНО-БЫТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

1. Грамматика латинская, с русским переводом, XVII в. (конец), в 8-ку, скоропись, переплет дощатый. Инв. № 4125.

2. Синодик (Усть-Вымьский), XVIII в. (начало), с добавлением более позднего времени, в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4153.

3. Катехизис (краткий), с добавлением двух молитв, XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4133.

4. Псалмы Давыда с толкованием и с критическими замечаниями какого-то лица в адрес толкователя, XVIII в. (третья четверть), в 16-ю долю листа, скоропись, без переплета. Критические замечания сделаны другой рукой, но тоже почерком XVIII в. Инв. № 4205.

5. Страсти Христовы, XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, полуустав, переплет картонный. Рукопись из д. Степановской (Пижма). Инв. № 4343/1.

6. Житие патриарха Никона Ивана Шушерина, XVIII в. (последняя треть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Инв. № 4150.

7. Риторика, XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. На латинском языке. Инв. № 4127.

8. «Ведомости» об Усть-Сысольском Троицком соборе за 1790—1847 гг., в лист, скоропись, переплет картонный, оклеенный холстом. Инв. № 4286.

9. Иконописный подлинник с добавлением рецептов приготовления красок, олифы, творенного золота, чернил, способов золочения и т. п., XVIII в. (конец), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4112.

10. Розыск Дмитрия Ростовского, XVIII в. (конец), в лист, скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Копия с печатного издания. Инв. № 4185.

11. Сборник церковных проповедей, XVIII в. (конец), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Первая половина сборника состоит из печатных проповедей XVIII — начала XIX в. Инв. № 4231.

12. Страсти Христовы, XVIII в. (конец), в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. С многочисленными миниатюрами (рисунками) в красках. Инв № 4126.

13. Сборная рукопись XVIII—XIX вв., в 4-ку, полуустав и скоропись, переплет не сохранился. Содержит: слова и поучения из Пролога, сочинения Иоанна Златоуста, выписки из Звезды пресветлой, Страстей христовых, повестей о хмеле, о происхождении вина, табака, Житие Прокопия Устюжского, выписки из Цветника инока Дорофея и др. Рукопись старообрядческого происхождения. Инв. № 4176.

14. Сборная рукопись, XIX в., в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Содержит Слова и поучения Иоанна Златоуста, повести из Скитского патерика, вопросы и ответы богословского содержания, молитвы и т. п. Инв. № 4111.

15. Выписки из бесед Иоанна Златоуста и «Камня веры» Стефана Яворского, XIX в. (начало), в 4-ку, Скоропись, без переплета. Инв. № 4139.

16. Житие Зосимы и Савватия Соловецких, XIX в. (первая четверть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4119.

17. «Известия историческия о зырянском народе и о зырянских монастырях», XIX в. (первая четверть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Переписана протоиереем Александром Шергиным. Содержит: описание Усть-Вымьской Архангельской пустыни, выписки о зырянах (из сочинения И. Лепехина «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства». СПб., 1780) и описание зырянских пустынь. Инв. № 4177.

18. О крещении и священстве, XIX в. (первая четверть), в 8-ку, поморский полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Рукопись из д. Степановской (Пижма). Инв. № 4343/2.

19. Сборник, XIX в. (первая четверть), в 4-ку, полуустав и скоропись, переплет картонный. Содержит: акафисты, тропари и молитвы к разным святым, в том числе и русским, хронологический список русских святых, «Историю» о Логгине Коряжемском (в стихах), сказание о начале Николо-Коряжемского монастыря, описание чудес Логгина Коряжемского и т. п. Инв. № 4117.

20. Сборник, 1818—1825 гг., в лист, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Писец — соловецкий иеромонах Симон. Собран и переплетен, по-видимому, в 1830 г. для соловецкого старца Серафима. В начале книги миниатюра в красках Арсения Великого, внутри — несколько печатных гравюр и заставок-рамок. Содержит: монастырский устав Нила Сорского (списан с рукописи новгородской Софийской библиотеки), Афонский устав, скитский устав, поучения на пострижение и к новопостриженному иноку, статьи из Старчества, выписки из сочинений Дмитрия Ростовского, сочинения об иноческой жизни и др. Инв. № 4154.

21. Памятная книжка яренского мещанина Александра Ивановича Белоголова за 1819—1834 гг., в 8-ку, скоропись, переплет картонный. Содержит: сведения по истории Яренска, извлеченные из самых различных источников, краткий англо-русский словник, заметки фенологического характера, пометы о посещении мест, хозяйственные записи, дневниковые записи, маршрутники и многое другое. Инв. № 4132.

22. Сборник, XIX в. (первая треть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Содержит: Повесть (Житие) о Стефане Пермском, «Изъявление» о великопермских епископах, выписки из Киево-Печерского патерика (из киевского издания 1783 г.), Житие Антония Печерского, азбучные таблицы, таблицы врунелетия, выписки из Маргарита, «Розового вертограда» Фомы Кемпейского и др. Инв. № 4175.

23. Житие Трифона вятского, 1837 г., в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Содержит: краткое Житие (память) Трифона, Житие и чудеса Трифона, грамоту патриарха Иова (1599 г.) горожанам Слободского города о построении монастыря и др. Инв. № 4169.

24. Жития Адриана Пошехонского и Марка Саровского; первое переписано в 1838 г., второе — в 1840 г., в 4-ку, скоропись, в бумажной обложке. Инв. № 4291.

25. Описание ризницы, церквей и отдельных построек Соловецкого монастыря, 1839 г., в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Владельческая запись соловецкого иеромонаха Димитрия, от 1842 г. Инв. № 4128.

26. Звезда пресветлая, 1843 г., в 4-ку, скоропись, переплет не сохранился. Писец Николай Амосов. Инв. № 4141.

27. Бонне. Иисус в Вифании, 1844 г., в лист, скоропись, переплет картонный. Перевод с 4-го французского издания О. И. Жарковой. Рукопись с правкой. Возможно, автограф переводчицы. Инв. № 4157.

28. Наставление, как красить кубовым способом «на холодной руки» и «на горячей руки», составленное в 1849 г. Иваном Малафеевичем Матевым, в 4-ку, полуустав, обложка не сохранилась. Текст на русском и коми языке. В конце даны наставления по варке красок, приготовлению красок на растительном масле, указаны названия наиболее ходовых красок, лаков и материалов. Имеются два изображения куба. Часть рукописи (первые листы и последние) написаны автором позднее, по-ви-

димому, в 1878 г., взамен пришедших в ветхость. Рукопись получена из с. Пучком Удорского района от правнучки Матева М. И. Палевой. Инв. № 4114/2.

29. Сборник патриотических и верноподданических монархических стихотворений («Патриотизм России»), в двух частях, 1854—1855 гг., в 8-ку, скоропись, без переплета. Сборник составлен как отклик на русско-турецкую войну и Севастопольскую кампанию. Инв. № 4294 и 4295.

30. Сборник, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержит: «Спасительные размышления», молитвы и выписки из духовно-нравственных книг. Инв. № 4148.

31. Краткие сведения о Иерусалиме и его окрестностях, XIX в. (середина), в 4-ку, скоропись, в бумажной обложке. Инв. № 4143.

32. «Страстная седмица», сочинение архимандрита Иннокентия, XIX в. (середина), в 4-ку, скоропись, в бумажной обложке. Копия с издания: Киев, 1835. Инв. № 4138.

33. Сборная рукопись, XIX в. (середина) — XX в. (1945 г.), в 4-ку, скоропись, переплет бумажный. Первая рукопись (середина XIX в.) содержит: чудо Николы о Дмитрии (спасен от потопления), Месяцеслов, ключи вруцелетия, пасхалии врячей, лунного течения и др. Во вторую рукопись входят заметки летописного, дневникового, фенологического и хозяйственного содержания, сделанные поколением Матевых на протяжении почти ста лет (с 1858 по 1945 г.). В заметках много места уделено местным событиям. Рукопись передана М. И. Палевой (село Пучком Удорского района). Инв. № 4414/1.

34. Поучения в неделю пасхи, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, скоропись, без переплета. Инв. № 4142.

35. «Размышления христианина», XIX в. (вторая половина), в 4-ку, скоропись, без переплета. Инв. № 4317.

36. Видение Григория, ученика Василия Нового, XIX в. (конец), в 4-ку, скоропись, без переплета. Выписано из Великих четьих-миней Макария. Инв. № 4146.

37. Дополнительная опись церковных и различных вещей Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря, конца XIX в., с добавлениями начала XX в. и пометой о проверке описи от 1922 г. в лист, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4302.

38. Сборник стихов, составленный Петром Тихоновичем Колеговым, XIX в. (конец), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Содержит стихи, преимущественно духовно-нравственного содержания. Авторы: Ф. Глинка, Н. Зверев, П. Гусев, А. Абатурова, М. Ливанов, Ал. Бутовский, А. К. Толстой и др. Инв. № 4129.

39. Сборная рукопись старообрядческих духовных стихов, XIX в. (конец) — XX (1911 г.), в 8-ку, печорский полуустав, в бумажной обложке. ЛЛ. 1—35 — почерк Тараса Семеновича Носова. Лл. 36—43 — почерк А. А. Вокуева. Лл. 44—57 — почерк И. С. Мяндина. Содержит: стихи о смертном часе, юности, Канне Галлилейской, Андрее Борисове, о друге, Иоасафе, царевиче индийском, втором пришествии, грехах, рождестве Христове, Иосифе Прекрасном, богородице и др. Рукопись из д. Верховской (Пижма). Инв. № 4340/1.

II. ЦЕРКОВНО-СЛУЖЕБНЫЕ РУКОПИСИ

40. Минея служебная (ноябрь), XVI в. (середина), в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4115.

41. Праздники, крюковые, XVII в. (последняя четверть), в 8-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4134.

42. Ирмологий, крюковой, XVIII в. (первая четверть), в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4116.

43. Ирмологий, крюковой, XVIII в. (первая четверть), в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4121.

44. Сборник церковных песнопений (Октоих, Обиход и др.) на линейных нотах, XVIII в. (вторая четверть), в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4118.

45. Стихирарь, на линейных нотах, XVIII в. (вторая четверть), в 16-ю долю листа, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4204.

46. Служба Стефану Пермскому, 1755 г., в 4-ку, полуустав, в бумажной обложке. Инв. № 4140.

47. Праздники, на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 4-ку, полуустав, переплет кожаный. Инв. № 4147.

48. Праздники, на линейных нотах, XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, полуустав, переплет картонный, покрытый кожей. Инв. № 4318.

49. Праздники, на линейных нотах, XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4124.

50. Кондаки и икосы Иоанну Предтече и всем святым, XVIII в. (конец), в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4122.

51. Евангелие толковое, XIX в. (начало), в лист, скоропись, переплет не сохранился. Инв. № 4158.

52. Сборник икосов, кондаков и молитв разным святым, XIX в. (первая четверть), в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4123.

53. Обиход, на линейных нотах, 1829 г., в 4-ку, скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Писец — Никита Тарабукин, дьячок Пажгинской Благовещенской церкви. Инв. № 4113.

54. Последование молебного пения (Христу, за творящих милостыню и т. п.), 1831 г., в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4136.

55. Канон к причащению и молитвы, читаемые священниками перед литургией и причащением, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, полуустав, переплет картонный, покрытый кожей. Инв. № 4171.

56. Акафист и молитва всем апостолам, XIX в. (середина), в 4-ку, скоропись, в бумажной обложке. Инв. № 4137.

57. Акафист Тихону Задонскому, XIX в. (середина), в 8-ку, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4292.

58. Служба и акафист Стефану Пермскому, 1860 г. (копия с издания 1799 г.), в 4-ку, полуустав, в бумажной обложке. Писец — протоиерей Герасим Васильевич Пятибоков. Инв. № 4135.

59. Молитва Кирику и Улите и акафист Николе, XIX в. (середина), в 16-ю долю листа, полуустав, без переплета. Инв. № 4206.

60. Сборник великопостных слов и поучений, XIX в. (середина), в 4-ку, скоропись, переплет не сохранился. Инв. № 4145.

61. Акафисты (Зосиме и Савватию Соловецким и др.), XIX в. (последняя треть), в лист, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4156.

62. Акафист Иоанну милостивому, молитва на исповеди и молитва богородице, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, скоропись, без переплета. Инв. № 4144.

63. Служба на перенесение мощей Зосимы и Савватия Соловецких и акафист Стефану Пермскому, XIX в. (последняя треть), в 8-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4285.

64. Акафисты и молитвословия разным святым, в том числе Стефану Пермскому, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, скоропись, переплет картонный. Инв. № 4114.

65. Устав о христианском житии, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Инв. № 4149.

66. Акафисты кресту, всем святым и молитвы богородице, XIX в. (конец), в 8-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4131.

67. Стихиры, каноны и молитвы, читаемые на повечерии, XIX в. (конец), в лист, полуустав, переплет картонный, покрытый кожей. Инв. № 4155.

68. Чин освящения алтарных вещей (креста, кивота, икон и т. д.), XIX в. (конец), в 4-ку, полуустав, переплет картонный. Инв. № 4130.

69. Ирмосы на рождество Христово тенора № 3, на линейных нотах, 1906 г., скоропись, переплет картонный. Инв. № 4448/3 [4].

---

[4] Во время печатания статьи коми писатель П. Г. Доронин любезно указал нам три древнерусские рукописи, хранящиеся в республиканском историческом архиве в Сыктывкаре: Повесть о Димитрие Басарге (XVIII в., ф. 230, оп. 5, № 46), Повесть о злых женах (XVIII в., ф. 230, оп. 5, № 46) и отрывок из произведения «О житии Исуса Христа» (XVIII в., ф. 230, оп. 5, № 61). Старая коллекция рукописей XVII—XIX вв. Усть-Сысольского общественного собрания была передана в 1890 г. имп. Публичной библиотеке в обмен на печатные книги (см. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1890 г., СПб., 1893, стр. 14—66).

Б. В. Левшин

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

Великая Отечественная война затронула все стороны жизни советского народа. Естественно, что события Великой Отечественной войны нашли значительное отражение в документальных материалах, относящихся к этому героическому периоду жизни нашего народа. Чтобы раскрыть их многообразие и богатство, надо написать не одну книгу.

Мы ставим себе более скромную задачу — наметить круг документальных источников, характеризующих деятельность во время Великой Отечественной войны научных учреждений и ученых, объединенных в высшем научном учреждении страны — Академии наук СССР.

В нашей исторической литературе деятельность Академии наук СССР в период Великой Отечественной войны не нашла еще должного отражения. Наиболее полно эта тема освещена в содержательной статье В. И. Салова «Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны» (1941—1943 гг.) [1]. Значительное место в статье отведено работе академических комиссий по мобилизации природных ресурсов страны на нужды обороны. Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды фронта посвящен один из разделов книги Н. П. Липатова [2].

Краткий очерк деятельности Академии наук СССР в период Великой Отечественной войны содержится в ценной работе Г. А. Князева и А. В. Кольцова по истории Академии наук СССР [3].

А. В. Кольцов в своей монографии [4] привлек очень широкий круг источников, в том числе неопубликованные документы, хранящиеся в Архиве АН СССР в Ленинграде. В книге приводится много интереснейших материалов, характеризующих деятельность ленинградских учреждений Академии наук СССР и ее ученых в годы блокады.

Получила отражение работа ученых Академии наук СССР и в книге С. В. Кафтанова [5].

---

[1] «Исторические записки», № 60, 1957, стр. 3—30.

[2] Н. П. Липатов. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны. Очерки истории строительства. М., 1960, стр. 27—35.

[3] Г. А. Князев и А. В. Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР, 2-е изд. М.— Л., 1957, стр. 120—130.

[4] А. В. Кольцов. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.— Л., 1962.

[5] С. Кафтанов. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1945, стр. 60—99.

Интерес к работе научных учреждений и ученых все время возрастает. Надо полагать, что в скором времени наша историческая литература обогатится многими новыми исследованиями на эту тему.

Основное собрание документальных материалов, характеризующих деятельность Академии наук СССР и ее ученых, хранится в Архиве АН СССР в Москве и Ленинграде, а также в ряде академических учреждений. Эти ценнейшие исторические источники Академия наук СССР бережно сохранила, несмотря на трудности военного времени и эвакуацию. Разнообразие и богатство архивных материалов, собранных в Московском отделении Архива АН СССР, позволяют осветить историю Академии наук СССР в рассматриваемый период во многих аспектах и с достаточной полнотой. В этих документах нашли яркое отражение участие ученых и учреждений Академии наук СССР в общенародной борьбе с фашизмом, патриотизм, преданность делу Коммунистической партии и Советскому государству.

Среди материалов Канцелярии Президиума АН СССР находятся решения ЦК партии, СНК СССР по основным вопросам развития Академии наук СССР в период Великой Отечественной войны[6]. Ценнейшим документальным материалом, без которого невозможно обойтись при изучении истории Академии наук СССР, являются постановления высшего органа Академии — ее Общего собрания[7] (по главным направлениям работы) и решения Президиума АН СССР[8] (по основным вопросам текущей деятельности). Эти документы говорят о умелом решении задач, стоявших перед советской наукой во время войны. Президиум АН СССР заботился не только о научной работе, направленной на укрепление обороны страны, но и о дальнейшем развитии науки, обеспечении ведущих ее направлений квалифицированными кадрами, о дальнейшем проведении работ в существующих научных учреждениях.

Огромный интерес для изучения истории Академии наук СССР имеют также стенографические записи заседаний Общих собраний и Президиума[9]. В них содержатся выступления ведущих ученых и руководителей Академии наук по вопросам развития научных работ и организации отдельных исследований. На этих заседаниях обсуждались и принимались планы научной работы как отдельных академических учреждений, так и Академии в целом. Планы помогали организовать и направить работу больших научных коллективов на выполнение актуальных проблем и задач, связанных с обороной страны[10].

Вся многообразная деятельность Академии наук СССР и ее членов отражена в годовых отчетах, которые представлялись Правительству[11]. Отчеты построены в соответствии с организационной структурой Академии наук в виде кратких итогов работы академических учреждений и членов Академии за год. Они дают наглядное представление о размахе научных исследований и актуальности проводившихся работ и изысканий. С этой группой документации тесно связаны материалы отделений и раз-

[6] Московское отделение Архива (далее — МОА) АН СССР, ф. 2, оп. 10.

[7] МОА АН СССР, ф. 2, оп. 7.

[8] Там же, ф. 2, оп. 6а. Протоколы заседания Общих собраний и Президиума АН СССР за 1942—1945 гг. издавались отдельными брошюрами.

[9] Там же, ф. 2, оп. 3 и 4.

[10] План научной работы АН СССР на 1941 г. был принят в 1940 г. и после начала войны перестроен. План на 1942 г.— машинописный, так же как и на 1943 г. (ф. 541, оп. 2, № 7). План на 1944 и 1945 гг. издан типографским способом: «План научно-исследовательских работ Академии наук Союза ССР на 1944 г.» М.— Л., 1943, 323 стр. То же — на 1945 г. М.— Л., 1944.

[11] Сводного отчета за 1941 г. Академия наук СССР не составляла. Имеются отчеты за 1942 г. (ф. 2, оп. 1, 1943, № 60) и изданные типографским способом за 1943—1945 гг.: «Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 г.» М.— Л., 1943; «Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 г.» М.— Л., 1946; «Отчет о работе Академии наук СССР за 1945 г.» М.— Л., 1946.

личных учреждений Академии. В документальных материалах Бюро отделений содержатся сведения о руководстве направлениями науки, отчеты подведомственных учреждений о проделанных работах.

Изучение конкретных работ, выполнявшихся Академией, невозможно без рассмотрения ее переписки с ЦК партии, Правительством, Госпланом СССР, наркоматами и ведомствами. В этой переписке, а также в переписке академических учреждений с Президиумом и Бюро отделений АН СССР, содержатся интереснейшие сведения о подготовке и проведении научных работ, связи научных исследований с практикой, о помощи ученых промышленности и народному хозяйству страны. По этим документам можно судить, как Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и Советское Правительство руководили учеными, направляли научные исследования на решение актуальных оборонных и народнохозяйственных задач [12].

Документы хозяйственных учреждений Академии наук тоже нельзя оставлять без внимания при изучении истории Академии наук. В них отражена забота о сохранении кадров ученых [13].

Работа учреждений Академии наук СССР в эвакуации отражена в документах фондов Управления делами, в Казанском и Ташкентском административно-хозяйственных управлениях.

Документальные материалы филиалов Академии наук СССР, отложившиеся в фонде Совета филиалов в виде планов работ и отчетов [14], а также переписка с филиалами АН СССР помогают осветить различные вопросы, связанные с их деятельностью, не обращаясь к архивам местных академических учреждений. Многие стороны работы ленинградских академических учреждений нашли отражение в документах, хранящихся в Москве. Деятельность научных учреждений Академии наук отражена в фондах ее институтов и лабораторий [15].

Ценнейший материал по работе, развернутой Академией наук на Урале, содержат материалы фонда Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны [16]. В архиве имеются также материалы о мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья [17].

Академия наук принимала участие в работе по установлению ущерба, причиненного нашей стране гитлеровскими захватчиками. Документы раскрывают ужасающие злодеяния, совершенные ими на советской территории [18].

Материалы юбилейного Комитета по проведению празднования 220-летия Академии наук СССР в 1945 г. свидетельствуют о большом уважении, которым пользуется наука в нашей стране [19].

---

[12] Эта переписка содержится в следующих делах: ф. 2, оп. 1, № 1—168; оп. 1а — 1942—1944, № 1—8; оп. 1—1943, № 1—274; оп. 1а — 1943, № 1—14; оп. 1б.— 1943—1945, № 1—5; оп. 1б — 1943—1944, № 1—8; оп. 1—1944, № 1—342; оп. 1—1944—1945, № 1—95; оп. 1 — 1945, № 1—449; Материалы отделений АН СССР: ф. 395, оп. 1 — 1941, № 5—7, 10, 12—16, 26—39, 42—46, 59, 62—64; оп. 1 — 1942, № 1а—26, 29—30, 32—48; оп. 1 — 1942—1954, № 1—29; оп. 1 — 1943, № 4—76; оп. 1 — 1943—1945, № 2—22, 24—37; оп. 1—1944, № 3—18, 22, 24—25, 29, 34—66; оп. 1 — 1945, № 3—72, 79—129; ф. 463, оп. 1 — 1934—1947, № 23а, 36—40, 49, 61, 65, 68, 70—116, 137, 142—153, 156—159, 163, 169, 171—176, 179, 182—270; оп. 1 — 1941—1952, № 1—4; оп. 1 — 1942—1954, № 1—12б; ф. 471, оп. 1 — 1938—1941, № 107; оп. 1 — 1940—1946, № 9—13; 15—60; оп. 1 — 1942—1954, № 1; ф. 534, оп. 1 — 1941, № 15; оп. 1 — 1941—1943, № 10, 15—22, 34—35, 37—38; оп. 1 — 1942, № 19, 21, 25—29, 31—37; 51—56; оп. 1 — 1943, № 1, 3—8, 15—18, 24—26, 28—35, 47—58, 76; оп. 1 — 1944, № 3—4, 46, 48—49, 51, 53—59, 62—68; оп. 1 — 1945, № 2—3, 22, 26—27, 31—40.

[13] См. фонды 4, 464, 484, 515, 516, 531, 550, 571.

[14] МОА АН СССР, ф. 188, оп. 1 — 1941—1945, № 6, 26—27, 52; оп. 3, № 98—205.

[15] Там же, фонды 142, 200, 209, 342, 414, 438, 491, 493, 532.

[16] Там же, ф. 666.

[17] Там же, ф. 667.

[18] Они содержатся в ф. 552 (Комиссия по установлению ущерба, причиненного АН СССР) и ф. 586 (акад. И. П. Трайнин).

[19] Там же, ф. 519.

Ценным дополнением официальной документации служат материалы личных фондов выдающихся ученых нашей страны, хранящихся в Архиве, особенно фонды руководителей Академии — ее президента и вице-президентов[20]. Изучение этих документов помогает полно и всесторонне показать жизнь ученых в период войны, вскрыть тот их патриотический подъем, заботу о защите отечества, напряженную научную работу. Много сведений для изучения жизни и условий работы ученых можно почерпнуть из личной переписки и мемуаров. Необходимо отметить, что мемуаров ученых о времени войны очень немного[21], однако, в архиве сохранились дневники академика Л. Д. Шевякова: «Записки об учреждениях и людях Академии наук СССР на Урале во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Они были преподнесены автором президенту АН СССР акад. С. И. Вавилову в 1946 г. и попали, таким образом, в архив[22].

Сам академик Л. Д. Шевяков отчетливо понимал важность свидетельства современника о героическом времени Великой Отечественной войны. Начиная свой дневник, он писал по этому поводу, что «вся грандиозность исторических событий, и в частности начало необычайного периода в жизни Академии наук, стали очевидны уже летом 1941 г. Поэтому у меня тогда же возникло желание вести, по возможности систематически, записи о событиях, связанных с пребыванием учреждений и людей Академии наук на Урале. Пожалуй, вести такие записи был мой прямой долг, как академика, жившего на Урале постоянно... Я смотрел на свои записи как на некоторый подсобный материал для будущего историка, изучающего деятельность Академии наук СССР в период Великой Отечественной войны»[23].

В архиве хранятся и дневниковые записи вице-президента АН СССР акад. А. А. Байкова, снабженные пояснениями его жены[24]. Эти краткие дневниковые записи дают представление о напряженной жизни и работе ученого-патриота.

Все вышеуказанные архивные источники дают возможность достаточно полно изучить жизнь и деятельность ученых и научных учреждений Академии наук СССР в годы войны.

Тем не менее имеются и досадные пробелы в источниках. Как известно, в едином патриотическом порыве ученые Академии наук СССР вместе со всем народом встали на защиту своей Родины, добровольно ушли в армию. Мы же, к сожалению, не имели сводного документа, который дал бы полное представление об ученых, воевавших с немецко-фашистскими захватчиками.

Разумеется, материалов одного архивохранилища, даже такого богатого, как Архив АН СССР, для изучения деятельности Академии наук

---

[20] ф. 277 (акад. В. Л. Комаров — президент АН СССР); ф. 614 (акад. А. А. Байков — вице-президент АН СССР); ф. 661 (акад. И. П. Бардин — вице-президент АН СССР); ф. 514 (акад. В. П. Волгин — вице-президент АН СССР); ф. 491 (акад. Ю. В. Готье); ф. 493 (акад. Д. М. Петрушевский); ф. 518 (акад. В. И. Вернадский); ф. 527 (акад. Н. Е. Кочин); ф. 544 (акад. А. Е. Ферсман); ф. 547 (чл.-корр. АН СССР П. М. Никифоров); ф. 574 (акад. В. П. Потемкин); ф. 573 (акад. Б. Л. Исаченко); ф. 586 (акад. И. П. Трайнин); ф. 589 (акад. Ф. П. Саваренский); ф. 596 (акад. С. И. Вавилов); ф. 597 (акад. П. И. Лебедев-Полянский); ф. 598 (акад. К. И. Шенфер); ф. 599 (чл.-корр. АН СССР В. С. Буткевич); ф. 602 (акад. Б. Б. Полынов); ф. 610 (акад. В. А. Кистяковский); ф. 623 (акад. Э. В. Брицке); ф. 624 (чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин); ф. 625 (акад. В. М. Родионов); ф. 627 (акад. Е. В. Тарле); ф. 632 (акад. Д. Н. Прянишников); ф. 642 (акад. В. А. Обручев); ф. 656 (акад. В. Н. Образцов).

[21] Необходимо отметить «Воспоминания горного инженера» акад. А. М. Терпигорева (М., 1956), в которых он касается своей работы во время Великой Отечественной войны.

[22] МОА АН СССР, ф. 541, оп. 1—1945—1953, № 1.

[23] Воспоминания Л. Д. Шевякова были обнаружены нами в архиве АН СССР и с согласия автора опубликованы в журнале «Исторический архив», 1961, № 1, 3, 4.

[24] МОА АН СССР, ф. 614, оп. 2, № 6а.

в период Великой Отечественной войны недостаточно. Поэтому при работе над этой темой необходимо привлечь документальный материал правительственных учреждений, касающийся Академии наук, и прежде всего архивные материалы Совета Народных Комиссаров за эти годы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР [25].

Документы, характеризующие руководящую роль Коммунистической партии в развитии советской науки и мобилизации Академии наук на решение первоочередных задач, стоявших перед страной во время войны, находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [26]; роль же партийных организаций академических учреждений (к сожалению, не всех) отражена в документах, хранящихся в Архиве Института истории партии МК и МГК КПСС [27].

Ценный материал о международных научных связях Академии наук и ее ученых в годы войны содержится в архиве Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами [28].

Источником для изучения истории Академии наук является и периодическая пресса. Помимо центральных газет, материалы о работе ученых и учреждений Академии наук СССР публиковались в местных газетах [29]. Они интересны не только тем, что содержат выступления самих ученых, связанных с событиями, волновавшими всю страну, но и тем, что дают изложенный в живой форме богатый фактический материал о проведении научных исследований и открытия ученых, об успешных результатах научных экспедиций и т. д.

Только комплексное изучение всех перечисленных видов источников позволяет охватить картину той напряженной борьбы за победу в Великой Отечественной войне, которую вела Академия наук СССР и ее ученые.

---

[25] ЦГАОРС СССР, ф. 5446, оп. 25, 44, 46, 47.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, 2, 3, 22.

[27] Ф. 75, оп. 2, 4.

[28] Оп. 1а, 2, 11, 12, 13 в. За истечением срока хранения эти документы переданы в ЦГАОРС СССР и хранятся в ф. 5283, оп. 14.

[29] «Уральский рабочий», «Казахстанская правда», «Советская Татария», «Советская Киргизия», «Ленинградская правда» за 1942—1945 гг.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ, ТРУДЫ ПО АРХЕОГРАФИИ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ЗА 1961—1962 гг.*

Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 20. 828 стр.; т. 24, 649 стр.; т. 25, ч. 1. Госполитиздат, 1961, 546 стр.; т. 26, ч. 1, 477 стр.; т. 27, 695 стр.; т. 29. Госполитиздат, 1962, 730 стр.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 3. Госполитиздат, 1961, 554 стр.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1961, 72 стр.

Из неопубликованных рукописей Карла Маркса (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 3—17.

Карл Маркс о франко-прусской войне 1870—1871 годов (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Новая и новейшая история», 1962, № 4, стр. 3—6.

Новые документы К. Маркса (Письма А. Клуссу и П. Лафаргу. Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 3—15.

Ораторы рабочего класса (Сб. речей К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Джонса, В. Либкнехта, Э. Потье, К. Цеткин и других деятелей международного коммунистического и рабочего движения). Госполитиздат, 1962, 640 стр.

Казьмина И. Г. Работа Энгельса над подготовкой к изданию третьего тома «Капитала» Маркса. «Из истории марксизма. Сб. статей. К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса». М., 1961, стр. 376—404.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22 (июль 1912 — февр. 1913), 598 стр.; т. 23 (март — сент. 1913), 595 стр.; т. 24 (сент. 1913 — март 1914), 567 стр.; т. 25 (март — июль 1914), 647 стр.; т. 26 (июль 1914 — авг. 1915). Госполитиздат, 591 стр., 1961; т. 27 (авг. 1915 — июнь 1916), 644 стр.; т. 30 (июль 1916 — февр. 1917), 562 стр.; т. 31 (март — апрель 1917), 672 стр.; т. 32 (май — июль 1917), 606 стр. Госполитиздат, 1962.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Госполитиздат, 1961, 103 стр.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. М., Изд-во «Молодая гвардия», 1961, 32 стр.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Госполитздат, 1961, 387 стр.

Ленин В. И. О дружбе с народами Востока (Сборник. Автор введения: В. Я. Зевин. Сост.: И. И. Кульков). Госполитиздат, 1961, 399 стр.

Ленин В. И. О молодежи. М., Изд-во «Молодая гвардия», 1962, 383 стр.

Ленин В. И. О привлечении масс к управлению государством (Сборник. Предисл. Г. Курбатовой). Госполитиздат, 1962, 292 стр.

Ленин В. И. О пропаганде и агитации (Сборник. Предисл. В. Викторова и Ф. Семенова. Сост.: В. Викторов и Б. Заславский), изд. 2-е. Госполитиздат, 1962, 420 стр.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. Госполитиздат, 1962, 15 стр.

Ленин В. И. Что делать? Госполитиздат, 1961, 215 стр.

Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии). Госполитиздат, 1961, 223 стр.

Из истории государственной деятельности В. И. Ленина. Документы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публ. подгот. А. П. Трошина и Э. И. Полякова. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 24—73.

* Список составлен И. Е. Тамм.

В. И. Ленин и екатеринославская большевистская организация. Документы и материалы. Сост.: П. Л. Варгатюк, И. А. Истомин и др. Днепропетровск, 1962, 204 стр.

В. И. Ленин и «Правда». 1912—1962 (Статьи, письма в редакцию, заметки В. И. Ленина). Сб. подгот. Ин-том марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и редакцией газ. «Правда». М., изд. газ. «Правда», 1962, 736 стр.

Ленин — товарищ, человек (Сб. документов и воспоминаний). Сост.: Н. В. Бычкова, Р. А. Лавров и др. Госполитиздат, 1962, 190 стр.

Новые документы В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Подгот. А. П. Трошин). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 5—9.

Новые документы В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Подгот. Э. В. Клопов и Л. И. Ширяева). «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 3—23.

Новые документы В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Вопросы истории КПСС», 1962, № 2, стр. 3—7.

Новые документы В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Коммунист», 1962, № 6, стр. 16—18; «Партийная жизнь», 1962, № 8, стр. 3—5.

Новые документы В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). «Партийная жизнь». Ташкент, 1962, № 5, стр. 5—7.

Новый документ В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Коммунист», 1962, № 14, стр. 3—14.

О коммунистическом воспитании (Сб. работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, решений КПСС и партийных документов, выступлений Н. С. Хрущева. Сост. С. М. Ковалев). Госполитиздат, 1962, 488 стр.

Письма В. И. Ленина в редакцию «Правды» (1912—1914 гг.). Документы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вступ. ст. В. Т. Логинова. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 3—12.

Поручения В. И. Ленина и их выполнение (Публ. документов за 1918—1922 гг. Подгот. С. А. Вакурова, М. И. Захарцева и др.). «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 13—62.

Статья В. И. Ленина (Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Подгот. В. Т. Логинов). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 3—4.

Источники по истории периода феодализма

Баркулабовская летопись. Публ. подгот. А. Н. Мальцев. «Археографический ежегодник за 1960 год», М., 1962, стр. 291—320.

Бородино. Документы, письма, воспоминания. Под ред. Л. Г. Бескровного, Г. П. Мещерякова. Сост.: Р. Е. Альтшуллер, Г. В. Богданов и др. М., Изд-во «Советская Россия», 1962, 416 стр.

Буссов Конрад. Московская хроника. 1584—1613. Отв. ред. И. И. Смирнов. Истор. коммент. сост. А. И. Копанев и М. В. Кукушкина. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, 400 стр.

Важный источник по истории Ташкента (Публ. документа конца XVIII в. Вступ. ст. Э. Ходжиева). «Общественные науки в Узбекистане» (АН Узб. ССР). Ташкент, 1961, № 5, стр. 63—65.

Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830—1840. Под ред. М. В. Нечкиной. Подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961, 154 стр.

Демократическая поэзия XVII века (Сборник). Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подгот. текста и прим. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., Изд-во «Сов. писатель», 1962, 182 стр.

Доклад Сената по челобитной дочери М. В. Ломоносова. Публ. подгот. М. Т. Белявский. «Вестник Моск. ун-та», история, 1961, № 5, стр. 34—41.

Документы Богдана Хмельницкого. 1648—1657. Сост. И. Крипъякевич и И. Бутич. Киев, 1961, 740 стр. (текст на рус., укр., польск., лат. и венгер. яз.).

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в., т. II. 1765—1766. Подгот. к печати Н. А. Пенчко. Под общ. ред. М. Н. Тихомирова. М., Изд-во МГУ, 1962, 356 стр.

Документы о Ливонской войне. Публ. подгот. В. И. Буганов. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 264—272.

Документы об участии населения Молдавии в боевых действиях русских войск во время русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. (Публ. подгот. И. Терехина и А. Нудельман). «Историко-краеведческий музей Молд. ССР. Труды (за 1960 год)». Кишинев, 1961, стр. 43—65.

Документы помещичьего произвола. Публикация. Вступ. ст. К. В. Федотова. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 147—168.

Документы об обсуждении крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе в 1767—1768 гг. Публ. подгот. М. Т. Белявский и Л. А. Лооне. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 345—366.

Забытые и неизвестные произведения русской письменности. Публ. подгот. М. Н. Тихомиров. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 234—243.

Закон Судный людем. Пространной и сводной редакции. Подгот. к печ. М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., Изд-во АН СССР, 1961, 287 стр.

Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря. Публ. подгот. Л. М. Костюхина. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962. стр. 273—290.

Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избр. произвед. XVI — нач. XIX в. Под общей ред. В. А. Сербента и др. Минск, 1962, 524 стр.

Из неопубликованных писем Степаноса Назаряна. Публ. подгот. Р. Н. Нанумян. «Ист.-филол. журн.» (АН Арм ССР). Ереван, 1962, № 2, стр. 143—152 (на рус. и арм. яз.).

К истории архива А. И. Герцена. Публ. подгот. Н. С. Рогова. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 94—104.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сб. документов и материалов). Сост.: Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова и др. Алма-Ата, 1961, XVI + 743 стр.

Книги Московской большой таможни — 1693—1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская (Тексты. Археогр. введ. С. И. Саковича). М., Изд-во «Сов. Россия», 1961, 119 стр. («Труды Гос. ист. музея», вып. 38).

«Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Факсимильное изд. Вып. 2. 1859. Лондон. М., Изд-во АН СССР, 1962, 493 стр.; вып. 3. 1860. Лондон. М., Изд-во АН СССР, 1962, 749 стр.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. III. Сост. Е. А. Швецова. М., Изд-во АН СССР, 1962, 492 стр.

Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. документов. Под ред. А. В. Предтеченского. М., Соцэкгиз, 1961, 984 стр.

М. П. Лазарев. Документы, т. 3. Под ред. К. И. Никульченкова. М., Воениздат, 1961, 578 стр.

«Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. Изд. текста и предисловие О. П. Петровой. М., Изд-во вост. лит-ры. 1962, 135 стр.

Мерило праведное. По рукописи XIV в. Издано под наблюдением и со вступ. ст. акад. М. Н. Тихомирова. М., Изд-во АН СССР, 1961, XIV + 698 стр.

Молдавия в эпоху феодализма. Сост.: П. Г. Дмитриев, Д. М. Драгнев, Е. М. Руссев, П. В. Советов. Под ред. Л. В. Черепнина. Т. I. Славяно-молдавские грамоты. XV в.— первая четверть XVII в. Кишинев, 1961, XVIII + 454 стр.

Народные исторические песни (XIII — сер. XIX в.). Вступ. ст., подгот. текста и прим. Б. Н. Путилова. М.— Л., Изд-во «Сов. писатель», 1962, 407 стр.

Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века (Публ. документов из ЦГАДА. Подгот. А. В. Воробьев). «Новгородский исторический сборник», вып. 10, 1961, стр. 235—244.

Неопубликованный черновик ответа А. И. Герцена во 2-й следственной комиссии 1834 г. Публ. подгот. М. Г. Вандалковская. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 192—193.

Новые источники по истории Казанского «взятия». Публикация. Вступ. ст. и подгот. А. Н. Насонова. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 3—26.

Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Под ред. (и с предисл.) К. А. Софроненко. М., Госюриздат, 1961, 667 стр.

Первое русское посольство в Японию. Публикация. Вступ. ст. А. А. Преображенского. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 113—148.

Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 11, вып. 1 (янв.— 12 июля 1711 г.). Ред. колл.: Б. Б. Кафенгауз, А. И. Андреев, Л. А. Никифоров. М., Изд-во АН СССР, 1962, 607 стр.

Полное собрание русских летописей, т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. Отв. ред. А. Н. Насонов. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1962, 419 стр.

Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.). Сб. документов, ч. 1. Под ред. Я. С. Гросула. Сост. И. А. Анцупов и др. Кишинев, 1962, 612 стр.

А. Н. Радищев в портретах, иллюстрациях, документах. Пособие для учителей. Сост. О. А. Пини. Под ред. Г. П. Макогоненко. Л., Учпедгиз, 1961, 380 стр.

Рукописные документы XVII—XVIII вв. о положении крепостных крестьян (Из фондов обл. краевед. музея). Публикация документов. Ввод. ст. О. П. Бугаевой. «Материалы по изучению Смоленской обл.», вып. 4. Смоленск, 1961. стр. 300—314.

Три древнейшие славяно-валашские грамоты. Публ. подгот. Д. П. Богдан. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 244—263.

Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зимина. Сост.: В. А. Александров и В. И. Корецкий. М., Соцэкгиз, 1962, 752 стр.

Американские дневники А. М. Коллонтай (1915—1916 гг.). Публ. подгот. И. М. Дажина, Р. Я. Цивлина. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 128—159.

Антивоенная работа большевиков в годы первой мировой войны. Документы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публ. подгот. А. Ф. Бессонова и И. М. Дажина. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 74—107.

Борьба за создание марксистской партии в России. Образование РСДРП. Возникновение большевизма (1894—1904 гг.). Документы и материалы. Сб. подгот. Г. Н. Шаншиев, прим. сост. Т. Г. Бренейзен. Госполитиздат, 1961, 672 стр.

Дерзкий побег. Документы и воспоминания Д. З. Мануильского из Вологодской пересыльной тюрьмы в 1906 г. Сост. Л. Ф. Дьяконицын. Вологда, 1962, 59 стр.

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах (Ред., введ. и коммент. П. А. Зайончковского). Т. 2. 1865—1876 гг. М., Изд-во АН СССР, 1961, 588 стр.

Документы (о проведении реформы 1861 г. в Пермской губ.). Публ. подгот. Л. А. Трефилова. «Из истории реформы 1861 года на Урале. Сб. статей и материалов». Пермь, 1961, стр. 71—121.

Из истории Киевского политехнического института. Сб. документов и материалов, т. 1 (1898—1917 гг.). Сост.: Э. М. Бондаровская, М. И. Горбунова и др. Киев, 1961, 388 стр.

История Молдавии. Документы и материалы. Ред. колл.: Я. С. Гросул (гл. ред.) и др., т. 5. Крестьянское движение в Молдавии эпохи империализма. Кишинев, 1961, 599 стр.

История Юго-Осетии в документах и материалах (1864—1900 гг.), т. III. Сост. И. Н. Цховребов. Цхинвал, 1961, 823 стр.

К вопросу о численности промышленного пролетариата в России накануне Октября. Публикация и вступ. ст. Л. С. Гапоненко. «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 158—165.

К истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80 гг. XIX в.— 1917). Публ. подгот. В. А. Степынин, И. А. Прядко. «К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — начала XX в. Сб. статей и документов». Красноярск, 1962, стр. 202—229.

К истории промышленности Енисейской губернии конца XIX — начала XX в. Публ. подгот. Г. Х. Рабинович, З. Ф. Незнаева. «К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — начала XX в. Сб. статей и документов». Красноярск, 1962, стр. 155—201.

Крестьянское движение в Воронежской губернии (1861—1863 гг.). Документы и материалы. Предисл. М. М. Шевченко. Сост.: В. Н. Бригиневич, М. М. Шевченко. Воронеж, 1961, 134 стр.

Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сб. документов. Сост.: М. П. Авдушева, Л. Г. Антонец, В. В. Бедин и др. Харьков, 1961, 324 стр.

Крестьянское движение в Смоленской губернии в период первой революционной ситуации в России. Публикация. Вступ. ст. Г. Рябкова. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 4. Смоленск, 1961, стр. 253—299.

Ленинская «Правда» на Западном Урале. 1912—1914 гг. (Сб. документов. Ред.-сост. К. Н. Пятницкая и Н. А. Аликина). Пермь, 1962, 160 стр.

Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. Документы и материалы. Сост.: А. Н. Гулиев, М. И. Найдель и др. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, 795 стр.

Новые документы об А. И. Попове-Коновалове. Публикация. Подгот. В. И. Дулов, З. Т. Тагаров. «Иркутский архив (Информационно-краевед. сб.)». Иркутск, 1961, стр. 25—47.

О попытках Временного правительства России реорганизовать армию. Публикация. Вступ. ст. Д. В. Ознобишина. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 88—112.

О пропаганде учения К. Маркса среди рабочих русскими социал-демократами в 1878 г. Публикация. Вступ. ст. Г. С. Жуйкова. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 204—205.

О харьковском совещании организационного комитета по созыву II съезда РСДРП (Публ. отчета Г. М. Кржижановского. Подгот. В. Н. Степанов). «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 186—191.

Отмена крепостного права на Украине. Сб. документов и материалов. Сост.: А. З. Барабой, В. М. Брожек и др. Киев, 1961, 428 стр.

Подпольная печать курских большевиков. 1901—1908 гг. Сб. документов. (Предисл. Д. Ершова). Курск, 1962, 128 стр.

Предвестник революционной бури (Исторический очерк, документы, воспоминания). Предисл. В. Ф. Верещагина. Сост.: Г. А. Вендрих, А. П. Мещерский и др. Иркутск, 1962, 210 стр.

Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 года в Петрограде. Публикация. Вступ. ст. А. Л. Сидорова. «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 101—109.

Протоколы Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников. 27 марта — 2 апр. 1917 г. Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 106—125.

Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.). Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 134—157.

Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. документов и материалов. Под ред. и с предисл. Л. М. Иванова. Т. 4. 1895—1900. Ч. 1. 1895—1897. Сост.: Е. К. Барштейн, Г. И. Богатикова и др., Госполитиздат, 1961, XXXII + 966 стр.

Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель — сентябрь. Под ред. Н. С. Трусовой (отв. ред.). Документы и материалы, ч. 2, кн. 1. Сост.: Е. В. Иллерицкая, К. М. Платова и др. М., Изд-во АН СССР, 1961, 564 стр.

Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914). Сб. документальных материалов. Сост.: А. Б. Гамбаров, Л. М. Горячева и др. Тюмень, 1961, 312 стр.

Революция 1905—1907 гг. в Литве. Документы и материалы. Ред. колл.: Ю. И. Жюгжда, А. А. Колоднас и др. Сост.: Г. В. Декснис, Л. К. Капочюс и др. Вильнюс, 1961, XXXII + 572 стр.

Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906—1907 годы. Ч. II. Май — сентябрь 1906 г. Кн. 2. Под ред. М. С. Симоновой, Е. П. Воронина и др. Сост.: Т. Ф. Иванова, Д. А. Колесниченко и др. М., Изд-во АН СССР, 1962, 564 стр.

Смерть и похороны Т. Г. Шевченко (Документы и материалы). Сост.: Д. Ф. Красицкий, К. Т. Шевченко. Киев, 1961, 168 стр.

Хрестоматия по истории КПСС. В трех томах. Т. 1 (1883 — февр. 1917 г.). Сост.: Б. В. Гаубих, К. М. Темирбаев, С. А. Юдачев. Госполитиздат, 1962, 624 стр.

Источники по истории советского периода

Артем на Украине. Документы и материалы. Сост.: С. О. Розин, А. Ф. Сергеева. Харьков, 1961, 326 стр.

Астраханская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов и материалов. Ред. колл. и сост.: А. И. Польская, И. И. Парфентьев и др. Астрахань, 1962, 283 стр.

Беседа М. И. Калинина с А. Таннером. Публ. подгот. И. Н. Владимирцев и А. Ф. Новиков. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 116—119.

Беседы А. М. Горького с работниками литературы и искусства. Публ. подгот. М. И. Логвинова и др. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 131—157.

Боевые подвиги защитников Ханко. Публ. подгот. Ю. В. Соколов. «История СССР», 1961, № 4, стр. 91—97.

Боевые подвиги советских людей в начале Великой Отечественной войны (Документы и материалы). Публ. подгот. Б. А. Томан. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 97—106.

Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (Авг. 1918 — дек. 1920 г.). Сб. документов и материалов. Сост.: Н. Э. Замалеева, А. И. Лебедева и др. Казань, 1961, 708 стр.

Большевистская печать (Сб. материалов), вып. III (1907 г.— февр. 1917 г.). Сост.: А. К. Белков и Б. П. Веревкин. М., Изд-во ВПШ и АОН, 1961, 620 стр.

Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 — апр. 1918 г.). Сб. документов и материалов. Сост.: П. В. Замковой, Т. Н. Колишер и др. Киев, 1962, 755 стр.

Борьба КПСС за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.). Документы и материалы. Сост.: Л. Б. Габриэлов, В. В. Пентковская. Госполитиздат, 1961, 403 стр.

Борьба партии за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Победа социализма в СССР (1933—1937 гг.). Документы и материалы. Сб. подгот. Н. Т. Горбунова и А. В. Корнилов. Госполитиздат, 1961, 552 стр.

Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы. Т. 1 (1921—1929 гг.). Сост.: В. Н. Жигалов, Л. П. Климантова и др. Минск, 1962, 620 стр.

В тылу врага. Листовки партийных организаций и партизан периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сост.: В. Н. Евстигнеев, С. М. Кляцкин и др. Госполитиздат, 1962, 344 стр.

Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината. 1858—1958 гг. Вступ. ст. В. Чернышова. Калинин, 1961, 465 стр.

Великие идеалы коммунизма (Материалы газ. «Правда» с 3 дек. 1961 г. по 25 марта 1962 г.). М., Изд-во «Правда», 1962, 416 стр.

Великий Октябрь. Сборник документов. Под ред. Л С. Гапоненко. М., Изд-во АН СССР, 1961, 428 стр.

Во славу Родины (1941—1945). Сб. документальных материалов военных музеев. Под ред. Н. Г. Немирова и др. Предисл. М. Х. Калашника. М., Воениздат, 1961, 342 стр.

Воспоминания о соратниках В. И. Ленина. Публ. подгот. М. С. Рутес. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 166—178.

Восстановительный период на Дону (1921—1925 гг.). Сб. документов. Науч. ред. П. В. Барчугов. Сост.: А. Г. Беспалова, И. М. Борохова и др. Ростов н/Д, 1962, 496 стр.

Выступление С. М. Кирова на съезде ленинградских текстильщиков. Публ. подгот. Н. В. Полякова. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 108—115.

Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.). Ред.: Г. А. Белов, З. Н. Политов, Сост.: Б. И. Жучков, В. А. Кондратьев и др. Госполитиздат, 1961, 328 стр.

Директивы и документы по вопросам пионерского движения. Изд. 2-е. Сост. В. С. Ханчин. Ред. колл.: В. Г. Яковлев, Я. Б. Бучилов и др. М., Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1962, 352 стр.

Документы Ахтырского государственного архива о зверствах фашистских оккупантов на Ахтырщине и о восстановлении народного хозяйства (1943—1945 гг.). Публикация. Подгот. Т. И. Пилипенко и В. Ф. Волис. «Краеведческие записки» (Ахтырский краеведч. музей), 1961, вып. 2, стр. 67—82.

Документы внешней политики СССР (Комиссия по изданию дипл. документов: А. А. Громыко и др.). Т. 5. 1 янв. 1922 г.— 19 нояб. 1922 г. Госполитиздат, 1961, 807 стр.; т. 6. 20 нояб. 1922 г.— 31 дек. 1923 г. Госполитиздат, 1962, 671 стр.

Документы [о борьбе за победу социалистической революции в Грузии и Абхазии (1918—1921 гг.)]. Публ. подгот. Г. А. Дзидзария. «Труды Сухумского гос. пед. ин-та», 1961, т. 14, стр. 149—153.

Документы из истории гражданской войны на Тереке. Публ. подгот.: Т. М. Резакова и А. П. Якушина. «Известия Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-та». Орджоникидзе, 1960, т. 22, вып. 4 (История), стр. 5—13.

Документы о всенародном подвиге (Об освоении целинных и залежных земель). Публикация. Вступ. ст. В. И. Куликова. «Вопросы архивоведения», 1961, № 2, стр. 99—102.

Документы пролетарской солидарности. Сб. документов о содружестве трудящихся Советского Союза с трудящимися стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1918—1961 гг. Предисл. Н. С. Исаева. Сост.: Н. С. Исаев, Е. И. Белова и др. М., Профиздат, 1962, 208 стр.

Законы МССР и постановления Верховного Совета МССР. Приняты на I—V сессиях Верховного Совета Молдавской ССР пятого созыва. Кишинев, 1961, 241 стр. (текст на молд. и рус. яз.).

Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. Публ. подгот. В. З. Дробижев, Б. И. Королев и Г. И. Оськин. С предисл. М. П. Кима. «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 58—117.

Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября. Публ. подгот.: Е. Н. Городецкий, С. М. Кляцкин. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 83—93.

Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. 1918—1922 гг. В трех томах. Ред. колл.: Г. А. Белов и др. Т. 2. Март 1919 — февр. 1920. М., Изд-во «Сов. Россия», 1961, 895 стр.; т. 3. Февр. 1920 — окт. 1922, 875 стр.

Из истории советско-турецкого экономического сотрудничества. Публикация Вступ. ст. А. С. Чернецова. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 44—50.

М. И. Калинин в Узбекистане. Сб. документов. Сост.: Х. Т. Турсунов, Б. М. Рудик. Ред. Б. В. Лунин. Ташкент, 1961, 176 стр.

М. И. Калинин о коммунистическом воспитании и воинском долге. Сб. статей и речей. Сост. М. В. Кабанов. М., Воениздат, 1962, 704 стр.

К биографии маршала Советского Союза А. И. Егорова. Публ. подгот. Н. Я. Копылов. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 200—207.

К биографии Мусы Джалиля. Публ. подгот. А. М. Залялов. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 120—130.

К вопросу о численности промышленного пролетариата в России накануне Октября. Публ. подгот. Л. С. Гапоненко. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 158—165.

К характеристике социально-экономического положения крестьянства Енисейской губернии в годы гражданской войны. Публ. подгот. Ю. В. Журов, Ю. В. Смолина. «К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — нач. XX в. Сб. статей и документов». Красноярск, 1962, стр. 230—250.

Киевщина в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.). Сб. документов и материалов. Сост.: Ю. Ф. Борщ, Ф. И. Ильин и др. Киев, 1962, 538 стр.

Клятва коммунистов. Публ. подгот. В. Познанский. «Простор». Алма-Ата, 1961, № 6, стр. 124—125.

Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви (Сборник основных документов и работы основоположников марксизма-ленинизма). Госполитиздат, 1961, 112 стр.

Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель дела высшего образования в стране (Партийные документы о высшей школе. 1919—1960 гг.). «Вестник высшей школы», 1961, № 10, стр. 9—17.

Коммунисты в борьбе за национальное освобождение против угрозы войны, за единство пролетарских рядов (Документы Коммунистического Интернационала). Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 1, стр. 142—150.

Коммунисты Пермской области в борьбе за выполнение решений XXI съезда КПСС. Сб. документов и материалов. Введ. В. Ф. Попова и А. А. Фадеева. Пермь, 1961, 264 стр.

КПСС. Съезд, 22-й. Москва, 1961. Материалы... Госполитиздат, 1961, 464 стр.

КПСС о комсомоле и молодежи. Сб. резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917—1961 гг.). Изд. 3-е. М., Изд-во «Молодая гвардия», 1962, 400 стр.

Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Сб. документов и материалов, т. 2. Ред. комиссия: Т. И. Архипова и др. Предисл. В. Плотникова. Курск. 1962, 644 стр.

Ленинской «Правде» — 50 лет (Сб. документов и материалов по истории газеты. 1912—1962 гг.). Вступ. ст. П. А. Сатюкова. Сост.: А. А. Шишков, М. Б. Черненко и др. М., Изд-во «Правда», 1962, 376 стр.

На благо и счастье народа. Сборник документов (о росте благосостояния советских людей). Сост. Б. Е. Заславский. Госполитиздат, 1961, 399 стр.

Народ... коммунисты... Ленин. Публикация писем В. И. Ленину из Красной Армии в 1918 г. Вступ. ст. О. В. Шабловского. «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, стр. 98—100.

Народные мстители (Сб. документов и воспоминаний о партизанах Подмосковья). Под общ. ред. Г. Костомарова. Ин-т истории партии МК и МГК КПСС. М., Изд-во «Московский рабочий», 1961, 280 стр.

Неопубликованные письма трудящихся Азербайджана к В. И. Ленину. Публ. подгот. П. А. Азизбекова. «Труды музея истории Азербайджана» (АН Азерб. ССР). Баку, 1961, т. IV, стр. 5—20.

О помощи трудящихся зарубежных стран советскому сельскому хозяйству (1921—1925 гг.). Публикация. Вступ. ст. М. И. Рыбинского и Г. Я. Тарле. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 51—77.

Образование и деятельность комсомольской организации Харьковщины. 1917—1920. Документы и материалы. Ред. колл. и сост.: М. И. Куличенко и др. Харьков, 1961, 430 стр.

Октябрь на Амуре. Сб. документов. 1917—1922. Введ. В. П. Малышева. Благовещенск, 1961, 458 стр.

Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Сб. документов), т. 2. Сост.: И. Д. Клеткин, Т. Т. Маркова и др. Омск, 1961, 304 стр.

Организационно-массовая работа профсоюзов. Сб. руководящих материалов. Сост.: К. И. Борисов, П. Б. Гречишкин и др. М., Профиздат, 1962, 272 стр.

Партийно-политическая работа в Красной Армии (апр. 1918 — февр. 1919). Документы. Сост.: Л. Д. Знаменская, В. П. Портнов и др. Ред. В. П. Портнов (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР, Центр. гос. архив Сов. Армии). М., 1961, 359 стр.

Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Сост. Л. М. Спирин. Госполитиздат, 1962, 680 стр.

Партия в период наступления социализма по всему фронту. Создание колхозного строя (1929—1932 гг.). Документы и материалы. Сост. Б. С. Власов. Госполитиздат, 1961, 463 стр.

Патриотический почин тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сб. документов. Отв. ред. Л. М. Зубынин. Введ. А. Иванова. Тамбов, 1961, 288 стр.

Переписка советских и китайских деятелей культуры (1940—1945 гг.). Публ подгот. А. Т. Павлов. «Исторический архив». 1962, № 1, стр. 63—82.

Письма М. В. Нестерова и воспоминания о нем. Публ. подгот. Н. И. Филипповa. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 105—127.

Письма Н. К. Крупской. Публ. подгот. В. С. Дридзо. «Советская педагогика», 1961, № 11, стр. 137—145.

Письма Н. К. Крупской о культурной революции. Публ. подгот. В. С. Дридзо и Н. М. Юров. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 3—18.

Письма трудящихся Азербайджана В. И. Ленину 1920—1924 гг. Сост. П. А. Азизбекова. Баку, 1962, 336 стр.

Программа Коммунистической партии Советского Союза (Принята XXII съездом КПСС). Госполитиздат, 1962, 144 стр.

Протоколы Советов рабочих депутатов сухонских предприятий (от февраля к октябрю 1917 года). Публикация. Вступ. ст. Б. Н. Матавкина. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1, Вологда, 1961, стр. 55—104.

Революционные комитеты Абхазии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (Февр. 1921 г.— февр. 1922 г.). Сб. документов и материалов. Сост.: И. Д. Ахалая, Ф. М. Галустян и др. Сухуми, 1961, 424 стр.

Революционные комитеты БССР (Ноябрь 1918 — июль 1920 г.). Сб. документов и материалов. Сост.: В. А. Круталевич, Г. И. Литвинова и др. Минск, 1961, 460 стр.

Резолюции и постановления съездов Советов Азербайджанской ССР (1921—1937 гг.). Баку, 1961, 200 стр.

Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту. Создание колхозного строя. Документы и материалы. 1930—1932. Сост.: Н. Грунина, Ф. Ермаков и др. Саратов, 1961, 398 стр.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1961 гг. М., Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1961, 976 стр.

Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918—1920). Сб. документов. Сост. Т. Ф. Коряева. Под ред. А. Ф. Горленко, Н. Р. Прокопенко. М., Воениздат, 1961, 296 стр.

Северо-Двинская губерния в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Публикация. Вступ. ст. В. А. Ширекова. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 105—146.

Серп и молот вместо орла. Публ. подгот. М. И. Захарцева. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 257—258.

Советская печать в документах (Сборник). ЦК КПСС. Отдел пропаганды и агитации. Госполитиздат, 1961, 560 стр.

Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921—1925 гг.). Сб. документов и материалов. Под ред. Г. Ф. Дахшлейгера. Сост. М. Х. Абилова. Алма-Ата, 1962, 594 стр.

СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. Документы и материалы. Ред. колл.: В. Я. Сиполс и др. Госполитиздат, 1961, 855 стр.

Старообрядчество в Латвии без прикрас. 1920—1940. Сб. документов. Сост. З. Балевиц. Отв. ред. А. Кадикис. Рига, 1961, 162 стр.

Страница истории социалистического планирования. Публикация. Вступ. ст. Ф. К. Межлаук. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 78—87.

Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сб. документов. Ред. колл. и сост.: В. С. Флеров (гл. ред.), А. П. Акаченок и др. Томск, 1962, 487 стр.

Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Сб. документов и материалов. Год 1918. Ред. колл.: В. Н. Ашуркин, П. Г. Богданов (отв. ред.) и др. Тула, 1961, 439 стр.

Устав Коммунистической партии Советского Союза (Утвержден XXII съездом КПСС). Госполитиздат, 1961, 31 стр.

Хрестоматия по истории БССР. Сост.: Е. М. Зуев и З. Ю. Копысский. Под ред. И. С. Кравченко, т. 1. Минск, 1961, 156 стр.

Шустров В. А. Советы в борьбе за укрепление союза рабочего класса с крестьянством в 1926—1927 годах (По материалам деятельности Председателя ЦИК СССР и ВЦИК М. И. Калинина). «Вестник Ленингр. ун-та», 1961, № 14, серия ист., яз. и лит-ры, вып. 3, стр. 19—31.

Источники по всеобщей истории

Автографы Костюшко в Государственном историческом музее в Москве. Публ. подгот. М. В. Будылина. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР. 1962, стр. 203—206.

Акты Кремоны XIII—XVI вв. в собрании Академии наук СССР. Под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, 271 стр.

Банкротство стратегии германского милитаризма (Из показаний генерал-фельдмаршала Кейтеля). Публикация. «Военно-исторический журнал», 1961, № 9, стр. 77—87.

Борьба простых людей США за мир и дружбу с Советской Россией (1918—1920 гг.). Публ. подгот. И. М. Красков. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 19—43.

Бухенвальд. Документы и сообщения. Пер. с нем. Под ред. и с предисл. Д. С. Карева. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 686 стр.+ илл.

Бэкон Фрэнсис. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. Пер. Э. Е. Александровой. Статья и прим. Ф. А. Коган-Бернштейн. Изд. 2-е. Ред. колл. серии: В. П. Волгин (предс.), В. В. Виноградов, Н. И. Конрад, М. Н. Тихомиров, С. Д. Сказкин и др. М., Изд-во АН СССР, 1962, 239 стр.

Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венгер. Б. Я. Гейгера и Н. Н. Сикачева. Предисл. Г. А. Деборина. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1962, 368 стр.

Воззвание к крестьянам Эдварда Дембовского. Публ. подгот. В. А. Борис, И. С. Миллер. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 88—160.

VIII съезд Коммунистической партии Греции. Август 1961 г. Госполитиздат, 1962, 212 стр.

Враг всего мира. Факты и документы. Пер. с нем. Н. Н. Китаевой и Н. Т. Увайского. Ред. М. П. Соколов. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1962, 312 стр.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Предисл., пер. и прим. Л. М. Поповой. Ред. колл. серии: М. Н. Тихомиров (гл. ред.), П. Н. Третьяков и др. М., Изд-во АН СССР, 1961, 172 стр.

Голос юности мира. Сб. материалов Всемирного форума молодежи (Москва, 25 июля — 3 авг. 1961 года). М., Изд-во «Молодая гвардия», 1962, 312 стр.

Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин. Перевод под ред. К. М. Колобовой. «Вестник древней истории», 1962, № 1, стр. 203—242; № 2, стр. 161—213; № 3, стр. 217—283.

Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом. Публ. подгот. Я. Н. Любарский, М. М. Фрейденберг. «Византийский временник», т. XXI стр. 260—274.

XIX национальный съезд Коммунистической партии Австралии. Сидней, 9—12 июня 1961 г. Госполитиздат, 1962, 212 стр.

Два письма королевы Боны из рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Публ. подгот. З. Н. Стрекалова. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 193—202.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. Изд. подгот. Г. А. Стратановский, Б. В. Казанский, Л. В. Разумовская. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, 214 стр.

Додд У. Э. Дневник посла Додда. 1933—1938. Пер. с англ. Подгот. к печ. У. Э. Додд-младший и М. Додд. Вступ. ст., коммент. Д. Е. Мельникова и О. М. Накропина. М., Соцэкгиз, 1961, 567 стр.

Документы о научных и культурных связях России с лужицкими сербами во второй половине XIX — начале XX в. Публ. подгот. С. А. Виноградов. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 262—285.

Документы о планах японских милитаристов в войне на Дальнем Востоке и на Тихом океане. Публикация. Вступ. ст. Н. Павлова. «Военно-исторический журнал», 1961, № 7, стр. 87—98.

Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561—1563 гг. Под ред. и с предисл. А. Д. Люблинской. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, 364 стр.

Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX века. Публ. подгот. М. К. Радецкий. Вступ. ст. С. А. Никитина. «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 75—102.

Египетский иератический папирус № 1116 Государственного Эрмитажа (Пророчество Неферти). Пер. и коммент. М. А. Коростовцева. «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 1961, № 44, стр. 45—58.

Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869—1870 гг. Публ. подгот. Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 215—236.

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Пер. и коммент. М. М. Покровского. Изд. 2-е. М., Изд-во АН СССР, 1962, 418 стр.

Из истории международной солидарности в борьбе с фашизмом (Публ. воспоминаний Кароля Сверчевского). «Исторический архив». 1962, № 2, стр. 171—190.

Из истории Французской революции (Неизданные документы). Публ. подгот. С. С. Волк и Л. Г. Катушкина. «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1959». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 568—573.

Из переписки чешских «будителей» с русскими учеными-славистами. Публ. подгот. Л. С. Кишкин. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 77—87.

Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства. Пер. И. М. Лурье и И. А. Лапис. Вступ. ст. И. М. Лурье. «Вестник древней истории», 1961, № 2, стр. 181—260; № 3, стр. 169—222.

К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в. Публ. подгот. В. Н. Кондратьева. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 207—214.

Козьма Пражский. Чешская хроника. Вступ. ст., перевод и коммент. Г. Э. Санчука. М., Изд-во АН СССР, 1962, 296 стр.

Коммунистическая партия Австрии. Съезд, 18-й. Вена, 1961 (Материалы. Пер. с нем.). Госполитиздат, 1961, 106 стр.

Коммунистическая партия Великобритании. Национальный съезд, 27-й. Лондон. 1961 (Материалы. Пер. с англ.). Госполитиздат, 1961, 124 стр.

Коммунистическая партия Люксембурга. Съезд, 16-й. Дифферданж. 1960 (Материалы. Пер. с нем.). Госполитиздат, 1961, 71 стр.

Коммунистическая партия Швеции. Съезд, 19-й. Стокгольм, 1961 (Материалы. Пер. со швед.). Госполитиздат, 1961, 164 стр.

Коммунистическая партия Японии. Съезд, 8-й. Токио, 1961 (Материалы. Пер. с япон.). Госполитиздат, 1961, 303 стр.

Крестьянские движения в Германии перед реформацией. Сб. документов. Сост., пер., предисл. и прим. В. А. Ермолаева. Саратов, 1961, 216 стр.

Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. Предисл. и прим. И. Мацека. Пер. В. С. Соколова. М., Изд-во АН СССР, 1962, 329 стр.

Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937 гг.). Документы и материалы. Сост.: А. И. Логинова, Л. С. Беляева и др. Предисл. Б. С. Попова. М., Изд-во «Советская Россия». 1961, 552 стр.

Мексиканская Коммунистическая партия. Национальный съезд, 13-й. Мехико, 1960 (Материалы. Пер. с испан.). Госполитиздат, 1961, 67 стр.

Народно-социалистическая партия Кубы. Национальный съезд, 8-й. Гавана, 1960 (Материалы. Пер. с испан.). Госполитиздат, 1961, 291 стр.

Неизвестные письма Ивана Вазова. Публ. подгот. В. И. Злыднев. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 240—257.

Неизданные папирусы Государственного Эрмитажа. Публ. подгот. О. О. Крюгер и М. Г. Быстрикова. «Вестник древней истории», 1961, № 2, стр. 97—102.

Неопубликованные письма Бабефа. Публ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Подгот. В. М. Далин и Н. И. Непомнящая. «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1960». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 252—274.

Несколько документов польской эмиграции, относящихся к периоду восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском. Публ. подгот. С. М. Фалькович. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 224—246.

Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. Публ. подгот. И. Д. Очак, Д. Ф. Поплыко. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 161—199.

О плане операции «Цитадель» (Публикация документов гитлеровского командования). Вступ. статья В. Соловьева. «Военно-исторический журнал», 1962, № 1, стр. 80—84.

О помощи России южным и западным славянам в получении образования. Публ. подгот. И. Ф. Ковалев, Г. М. Наспер, А. Д. Павлюков. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 200—214.

Объединение Италии в оценке русских современников. К 100-летию объединения Италии. Сб. документов и материалов. Введ. А. В. Фадеева. М., Соцэкгиз, 1961, 325 стр.

Они пали непобежденными (Публ. писем испанских патриотов. Вступ. ст. Долорес Ибаррури). «Иностранная литература», 1961, № 7, стр. 212—222.

Операция «Кремль» (Публикация документов гитлеровского командования). «Военно-исторический журнал», 1961, № 8, стр. 79—90.

Операция «Тайфун» (Публикация документов гитлеровского командования). Вступ. ст. А. Васильева. «Военно-исторический журнал», 1961, № 10, стр. 82—88.

Описания о бунтах в Константинополе в 1730—1731 гг. Публ. подгот. Н. А. Смирнов. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 321—344.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В трех томах. Т. I. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877 гг. Под ред. С. А. Никитина, Ал. К. Бурмова и др. М., Изд-во АН СССР, 1961, 715 стр.

Партия трудящихся Вьетнама. Съезд, 3-й. Ханой, 1960 (Материалы. Пер. с вьетн.). Госполитиздат, 1961, 304 стр.

Письма Ю. Крашевского В. В. Стасову. Публ. подгот. Д. С. Прокофьева. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 215—223.

Показания и записки о Польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. Ред.: С. Кеневич и И. Миллер. Текст к печати подгот. В. Давыдова и О. Морозова. М.— Wrocław, Изд-во АН СССР, 1961, XLVIII + 663 стр.

Политика Европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы. Ред. колл.: А. А. Губер, Г. И. Левинсон и др. Сост.: А. Г. Тартаковский, И. Д. Бакшт и др. М., Изд-во вост. лит-ры, 1962, 655 стр.

Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах (1875—1877 гг.). Публ. подгот. А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан. «Славянский архив. Сб. документов и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 247—255.

Провал наступления немецко-фашистской армии на Москву (Публикация документов гитлеровского командования). Вступ. ст. В. Соловьева. «Военно-исторический журнал», 1961, № 11, стр. 70—83.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Пер. с испан., коммент. и послесл. Я. М. Света. Под ред. и со вступ. ст. И. П. Магидовича. М., Географгиз, 1961, 515 стр.

Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий Французской Республики».

Вступ. ст. и публ. Вальтера Маркова. «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1959». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 528—567.

Русско-ганзейский договор 1487 года. Пер. с нем. Подгот. к печ. Н. А. Казакова. «Новгородский исторический сборник», вып. 10, 1961, стр. 217—226.

Современные проблемы международного рабочего и профсоюзного движения. Материалы V Всемирного конгресса профсоюзов. М., Профиздат, 1962, 256 стр.

Тибетская летопись «Светлое зерцало царских родословных» (Глава 18). Вступ. ст., пер. и коммент. Б. И. Кузнецова. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1961, 132 стр.

Традиции советско-французской дружбы. Публ. подгот. Л. Митрофанова. «Международная жизнь», 1962, № 10, стр. 152—158.

Три письма Казимежа Тетмайера. Публ. подгот. Д. С. Прокофьева. «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 258—271.

Три письма Сигизмунда Сераковского. Публикация. Вступ. ст. Г. Писарзка. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 224—228.

Убийство в Фу-Лое (Материалы о преступлениях нгодиньдьемовской клики в Южном Вьетнаме, 1954—1960 гг.). Пер. с фр. и вьетн. Предисл. И. М. Щедрова. Отв. ред. А. П. Шилтова. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, 201 стр.

Участие советских людей в движении Сопротивления и братская солидарность народов в борьбе против фашизма. Публ. подгот. Ф. Т. Радкевич и Б. А. Томан. «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 190—194.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия. Под. ред. В. М. Корецкого, М., Госюриздат. 1961, 950 стр.

Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. С. Л. Утченко. М., Соцэкгиз, 1962, 876 стр.

Хрестоматия по истории средних веков. В трех томах, под ред. С. Д. Сказкина Т. 1. Раннее средневековье. М., Соцэкгиз, 1961, 688 стр.

Хрестоматия по новейшей истории, т. III. 1945—1961. Ч. 1. Документы и материалы. Под ред. Б. Г. Гафурова, Л. И. Зубока и др. М., Соцэкгиз, 1961, 800 стр.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В двух томах. Изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. I. Годы 81—63 до н. э. М., Изд-во АН СССР, 1962, 444 стр.; II. Годы 62—43 до н. э., 400 стр.

IV съезд трудовой партии Кореи. Пхеньян, 11—18 сентября 1961 года. Госполитиздат, 1962, 376 стр.

XIV съезд Коммунистической партии Израиля. Материалы. Пер. с англ. Госполитиздат, 1962, 200 стр.

XIV съезд Монгольской народно-революционной партии (Улан-Батор, 3—7 июля 1961 г.). Госполитиздат, 1962, 204 стр.

Что произошло в Пирл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пирл-Харбор 7 дек. 1941 г. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Н. Г. Павленко. М., Воениздат, 1961, 351 стр.

XVI съезд французской Коммунистической партии (Сен-Дени, 11—14 мая 1961 г.). Госполитиздат, 1962, 176 стр.

VI съезд Коммунистической партии Индии. Виджаявада (штат Андхра-Прадеш), 7—16 апреля 1961 г. Госполитиздат, 1962, 166 стр.

Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из соч. турецкого путешественника XVII в.). Пер. и коммент., предисл. А. Д. Желтякова и др. Вып. 1. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, 338 стр.

Эйхман выдает сообщников. Публикация. «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 113—120, № 9, стр. 121—131.

Книги и статьи по археографии и вспомогательным историческим дисциплинам

Автократова М. И. К вопросу о каталогизации документальных материалов. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 182—193.

Аникеев В. В. О публикаторской работе партийных архивов. «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 9—16.

Аникеев В. В. Подлинно человеческие документы (Об изданиях писем трудящихся В. И. Ленину). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 159—166.

Баевский С. И. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., Изд-во вост. лит-ры, 1962, 78 стр.

Бажанова Е. В. Публикации Временного правительства и его специальных экономических органов по вопросам народного хозяйства России (Обзор). «Труды Б-ки АН СССР и ФБОН АН СССР», т. 5. М.—Л., 1961, стр. 75—117.

Балашов Д. М. и Бегунов Ю. К. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.—Л., 1962, стр. 420—425.

Баскаков Э. О материалах по военной истории России за рубежом (Обзор

архивных материалов конца XIX—XX вв.). «Военно-исторический журнал», 1961, № 11, стр. 118—122.

Баскаков Э. Г., Капран М. Я. и Черных В. А. О пополнении Государственного архивного фонда СССР копиями документальных материалов из зарубежных архивов. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 206—208.

Бегунов Ю. К. Археографические экспедиции Института Русской литературы в 1961 году. «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 89—92.

Белов Г. А. Государственные архивы накануне XXII съезда КПСС. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 193—204.

Белов Г. А. О некоторых вопросах публикации документальных источников по истории коллективизации сельского хозяйства СССР. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 133—139.

Белоносов И. И. Обзор документальных материалов Центрального архива ВЦСПС. «Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сб. статей». М., 1961, стр. 284—316.

Бем Ю. О. О работе Археографической комиссии Отделения исторических наук АН СССР. «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 125—130.

Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., Изд-во АН СССР, 1962, 319 стр.

Библиотека Вольтера. Каталог книг. Отв. ред.: М. П. Алексеев и Т. Н. Копреева (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры, Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина). М.— Л., 1961, 1171 стр.

Блинов А. М. Новые документы об «Авроре». «Исторический архив», 1961, № 5, 224—225.

Бржостовская Н. В. Развитие архивного дела в новейшее время (1918—1960 гг.). Конспект лекций. Ред. В. В. Максаков (Моск. гос. историко-архивный ин-т). М., 1961, 204 стр.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., Изд-во АН СССР, 1962, 264 стр.

Буганов В. И. О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В. И. Ленина 1890-х годов. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 112—128.

Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., Изд-во АН СССР, 1962, 399 стр.

Бутенко А. Материалы по истории рабочего класса СССР в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (Обзор). «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР» (Сб. статей). Л., 1962, стр. 75—88.

Ванханен Л. О. и Маньковская И. Л. Нелегальные издания искровских организаций (Обзор фонда архивного хранения б-ки ИМЛ). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 174—180.

Введенский А. А. Вспомогательные исторические науки в работе архивистов. «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 28—31.

Веселина М. С. и Русанова И. Б. Пополнение фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 217—222.

Виноградов К. Б. К завершению публикации французских дипломатических документов 1871—1914 годов. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 200—203.

Виноградов С. А. Из истории славяноведения в России в XIX — начале XX в. (Обзор документальных материалов). «Славянский архив. Сб. статей и материалов». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 31—40.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., Изд-во МГУ, 1962, 291 стр.

Воропанова Т. М. Обзор-перечень документов фонда Вологодского общества изучения Северного края. «Вологодский архив». Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 213—220.

Голенченко Г. Я. Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI—XVIII вв. (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина. Отд. белорус. лит-ры и библиографии). Минск, 1961, 122 + 5 стр.

Гольденберг Л. А., Медушевская О. М. О методике издания картографических источников. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 193—203.

Города Бессарабии 1812—1871 (Обзор документальных материалов). Сост. В. И. Жуков. Кишинев, 1962, 84 стр.

Государственный архив Ивановской области. Путеводитель. Сост.: К. А. Гущина, Л. В. Левкович. Ред. В. А. Бабичев. Иваново. 1962, 432 стр.

Государственный архив Одесской области. Путеводитель. Сост.: А. Д. Бачинский, В. П. Конюк и др. Одесса, 1961, 388 стр.

Государственный архив Пензенской области. Путеводитель. Ред. колл.: В. С. Годин, В. Ф. Морозов, Н. К. Русинова, Е. Г. Самойлов и др. Пенза, 1962, 304 стр.

Государственный архив Ростовской области. Путеводитель. Сост.: Л. И. Буханова, С. М. Вакулина и др. Ростов н/Д, 1961, 472 стр.

Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель. Под

ред. С. О. Шмидта. Сост.: Л. И. Гайсинская, Д. Л. Левитан, Е. М. Либакова и др. М., 1961, 345 стр.

Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2. Рукописи X в. Вып. 3. Рукописи XI в. «Византийский временник», т. XVIII. стр. 254—274; т. XIX, стр. 194—239.

Гришанов А. Г. Больше внимания ведомственным архивам. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 212—214.

Демин А. С. Две коллекции столбцов Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Описание и публикация). «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 458—461.

Дмитриев Л. А. и Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 412—419.

Документальные материалы Центрального государственного архива Таджикской ССР (Путеводитель). Под ред. В. А. Козачковского. Душанбе, 1961, 318 стр.

Елагин А. С. К итогам Кустанайской экспедиции историков. «Изв. АН Каз. ССР», серия ист., археол. и этногр. Алма-Ата, 1961, вып. 2, стр. 96—102.

Ждановская Э. В., Жибарев П. Б., Маслова А. Т., Широков А. И., Шпынов А. Г. Обзор источников истории КПСС (Курс лекций). М., Изд-во МГУ, 1961, 560 стр.

Житомирский областной государственный архив и его филиал в г. Бердичеве. Путеводитель. Ред. колл.: С. Д. Пилькевич, А. Н. Баевский, Л. П. Отливанова и др. Житомир, 1961, 407 стр.

Жучков Б. И. и Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник. «История СССР», 1961, № 4, стр. 103—114.

Зимин А. А. Законодательные памятники русского государства конца XV — начала XVII в. Уч. пособие (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1961, 38 стр.

Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 33—45.

Иванов В. П. Документальные источники по истории профсоюзов Урала в восстановительный период (1921—1925 гг.) (Обзор). «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 86—97.

Ивницкий Н. А. и Чугаев Д. А. К итогам развития советской археографии от XX к XXII съезду КПСС. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 179—193.

Ильин М. А. Собрание рукописей архива Калининской области (Обзор). «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 209—215.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции (Уч. пособие). Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., Соцэкгиз, 1961, 511 стр.

Кабанов В. В. Некоторые вопросы источниковедения в трудах М. Н. Покровского (По работам 1917—1923 гг.). «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16. М., 1961, стр. 171—180.

Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX в. Фрунзе, 1961, 106 стр.

Казанцев Б. Н. Документ о Совете рабочих депутатов г. Вязников в марте 1907 г. (Обзор.). «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 205—207.

Каменцева Е. И. Меры жидкостей в первой половине XVIII в. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 57—66.

Карамышев А. Л. Новые материалы о педагогической деятельности И. Н. Ульянова. «Советская педагогика», 1961, № 7, стр. 124—134.

Карцев Л. А. О культурных и экономических связях России с арабским Востоком в первой половине XIX в. (Из фондов Центр. гос. истор. архива в Ленинграде). «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 1961, вып. 47, стр. 30—37.

Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР, вып. 2. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, 77 стр.

Каталог архивоведческой литературы 1917—1959 гг. Под ред. А. И. Логиновой, И. Н. Фирсова (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1961, 191 стр.

Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР (1917—1960 гг.). Под ред. А. И. Логиновой, Л. И. Яковлева (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1961, 112 стр.

Кафенгауз Б. Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России. «Международные связи России до XVII в. Сб. статей». М., 1961, стр. 533—536.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 129—200.

Книги первой четверти XIX в. (Каталог книг, хранящихся в Гос. публ. б-ке УССР). Сост. С. О. Петров. Киев, 1961, 400 стр.

Князевская О. А. Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА (Описание). «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 434—441.

Козлитин И. П. Государственные архивы Республик Средней Азии и Казахстана (Уч. пособие). Под ред. В. В. Максакова. (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1961, 167 стр.

Козлитин И. П. Государственные архивы РСФСР (Состав и содержание основных фондов). Конспект лекций. Ред. В. В. Максаков. (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1960, 51 стр.

Кононов Ю. Ф. Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России (Уч. пособие). Под ред. В. В. Максакова. (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1961, 63 стр.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки (К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. 1711—1961). М.— Л., Изд-во АН СССР (Ленингр. отд.), 1961, 488 стр.

Костюхина Л. М. Из истории рукописей Воскресенского собрания Государственного исторического музея. «Проблемы источниковедения». т. X, 1962, стр. 255—260.

Круглый стол архивов. Материалы I—III международных конференций архивистов (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1961, 116 стр.

Крымский областной архив. Симферополь. Путеводитель. Сост.: А. О. Беликова, А. А. Степанова и др. Симферополь, 1961, 326 стр.

Кудрявцев Ф. А. Материалы по истории Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. (Обзор документов гос. архива Иркутской обл.). «Иркутский архив (Информ.-краеведч. сборник)». Иркутск, 1961, стр. 9—16.

Курасова С. С. Архивное строительство в Вологодской области. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 3—13.

Кусков В. В. Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 432—433.

Лавровский А. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского (Обзор). «Труды Б-ки АН СССР и ФБОН АН СССР», т. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 157—166

Левина С. А. Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 г. «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16. М., 1961, стр. 421—426.

Лившиц Я. З. Краткий обзор документальных материалов по истории борьбы рабочих тяжелой промышленности Москвы за выполнение первого пятилетнего плана (По фондам ГАОР и СС Моск. обл.). «Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сб. статей». М., 1961, стр. 335—352.

Лихачев Д. С. О единообразии в условных наборных обозначениях особенностей текста. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 174—175.

Люблинский В. С. Техника на службе историков (О деятельности Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР). «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 84—89.

Макаров М. К. О принципах классификации письменных источников (Историография вопроса). «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16, М., 1961, стр. 15—28

Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. (Описание). «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, 442—457.

Матвеенко Л. П. Обзор документальных материалов государственного архива Пермской области по истории реформы 1861 г. на Урале. «Из истории реформы 1861 года на Урале. Сб. статей и материалов». Пермь, 1961, стр. 63—70.

Местная промышленность в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тематический обзор (По материалам, хранящимся в Центр. гос. архиве РСФСР). Сост. С. Хорошая. М., 1961, 14 стр.

Мещерский А. П. Краткое обозрение фонда Главного управления Восточной Сибири. «Иркутский архив (Информ.-краеведч. сб.)». Иркутск, 1961, стр. 17—24.

Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, 168 стр.

Микулин В. Д. Рукописи и старопечатные книги Хвалынского краеведческого музея Саратовской области (Описание). «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 462—463.

Минаева И. Н. В архивах и рукописных отделах библиотек Франции. Документальные материалы по истории СССР. «История СССР», 1961, № 4, стр. 216—222.

Мителькова Р. С. Обзор-перечень документов фонда Исполнительного комитета Вологодского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 187—212.

Мителькова Р. С. и Федотов К. В. Состав и содержание документальных материалов Вологодского областного государственного архива. «Вологодский архив. Сб. документов и материалов», вып. 1. Вологда, 1961, стр. 14—52.

Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., Изд-во вост. лит-ры, 1962, 208 стр.

Музейное собрание рукописей. Описание, т. 1. Под ред. И. М. Кудрявцева (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукописей). М., 1961, 524 стр.

Неизвестные произведения шлиссельбургских узников (Обзор). «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 203—210.

Нелидов А. А. История государственных учреждений СССР. 1917—1936 гг. (Уч. пособие). Ред. А. В. Чернов. (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1962, 750 стр.

Немировский Е. Л. Документальные материалы львовских архивов в последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова (Обзор и приложения). «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 229—233.

Николаева В. П. Документы ЦК РКП(б) (Обзор за период с марта 1918 по март 1919 г.). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 152—159.

Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР по истории обрабатывающей промышленности России в 1864—1914 гг. Сост.: М. С. Семенова, Г. С. Хомякова и др. (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР, Центр. гос. ист. архив СССР). Л., 1962, 152 стр.

Описание рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. 7. Материалы цензурного комитета при Казанском университете 1812—1827 гг. Казань, 1961, 47 стр.

Основные правила работы государственных архивов (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1962, 191 стр.

Павлов-Сильванский В. Б. Научная сессия по археографии, палеографии и источниковедению в Ереване. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 371—382.

Павлов-Сильванский В. Б. и Рогов А. И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 216—221.

Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. «Труды отдела древнерусской литературы», т. 18. М.— Л., 1962, стр. 426—431.

Пасекунов Е. С. Клетнянский партизанский отряд (Обзор документов, хранящихся в Брянском обл. краеведч. музее). «Брянский краевед», 1961, № 2—3, стр. 73—82.

Пересветов Р. Т. По следам находок и утрат (Об открытиях древних рукописей, о работах сов. ученых-археографов и историков). М., Изд-во «Советская Россия», 1961, 264 стр.

Перетц В. Н. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 395—491.

Периханян А. Г. Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. «Вестник древней истории», 1961, № 3, стр. 78—93.

Победная поступь партийной Программы (Об архивных документах, относящихся к периоду разработки первого проекта программы КПСС). «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, стр. 107—108.

Портнов В. П. Партийно-политическая работа в Красной Армии в 1918—1920 годах (Документы Центр. гос. архива Сов. Армии. Обзор). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 166—173.

Портнов В. П., Чижова Л. М. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (Обзор документ. материалов ЦГАСА за 1918—1920 гг.). «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 85—91.

Прокопенко Н. Р. VI Международная конференция «Круглого стола архивов» (Варшава, 16—19 мая 1961 г.). «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, стр. 87—97.

Протасьева Т. Н. Холмские грамоты (Описание). «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 201—208.

Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. Сост.: М. А. Бровко, Л. М. Горячева и др. Тюмень, 1962, 530 стр.

Растяпин В. М. Краткий обзор некоторых фондов Государственного архива и архива Института истории КПСС Свердловской области, освещающих историю промышленности и рабочего класса. «Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сб. статей». М., 1961, стр. 353—370.

Рейсер С. А. Некоторые вопросы палеографии нового времени. «Проблемы источниковедения», т. 10, 1962, стр. 393—437.

Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., Изд-во АН СССР, 1962, 300 стр.

Рогова Н. С. Из истории переписки А. И. Герцена 1859—1861 гг. (Судьба документальных материалов). «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16. М., 1961, стр. 317—331.

Розов Н. Н. Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. «Труды Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». т. 9, Л., 1961, стр. 177—188.

Рудельсон К. И., Сесина Л. И. Классификационные схемы каталогов документальных материалов и методика их составления. Под ред. К. Г. Митяева. (Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1961, 56 стр.

Руденко М. Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, 125 стр.

Рутман Р. Е. Материалы ЦГИАЛ по истории рабочего движения в России накануне отмены крепостного права (Обзор с прилож. хроники рабочего движения в России накануне отмены крепостного права. 1850—1860 гг.). «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 209—223.

Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.) (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т). М., 1961, 266 стр.

Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи (Обзор методологии). М., Госстатиздат, 1961, 356 стр.

Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 4. Смоленск, 1961, стр. 317—343.

Селезнев К. Л. Энгельс как критик буржуазной военной историографии. «Из истории марксизма. Сб. статей. К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса». М., 1961, стр. 405—464.

Синельникова И. М. Документы Женни Маркс как один из источников биографии Маркса и Энгельса. «Из истории марксизма. Сб. статей. К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса». М., 1961, стр. 465—486.

Справочник о составе и содержании документальных материалов Государственного архива Воронежской области. Сост.: В. Н. Бригиневич, О. Г. Мельникова и др. Воронеж, 1961, 295 стр.

Старцев В. И. Статистические источники Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области по истории советского рабочего класса (Обзор). «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР» (Сб. статей). Л., 1962, стр. 99—109.

Старцев В. И. и Шкаратан О. И. Фонды Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области как источник по истории советского рабочего класса. «Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сб. статей». М., 1961, стр. 317—334.

Степанова Е. А. О собирании и научной публикации в СССР литературного наследства основоположников марксизма. «Из истории марксизма. Сб. статей. К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса». М., 1961, стр. 6—59.

Стецкевич М. Я. Материалы по истории советского рабочего класса в рукописных фондах государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Обзор). «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР» (Сб. статей). Л., 1962, стр. 119—129.

Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961, 133 стр.

Схема единой классификации документальных материалов Государственного архивного фонда СССР в каталогах государственных архивов (советский период) (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1962, 159 стр.

Тальман Е. М. Археографическая деятельность Центрархива в 1920—1930-х годах. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 67—81.

Тарле Г. Я. Источниковедческий анализ некоторых видов делопроизводственных материалов ВСНХ. «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16. М., 1961, стр. 133—157.

Тарле Е. В. Значение архивных документов для истории (Публ. статьи и отрывков из докл. Е. В. Тарле «Историческая наука, государственные архивы»). «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, стр. 101—106.

Тартаковский Б. Г. Из истории создания и публикации работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Из истории марксизма. Сб. статей. К 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса». М., 1961, стр. 352—375.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. От древнейших времен до конца XVIII в. Уч. пособие. М., Соцэкгиз, 1962, 486 стр.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., Изд-во АН СССР, 1962, 184 стр.

Тихомиров М. Н. и Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. Уч. пособие. М., Изд-во МГУ, 1961, 444 стр.

Токарев Ю. С. Обзор фондов Ленинградских государственных архивов по истории советского рабочего класса. «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР» (Сб. статей). Л., 1962, стр. 89—98.

Трубе Л. Географические названия Горьковской области. Горький, 1962, 192 стр.

Трухина Т. А. Рукопись второй части «Белорусского архива древних грамот». «Научно-информационный бюллетень» (Арх. упр. при Сов. Мин. БССР), № 10. Минск, 1961, стр. 34—37.

Урал в годы гражданской войны (май 1918—1920 г.). Обзор докум. материалов архива (Гос. архива Свердловской обл. и его филиалов). Сост. А. И. Пасикова. Свердловск, 1962, 72 стр.

Фесуненко И. С. Значение кино-фото-фонодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими государственного архивного фонда Союза ССР. «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16, 1961, стр. 7—14.

Фрейман А. А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., Изд-во вост. лит-ры, 1962, 92 стр.

Ходак А. А. Документальные публикации по истории гражданской войны в СССР (Краткий обзор). Под ред. Л. И. Яковлева. (Гл. арх. упр. при Сов. Мин. СССР). М., 1961, 52 стр.

Черменский П. Н. Материалы по исторической географии Мещеры. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 43—56.

Черноморский М. Н. Материалы советской текущей промышленной статистики как исторический источник. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 93—111.

Черноморский М. Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М., Изд-во «Высшая школа», 1961, 134 стр.

Чугаев Д. А. Археография истории СССР советского периода. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей». М., 1962, стр. 539—556.

Чугаев Д. А. Задачи источниковедения советского периода истории СССР в свете решений XXII съезда КПСС. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 165—173.

Чумаченко Э. Г. Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX — начала XX в. «Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та», т. 16. М., 1961, стр. 301—315.

Шалагинова Л. М. Отклики на ленские события в России (Обзор материалов ЦГАОР СССР за 1912 г.). «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 176—185.

Шапранова А. Я. Документальные материалы партийного архива Иркутского ОК КПСС (Обзор). «Иркутский архив (Информ.-краеведч. сб.)». Иркутск, 1961, стр. 3—8.

Шахназарова К. В. Большевистская газета «Пролетарий» (Обзор переписки редакции с местными парторганизациями. 1906—1909 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 176—182.

Шахназарова К. В. Письма В. И. Ленину (Обзор писем на имя В. И. Ленина за 1900—1912 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1961, №, 4, стр. 116—125.

Шеламанова Н. Б. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР за 1960 г. «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 368—370.

Эпштейн Д. М. Археографическая деятельность государственных архивов во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 82—92.

III. ПУБЛИКАЦИИ

Я. С. Лурье

КРАТКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ ПОГОДИНСКОГО СОБРАНИЯ

Исследуемый и частично публикуемый в настоящем «Ежегоднике» краткий летописец сохранился в составе рукописного сборника Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Погодинское собрание, № 1612). По почерку (скоропись) и бумаге (водяной знак — крупный кувшинчик с двумя ручками, с украшениями и полумесяцем на крышке) сборник относится к первой половине XVII в.[1]

Краткий летописец помещен на лл. 96—144. После заголовка «Вь летописец вькратце» следуют хронологические выкладки, извлеченные по-видимому, из так называемого «Летописца вскоре» Никифора и доведенные до «сошествия святого духа» на апостолов[2]. Далее составитель переходит к царствованию византийского императора Михаила (III), с которого «начаша прозывати Русская земля». После заголовка «Начало руской земли. Отселе почьнем, числа положим» (л. 97) под датами 6066 и 6067—6068 (вместо 6366 и 6406) следует рассказ о походе Михаила на болгар, о славянских (моравских) князьях Ростиславе, Святополке и Кочеле (Коцеле) и о приходе к ним Константина и Мефодия[3]. Далее под заголовком «В Новегороде Великом» (л. 99) и под датой 6069 следует рассказ о создании Новгорода и старейшине Гостомысле (в рукописи «Гомысл»)[4], а затем снова заголовок «Вьременик руской (в рукописи «улико»?) иже нарицается летописец» с датой 6075 и текст вступления к «Софийскому временнику»[5]. После этого снова читается заголовок «Временник ...» (л. 101) и начало рассказа о расселении славян (до слов «речки ради Лоты, еже течет в Двисьну (!)»)[6] далее под заголовком «О Киеве» и датой 6072 (л. 101 об.) — рассказ о пути из варяг в греки, об апостоле Андрее и Кие, Щеке и Хориве, о славянских племенах болгарах и уграх (до слов... «иже находиша на Гоздроя царя Перского» — л. 104 об.)[7].

[1] Подробное описание сборника см.: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. ч. I. СПб., 1882, № XLVI, стр. 211—216.

[2] Ср. Повесть временных лет. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, ч. I, стр. 17; ч. II, стр. 230; Софийская I летопись. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. V. Л., 1925, стр. 10; Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ, т. XXVI, стр. 14—15; Н. В. Степанов. Летописец въскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. «Известия II отделения Академии наук», т. XVII (1912), кн. 3, стр. 305 (в публикуемом кратком летописце текст подробнее, чем во всех этих памятниках).

[3] Повесть временных лет, ч. I, стр. 17, 21—23; ПСРЛ, т. V, стр. 10, 16—17; ср. ПСРЛ, т. XXVI. стр. 14—15.

[4] ПСРЛ, т. V, стр. 3; т. XXVI, стр. 10 (в Повести временных лет нет).

[5] Там же, т. V, стр. 8—10; т. XXVI, стр. 14.

[6] Там же, т. V, стр. 3; т. XXVI, стр. 10.

[7] Там же, т. V, стр. 3—5; т. XXVI, стр. 10—12; ср. Повесть временных лет, ч. I, стр. 11—14.

После этого вступления, основанного на известных летописных текстах (в основном — Софийской I летописи), следует (лл. 104 об.— 105) изложение истории Киевского государства, начинающееся с даты 6363 (855) и с княжения Ольги:

«В лето 6363 прииде из варяг княгина имянем Ольга, жена Святославля, еже пыташа о вере Христове и быша во Цариграде, и спросиша у царя град Киев вьнуку своему Владимеру сыну Святослава Стославича от племени варяжьскаго, первое ко идолом * тьщание творяху по отчю преданию. Да егда восхоте богь избрати себе люди новы, в лето 6460 седе в Киеве князь великий Выладимер Киевьский, наречеся по царску указу Михайлову Царя градскаго **, и прииде потом баба его Олга и сказаша ему Царяградского веру яко вера их свята и честьна их господу. Выладимер же имяше 7 жен крастны добре и потом еще при триих ***, и еще ему вложи сотона мысль, якобы быша у него 12 жен. И от грек прииде некая княгиня грековна имянем Таисия во мнишеском чину, рекъше черница, и хатя ему сказати веру християнскую; и увидевь красоту ея и ростриже ею и поять ю за себя, и от тоя родился сынь Святополкь Окаянны».

Это единственный в первой части летописца рассказ, не находящий соответствия в известных нам летописных текстах. Далее (л. 105) летописец переходит к легенде о выборе вер, но начинает ее не с начала, а с совета Владимира с боярами (с датой 6496); после чего следует известный рассказ об испытании послами Владимира различных вер и о походе на Корсунь [8]. Затем (лл. 114 об.— 115 об.) после заголовка «О граде Володимер иже вь Суздальской земли» приведены известия, восходящие к Софийской I летописи (в Повести временных лет их нет): о строительстве церкви св. Георгия в Киеве, о назначении митрополита Леонта, о свержении идола Перуна [9], а также известный рассказ о единоборстве отрока Переяслава с печенегом [10]. После этого под заголовком «О сра[чи]нской вере» (лл. 117—121) и датой 6053 летописец приводит легенду, читающуюся во всех летописях до рассказа об испытании вер: рассказ о приходе к Владимиру представителей различных исповеданий [11]. Летописные известия о Владимире завершаются (лл. 121—122) кратким рассказом о построении Десятинной церкви (до слов: «...раздая имения свое»), смерти царицы Анны и Владимира [12].

Такова начальная часть публикуемого краткого летописца. Как мы видим, единственное оригинальное известие, читающееся в этой части,— это вполне беллетристический рассказ о первой русской княгине Ольге и о надругательстве ее внука Владимира над монахиней Таисией; весь остальной текст представляет собой краткое изложение известного летописного рассказа (близкого к Софийской I и сходным с нею летописям) с перепутанным порядком известий.

Близка по своему характеру к начальной части и вторая часть летописца, излагающая события после смерти Владимира — с XI по конец XIV в. Мы не можем здесь, правда, столь же определенно указать источник летописца — сведения об этом периоде приводятся столь кратко, что

* *В рукописи* д *написано иным, полууставным почерком.*

** *В рукописи на л. 104 об.* Царя; *на л. 105* Царятрадского.

*** *В рукописи* х *приписано иным почерком.*

[8] ПСРЛ, т. V, стр. 63—71; т. XXVI, стр. 28—30; Повесть временных лет, ч. I, стр. 74—83 (дата 6496 соответствует Софийской и Вологодско-Пермской летописи, а не Повести временных лет).

[9] Там же, т. V, стр. 72—73 (окончание рассказа в летописце: «поплови проч, плови в безну окаянную»); в ПСРЛ (т. XXVI, стр. 31) этот рассказ короче.

[10] Там же, т. V, стр. 73—74; т. XXVI, стр. 31; Повесть временных лет, ч. I, стр. 84—85.

[11] ПСРЛ, т. V, стр. 49—63; Повесть временных лет, ч. I, стр. 59—74 (в летописце рассказ сокращен); ср. ПСРЛ, т. XXVI, стр. 21—28.

[12] ПСРЛ, т. V, стр. 74 и 78; Повесть временных лет, ч. I, стр. 85 и 88. В ПСРЛ (т. XXVI, стр. 31) только второе из этих известий.

их трудно вывести из какого-либо определенного летописного свода. Оригинальность летописца по-прежнему проявляется только в легендарных известиях. Приведем некоторые из них: «Вь лето 6839. Прииде от Орды Волгою вь Твер Снященкал богатырь не со многими татары, сказашась послом от царя Безбяка. И князь Михайло уби его и татар поби... (л. 126 об.) В лето 6847 посла царь по князя Ивана Даниьевича и по князя Михаила Александровича и позва их //* кь себе с выходы. Они же царя послушав поидоша в Орду. И царь веле князя Михаила казнит смертьною казнию. И сняша калиту со князя Михаила и даша князю Ивану Даниловичю и нарек его княз Ивань Калита, и сына князя Михайлова умори**. И царь пожаловал князя Ивана Тверию и всею Рускою землею. В лето 6849 прииде изо Орды князь Иван Данильевич на реку на Москву, пде и ныне стоит град Москва и заложи град и нарек имянем Москва и до сего дни (лл. 126 об.— 127)».

Такой же фантастический характер имеет и известие о нашествии Батыя в 6880 (1372) г. при Дмитрии Донском (л. 127 об.). Хронологический порядок изложения несколько раз нарушается: после известий XII в. (6695 г.) следует группа известий, относящихся к XIV в. (6834—6898 гг.), а затем — к концу XII — концу XIII в. (6703—6779 гг.).

Наибольший интерес как исторический источник представляет, несомненно, публикуемая ниже третья часть летописца, излагающая события конца XIV — начала XVI в. [начиная с 6900 (1392) г.]. И в этой части летописец остается кратким, причем его метод сокращения сведений протографа по-прежнему крайне неудачен и непоследователен (составитель берет обычно начальные фразы годовых записей или наиболее важных известий и механически обрубает их, иногда в ущерб смыслу) [13]. Но самый этот протограф был, очевидно, достаточно богат различными сведениями. Поэтому оригинальные известия, читающиеся в нашем кратком летописце, в этой части весьма интересны и отнюдь не представляются легендарными и фантастическими.

Источником летописца оставалась летопись, близкая к Софийской I, причем в этой части можно точнее определить характер летописного свода, к которому близок публикуемый летописец. Это — Вологодско-Пермская летопись, основанная на летописном своде 1472 г. (Никаноровская летопись), в свою очередь восходящем к Софийской I летописи — в части до 6926 (1418) г. [14]

Текст Вологодско-Пермской летописи, излагающий события последней четверти XV в., восходит к двум источникам — общерусской летописи и севернорусской летописи, связанной, по-видимому, с епископом пермским Филофеем [15]. Текст третьей части публикуемого летописца находит соответствие с известиями Вологодско-Пермской летописи на всем протяжении XV в.— и до, и после 1471 г. (когда прекращается совпадение Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей). Совпадают и известия общерусского характера [16], и сообщения, специально касающиеся северо-восточных

---

* *В рукописи вторично* и позва ихь.

** *В рукописи* умори царь а.

[13] Ср., например, известие о начале похода Василия Косого под 6944 г. (л. 134 об.): «Василе Юрьевич поиде... похвалялся...» без окончания.

[14] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 346—360.

[15] М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940, стр. 230—233.

[16] Ср., например, известия 6902 г.— о поездке Василия Дмитриевича к своему «тстю» [краткий летописец дает ошибочно — «отцу» (Витовту) — ПСРЛ, т. XXVI, стр. 164; в Московском своде конца XV в. нет — ПСРЛ, т. XXV, стр. 231]; 6908 г.— о вокняжении в Твери «Михаила Ивановича» (ПСРЛ, т. XXVI, 169; стр. ПСРЛ, т. V. М., 1851, стр. 252, прим. д); 6917 г.— о море (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 175; в Софийской I летописи нет); 6919 г.— о Фотии (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 178); 6938 г.— о поездке Ва-

границ России[17]. Такие совпадения текста публикуемого краткого летописца с данными Вологодско-Пермской летописи позволяют предполагать, что протограф его был весьма близок к этой летописи. Но наряду с перечисленными известиями мы обнаруживаем в третьей части летописца (особенно в конце ее) целую цепь сведений, не находящих соответствия ни в Вологодско-Пермской летописи, ни вообще в каких-либо известных нам летописях. Эти сообщения: 6984 г. (начала года и даты нет) — о затмении солнца[18]; 6988 г.— о побоище на Шилеге между вятчанами и двинянами (подданными Новгорода)[19]; 7003 г.— о пожаре в Москве[20]; 7004 г.— о приходе литовского посла за княжной Овдотьей (Еленой), походе на Кану и пожаре на Устюге[21]; 7005 г.— о походе на Выборг[22]; 7007 г.— о пожаловании младших сыновей Ивана III Юрия и Дмитрия уделами; 7008 г.— о бегстве Василия Ивановича в Вязьму и назначении его наследником Ивана III; 7009 г.— о закладке Иваном III новых церквей[23]; 7010 г.— об «отпуске» сыновей Ивана III Юрия и Дмитрия на их уделы и все заключительные известия летописца 7011—7017 гг.

Сопоставление с другими летописями позволяет сделать определенные выводы о происхождении публикуемого краткого летописца. Едва ли, по нашему мнению, следует искать особый источник для дополнительных известий первой и второй частей летописца — перед нами здесь не летописные сообщения, а скорее своеобразное литературное творчество, свойственное историческому повествованию XVI и особенно XVII в.[24] В том виде, в каком он до нас дошел, публикуемый краткий летописец может считаться памятником хронографии конца XVI — первой половины XVII в.: его список, вероятно, более или менее современен оригиналу. Компилятор конца XVI — первой половины XVII в., составивший этот памятник, не обнаруживал ни значительных исторических интересов, ни серьезных исторических знаний; именно поэтому он мог не заметить перебоя листов в своем оригинале, приведшего к перемещению событий XII—XIII и XIV вв., мог сам путать даты на несколько сотен лет, мог начинать русскую историю с Ольги и Владимира и смело вставлять в историю княжения Дмитрия Донского рассказ о походе Батыя и т. д.

силия Дмитриевича и Фотия к Витовту (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 186; ср. Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 170; т. XXV, стр. 248); 6990 г.— о взятии Киева и смерти Василия Ивановича Рязанского (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 274—275; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 329—330); 6996 г.— о весе пушки, изготовленной Фрязином (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 279; ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 157; т. XVIII, стр. 272); 7000 г.— о вызове в Москву князя Бориса Волоцкого (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 287); 7001 г.— о составлении Зосимой новой пасхалии (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 288); 7007 г.— об опале на Патрикеевых и др. (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 291).

[17] Известия 6986 г. о походе казанского царя на Вятку (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 257); 6991 г.— о походе на вогульского (в кратком летописце ошибочно «суздальского») князя Асыку (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 275—276); 6992 г.— о посольстве от вогульского (в кратком летописце ошибочно «вологодского») князя Юмшана (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 276); 6993 г.— о мире с кондинскими князьями (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 276—277); 7002 г.— о «чуде» в женском монастыре в Устюге (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 288); 7007 г.— о посылке воевод «въ Каду (Кадуй) на гогуличи» (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 291).

[18] Возможно, что речь идет о затмении, которое описано в Вологодско-Пермской летописи под тем же годом иначе (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 255).

[19] Ср. Устюжский летописный свод, стр. 89 (текст иной).

[20] В летописях упоминается крупный пожар в Москве под другой датой — 7001 г. (Новгородская IV летопись по хронографическому списку. ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 163).

[21] Ср. Устюжский летописный свод, стр. 100 (текст иной).

[22] Ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 165 (текст и дата иная).

[23] ср. ПСРЛ, т. XXVI, стр. 294; Софийская I летопись по списку Царского. ПСРЛ, т. VI, стр. 46—47 (в обеих летописях говорится о разборке старой Архангельской церкви, а не о закладке «Ивана Святого»).

[24] Ср. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 351—354.

Единственный летописный источник, несомненно бывший в руках этого компилятора,— летопись начала XVI в., близкая к Вологодско-Пермской. Из этой летописи с большей или меньшей степенью вероятности мы можем вывести все летописные известия публикуемого памятника. В основе Вологодско-Пермской, как мы уже указывали, лежал свод 1471 г., начинающийся Софийской I летописью, и как раз к Софийской I летописи восходят, по-видимому, части краткого летописца, не совпадающие с «Повестью временных лет». Но текст летописи начала XVI в., который лег в основу краткого летописца XVII в., не был полностью идентичен известному до сих пор тексту Вологодско-Пермской летописи. Общерусский, но связанный с Пермью свод, на котором базируется Вологодско-Пермская летопись, относится, по-видимому, к концу XV в.[25] Летопись, послужившая основой краткого летописца, представляет собой особую редакцию этого свода, которая может быть датирована первыми годами XVI в. [последнее сообщение летописи относится к 7017 (1509) г., но можно предполагать, что известия 7013, 7014, 7015 и 7017 гг. были приписками к основному тексту, заканчивающемуся 7011 (1503) г.].

Судя по некоторым из дополнительных известий этой редакции, относящимся к северо-восточной окраине Русского государства (6988 — битва на Шилеге, 7004 — поход на Кану, пожар на Устюге), она сложилась в тех же местах, где и Вологодско-Пермская летопись. Данные, которыми эта редакция дополнила свой основной текст, чрезвычайно интересны: это деловые, не вызывающие никаких сомнений в их фактической достоверности сообщения, ничего общего не имеющие с легендами первой и второй части летописца. Особенно заслуживают внимания сведения (7007 и 7010 гг.) о раздаче Иваном III в последние годы его жизни уделов младшим сыновьям и об их отправлении на уделы. В известных нам до сих пор летописных сводах об этом ничего не сообщалось[26]. Но актовый материал подтверждает, что младшие сыновья Ивана III распоряжались своими уделами еще до смерти отца: от Юрия Ивановича до нас дошли жалованные грамоты[27], датированные апрелем 7012 (1504) г. [Иван III умер в октябре 7014 (1505) г.]. Публикуемый летописец связывает получение Юрием и Дмитрием уделов с пожалованием Василия Ивановича Великим Новгородом в 1499 г.

Весьма интересен также рассказ летописца о попытке Василия в 7008 (1500) г. отъехать в Вязьму и назначении его уже в этом году великим князем — факт, также подтверждаемый актовым материалом[28].

В первой четверти XVI в. в судьбе русского летописания произошли большие перемены. Уже в конце XV в., вместе с ликвидацией феодальной раздробленности в Северо-Восточной Руси, было уничтожено независимое летописание феодальных центров. Но общерусское летописание оставалось еще весьма многообразным по своим политическим тенденциям. При Василии III был сделан важный шаг на пути идеологической унификации летописания. Особенно тщательно устранялись известия о политической

---

[25] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 233, 237—238 и 241.

[26] О пожаловании младшим сыновьям Ивана III уделов до смерти великого князя сообщает еще один краткий летописец (Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Кир.-Бел, 14/139, лл. 336—337), но там об этом сообщается непосредственно перед известием о смерти Ивана III. Ср. Я. С. Лурье. Новонайденный рассказ о стоянии на Угре. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVIII, 1962, стр. 289—290.

[27] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., 1952, № 652, 653.

[28] Там же, № 637; ср. стр. 542, 550. Это известие было опубликовано нами в статье «Первые идеологи московского самодержавия» («Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 78, 1948, стр. 99—100). В настоящей публикации мы предлагаем иное предположительное прочтение одного места в этом известии «бежа... с воими [воями, воинами] и советники» (вместо «своими советники»).

борьбе при Иване III, в которой принимал активное участие сам великий князь. До нас дошел только случайный отрывок летописного свода 1600 г., излагающего историю заговора Василия в 1498 г.[29] Краткий летописец, третью часть которого мы публикуем ниже, особенно интересен тем, что он доносит до нас другой остаток летописания XVI в., не прошедший цензуры Василия III.

* * *

Краткий летописец публикуется в соответствии с принятыми правилами издания исторических документов XVI—XVII вв.: «ъ» в конце слова опускается; «ѣ», «і», «θ», иотированное «а» (и «юс» малый) передаются соответственно через «е», «и», «ф» и «я»; титла раскрываются и надстрочные буквы вносятся в строку (с добавлением мягкого знака по правилам современной орфографии); славянская буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Почерк рукописи (по определению А. Ф. Бычкова — «кудреватая скоропись») и ряд своеобразных приемов писца усложнял транскрипцию текста. В ряде случаев писец употребляет в конце слов знак, напоминающий букву «и» (например в словах «великого князя» после слова «великого» — л. 138). Так как этот знак явно не имеет никакого смыслового значения, мы опускали его в транскрипции. Почти всюду в рукописи первые слова нового листа повторяют последние слова предыдущего (например, конец л. 129 об.— «...передал ему царь Ноугородцкое»; начало л. 130 — «Ноугородцкое княжение...» и т. д.).

ТЕКСТ

В ь л е т о 6 9 0 0 женился князь великий Василе Димитриеевич, поят за себя дьщерь у князя у Витовта Литовскаго.

В ь л е т о 6 9 0 1 ходил князь великий Василе Димитреевьч вь другие
л. 130 в Орьду ко царю и предал ему царь Ноугородцкое //* княжение и Нижьней Новгород, Муром, Мещеру и Торосу. Того же лета Бектут царевич ратью; взял ратью Вятъку Казанский.

Вь л е т о 6 9 0 2 преставися князь Борис Костянтинович. Того же лета князь Василе Димитреевич и со княгинею своею с Марию ездил во Смоленеск к отцу своему Витофьту ** на повидание.

В ь л е т о 6 9 0 3 взял Витофт Смоленеск лестию. Того же лета вьзял князь Семен Димитреевич да царевич Ентяк взял Новгородь Нижней. Того же лета приходил царь Темир Акьсак и божиим промыслом прииде на Москву икона Владимерьская святая богородеца месяца августа 26, а царь в то ли время без памяти погибе.

В л е т о 6 9 0 5 двиняне предались великому князю Василию Димитреевичю, и князь великий разверже мир с ноугородцы.

В ь л е т о 6 9 0 6 ходиша наугородцы за Волок ратью, воевода *** у них посланник Тимофей Юрьевичь. На том бою убиен бысть князь Роман
л. 130 об. Юрьевичь //**** на шеломяни. Того же лета побоище великого князя Витофта сь царем Темир Кутаем. Того же лета преставись князь Михайло Борисович Тверской.

В ь л е т о 6 9 0 8 седе на великом княжении вь Твери князь Михайло Иванович.

В ь л е т о 6 9 0 9 князь Юри Стославич вьзя Смоленеск вотчину свою.

[29] Ср. Я. С. Л у р ь е. Из истории русского летописания конца XV века. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XI, 1955, стр. 180—181.

* *В рукописи вторично* Ноугородцкое.

** *Испр.*; *в рукописи* Тофьту.

*** *Испр.*; *в рукописи* воеводу воевода.

**** *В рукописи вторично* Юрьевич.

Вь лето 6913 князь великий Василе Димитреевич посла ратью в татаръские места на взаскание князя Семена.

Вь лето 6915 быст зьнамение на Похре: иде кровь от иконы святыя богородеца. Того же лета великого князя сынове * Димитрей Иванович и князь Констянтин иде ратъю на немцы с наугородцы и со псковичи. Того же лета князь великий Василе Димитреевич воевась с великиимь князем с Витовтом, и литва взяли Одоев.

Вь лето 6916 приде князь Костянтин Димитреевич вь Новгород вь великого ** князя место на Угорище. На ту же осень прииде Едигей ратью к Москве и под городом стоянь *** //**** месяць и вьзял откупа триста рублев, а городов взял Переславль, Ростов, Димитров и волость повоева до тверьскаго рубежу. л. 131

В лето 6917 мор был на люди и по многим странам коркотою вь волостех во Ржевских и вь Юрьевских, вь Рязанских, в Тульскихь, было же иньде и вь Московских волостех. Тое же осени князь Ивань Михайлович Тверский поиде ратю кь Кашину на братанича своего князя Ивана Борисовича. Того же лета князь Данило Борисович Нижнего Новаграда сь царемь Талычем взяли Володимер безвестно, града тогды не было.

В лето 6918 князь велики Василей Димитреевич отдаста дщерь свою княжну в Царьград за царевича за Ивана Мануйловича.

В лето 6919 прииде на Москву из Царяграда гречанин поставлень патриархом ***** Матфеем при царе Мануле, митрополит Фотей *****.

// ******* Вь лето 6920 князь велики Василей Димитреевич ходил в Орду к царю к Зелени сальтану Тактамышеву сыну, и князь Ивань Тверский был в Орде у того же царя при великом князе ******** Василе Димитроевиче. л. 131 об.

В лето 6921 сотворися зьнамение вь вотчине князя Андрея Димитровича от Можайска за пятнадесят версть, от иконы святыя богородеца явись людемь многим прощение — слепым, хромым и разслабленным иным многым изселение бысть.

В лето 6923 погоре Москва город и Можаеск такоже погоре городь весь *********. Того же лета бысть зьнамение вь солнце июня 7, погибе солнце ********** не на много и видети было *********** вьсе звезды аки вь нощи.

Вь лето 6900 вь 24-е, месяца марта вь 12 день простил богь в церькви Свят богородецы на Москве у гроба митрополита Петра человека ногама прикорчена: изцеле.

Вь лето 6925 из великого князя вотчины Василия Димитреевича ходил князь Юрьевь боярин Глебь Семеновичь //************ с наугородцкими бегльцы Сьменом з Жьдановским и с Михаилом сь Росхитным и с юстюжаны и с вятчаны, ехаша вь санех на Заволотскую землю и повоеваша волости Борок, Ивановых дете Васильевича, Емьцу и Кольмогоры пожгли. Того же лета бысть морь велик вь Новегороде вь Великом и во Пъскове железою. л. 132

В лето 6926 князь Дашко Федоровичь Острожского взяли Кремець. Того же лета бысть зьнамение от иконы святыя богородеца Покро-

* *В рукописи* свь *без титла.*

** *Испр.; в рукописи* вь веного вь веного.

*** *Внизу листа несколько раз* 11.

**** *В рукописи вторично* прииде Едиге ратью к Москве и под городом стоял.

***** *Испр.; в рукописи* патриархом и

****** *Внизу листа дважды* 12.

******* *В рукописи вторично* Фотей.

******** *Испр.; в рукописи* князе *нет.*

********* *Испр.; в рукописи* весть.

********** *Испр.; в рукописи* снлце.

*********** *В рукописи* видети было *дважды.*

************ *В рукописи вторично* Семенович.

************* *Испр.; в рукописи* по бе

ва, аки кровь течаше по обе ************* страны ризы ея в церькви святыя Анастасея вь Новеграде Великомь. Того же лета убиен бысть Аньфал и сынь его Нестерь на Вятке от Михаила Розсохина месяца июля 11.

Вь лето 6928 морь был силен на люди, почался на Успение день святыя Богородеца, на Косроме, вь Ярославле, в Ростове, вь Галиче и на Плесе. Того же лета снег паде на Никитин день, иде три дни и три нощи
л. 132 об. месяца сеньтября 15, 16, 17, и паде его на четыре пяди //*, и потаял, а всякое жито под снегом было, некому стало жати, люди померли.

Вь лето 6930 бысть гладь силен по все земли, на Москве оков ржи по рублю, а на Костроме по два рубля, а в Новегороде по шти рублев. И бысть мор з голоду, вьсякую мертвечину ели.

Вь лето 6933 февъраля 23 преставися благоверны князь великий Василе Димитреевич. Того же лета преставися князь великий Иван Михайлович Тверской вь черцех, и наречен имянем Иевь, и седе по нем сынь его Александр, маия 21.

Вь лето 6934 мор бысть велик по всей земли Русской. Тою же осень преставися князь Андрей Володимеров и князь Семен Выладимерович, нареченный вь черцех Сава.

Вь лето 6935 мор бысть во градех руских. Тогда преставися князь Василей Володимерович.

л. 133 Вь лето 6936 князь великий Витовт //** со многими силами ходил на Великий Новгород и вьзял с наугородцев откупа полдесят тысячи рублев наугороддких, а со владыки вьзял две тысячи рублев.

Вь лето 6937 приходиша татарове кь Галичю, града не взяли, а волости повоева, на Крещение же приидоша на Кострому и попленшу ю, отидоша *** на низ Волгою. Князь же великий посла за нимии и догониша их и татар побиша, а полон отняша, а царевича самого не догониша.

Вь лето 6938 во Смоленске явись волк гол без шерсти и многые люди он ел. А в Троицех езеро Жидовское 3 дни стояло кроваво. Того же лета князь великий Василей Васильевич и Фотей митрополит бысть в Тродех Витовта.

Вь лето 6939 князь великий Василей посылал ратью на больгары волежьско князь Федор Давыдович Пестрого; он же шед взят их, и вьсю землю поплени. И того же лета июля в 2 день преставися Фотей митропо-
л. 133 об. лит //**** всеа Русии и полежен бысть в церькви Пресвятыя богородеца на дестной стране, иде же бе гробь Киприяна митрополита.

Вь лето 6940 месяца сентября вь 8 день пожаловал царь великого князя Василия Васильевича великиим княжением. Того же лета преставися князь Андрей Димитреевич и привезше его на Москву положиша во Арьхангелех. Того же лета князь Юрье Димитрович бояся великаго князя иде из Димитроева вь Галич, и княз велики взяль Димитров за себя.

В лето 6941 побежал от великого князя боярин его Ивань Димитроевич ко князю Костянтину на Углеч, а оттоле во Твер. Тое же зимы жинися князь великий Василей Васильевичь на Москве февраля в 8 день, понял княжну Марию, Ярославлю дщер Володимеровичю. Того же лета князь великий посла по воеводу своего князя Юрья ***** Патъракеевич,
л. 134 а с нимь двор свой и многие //****** люди на Кострому и на Юрьевичев, а с ними быша вятъчаня и галичаня и сташа на бой и на речьке на Кусе, и рат великого князя побиша, а князя Юрья поимали и приидоша опят на Кострому, а как Вольга стала и они ступиша кь Турьдеевым врагом.

В лето 6942 князь великий Василей Васильевич слышав измену

---

* *В рукописи вторично* на четыре пяди.
** *В рукописи вторично* Витовт.
*** *Испр.*; *в рукописи* оидоша.
**** *В рукописи вторично* митрополит.
***** *В рукописи вторично* Юрья.
****** *В рукописи вторично* и многие.

дяди своего князя Юрья, что у детей его былы воеводы со многими людьми, иде ратю вь Галичь и город взял и люди вь плен поведе. Тое же зимы князь Юрей, приде вь Галичь и собра воя своя, и с вятьчаны и поиде к Москве ратю. Князь великий Василей Московски поиде противу ихь, и бысть межу ими сеча, и княз Юри одоле, а князь великий побежа к Новугороду Великому.

Вь лето 6944 князь великий Василей Юръевич ходиль на Устюгь из Галича да вячаня с нимь, и стояли под городом под Гледюном 9 недель и город //* вьзял и воеводу великаго князя убил, князя Глеба, а десятилника вьладычня Ивана Булатова повесил, а устюжан казнил смертною казнию многих. Тоя же зимы князь Димитрей Шемяка приехал на Москву зьвати великаго князя на свадбу. И князь великий поимал его и послал на Коломну, а пристав был у него Ивань Старков, а та Коломна за ним же была тогды. Тое же вестны князь Василе Юрьевич поиде со-стюга на великаго князя похваляся. л. 134 об.

Вь лето 6951 Мустофа побиты па Рязани от великого князя Василья Васильевича. Тое же же вестны бои ** был великому князю с Матутюном.

В лето 6954 царь Махьмет и сынь его Магмутек великаго князя пожаловали, утвердили его крестьным целованием, что дати ему от собя откупу сколко может. Тое же осени, октября 1, вь кой день отпущен князь великий ис Курмышева, вь 6 часы нощи тоя, // тогды потрясесе град Москва и храмины поколебашася. Тое же осени, заговев Филипово говенье, прииде князь велики из Орды на Москву, месяца ноября в 27 день. Того же лета князю Димитрею Шемяке вложи диявол мысль, и хоте великого княженния и вынял очи великому князю Василию Василиевичю и отслаша его на Углеч и со княгинею и его детей. л. 135

Вь лето 6955 князь Дмитре Шемяка поиде на Углеч, хотя выпустити великого князя и его детей.

Вь лето 6956 вь говенье Филипово царь Казани Мамутек послал вьсех *** князей своих со многою силою воевати отчину великого князя Володимерь и Муром и прочая грады. Слыша же то князь великий и посла противу ихь князей и бояр. Тое же зимы князь великий поиде на князя Димитрея к Галичю, и пришед со многою силою, ста на Костроме и оттоле начаша межи собою послы посылати.

В лето 6958 ходил князь великий на князя Димитрея к Галичю //**** и бысть ему весть, что сшел к Вологде. И князь великий на Иледамь, на Обнору, хотя итти на него к Вологде. Ино усьлыша великого князя на Иледаме и побеже, и оттоле к Новугороду. л. 135 об.

В лето 6960 прииде весть к великому князю, что князь Димитре Шемяка идеть к Устюгу. Князь же великий сына своего Ивана посла противу его. А сам князь великий взем рожество христово с Васильева дни поиде противу ему. У Троицы вь Сергееве монастыре, ту бысть ему крещение, и оттуду поиде к Ростову и к Ярославлю, и Шемяка возвратися и поиде к Новугороду. Того же лета июня 4 жинил князь сына своего великаго князя Ивана у великаго князя Бориса Александровича у Тверского, взял дщер Магрию. Того же лета преставися князь Дмитрей Шемяка в Новеграде вь Великом.

Вь лето 6964 преставися князь великий Иван Федорович, вь черьцех наречен бысть //***** Иона. л. 136

Вь лето 6966 родися великому князю Ивану Васильевичю Иван Иванович вь среду на Федорове неделе.

---

* *В рукописи вторично* и город.
** *Испр.*; *в рукописи* бо
*** *Испр.*; *в рукописи* вьсвех.
**** *В рукописи вторично* к Галичю.
***** *В рукописи вторично* наречен быст.

В ь л е т о 6 9 6 8 ходил князь великий к Новугороду Великому миром. Того же лета месяца июля в 18 день вь пяток час дни гинуло солнце и бысть яко пят дней месяц, минувши же 4-му часу и быст полно якопреже. Того же лет безбожны царь Ахмут Болшие Орьды приходил со всею силою под Переслав Рязанский и срамом отступил.

В ь л е т о 6 9 7 0 вь монастыри архагела Михаила у гроба чюдотворца Алексия прощен быст чернец того же монастыря имянем Наум. Тое же зимы вь пяток на Федорове неделе князь велики чая себе сухотной болести и нача жещися, и егда разгнишась* раны вьси и быст ему болезнь тяжка зело, и восхоте вь черницы постричися, и не даша ему воли, и пре-
л. 136 об. ставись. И седе нем по его //** благословению на*** великое княжение сынь его князь Ивань Васильевич.

В ь л е т о 6 9 7 1 обретение мощем благоверьнаго князя Федора Ростиславича и его детей Давида и Костянтина ярославских чюдотворцев.

В ь л е т о 6 9 7 2 князь великий Ивань и мати его великая княгиня Мария отпустили князя Василия Ивановича на Рязань на его отчину на великое княжение.

В ь л е т о 6 9 7 6 - е со Воздвижениева дни ходил царевич Касимовский кь Казани имянем Касимь, а с ним воеводы, князь Иван Васильевич Оболенский Стрига****. То же осени князь великий Ивань Васильевич посла на черемису князя Семена Рамановича. Тое же зимы генваря 6 на крещение господне рат великаго князя прииде в землю Черемискую и много зла учиниша земли той. Тое же зимы князь великий за три недели до великого заговинья поиде к Володимеру, а с нимь брат его князь Юрий да князь
л. 137 Борис, да сын его //***** князь Иван, да княз Василей Михайлович Верейской****** и вьси князи их.

В ь л е т о 6 9 7 7 пришел посол из Рима о сватовстве великому князю Ивану Васильевичю от гарьдинала Висариона грек Юри имянем. Тое же вестны князь великий посла рать на Казань князя Костянтина Александровича Безубцева. Тое же вестны женился князь Андрей Василеевич Углецкой, понял жену княжну Улияну княжа Раманову дщерь Мезецкого.

В ь л е т о 6 9 7 9 ходил князь Иван Василиевич на Новгород ратю и Новгород взял. А поиде тогда князь великий к Новуграду, послал в поле Микиту Беклемешева искати царевича Муртазы Мустофина, сназвати его кь себе служити. Тое же зимы по крещение явись звезда хвостата над летним запатом, хвость же ея тонок, а недобре долгь. Тое же зимы князь
л. 137 об. велики обмыслил со отцем своимь митрополитом //******* и с материю своею великою княгинею Марию и з братиею и з бояры своими, и послаша Фрязина в Рим по царевну Софиею. Того же лета бысть начало зданию церкви Пресвятыя владычице******** нашея богородецы на Москве, восхотеша бо воздвигнути храмь великь зело в меру храма Пречистыя богородеца вь Володимере. Того же лета месяца маия в 23 день Ивань Фрязин прииде в Римь к папе Систюсю, к гардиналу Висариону и бысть честь вилика Врязину. Тое же зимы того же месяца в 30-е вь четвергь на заговинье на Петрово прииде весть к великому князю, что царь со всею Ордою идет к Олексину.

В л е т о 6 9 8 1 преставися христолюбив князь Юри Васильевич на Москве. Того же лета прииде на Москву из Рима царевна София и поиде она за великого князя вь Филипово заговинье.

---

* *Испр.; в рукописи* разни разгнишась.
** *В рукописи вторично* его.
*** *Испр.; в рукописи* на великом на.
**** *Испр.; в рукописи* и Стрига.
***** *В рукописи вторично* да сын его.
****** *Испр.; в рукописи* Верейской Верейско.
******* *В рукописи вторично* митрополитом.
******** *Исп.; в рукописи* влачище *без титла.*

Вь лето 6982 месяца маия в 20 день //* в первы час нощи падеся соборная церьковь Пресвятая богородеца, еже начат преосвященны митрополит здати. Того же лета месяца июля прииде изо Пскова к великому князю посол посадник Иоан Огафонович. л. 138

В лето 6983 ... скых ** древяных и разметаша, воскресение да Акилу святаго. Того же месяца 21 прибежа из Орды посол великого князя Димитрей Лазарев. Того же лета тьма бысть масленое заговиние ненадолго от втораго часа да до седмаго, и люди в то время во многую в печаль впадоша. Месяца марта в 10 день, а небестнаго февраля 15 день вь нощи сниде на понедельник вь 3 час нача гинути месяць и погибе весь, не видети его было до полнощи, и потом явися.

Вь лето 6985 прииде из Новаграда к великому князю посадник Захарья Винов за приставом великого князя со многими людьми наугородцы месяца майя // *** вь 1 день. Того же лета преставись преподобны игумен Пафнотей честныя обители Рожества богородецы на реце на Поровствей. л. 138 об.

Вь лето 6986 ходил казански царь Обреим на Вятку и много полону поимал и секль.

Вь лето 6987 марта 25 день вь 8 час нощи родися великому князю Ивану Васильевичю сынь от царевны Софьи имянем Василей. Того же лета месяца июля князь великий Ивань Васильевич заложил церьков Ивана Златаустаго каменну за покровом в садех. Того же лета совершена бысть соборная церьков великая Успение богородецы на Москве; месяца августа вь 12 день в четвергь священа быст святая великая соборная церковь; того же месеца вь 23 день в понедельник, пренесение мощем чюдотворца Петра.

Вь лето 6988 месяца октября в 26 день князь велики пошел к Нову граду миром * // **. Того же месяца в 30 день вь самую завтреню многие слышали, что колоколы московские на площади зучали о собе так, как после звону коли зучать. Тое же осени по отъездь великого князя вь Новгород придоша ис поля к великому князю два ****** царя служить Мердоулат с ******* сыном Бердолатом, да брат его Айдар, дети царя Ачигерея Кримъскаго. Тое же зимы брать великого князя князь Ондрей Большей да князь Борис отступиша от великого князя, а княгини отпустиша во Ржеву. Тое же осени родися великому князю Ивану Васильевичю сын князь Юрей. Того же лета приходил безбожны царь Ахьмат на Угру. Того же лета в той же день бысть побоище на Шилеге на речке вятьчаном с наугородцы с двиняны и с мычаны. л. 139

Вь лето 6989 месяца июля в 5 день преставися князь Андрей Васильевич Меньши на Москве //******** Вологодцкой в четвергь 3 часа дни. л. 139 об.

Вь лето 6990 взят быст Киев городь от царя Ачиреева сына Арьцаяра. Того же лета приведоша из Волок за князя Ивана Ивановича Стефанову дщерь воеводину имянем Елену. Того же лета пред свадьбою Ивана Ивановича за 4 дни преставися князь великий Василе Иванович Рязанской, зять великого ********* князя Ивана Васильевича.

Вь лето 6991 отпустил князь великий с Москвы на князя на Суздальскаго ********** на Ассику своего сына боярьскаго Ивана Ивановича Салтыкова воеводу.

---

* *Испр.; в рукописи де выносное,* день; *затем вторично* день.

** *Так в рукописи непосредственно после даты; в протографе, очевидно,* два застенка Архангельских (*описание пожара 6984 г. ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 304*).

*** *В рукописи вторично* майя.

**** *Внизу листа несколько раз* 12.

***** *В рукописи вторично* князь великий пошел к Новуграду миром

****** *Испр.*; *в рукописи* дв два

******* *Испр.*; *в рукописи* с *нет*

******** *В рукописи вторично* на Москве.

********* *В рукописи недописано* вели.

********** *Испр.; в рукописи* Сулздальскаго.

Въ лето 6992 родися великому князю Ивану Ивановичю сынь князь Димитрей въ 10 час нощи. Тое же вестны майя в 7 день князь Ивань Васильевич всеа Русии заложил церьковь каменную Благовещение пресвятыя богородеца на своем дворе. Того же лета приходили к великому князю
л. 140 // от вологодскаго князя Юмьшана Асынина сына бити челом о апасе.

В лето 6993 генваря 4 день князя Кондийские Молдан з детми да Панзеги да Сонта да Пытке и Малимир подо владычнымь * городом Усть-Выским за всех свои земли выход великому князю. Того же лета июля 19 день заложена быст на реке на Москве стрельница, а под нею выведен тайник, а делал еи Аннтонь Взязин.

Въ лето 6994 месяца сеньтября в 8 день прииде князь великий Иван Васильевич и сынь его князь Иван Иванович по град Твер, со всеми силами опступиша, и град взя, а князь Михайло Борисович збежал в Литву.

В лето 6995 послал князь великий Иван Васильевич воевод своих к Казани — князя Данила Димитреевича Холмьскаго, да князя Александра Васильевича Оболенскаго, да князя Семена Ивановича Ряполскаго //**,
л. 140 об да князя Семена Романовича, и они шед город вьзяли. Того же лета князь великий Ивань Васильевич царя Махьмет Аминя из своея руки и посадил на царьство въ Казань. Того лета повелением государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русии осьновал полату велику Марко Фрязин.

В лето 6996 повелением великого князя Паваил Фрязин Дебьвосис слил пушку велику медяну, 1000 въ ней пудов меди.

В лето 6997 прииде к великому князю Ивану Васильевичю от римьскаго цесаря Фердириса посол Микула о любови и о дружбе, и князь великий почтив посла ***его и отпусти с любовию кь его государю, да с ним же вьместе отпустил князь великий своего посла Юрья Тарханиота к цесарю Фердерису с любовию. Того же лета преставися месяца майя въ 17 день, 11 час дни, //**** преставися преосвященны митрополит Герон-
л. 141 тей.

В лето 6998 марта в 7 день, восмы час нощи сь суботы на неделю преставися благоверны и христолюбивы ...***** въ Переславле в Залеском. Того же дни послал по брата своего на Волок по князя Бориса. Тое же осени октября в 20 день придоша на Москву Ондрен Петров да Василей Иванов сынь Болтина, что посылаль с ними немец Ивана да Виктора на Печеру руды искати серебряные и оне руду нашли медяную и серебряную.

В лето 7001 изошла пасхалия, и Зосима митрополит вьсеа Русии изложил пасхалию на 20 лет.

В лето 7002 на Устюзе у Спаса августа в 5 день в женском монастыри на вечерни от иконы Преображения миро иде от очию, тако же у Мосея
л. 141 об. и у Илии пророка.

Въ лето 7003 августа в 7 день послал князь великий //****** Иван Васильевич воевод своих князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарьевича со многими силами на свийскаго короля неметцаго. Того же лета августа в 15 день на успение пресвятыя богородеца загореся Москва за рекою за Москвою у Святыя Софии; в той же час загореся внутри города великого князя двор, и выгоре посады вьсе и торгы и сады и рьбаты до Всполе. И быст плач и туга, многое множество людей погорело и задыхалося.

* *В рукописи* *влачнымь* без *титла.*

** *В рукописи вторично* Ряполскаго.

*** *Испр.; в рукописи* послав.

**** *В рукописи вторично в* 11 час дни.

***** *Никакого пропуска здесь нет; в протографе слова* благоверны и христолюбивы *были началом известия о смерти Ивана Ивановича (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 273), а слова* въ Переславле — *окончанием известия о ссылке детей Андрея Угличкого (ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 333; ПСРЛ, т. IV, стр. 160; ПСРЛ, т. VIII, стр. 223), относящегося к 7000 г.*

****** *В рукописи вторично* великий.

В лето 7004 году месяца генваря в 1 день прииде на Москву посоль изь Литвы Якун по княжну Овдотью по великаго князя дщерь, и отпустил ея вь Литву февраля в 8 день за короля за Александра. Того же лета на Кане ходили, и на Устюзе церьковь соборьная згорела, и пасад весь погорел.

Вь лето 7005 князь великий Иван Васильевичь //* рат немцев ** воевать под Выбор. Тогда быст зима студена, и люди много мерли, и полон познобили. Того же лета пришедши немцы с моря вь сусахь и вьзаша Иванъград. Того же лета царь Мамук Иванов брат Тюменскаго, пришед с ногаи и вьзяша град Казань. Того же лета майя месяца послал князь великий Ивань Васильевич вь Казань на царьство царя Абьдыл Лепифа меншаго брата казанскаго царя. Тое же осени послал князь великий Иван Васильевич послал своих послов вь Крим ко царю Мингирею князя Ивана Звенца, он же тамо преставися. л. 142

Вь лето 7006 году февраля в... *** князь великий Иван Васильевич посадил на великое княжение вьнука своего князя Дмитрея Ивановича и Стефана вьнука.

Вь лето 7007 году князь великий Ивань Васильевич поимал бояр своих князя Ивана Юрьевича з детми с князем Васильемь да с князем Иваном и хотя их казнити смертною казнию, и упроси их //**** от смертьныя казни Симон митрополит да с нимь владыки; князь же великий повеле князя Ивана вь железех пострищи на Москве и посла его вь Сергиевь монастырь, а зятя его, князя Семена Ивановича Ряполскаго повеле казнить смертною ***** казнию и повеле ему главу отсещи на Москве на реке. Того же лета князь великий Иван Васильевич посла воевод своих ратю, князя Семена Федоровича Курбьскаго, да князя Петра Ушатаго Федоровича, да Василья Ивановича Бражника вь Ноугородцкую землю вь Каду на гогуличи, а с ними устяжане, и вятьчане, и пермичи, двиняне, важане, пежане. Того же лета, месяца июля 29 ден князь великий Иван Васильевичь пожаловал своего сына князя Василья Новымгородом на великое княжение и нарече его великим //****** князем, и благословиша его митрополит Симон, и поступи на великое княжение на Наугородское *******, а князя Юрья на Дмитров, а князя Дмитрея Углечем. л. 142 об. л. 143

Вь лето 7008 году князь Василей сын великого князя Ивана, хотя великого княжения и хотев его истравити на поле на Свинском у Самьсова бору, и сам побежа вь ******** Вязьму с воими и советники. А князь великий нача думати со княгинею Софиею, и возвратиша его, и даша ему великое княжение под собою, а князя Дмитрея поимаша и с материею княгинею Еленою.

Вь лето 7008 посла князь воевод ********* своех князя Данила Васильевича Щеня да Юрья Захаина на Путимль, и они шедши Путимль вьзяли и князя Костянтина Островскаго поимали, и Лютавора и князя Богдана привезли и з женою и з детьми.

Вь лето 7009 заложил князь великий церковь каменну // ********** Арьхангел да Ивань святы под колоколы. л. 143 об.

Вь лето 7010 отпустил князь великий дете своих князя Юрья да князя Димитрея на удел вь Димитров и на Углеч.

---

* *В рукописи вторично* Васильевич.
** *Испр.; в рукописи* ненмцев.
*** *В рукописи пропуска места для даты* нет.
**** *В рукописи вторично* и упроси ихь.
***** *Испр.; в рукописи* смерною.
****** *В рукописи вторично* великим.
******* *Испр.; в рукописи* Наугодское.
******** *В рукописи перед этим было написано и зачеркнуто* вьзму.
********* *В рукописи конец слова обрезан.*
********** *В рукописи в конце л. 143 и в начале л. 143 об. еще дважды повторено* каменну.

В ь л е т о 7011 заложи князь великий первую свою полату на берегу крастную да погребы и сушила каменны и поварнин и хотя себе двор строити каменной.

В ь л е т о 7011 князь великий Иван Васильевич заложил полату великой княгине и переходы и сени за Лазарем святым за олтарем.

В ь л е т о 7013 царь Казански высеклъ гостей вь Казани руских на рожество Иванна Предотечи.

В ь л е т о 7014 князь великий Василей Иванович помысли женитися и нача избирати княжьны и боярчины. Тое же вестны князь великий вь судех отпустил па Казань своего сына князя Димитрея Жилку да Димитрея Васильевича Шеина //*, иных воевод, и та шедше убиен бысть Димитрей Шеин, а князь Димитрей убежал, и много людей потравили.

В ь л е т о 7015 м е с я ц а сентября вь 8 день женился князь великий Василе Иванович, а понял дщерь Юрья Сабурова Соломаниду. Тое же осени преставися князь великий Иван Васильевич месяца октября в 24 день.

В ь л е т о 7017 князь великий Василе Иванович вьзяв Пьсков город на Оксин день месяца генваря ** вь 24.

ГПБ, Погодинское собрание, № 1612.

* *В рукописи вторично* Шеина.
** *Испр.*; *в рукописи* геваря.

А. И. Клибанов

ПОВЕСТИ А. М. КУРБСКОГО ОБ АВГУСТИНЕ ГИППОНСКОМ

Публикуемые ниже Повести об Августине Гиппонском содержатся в сборнике № 216 Чудовского собрания Государственного исторического музея. Описавший чудовское собрание П. Н. Петров сообщает об этом сборнике: «Блаженного Августина книга о видении Христа и молитвы, 4^0, 158 л., 17 в.» [1].

Сборник монографичен. Он состоит из материалов, объединяемых личностью знаменитого западнохристианского теолога епископа г. Гиппона Августина (354—430).

В сборник входят: 1. «Житие святаго Августина...»; 2. Сочинения Августина: а) «О видении Христа...», б) «Поучения или молитвы»; 3. Две повести под названием «Сказания о явлениях святому Августину, епископу Иппонийскому».

Сборнику № 216 посвящена небольшая, но очень важная заметка А. И. Соболевского в его труде «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков». А. И. Соболевский приходит к следующему выводу: «Список Чудова монастыря № 216, к. XVII в., с ученой орфографией. Перевод сделан человеком, не только хорошо знающим латинский язык, но и по-своему образованным. Его церковно-славянский язык имеет много русизмов» [2]. По мнению А. И. Соболевского, переводчика жития Августина и сочинений его, вошедших в сборник № 216, следует искать среди окружения А. М. Курбского.

Но нас интересуют не переводы, а оригинальные русские сочинения, носящие в сборнике № 216 заглавие «Сказания о явлениях святому Августину, епископу Иппонийскому». Указания на оригинальность этих сочинений и на среду, в которой они обращались, содержатся в вводных строчках самих «Сказаний...»: «Неправедно возмних утаити и две повести чудные, явленные от бога святому Августину, ихъ же слышал есмь от многих православных словом сказаемы, паче же от преподобнаго Максима Философа, а написанных нигде же видех, и не вем, аще преведены ли будут в русском языце» (л. 155).

Максим Философ — это, конечно, Максим Грек. Именно так неоднократно называл его в своих сочинениях А. М. Курбский. Приведенный выше отрывок имел для А. И. Соболевского решающее значение в атрибуции «Сказаний...» А. М. Курбскому. Еще более доказательным мнение

---

[1] П. Н. Петров. Книгохранилище Чудова монастыря. «Памятники древней письменности», вып. IV, 1879, стр. 164

[2] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 196.

А. И. Соболевского делает письмо литовского князя А. И. Полубенского, посвященное оставшимся в Юрьеве книгам Курбского. Перечисляя эти книги, Полубенский называет «Житие Августия Ипанискаго да и иные словеса, а переведено из Латынского языка» [3].

Не сборник ли, дошедший до нас в позднем списке Чудовского собрания, упоминает Полубенский?

Заинтересованный в получении посвященного Августину сборника, Полубенский обращается к своему адресату, некоему Якову Шабликину, с советом на тот случай, если сборник не будет найден в Юрьеве: «и ты бы велел списать у старца у Васьяна у Муромца в Печерском монастыре *да и явление чюдес Августиновых, а писаны при конце*» [4].

Сомнений нет, чудовская рукопись № 216 воспроизводит описанный Полубенским сборник Курбского.

Но, может быть, Курбский являлся лишь составителем и собственником сборника, известного нам по списку № 216 Чудовского собрания? Может быть, «Сказания...» принадлежат какому-нибудь другому представителю блестящей плеяды русских литераторов, группировавшихся вокруг Максима Грека?

Ни Василий Тучков, ни Федор Карпов, ни Вассиан Патрикеев, ни старец Артемий не засвидетельствовали в своих сочинениях сколько-нибудь заметного внимания Августину, хотя сочинения самого Максима Грека изобилуют ссылками на Августина [5] и Максиму Греку принадлежит специальный трактат «Словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику книги св. Августина, епископа Иппонскаго» [6].

Что же касается Курбского, то он охотно ссылается на Августина в «Отвещании на вторую епистолию» [7], в послании к Кузьме Мамоничу [8], помещает Августина в ряд высочайших богословских авторитетов во втором послании Мамоничу [9], в послании Чапличу [10].

В русской литературе середины XVI в. заметен сознательный и повышенный интерес к произведениям словесного творчества, стремление увековечить устный рассказ в произведении письменности. Таким примером является не одна литературная обработка Ермолаем-Еразмом Повести о Петре и Февронии. Повести об Августине Гиппонском — тоже литературная обработка рассказов, имевших широкое, по-видимому, распространение в изустной традиции («...две повести чудные... ихъ же слышал есмь *от многих православных словом сказаемы...*») (курсив мой.— *А. К.)*.

Но, как это явствует из вводного к повестям текста, запись их сделана прежде всего со слов Максима Грека («...паче же от преподобнаго Максима Философа...»). Мы можем указать только на одного современника Максима Грека, который преданно записывал слышанное им от своего учителя. Это — А. М. Курбский. В Истории Флорентийского собора Курбский повествует о бывших на нем разногласиях, «яко слышах от преподобнаго Максима Философа» [11]. В предисловии к Новому Маргариту Курбский воспроизводит рассказ Максима Грека об истории перевода сочинений восточных отцов церкви, превращает этот рассказ в небольшую, но законченную повесть [12].

---

[3] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. 31. СПб., 1915, стб. 496.
[4] Там же.
[5] Сочинения преподобного Максима Грека, ч. I. Казань, 1859, стр. 344, 346, 419, 420, 434.
[6] Там же, ч. III. Казань, 1862, стр. 205—226.
[7] РИБ, т. 31, стб. 156.
[8] РИБ, т. 31, стб. 423.
[9] Там же, стб. 432.
[10] Там же, стб. 440.
[11] Там же, стб. 475.
[12] Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 308—310.

Примем во внимание и заметки в Хронографе 2-й редакции, например: «Максим Грек инок святой горы сказал...» и т. д.[13], поскольку А. И. Соболевский основательно объяснял происхождение этих заметок знакомством составителя Хронографа 1617 г. с сочинениями Курбского[14].

Среди учеников Максима Грека едва ли не самым большим почитателем и ценителем его трудов оказался Курбский.

Когда вчитываешься в «Историю о великом князе московском», во введение в книгу Иоанна Дамаскина[15], в предисловие к Новому Маргариту[16], в многочисленные и обширные схолии Курбского, сделанные им на полях его переводных сочинений[17], становится очевидным, что вопрос об идейных связях между творчеством Максима Грека и А. М. Курбского, касается ли это тем религиозно-философских или даже общественно-публицистических, еще ждет своего исследователя.

В частном случае, каким является атрибуция публикуемых ниже Повестей, большое значение имеет тот факт, что идейное содержание Повестей как раз лежит в русле взглядов, которые развивал Курбский, на религиозно-церковные вопросы своего времени.

Повести нацелены против тех же «лукавых учителей», о которых Курбский писал, что они «... незлобивых души прельщают, сопротив евангельскаго закона и святых седмоапостолпных правил ходяще, и по своему самочинию живуще, ризами точию украшающеся, а не делы, яко словеса глаголют: сами не входят, хотящим внити возбраняют, и царем и властелем угождающе ласкательными слухи»[18].

Публикуемые Повести имеют своим сюжетом легендарные случаи, якобы пережитые Августином и убедившие его в претенциозности, высокомерии и греховности иерархов, уповающих на книжную ученость, на религиозно-обрядовый буквализм и третирующих простых людей из народа и низшего духовенства, которые хотя и не искушены в канонике и богословии, однако праведны искренностью веры и справедливостью дел. Острой критике подвергается молитвенный ритуал, педантичное следование которому в понятиях церковников и составляет молитву. Для времени, когда были написаны Повести, критика церковной практики молитвословия была распространена; ей придавали, в частности, большое значение в кругах нестяжателей середины XVI в.[19].

Автор Повестей. проявив незаурядное умение заинтересовать читателя живостью и стремительностью изложения, красочностью и образностью рассказа, в то же время не удовлетворяется одним художественным осуществлением своего замысла. Темперамент публициста диктует ему завершающие строки его сочинения (относящиеся к обеим его повестям): «Зрим зде со опаством и внемлем себе со истязанием, где ныне зазирающие оглаголники и неповинных истязатели, малоискусных в писании иереев и диаконов осуждающии, а простоты жителства их не смотряюще; такожде и народов простых неискусству молитвам насмехающеся, а трудов их претяжких и потов многих ни во что же вменяюще. Пред милосердным же владыкою и содетелем всех не тако, но правость в человецех сердечную зрит, и опаснаго чистаго жителства хощет, и любви нелицемерная к себе и ко всем истязует» (л. 158). Это неповторимый в своей литературно-публицистической тональности голос Курбского.

---

[13] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, стр. 82.

[14] Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, стр. 16—17.

[15] «Библиографические записки», 1858, № 12, стр. 358—366.

[16] Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 303—312.

[17] А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань, 1890.

[18] «Библиографические записки», 1858, № 12, стр. 363.

[19] См. Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 327 и 328.

По совокупности источниковедческих наблюдений и рассуждений мы считаем Повести об Августине Гиппонском сочинением Курбского.

Можно высказать и соображения о времени их написания. Из письма Полубенского, называющего сборник, в котором находятся Повести, в числе книг, оставленных Курбским в Юрьеве, явствует, что Повести были написаны до бегства Курбского, т. е. до 1564 г.

Ссылка же Курбского в предисловии к Повестям на рассказы, слышанные от Максима Грека, указывает, что Повести были написаны после 1551 г., так как личное знакомство Курбского и его общение с Максимом Греком приходится на время пребывания последнего в Троицком монастыре.

Но вероятнее всего, Повести были написаны Курбским после смерти Максима Грека, последовавшей в 1556 г., т. е. между 1556 и 1564 гг. К этому предположению ведут не только логика (пока был жив Максим Грек, можно было надеяться, что сам он и превратит свои рассказы в литературное произведение), но и особенности сборника, в котором содержатся Повести. Дело в том, что Житие Августина, с которого сборник начинается, характерно своей противоеретической направленностью, что делало сборник особенно актуальным ввиду обнаруженной ереси Феодосия Косого.

Главный обличитель ереси Косого — Зиновий Отенский — выступил со своими основными сочинениями «Истины показание...» и «Послание многословное...» во второй половине 50-х годов XVI в. (1556—1558 гг.).

В этой связи обращает на себя внимание содержание упомянутого Жития Августина. В нем имеются главы: «О прении Фуртунатове Манентовы ереси», «О прении с донатистом», «О скитающихся донатистех по земли и развращающих веру», «...о прении со еретиком Крестином», «...о обращении единаго купца манихейские ереси именем Фирмос», «Како святый Августин и иных от манихеан обратил», «о препрении пелагиан».

Повести Курбского об Августине Гиппонском являются ценным памятником русской общественной мысли и литературы 50-х годов XVI в. Они послужат характеристике мировоззрения Курбского в московский период его жизни и его взаимоотношений с Максимом Греком.

ТЕКСТ

л. 155 [Сказание о явлениях святому Августину, епископу Ипонийскому].

Не праведно возмних утаити две повести чудные, явленные от бога святому Августину, ихъже слышал есмь от многих православных словом сказаемы, паче же от преподобнаго Максима Философа, а написанных их нигде же видех, и не вем, аще преведены ли будут в Руском языце.

Едина же сия.

Ходящу святому Августину близ края морскаго, и помышляющу ему во уме своем, да прилежно и со тщанием известит разум и мудрость во всех священных писаниях глубинами духа явленный, и, егда в мыслех сих вращающуся ему и к богу о сем умное моление простирающу, видев отроча при мори играющо, ископавшо на песце морстем ровик мал, и из моря непрестанно воду черпающо, и носящо во рвец, в песце сотворенный, и лиющо, и сия на мнозе творящо. Епископ же зрящи на него, и ему аки играющу зазре, и рече: что сие содеваеши и глумишися нелепотне? И отрок, л. 155 об. [епископа наказующа аки отверг] отвеща ему: хощу от великаго // сего моря воду сию преносити во рвец сей; и скорейше паки от моря воду носяще, и во рвец непрестанно лияше. Епископ же аки с грозою паки порече ему: что, рече, невозможным вотще трудишися, и да престанеши

младенчески глумяся. Отрок же паки отвеща ему: како глаголеши, о епископе, яко не возможно ми от моря воды сея во рвец сей преносити? Аще и велико ти море сие зрится, но малейшая часть есть от божиих тварей. А ты почто не стыдишися днесь помышляти всех бытств содетеля, глубины мудрости духа изведати? И абие невидим бысть. Епископ же о преславном сем ужасен быв, и разумев явлишагося ему отроча, яко ангел божий есть, и со благоговеинством и смирением спрятав мысль свою, и наслаждаяся откровенными ему от духа даровании, яко от божия ангела наставлен излишних не испытовати.

Другая есть сия

Бывшу иногда святому Августину на Карфагенстем соборе преимеющим сопрестолником в западных епископех, преизобилия ради мудрости его, и мудрствующе вкупе единением духа с восточными святители, и по совершении догматов о правоверии священнаго сего собрания возвращающуся ему ко своей епископии, и плавающу ему морем. и принесен бысть корабль // по божию строению к некоему острову, пусту и ненаселену человеки. И егда близ его быв, утвердивши корабль якорьми нужны ради волн, сущии же от корабля изыдоша на остров прохлаждения ради, видевше на нем овощие различное. И егда разыдошася в внутренняя острова, и обретоша на нем человека некоего пустынника, нага суща и многолетна. И приведоша его к Августину. Августин же вопроси его, аки хотя ведати о нем известно, кто и каков родом, и откуду, и како прииде на пустое сие место, и о пребывании его, и о нуждах телесных от горения солнечнаго и от мраза в зимнее время, и о пищи. Он же извести ему, яко рожден быв во Африкийской земли от христианых родителей, от чреды же убогих и земледелателству прилежащих, от языка же Италийска; «и к страданию прилежах на селе с родителями моими, и во время господних праздник прихождах к церкви, и слышах во учении христове глаголема: аще кто не отречется всех своих, и не возмет креста своего, и во след мене не грядет, несть мне достоин *. Аз же сие слышах, и сего ради оставих родители и землю свою, и обретох мал кораблец, и преплых на остров сей, и пребываю в пустом сем месте многи уже лета, любве ради Христа моего, покрываемь и помогаемь благодатию его // от всех приключающихся скорбей и от нужд телесных; и не видех зде лица человечя во вся лета пришед от вселенныя, разве вас, и питаюся овощием острова сего». Августин же паки вопроси его: «егда во вселенней пребывал еси, навыче ли какое книжное учение, и кои молитвы зде к богу глаголеши?». Он же рече: «учению книжному ни мало причастен есмь, зане от родителей нудим бех ко сродному ми земледелателству, и во младости моей краткия молитвы навыкох, всем христианом обыкновенные, и сими молю всемилостиваго бога». Августин же повеле их изрещи все по ряду. Он же нача глаголати молитву, господним учеником преданную, еже есть «Отче наш», и иные краткие молитвы, отнюдь неискусно и несогласно, горняя долу поставляя, и иная же опако глаголаше. Августин же подивися любви его к богу, и терпению мужа, и неискуству, и учаше ему молитвы оны изъуст со благочинием, и яко же лепо. Он с радостию и усердием многим приемля учимая ему от епископа. И егда бысть ветр благополучен, епископ же поучив старца, и ризою своею наготу его одев, и плавая во своя си. Кораблю же шествие плавание погодно зело творящиеся. И по сем во вторый день корабленицы на верху седяще корабля, узревше издалеча, аки подобие человека, паче меры быстрейшим // шествием, аки птица скоропарящая, или стрела стреленная от лука пресилных мышцей, прямо стремлением к кораблю грядущи. Они же зряще сия и дивляхуся, мневше первее, яко зверя морскаго человекообразна, или приведение. Егда же близ корабля быв видимое, и постизая корабль нача вопити велегласно: «ждите, рече, господа ради, ждите мене грешнаго!»

л. 156

л. 156 об.

л. 157

---

* *Марк, VIII, 34; Лука, IX, 23.*

Корабленницы же, слышавше глас человечь и ужасшеся о преславном сем
видении, и текше внутрь корабля и возвестиша сие епископу. Епископ
скрейше изыде со всеми сущими с ним в вышняя корабля, видети преслав-
ное, и узрев старца онаго к кораблю текуща, его же на острове молитвам
учаше, на дарованной его ризе плавание оно дивне творяще: пол ея на
море послав и седяше на ней, и пол ея держаше вместо паруса простерту.
И егда к кораблю приплыв, и взыде на корабль. Епископ же Августин ви-
дев сие преславное видение, радости и ужаса исполнився и, воззрев на
небо, рече: «благодарю ти, господи мой царю, прежде бо тя слышах по
волнам морским пешя ходяща, ныне же вижю угодника твоего преестест-
венным плаванием на великом сем мори плавающа, вместо ветра навкли-
ра * тебе Христе, и духа святаго наставника с собою имуща». И по сем //
л. 157 об. паде пред ногами старца, со всеми сущими его. Старец же, воздвизая его,
от простоты и незлобия нрава, глаголаше ему: «восстани, о епископе, молю
ти ся, забых молитвы оны, тобою изученные, и молю ти ся ныне, паки изу-
чи ми их, яко же лепо». Епископ же Августин со страхом и рыданием слез-
ным рече ему: «прости мя, преподобный и пречестный авва, яко много
согреших к тебе, зазрех твоему неискуству, в пустыни сокровенному от
вселенныя безценному сокровищу, емуже не бе достоин весь мир; несмь бо
есмь достоин на святое лице твое зрети, нежели тя, ангела божия, учити».
Старец же ко епископу глаголаше: «никако же престану моляся ти, ниже
к собе возвращуся, дондеже молитвы благочинием изучиши». Августин же
устыдеся святости старца, и послушанием ему преклонися паки учя его
обычным молитвам. Старец же вытвердив молитвы, изыде из корабля, и
сяде паки на ризу свою, возвратился в пустыню, плавая морем со скорей-
шим стремлением по первому обычаю. Епископ же отплыв ко своей епи-
скопии во Ипон град, аки обогащен и одарен от бога мздою, зрением пре-
естественнаго чудодейства и видением плотнаго ангела, исповедая всем на
ползу.

л. 158 Оле неизреченныя ти, Христе, силы и предивных действ твоих к чело-
веческому окаянному роду! За малое произволение и труды преудивлен-
ными славами прославляеши рабов твоих, служащих тебе.

Зрим зде со опаством и внемлем себе со истязанием, где ныне зазира-
ющии оглаголники и неповинных истязатели, малоискусных в писании
иереев диаконов осуждающии, а простоты жителства их не смотряюще;
такожде и народов простых неискуству молитвам насмехающеся, а трудов
их претяжких и потов многих ни во что же вменяюще. Пред милосердным
же владыкою и содетелем всех не тако, но правость в человецех сердечную
зрит, и опаснаго чистаго жителства хощет, и любви нелицемерныя к себе
и ко всем истязует. Недостатки же неискуства нашего, аще глаголемы бы-
вают по неведению, и простотою разума, не токмо милосердием их напол-
няет, но премножайше и радуется о них, яко же отец чадолюбивый о немо-
тующих маловозрастных его младенцах, веселится и промышляет владыка
л. 158 об. наш по естественному // сродству добродетелех, дондеже вси достигнем в
мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Аминь.

ГИМ, Чудовское собрание, сб. № 216, лл. 155—158 об.

* ναύκληρος — *кормчий.*

Г. Н. Анпилогов

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОТВОДЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЖАЛОВАНЬЯ ЕЛЕЦКИМ СЛУЖИЛЫМ ЛЮДЯМ (1593—1594 гг.)

Публикуемая рукопись Отдельной книги о земельном жалованьи елецким помещикам — детям боярским, казацким сотникам, стрельцам, пушкарям, затинщикам, воротникам и соборным попам представляет большую научную ценность. Она хранится в фонде Поместного приказа Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) среди той части документов, которые не вошли в описание архива [1]. Рукопись Отдельной книги сохранилась не полностью, начало ее утрачено, первый сохранившийся лист оборван сверху и снизу, но эти дефекты не могут существенно уменьшить ее ценность как важнейшего исторического источника для изучения истории России XVI и начала XVII в.

Рукопись подлинная, подписана составителем — тульским помещиком елецким головою Иваном Мясным, который по указу царя Федора Ивановича в 1593—1594 гг. отводил земельное жалованье елецким служилым людям [2]. При отводе и межевании земли он подробно описал места отвода земли по урочищам. Земля усадебная, пашенная, сенокосы и другие угодья отводились и межевались детям боярским и казацким сотникам порознь, а остальным приборным служилым людям — в общей меже. В рукописи Отдельной книги упоминается рубеж на реке Воргле, в урочище Старого сторожевья и Воронецкого городища, который «положил Иван Мясной» [3].

В рукописи содержатся сведения, далеко выходящие за пределы истории строительства города Ельца на южной окраине Русского государства и его заселения служилыми людьми в конце XVI в. Отдельщик Иван Мясной дает подробное описание елецкой местности, в которой он отводил и межевал землю служилым людям. В описании межевых граней им подробно перечисляются названия рек, речек, колодцев, бродов, дорог, городищ, казацкого «строга» — острога, Старого сторожевья, урочищ, где раньше «летовали и зимовали бортники», и т. д. Все названия убедительно свидетельствуют о жизни и деятельности людей в этой местности задолго до начала строительства Ельца. Они говорят о том, что город Елец возник в конце XVI в. не на пустом месте, а в ходе исторически сложившегося заселения этой местности и организации на ее территории опорных пунктов для несения станичной сторожевой службы в течение XVI в.

---

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 26.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 141; И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846, Источники, стр. 38.

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 26, л. 12 об.

Сведения, сообщаемые в книге, касаются характера межевания земли, размеров земельного жалованья служилым людям по их разрядам. Интересно наличие у детей боярских починков, которые упоминаются отдельщиком Иваном Мясным на реке Пожени (л. 14). Материалы позволяют глубже изучить экономическое положение, классовые интересы южных помещиков и приборных служилых людей в конце XVI в., полнее и разностороннее выяснить их отношение к крестьянскому вопросу. Они помогают объяснить причины и особенности активного участия этих служилых людей в бурных и сложных исторических событиях в России начала XVII в.

В Отдельной книге получили некоторое отражение характерные особенности формирования посада в южном пограничном городе конца XVI в. Упоминается посад Поженского городища (л. 5), городища Воронецкое, Воргольское (л. 11, 13 об.). Есть указания на занятие некоторых приборных служилых людей ремеслом и промыслами. В списке елецких стрельцов встречаются профессиональные прозвища, а именно: «Калина Плотник, Василей Чеботарь, Иев Кузнец, Остафей Колачник, Якоб Рыболов» (л. 21). Эти прозвища стрельцов, так же как и упоминание о Поженском, Воронецком, Воргольском городищах (л. 21), указывают на исторически сложившиеся связи приборных людей с местным населением, в том числе ремесленным и промысловым.

В книге получили некоторое отражение особенности языка, южнорусского диалекта XVI в.

ТЕКСТ

Имена детем боярским елецким помещикам *

По 200 чети.

л. [А] Исай Осипов сын Каверин, Иван Иванов сын Михайлов, Созыка Фефилов сын Зибиров, Лаврентей ** ... Парфен Ерохин сын Меркулов, Яков Тимофеев сын Меркулов, Василий Елизаров сын Зубачев, Данило Клементьев сын Чаловой, *** Дей Михайлов сын Щетохин ****...

л. [Б] Мина Романов сын Котелкин, Митрофан Томилин сын Матвеев, Аксен Семенов сын Ютилов, Агей Ильин сын Клеменов, Григорей Герасимов сын Гребенкин, Яков Микитин сын Клыков, Неустрой Васильев сын Нестерев, Окул Ондреев сын Мухортово, Игнат Микитин сын Хромой, Иван Данилов сын Бабенков., Василей Иванов сын Карташов, Ананья
л. I Гаврилов сын Якимов, Зенон Трофимов сын Гридчин, // Ефрем Степанов сын Чернышов, Федор Иванов сын Ансимов, Бажен Микулин сын Вялехов, Насон Ананьин сын Григорьев, Семён Семёнов сын Зиборев, Олексей Иванов сын Малово, Федор Ондреев сын Мизинов, Федор Денисов сын Кренев, Василей Федосеев сын Дмитреев, Потап Неделин, Иван Иванов сын Сушков, Михайло Ломакин сын Бекетов, Мосей Васильев сын Селе-
л. II менев, Фатьян Васильев сын Гутенев, // Дей Михайлов сын Шетохин,

* *Публикуемая книга не имеет начала. Нумерация в ней сложная. Первый лист — без номера (у нас под литером А), дефектен, оборван сверху и снизу. Второй лист, также ненумерованный, имеет текст только на обороте (у нас под литером Б). Далее идут три листа, пронумерованные римскими цифрами, затем следует нумерация арабскими цифрами до конца книги, причем номер 1 отсутствует, лист, который должен был бы быть 19, пустой, также без номера, но оборотная сторона его имеет текст (у нас л. 18а об.); следующий лист имеет 19 номер. По низу всех лицевых листов 4 раза повторяется скрепа:* Иван руку приложил.

** *далее оборвано.*

*** *далее оборвано.*

**** *далее оборвано.*

Миха[й]ло Федоров сын Мизинов, Василей Кузмин сын Скороваров, Левонтей Иванов сын Лужецкой, Степан Степанов сын Скороваров, Богдан Василев сын Руднев, Иван Иванов сын Беликов, Филат Лахтионов сын Пономарев, Филип Онофреев сын Белоусов, Лазар Прокофев сын Семенов, Гаврило Копытин сын Леонтьев, Меньшой Кузмин сын Кутина, Олексей Макаров, сын Кутузов, // Павел Гаврилов сын Салкев, Степан Иванов сын л. II об. Ряполов Гаврило Дементьев Руднев, Григорей Иванов сын Стрельников, Истома Корнеев сын Ханин, Нечай Васильев сын Селюменев, Микита Данилов сын Кренев, Василей Русинов сын Хитрово, Богдан Радин сын Сухинин, Семен Степанов сын Онтонов, Федор Кудинов сын Нетесев, Фотьян да Макар Филиповы дети Капустины, Меркул Иванов сын Добриков, л. II // Иван Иванов сын Гамов, Ермол Логвинов сын Жаворонков, Иван Васильев сын Щукин, Иван Микитин сын Даставкин, Степан Раманов сын Лужновой, Михайло Васильев сын Одоевец, Ондрей Иванов сын Оченев, Иван Фомин сын Григорьев, Яков Иванов сын Тинков, Степан Степанов сын Малютин, Павел Фомин сын Телегин, Федор Васильев сын Двойченков, Ульян Селиванов сын Иванов, Тимофей Федоров сын Антипов, // Мелех Онтипов сын Бабанин *. // л. III об.

Лета 7101 и сто втораго. Книги поместные елецких детей боярских. л. 2

По государева царева и великово князя Федора Ивановича всея Русии грамоте Иван Мясной роздал детям боярским елецким в поместья усадище и дикое поле на пашню в их оклады. //

Дано Созыке Фефилову сыну Зиборову, да Тарасу, да Кузьме Микитиным детям Щукиным, да Тереху Савину сыну Климову, да Грише Иванову сыну Спесивцову, да Ваське Иванову сыну Петрыкину, да Митьке Жданову сыну Рощупкину, да Ивану Агееву сыну Ловухину, да Карпу Истомину сыну Салкеву, да Ваське Васильеву сыну Трофимову. На реке на Елце на правороте ** к Сакме усадище по обе стороны Елца. А дикое поле на пашню по обе ж стороны Елца к Сакме. Созыке двести четвертей, а Тарасу, да Кузьме, да Тереху, да Грише, да Ваське, да Митьке, да Иванку, да Карпу по полутараста чети в поле, а в дву потому ж. А Васке Васильеву на сто чети в поле, а в дву потому ж. // [З]а Иваном Ивановым сыном Михайловым, да за Игнатьем Ондреевым сыном Горяинова, за Левоном Багриновцовым, да за Филатом Красниковым усадище на речке на Пожени, ниже колодезя Поженсково, под Радушкиным лесом, на гору и вниз по Пожени, и по обе стороны реки Пожени. А х тому усадищу дикое поле на пашню прямо к Лучку Ивану да Игнатью, да Левону по двести четвертей, а Филату полтараста чети в поле, а в дву потому ж. л. 2 об. л. 3

За Першею Мининым сыном Анненковым, да за Семёном Мартиновым сыном Рощупкиным, за Максимом Ефимовым сыном Рощупкиным, да за Кудином Дмитреевым сыном Юровым усадище на речке на Пожени вместе с Ываном с Михайловым пониже городища и колодезя по подлесью к Лучку по обе стороны реки Пожени Перше да Семену да Максиму по двести чети, а Кудину полтораста чети в поле, а в двух потому ж. //.

За Евтехом Степановым сыном Золотухиным, да за Пронею Кондратьевым сыном Шиломовым, да за Васкою Селивановым, да за Ванкою Гарасимовым, да за Ларкою Золотухиным усадище вверх по Елцу, зад лесу ище и на *** под лесом под Елецким, поляною на пашню, где преже сево зимовали и летовали бортники. Евтеху да Проне по полутораста четвертей, а Васке да Иванку да Ларе по сту четвертей в поле, а в дву потому ж, а к тому их усадищу дикое поле на пашню. л. 3 об.

За елецким стрелецким сотником за Данилом Ондреевым сыном Болотовым усадище усть речки Пожени от города по ту сторону под лесом, что

* *На листе III об. всего одно имя; другим почерком приписка:* Зри лист 260. *В книге листа 260 нет.*

** *Так в тексте.*

*** *Так в тексте.*

было селище, а х тому усадищу дикое поле на пашню к Ворглу в ево оклад
на пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж //.

л. 4 За Степаном Артемовым сыном Скороваровым, да за Богданом Васильевым сыном Руднева да за Степаном Степановым сыном Скороваровым, да за Офонкою Смаковским усадище на колодезе на Белевце на истопном бараку под болшим под Елецким лесом и дикое поле на пашню. Степану по двести чети, а Богдану да Степану по полутораста четвертей, а Офоне на сто четвертей в поле, а в дву потому ж. За Нечаем Михайловым сыном Козловым, да за Дмитрием Сапелкиным, да за Сергеем Русиновым сыном Батищева усадище под Большим лесом на колодзе на Белевце, а х тому усадищу дикое поле на пашню. Нечаю по двести чети, а Митьке да Филату по полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Яковом Ермоловым сыном Семеновым усадище за речкою за Ельцом Лепикина поляна, а х тому усадищу дикое поле на пашню на двести
чети в поле, а в дву потому ж. //

л. 4 об. За Трофимом Парфеновым сыном Чиркиным усадище под Поженским лесом, где Пожен впала в лес Кулигою меж Пришнево лесу и Болшово, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтараста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Осипом, да за Левою, да Курбатом Пищулиными, да Офрему Шеталову усадище под Большим лесом под Елецким, на колодезе на Белевце, а х тому усадищу дикое поле на пашню всем по полутораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Филипом Королевым, да за Степаном Ряполовым, да за Федором Онтоновым, да за Курбатом Ермаковым, да за Павлом Сериковым, да за Еремой Молявиным, да за Кондратом Малышевым, да за Максимом Комаревцевым, да за Останей Лотаровым усадище под Радушкиным лесом промеж Воргла и Пожени на колодезе на Ольховце, а х тому усадищу
л. 5 дикое поле на пашню Филипу да Васке да Павлу // да Максиму по полутораста четей, да Курбату, да Федору, да Кондрату, да Остане по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Павлом Родивоновым сыном Ивакина усадище усть Воргла на сей стороне от Сосны, под Радушкиным лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню на сто четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Гришею Гребенкиным усадище усть Воргла, под Радушкиным лесом, от реки от Сосны по Поженское городище, а х тому усадищу дикое поле на пашню по сту чети в поле а в дву потому ж.

За Нечаем Селюменевым, за Микитою Креневым, да за Митрофанам за Матфеевым усадище усть Воргла по обе стороны от Сосны, под Радушкиным лесом по Поженския городище от посаду, а х тому усадищу дикая
л. 5 об. поле на пашню. // Нечаю да Миките по полутараста чети, а Митрофану по сту чети в поле, а в дву потому ж.

За Тимофеем за Рязанцавым, да за Степанам Лужнавым усадище усть Воргла, от Сосны по обе стороны до Поженская городище, а х тому усадищу дикая поле на пашню обеим по полутараста чети в поле, а в дву потому ж.

За Якавам Есиповым сынам Хитраго, да за Васильем Русинавым сына Хитраго усадище усть Воргла, от Сосны под Радужкиным лесам да Поженского городище, а х тому усадищу дикая поле на пашню обеим по полутараста чети в поле, а в дву потому ж.

л. 6 За Олексеем Полянским усадище под Радужкиным // лесам, усть Воргла от Поженского городища, а х тому усадищу дикая поле на пашню в его оклад полтараста чети в поле, а в дву потому ж.

За Пятым за Моревым, да за Безсоном Моревым, да за Данилай Чалаго, да за Ландаю за Смыковым, да за Клеменом Матюниным, да за Яковом Кобузкиным, да за Савой Стукаловым, да за Мелехом Гридневым, да за Яковом Огневым, да за Васильем Макаровым, да за Селиваном Чорным усадище на реке на Палне, под Большим лесом под Елецким поляною, а

х тому усадищу дикое поле на пашню Данилу по двести чети, а Пятому да Ивану да Клементью по полутораста чети, а Безсону, да Ланде, да Якову, да Саве, да Мелеху, да Якову, да Селивану по сту чети в поле, а в дву потому ж.

За Гаврилом Копытиным, да за Оксеном Ондроповым усадище вверх по Елцу на Белом колодезе, а х тому усадищу ди//кое поле на пашню Говрилу по полутараста чети, Аксену по сту чети в поле, а в дву потому ж. л. 6 об

За Порфенам, да за Карпам Ерохиными детьми Меркуловыми усадище под Радужкиным лесам на колодезе на Ольшанцы, а пахати к Ворглу, да Навасильскай дароги к Пожени, а к тому усадищу дикая поля на пашню Парфену по двести чети, а Карпу полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Павлам Фоминым сынам Телегиным усадище под Радушкиным лесам, на колодезе на Ольховце, повыше усадья елецких детей боярских, а к тому * усадищу дикая поле на пашню **, в его оклад на ста чети в поле, а в дву потому ж.

За Федором Васильевым сыном Яковлевым усадище под Елецким лесом в правороте с Созыкою, по другую сторону Созыки, а к тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж. л. 7

За Яковом за Клыковым, да за Истомою Ханиным, да за Евсеем Сапрыкиным, да за Лукяном Медведевым, да за Филипом Амельяновым, да Оксеном Ютиловым, да за Агеем Митиным усадище на Рябинке, под Радушкиным лесом, по обе стороны Воргла, до Новосильской дороги, а х тому усадищу *** дикое поле на пашню. Якову да Истоме, да Истоме, да Евсею до полутораста чети, а Лукяну, да Филипу, да Оксену, да Агею по стоу чети в поле, а дву потому ж.

За Агеем Прокофьевым, да за Ильею Фроловым, да за Василем Пузатам, да за Киреем за Филатовым, да за Тимофеем Ермаковым, да за Кузмою Змиивым, да за Василем // Милюковым, да за Семеном Филатовым л. 7 об. усадище [в]верх по Ельцу на правороте на Сакме, супротив Сазыки, а х тому усадищу дикое поле на пашню [в]верх по Ельцу на левую сторону по высокую степь и около леска Малово Агею по двести чети, а Илье да Василью да Кирею, да Тимофею, да Фплипу, да Кузьме по полутараста четвертей, а Василью Милюкову, да Семену по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Посником Теряевым, да за Офонею Радиным, да за Самойлом Чеплыгиным усадище на колодезе на Ольховце, под Радушкиным лесом от Пожени и до Воргла, а х тому усадищу дикое поле на пашню по полутораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Богданом Радиным сыном Сухининым усадище // на Рябинке меж Воргла и Рябинки, в верх по Ворглу едучи с Ельца в левой стороне, а х тому усадищу дикое поле на пашню по полутораста четверти в поле, а в дву потому ж. л. 8

За елецкими за казачьими сотники за Степаном, да за Михайлом Хотяинцовыми усадище за речкою за Пожнею под Радушкиным лесом, за Воронецкой брод вверх по Сосне, под зад Данилова поместья Балотова, двема полянами в их оклад по пятидесят четвертей, а х тому усадищу дикое поле на пашню.

За Кондратом за Пановым, да за Марком Седелевым, да за Деем Шатохиным, да за Еремою Плутневым, да за Раманом Павловым, да за Федором Тимофеевым усадище под Радушкиным лесом верх Рябинки поляною в лесу, на подол по Рябинке и за Варгол, а х тому усадищу дикое поле // на пашню. Кондрату, да Марку, да Дею по полутораста четвертей, а Ереме да Раману да Федору по сту четвертей в поле, а в дву потому ж. л. 8 об.

За Иваном Ивановым сыном Гнездиловым усадище у Лешкинского

* *В тексте:* к а тому.

** *В тексте дважды повторено* на пашню.

*** *В тексте* усадищау.

верха к Крутому верхоу, х Палне, а х тому усадищу дикое поле на пашню на сто четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Иваном Гамовым, да за Ермолом Жаворонковым усадище под Воръголским лесом, на сей стороне Воргла Терновой поляной на усаде, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ворглу к Пожени супротив Терновой поляны по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Ульяном Селивановым сыном Ивановым усади//ще под Радужкиным лесом по сей стороне Воргла, а пахать на усть Воргла по обе стороны, а х тому усадищу дикая поля на пашню в его оклад по сту чети в поле, а в дву потому ж.

л. 9

Да Дмитреем Ивановым сыном Щедриным усадище под Радушкиным лесом за Ворглом на Рябинке обапол Рябинки на поляне, а х тому усадищу дикое поле на пашню около Крутово верха на сей стороне Воргла по полутароста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Меркулом Добриковым, да за Григорьем Маматовым, да за Олексеем Парахиным, да за Григорьем, да за Павлом Салковыми, да за Коняем Выковским, да за Иваном Григорьевым, да за Федором Зеновьевым усадище под Хорошим лесом, едучи от города Ельца по левую сторону меж колодезей, а х тому усадищу дикое // поле на пашню к Ельцу Олексею да Федору да Павлу по полутораста чети, а Коняю да Ивану да Грише по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

л. 9 об.

За Минею Рамановым сыном Котелкиным, да за Герасимом Васильевым сыном Кокоткиным усадище меж Созыки и Евтеха, а пахать вдоль по Белому колодезю ко Истопному лесу, а х тому усадищу дикое поле на пашню, а Мине на полторасто четвертей, а Гарасиму на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Левонтьем Толдыкиным усадище под Большим лесом под Воргольским, за Пожнею, против городища, повыше поместья Ивана Михайлова с таварыщи, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по обе стороны Пожени на // полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

л. 10

За Шестаком Ивановым сыном Голтяевым, да за Позняком Михайловым сыном Некрасовым, да за Яковом Азаровым сыном Юровым усадище усть Воргла по тоу сторону Воргла, от Ельца едучи направе, под Радужкиным лесом в Кулиге, а х тому усадищу дикое поле на пашню по обе стороны к реке Сосне по полутораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Иваном за Сергеевым усадище под Большим лесом, за истопным рогом, против озерка на верху, а х тому усадищу дикое поле на пашню х Палне возле Большово лесу, на сто четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Олфимом Комардиным усадище под Большим же лесом за истопным рогом против озерка на верху, а х тому усадищу дикое поле на пашню х Палне возле Большого лесу, на сто четвертей в поле, а в дву потому ж. //

л. 10 об.

За Михайлом Васильевым сыном Одоевцовым усадище под Радушкиным лесом за Ворглом на колодезях на Рябинке обапол Рябинки на поляне, а х тому усадищу дикое поле на пашню около Крутово верха на сей стороне Воргла сто четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Данилом за Чалым, да за Клементьем Матюниным, да за Олфимом Понариным, да за Трофимом Рамановым, да за Савой Стукаловым усадище под Елецким лесом на Крутом верху, а х тому усадищу дикое поле на пашню от Лепикиной поляны и лесной вершок на Черемховой и на вертебище и на волок усть на Суходол, что х Палне пошол, и на Отскочный лесок на сей стороне Палны, и за Палну до Суслову лесу по Донковскую дорогу, Данилу по двести чети, а Клемену полтораста чети в поле, а в дву потому ж. //

л. 11

За Савой Паниным усадище вверх по Ельцу род Елецким лесом с Созыкою Зибаровым, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Тимофеем Широбоким усадище на Истопном верху у колодезя у Белевца, а х тому усадищу дикое поле на пашню с Савостею Селивановым на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Семеном Антоновым, да за Федором Беляевым, да за Лазарем Прокофьевым усадище дикое поле по сю сторону Воргла в Терновой поляне, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх поВорглу меж Воргла и Ольховца, Семену полтораста четп, а Федору да Лазарю по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Тимофеем Онтиповым усадище под Радушкиным лесом усть Воргла, а х тому усадищу дикое поле // на пашню по обе стороны Воргла до Воронецково городища, на сто четвертей в поле, а в дву потому ж. л. 11 об.

За Истомою Ханиным, да за Евтехом Радиным усадище под Радушкиным лесом на Олховце, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Левонтьем Меркуловым, да за Иваном Звягиным усадище под Радушкиным лесом на Терновой поляне на гору, по Ворглу, по правой стороне по Новосильской дороге, по верху колодезя, которой впал в Воргол с правой стороны, а х тому усадищу дикое поле на пашню по полутораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Яковом Меркуловым усадище под Радушкиным лесом в Терновой поляне вверх по Ворглу в правой стороне, а супротив тое поляны справо коло// дезь по обе стороны, а х тому усадищу дикое поле на пашню на двести четвертей в поле, а в дву потому ж. л. 12

За Евсеем Сапрыкиным усадище под Хорошим лесом на Большом верху, пахать от Созыкина рубежа вверх по Елцу, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Григорьем за Стрельниковым, да за Гришею Гребенкиным, да за Степаном Лужновым, да за Олексеем Полянским, да за Тимофеем Резанцовым, да за Нечаем Селюменевым, да за Яковым Хитрым, да Васильем Хитрым, да за Денисом Борисовым, да за Олексеем Кутузовым, да Васильем Карташовым, да за Гаврилом Рудневым, да за Митрофаном Томилиным, да за Тимофеем Онтиповым, да за Ульяном Селивановым. От сотников от казацких от Степана, да от Михайла Хотяинцовых по // леву Степанова да Михайлова земля, а поправу елецких детей боярских, которые сидят по Ворглу, и по той стороне Воргла, Григорья Стрелникова с таварыщи, рубеж положил Иван Мясной, по сей стороне Воргла от Старово сторожевища, от Воронецкова городища на первом вершку, от Большой поляны к реке к Сосне долом. Поставлен поперег столб, а на нем грань, а от столба до усть верха и до Сосны да по ту сторону дано им же по другой верх, до усть колодезя и до Сосны. л. 12 об

За Левонтьем Лужецким усадище вверх верхов Пожинских, под Хорошим лесом к Высокой Гряде, об межю детей боярских елецких Федора Офремова с таварыщи на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Агеем Прокофьевым, да за Ильею Фроловым, да за // Филипом Белоусовым, да за Семеном Филатовым, да за Васильем Милюковым пустош на сеножать под Хорошим лесом, обапол Тростново колодезя по Высокую дуброву, а в дуброве курган, вниз по верху до Ельца, а с левую сторону от Тросново ж колодезя по Красной колок * вниз по верху до Ельца. л. 13

За Фатяном, да за Макаром Капустиными усадище на Поленском рогу смеж Олфима Комардина, с водою и с озерком и со всякими угодьи, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Киреем Филатовым, да за Васильем Пузатым пустошь на сеножать под Хорошим лесом под Вышним рогом в Кулиге верх Ельца по ту сторону Олексея Парахина за Ржавцом, а вниз по верху до Ельца, с ле//вую сторону от Росново колодезя по Красной колок *. л. 13 об.

* Так в тексте.

За Федором Кудиновым сыном Нетесевым усадище усть Воргла, вверх по Ворглу по обе стороны, а пахать за Ворглом под Радушкиным лесом и сеножать, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Гаврилом Капустиным усадище верх по Елцу, зад лесу ище на под Елецким лесом, где зимовали и летовали бортники и сеножатью со всякием угодьем с Олфимом Комардиным, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Мосеем Селюменевым усадище под Радушкиным лесом по обе стороны Воргла с Воронецкова городища вверх по реке по Сосне, а при-
л. 14 са//дою на Ворголском городище, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Иваном Ивановым сыном Михайловым, да за Кузьмою Змеевым, да за Игнатьем Горяновым пустошь позад Хорошово лесу на усадище сверх Поженсково от вершка от Левонтьева починку Лужецково, по Кривую поляну верх к Поженским вершкам в длин[у] по Хорошему лесу и поперег Тросново верха, по Дубоворог к тех же их Поженскому починку. В их оклад Ивану да Игнатью по двести четвертей, а Кузьме полтораста чети диково поля на пашню и на сеножать в поле, а в дву потому ж.

За Юрьем за Молявиным дикое поле на сеножать, едучи от Ельца по Новосильской дороге за Ворглом против Хомутова лесу ниже Корот-
л. 14 об. ково колодезя вы//ше Рябинки иод Радушкиным лесом на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Яковом за Тинковым усадище под Хорошим лесом в Глухой поляне на правую сторону поверху вверх по Пожени по обе стороны, Высокая гряда к Белецкому верховью в Хорошой лес поверху, по левую сторону меж Федора Офремова, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Офремом Чернышовым да за Зеновом Трофимовым усадище под Радушкиным лесом на Поляне с Шестаком с Голтяевым, и вниз по Ворглу до усть Воргла вверх по Сосне, а х тому усадищу дикое поле на пашню по полутораста чети в поле, а в дву потому ж.

л. 15 За Васильем Субочевым, да за Агеем Клеменовым// усадище вверх Пожени под Хорошим лесом на Долгой поляне, а х тому усадищу дикое поле на пашню за Пожень г Долгому леску в правороте. Василью по двести четвертей, а Агею по сту четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Еремою Росляковым под Хорошим лесом со Олексеем с Порахиным, а х тому усадищу дикая поле на пашню на сто четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Левою за Горбатым усадище вверх по Пожени против городище, под Радушкиным лесом, х тому его усадищу дикая поле на пашню вверх и вниз по Пожени по обе стороны на полтораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Михайлой за Мизиновым, да за Иваном Манаенковым усадище под
л. 15 об. Радушкиным лесом за Ворглом на Рябинке, // а х тому усадищу дикое поле на пашню по обе стороны Рябинки и вниз за Воргол, вверх по Ворглу по обе стороны Воргла к Новосильскому броду, по полутораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Иваном Щукиным, да за Ондреем Очоневым усадище верх Воргла, под Радушкиным лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ворглу с левой стороны до Коротково колодезя, а на гору по Короткому колодезю до Долгой поляны. Ивану на Полтораста чети, а Ондрею на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Иваном Микитиным сыном Выставкина усадище верх Ельца под Хорошим лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню в ево оклад на сто четвертей в поле, а в дву потому ж. //

За Жданом Захаревым, да за Потапом Неделиным усадище под Радушкиным лесом повыше Рябинки, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ворглу по обе стороны Коротково колодезя, возле Радушкина лесу по сту чети в поле, а в дву потому ж. л. 16

За Офонасьем за Марковым усадище под Радушкиным лесом усть Воргла, а х тому усадищу дикое поле на пашню по обе стороны Воргла да вниз по Ворглу на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Меньшим за Кутиным, да за Семеном Зиборовым, да за Олексеем Малово усадище на Рябинке, под Радушкиным лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню по обе стороны Воргла до Крутово верха, да на другую сторону Воргла по Короткому на гору до Новосильской дороги, по Ворглу на гору Меншому на полтораста чети, а Семену да Олексею по сту чети в поле, а в дву потому ж. //

За Федотом Двойченковым усадище под Радушкиным лесом на Ольховце, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ольховцу на гору по Пожени. С Офонею с Радиным Посниковским усадище Теряева на сто чети в поле, а в дву потому ж. л. 16 об.

За Федором Анисимовым усадище под Хорошим лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню с Меркуловым... риковым* на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Семеном Моняхиным усадище на речке на Рябинке под Радушкиным лесом, а х тому усадищу дикое поле на пашню вниз по Рябинке по обе стороны и за Ворглом по Новосильской дороге, да вверх по Короткому колодезю за изрог, на полтораста чети в поле, а в дву потом ж. //

За Олексеем за Маловым усадище под Радушкиным лесом на Рябинке, а х тому усадищу дикое поле на пашню вниз по Рябинке за Воргол к Новосильской дороге изрог вверх по Короткому колодезю, на сто чети в поле, а в дву потому ж. л. 17

За Ананею Якимовым усадище под Радушкиным лесом на Рябинке с Михайлом с Мизиновым, а х тому усадищу дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Фатьяном Гутеневым усадище на колодезе на Белевце с Осипом с Пищулиным, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ельцу на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Степаном Малютиным усадище под Хорошим лесом с Еремою Плутневым, а пахать к Ельцу, а х тому усадищу дикое поле в пашню на сто чети в поле, а в дву потому ж. //

За Васильем за Дмитриевым усадище под Хорошим лесом на Поженском отвершку, а х тому усадищу дикое поле на пашню, а пахати под Высоким лесом влево. Оклад на полтораста чети в поле, а в дву потому ж. л. 17 об.

За Максимом за Горбуновым усадище на Поженском верху под Хорошим лесом на Высокой гряде, а х тому усадищу дикое поле на пашню на сто чети в поле, а в дву потому ж.

За Федором за Креневым усадище под Воргольским лесом на колодезе на Ольховце, с Павлом Сериковым с таварыщи, а х тому усадищу дикое поле на пашню в ево оклад на сто четвертей в поле, а в дву потому ж. //

За Григорьем за Черемошенцовым усадище вверх по Ельцу с Созыкою Зибаровым вместе в правороте, а х тому усадищу дикое поле на пашню по обе стороны Ельца к Сакме, на полтораста чети в поле, а в дву потому ж. л. 18

За Костею за Меркуловым усадище под Радушкиным лесом в Терновой поляне, а х тому усадищу дикое поле на пашню вверх по Ворглу

---

* *В тексте начальные буквы фамилии не читаются из-за сгиба страницы.*

по правой стороне верх по колодезю к Новосильской дороге. В ево оклад на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Федором за Мизиновым усадище на речке на Рябинке по обе стороны Воргла на гору по Ворглу к Короткому колодезю, а х тому уса-
л. 18 об. дищу // дикое поле на пашню на полтораста чети в поле, а в дву потому ж.

За Васильем Меркуловым, да за Семеном Меркуловым усадище вверх по Пожени под Хорошим лесом под Высоким полем поле за Пожен[ью], а два поля по Высокому полю до Воргольсково лесу, а х тому усадищу дикое поле на пашню по полутораста четвертей в поле, а в дву потому ж.

За Мелехом Онтиповым сыном Бобаниным усадище вверх по Ельцу выше Белово колодезя, в ево оклад во сто чети в поле, а в дву потому ж. В ряд с детми боярскими с Олфимом Комардиным да Иваном Сергеевым в одном усадище. //

л. 18а об. Лета 7101-го книги Елецкия земляные, где дана стрелцом двусот человекам, и пушкарем, и затинщикам тритцатьмя осми человекам, да воротникам осми человекам. Дана им: отведяно два поля от Стрелецкия слободы вверх по Ливенской дороге, да усть речки Пожени и вверх по Пожени по лес, што были сел * и Сухова Лучка, по саборных попов пашню, а з другую сторону от страга от козацкова, сквозь дуброву через Лучок, да по рубеж и грани детей боярских Ивана Михайлова с товарищи. А
л. 19 третья поле им дано // за Сосною за рекою, от Лутова болота вверх по Сосне. И те два поля за речку за Пожень к Варглу и стрелецких сотникав пригодилась земля стрелцом. А дано им земли по государеве грамоте по десяти четвертей человеку в поле, а в дву по тому ж. Да воротникам дано тут же с ними земли по пяти четвертей в поле, а в дву по тому ж, осми человекам.

Имена стрелцом Осипова сотни Каверина.

Пятидесятник Афрем Говяткин, Алхим. Теряев, Найден Калачов, Василей Гончар, Мелех Лабанов, Проня Васильев, Каверя Каленав, Мартин Гаврин, Сафон Микитин Хренав. //

л. 19 об. г. Десятник Микифор Голавин, Иван Антипав, Тимоха Бушаков Мина Шелтиев, Михайла Бушаков, Якав Васильев, Юпа Казулин, Максим Немцов, Иван Некранин. Десятник Сергей Кузнецов, Сава Филипов, Кирей Чередеев, Федар Клешнин, Иван Коптев, Тихон Станков, Степан Татаринав, Олеша Кондратьев, Артем Иванов, Федар Ильин. Десятник
л. 20 Герасим Баков, Замятня Фролов, Иван Шебунин, Дорох Сергеев //, Гриша Ондреев, Гриша Левонов, Павел Данилов, Игнат Левонов, Фрол Павлов, Ава Иванов.

Десятник Матюха Ламакин, Ждан Гавшин, Игнат Григорьев, Иван Калыфов, Федор Останков, Авил Гавщин, Степан Чакин, Денис Федаров, Осип Ондреев, Фрол Останков.

Пятидесятник Иван Дурнев, Гаврила Петров сын Иевлев, Гриша Тибекин, Кузьма Дурнев, Семен Болховитин, Сава Паскребенец, Клим Полщиков, Павел Иелев, Захар Федоров. Десятник Говрила Чукардин,
л. 20 об. Аверкей Карпов, Купрей Ондреев, Олеша Занин, Федор Андреев, // Иван Алексеев, Миляй Тулегин, Третьяк Александров, Карп Левошов, Борис Мартинов. Десятник Захар Аристав, Петр Каверин, Степан Смиренин, Тимоха Федосав, Назар Тимофеев, Герасим Матчин, Данила Горохов, Федос Каверин, Гриша Афремов, Иван Гаврилав. Десятник Василей Савельев, Афоня Шорстов, Василей Месаедов, Тит Русинов, Кирей Тучков, Аксен Алтухов, Семен Харьяков, Некрас Филатов, Савостей Филатов,
л. 21 Артем Исакав. Десятник Иван Яковлев, // Клим Аринин, Петруша Ищутин, Филат Сакалав, Алхим Дмитреев, Микита Чернаго, Асташ Яковлев, Афоня Щедрин, Гаврила Дмитреев, Афоня Ефанав.

Данилова сотни Болотова.

* *Так в рукописи.*

Пятидесятник Фефел Чахав, Орхип Аненкав, Онтон Ерпалев, Мартин
Брыковой, Филип Саладовник, Гриша Кабель, Клемент Ерпалев, Шестак
Бурцав, Семен Лазарев, Сава Нестеров. Десятник Григорей Дарогин, Ка-
лина Плотник, Василей Чеботарь, // Иев Кузнец, Остафей Колачник, Якав л. 21 об.
Рыболав, Некрас Горяинав, Семен Попов, Фома Дабрашин, Володя Кре-
нев. Десятник Автамон Шеборшин, Иван Епишев, Григорей Алферов,
Корней Хмаров, Морг[ун] * Алексеев, Богдан Степанов, Володя Чермно-
го, Иев Фолилеев, Сила Ефимов, Фома Яковлев. Десятник Третьяк Даро-
гин, Артем Катов, Данила Русанов, Позняк Голавин, Гаврила Савин,
Иван Савин, Василей Дурнобрагин, Макар Фолелев, Яков Ларюков, Ти-
моха Малагин. //Десятник Третьяк Кочагов, Офоня Кальчугин, Иван Ше- л. 22
боршин, Порфен Челнашкин, Иван Кобцав, Борис Покидышев, Наум
Чалава, Иван Боровлев, Зенов Локътев, Трофим Хорохардин. Пятидесят-
ник Григорей Шеборшин, Микита Пятава, Игнат Фомин, Сава Федорав,
Тимоха Комов, Девята Остафоев, Артем Власьев, Торас Онтонав, Сидар
Григорьев, Митроха Семенов. Десятник Фома Дворяшин, Иван Долгой,
Иван Угримов, Кузма Хмаров, // Торас Федотов, Ондрей Ступин, Григо- л. 22 об.
рей Поспелов, Микифор Терханов, Исай Онисимов, Овдей Плахова. Де-
сятник Богдан Мясищев, Тимоха Пойминав, Григорей Орхипов, Осей
Оринин, Иван Григорьев, Илья Погожева, Первой Хорохордин, Макар
Оринин, Марка Щербинин, Онтон Сплавнев. Десятник Оксен Кипчаков,
Иван Лесников, Волакита Уколов, Офоня Митенев, Харя Шиголев, Треть-
як Шиголев, Дмитрей Семенав, Верига Васильев, Максим Саклев, Осип
Онофряев. // Десятник Василей Окалелый, Игнат Степанов, Степан Ерма- л. 23
ков, Третьяк Лагачов, Иван Валакитин, Федар Макеев, Иван Климов,
Первой Лукьянов, Русин Панов, Лукьян Климов.

Имена пушкарем и затинщикам и воротникам.

Десятник Митроха Лепехин, Порфен Болотав, Курбат Суханов, Кле-
мен Башев, Максим Клексинцав, Михайла Губин, Филип Гаврилав,
Василей Лаврищев, Тимоха Урюпин, Ворлам Урюпин. Десятник Иван
Бронникав, Василей Черньцов, Ондрей Филипов, Останей Сомов, Фотий
Кораваев, Горасим Фолеев, Ортем Маматов, Игнат Барадулин, // Пятай л. 23 об.
Иванов. Десятник Федор Суханав, Митей Суханав, Денис Суханов, Ондрей
Озерав, Ондрей Васильев, Ждан Капал, Сафон Тарасав, Митей Лотарав,
Алешка Лоторов, Дема Коняхин. Десятник Алис Воранаев, Булгак Лу-
нин, Гриша Клубоков, Илья Теренин, Афоня Чорный, Гриша Дарошин,
Говрила Ковешник, Гриша Праскурнин, Антон Остапав.

Воротники: Кирей Колаколав, Иван Конанав, Курбат Михайлав, Иван
Олексеев, Петруша Борисав, // Васка Григорьев, Тимоха Микифоров, л. 24
Иван Микифоров.

Саборным Воскресенским попам — попу Ивану Левонтьеву сыну да
попу Ивану Лукьянову да диякону Мирону дана земли дикого поля. Да
успенским двум попам — попу Семену Кондратьеву, да попу Ивану Фе-
дарову дана земли дикого поля.

ЦГАДА, ф. 1209, кн. 26, лл. 2—24.

* *В книге из-за сгиба страницы имя плохо читается.*

В. Д. Назаров

УКАЗНАЯ КНИГА МОСКОВСКОГО СУДНОГО ПРИКАЗА

Публикуемый ниже документ — один из немногочисленных памятников, дошедших до нас от первой половины XVII в. В настоящее время известны Указные и Уставные книги пяти приказов: три Уставные книги Разбойного приказа, Указная книга Земского приказа, Указная книга Поместного приказа, Указная книга Ямского приказа и Указная книга приказа Холопья Суда, сохранившаяся в составе Указной книги Земского приказа [1]. Обнаруженная Указная книга московского Судного приказа имеет большое значение как для решения вопросов, связанных с историей Московского и Владимирского Судного приказов, так и для восстановления с большей полнотой законодательства Русского государства в первой половине XVII в., ибо она содержит ряд неизвестных указов.

Указная книга московского Судного приказа находится в сборнике № 283 собрания Саровской пустыни, поступившего в Центральный государственный архив древних актов. Сборник в 4°, на 204 нумерованных листах. В рукописи пагинация двойная: в правом верхнем углу листов — современная, сделанная карандашом, и древняя, современная написанию памятника, потетрадная. Номера тетрадей обозначены на первых и последних листах, причем цифры на последних листах даны уже после окончания написания текста рукописи [2]. Нумерация на первых листах тетрадей сохранилась только частично [3], она, по-видимому, погибла при переплете рукописи. В связи с этим можно предположить, что нумерация тетрадей на последних листах произведена после того, как рукопись была переплетена. Сохранившийся переплет — современный, XIX в. (?), картон в коже, но сделан был, вероятно, в соответствии со старым переплетом. Поскольку почерк написания цифр на последних страницах тетрадей схож с одним из почерков рукописи, можно думать, что она была переплетена сразу же после создания.

Рукопись написана одновременно, о чем говорит сменяемость на ее протяжении двух (или трех?) почерков. Так, первым почерком написаны лл. 1—39 об. (тетради 1—5), лл. 88—119 об. (тетради 12—15), лл. 121—125, 172 об.—203; вторым — лл. 40—87 об. (тетради 6—11), лл. 120 и 120 об., 125—136 об., 144—171 об. Лл. 136 об.— 143 об. (тетрадь 18), по-видимому, написаны третьим почерком, очень близким ко второму, но

[1] Последнюю публикацию Уставных и Указных книг приказов см. Памятники русского права (далее — ПРП), вып. 4. М., 1956, стр. 356—381; вып. 5. М., 1958, стр. 188—239, 329—392, 431—483, 539—547.

[2] См., например, л. 143 об., где титло над обозначением цифры нанесено уже поверх написанного текста.

[3] См. л. 16 — сохранилось только титло; л. 24 — знак цифры сохранился неполностью; см. также лл. 32, 64, 72, 96, 104, 120, 128, 136, 192, 200.

отличающимся от него бо́льшим размером букв, уговатостью их начертания, гораздо меньшим количеством сочетаний и соединений букв. В общем, третий почерк подражает второму. Первый и второй почерка — четкая скоропись середины XVII в.; они довольно близки друг к другу. Второй почерк — более округлый по начертаниям букв и более крупный. Первый — более мелкий, но имеет больше соединений и сочетаний букв. Цвет чернил первого почерка — от коричневого до темно-коричневого и даже черного, второго — от светло-коричневого до темно-коричневого. Приписка на л. 204 была сделана, очевидно, совершенно иным писцом.

Начальные буквы глав и указов выполнялись чернилами и писались одновременно с написанием листа.

По филиграням рукопись датируется второй третью XVII в. Всего в рукописи встречается пять различных филиграней. На лл. 1—119 об. (тетради 1—15) имеются две филиграни: одна — ваза небольших размеров, двуручная, с травой и цветком в виде лилии, с подставкою и инициалами «BH» [4]. Сходные водяные знаки А. А. Гераклитов датирует 1636—1640 гг. [5]. Вторая встречающаяся на этих листах филигрань — лилия небольших размеров [6]— сходна с № 970 работы А. А. Гераклитова (1624 г.) [7], с водяными знаками, которые E. Heawood датирует 1607 и 1613 гг. [8], и с филигранью, относимою Nicolai к 1619 г. [9]. Учитывая, что нормальная залежь для бумаги иностранного происхождения, использованной в России, определяется в 10—15 лет, мы может отнести бумагу с этой филигранью ко второй трети XVII в. На лл. 120—127 об. (тетрадь 16), мы находим филигрань в виде кувшинчика небольших размеров, двуручного, с поддоном и с завершием в виде розетки [10]. Из инициалов видна только буква «B». Сходные водяные знаки датируются у А. А. Гераклитова 1625—1633 гг. [11]. На лл. 128—143 об. (тетради 17—18) имеется филигрань в виде двух трезубчатых башен с выступами и окнами, соединенных между собой воротами с решеткой (?) [12]. Окончание филиграни неясно. Наиболее близки к этому водяному знаку филиграни, датируемые А. А. Гераклитовым 1638 г., и филиграни, отнесенные к 1618—1624 гг. в работе «The nostitz papers» [13–14]. Гораздо менее схожи с нашей филигранью водяные знаки, которые E. Heawood датирует 1581 и 1600 г. [15]. На лл. 144—203 (тетради 19—26) мы обнаруживаем филигрань в виде кувшинчика небольших размеров, одноручного, с завершием в виде полумесяца и с инициалами «BB» и «BP» [16]. Сходные водяные знаки помещены у А. А. Гераклитова под № 531 и 582 и датируются 1626 и 1629 гг. [17]. Таким образом, датировка рукописи по филиграням также относит время возникновения рукописи ко второй трети XVII в. Рукопись не могла быть написана ранее сентября 1646 г., ибо последний указ, помещенный в ее составе,

---

[4] См. эту филигрань, например, на лл. 3, 4, 8, 73, 82.

[5] См. А. А. Гераклитов. Филиграни XVII в. на рукописях и печатных документах русского происхождения (рукопись), № 861—866. За возможность ознакомления с этой работой и за весьма ценные советы при датировке филиграней приносим глубокую благодарность С. А. Клепикову.

[6] См., например, лл. 6, 97, 109 и т. д.

[7] А. А. Гераклитов. Указ. соч., № 970.

[8] E. Heawood. Watermarks mainly of 17th and 18th centuries. «The Paper Publications Society». Hilversum, Holland, 1950 y., № 1405, 1406.

[9] Nicolai. Histoire moulins à papiers du Sud-Ouest de la France. Bordeaux, 1935, табл. № 2, № 59.

[10] См., например, лл. 121, 124, 126 и т. д.

[11] А. А. Гераклитов. Указ. соч., № 778—785.

[12] См., например, лл. 130, 132, 142 и т. д.

[13–14] The nostitz papers. «The Paper Publications Society». Hilversum, Holland, 1956 y., № 281a — 283.

[15] E. Heawood. Op. cit., № 3941, 3939.

[16] См., например, лл. 172, 178, 188 и т. д.

[17] А. А Гераклитов. Указ. соч., № 531 и № 582.

датируется 3 сентября 1646 г. Возможно, что она была написана в ходе подготовительной работы к Соборному Уложению 1649 г.

В рукописи можно обнаружить несколько слоев правки. Часть исправлений была внесена писцами сразу же после написания листа (в этом случае совпадает графика почерков листа и исправлений, а также цвет чернил) [18]. После написания всей рукописи она была сверена со своим протографом, причем весьма тщательно. Об этом говорит ряд помет, сохранившихся на полях листов рукописи. Так, на л. 112 об. в тексте гл. № 172 (память от 15 января 1581 г. с изложением соборного приговора 1580 г.) напротив слов: «епископ вологотцкой и великопермский» на полях написано [19] «[в]еликого [н]ет в старом». На л. 114 об. в тексте той же главы напротив строки со словами «своим сигклитом» вставлено «[в] старом синклитом». На л. 117 в тексте гл. № 174 (указ 24 ноября 1597 г.) на полях чуть ниже строки с титулом «государь царь и великий князь» приписано «зри в ста[ром] царь государь». На л. 118 об. в тексте гл. № 174 напротив слов «и из патриарших» на полях вписано «[в] старом [и из] за патри [а]рхов». На л. 119 об. в тексте той же гл. 174 к словам «не бити челом отказывати» на нижнем поле сделана заметка «кажетца сличнее (т. е. правильнее? — *В. Н.*) не били челом и им отказывати». Как уже можно было заметить, бóльшая часть этих помет и исправлений была испорчена при переплете рукописи. Поэтому, как правило, исправления в соответствии с пометами или повторялись на полях (боковых и нижних), или вносились в текст рукописи. Так, например, на л. 118 об. текст исправления, испорченный при переплете на боковом поле, повторен затем на нижнем поле листа [20]. Отождествить почерк помет и исправлений в вышеуказанных случаях с одним из почерков рукописи затруднительно, хотя более всего он напоминает второй [21]. Повторные исправления (или внесенные в текст, или повторенные на полях) сделаны, по-видимому, вторым почерком [22]. В ряде случаев исправления в местах, писанных первым почерком, сделаны вторым [23]. В одном случае первым почерком приписана одна пропущенная строка текста к тексту, нарисованному вторым почерком [24]. В ряде случаев отождествить почерк исправлений с почерками рукописи, по-видимому, не представляется возможным [25]. Таким образом, в сверочной работе после окончания написания рукописи принимало участие как минимум два человека: второй писец, а также еще какое-то лицо. Возможно, что первый писец также принимал в ней участие. Новая проверка рукописи была также проведена вторым писцом, и, возможно, тем же лицом, которое участвовало в первоначальной сверке текста. Значительный объем и точность сверочной работы позволяют предположить, что наша рукопись передает свой протограф с большой верностью.

---

[18] См., например л. 23 об., текст гл. 7; л. 33, текст гл. 28; л. 118, текст гл. 174— для первого почерка; л. 42, текст гл. 47; л. 48 об, текст гл. 55; л. 60, текст гл. 70; л. 61 об., текст гл. 72; л. 62, текст гл. 72; л. 65, текст гл. 76; л. 78 об., текст гл. 99 — для второго почерка.

[19] Буквы, утраченные при обрезании листов рукописи во время подготовки ее к переплету и восстанавливаемые по смыслу, даны в квадратных скобках.

[20] См. также л. 114 об., текст гл. 172. Исправление, соответствующее помете на полях, внесено уже в сам текст (слово «сигклитом» исправлено на «синклитом»); см. л. 112 об., текст гл. 172 и т. д.

[21] Несомненно, что это не первый почерк, которым написан текст вышеуказанных листов.

[22] См., например, л. 118 об.

[23] См. л. 27, текст гл. 14, л. 29 об., текст гл. 22; л. 32, текст гл. 27; л. 107, текст гл. 157.

[24] См. л. 62, текст гл. 72, 1-я строка снизу.

[25] См. л. 60, текст гл. 71; л. 67, текст гл. 78; л. 88, текст гл. 120; л. 89, текст гл. 121; л. 96, текст гл. 138 (дважды); л. 104 об., текст гл. 154; л. 114 об., текст гл. 172 и т. д.

Совокупность вышеуказанных палеографических особенностей сборника позволяет выдвинуть предположение, что рукопись — «центрально-приказная» по месту своего происхождения. Во-первых, именно в канцеляриях приказа скорее всего могла возникнуть рукопись, которую одновременно переписывало несколько писцов, о чем свидетельствует тот факт, что первый писец писал тетради 1—5 и 12—15, второй —6—11, а третий — 18. Во-вторых, на протяжении рукописи, сравнительно небольшой по объему, чередуется бумага различного качества и сорта. Но ведь именно в канцеляриях приказов хранилась одновременно бумага различных покупок, и, следовательно, для написания рукописи могла быть использована бумага различных сортов [26]. В-третьих, к этому выводу приводят и наблюдения над объемом и характером исправлений. Выше уже говорилось, что исправления вносились в рукопись в три приема, причем в окончательной проверке текста сборника до и после переплета принимали участие: второй писец, переписавший меньшее количество текста по сравнению с первым, и лицо, не принимавшее участия в переписывании рукописи. Как известно, переписывание различного рода документов осуществлялось в приказах «молодыми», а также и «старыми» подъячими. Контроль и проверка были функцией дьяков и «старых» подъячих. Именно об этом, по-видимому, и свидетельствуют объем и характер правки в нашей рукописи. Наконец, нашу гипотезу подтверждает и анализ состава памятника. Памяти и указы за 20—40-е годы XVII в., имеющиеся в рукописи, или направлены в адрес Московского Судного приказа, или вышли из его канцелярии. Последние два указа связаны с деятельностью Владимирского Судного приказа. Основываясь на всем сказанном выше, можно предположить, что данный памятник был переписан во Владимирском Судном приказе в конце 40-х годов XVII в.

Тот факт, что в основе этой «судебной» книги Владимирского Судного приказа лежит Указная книга Московского Судного приказа, доказывается следующими обстоятельствами. Во-первых, из 26 памятей и указов, помещенных ниже, 24 или направлены в адрес московского Судного приказа, или исходят из его канцелярии, и только два последних указа связаны с канцелярией Владимирского судного приказа. Во-вторых, текст нашей рукописи полностью совпадает с отрывками текста Указной книги московского Судного приказа, сохранившимися в передаче Указной книги Поместного приказа. В Указной книге Поместного приказа сохранились главы № 84, 125 и 126 Указной книги московского Судного приказа. Сравним тексты соответствующих мест нашего памятника, отрывка Указной книги московского Судного приказа в Указной книге Поместного приказа с соответствующими главами Судебника 1550 или дополнительных статей к нему [27]:

ЦГАДА, ф. 1361, № 283	Указная книга Поместного приказа (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 6. М., 1889, отдел III)	Судебник 1550 года

[26] См. по данному вопросу замечание И. И. Лаппо: «Литовский статут в московском переводе-редакции». Юрьев, 1916, стр. VIII—X и особенно стр. XI.

[27] Текст Указной книги Поместного приказа дается нами по публикации В. Н. Сторожева, текст Судебника 1550 г.— по публикации в работе «Судебники XV—XVI вв.» под ред. Б. Д. Грекова. М.— Л., 1952; тексты дополнительных указов — по ряду списков Судебника 1550 г. с дополнительными статьями и по публикации Сводного Судебника 1606 г. (ПРП, вып. 4. М., 1956). Курсив везде наш.

гл. 84*	гл. 84*	гл. 85
л. 70 «...а отдати ему вотчина *своим родителем по тому же*, *у* *ково* в прежних купчих в послусех нет...»	стр. 72 «...а отдати своя вотчина *своим родителем по тому же*, *у ково в* прежних купчих в послусех нет...»	стр. 171 «...а отдати ему та вотчина *в свой род тому же*, *кого* нет в прежних купчих в послусех...»
л. 70 об. «...в заклад имати *в тольке*, чево та вотчина *стоит...*»	стр. 73 «в заклад имать *в тольке* чего та вотчина *стоит...*»	стр. 171 «...в заклад имати *в колке*, чего та вотчина *судит...*»
л. 70 об. «...и тому вотчичю та вотчина *на выкуп* взяти в меру...»	стр. 73 «...и тому вотчичу та вотчина *на выкуп* взяти в меру...»	стр. 171 «...и тому вотчичю та вотчина *в заклад* взяти в меру...»
Приговор от 15 августа 1557 г.		
л. 91 об. «Лета 7066-го августа в 5. день...»**	стр. 74 «Лета 7066-го августа в 5 день...»	Лета 7065 августа в 15 день...
«...вотчичем, *которые вотчины выкупают...*»	стр. 74 «...вотчичем, *которые вотчины выкупают...*»	«...вотчичем, *которые вотчичи выкупают вотчину...*» Так: ПРП вып.4, стр. 524 ***

* Поскольку в нашей рукописи гл. № 77 Судебника 1550 г. («О отпускных») помещена как гл. № 148 (как и во многих списках Судебника 1550 г. с дополнительными статьями по 1606 г.) поскольку гл. № 85 Судебника 1550 г. фигурирует в ней в качестве гл. № 84.

** Такая же датировка этого приговора имеется в двух списках Судебника 1550 г. с дополнительными статьями по 1606 г. из рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее — РО ГПБ), собр. Погодина, № 1842, л. 82 и № 1844, л. 78

*** Подобная датировка этого приговора обнаруживается в следующих списках Судебника 1550 г. с дополнительными статьями по 1606 г. из РО ГПБ: Эрмитажное собр., № 59, л. 48 об.; собр. Десницкого, № 1, л. 87; Q II, № 32, л. 94; Q II, № 29, л. 87, а также в списке из рукописного отдела Государственного исторического музея в Москве (далее — РО ГИМ), Музейное собр. № 1554,б, л. 34. В этих же списках мы находим и чтение текста соответственно тексту Сводного Судебника (см. вышеуказанные листы).

Как можно убедиться, в перечисленных случаях между нашей рукописью и отрывками судебной книги московского Судного приказа в передаче Указной книги Поместного приказа наблюдается тождество и, что особенно важно, в несомненно дефектных частях и текста гл. 84, и приговора от 15 августа 1557 г. Таким образом, публикуемый ниже памятник является Указной книгой московского Судного приказа, использованной и продолженной во владимирском Судном приказе.

* * *

В состав нашего памятника входят: 1) Судебник 1550 г. с дополнительными статьями по 1606 г.; 2) указы и уложения за 20—40-е годы XVII в. Сборник имеет оглавление [28], в котором насчитывается 170 глав, причем в качестве гл. № 170 помещен указ Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. [29]. Разбивка отдельных указов в самом тексте памятника отличается от разделения на главы указов в оглавлении, поэтому указ Лжедмитрия I имеет в тексте № 176 [30]. Далее нумерация глав продолжена до № 180, включая в себя уже указы за 20-е годы XVII в.

Данный список Судебника 1550 г. с дополнительными статьями мы относим к первому изводу 4-й редакции Судебника 1550 г. с дополнительными указами (1606 г.) [31]. К этому же изводу примыкают следующие

[28] См. лл. 1—21.

[29] См. л. 21.

[30] См. л. 122. В рукописи этот номер главы поставлен ошибочно, ибо и указ Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г. в тексте нашего сборника помещен под № 176 (см. л. 120).

[31] Мы пользуемся классификацией списков Судебника 1550 г. с дополнительными статьями, данной А. А. Зиминым (см. ПРП, вып. 4, стр. 543—546). Однако А. А. Зимину остались неизвестными, помимо данного списка, также списки из РО ГПБ, собр. Десницкого, № 1 и из указанного собр. Мальцева, № 918. В связи с этим деление списков 4-й редакции на изводы у нас иное, чем в схеме А. А. Зимина.

списки: Погодинский № 1842, Погодинский № 1844, Q II № 29, Музейный № 1554б и список из собрания Большакова № 297[32]. Ко второму изводу 4-й редакции мы относим списки: Эрмитажный № 59, Десницкого № 1 и список из собр. Мальцева Библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского под № 918. Отнесение к тому или иному изводу списков Судебника 1550 г. с дополнительными статьями по 1606 г. определяется, во-первых, объемом дополнительных статей, во-вторых, порядком и характером их расположения. Так, во всех списках первого извода 4-й редакции мы имеем, по сравнению со списками второго, память митрополичьих бояр от 14 марта 1561 г. и указ Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. В нашей рукописи память помещена в качестве глав № 168—170[33]. В списках же второго извода 4-й редакции память от 14 марта 1561 г. отсутствует[34], а указ Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. обозначен в оглавлении списков, но отсутствует в их тексте[35]. Порядок расположения дополнительных указов для списков первого извода будет следующим[36]: гл. № 100—148, 149—150, 153—156, 162, 157—158, 151—151ж, 159—161, память 14 марта 1561 г., № 164, 166—168. Характерным для списков первого извода является также и то, что, как правило, докладные и указные части одного приговора (указа) не объединяются в них в одну главу[37]. Списки же второго извода 4-й редакции Судебника 1550 г. с дополнительными указами (1606 г.) характеризуются следующим порядком размещения дополнительных статей: № 100—149, 150, 151—151ж. 153—155, 156—158, 159—162, 164, 166—167[38]. Весьма знаменательно также и то обстоятельство, что в списках второго извода указы и приговоры объединяются внутри одной главы, тогда как в первом они разбиты между различными главами[39]. Наша рукопись по порядку и характеру расположения дополнительных статей, несомненно, относится к спискам первого извода, так как расположение дополнительных указов в ней выглядит следующим образом[40]: гл. № 100—149 (гл. № 100—149), гл. 150 (гл. № 150),

[32] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (далее — РО ГБЛ), собр. Большакова, № 297.

[33] См. лл. 110 об.— 111 об.

[34] В Эрмитажном списке № 59 память от 14 марта 1561 г. помещена после всех дополнительных статей и статьи № 167 «Московская митрополия». Можно думать, что глава № 167 (ее нет ни в одном из известных нам списков 4-й редакции) и глава № 168 были переписаны в данный список с иного протографа, чем дополнительные статьи, оканчивающиеся главой № 166 (указ Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г.). Это тем более соответствует истине, что до главы № 166 (включительно) Эрмитажный список совпадает со списками второго извода 4-й редакции не только в объеме дополнительных статей, но и в порядке и характере их расположения (см. ниже).

[35] В Эрмитажном списке № 59 указ Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. помещен в оглавлении под № 166 (см. Архив историко-юридических сведений Н. В. Калачова, кн. 2, 1-я половина, отдел II, 1855, стр. 95), но в тексте его в качестве главы № 166 помещен указ Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г. В списке Десницкого указ Лжедмитрия I дан в оглавлении под № 167 (см. л. 13 об.), но текст списка обрывается указом Бориса Годунова (гл. № 166), причем это не может быть объяснено дефектностью списка, ибо гл. № 166 оканчивается на середине л. 117, половина же л.. 117 и весь л. 117 об.— чистые. В списке Мальцева № 918 указ Лжедмитрия отсутствует как в оглавлении, так и в тексте.

[36] Нумерация глав указов дается по нумерации глав Сводного Судебника.

[37] Так, в списке Погодин № 1844 (как и в Музейном, № 1554б) глава № 156 соединена с докладной частью гл. 162, а указная часть гл. № 162 соединена с докладной частью гл. № 157. См. РО ГПБ, собр. Погодина, № 1844, лл. 91 об.— 93 и 93—94 об., а также РО ГИМ, Музейное собрание, № 1554б, лл. 42 об.— 43 об. и 43 об.— 44 об В Погодинском списке № 1842, наоборот, докладные и указные части одних указов разбиваются на разные главы. См. лл. 96—99, 100 об.— 101 об.

[38] См. РО ГПБ, Эрмитажное собр., № 59, лл. 41 об.— 65 об.; РО ГПБ, собр. Десницкого, № 1, лл 74 об— 117.

[39] См., например, лл. 56 об.— 57 об. и 57 об.— 58 Эрмитажного списка (главы № 156 и № 157 по нумерации Сводного Судебника), а также лл. 101—102 и 102 об.— 103 об. списка Десницкого (те же главы).

[40] Без скобок дается нумерация глав нашего списка, в скобках — нумерация глав Сводного Судебника.

гл. № 151 (гл. № 153), гл. № 152 (гл. № 154), гл. 153 (гл. № 155), гл. № 154 (гл. № 156), гл. № 155 (гл. № 162— докладная часть), гл. № 156 (гл. № 162 — указная часть), гл. № 157 (гл. № 157— докладная часть), гл. № 158 (гл. № 157— указная часть), гл. № 159 (гл. № 158— докладная часть), гл. № 160 (гл. № 158 — указная часть), гл. № 161—162 (гл. № 151—151ж), гл. № 162—163 (гл. № 159), гл. № 164 (гл. № 159), гл. № 165 (гл. № 160 — докладная часть), гл. № 166 (гл. № 160 — указная часть и гл. № 161— докладная часть), гл. № 167 (гл. № 161— указная часть), гл. № 168—170— память от 14 марта 1561 г., гл. № 171—173 (гл. № 164), гл. № 174—175 (гл. № 166), гл. № 176 (гл. № 167), гл. № 176 (гл. № 168)[41]. Таким образом дополнительных указов, порядок и характер их расположения в нашем списке подтверждают вывод о том, что данная рукопись первой своей части относится к первому изводу 4-й редакции Судебника 1550 г. с дополнительными указами (1606 г.).

Из 26 уложений, указов и памятей за 20—40-е годы XVII в., имеющихся в нашем памятнике, мы публикуем здесь 23[42].

---

[41] См. ЦГАДА, ф. 1361, № 283, лл. 79 об.— 125. Как уже указывалось выше, номер гл. 176 повторен дважды — это несомненная описка.

[42] Уложения от 11 января и 17 ноября 1628 г. и от 23 июля 1641 т. неоднократно публиковались, поэтому они и не помещены ниже. Последнюю публикацию см. ПРП, вып. 5, Уставная книга Разбойного приказа 1616—1636, стр. 208—216; Указная книга Земского приказа, стр. 362—371. Наш памятник отличается от публикации в ПРП. Во-первых, уложение от 11 января 1628 г. (в памяти от 15 января) направлено в адрес судей московского Судного приказа — боярина князя А. Ю. Сицкого и С. В. Колтовского и дьяков Н. Талызина и Ф. Дружинина (ср. С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М., 1946, стр. 182); уложение от 17 ноября 1628 г. (в памяти от 21 ноября) направлено в адрес судей того же приказа — боярина С. В. Головина и вышепоименованных лиц (ср. С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 182); Уложение от 23 июля 1641 г. (в памяти от 31 января 1642 г.) было также направлено в адрес руководства московского Судного приказа (ср. л. 184 нашей рукописи и С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 183). Во-вторых, приведем те случаи, когда наша рукопись дает более верные чтения по сравнению с текстами, опубликованными в ПРП, вып. 5:

Уложение 11 января 1628 г.

ПРП, вып. 5:	ЦГАДА, ф. 1381 № 283:
стр. 208, 7-я строка снизу: «государев указ»	л. 130: «их государев указ»
стр. 209, 5-я строка снизу: «и на том»	л. 132 об.: «и на тех людех»

Уложение от 17 ноября 1628 г.

стр. 215, 3—4-я строки сверху: «...и тех людей дворы и лавки велено, *оценя, отдавать...»*	л. 143: «и тех людей дворы и лавки велено *ценить и отдавать...»*
стр. 215, 15—16-я строки сверху: «...в порукех и выдаст...»	л. 143 об.: «...в поруке их выдаст...»
стр. 215, 19-я строка сверху: «...и безчестье приставливают...»	л. 144: «...в безчестье приставливают...»

Уложение от 23 июля 1641 г.

стр. 363, 13-я строка сверху: «и на окольничих, и на стольников...»	л. 184 об.: «и на окольничих, и на думных людей, и на стольников...»
стр. 363, 17-я строка сверху: «...и крестьянех и во всяких обидах...»	л. 184 об.: «...и о крестьянех, и о бобылях, и обо всяких обидах...»
стр. 364, 16—17-я строки сверху: «...и всяких чинов людем, у ково помесными и вотчинными землями...»	л. 187 об.: «...и всяких чинов людем в беглых крестьянех, и которые всяких чинов люди, у ково помесными и вотчинными землями...»
стр. 365, 2—3-я строки сверху: «и в тех им крестьянех и *от суда* урочными леты отказывают».	л. 188 об.: «...и в тех им крестьянех *и без суда* урочными леты отказывают...»

Из них 12 указов и памятей не известны Уставным и Указным книгам других приказов. Три указа (в составе памятей из приказа Холопья Суда) содержат данные по некоторым сторонам юридического положения холопов[43]. Бо́льшая же часть указов, памятей и приговоров посвящена различным вопросам судопроизводственного процесса[44]. Шесть приговоров подобного рода, помещенных в Указную книгу Московского Судного приказа, вышли из его канцелярии и по инициативе его руководства[45]. Многие нормы неизвестных ранее приговоров и указов явились источником для ряда статей Соборного Уложения[46]. Это свидетельствует о важности публикуемого ниже памятника для восстановления истории развития законодательства Русского государства в первой половине XVII в., а также для более подробного изучения создания Соборного Уложения 1649 г.

ТЕКСТ

[I. 1622 г. апреля 12.
Указ о давности исков о поклажах, бое и грабежах.]

Гл. № 177. 130-го апреля в 13 день в Московской Судной приказ боярину л. 125
князю Алексею Юрьевичю Сицкому да Степану Ивановичю Ислентьеву
да дьякам Сарычю Линеву // да Ивану Мизинову ис Челобитново прика- л. 125 об.
зу прислана память за приписью дьяка Семена Бредихина, а велено та память написать в книги и с памяти в книги написано слово в слово.
Гл. № 178. Лета 7130-го апреля в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу боярину князю Алексею Юрьевичю Сицкому да Степану Ивановичю Ислентьеву да дьяком Сарычю Линеву да Ивану Мизинову.

стр. 365, 11—10-я строки снизу: «...и владенья крестьянского искати вместе...»	л. 189 об.: «...и владенья крестьянского исцом искать вместе...»
стр. 366, 2—3-я строки сверху: «...да и в городех на их слуг и на крестьян также суда *не давать*...»	л. л. 190—190 об.: «...да и в городех де на их слуг и на крестьян также суда *не дают*...»
стр. 367, 6-я строка сверху: «...учнут по челобитным искати на тех исцех...»	л. 192: «учнут по челобитным на тех исцех искать своих исковых дел...»
стр. 368, 14-я строка сверху: «...людем их и крестьяном обиды...»	л. 194: «...людем их и крестьянам чинятца обиды...»
стр. 368, 12-я строка снизу: «...перевозы и мостовщины»	л. 195: «...перевозы и мытовщины...»
стр. 369, 12—11-я строки снизу: «...и которые *били челом* и в драгунской...»	л. 196 об.: «и которые *были у розбору и в солдатцкой*, и в драгунской...»
стр. 370, 13—14-я строки сверху: «...а иные поместья взяли братья свои родные...»	л. 198: «а иные поместья взяли братьи свои родные...»
стр. 370, 15—14-я строки снизу: «...и у розбору, и в служилых и ни в каких...»	л. 198 об.: «...и у розбору, и в служилых спискех, и ни в какой...»

[43] Помещены в публикации под №№ V, XIV и XVI.

[44] Помещены в публикации под № VI, XII, XIX, XXII.

[45] Помещены в публикации под № VIII, IX, XIII, XVII и XXIV. Приговор от 17 февраля 1641 г., помещенный в публикации под № XXI и вышедший из канцелярии московского Судного приказа, известен в памяти из этого приказа в адрес Земского приказа (см. ПРП, вып. 5, стр. 371—372).

[46] Ср. указ, помещенный ниже под № V, со статьями 94 и 112 гл. XX Соборного Уложения (ПРП, вып. 6, стр. 353 и 358); указ, публикуемый под № XIV, со статьями 50 и 51 гл. XX Соборного Уложения (ПРП, вып. 6, стр. 341); указ, помещенный под № XVI, со статьей 57 гл. XX Уложения 1649 г. (ПРП, вып. 6, стр. 343); указ, публикуемый под № VI, со статьей 8 гл. XIV Соборного Уложения (ПРП, вып. 6, стр. 192); указ, помещенный ниже под № XII, со статьями 254 и 255 гл. X Уложения 1649 г. (ПРП, вып. 6, стр. 138); уложение, публикуемое под № IX, со статьей 112 гл. X Соборного Уложения (ПРП, вып. 6, стр. 95).

л. 126 Государь царь и великий князь // Михаило Федорович всеа Русии и великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии указали по прежнему своему государеву указу и по боярскому приговору: в поклажех, которые люди клали поклажее до московсково разоренья и в боех и в грабежех, что делалось до разоренья и в разоренье, по кабалам * в долгех, больши пятинадцати лет, которые кабалы не подписаны, и челобитья по которым кабалам не бывало, суда не давать, да и в книгу то написать. Помета на выписке думново дьяка Томила Луговского. // И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоро-
л. 126 об. вича всеа Русии и великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу боярину князю Алексею Юрьевичю Сицкому да Степану Ивановичю Ислентьеву да дьяком Сарычю Линеву да Ивану Мизинову: в поклажеех, которые люди клали поклажее до московского разоренья, в боех ** и в грабежех, что делалось до разоренья и в разоренье, суда не давати, и по кабалам в долгех, которые больши пятинатцати лет, а не подписана [ны?] и челобитья по них //
л. 127 не бывало, суда не давать и книги то написать.

[II. 1625 г. марта 31.
Память из Челобитного приказа с изложением указа о порядке крестоцелования в судах.]

Гл. № 179. 133-го марта в 31 день в Московской судной приказ боярину князю Алексею Юрьевичю Сицкому да Семену Васильевичю Колтовскому да дьяку Остафью Кувшинову ис Челобитново приказу прислана память за приписью дьяка Василья Волкова, а в ней пишет. 133-го марта в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича
л. 127 об. всеа Русии указу боярину князю Алексею Юрьевичю Сицкому // да Семену Васильевичю Колтовскому да дьяку Остафью Кувшинову.

Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец его государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии указали: у кресного целованья у Николы Старово целовать крест, который крест будет написан с распятием и з деяньем, а крестов меденых не носити и медных крестов не целовати. А которые всякие люди *** во всех приказех в розных делех учнут искати и отвечати, и по тем делам исцу или ответчику доведетца // крест цело-
128 вати и тех всяких людей их людем крест целовати трижды. А впредь тому человеку в четвертые креста ни в каком иску не целовать, а целовать крест в четвертые иному человеку. А целовати всяких людей людем ростом двадцать лет, а менши двадцати лет ни в каких искех креста не целовати. А которых всяких людей их служилые люди учнет крестному целованью креста целовати приходити менши двадцати лет и тех людей ко кресту не припускати, а велети крест целовать тем самим, которым
л. 128 об. довелося людем их // крест целовати. А которые иноземцы, литва, и немцы, и татаровя, и всякие иноземцы, учнут искати на русских людех, а доветца **** крест целовати руским людем, а иноземцам крест ставить, [ставит?] — и тем иноземцом у Николы крестов не ставить и руских людей у Николы в иноземцовых искех ко кресту не приводить, а целовать в иноземцовых искех руским людем крест в приказех, где которой иноземец на руских людех учнет искать. А в приказех велеть кресты написать
л. 129 и в приказех держать, для тово что б // иноземцом ко кресту у Николы

* *В тексте Указной книги Земского приказа* и по кабалам, *ПРП, вып. 5, стр. 338. Здесь и далее текстологические примечания к тем указам, которые дошли до нас в составе других Уставных и Указных книг приказов, даются по тексту последней их публикации в ПРП, вып. 5.*

** *В тексте Указной книги Земского приказа* и в боех... *ПРП, вып. 5, стр. 338*

*** *В рукописи пропущено* русские. *ПРП, вып. 5, стр. 337.*

**** *Описка, надо* доведетца

не приводить. А будет руской человек учнет искать встрешно на иноземце, а доведетца иноземцу целовать, и тех иноземцов приводить к вере, в приказех же по их вере. А которым будет людем исцом и ответчиком доведетца крест целовать и ко кресту приводить самим, а у них людей нет, а те будет сами исцы и ответчики будет менши дватцати лет, а переменить неким, и тем исцом и ответчиком велеть самим крест целовать и ко кресту приводить, хоти хто и и менши дватцати лет, а наемным людем // и л. 129 об.
подставою креста целовать * и ко кресту приводить не велеть.

[III. 1628 г. января 11 Уложение о судных делах.] **

. . . .

[IV. 1628 г. ноября 17.
Уложение о порядке судопроизводства по заемным и иным делам.] ***

. . . .

[V. 1630 г. мая 21.
Указ о порядке содержания в тюрьмах спорных людей.]

Лета 7138 июня в 10 день // по государеву цареву и великого князя л. 146 об.
Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину Семену Васильевичю Головину да Семену Васильевичю Колтовскому да дьяком Михаилу Онфимову [?] да Федору Дружинину. В нынешнем во 138-м году апреля в 26 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и отцу ево государеву великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии спорные боярские люди, которые посажены ис Холопья приказу и из ыных приказов
// в тюрьму в спорном холопстве, а сидят в тюрьме года по два и по три л. 147
и по четыре, и по пяти, и больши, и будучи в тюрьме помирают голодною смертью, а исцы де их и ответчики в тюрьме не кормят и не поят, и з приказех де им по тем судным делам указу не учинят и государя не доложат.

И майя в 21 день государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца ево государева великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии окольничей князь Григорей Костянтинович Волконской // да дьяки Иван Дедков да Яков л. 147 об.
Ключарев докладывали. И государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии и отец ево государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, слушав челобитья и роспросных речей и росписи о спорных боярских людех, которые сидят от вас в спорных делех в тюрьме, указали: тех спорных людей в тюрьме кормити и поить исцом и ответчиком до тех мест, покаместа кому из них по судным делам указ будет, а на корм имати им указали // государи л. 148
деньгами с ысца и с ответчика в приказ, ис которово приказу хто посажен, по две деньги на день человеку и велели о том о всем государеве указе послать памяти в приказы, ис которого хто приказу посажен.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину Семену Васильевичю Головину да Семену Васильевичю Колтовскому да дьяком Михаилу Онфимову [?] да Федору Дружинину: которые от вас боярские люди в спорных делех сидят в тюрьме, и тем спорным людем // велети на корм имати в приказ деньгами с ысца л. 148 об.

* *Эти слова отсутствуют в тексте Указной книги Земского приказа. ПРП, вып. 5, стр. 337.*

** *Далее в рукописи на лл. 129 об.— 136 об. помещен текст этого уложения; см. последнюю публикацию его: ПРП, вып. 5, стр. 208—211; разночтения рукописи с публикацией см. прим. 45 данной работы.*

*** *Далее в рукописи на лл. 136 об.— 146 об. помещен текст этого уложения: см. последнюю публикацию его: ПРП, вып. 5, стр. 211—216; разночтения нашей рукописи с публикацией см. прим. 45 данной работы.*

и с ответчика по две деньги на день человеку и давати им до тех мест, покаместа в тех в спорных людех те спорные дела вершатца. У подлинные памяти припись дьяка Якова Ключарева.

[VI. 1635 г. апреля 12.
Память из Челобитного приказа о порядке крестного целования в случае встречного иска на суде.]

143-го апреля в 12 день в Московской в Судной приказ ис Челобитново приказу прислапа память за приписью дьяка Калистрата Акинфеева [?],
л. 149 а в ней пишет. Лета 7143-го апреля в 12 день // по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяку Марку Поздееву. В Челобитенной приказ к боярину к Борису Михайловичю Салтыкову да к окольничему ко князю Федору Федоровичю Волконскому да к дьяку х Калистрату Акинфееву в памяти за Марковою приписью написано: велети бы выписати из государева указу, хто на ком ищет не ходя с суда по двем или по трем челобитным розных ис-
л. 149 об. ков, а ответчик во всех искех возмет // себе на душу, а опричь веры кресного целованья тех их дел вершить нечим, и в тех искех кресное целованье указано одно ли или указано крестное целованье ю всяком иску порознь, да та выпись велено прислати в Московской в Судной приказ для вершенья судных дел.

И в Челобитном приказе в статейных списках о той статье не указано ничево, а в судных вершеных делех написано: хто на ком исщет или хто кому отвечает по двем или трем челобитным не сходя с суда — и в
л. 150 тех искех крест целовать порознь // всякому в своем иску. А та память у судново дела Ивана Колобова у подъячево у Офонасья Коротыгина.

[VII. 1635 г. августа 6.
Память с изложением указа об исках по крепостям.]

Лета 7143-го августа в 6 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяком Марку Поздееву да Федору Кунакову.

Ведомо государю учинилось, что многие люди учали приставливать в
л. 150 об. поклажеех и в бескабалных // займех всяких чинов люди, и от тово учинились продажи и убытки великие всяким людем. И ныне государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал свой государев указ во всех приказех записати, и свои государевы грамоты ис приказов во все городы, где которые городы ведомы, послати: которые всяких чинов люди учнут государю бити челом и приносить к вам в Московской в Судной приказ и по иным приказом на каких людей ни буди в заемных в болших и в
л. 151 малых деньгах, или в поклажеях или в какой ссуде // челобитные, а напишут в своих челобитных, что кому хто дал, или хто у ково что занял, или заклад какой положил, а заемных крепостей, кабал, и записей, и памятей в тех деньгах и в поклажеех у тех людей не будет — и государь указал в тех бескабалных и бескрепостных искех на тех людей суда давать и зазывных грамот и недельщиков в городы посылати не велел.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяком Марку Поздееву да Федору Кунакову велети государев указ в Московском в Судном приказе записать: которые люди на Москве учнут приходити к ним в приказ и бити челом государю всяких чинов люди в заемных деньгах, или в поклажеях, или в какой ссуде ни буди, а в тех долгех и в поклажеях, или в какой ссуде на то кабал в заемных памятей, или иных каких крепостей на тех

людей класти не учнут,— и на тех людей суда * и зазывных грамот * не давать // и приставов по тех людей не посылать. А в городы к воеводам л. 152
и к приказным людем, которые городы ведают в Московском в Судном приказе, послати государевы грамоты, чтоб всяких чинов люди в займы денег **, и под заклад платья, и всякой рухледи, и лошадей, и никакие меж себя ссуды, ни хлеба *** бескабално и бес памятей нихто никому не давал и не ссужался. Да и биричем велеть о том в городех по многие торговые дни кликати и по торшком, чтоб однолично в городех, которые городы ведомы в Московском в Судном приказе, // — и тот государев указ л. 152 об.
был всем людем ведом ****, чтобы всяких чинов людем бескабалных и бескрепосных заемных долгех, хто на ково учнет бити челом государю на Москве или в городех воеводам и приказным людем, суда давати и грамот зазывных и недельщиков в городы и из городов в уезды посылать не велети ****, чтоб в том всяких чинов людем на Москве и в городех продажи и волокиты не было. А будет хто до сево государева указу и уложенья дал кому взаймы денег, или заклад какой положил, // или хто ково какою л. 153
ссудою ссудил, а в тех деньгах, и в закладе, и во всякой ссуде у тех людей кабал и записей на то не будет *****, и тем людем велеть на Москве и в городех бити челом государю и приносити на те свои бескабальные и бескрепосные долги, хто кому без кабалы и без крепости что дал, или ково чем ссудил, явки и челобитные, московские люди всяких чинов до Семеня дни 144 году, а в городех, как государевы грамоты привезут,— месяц спустя после грамоты. А будет хто тово государева указу в тех в бескабалных и в безкрепосных // долгах, или в какой ссуде челобитен и явок не прине- л. 153 об.
сет на Москве с сего числа до Семеня дни 144-го году, а в городех покаместа грамоты придут месец спустя, во всяких долгах и во всякой ссуде — на Москве и в городех приставов и суда давать и зазывных грамот посылать не велети. И сесь государев указ всяким людем у приказу велеть сказать и прочести при многих людех, чтоб сесь государев указ был ведом всем. А подлинная память за приписью думново дьяка Ивана Гавренева ****** //. л. 154

[VIII. 1635 г. декабря 15. Указ о порядке судопроизводства по невершенным делам.]

144-го декабря в 15 день государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской докладывал. По государеву указу, которых посылают стольников и дворян // и жильцов и дворян из городов на государевы службы в городы на л. 155
воеводство, а у них в Московском в Судном приказе судные дела невершеные, и те воеводы, не бив челом государю и не отсроча в тех делах, с Москвы съезжают на воеводство в городы, а исцы их, а иных ответчики о тех судных делах бьют челом государю на них об вершенье тех судных дел, что они живут в городех на воеводстве, а отсрочных челобитных к делу не приношивали и, не бив челом в Судном приказе, с Москвы съехали, а те их исцы и ответчики бьют челом государю тех дел о вершенье. // И по той статье государь царь и великий князь Михайло Федо- л. 155 об.
рович всеа Русии указал: которые стольники и стряпчие, и дворяне, и жильцы ездят по воеводствам, а отсрочных челобитен в Судной приказ в

— *Этот текст отсутствует в Указной книге Земского приказа, ПРП, вып. 5, стр. 351.*

** *В рукописи пропущено* и хлеба. *Там же.*

*** *В рукописи:* ни хлеба *отсутствует. Там же.*

****—**** *Этот текст отсутствует в Указной книге Земского приказа, ПРП, вып. 5, стр. 351.*

***** *В указной книге Земского приказа* нет. *ПРП, вып. 5, стр. 351*

****** *Далее, на лл. 154 и 154 об. идет дефектное изложение указа, помещенного ниже под № 9.*

своих делах не приносят, и тем их винить не велел, а указал государь на
тех воеводах и на всяких посылщикех имать проесть и волокиту, а тем их,
что они посланы для государевых дел, не винить, а на людей их и на
крестьян давать суд.
л. 156 Да на тех же воевод бьют челом // государю о вывозных крестьянах
и о их животах, и емлют по тех крестьян государевы грамоты, и тех воевод
люди и крестьяне государевых грамот не слушают, чинятца силны,
и по трем государевым грамотам на поруки не даютца, а исцы на них
бьют челом государю о указе и тех воеводцких крестьян без них тем, что
они трех государевых грамот не слушают,— винить ли? — И по той статье
указал государь: которые воеводцкие люди и крестьяне государевых
трех грамот не слушают, чинятца силны — и тем их винить так же, как
л. 156 об. и иных всяких людей, которые // по трем государевым грамотам на поруки
не даютца и чинятца сильны, по государеву уложенью винят.

[IX. 1636 г. сентября 10.
Указ о порядке судопроизводства по разного рода делам.]

145-го сентября в 10 день боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской
говорил з бояры: в государеве цареве и великого князя Михаила
Федоровича всеа Русии и отца ево государева блаженные памяти
великого государя святейшего Филарета Никитича патриарха Московского
и всеа Русии уложеньи прошлого 137 году написано: которые ответ-
л. 157 чики, дав к суду по себе поручную запись, с Москвы // съедут, а исцы
на них бьют челом съездом, или которой истец, не дождався вершенья
дела съедет, а ответчики учнут бити челом, что истец, не дождався вер-
шенья дела, съехал, а по тому делу обыску меж их не будет — и о той ста-
тье государи указали: будет истец и ответчик, дав по себе с суда поручную
запись, что не съезжать, да не дождався вершенья, съедет и то дело вер-
шить съездом, обинить съездом. А которые ответчики, дав к суду по себе
л. 157 об. поручную запись, да не // дождався суда, с Москвы съедут, а про тот их
съезд скажут порутчики ево и тем съездом их винить ли — того в том го-
судареве уложенье не написано. И того ж числа бояре приговорили: кото-
рые ответчики, дав по себе к суду порушную запись, да не дождався суда,
с Москвы съедут, а про тот ево съезд скажут порутчики ево, или сын, или
человек ево, или дворник, да к той своей скаске и руки приложат, и после
той скаски те ответчики на завтрее, или на другой день, или на третей //
л. 158 сами на Москве объявятца и тех ответчиков тем съездом винити не велели.
А которые ответчики после порутчиковы скаски на Москве сами
день или два или три не объявятца — и их тем съездом бояре приговорили
винити.

[X. 1637 г. февраля 1.
Память Челобитного приказа с изложением указа 8-го марта 1626 г.
о взыскании процентов по заемным кабалам.]

Лета 7145-го февраля в 1 день по государеву цареву и великого князя
Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину князю Дмитрею Михайло-
вичю Пожарскому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяком Грегорью
л. 158 об. Те // ряеву да Федору Кунакову. В Челобитной приказ к боярину
к Борису Михайловичю Салтыкову да к дьяком к Василью Волкову да
х Калистрату Акинфееву за припісью дьяка Григорья Теряева написано:
велено выписать из государева указу и из уложенья и из боярских приго-
воров по государеву указу по кабалам за колько лет суда давать не велено,
да та выпись велено прислать в Московской в Судной приказ.
И в Челобитном приказе в государеве цареве и великого князя Михаила
л. 159 Федоровича всеа Русии и отца ево государева // блаженные памяти велико-
го государя святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа

Русии указе 134-го году марта в 8 день написано: государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец его государев великий государь святейший Филарет Никитич патриарх Московский и всеа Русии указали: по кабалам суд давать по прежнему своему государеву указу по пятинатцати лет, а сверх пятинатцати лет суда по кабалам давати не велели. А об ростех как истинна с ростом сровняетца в пять лет и рост имать//на пять лет, а за тем сверх пяти лет росту не имати. л.159 об.

А та память за приписью дьяка Калистрата Акинфеева в судном деле, что искал по заемной кабале на коширенине на Семене Долгом на поместном казаке боярина Ивана Никитича Романова человек ево Ондрей Дементьев в место дяди своево Кирила Демидова заемных денег шти рублев с полтиною а то судное кабалное дело и память у подъячево у Федора Посникова.//

[XI. 1638 г. декабря 26. л. 160
Память из Разбойного приказа с изложением указа от 17 февраля 1625 г.
об ответственности за неумышленное убийство.]

147-го декабря в 26 день в Московской в Судной приказ из Разбойново приказу прислана память за приписью дьяка Семена Дохтурова, а в ней пишет. Лета 7147-го декабря в 26 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину князю Олексею Юрьевичю Сицкому с товарыщи.

В Розбойной приказ к окольничему к Михаилу Михайловичю Салтыкову с товарыщи за Григорьевою приписью Теряева написано: велети б// отписать в Московской в Судной приказ — которые люди в убивстве винятца, а скажут, что убили умыслом, а исцы бьют челом государю о указе, тех ли людей им отдают убойцов или иных в того убитово человека место, и будет иных, и им, убойцом, кои умыслом убьют, какой государев указ чинят. л. 160 об

И в Розбойным приказе в государеве уложенье в Уставной книге прошлого 133-го году февраля в 17 числе в боярском приговоре написано: убьет боярской человек боярсково человека, а с пытки тот убойца в том убивстве * учнет * говорити//, что он убил в драке не умышленьем, или пьяным делом, и того убойца, бив кнутом, и дати на чистую поруку з записью, выдать тому боярину у ково человека убил и з женою, и з детьми в холопи, а жены и детей убитово человека у тово боярина, у которово человека убили, не отнимать, а тово в боярском приговоре не написано, что убойца с пытки скажет, убил умыслом. А та подлинная память у Судново дела Хлебенного дворца стряпчего Рахманина Онтипина дьяка Пахома Лучникова с человеком с Ыва // шком Еремеевым у подъячево у Семена Парфеньева. л. 161 л. 161 об.

[XII. 1638 г. декабря 1.
Память из Патриарша двора
с изложением порядка судопроизводства
по земным делам и ростов по кабалам, записанным в духовных.]

147-го декабря 1 день прислана с Патриархова двора память за приписью дьяка Ивана Головкова в Московской в Судной приказ, а в памяти пишет. Лета 7147-го ноября в 30 день по приказу великого господина святейшего Иасафа патриарха Московского и всеа Русии государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину//князю Алексею Юрьевичю Сицкому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяком Григорью Теряеву да Федору Кунакову. л. 162

В Патриаршъ разряд к патриаршу боярину к Семену Васильевичю Колтовскому да к дьяком к Ивану Соболеву да к Ивану Головкову в памя-

— *Написано над строкой почерком листа.*

тех за твоею Григорьевою приписью написано: велети б выписать из государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца ево государева великого государя святейшего Филарета Никитича патриар-
л. 162 об. ха Московского и всеа Русии и великого // господина святейшего Иасафа патриарха Московского и всеа Русии указов и из боярских приговоров: которые люди кладут в патриарше разряде духовные, а в тех духовных пишут кабалы, а в кабалах на те деньги написан рост, а в духовную того кабалного росту имянно не написано, и по тем духовным тот кабалной рост емлют ли; или хто на ково в суде положит заемную кабалу, а тот человек, на ково та кабала писана, в суде скажет, что он деньги заимовал и по той
л. 163 кабале уплата была //, а на той кабале той уплаты не подписано, а иные кладут в суде в уплатех отписи, а в тех отписях месеца и числа в них не написано и по которой кабале уплатил уплат (уплаты?) тово имянно не написано ж, а иные ищут *недоплатных* *досталных* денег и по таким заемным по неплачоным и по платежным неподписным кабалам и против отписей росты имать велено ль? И в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца ево государева великого государя
л. 163 об. святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Русии // и великого господина святейшего Иасафа патриарха Московского и всеа Русии указех в Патриарше розряде в боярских приговорех написано: которые люди кладут духовные и в тех духовных пишут кабалы, а в кабалах на те деньги написан рост **, а в духовных на те деньги того росту имянно не написано — и по тем духовным на тех людех по тем заемным кабалам росту имати не велено. А хто на ково в суде положит заемную кабалу,
л. 164 а тот человек, на ково та кабала // писана, в суде скажет, что он те деньги заимовал и по той кабале уплата была, а на кабале уплаты не подписано, а иные кладут в суде в уплате отписи, а в тех отписях месеца и числа в них не написано и по которой кабале уплатил уплаты того имянно не написано ж, а иные исщут по кабалам же недоплатных досталных денег и по таким заемным по неплатежным и по платежным неподписным кабалам и против отписей росты имать не велено ж. //

л. 164 об.

[XII. 1639 г. января 9.
Доклад и указ о порядке судопроизводства по нерешенным делам, отложенным по указу 28 января 1638 г.]

В нынешнем во 147-м году генваря в 9 день государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в комнате докладывал окольничей князь Семен Васильевич Прозоровской.

В прошлом во 146-м году генваря в 28 день в памяти из Розряду за приписью дьяка Григорья Ларивонова написано: государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал дворянам и детем боярским украинных, и замосковных и новгородцких, и северских, и полских, и по-
л. 165 низовных городов князем, и мурзам, // и новокрещеном, и татаром для нынешние летние службы в судных во всяких делех отсрочить до Рожества Христова нынешнего 147-го году. И в Московском в Судном приказе служилые и всяких чинов люди для государевы летние службы приносили отсрочные челобитные и по тех людей иманы поручные записи, что им, исцом и ответчиком, во всяких искех стати на Москве в Судном в Московском приказе на государев на отсрочной на указной срок, на Рожество
л. 165 об. Христово в нынешнем во 147-м году, а не станут оне на тот // указной срок на Рожество Христово в нынешнем во 147-году и на них исцовы иски и государевы пошлины.

— *Вписано на полях почерком листа.*

** *Затем шло* а в духовынх на те деньги написан рост. *Зачеркнуто, цвет чернил — второго почерка.*

И в нынешнем во 147-м году в Московском в Судном приказе бьют челом государю всяких чинов люди и приносят статные челобитные, что они на государев указной срок стали и челобитье свое записывали, а исцы или ответчики, дав по себе поручные записи, на тот государев на указной срок, на Рожество Христово не стали и челобитья своево не записали, да они же приносят подписные челобитные зо пометами // думных дьяков, которые исцы или ответчики в судных во всяких делех на государев на указной срок, на Рожество * Христово * не стали и те судные дела велено вершить по государеву уложенью — и о том государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии как укажет: в Московском в Судном приказе всякий чинов люди, исцов и ответчиков, в судных во всяких делех велит ли государь тем своим государевым указным сроком править и винить? И государь царь и великий князь Михайло // Федорович всеа Русии указал и бояре приговорили: В Московском в Судном приказе исцов и ответчиков, которые на государев на указной срок на Рожество Христово к Москве приезжают и челобитье свое записывают и о судных о всяких делех об вершенье государю бьют челом, велел судные всякие дела вершити по своему государеву уложенью, и исцов и ответчиков править и винить своим государевым указным одним сроком Рожеством Христовым. л.166 л. 166 об.

А которые ** на указной срок к Москве ** не приедут и в приказех не объявят // ца, и челобитья своево и ставок не запишут и за своими делы ходить, и бить челом об вершенье в своих делех не учнут, и тех по государеву указу и по боярскому приговору велено винить, а иново им сроку николи не будет, чтоб в исцовых искех впредь большие волокиты не были, так же и силником и всяким обидчиком неповадно было воровать. л. 167

А которые дворяне и дети боярские на службах ранены, и от ран заскорбят, или которые будут больны и за тою своею скорбью на указной срок сами к Москве не приедут, и те бы люди для своих судных дел присылали к Москве // в своё место детей своих, и братью, и племянников, и людей своих, и челобитье свое и ставки на указной срок на Рожество Христово записывали, и о делех своих детем своим, и братье, и племянником, и людем велели в свое место государю бити челом правдою, а которые будут люди ныне учнут отыматца ранами и болезньми, что они за своею болезнью на государев на указной срок, на Рожество Христово к Москве не стали, а против прежнево государева указу в свое место детей своих, братью, и племянников, и людей своих в судны[х] делех // к Москве не прислали, хотя тем отнятца — и им в том отказывати и челобитья их не слушати, потому что государев указ им о том сказан был наперед сево, в прошлом во 146-м году, и тех дворян и детей боярских в судных во всяких делех по тому ж винити, чтоб им впредь неповадно было ранами и болезньми своими отыматца. л. 167 об. л. 168

[XIV. 1639 г. апреля 2.
Память из приказа Холопья Суда с изложением указа от 20 октября 1635 г. о порядке сыска «безвестных» холопов.]

147-го апреля во 2-й день прислана ис Приказу Холопья Суда память за приписью дьяка Романа Булыгина в Московской в Судной приказ, а в памяти пишет. // Лета 7147-го апреля во 2-й день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу окольничему князю Семену Васильевичу Прозоровскому да Михаилу Григорьевичю Елизарову да дьяком Дмитрею Прокофьеву да Григорью Лухину. л. 168 об.

В приказ Холопья Суда к Лаврентью Александровичю Кологривову да к дьяком к Михаилу Бухарову да к Роману Булыгину в памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велети выписати из государева царева

- *Вписано над строкой почерком листа.*
- *Повторено дважды, повтор зачеркнут. Цвет чернил — почерка листа.*

л. 169 и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу // и из уложенья:
которые исцы и ответчики бьют челом государю о безвесных крестьянех
и о холопех об сыске, что им их сыскивать, и тем челобитчиком в тех без-
весных крестьянех и в холопех' па сколько в сыску сроку велено давать,
или им велено срок поверсной давать,' в котором городе их скажут, и на
сколко дней срок поверсной велено давать да та б выпись прислать в
Московской Судной приказ к тебе окольничему ко князю Семену Ва-
сильевичю да к Михаилу Григорьевичю и к дьяком.
И в приказе Холопья Суда в указной книге 144-го году октября в 20
л. 169 об день написано государев указ: которые // люди ищут на ком беглых хо-
лопей а ответчики скажут, что у них те холопи ушли до челобитья, и тем
людем для сыску дают сроку, где в котором городе скажут, на сто верст
по неделе. А которые ответчики скажут, что у них люди ушли, а где жи-
вут, тово не ведают, первой срок на три месяца, а другой срок дают на пол-
года, а третей — по челобитью исца или ответчика дают на год, будет ска-
жут в далних городех.

[XV. 1638 г. февраля 13.
Память из Разбойного приказа с изложением указа от 13 октября 1620 г.
об оценке стоимости скота.]

По памяти из Розбойново приказу за приписью дьяка Семена Дохту-
л. 170 ро // ва написано. По государеву цареву и великого князя Михаила Фе-
доровича всеа Русии указу боярину князю Дмитрею Михайловичю По-
жарскому да Ондрею Ивановичю Загряскому да дьяком Марку Поздееву
да Федору Кунакову.
В Розбойной приказ к окольничему к Михаилу к Михайловичю Салты-
кову да к Якову Васильевичю Колтовскому да к дьяком к Семену Дохту-
рову да к Ивану Трофимову в памяти за твоею Федоровою приписью на-
писано: велети б выписать из государева царева и великого князя Михаи-
л. 170 об. ла Федоровича всеа Русии // указу, что за лошеди за болшие, и за мери-
ны, и за кобылы, и за коровы, и за овцы, и за свиньи, и за козы, и за куры,
и за гуси, и за утята, и за пчелы за старые и молодые, и за собаки, за чеп-
ные, и за дворовые, и гончье, и за борзые, и за меделянские,' что чему в
государеве уложенье указная цена порознь положена, и от животины вся-
кие и от пчел по чему на год приплоду кладут, и что какову приплоду
цена, да та выпись прислать к вам в Московский в Судной приказ для вер-
шенья судных дел. //
л. 171 И в Разбойном приказе, что чему цена в государеве уложенье в устав-
ной книге написано и тому послана к вам в Московский в Судной приказ
роспись под сею памятью за дьячею приписью. В прежнем государеве ука-
зе написано: указывать исцом в их иски: конь — пять рублев; кобыла па-
гайская — три рубли; жеребенок конской — два рубли; мерин — два руб-
ли; кобыла — полтора рубли; жеребенок — рубль; корова — рубль; бык —
рубль; коза — две гривны; свинья — гривна; овца — гривна. //
л. 171 об. И боярин князь Иван Федорович Троекуров против прежнево госуда-
рева указу говорил з бояры — так ли тем статьям в указе быть. И 129-го
октября в 13 день бояре приговорили цену за лошеди и за скотину указы-
вать исцом перед прежней с прибавкою: конь — восемь рублев; кобыла
нагайская — шесть рублев; жеребенок конской — три рубли; мерин — че-
тыре рубли; кобыла — три рубли; жеребенок — рубль; корова — два рубли;
л. 172 бык — два рубли; коза — десеть алтын; свинья — две гривны; // овца —
две гривны. А за куры, и за гуси, и за утята, и за пчелы за старые и моло-
дые, и за собаки, за чепные, и за дворовые, и за гончие, и за борзые, и за
меделянские, что чему указная цена порознь положить, и от животины
всякие и от пчел почему на год приплоду кладут, и что какову приплоду
цена — и тово в Разбойном приказе в государеве уложенье в Уставной кни-
л. 172 об. ге ничево не написано. // А память прислана в прошлом во 144-м году
февраля в 13 день.

[XVI. 1639 г. июля 3.
Память из приказа Холопья Суда с изложением указа от 1623 г.
о порядке судопроизводства по делам о беглых холопах.]

147-го июля в 3 день прислана ис приказа Холопья Суда память за приписью дьяка Романа Булыгина в Московской в Судной приказ, а в памяти пишет. Лета 7147-го июня в 30 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу окольничему князю Семену Васильевичю Прозоровскому да Михаилу Григорьевичю Елизарову да дьяком Дмитрею Прокофьеву да Григорью Лукину. //

В приказ Холопья Суда к Лаврентью Александровичю Кологривову да к дьяком к Михаилу Бухарову да к Роману Булыгину в памяти за твоею Дмитриевою приписью написано: велети выписать из государеву указу — которые люди ищут беглых своих людей без животов, а в животах в челобитье своем пишут, что животов будет искать в ту пору, как в тех людех государев указ будет, и как тех людей по государеву указу исцом или ответчиком отдадут, и после той люцкой отдачи бьют челом в сносе о суде, и по государеву указу на тех людей на исцов или на ответчиков в сносных животах суд давать велено ль, или суда давать не велено, да та бы выпись прислать в Московской // в Судной приказ. л. 173 л. 173 об.

И сыскано в приказе Холопья Суда в указной книге 132-го году написано государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии указали: суду быть по прежнему * как * до Московского разоренья в холопьих делех суд был. А снос искать вместе, как ищет холопства, а после в сносе суда не давать. л. 174

[XVII. 1638—1639 г.
Указ о порядке судопроизводства
по отсроченным «убивственным» делам.]

В нынешнем во 147-м году били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии дворяне и дети боярские на дворян же и детей боярских о смертном // убивстве людей своих и крестьян, что у них людей их и крестьян дворяне и дети боярские побили, а побив, они ныне живут на государеве службе, а выскех их по государеву указу для службы отсрочено, и государь бы их пожаловал, велел тех их ответчиков в тех убивствех людей и крестьян с службы прислать к Москве. л. 174 об.

И государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии окольничей князь Семен Васильевич Прозоровский о тех убивственных делах докладывал. И государь царь и великий князь Михайло Федорович // всеа Русии в убивственных делах для своей государевы службы отсрочивать и службою отыматца не велел, и указал по тех убойцов давати свои государевы грамоты и присылати их к Москве в Московской в Судной приказ. л. 175

[XVIII. 1639 г. сентября 25.
[Память из Разбойного приказа с изложением приговора 1625 г.
об ответственности за неумышленное убийство и 2-х судных дел
1636 г. и 1638 г.]

148-го сентября в 25 день прислана из Розбойного приказу память за приписью дьяка Семена Дохтурова в Московской в Судной приказ, а в памяти пишет. Лета 7148-го сентября в 23 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу окольничему // князю Семену Васильевичю Прозоровскому да дьяком Дмитрею Прокофьеву да Григорью Лукину. л. 175

В Разбойной приказ к окольничему к Михаилу Михайловичю Салтыко-

— как *вписано над строкой почерком листа.*

ву да к Якову Васильевичю Колтовскому да к дьяком к Марку Поздееву да к Семену Дохтурову в памяти за твоею Дмитриевою приписью написано: велети бы выписать из государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и из боярского приговору и из судных дел — которые люди друг у друга, помещик убьет крестьянина, или крестьянин крестьянина до смерти, а по делу тот убоец будет виноват и тем убойцом //
л. 175 об. что государев указ и боярский приговор; и за убитого крестьянина какова крестьянина исцу велено отдать; а иные ответчики сказывают, что у них те убойцы збежали и тем людем на сколько месецов или* недель, или поверстной срок дают, что им тех убойцов сыскивать, а, сыскав, поставить на Москве, да та выпись велети прислать в Московской в Судной приказ.

И в Розбойном приказе в государеве указе в Уставной книге и в боярских приговорех 133-го году написано — убьет сын боярской, или сын ево, или племянник, а живет сын у отца, а племянник у дяди своего, а своих
л. 176 у них поместей нет,— или боярской [?], // или дворянской, или приказных людей, или сына боярского прикащик, или того поместья сын боярской будет сам убил, или ево сын, или племянник, или прикащик, а с пытки тот убойца в том убивстве учнет говорить, что он убил в драке, а неумышленьем, или пьяным делом,— и из его поместья взять лутчево крестьянина з женою и з детьми, которые дети с ним живут вместе, а не в розделе, со всеми животы, и отдать тому помещику, у которого крестьянина убили, во крестьяне, а в долгу отказать, а жены того убитово крестьянина и з детьми, и з животы у того помещика, у которого крестьянина убили, не
л. 176 об. отъимать //, а тех убойцов, хто крестьянина убил, метать в тюрьму до государева указу.

Да в Розбойном же приказе в убивственных делах — в деле боярина Федора Ивановича Шереметьева с стольником со князем Васильем Ромодановским прошлого 144-м году написано: говорил с пытки князь Васильев крестьянин Ромодановского Офонька Широкой: в прошлом во 144-м году шол он, Офонька, дорогою и нашол в лесу боярина Федора Ивановича Шереметева человека Онкудинка Офонасьева спит пьян. И он, Офонька, почал с него снимать кафтан, и тот Онкудинко с ним подрался, и он, Офонь-
л. 177 ка, вынев у него, Онкудинка, нож и зарезал ево Онкудинка // до смерти. И в прошлом же во 145-м году сентября в 5 день бил челом государю боярин Федор Иванович Шереметьев, а в челобитной ево написано: приведен де в Разбойной приказ князь Васильев крестьянин Ромодановского деревни Вешнякова Офонька Широкой в убивстве человека ево Онкудинка, и в роспросе тот Офонька перед окольничим перед Михайлом Михайловичем Салтыковым да перед Яковом Васильевичем Колтовским да перед дьяки перед Семёном Дохтуровым да перед Иваном Трофимовым в убивстве человека ево Онкудинка винился, и с пытки на себя говорил, что зарезал человека ево, Онкудинка Офонасьева, и ограбил, и из Розбойного де приказу
177 л. об. того ведомово // вора, Офоньку прозвище Широково, вместо убитого ево человека Онкудинка Афонасьева отдают ему, а тот де Офонька — ведомой вор и убойца, ему де держать ево немочно, и государь бы ево пожаловал, велел за убитого ево человека Онкудинка Офонасьева ему дать князь Васильева крестьянина ж Ромодановского деревни Вешняковы Сергейка Симанова, а не вора Офоньку Широкого. А на челобитной ево помета думного дьяка Ивана Гавренева: государь пожаловал, велел ему взять в убитого человека место того Сергейка Симанова, а не убойца Офоньку. И по государеву указу отдан боярину Федору Ивановичу Шереметьеву в место
л. 178 убитого //ево человека Онкудинка Офонасьева князь Васильев крестьянин Ромодановского Сергейко Симанов з женое и з детьми, и з животы, а убойца Офонька Широкой, бив кнутом, отдан князю Василью Ромодановскому.

Да в деле же серпуховитина Воина Арцыбашева з Дмитрием Сопковым

* *ли дописано над строкой почерком листа.*

[Солковым?] прошлого 147-го году написано: говорил в роспросе и с пытки
Дмитриеев человек Сопкова Илюшка Федоров. Ехал де он с Москвы и
убил Воинова крестьянина Арцыбашева Давыдка Федорова, начаялся у
нево денег. И Воин Арцыбашев бил челом государю, чтоб государь ево
пожаловал, велел ему в место убитого ево крестьянина дать Дмитриева //
крестьянина Сопкова Осипка. И по приговору окольничево Михайла Ми- л. 178 об.
хайловича Салтыкова да Якова Васильевича Колтовского да дьяков Марка
Поздеева до Семена Дохтурова у Дмитрея Сопкова крестьянин Осипко
взят и отдан Воину Арцыбашеву в место убитого ево крестьянина з же-
ною и з детьми и со всеми животы. А Дмитриев человек Сопкова Илюш-
ка Федоров бит кнутом, и запятнан, и дан на чистую поруку, и отдан
Дмитрею Сопкову. А не в сыскных оговорных и лихованных людех, кото-
рых в обыску лихуют в Розбойном приказе, сроку дать на месяц. // л. 179

[XIX. 1639 г. сентября 2.
Память из Ямского приказа с изложением указа от 24 августа 1639 г.
о порядке оплаты прогонов гонцами.]

148-го сентября в 2 день прислана из Ямского приказу память за при-
писью дьяка Микифора Демидова в Московской в Судной приказ, а в па-
мяти пишет. Лета 7147-го августа в 24 день. По государеву цареву и вели-
кого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу окольничему князю
Семену Васильевичю Прозоровскому да дьяком Дмитрею Прокофьеву да
Григорью Лукину.

В нынешнем во 147-м году августа в 24 день указал государь царь и
великий князь Михайло Федорович всеа Русии: которых гонцов и всяких
чинов людей учнут посылать из Судного Московского приказу для всяких
// государевых дел в городы, и тем гонцам и всяких чинов людем на те л. 179 об.
подводы, на которых хто послан будет, указал государь прогоны давать из
Судного Московского приказу, а будет из городов учнут гонцы и всяких
чинов люди от воевод пригонять ко государю к Москве с отписками о вся-
ких государевых делех на ямских подводах бес прогонов — и те подводы
указал государь в приезд записывать в Ямском приказе. А что по приезд-
ной книге по записке и по загонным книгам на те подводы прогонных денег
доведетца дать ямщикам розных городов — и те прогонные деньги по пам-
тем * указал государь имать из Судного // Московского приказу в Ямской л. 180
приказ.

[XX. 1639 г. декабря 29.
Память из Разрядного приказа с изложением указа от 20 февраля 1637 г.
о сроке сыска беглых крестьян.]

148-го октября в 29 день прислана из Розряду память за приписью дьяка
Григорья Ларионова в Московской в Судной приказ, а в памяти пишет.
Лета 7148-го октября в 29 день по государеву цареву и великого князя
Михаила Федоровича всеа Русии указу память окольничему князю Семе-
ну Васильевичю Прозоровскому да дьяком Дмитрею Прокофьеву да Гри-
горью Лукину.

В памяти за твоею Дмитреевою приписью написано: отписать к вам в
Московской в Судной приказ: // дворянам и детем боярским и всяких чи- л. 180 об.
нов служилым людем за колько лет на беглых их крестьян во крестьян-
стве суд давать велено.

И сыскано в Розряде в прошлом во 145-м февраля в 20 день государь
царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожаловал дворян
и детей боярских украинных и замосковных городов по их челобитью, ве-
лел на беглых их крестьян во крестьянстве давать суд против того, как
Троицкого Сергиева монастыря властем на их монастырских на беглых
крестьян указано суд давать. А в памяти в Розряд к дьякам к думному

* *мя вписано над строкой вторым почерком.*

л. 181. к Ивану Гавреневу да к Григорью Ларионову // с Патриарша двора за приписью дьяка Ивана Соболева июля в 17 день 146-го году написано: которые Троицкого Сергиева монастыря крестьяне выбежав жили за помещики и за вотчинники менши девяти лет, и те крестьяне по государеву указу и по уложенью, и по суду, и по сыску отдавать в Троицкой в Сергиев монастырь в вотчины на старые жеребьи за девять лет.

[XXI. 1641 г. февраля 17.
Указ о порядке судопроизводства в случае неявки на суд ответчиков.]

Доложити государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии: в Московском в Судном приказе которые исцы приставливают к
л. 181 об. ответчиком своим // и те их ответчики, дав по себе к суду поручные записи, от суда избегают неделю и ден десять и болши, и тем исцов волочат, а иные ответчики от суда бегают и на поруки не даютца, чинятся силны, и по тех ответчиков посылают к двором их приставов, и те ответчики чинятца силны ж, и людей з дворов не дают и приставов бьют, а у иных ответчиков емлют з дворов людей их, и те их люди сидят в приказе за приставы многое время, а ответчики их в приказ нейдут, и исцом не отвечают, и тем их волочат, а в судебнике и в государеве указе про то ничево не написано,
л. 182 какой им указ чинить. // А в государеве указе про исцов написано; которые исцы, приставя к ответчикам своим, и не ищут неделю времяни, и тем исцом в их исках велено отказывать, а под тою статьею про ответчиков против исцов статьи не написано ничево. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии о том, что укажет?

И февраля в 17 день по сему докладу государя царя и великого князя Михайло Федоровича всеа Русии в комнате окольничей князь Василей Пет-
л. 182 об. рович Ахамашуков-Черкаской докладывал. // И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, слушав докладу, указал: которые ответчики в ысцовых исках, дав по себе поручные записи, к суду не станут и челобитья своево к делу приносить не учнут, велел винить по прежнему своему государеву указу против исцовы статьи неделею ж, чтобы в том впредь волокиты не было, и тот свой государев указ указал государь написать в судебник. А доклад за рукою дьяка Григорья Лукина 149-го году.

[XXII. 1641 г. марта 22.
Память из Иноземного приказа с изложением указа о размере взимания судебных пошлин с иноземцев.]

л. 183 149-го марта в 22 день прислана память // из Иноземского приказу за приписью дьяка Василья Ртищева, а в памяти пишет. Лета 7* 149-го марта в 22 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руссии указу окольничему князю Василью Петровичю Ахамашукову-Черкаскому да Матвею Игнатьевичю Зубову да дьяку Григорью Лукину.

В Ыноземской приказ к боярину ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому да к дьяку к Василью Ртищеву в памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велети б отписать к вам в Московской в Судной
л. 183 об. приказ // с ыноземцов с помесных и с кормовых, с московских и з городовых, как по государеву указу велено с судных дел пошлин с рубля имать по гривне ли или в полы для государевых пошлин?

И в Ыноземском приказе по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу с ыноземцов с помесных и с кормовых, которые живут в городех и на Москве, государевы пошлины и пересуд и правой десяток емлют перед рускими людьми вполы — с рубля по полугривне. А будет иноземец с русково человека с ыску переведет на себя пошлины — и те пошлины и пересуд емлют на иноземцех против рус-
л. 184 ких людей сполна по указу. //

* Лета 7000 *надписано над строкой вторым почерком.*

[XXIII. 1641 г. июля 23.
Уложение по делам о сыске и вывозе крестьян.] *

. . . .

[XXIV. 1645 г. ноября 24.
Указ о порядке взимания пошлин с «вершеных» дел.]

Доложити государя царя и великого князя Алексей Михайловича ** всеа Русии. В Московском в Судном приказе которые судные дела засуженые и вершеные, а с прошлого 140-го году по нынешней по 154-й год, исцы и ответчики в тех годах померли, а твоих // государевых пошлин с л. 200
них не взято, а тех умерших вотчинами, и поместьями, и животами владеют жены их, и дети, и родители их, а иные поместья и вотчины после умерших розданы в роздачю мимо роду их, и которые исцы и ответчики живы, а о вершенье тех своих судных дел не бьют челом — и о том государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии что укажет? И 154-го, ноября в 24 день, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал и бояре приговорили: которые исцы и ответчики // по ся места живы и на тех пошлины имать, а после которых умер- л. 200 об.
ших исцов и ответчиков вотчинами, и поместьями, и животами владеют жены их, и дети, и родители их, и на тех пошлины имать не велели. Доклад за пометою думного *** дьяка Михайла Волошенинова.

[XXV. 1646 г. августа 21.

Память из Разрядного приказа во Владимирской Судный приказ с изложением указа от 12 августа 1646 г. об условиях родового выкупа улучшенных вотчин.]

154-го, августа в 21 день, в Володимирской в Судной приказ к боярину к Ивану Васильевичю Морозову да к окольничему ко князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да к дьяку к Ивану Патрекееву прислана память // из Розряду з государевым указом за приписью дьяка Григорья л. 201
Ларионова, а в памяти пишет.

Лета 7154-го августа в 21 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память боярину Ивану Васильевичю Морозову да окольничему князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да дьяку Ивану Патрекееву.

В нынешнем во 154-м году августа в 12 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал и бояре приговорили: которые всяких чинов люди после московского разоренья // покупали себе л. 201 об.
вотчины, а иные в заклад имали и, проча те люди вотчины себе, строили, леса розчищали, и дворы ставили, и крестьян и людей насажали, и поля городили, и крестьяном ссуду давали, и заводили заводы немалые, а иные люди мельницы построили ****, и пруды покопали, и вперед будет учнут бить челом государю родственники о тех вотчинах на выкуп или по закладным по четям, а не купчим и те вотчины родственником выкупать по купчим и по закладным, в чом которая вотчина продана или заложена, а не по четям, а вотчинное строенье // тем людем по суду и по сыску платить, что суд покажет. л. 202

И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу боярину Ивану Васильевичю Морозову да окольничему князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да дьяку Ивану Патрекееву

* *Далее в рукописи на лл. 184—199 об. помещен текст этого уложения; см. последнюю публикацию его в ПРП, вып. 5, стр. 362—371; разночтения нашей рукописи с публикацией см. прим. 45 данной работы.*

** *перед* Алексея Михайловича *зачеркнуто* Михаила Фед. *почерком листа.*

*** *слово* думного *вписано над строкой почерком листа.*

**** по *надписано над строкой почерком листа.*

велеть [?] государев указ и боярский приговор в Судном Володимирском приказе записать имянно. А в Помесной приказ таковая память за приписью думного дьяка Ивана Гавренева, и в Московской в Судной приказ за приписью думного дьяка Михайла Волошенинова послапы августа в
л. 202 об. 20 день. //

[XXVI. 1646 г. сентября 3.
Доклад и указ по судному делу Богдана Зайцова с Микитою Ласкиревым.]

155-го сентября в 3 день государя царя и великого князя Алексей Михайловича всеа Русии боярин Иван Васильевич Морозов да окольничей князь Василей Григорьевич Ромодановской да дьяк Иван Петрекеев по выписке Сытного дворца стряпчего Богдана Зайцова с Микитою Ласкиревым в бою и в грабеже Богдановых людей и крестьян Зайцова осьми [?] человек [?] докладывали. И государь царь и великий князь Алексей Ми-
л. 203 хайлович всеа Русии выписки из Судного дела Сытного дворца // стряпчево Богданка [?] Зайцова с Микитою Ласкиревым слушав, указал и бояре приговорили: исцу Богдану в том деле отказать, а ответчика Микиту оправить, потому что приставил Богдан к одному к Миките, а в ысковой челобитной написал в том же деле с Микитою людей ево и крестьян, и тем он приставною своею памятью росписался и та росписка по государеву указу и по боярскому приговору впредь о таких делех в уложенье. Помета на
л. 204 выписке думного дьяка Ивана Гавренева //

дворовой собаке — 3 рубли;
звериной собаке — 6 рублев;
гончей собаке — 2 рубли с четвертью;
за ищею — то же;
за подпищальную — 3 рубли;
за постельную — 6 рублев;
за меделенскую — тож;
за хорта [?] — тож.

ЦГАДА, Собр. Саровской пустыни, сб. № 283.

А. П. Пронштейн

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ ИЗ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПО ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ НА ДОНУ В КОНЦЕ XVIII века

В конце XIX в. известный историк кубанского казачества Е. Д. Фелицын опубликовал найденные им в архиве Георгиевской крепости три десятка документов о волнениях донских казаков, стоявших на Кубанской линии [1].

Эти события, как известно, послужили толчком к крупному восстанию на Дону, длившемуся с 1792 по 1794 г. и охватившему более 50 станиц войска Донского. Но в документах, найденных Е. Д. Фелицыным, о восстании 1792—1794 гг. имелось очень мало сведений. Поэтому Е. Д. Фелицын выразил надежду в дальнейшем «пополнить пробелы и недостатки» своей публикации «документами Московского отделения архива Главного штаба».

Однако ни Фелицын, ни историки донского казачества не опубликовали больше ни одного документа, относящегося к указанному восстанию. В годы трех революций правительство особенно широко использовало казачество для борьбы с народными движениями, а его идеологи стремились доказать исконную преданность казачества русскому царю и всячески затушевывали его революционное прошлое.

Между тем до нас дошло значительное число документов о волнениях донских казаков в 1792—1794 гг. Некоторая часть их, как справедливо предполагал Е. Д. Фелицын, действительно находится в архиве Главного штаба, в фонде президента Военной коллегии графа Н. И. Салтыкова [2]. Но несравненно большее количество материалов сохранилось в архиве войска Донского. Если документы, найденные Е. Д. Фелицыным и хранящиеся в архиве Главного штаба, представляют собой главным образом правительственную переписку, то материалы, отложившиеся в архиве войска Донского, состоят в основном из донесений станиц в Войско. Разумеется, и они составлены противниками восставших, следовательно, не отличаются объективным отображением событий. Но написанные непосредственными свидетелями волнений, происходивших в станицах, эти документы донесли до нас немало сведений, не отраженных в донесениях правительству войска Донского и командиров крупных воинских соединений, направленных на подавление восстания.

---

[1] Е. Д. Фелицын. Побег с Кубани трех Донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка. «Кубанский сборник. (Труды Кубанского областного статистического комитета)» т. IV. Екатеринодар, 1898.

[2] Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 41, от. 1/199, св. 31, 35, 37, 38, 42.

Из значительного числа материалов фонда Войсковой канцелярии (ф. 341), отражающих волнения 1792—1794 гг., в настоящую публикацию включены документы конца 1793 г., когда в станицах развернулась особенно острая борьба казаков против чиновников-старшин, пытавшихся за счет рядовой массы казачества обеспечить выполнение распоряжения правительства о переселении на Кубань трех тысяч казачьих семей [3].

При публикации сохраняется орфография источников. Без оговорок в тексте дается полное написание слов «господин» (в документах «г-н»), «человек» (в документах «члвк»). Имеющиеся в тексте сокращения означают «В., Верх».— Верхняя, «Н., Ниж.» — Нижняя, «Сер.» — средняя. Пунктуация современная.

ТЕКСТЫ

№ 1

1793 г., октября 3. *Рапорт премьер-майора Аксентия Денисова * Войсковому гражданскому правительству об отказе медведицких станиц принять грамоты о переселении на Кавказскую линию.*

Станица Кепинская

л. 17 Во исполнение данного мне от оного правительства е. и. в. указа касательно о раздаче в препорученных мне ведомствах Медведицкого сыскного начальства станицах войсковых грамот о наряде семейств, по приезде моем минувшего сентября в 30 день из оных в первую, Островскую, и при подаче следуемой во оную грамоты станичным атаманом и стариками от меня принята. Но как же оным по силе высочайшаго повеления требуемое число в наряд казаков с семействами, хотя бы и следовало учинить сей наряд, но без полного станищного збора зделать собою не могут, а по собрании это[й] станицы, какой у них в сем наряде успех произведен будет, не проминут меня уведомить, о сем и подали ко мне рапорт от ** ...Того числа отправился в Глазуновскую, по приезде куда 2-го октября, в 1-й день по призыве моем станичного атамана и стариков, следуемая им грамота даваема была со внушением им о повиновении высочайшей е. и. в. воле, по которой должны всемерно стараться сделать непременное исполнение; почему оные атаман и старики по данным ко мне станичным рапортом в рассуждении, что общество их не в собрании, без которого оная к принятию от меня грамоты приступить не смеет, просят *** дать им время. Каковы ж поданы ко мне от Глазуновской и Островской станиц рапорты, при сем оригиналом в правительство представляются ****. А 2-го октября Скурышенской станицы станичной атаман господин старшина Сергеев с стариками, будучи по позыву моему в моей квартире и при подаче им грамоты, станичной атаман Сергеев, старики Василий Игнатов и Федор Менков согласились оную принять, но вскоре присланными со станищного сбора казаками вызваны из квартиры на станищной сбор. По приходе на оной станишной атаман и означенные старики доложили, что грамоту следует принять и вычесть на зборе и узнать, какого она содержания, почему б было

---

[3] Сведения о восстании см. А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII в., ч. IV, гл. IV. Ростов н/Д., 1961.

* *Упоминающиеся в этом и следующих документах старшины войска Донского — премьер-майор А. Денисов, подполковник И. П. Пантелеев, премьер-майор Д. И. Шедров, старшина Поздеев, секунд-майор А. Красностанов и бригадир М. С. Себряков — были направлены Войсковым гражданским правительством в медведицкие станицы с целью вручения грамот о наряде казаков для переселения на Кавказскую линию.*

** *Далее истлело; вероятнее всего, указана дата 1 октября.*

*** *В рукописи* просит.

**** *К делу приложены копии указанных рапортов. См. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО), ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 18 об.*

можно им приступить к должному исполнению. Но бывшее множество на
сборе казаков //, не успев выслушать порядочно их доклада, приступя к л. 17 об.
атаману и старикам, с немалым криком и озар[том] говорили, чтобы тако-
вой грамоты от меня не принима[ть], и она им не надобна, и намерялись
атамана вырвать из его места и бить. Но оные волнователи стариками к
атаману не допущены и некоторыми сказано атаману, чтоб спасал свое
здоровье. И как он закрыт был стариками, то, перепрянув со збора чрез
стену, спасся бегством ко мне в квартиру. Но казаки, увидев, что атаман
побежал в мою квартиру, выскочив с мойдана не в малом количестве
с намерением, чтоб итти и взять оного из квартиры, но некоторыми стари-
ками возвращены и паки на сбор. А за уходом атамана со сбора вышеозна-
ченные старики Игнатов и Менков там же биты перволвнующими каза-
ками Михайлою Любимовым, Наумом Чуприновым и Степаном Жеребцо-
вым немилосердо кулачьями и пинками, сколько кто хотел, о которых мне
старик Мелников за причинением уже ими ему боя донес. После ж того
чрез час, когда я с атаманом по просьбе его пошли к нему отобе[дать], и
коль скоро, вышед из двора, пошли вправо по улице. Но увидевшие со сбо-
ра казаки, немалое количество, бросившись с майдана, побежали по дру-
гой улице, чтоб нас перехватить на пути и бить, а оставшие на зборе ста-
рики послали вслед за нами двух человек с тем, дабы мы возвратились в
квартиру. Поелику де казаки побежали со сбора в полном духе, чтоб нас,
как и выше помянуто, перехватить на пути и хотят бить, но мы уже, не ус-
пев возвратиться в квартиру, вскочили в дом полкового есаула Якова Ка-
меннова, которого в то время за отъездом в хуторе во оном не было, а на-
ходилась одна только дочь и другие домачьные. А оные волнующиеся ка-
заки, разделясь уже на две части. Первая вслед за нами прибежала к
дому есаула Каменова и, остановясь на улице, советовала бить у до-
мов окны, но однако в скорости возвратились к станищной. А другая
часть сих казаков, которые, думая, что мы с атаманом пройдем пря-
мо чрез дворы к нему в дом, вскоча в задние ворота во двор есау-
ла Каменнова и пришед прямо к дому, в коем мы сидели, из них
казак Матвей Евстратов с протчими, вскочили на рундук с намерением,
// что ежели не выдадут им атамана, то они разобьют окны и разломают л. 18
верхи домов и вытащут ево силою. Однако бывшими при нас людми до того
не допущены, кои также возвратились ко збору. После ж того, когда ста-
ничный атаман чрез присланного от них старика уверил, что он поутру, то
есть 3-го числа сего октября, зделает збор, и буде он зачем неугоден, поло-
жит им насеку и печать, которую оне между тем волнованием от него и
требовали, почему они мало по малу начали со сбора расходиться. Между
чем учинили от себя нарочные посылки на Дон — в Чирскую, Качалинскую
и на Хопер — в Зотовскую станицы и просить от них согласия, а какова
именно, неизвестно. Чрез каковое их развратное предприятие ни грамоты
от меня не принято, ни рапорта на то мне не подано, а пишу сие, так как я
сам тому самовидец, неложно. И таковой их злоумышленный поступок со-
чтя за совершенное сумнительство, отъехал того ж числа в Кепинскую ста-
ницу, в которой при подаче мною сего числа грамот станищной атаман и
старики объявили, что оне за отлучкою из станицы немалого количества
людей в ярмонку и протчие места принять грамоты не в состоянии, о чем
поданный от станицы их рапорт при сем орегиналом представляется *. И от
чего и замечается, что к должному повиновению и исполнению высочай-
шей ея императорского величества воли доброго намерения в здешних ста-
ницах не предвидиться. А сего ж числа по вновь полученному мною из
гражданского правительства е. и. в. указу, состоявшемуся в 26 день ми-
нувшаго сентября за № 012380-м, возвратился в Островскую станицу для
обождания во оной господина подполковника Пантелеева и пример-майо-
ра Щедрова, о чем Войсковому гражданскому правительству донести имею,

* *К делу приложена копия этого рапорта (л. 18 об.)*

и что далее происходить будет, также долженствую Войсковому гражданскому правительству доносить. Пример-майор Аксентий Денисов.

Помета войсковой канцелярии: получен октября 8 дня 1793 года; записав, доложить.

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 17—18. Подлинник.

№ 2

1793 г., октября 12. *Объявление Глазуновского станичного правления о сложении своих полномочий по требованию станичного круга.*

Сего числа, по силе имеющейся у вас из Войскового гражданского правительства войсковой грамоты, при собрании нами полнаго станищного сбора для одной имеющейся у вас войсковой грамоты принятия и объявить станице. Но при том станица с великим шумом и криком и упорством, вознегодовав на нас, выговаривая при том первому из нас атаману Сухову: «Положи де станичную печать и насеку»,— а судьям Гордееву, Вететневу и Сухову азартно от должности отказали, с таким единственно нам единогласно сказали: «Не принимайте грамоты и рапорта не давайте», уграживая при том; «Наблюдайте де свое здоровье». Но при том из нас атаман Сухов, видя их клонящиеся зловредности, принужденным себя нашел послать за станичною печатью и насекою, которые при оном станичном сборе положил, и от атаманства отрешили. Упоминаемым же судьям Гордееву, Вететневу и Сухову от должности их отказали, а кто именно воспрепятствовали при сем прилагаем на обороте именной список *, в чем сим и объявляем 1793-го года октября 12-го дня. На подлинном подписали станичный атаман и полковой сотник Прохор Сухов, полковой хорунжий Кондрат Гордеев, к сему объявлению за неумением полкового хорунжего Вететнева грамоты с просьбы его руку приложил станичный писарь Прохор Калинин, подписной старик Егор Сухов, станичный писарь Прохор Калинин, казак Семен Боярсков.

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 24. Подлинник.

№ 3

1793 г., октября 15. *Донесение Скуришенского станичного правления подполковнику И. П. Пантелееву и премьер-майору Д. И. Щедрову о волнениях в станице.*

л. 32 Мы, по верноподданической нашей должности присланные от Войскового гражданского правительства, в силу высочайших е. и. в. именных повелений о наряде с нашей станицы на переселение на Кавказскую линию казаков грамоты: 1-ю — от господина пример-майора Денисова, 2-ю — от ваших высокоблагородий, принять и по ним исполнение учинить всемерно старались, наклоняя на то всех станицы нашей жителей. Но оные, приняв на себя противной поступок, дерзким образом из нас старшину Сергеева, находившегося атаманом, отрешили от должности и в великом шумстве гонялись за ним с намерением причинить ему бой или, по их тогдашнему зверовидному и совсем безчеловечному поступку, смертное убийство. При сбо-
л. 32 об ре же старикам Василию Игнатову, Федору Менкову, Федору Свиридову // и Петру Аболонину причинили жесточайшие бои, а после по своему желанию выбрали атаманом Казму Гришина, судей Григория Лукьянова, Андрея Балибардина, стариков Абрама Загороднова и Степана Аксенова во всем сему их противному поступку участвовавших, кои с помощью прочих подобных противников и от вас грамоту, хотя наше как и выше явствует усердие стремилось, принять не приступили. И, наконец, оной атаман

* *В списке указано 86 человек и помечено* и прочие к тому воспрепятствовали довольно *(л. 24об.)*.

Гришин, старик Андрей Балибардин и Компанеец Павел Мелихов, у коего в смотрении станичное вино имеется, в доме есаула Каменнова из нас старшине Сергееву, есаульям Каменнову и Себрякову, пришед со сбора, и на вопрос свой услыша от них вышеописанное о принятии и исполнении реченных грамот усердие, объявили, чтоб мы все с таковым намерением на сбор не ходили, а спасали б свое здоровье. И затем де атаман нас туда звать не имеет смелости, поелику де естли он нас позовет, а между тем от кого последует нам бой или особая обида, то за сие де будет он ответствовать. По каковым обстоятельствам мы, дабы не получить от неповинующихся власти главной команды каковото боя, колми паче по их зверскому и совсем беззаконному поступку смертного убийства, вотти на сбор не осмелились, зная при том, что уже они все //между собою обязались сказанные грамоты не принимать и не исполнять, а с противниками их намерению управляться по их желанию. И так мы, чтоб оными преступниками не подвергнуть себя какому-либо штрафу и взысканию, о всем вышесказанном для представления главной команде доносим 1793 года октября 15 дня. Старшина Афанасий Сергеев, полковой есаул Яков Каменков, полковой есаул Андрей Себряков, полковой сотник Кондрат Савостьянов, вместо стариков Василия Игнатова и прочих по неумению их грамоты полковой есаул Яков Каменков руку приложил. л. 33

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 32—33. Подлинник.

№ 4

1793 г., ноября 1. *Рапорт войскового гражданского правительства войсковому атаману А. И. Иловайскому о волнениях в 50 станицах.*

Сие правительство, всматриваясь в дело настоящего ныне по станицам сего войска чрез наряд на Кавказскую линию в силе высочайших е. и. в. именных повелений в семейные казаков волнования и сопротивления в том многих из них, и видя себя не в силах помощи сему безгодию, а с другой стороны, предлагая и судя, что сей наряд в семейные со всего войска казакам непременно во исполнение высочайшей воли учинить есть прямой долг, и сего правительства по возложенной на ваше высокопревосходительство от е. и. в. доверенности, по которой оно старалось тех мятежников с самого начала их открытия обратить к раскаянию и исполнению высочайшей воли увещевательными предписаниями и словесными чрез посланных к ним чиновников армии полковников, подполковников, майоров и войсковых старшин уговорами. Но донские от Нагавской до Трех-Островянской и далее от Сиротинской по Кременскую и 16 Хоперских, то есть от Федосеевской до Михайловской станицы, все то пренебрегая, остались в мятеже и сопротивлении высочайшей воли и так, что даже и грамот о написании в семейные от посланных чиновников многия не приняли. А за возвращением без успеха посланных принужденность возложить уже напоминание им о сем и наблюдение их раскаяния на обыкновенных сыскных начальников, в Медведицкие ж и Бузулуцкие станицы таковые посланные с повелениями о наряде чиновники еще и доныне оттуда не возвратились, такмо по последним их рапортам Медведицкие, кроме одной Островской, исполнившей повеление нарядом в семейные казаков их от Глазуновской до Заполянской, // остаются все в мятеже и неповиновении, положило еще вторично отнести свое о сем представление вашему превосходительству. И во-первых, повторя поданной от 13 минувшего октября рапорт, признается опять в своем безсилии и неимении способов ко унятию от своевольства сих мятежников, в которых теперь состоит донских хоперских, медведицких и бузулуцких 50 станиц. И из них в большом буйстве находятся из донских Нагавская, Есауловская и Нижне-Чирская, л. 181 л. 181 об.

а хотя 51 станица, нижние и самые верхние донские и донецкие, и две монастырские слободы наряд в семейные своим казакам зделали и списки наряженным от них с семействами в правительство доставлены. Да и от здешних городских, а равно от Маноцкой станицы и станов Оксайского, Гниловского, Кривянского и Заплавского исполнения такого наряду и списков ожидается без сомнения, но со всем тем окончательного сему делу происшествия, спокойно ль оно без больших продерзостей исполнено будет, как то другие станицы после начавшего волнования зделали, или по настоящему упорному оставших мятежников непослушанию наконец потребно будет особое к тому их понуждение предвидить, и твердого на что-либо из того одно заключения ныне еще положить не можно. Ради же подробного усмотрения, какие станицы ныне в буйстве и волновании состоят и сколь далеко какая из них своевольства свои произвела, прилагается при сем вашему высокопревосходительству описание *.

Таковое же состоялось определение ноября 1 дня 1793 года.

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 181—181 об. Подлинник.

№ 5

л. 184 Выписка, учиненная из рапортов, полученных от посыланных с верховых станиц с повелениями о наряде на Кавказскую линию на поселение семейных казаков господ штаб-офицеров, ноября 3 дня 1793 года **.

В городе Черкасском	Черкаская, Серднея, Павловская, Дурновская, Прибылянская, Скородумовская, Тютеревская, Вер. Рыковская, Сер. Рыковская, Н. Рыковская. Станы: Усть-Аксайской, Роговской, Гниловской, Грушевской, Кривянской, Заплавской	Грамоты ко исполнению беспрекословно приняли и наряд казакам сделали, но списков еще не подали
По Дону	Маноцкая	Наряд зделать и списки в правительство доставить обещалась
	Итого 11 станиц со станами.	
	Александровская, Багаевская, Бесергеневская, Мелеховская, Раздорская, Семикаракорская, Кочетовская, Золотовская, Бабская, Ведерниковская, Кагальницкая, Траилинская, Ниж. Михалевская, Вер. Михалевская, Ниж. Каргальская	Наряды казакам на поселение на Кавказскую линию сделали, и наряженным с семействами списки доставлены в правительство

* *См. документ № 5.*
** *Заголовок документа.*

л. 184 об.		Быстрянская, Камышовская, В. Каргальская, Романовская, Кумшацкая, Цимлянская, Терновская, Филипповская, Гугнинская, Н. Курмоярская, Качалинская, Иловлинская, Перекопская, Клецкая, Распопинская, Усть-Медведицкая, Усть-Хоперская, Еланская, Вешенская, Мигулинская, Казанская	Наряд учинили, и списки наряженным с семействами казакам доставлены в правительство
	По Донцу	Н. Кундрючевская, В. Кундрючевская, Усть-Быстрянская, Екатерининская, Усть-Белокалитвенская, Калитвенская, Каменская, Гундоровская, Митякинская, Луганская	
	По Хопру	Букановская, Остроуховская, Кумылженская, Слащовская; слободы: Тиховская, Рыхинка	
	По Медведицы	Островская	Наряд учинила и списки дала подполковнику Пантелееву и майорам Денисову и Щедрову, кои от них еще сюда не доставлены
		Итого 53 станицы с слободами	
л. 185	По Дону	В. Курмоярская, Потемкинская, Голубинская, Трех-Островянская, Сиротинская, Старогригорьевская, Новогригорьевская, Кременская	Грамоты приняли, но по оным не делают исполнения
	По Хопру	Федосеевская, Зотовская, Арженовская, Усть-Бузулуцкая, Акишевская, Тишанская	
		Итого 14 станиц	

По Дону	Кабылянская, Вер. Чирская, Пятиизбянская	Грамоты не приняли и исполнять по оным не приступили
По Хопру	Бурацкая, Правоторовская, Луковская, Тепикинская, Левыкинская, Бесплемяновская, Урюпинская, Котовская, Добринская	
По Медведице	Глазуновская, Кепинская, Арчадинская, Етеревская, Раздорская, Орловская, Запалянская	
По Бузулуку	Филоновская	
	Итого 20 станиц	
По Хопру	Михайловская	Не токмо грамот не приняли и от принятия отказались, но на сборах произвели гвалт и дерзость, прибив благонамеренных атамана и стари ов
По Медведице	Скурышинская	
л. 185 об. По Дону	Нагавская	Не токмо грамот не приняли, но, сделав волнование, добронамеренных чиновников двух содержали под караулом в колоде, а за двумя скрывшимися посылали для сыску с уграживанием их побить
	Есауловская	Хотя грамоты и приняли, но, сделав мятеж и приступя к атаману, чиновникам, к старикам с причинением им ругательств и поношения, принудили их возвратить оную пример-майору Савостьянову

	Ниж. Чирская	Грамоты не приняли и от исполнения по оной отказались, да и на сборе, произведя волнование, причинили добронамеренным чиновникам и старикам бои, а затем, приступя до тысячи человек к дому господина подполковника Карпа Денисова и понося его с ругательством, угроживая убить, принудили имевшуюся у него о наряде семейных грамоту сего правительства изодрать и к подписке, ими сделанной, чтоб того наряду не чинили, подписываться
	Итого — 5 станиц	
По Бузулуку	Алексеевская, Яменская, Лукьяновская, Карповская, Мартыновская, Дурновская, Ярыженская, Черповская, Березовская	Грамоты приняли, но исполняют ли, известия нет от посланных туда господ подполковника Пантелеева и пример-майора Щедрова
По Медведице	Малодельская, Березовская	Отданы ли грамоты от посланных господ подполковника Пантелеева и майора Щедрова, сведения нет
	Итого 11 станиц	
	Всего 111* станиц 6 станов 2 слободы	

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 184—185 об. Подлинник.

№ 6

1793 г., ноября 23. *Рапорт подполковника Пантелеева, премьер-майора Щедрова и старшины Поздеева о решительном отказе казаков медведицких станиц принять новые предписания о переселении на Кавказскую линию.*

По порученной нам от Войскового гражданского правительства комис- л. 66
сии, касательной о раздаче в медведицкие и бузулуцкие станицы грамот и уговоре оных станиц к исполнению высочайшей е. и. в. воли нарядом на поселение по Кавказской линии семейных казаков, прошед по должности пашей, все обстоятельства не упустили о всем том донесть Войсковому гражданскому правительству, а теперь, возвратясь в Черкасскую, представляем следующее: медведицкие от Скурышинской до Березовской станиц грамоты с приложением нарядных реестров и формы о сочинении списков, а равно другие во оные ж медведицкие и бузулуцкие станицы на случай непринятия первых нарядных грамоты, и третьи, последовавшие

* *Так в подлиннике.*

по рапортам о медведицких станицах от господина пример-майора Аксентия Денисова, а о бузулуцких из нас от старшины Поздеева подтвердительные во все те станицы грамоты ж, из коих медведицкие станицы от Скурышинской до Березовской не только что не приступили к принятию от нас грамот, но и не допустили ни одна из тех станиц на станичный сбор. Бузулуцкие же станицы по довольном и всесильном нашем на сборах увещевании и наклонении не довольно не приняли от нас грамот, но из них станицы Карповская, Лукьяновская и Яменская по обратном нашем проезде полученные ими из нас от старшины Позднеева войсковые грамоты поворотили обратно. Таким образом, станица Карповская по бытности нашей на сборе для прочтения трибликатной в ту станицу грамоты сделали всем сбором сильный с гвалтом к старшине Поздееву приступ. Атаман той станицы вложил грамоту ему, Поздееву, в пазуху, а Лукьяновский атаман настигши из нас Поздеева, уже отправившего[ся] из станицы в путь, бросил грамоту в повозку. А. Яменская также, когда из нас Поздеев въехал из станицы версты в три расстоянием, то настиг его той станицы казак, коего прозвание неизвестно, и скверным ругательством бро-
л. 66 об. сил же грамоту ему, Поздееву, в повозку, // и как не оставалось нам там более ничего делать, то и отправились мы по силе оного правительства предписания в Черкасской, находящийся же на Медведице пример-майор Аксен Денисов за приключившейся ему при обратном проезде в Арчадинской станицы болезнью отправился в дом ево в Пятиизбянскую станицу, а из нас майор Щедров поехал по Астраханскому тракту в рассуждении, что по Казанскому тракту потребного числа подвод доставать не могли, а более для взятия в Глазуновской станицы, приступившей нарядить на поселение казаков, именного списка. А Пантелеев и Поздеев, возвращаясь по Казанскому тракту, на Тузлове получили указ о езде нашей к господину бригадиру Себрякову, и с ним во все хоперские, медведицкие и бузулуцкие станицы для уговору их исполнить высочайшее предписание, но по таковом нашем одне от других разлучении и приближении к Черкасску того повеления не исполнили. И о всем том Войсковому гражданскому правительству доносим, прилагая при сем полученные из нас Пантелеевым и Щедровым от Островской и Глазуновской станиц наряженным на то поселение семейным казакам именные списки и упомянутые непринятые от нас, Пантелеева и Щедрова, так равно и за болезнью отъехавшего в дом майора Денисова оставшие[ся] войсковые грамоты при сем в Войсковое гражданское правительство представляем.

Иван Пантелеев, Дмитрий Щедров и старшина ...* Поздеев.

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 66—66об. Подлинник.

№ 7

1793 г., декабря 16. *Рапорт секунд-майора А. Красностанова бригадиру М. С. Себрякову об отказе етеревского станичного круга принять новую грамоту о переселении казаков на Кавказскую линию.*

л. 88 Сего декабря 15 числа из Арчадинской приехал я в Етеревскую станицу и потому сыскав станичного атамана Якова Петрова Семилетова, стариков Ефима Никифорова Баксараева, Ивана Гаврилова Кузминцова, которы[м] по приходе ко мне на квартиру объявил войсковую грамоту со внушением о исполнении высочайшей воли о населении семейных казаков на Кубань. Но он, атаман, во-первых, объявил, что они грамоты не примут и исполнение не сделают. Но по увещеванию моему согласились вечером сделать сбор, на котором и было казаков многое число, и продолжали они свои мнения и бытии ** до полуночи. Потом означенный атаман

* *Имя неразборчиво.*

** *Так в подлиннике.*

прислал ко мне, чтоб с грамотою я оставался на квартире до утра, а поутру он уже соберет полный сбор, и для сгону послал он по хуторам сидельцев. Поутру сего 16 числа приказал он, атаман, сделать закличку и прислал ко мне есаула Савелья Лепилина, чтоб я шел к ним на сбор // с л. 88 об.
войсковою грамотою и вашим увещательным письмом. Я пришедши, и им объявил, которые не принимая от меня той грамоты, а велели читать ту мне самому, кою я со всяким внушением и увещеванием читая им, дабы они высокомонаршею волю выполнили по долгу присяги их. Но они по выслушанию той грамоты от меня не приняли и единогласно с великим озартом закричали: «Грамоты не примем и исполнение по оной не учиним, и ты отсюда убирайся». И из них один старик, а как его звать не знатно, объявил мне, что они станицею послали на Бузулук в Филоновскую станицу для своих справок нарочных. А в самое то время приезжал к ним в Етерев из Арчадинской станицы казак, а как его звать не знаю, и по многому моему любопытству никто о его имени и прозвании не объявил. И заметил я, что оный приезжал не для чего иного, как для внушения злого их против воли высочайшей неисполнения, который также со сбору их вышел и поехал в свое место. А напоследок при выходе моем со сбора стоящие казаки кричали многократно на меня: «Приехал ты с такими к нам вестями, убирайся отсюда пока волосы // на тебе не растрепа- л. 89
ли»; почему я и вышел и просил атамана, чтоб дал мне казака послать с рапортом, но они и от казака мне отказали. По прочтении ж той грамоты усмотрели они, что написано в наряд из малороссиян из пяти человек два человека на поселение, то они вдруг закричали: «У них малороссиян нет, и это де, стало быть, обман и фальшивое повеление». И так я теперь и отъехал в Раздорскую станицу и что будет происходить вашему высокородию рапортовать долженствую.

ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 88—89. Копия.

IV. ХРОНИКА

Н. А. Долдобанова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР ЗА 1962 год

В 1962 г. Археографической комиссией проведено четыре научных заседания с постановкой докладов и сообщений, одно координационное совещание и одно общее собрание.

В докладе К. В. Кудряшова «О местоположении днепровского города готов» был поднят вопрос о месте древнего города готов Иордана. Докладчик подверг критике теорию о расположении готского города на месте современного Киева и выдвинул точку зрения о существовании такого города в излучине Днепра (район реки Самары).

Б. Б. Кафенгауз в докладе «Документы по истории России в иностранных архивах» дал обзор документов по истории России XVII—XVIII вв., хранящихся в архиве города Халле, Национальном архиве и Национальной библиотеке Парижа.

Комиссия заслушала также доклад А. Г. Тартаковского «Армейские листовки 1812 г. как исторический источник». Докладчик выявил в различных архивах 58 листовок времен Отечественной войны 1812 г., установив авторство и тираж большинства из них. Он рассмотрел также вопрос о влиянии листовок 1812 г. на русское и зарубежное общество того времени.

Е. И. Каменцева и А. Н. Луппол в докладе «Из истории создания советского герба» осветили один из малоисследованных вопросов советской палеографии — эмблематику. На материале архивов докладчики показали исторический путь развития герба СССР и союзных республик, истоки советской символики и основных эмблем.

Совместно с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР было проведено Координационное совещание по вопросам комплектования государственных архивов документальными материалами и экспертизы их ценности на современном этапе (докладчик — начальник Главного архивного управления Г. А. Белов). В докладе были поставлены важные вопросы современного архивного дела: принципы отбора документов, подлежащих хранению в государственных архивах; их источниковедческая оценка; выделение круга учреждений, организаций и предприятий, материалы которых не подлежат приему в государственные архивы; выявление и микрофильмирование документов, хранящихся в зарубежных архивах; привлечение к работе по отбору документов сотрудников государственных архивов и др. Докладчик сообщил также о проведенных мероприятиях в связи с постановлением партии и правительства от 7 февраля 1956 г. об упорядочении режима хранения архивных материалов.

На общем собрании Археографической комиссии был заслушан доклад председателя Комиссии академика М. Н. Тихомирова «Древнейшая русская летопись в труде Яна Длугоша, польского историка XV в.» и сообщение ученого секретаря Комиссии Ю. О. Бема о координационной работе.

Кроме того, в 1962 г. Комиссия закончила работу по составлению «Справочника сокращений, принятых в исторической литературе» (Н. А. Саморукова) и «Библиографического указателя работ по палеографии» (В. Б. Павлов-Сильванский). Продолжалась работа над «Сводным каталогом рукописей, хранящихся в СССР» (до конца XIV в.). В результате ряда консультаций и совещаний с представителями главных хранилищ древнейших рукописей были выработаны принципы составления каталога и три вида карточек для описания славянских, восточных, греческих и латинских рукописей (Н. Б. Шеламанова). Продолжалась работа по выявлению и сбору рукописей и редких книг.

В Бурятскую АССР выезжала Комплексная археографическая экспедиция в составе: В. Б. Павлова-Сильванского, Р. В. Костиной (Археографическая комиссия) и В. П. Голышенко (Институт русского языка АН СССР). Начата работа по подготовке первого выпуска пособия по советской палеографии (Ю. О. Бем, Н. А. Саморукова, И. Е. Тамм, Р. В. Костина).

СОДЕРЖАНИЕ

II. Обзоры, описания, библиография

III. Публикации

IV. Хроника

Археографический ежегодник за 1962 год

Утверждено к печати Отделением исторических наук АН СССР

Редактор издательства *Ю. О. Бем*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*

РИСО АН СССР № 192—105В. Сдано в набор 15/I1963 г.
Подписано к печати 25/III 1963 г. Формат 70×108$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 31,25+1 вкл. Усл. печ. л. 42,91.
Уч.-изд. л. 43,2 (43,1+0,1 вкл.).
Тираж 1200 экз.
Т —03384. Изд. № 1709
Тип. зак. № 1594

Цена 2 р. 80 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64 Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	1 сн.	выходил	выходит
12	14 св.	классификация	классификации
14	27 сн.	из	и
28	9 сн.	Săbostens	Sŭdostens
33	7 сн.	Subdie	Sub. die
34	19 сн.	Ω	ω
52	7 св.	XVI в.	XIV в.
56	15 св.	установленьи	уставленьи
58	24 сн.	установленьи	уставленьи
62	11 сн.	II. Н. Соколова	П. П. Соколова
66	16 сн.	Последние	Послание
68	11 сн.	лл. 66,81;	лл. 68—81;
75	17 св.	Кироевь	Киреевь
102	8 сн.	(44)	(48)
103	4—5 св.	грамоты 1—3 из II рубрики	три грамоты
126	8 сн.	начало XVIII в.	1-я половина XVII в.
126	9 сн.	2-я половина XVII в,	Начало XVIII в.
131	23 сн.	Иваиовича	Ивановичи
136	8 св.	СГТиД	СГГиД
141	1 сн.	прямого	прямою
141	10 сн.	и	в
171	23 сн.	архиепископью	архиепископлю
175	28 св.	гостивом	гостином
234	8 св.	крастьяны	крестьяны
235	7 сн.	Если я	есмя
248	18 сн.	$\frac{6}{1}$	$\frac{с}{1}$
279	11 св.	явочная	$\overset{т}{ω}$ явочная
295	22 сн.	«Вписки»	«Выписки»
321	5 сн.	F. Pongueville	F. Pouqueville
332	14 сн.	изображение	изображений
403	23 св.	наказаные	наказные
406	21 сн.	Кемпейского	Кемпийского
436	30 сн.	Димитриеевича	Димитреевича
441	5 св.	воскресение	Воскресение
468	11 св.	Таким образом дополнительных	Таким образом объем дополнительных
472	4 сн.	в	и
474	4 сн.	выпить	выпись
475	11 сн.	земным	заемным
491	13—14 св.	Кундрючевская	Кундрюченская

Археографический ежегодник за 1962 г.

АРХЕ
ФИЧЕ
ЕЖЕГО

196